БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

БЫЛИНЫ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1986

ББК 84. Р1
Б 95

Вступительная статья,
составление, подготовка текста
и примечания
Б. Н. ПУТИЛОВА

Редактор В. С. Киселев

Б $\frac{4702000000-251}{083(02)-86}$ 424-86

БЫЛИНЫ — РУССКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ЭПОС

Произведения, собранные в этой книге, принадлежат к одному народно-поэтическому жанру. Выделить основные объединяющие их жанровые признаки очень непросто. Наиболее общие признаки былин: эпический характер, то есть обязательное наличие сюжета, необыкновенные герои (чаще всего богатыри), развернутость, распространенность событийного повествования, следствием которых является значительный объем произведений (иногда — более пятисот стихов); специфический стиль, особая манера построения рассказа, описаний персонажей и т. д. Эти «внешние» признаки органически сочетаются с внутренними качествами жанра — художественным содержанием, отношением к действительности, структурой.

Сам термин «былина» — искусственного, книжного происхождения: он был внедрен в литературный обиход в 40-е годы XIX века, по-видимому, в результате неверного истолкования одного места в «Слове о полку Игореве»: «Начати же ся тъи пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню!». «Былины» (то есть «были», правдивые истории), по образцу которых автор «Слова» намеревался вести свой рассказ («песнь»), идентифицировались — без всяких на то оснований — с народными эпическими сказаниями. Тем не менее новый термин получил распространение и постепенно утвердился в качестве общепринятого в отечественной и зарубежной науке. В рукописной литературной традиции XVII — начала XIX века произведения типа былин именовались «гисториями» или «повестями» о богатырях, «древними российскими стихотворениями». Критики называли их также «сказками в стихах», «поэмами в сказочном роде», и воспринимались они преимущественно в категориях книжной культуры, получая оценки соответственно тогдашним литературным вкусам и нормам.

Настоящее знакомство с былинами началось в середине XIX века, с открытием живых очагов эпической традиции, когда выяснилось, что эти «гистории» и «древние стихотворения» в народном бытовании называ-

ются «ста́ринами» или «ста́ринками», поются в своеобразной манере и составляют органическую часть фольклорного эпоса. С этого времени книжное восприятие былин уступило место восприятию фольклорно-этнографическому, основанному на понимании глубокой специфичности их природы.

1

В отличие от литературного эпоса, создаваемого поэтами и предназначенного для книги, для чтения, русская народная эпическая поэзия — всегда поэзия песенная, она творилась, хранилась, воспроизводилась устным путем, в пении. Песенное начало в ней — исконное, заложенное в самых ее основах. Былинный текст не перекладывался на музыку (как это бывает с литературными произведениями), но рождался непосредственно в музыкальной форме — выпевался из уст сказителя в процессе создания, а затем — и при каждом новом исполнении. Утрата музыкального начала приводила к тому, что поэтический текст разрушался и превращался в текст прозаический: «ста́рина» трансформировалась в «бывальщину» — рассказ, лишенный первоначальной художественной силы и законченности. Художественная цельность, содержательная полнота, поэтическая развитость былины поддерживались единством словесного и музыкального начала. Современному читателю былинный текст открывается не в таком полном и естественном состоянии. По-настоящему былину надо слушать и «видеть» — так, как слушали и «видели» ее те, кому довелось застать живую традицию исполнения «ста́рин». Вот как описывают наблюдатели свои встречи со сказителями.

«Я улегся на мешке около тощего костра, заварил себе чаю в кастрюле, выпил и поел из дорожного запаса и, пригревшись у огонька, незаметно заснул. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхал и песен и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трех от меня сидит несколько крестьян, а поет-то седатый старик с окладистою белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице. Присоседившись на корточках у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, перерывая ее иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню: тут я разобрал, что поется былина о Садке-купце, богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов... Много я впоследствии слыхал редких былин, помню древние превосходные напевы; пели их певцы с отличным голосом и мастерскою дикциею, а по правде

скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтья на Шуй-наволоке». [1]

А вот эпизод встречи П. Н. Рыбникова с Т. Г. Рябининым:

«Через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность. «Вот и Трофим Григорьевич пришел»,— сказал мне Леонтий... Он тут же стал мне сказывать о Хотене Блудовиче... Напев былины был довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиною десятков лет, не очень звонок; но удивительное уменье сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где научился Рябинин такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение». [2]

В следующем описании очень рельефно представлена вся картина исполнения былины, включая поведение и сказителя, и слушателей, а кроме того — и момент состязания между исполнителями разного типа.

«„Вот едет Утка, едет",— радостно кричали нам, указывая на лодку, везущую певца, которая быстро ныряла по серым волнам озера. Наши хозяева не менее нас ожидали удовольствия послушать пения былин... День был воскресный, и народу в деревне много. Горница быстро наполнилась народом... Вошел Утка, невысокого роста старик, коренастый и плечистый. Седые волосы, короткие и курчавые, обрамляли высокий красивый лоб; редкая бородка клинушком заканчивала морщинистое лицо, с добродушными, немного лукавыми губами и большими голубыми глазами. Во всем лице было что-то простодушное, детски беспомощное. Почванившись немного, Утка, ободряемый присутствующими, решился выпить рюмочку для голоса.

«Про кого же петь старинку тебе? — спросил он, сбрасывая с себя толстый, теплый армяк и откидывая немного назад свою голову.— Записывать станешь?» Старик уже пел былины Гильфердингу.

Утка откашлянулся — все тотчас замолкли. Утка далеко откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, еще раз быстро откашлянулся и начал петь. Лицо старика певца мало-помалу изменялось, исчезло все

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. С. XII—XIII.

[2] Там же. С. XIX—XX. См. в настоящем издании былины в записи от Т. Г. Рябинина: «Добрыня и Маринка», вар. I; «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», основной текст; «Илья Муромец и Калин-царь», вар. III; «Иван Годинович», вар. I; «Дюк Степанович», вар. III.

лукавое, детское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на нем: голубые глаза расширились и разгорелись, ярко блестели в них две мелкие слезинки, румянец пробился сквозь смуглость щек; изредка нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами богатырями; жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сидел сиднем 30 лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем-разбойником. Иногда он прерывал самого себя, вставляя от себя замечания.

Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них; по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза, которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца; каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они.

Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор...

— Пожалуй, и сказка все это,— нерешительно проговорил один мужик.

На него набросились все.

— Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе Владимире было...

— На то и богатырь — ты что думаешь? Не то что мы с тобой — богатырь! Ему что? Нам невозможно, а ему легко...

Сказитель пришел из Мелентьева... старик высокий и худой, с длинными белыми волосами, с приветливым и умным лицом. Держался он спокойно и чинно... У него нет голоса, нет умения петь...— и он... рассказывает. Мерно и плавно, былинным слогом лилось повествование о Добрыне и о жене его Настасье Микулишне... Он ни разу не остановился, ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово...

— Хорошо говорит сказитель, нечего сказать,— хвалили мужики.— А все ж лучше старинку петь». [1]

А вот впечатления М. Горького, услышавшего северную сказительницу Ирину Федосову в концертном зале Нижегородской выставки в 1896 году: «Давно я не переживал ничего подобного... Где-то сбоку открывается дверь, и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжелые, грубые башмаки. Лицо — все в морщинах, коричневое... Но глаза — удивительные! Серые, ясные, живые — они так и блещут умом, усмешкой и тем еще,

---

[1] Харузина В. На севере: Путевые воспоминания. М., 1890. С. 68—71. Утка — прозвище Никифора Прохорова. См. в этой книге записанные от него былины: «Илья Муромец и Идолище», вар. IV; «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», вар. II; «Иван Годинович», вар. VI; «Михайло Потык», вар. I; «Соловей Будимирович», основной текст.

чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом...

Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былину мою — правду-истину! —

раздается задушевный речитатив, полный глубокого сознания важности этой правды-истины и необходимости поведать ее людям. Голос у Федосовой еще очень ясный, но у нее нет зубов, и она шепелявит... Все смотрят на маленькую старушку, а она, утопая в креслах, наклонилась вперед к публике и, блестя глазами, седая, старчески красивая и благородная, и еще более облагороженная вдохновением, то повышает, то понижает голос и плавно жестикулирует сухими, коричневыми маленькими руками.

«Уж ты гой еси, родна матушка! —

тоскливо молвит Добрыня,—

Надоело мне пить да бражничать!
Отпусти меня во чисто поле
Попытать мою силу крепкую
Да поискать себе доли-счастия!»

По зале носится веяние древности. Растет голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле.

...Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей». [1]

В наше время услышать былину можно лишь на немногих грампластинках и магнитофонных лентах. Отделенный от музыкальной фактуры и от непосредственной обстановки исполнения, былинный текст становится текстом книжным и конечно же немало теряет: исчезли голоса певцов, нет ощущения живого течения повествования, видимого воссоздания эпической истории, утрачена непосредственная реакция слушателей. Восполнить эти пробелы в какой-то степени удастся, если чтение былин будет основываться на отчетливом понимании их музыкальной природы и на знании органических связей с музыкой всей поэтики текста и его организации.

Специфический характер этих связей обусловлен тем, что северно-русские былины, представляющие собою наиболее древнюю и художе-

---

[1] Горький М. О литературе: Литературно-критические статьи. М., 1953. С. 15—18.

ственно совершенную форму русского эпоса,— в отличие от песен,— не имели «индивидуальных» для каждого произведения мелодий, но пелись на типовые напевы: сказитель обычно владел несколькими такими напевами, по которым исполнял весь свой былинный репертуар; таким образом, одни и те же былины разными певцами исполнялись на «свои» (то есть разные) напевы. Естественно, что разнообразие напевов и их ритмическая неоднородность обусловливали конструктивное варьирование былинного стиха, который — в рамках всего эпоса — сохранял единство лишь в общих принципах. [1]

При пении былины сказитель лишь частично воспроизводил текст «по памяти», передавая заученные его части — и варьируя их,— но одновременно он как бы заново строил текст, опираясь на выработанные в ходе предшествующего обучения знания, правила, нормы. Основной единицей для него была стихотворная строка, которую он должен был уложить в соответствующий мелодический отрезок, а внутри ее определяющими были начало и конец. Вместе с тем воссоздание текста в процессе исполнения было ориентировано на гармоническую организацию строфем — стихотворных строк, связанных микротемой. Лексический набор строки, грамматическая ее структура, порядок слов при каждом новом исполнении не составляли чего-то абсолютно постоянного, певец мог их варьировать, опираясь на возможность выбора, подсказываемую знаниями эпоса и искусством сложения стиха. При этом сущность реализации микротемы оставалась неизменной, видоизменялись же ее конкретные формы. Т. Г. Рябинин, например, исполняя в разное время былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник», постоянно варьировал отдельные стихи. П. Н. Рыбникову он пропел: «Потоптал и поколол силу в скором времени»; в записи А. Гильфердинга мы соответственно находим: «А й побил он эту силу всю великую». Следующий пример — более масштабного варьирования, когда сказитель меняет образное решение микротемы:

Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват.

(Запись П. Рыбникова)

Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал.

(Запись А. Гильфердинга)

[1] Систематизированный свод былинных напевов и их характеристику см.: Былины: Русский музыкальный эпос/Составители Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. См. также: Васильева Е. Истинный мир былин//«Советская музыка». 1985, № 3. С. 100—104.

Конструктивная слаженность, относительная завершенность былинного стиха и строфем обеспечиваются формульностью былинного языка — наличием, даже преобладанием устойчивых стилистических сочетаний. Формулы характеризуются единством эпической выразительности, содержательности и ритмометрической организации; другими словами, формула приложима к выражению той или иной былинной микротемы и в то же время способна легко включаться в напевное развертывание стиха, а значит — при известной устойчивости — обладать возможностями варьирования. Например, формула, связанная с обозначением Киева, употребляется в различных вариациях: «стольный Киев-град», «красен Киев-град», «во славном городе во Киеве», «ко городу ко Киеву» и др. Формулы, относящиеся к князю Владимиру: «Славный князь Владимир стольно-киевский», «сударь ласковый Владимир-князь», «ко ласковому князю ко Владимиру» и т. д.

Из набора, из сочетаний и варьирования формул главным образом складывается былинный стих, а вместе с тем складываются и эпические описания событий, действий героев, их характеристики, портреты, разнообразные картины. Наличие художественных стереотипов — важнейшая особенность былинного стиля. Здесь весьма ярко обнаруживается принадлежность эпоса к искусству, основанному на принципах поэтики тождества. В отличие от книжной, литературной поэзии, где усилия автора направлены на то, чтобы избежать привычных, знакомых способов выразительности и образности, народный эпос строится на повторении и варьировании устоявшихся, знакомых, многократно повторенных ранее поэтических стереотипов.

В памяти сказителя существует обширный набор формул, необходимых для изображения известных ситуаций (седлание коня и выезд богатыря, поединки богатырей, приезд вражеского посла и предъявление ультиматума, сновидение и раскрытие его значения и т. д.), описаний (характеристика невесты, картины «чистого поля», пира в княжеском дворце), для передачи различных эпизодов и коллизий (встречи героев с противниками, с сужеными, княжеские поручения, грозные предупреждения и предзнаменования и др.). Помимо этого сказители время от времени используют описания или стереотипные эпизоды, органичные для одной былины и одного персонажа, в других былинах. Такого рода использования (подчас механические) в науке принято называть перенесениями (см. примеч. к отдельным былинам).

Наличие готового запаса описаний и формул обеспечивает стилевое единство и образную повторяемость в былинах, но при всем том отнюдь не приводит к схематизации и монотонности. Сила былинных стереотипов поддерживается их совершенным соответствием задачам эпического творчества, художественной законченностью, своеобразной чеканностью, истинной поэтичностью. С другой стороны, стереотип не превращается в нечто окаменелое, неподвижное, механическое, но обнаруживает не-

изменно свою живую природу, способность к варьированию, подчас довольно широкому, к взаимозаменяемости.

Хотя конструктивная роль отдельной строки в былине значительна, не менее важно то, что стихи связываются на отдельных отрезках текста единством построения — создаются смысловые и одновременно конструктивные блоки, и целый текст в исполнении искусных сказителей дает богатую картину движения, переходов таких стилистически организованных блоков. Вот один из примеров такого небольшого блока:

А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу-королевичну.

Небольшим изменением начальной части формулы (вместо «мог бы постоять один» — «мог бы поберечь») снимается возможность монотонности. Чувство меры, конструктивное чутье в высокой мере присущи певцам. Следующий пример показывает, как искусно плетутся переходы от одной пары стихов, конструктивно единых, к другой, третьей и т. д.:

Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи,—
Во чистом поли да курева стоит,
Курева стоит, да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы нá холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озёра меж ног спущал,
Он сини́ моря ты наокóл скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии богатыи,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские...

Плавность переходов, поддержание симметрии в чередующихся стихах, искусность связок придают течению повествования особенную гармоничность.

Наличие повторов, синонимических пар (типа «поскакивал» — «попрыгивал»), распространенность некоторых описаний породили представление о якобы присущей былинам медлительности и описательной избыточности. На самом деле такое представление может возникнуть лишь при поверхностном чтении — и то только некоторых отрезков текста. По свидетельству собирателей, непосредственно слушавших былины, при пении ощущение неторопливости, замедленности не возникает, поскольку экспрессия живого исполнения, перемена интонаций голоса

придают повествованию особенную выразительность и по ходу его меняют эмоциональную окраску. К этому следует еще добавить жесты и мимику исполнителя: былинный текст не просто пелся — он разыгрывался перед слушателями и зрителями.

Особо следует сказать о звуковой организации былинного стиха. Ее богатство и разнообразие в полной мере раскрываются нередко лишь в живом исполнении. Но вместе с тем есть тонкости, которые обнаруживаются только при внимательном филологическом анализе: хотя былинный стих творился как песенный, в нем безусловно есть элементы чисто поэтического порядка.

Как показал В. М. Жирмунский, в строении былинного стиха чрезвычайно существенную роль играет «эмбриональная рифма», являющаяся по своему происхождению «непроизвольным следствием ритмико-синтаксического параллелизма соседних строк или полустиший».[1] Исследователь систематизировал и привел множество примеров различных видов рифмовки в былинах. Однако помимо рассмотренных им особенностей былине свойственны и другие эффективные способы звуковой организации и игры, о которых лишь частично можно говорить как о спонтанных. Постоянно встречаются, хотя и без видимой системы, но отнюдь не случайно, внутренние рифмы, звуковые повторы, аллитерация, ассонансные созвучия, игра слов. Можно утверждать, что мы имеем дело не с простыми совпадениями и что речь должна идти о «выборе» из известного фонда сочетаний, лексических единиц, синонимов такого варианта, который вызывает несомненный звуковой эффект. Вот наудачу подобранные примеры внутренней рифмы («точной» и «приблизительной»).

А й говорил ему *конь* да во второй на*кон*.[2]

Стрелят с*орок*, в*орон* да за чужим *двором*.[3]

Пример «двойной» рифмовки:

А и ма*ленькой* бур*ушка* косма*тенькой*
Только *ушко*м повел.[4]

Иные из былинных внутренних рифм словно предвосхищают приемы рифмовки позднейшей поэзии:

---

[1] Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 403—404.

[2] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Спб., 1910. Т. 3. С. 208.

[3] Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Ч. 4. С. 74.

[4] Онежские былины/Подбор былин и научная ред. текстов Ю. М. Соколова. Подг. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. С. 862.

Пей *до дна* — то увидишь *добра*,
А не выпьешь *до дна* — да и не видать *добра*. [1]

... вдова заплакала
Женским *голо*сом во всю *голо*ву. [2]
Он *завидел* всё на тихой-то на *заводи*.[3]

Звуковая инструментовка может захватывать весь стих:

Мыла меня маменька в баенки. [4]

Обратим здесь внимание на фонетические оттенки опорных элементов (а меня — аменька — аенки) и на дополнительные созвучия (мы — ме — маме). Другие примеры того же типа:

Во пуговках литы люты звери,
Во петельках щиты люты змеи. [5]

Кабы тут же ле быть да белой лебеди. [6]

И не помножечку ножичком порушивает.[7]

Выразительный пример звуковой игры словами:

Остойся, Ковёр,
И не ломайся, Ковёр,
И не коверкайся.[8]

Не во пору пороха.[9]

Вполне обычна для былин звуковая игра «обратными» сочетаниями слогов: «Тут же ле быть да белой лебеди» [10] (леб — бел — леб); «Клено-

---

[1] Былины Севера/Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. М.; Л., 1951. С. 18.
[2] Там же. С. 237.
[3] Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 74.
[4] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. С. 208.
[5] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: 4-е изд. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 196.
[6] Печорские былины/Записал Н. Ончуков. Спб., 1904. С. 278.
[7] Онежские былины. Т. 3. С. 528.
[8] Былины Севера. С. 564.
[9] Печорские былины. С. 276.
[10] Архангельские былины. Спб., 1910. Т. 3. С. 233.

ва стрела лежит»[1] (ле — ел — ле); «Стал отталкивать да кулаком грозить»[2] (ал — ал — ла); «ведь десяточком»[3] (ед — де); «Где лебедь белая»[4] (де — ед); «Ино будет она»[5] (но — он); «пламя машет»[6] (ам — ма); «смерти предам»[7] (ер — ре) и др.

2

Охарактеризованные выше общежанровые особенности былин, связанные с их музыкально-поэтической природой и получающие свое выражение прежде всего в стихе, в стилистике, в организации текста, находятся в сложных соотношениях с общежанровыми особенностями, со всей совокупностью художественного содержания былин, с их сюжетикой, персонажами, системой их образности.

Каждая былина — это вполне самостоятельное, законченное отдельное произведение со своей темой, своим сюжетом и своими героями, и прочтение ее требует соответствующего конкретного комментария — исторического, реального, поэтического. Прямо былины между собою чаще всего не связаны, даже те, в которых действуют одни персонажи (например, былины об Илье Муромце не могут быть поставлены во взаимную последовательность и сюжетную зависимость). Есть, однако, связи более существенные, разветвленные, глубинные: при всем различии конкретного содержания в былинах обнаруживается тождество сюжетных тем, ходов и мотивов, персонажей, пространственных и временных описаний, набора предметов (о тождестве способов описания и изображения уже говорилось). То, что в рамках отдельной былины может быть воспринято как ее индивидуальная принадлежность (ее герой, ее мотивы, ее картины), в контексте всего былинного эпоса обнаруживает типовой характер, повторяемость, сходство и аналогии, соотнесенность, включенность в единую систему тождеств. Существенные элементы художественного содержания былин принадлежат не каким-то конкретным текстам, но всей эпической системе.

В былинном эпосе мы имеем дело со специфическими именно для него типовыми событиями, типами героев, их отношениями, общественными, семейными и личными связями, нормами поведения, природной средой, набором предметов быта, вооружения, культурным фоном, пространственно-временным континуумом. Можно сказать, что эпическое творчество создало свой эпический мир: перед нами — сложная художественная

---

[1] Былины новой и недавней записи из разных местностей России/Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908. С. 100.
[2] Онежские былины. М., 1950. Т. 2. С. 539.
[3] Там же. С. 540.
[4] Архангельские былины. Прага, 1939. Т. 2. С. 332.
[5] Онежские былины. Т. 2. С. 478.
[6] Там же. Т. 3. С. 529.
[7] Там же. С. 531.

конструкция, которая возникла на почве исторической действительности, но не может быть выведена из эмпирической реальности, ее социальной, бытовой, событийной конкретики. «Эпический мир» принадлежит народному поэтическому вымыслу, и ему органически присуще единство реального, исторического и фантастического, обыденного и необычайного, возможного и невероятного: все, что происходит в былинах, трактуется как в равной степени достоверное, происходившее когда-то на самом деле, исторически действительное. Былины создавались как правдивые повествования о прошлом, и именно так они воспринимались в народной среде, столетиями хранившей эпос.

Убеждение в правдивости былин, в реальности «эпического мира» не просто составляло основу восприятия эпоса народом, но являлось той эстетической доминантой, которая определяла сущность былин как художественного феномена. Читая былины, нам не нужно искать за ними какую-то иную реальность, соответствующую нашим знаниям древней истории Руси и нашим современным представлениям о том, что есть действительное. Попытки ученых подставить на место былинных ситуаций, конфликтов, персонажей, вещей, окрашенных яркой фантастикой, ситуации и конфликты, зафиксированные летописью, точно датируемые, найти для богатырей реальных прототипов между деятелями русской и зарубежной истории практически обречены на неудачу и теоретически несостоятельны: принципы летописного, археологического, этнографически точного воспроизведения жизни былине не свойственны. Равным образом нет никаких оснований рассматривать известные нам былины как произведения, явившиеся результатом эволюции исторических песен, якобы первоначально с точностью изображавших конкретные события истории. На самом деле исторические песни — особый жанр, появившийся в русском фольклоре много позже былин и знаменовавший новый этап фольклорного историзма.[1]

Фантастика и вымысел — исконные и органические качества героического эпоса; фантастическое и реальное в нем — взаимопроникающие начала, одно невозможно отделить от другого, а в сознании певцов и вообще эпической среды никакого разделения здесь вовсе не существует. Такое взаимопроникновение придает былинам неповторимую семантическую и поэтическую окраску. Характерны в этом смысле пространственные описания, пейзажные картины, былинная география. Основная арена описываемых событий — Русская земля. Образ ее складывается из упоминаний широких полей, рек — Днепра, Дуная, Волги, Волхова, городов — Киева, Чернигова, Ростова, Мурома, Рязани, Галича... Упоминания княжеских теремов, крепостной стены в Киеве, улиц, церквей, мостов через Волхов, кораблей, плывущих из Ильмень-озера в море Ве-

---

[1] См. об этом: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960.

ряйское (то есть Балтийское),— все они создают вместе картину Руси X—XIV веков. Но в эту реальность естественно и подчас незаметно вливаются мотивы и подробности, разрушающие видимость эмпирической достоверности и исторической точности. Во-первых, на «историческую» картину накладываются реалии, подсказываемые поздним опытом севернорусских певцов и характерные для Севера: поля, покрытые валунами, суровые скалистые берега северных морей, морские и речные каменные мели, лесные чащи северного типа. Во-вторых, вплетаются подробности, идущие из мифологического и сказочного мира: фантастический Буян-остров, зловещая река Смородина, отделяющая мир человеческий от мира «иного» и играющая таинственную роль в судьбах персонажей; неведомо где стоящие Леванидов крест, Алатырь-камень; горы на пути к Киеву, сходящиеся и расходящиеся перед героем. И реальные города — Киев, Галич, Новгород — не остаются свободными от фантастических или просто вымышленных подробностей (например, небывалые терема, в одну ночь поставленные Соловьем Будимировичем в Киеве, необыкновенно роскошный городской быт Галича в былине о Дюке и др.). В-третьих, наконец, эпос делает исторические пространства Киевской Руси ареной таких событий, которые в реальной истории не могли происходить: поединки богатырей с чудовищами, со змеями; волшебные, колдовские превращения; странствия героев в подземный мир, встречи их с фантастическими существами и др.

В изображении других земель, куда являются герои или откуда приходят их противники либо гости, столь же очевидно переплетение реальности с фантастикой — весьма смутны понятия о местоположении этих земель, о расстояниях и путях к ним. Эпическая география носит преимущественно типовой характер. Это значит, что, хотя отдельные города, реки, страны названы правильно, в былинах они выступают не в своем реальном значении, а в значении вполне условном, несут некую постоянную семантическую нагрузку, которая определяет подробности их изображения. Киев в былинах выступает центром русской государственности («стольный Киев-град»): к нему стягиваются все политические события, отсюда отправляются на подвиги богатыри; Киев оказывается объектом вражеского нашествия, и спасение Киева от татар означает полную победу Русской земли над захватчиками. Татарское нашествие в былинах связано только с Киевом. В былинном Новгороде столкновений внешнеполитического порядка вообще не происходит — здесь кипят внутренние страсти, город раздирают социальные конфликты, а слава его — это слава богатейшего торгового центра. Другие города — Муром, Ростов, Рязань — входят в эпос лишь как места рождения выдающихся богатырей. Чернигов — город, который походя освобождает Илья Муромец; туда же направляется за невестой Иван Годинович. Галич — соперник Киеву в богатстве, в комфорте городского быта. Типовой характер носят и названия чужих земель: Золотая Орда — не просто

монголо-татарское (в былинах — татарское) государство, но вообще вражеская земля, откуда Киеву грозит постоянная опасность; ее ликвидируют богатыри, вынуждающие татарского царя платить Владимиру дань. Местоположение ее совершенно неопределенно — она появляется ситуативно. Со своими постоянными значениями живут в былинах «Индия богатая», «Корела упрямая», «горы Сорочинские» и др. [1]

С постоянными эпическими значениями выступают этнонимы. В былинах упоминаются сорочина, алюторы, а рядом с ними — калмыки и черкесы,— они одинаково условны, так как здесь имеются в виду некие этносы, с которыми богатырям изредка приходится сталкиваться, но которые особой опасности не представляют. В обозначении главных эпических врагов и в их характеристиках типовое выражение получил исторический опыт народа, пережившего монголо-татарское нашествие, и вместе с тем обобщились впечатления разных эпох от столкновений с иноземными врагами (со степью). Былинные татары, татарские цари и царевичи, военачальники, богатыри-нахвальщики, послы, какие бы имена они ни носили (в большинстве своем эти имена заключают оттенок нарицательный), не могут быть возведены к конкретным персонажам летописной истории, выступая в обобщенно-типовом обличье.

Русский эпос не знает ни поражений русских войск, ни захвата городов татарами, ни следовавшего за нашествием ига. Он знает и утверждает одну господствующую ситуацию, которая предстает в различных вариациях: нашествие татар, рисуемое как исключительное по размаху, грозящее страшными бедами Русской земле, получает полный и решительный отпор, богатыри одерживают безоговорочную победу. Опыт народа, перенесшего иго, находит как будто косвенное отражение в тех эпизодах былин, где излагаются татарские угрозы и требования. Но то, что реально произошло в середине XIII века на Русской земле — сожжение городов, разрушение государственности, увод в рабство массы людей, обложение данью,— в былинах изображено как преодоленная опасность. В этой эпической ситуации наглядно проявились характерные особенности былинного историзма: героический эпос не воспроизводит реального хода истории, а конструирует свою историю, со своей логикой, своими законами и своими событиями. Если отдельные факты попадают в эпос, то они подвергаются здесь переплавке в соответствии с общими идейно-эстетическими принципами.

Наиболее впечатляюще своеобразие былинного историзма нашло выражение в образах богатырей. В эпических событиях богатыри занимают ключевые позиции, основная масса былин — это сказания о богатырях, их подвигах и приключениях. Между тем богатыри как персонажи

---

[1] Подробнее см.: Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былине//«Славянский фольклор». М., 1972. С. 18—45.

и богатырство в целом как феномен эпической истории принадлежат сфере народного вымысла, вырастающего, с одной стороны, из предшествующих традиций фольклорно-мифологического творчества, а с другой — из исторического опыта народа в политической и социальной борьбе. Попытки исследователей установить прямые связи богатырей с конкретной действительностью Киевской Руси наталкиваются на непреодолимые препятствия; в лучшем случае им удается заметить совпадения имен богатырей с именами лиц, упомянутых в летописях, и указать на отдельные, сближающие их детали. Так, известно, что имя Добрыни носил киевский воевода X века, дядя князя Владимира Святославича. Согласно летописи, этот Добрыня участвовал в насильственном крещении новгородцев, выполнял от имени князя Владимира роль свата к полоцкой княжне Рогнеде, участвовал в походах, где играл важную роль. Сопоставления летописных подробностей с былинными мотивами позволяет — не без натяжек, впрочем,— допустить, что единичные факты биографии исторического Добрыни могли отозваться в былинных повествованиях о его эпическом тезке, но не более того. Важнейшие черты Добрыни-богатыря, слагаемые его биографии (рождение, женитьба, первый подвиг, основные деяния) принадлежат эпическому творчеству, которое шло своим путем. То же самое относится и к другим былинным героям — к Илье Муромцу, Алеше Поповичу, Дунаю, Василию Буслаеву, Василию Игнатьевичу и т. д.

Создание образов богатырей как художественных типов, широкая реализация народных представлений о богатырстве как историческом феномене, не имеющем непосредственных аналогий в реальной истории, принадлежат к величайшим достижениям русского фольклора. Здесь сразу же следует заметить, что герои типа богатырей и представления, аналогичные идее богатырства, хорошо известны эпическому творчеству других народов: в параллель к былинам о богатырях можно назвать южнославянские песни о юнаках, якутские олонхо о древних богатырях, родоначальниках и защитниках племени айыы аймага и ураангхай саха, алтайские героические сказания об алыпах, среднеазиатские поэмы о батырах, бурятские улигеры о баторах, эпические песни и сказания других народов Азии, Африки, Южной Америки, Океании. [1] К этому перечню следует подключить памятники книжного эпоса, в основе которых лежит устная народная эпическая традиция,— древнеиндийские «Махабхара-

---

[1] См., например: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974; Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; Его же. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980; Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: Устные и литературные традиции. М., 1984; Котляр Е. С. Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.

ту» и «Рамаяну», древнегреческие «Илиаду» и «Одиссею», древнегерманскую «Песнь о Нибелунгах», древнескандинавскую «Эдду», старофранцузскую «Песнь о Роланде» и многие другие.[1]

Сравнительное исследование памятников мирового эпоса позволяет вынести принципиальные суждения относительно героев русских былин. Такие характерные черты богатырей, как чудесное рождение (Волх Всеславьевич) или чудесное обретение силы, здоровья (Илья Муромец), необыкновенно быстрый рост, богатырское детство (Волх, Василий Буслаевич), предуказанность подвигов, совершаемых героем (Илья Муромец, Добрыня, Козарин), владение чудесным конем (Илья Муромец, Иван Гостиный сын) или чудесными предметами (Дюк Степанович), получение даров и благ от мифологических персонажей (Садко), вещие знания, которыми владеют богатыри, а чаще — их матери, связь смерти богатыря с возникновением реки (Дунай) и другие, обнаруживают многочисленные аналогии с персонажами архаического эпоса, непосредственно выросшего из мифологии. Герои архаических сказаний выступали в качестве родоначальников и защитников своего племени от чужих племен и от существ из «иного» мира (подземного, например), бились с чудовищами, змеями, в итоге борьбы устраивали благополучную жизнь своего этноса. Фантастическое начало в их изображении решительно преобладало. Образы русских богатырей — дальнейшее развитие этой традиции в новых исторических условиях и применительно к этнической специфике. Можно предположить с достаточными основаниями, что у древних славян был героический эпос архаического типа с героями, близкими к тем, какие нам известны по якутскому, алтайскому, бурятскому эпосу. В исторических условиях распада родовых отношений, становления классового общества, создания ранних государств и борьбы с внешними врагами этот старый эпос трансформировался в эпос нового типа (в современной науке его принято называть «классическим»).[2] При этом существенной перестройке подверглись образы богатырей, сложился новый тип былинного богатыря, в котором, однако, сохранилось немало традиционного — в более или менее преобразованных формах. Так, от старого эпоса перешли представления о непомерной физической силе и связанных с нею возможностях богатырей, однако сила эта одновременно получила ограничения. Ближе всего к прежним мифологическим героям стоят Святогор и Волх: первый — как великан, которого не носит земля, второй — как волшебник, обладающий даром оборотничества и колдовскими способностями. Илья Муромец внешне ничем не отличается от обыкновенных

---

[1] См.: Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974; Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. М., 1978.

[2] См. об этом Пропп В. Я. Русский героический эпос: 2-е изд., исправленное. М., 1958.

людей, а в сравнении с Идолищем он выглядит совершенно заурядным. Сила его (как и других киевских богатырей) — ситуативного порядка: она проявляется в моменты наивысшего напряжения, в острых критических ситуациях, но может как бы исчезать (ср. эпизоды: Илья Муромец в плену у татар, Илья в заточении у князя и др.). Тем самым эпос по-своему подчеркивает вполне человеческую природу богатырей. Наполняются новыми значениями, новым социальным и нравственным смыслом и другие традиционные качества архаического героя: вещее знание превращается в нравственную убежденность — богатыри в своих поступках руководствуются присущим им чувством долга, осознанной ответственностью перед «своим» миром; мотив предуказанности уходит в подтекст, а на первый план выдвигаются богатырская смелость, готовность безоглядно вступить в борьбу за правое дело, уверенность в победе и дерзкое пренебрежение опасностью. «Врожденные» способности и возможности все более уступают место приобретенным, воспитанным. Существенно новыми оказываются социальные характеристики, так или иначе входящие в систему описания богатыря. Илья Муромец — «главный» в ряду киевских богатырей — по происхождению крестьянин. В эпосе он выступает носителем патриархальной народной морали в соединении с сознанием общерусских интересов: забота о спокойствии родной земли для него превыше всего, этим он и руководствуется в своем поведении; смелость его не знает пределов, но она начисто лишена чего-либо показного, суетного. Битва, кровопролитие для него — лишь необходимость; он всегда стоит за правду и из-за этого вступает в конфликт с князем. Положение Ильи Муромца в былинном Киеве не соответствует никаким реально-историческим отношениям: его нельзя отнести ни к дружинникам, ни тем более к господствующим верхам, но и трудно рассматривать «просто» как горожанина или крестьянина. Его часто называют «старым казаком»: в этих словах, которые могли прикрепиться к богатырю не ранее конца XVI — начала XVII века, своеобразно преломились представления об Илье Муромце как вольном человеке, казачьем атамане, обладающем силой, не зависимой от княжеской ли, царской ли, ханской власти.

Бóльшую часть подвигов (победа над Соловьем-разбойником, Идолищем, расправа с разбойниками, с волшебницей и др.) он совершает по собственной инициативе. Он возглавляет богатырскую заставу, охраняющую подступы к Киеву. Как и другие богатыри, он время от времени выполняет княжеские поручения. На примере Ильи видно, что богатыри не служат в собственном смысле этого слова князю, они относительно свободны в своих поступках, хотя в каких-то ситуациях воля князя для них непререкаема. Илья Муромец — опора безопасности Киева. Врагам известно, что в его отсутствие Киев беззащитен. Илья Муромец организует и обеспечивает оборону города и разгром татар. Все это заставляет идентифицировать богатыря не с какой-то конкретной социальной силой

Киевской Руси, тем более не с конкретными лицами, а с идеальными представлениями народа о силах, заключенных в нем самом и воплощаемых в персонажах, где слиты мифологические традиции с реальным историческим и социальным опытом и с оптимистической верой в торжество справедливости.

Богатырь, будучи обобщением грандиозного масштаба, дан вместе с тем в подчеркнуто индивидуальном обличье, как конкретный исторический персонаж — со своей родословной, неповторимыми моментами биографии, особенностями поведения. Если эпическое творчество при этом использует какие-то исторические реалии, то меньше всего оно заботится о сохранении их контекста и их достоверности. Реалии растворяются в сфере вымысла. Более того, эпос сам конструирует различные «реалии», как бы документируя те или иные ситуации. Таковы, например, повторяющиеся указания на происхождение Ильи из Мурома, Добрыни — из Рязани, Алеши — из Ростова, Дюка — из Галича, Чурилы — из Сурожа и др. Возможно, что за некоторыми такими приурочениями стоят древние местные предания, но принципиальное значение имеет тот факт, что «местные» богатыри входят в состав киевского богатырства, совершают подвиги во имя всей Русской земли.

Специального внимания заслуживают имена былинных персонажей. Многие из них кажутся странными и непривычными. Ряд имен принадлежит к так называемым некалендарным, восходящим к общеславянской основе или заимствованным и, видимо, широко употребимым в древнерусском обиходе (Добрыня, Ставр и др.). Несомненно, в былинных именах были заложены и нарицательные значения, позднее в большинстве утраченные: имя заключало в себе элемент характеристики. Отсюда, например, имя Дюка исследователи возводят к украинскому «дук» — богач, вельможа, в имени Хотена усматривают значение «желанный» или «единственный» сын у матери, в имени Чайны (невеста в былине о Хотене Блудовиче) — значение «чаянная» или «любимая» дочь. Обращает на себя внимание также известное однообразие отчеств богатырей: повторяются отчества — Иванович, Степанович, Годинович. [1]

Можно заметить, что социальные характеристики богатырей не отличаются постоянством и определенностью, подвержены ситуативным влияниям. Социальную остроту получают столкновения богатырей с князем и его окружением. Владимир — один из центральных типовых персонажей былин; он переходит из сюжета в сюжет с некоторым набором постоянных качеств: он воплощает русскую государственность, власть; вокруг него концентрируются политические коллизии. С точки зрения сюжетных построений роль Владимира велика в завязках и развитии событий, хотя сам он предельно пассивен и в былинах почти никогда не

---

[1] Свод данных по этому вопросу см.: Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

покидает своего дворца. В отличие от подавляющего большинства былинных персонажей князь Владимир рисуется неоднозначно: отношение творцов эпоса к нему достаточно противоречиво. Наряду с признанием его высокого положения и даже элементами идеализации в его характеристику постоянно входит указание на слабость его как правителя и нравственную нестойкость. Практически былинный князь не обладает никакой реальной силой — он может рассчитывать лишь на богатырей (то есть силу идеальную), в отсутствие которых он просто беспомощен. Его постоянное придворное окружение — «бояре толстобрюхие», «князья-бояре», опорой Киеву они служить не могут, ибо готовы на измену и озабочены своими корыстными целями. Беспомощный правитель, Владимир трусоват, а моментами и жалок. Он способен на несправедливость, вероломство и неоправданную жестокость, причем чаще всего жертвами его нечестных поступков оказываются богатыри. Так возникает в былинах коллизия «герой — князь», разрешающаяся либо прямым торжеством героя и посрамлением князя, либо гибелью героя, которая одновременно утверждает его нравственное величие и обнажает аморальность княжеской позиции. Именно в таких ситуациях с особенной отчетливостью проступает народное начало в былинах, торжество народных социально-нравственных оценок.

Несомненно, что в былинном Владимире нашли отражение исторические реалии, связанные с личностью Владимира Святославича и с другими князьями, носившими имя Владимир, но они подверглись эпической обработке в духе общей исторической концепции эпоса и в переосмысленном виде нашли себе место в типовой характеристике. Эпический образ князя, видимо, сложился не сразу. Исследователи находят в нем черты поздние, подсказанные народными впечатлениями, далеко выходящими за пределы Киевской Руси. Как бы то ни было, образ этот — обобщение значительного масштаба (проблема народа и власти в эпическое время).

Образы врагов также представляют сплав вымысла, идущего от традиций эпической архаики, мифологии и от исторических впечатлений и переживаний народа. Былины знают несколько типов врагов. Первый — это чудовище с бо́льшими или меньшими антропоморфными признаками: Змей, Змей Тугарин, Идолище, Соловей-разбойник. Первоначальная принадлежность их к мифологическому эпосу неоспорима. В мифологии и архаическом фольклоре народов мира змеи, чудовища выступают как существа, враждебные людям, «хозяева» природы, стихий, охранители гор, водных пространств, лесов, обитатели подземного или подводного мира; им приносятся жертвы, они похищают людей, преграждают дороги, требуют дань и т. д. Борьба с ними входит в круг деяний мифологических культурных героев. Былины сохранили следы таких архаических представлений и мотивов (см. примеч. к отдельным былинам). Внешне эти персонажи изменились мало: фантастический облик, гиперболические

размеры, парадоксальное сочетание звериного и человеческого, конечно же, пришли из традиции. Принципиально изменились их роли, характер их дел, зла, ими причиняемого: они выступают как исторические враги Русской земли, Киева, государства, княжеской власти, народа, как захватчики и насильники. В мифологическом эпосе персонаж, подобный Соловью, сидящему на семи дубах, был скорее всего «хозяином» леса и стражем на границе, отделявшей мир этноса от мира «иного». В былине Соловью приписывается роль разбойника, препятствующего нормальным внутренним связям между областями Русской земли. Идолище или Тугарин, захватившие Киев и бесчинствующие в нем, выступают как внешние враги государства, чужеземцы; в ряде случаев возникают ассоциации их с татарами. Однако нет оснований искать к ним конкретные параллели в летописях. Мифологические персонажи приходят в классический эпос, не теряя до конца прежних своих очертаний и функций. Не включаясь в полной мере в реальную историю Киева, они приобретают историческое обличье, как бы поселяются в новой исторической обстановке и естественно «приноравливаются» к ней. Былинный змей, подобно своим мифологическим предкам, похищает женщин, но теперь жертва его — племянница князя. Конфликт получает значение государственного; богатырь, выручая девушку, исполняет подвиг общегосударственного порядка. Так история и мифология составляют нерасчленимый сплав.

Ближе к реальности стоят враги второго типа: татарские цари и царевичи, военачальники, послы, воины не имеют явной мифологической окраски, хотя тенденция сблизить их с миром мифологических врагов просматривается. Все же на первом плане в изображении их историческое (в эпическом смысле) начало. Характеристики их однозначны: враги намерены уничтожить Русскую землю и поработить народ; они самонадеянны и беспощадно жестоки. До известного момента они очень сильны, но поражение обнаруживает их слабость и выявляет в них смешное. В изображении татар как исторической силы соединяется трагическое и сатирическое.

В именах татарских властителей пытаются уловить связь с конкретными лицами и событиями — иногда не без некоторых оснований (Батыга Батыгович — Батый), чаще — с большими натяжками (Калин-царь — река Калка). Между тем былинный эпос меньше всего фиксирует внимание на летописной конкретике. Былинные имена — способ эпической индивидуализации врага, которая больше никак не осуществляется. Выбор или придумывание имен подчинялись художественным задачам. Заметим здесь, кстати, что в этом выборе свою роль играли, во-первых, выразительность, содержательность слова, взятого для имени (ср. Скурла, Кудреванко-царь, Батыга Батыгович и др.), и, во-вторых, требования былинной просодии: надо было, чтобы имя (имя с отчеством или с прозвищем) образовывало формулу, легко укладывавшуюся в стих —

и не только в именительном падеже, но и в косвенных, свободно допускало присоединение эпитетов, согласовывалось с другими формулами и т. д.

За вычетом имен богатырей, которые, как правило, прикреплены к главным персонажам, большинство имен второстепенных персонажей, эпизодических лиц, в том числе и татарских предводителей, имеет типовой характер, прилагаясь к персонажам с сюжетными ролями (имена жен, матерей, слуг, товарищей богатырей).

Татары как исторические враги в былинах перекрыли и вобрали все другие впечатления от столкновений с различными противниками Руси и приобрели характер эпически типовой, исторически обобщенный. Перед нами — частное, хотя и весьма значительное, проявление общих закономерностей былинного историзма.

3

Все, что описывается в былинах,— люди, их отношения, события, предметы, места действий,— описывается неизменно в связи с сюжетом, «внутри» сюжета. Через развертывание сюжета получают завершенную характеристику персонажи, вырисовываются социальные и бытовые обстоятельства происходящего, раскрывается сущность конфликтов. Эпический сюжет заключает в себе концепцию действительности в каком-либо одном из ее существенных аспектов. Хотя у каждой былины — свой сюжет, с присущими ей конфликтами, составом персонажей, ходом событий, финалом и т. д., поэтика тождества сильнейшим образом дает себя знать в общих законах эпической сюжетики, в специфических правилах сюжетообразования, в принципиальной повторяемости сюжетных элементов.

Наиболее очевидной специфической особенностью героического эпоса является сравнительно строгое ограничение сюжетной тематики: существует некоторый набор эпических сюжетных тем, за пределы которых былинное творчество не выходит. В этой книге представлен почти полностью сюжетный состав былин, и можно вполне определенно выделить основное ядро их сюжетных тем: «гибель старших богатырей и смена богатырских поколений»; «чудесное рождение, богатырское детство и первые подвиги героя»; «богатырский поход в чужую землю»; «змееборство»; «борьба с чудовищем»; «оборона города»; «разгром вражеского нашествия», «поединки с вражескими богатырями», «освобождение полона», «освобождение героя из плена»; «похищение жены героя и борьба с похитителем»; «встреча и поединок отца с сыном», «встреча и поединок братьев»; «героическое сватовство», «добывание суженой», «борьба героя-жениха с претендентом», «борьба с женой-предательницей», «муж на свадьбе своей жены»; «эпические состязания».

Набору сюжетных тем соответствует набор былинных мотивов — элементарных художественных единиц, в которых обобщены в виде

стереотипов распространенные в эпосе ситуации, коллизии, эпизоды. Их также ограниченное число, и из них можно составить сравнительно исчерпывающий перечень. Собственно, всякая былина представляет собою конкретную реализацию одной или нескольких из перечисленных тем на основе повествования, организуемого преимущественно с помощью мотивов и блоков мотивов.

Указанный набор тем накапливался в эпическом творчестве постепенно, сюжетный фонд классического эпоса обогащался особенно за счет «исторических» тем, в конце концов приобретя относительную устойчивость и закрытый характер. Известные нам попытки сказителей XIX—XX веков расширить его за счет былинной обработки сказок, преданий, книжных сюжетов и даже современной истории обнаруживают свою неорганичность и искусственность. Собственно говоря, все классические фольклорные жанры имеют свой сюжетно-тематический фонд, сложившийся в ходе многовекового творчества, и, следовательно, былинный эпос подчиняется здесь общим законам фольклора.

Эпические сюжеты, то есть конкретные национальные разработки одних и тех же тем, обнаруживают в масштабах мирового эпического творчества значительное взаимное сходство и даже ряд явных совпадений. До недавнего времени ученые склонны были объяснять это явление заимствованием: считалось, что сюжеты передаются от одного народа к другому, «странствуют», усваиваясь и приспособляясь. Однако, хотя роль межэтнических контактов и нельзя вовсе сбрасывать со счетов, не они определяют сходство и совпадения, которые носят универсальный характер, захватывая эпическое творчество всех регионов мира. Заимствованием невозможно объяснить, например, не только наличие общей темы «муж на свадьбе своей жены», но и характер ее разработки в эпосе древнегреческом, славянском, среднеазиатском и в мифологических сказаниях папуасов Новой Гвинеи. Сходство подобного рода обусловливается не случайностями заимствования, а общими закономерностями эпического творчества: тем, во-первых, что сюжетный фонд героического эпоса всех народов восходит своими истоками во многом к эпосу архаическому, а через него — к мифологии, представляющей общую универсальную систему; во-вторых, героический эпос всех народов един по своей идейной направленности и связан с принципиально одними и теми же сторонами народной жизни и истории; в-третьих, эпическому творчеству присущи общие художественные закономерности, принципы, этапы исторического развития, то есть единая типология. [1]

Замечательно при этом, что в рамках относительного единства, жестких ограничений и стереотипии эпос каждого народа представляет глубоко самобытное художественное явление, широко и полно выражающее народные идеалы и реальный исторический, социальный опыт. Столь

---

[1] См.: Типология народного эпоса. М., 1975.

же замечательно, что в рамках одной национальной традиции эпическое творчество обнаруживает способность к многократному художественному развертыванию традиционных сюжетных тем, ко все новым их разработкам в связи с вновь возникающими художественными задачами. Можно сказать, что в эпических темах как бы изначально заложены богатые возможности их творческого обогащения, передачи развивающегося исторического опыта, подключения новых социальных и бытовых моментов.

Былины представляют особый тип поэтического творчества: они не сочиняются заново на материале самой жизни с использованием традиции, но создаются путем преобразования предшествующих традиций, в результате их встречи с новой действительностью. Совершается не сочинение нового, но трансформация старого, насыщение его новыми элементами и идеями. Старое одновременно преобразуется, переосмысляется, остается в прежнем состоянии, оставляет отдельные следы. В свою очередь новое непосредственно выступает в былине, но также и поглощается старым, включается в традицию, окрашивается ею. Создается своеобразный сплав традиционного и нового, при их взаимном проникновении и взаимодействии.

Былинный сюжет — даже в пределах одного текста — дает нам картину движения, эволюции и трансформации, на нем лежит печать сложных внутренних преобразований, которые вносят в него существенные противоречия, неясности, элементы загадочности. Сюжет нередко движется как бы в двух планах: первый план — это «прямой» рассказ о происходящем, столь же прямо мотивированном, о поступках героев, как будто вполне ясных. Второй план скрыт, но наличие его ощутимо в эпизодах, которые не объяснить из первого плана, в ситуациях, плохо мотивированных либо не мотивированных вовсе.

В былине о Садко первый план — историко-бытовой: богатый новгородский купец отправляется с товарами за море, плывет маршрутом, который можно прочертить на карте; буря напоминает плывущим, что необходимо принести жертву морскому царю, и жребий достается самому Садко. До сих пор все повествование идет вполне реалистично, но с момента попадания Садко на дно морское первый план приобретает фантастический характер. Если следовать ему, то весь рассказ о пребывании Садко у морского царя воспринимается как сказка, плохо связанная с предшествующими эпизодами. Между тем отдельные намеки, подробности, сохраняющиеся в тексте, и особенно — сравнительно-типологический материал (сходные или аналогичные ситуации известны по другим эпическим памятникам) позволяют обнаружить второй, глубинный план содержания, согласно которому Садко — вовсе не жертва, а мифический жених, отправившийся в поисках суженой в «иной» мир, где он должен пройти брачные испытания. Согласно прямому рассказу, Садко до поры не подозревает о том, что он жених, ему грозит вечное пребывание на дне

морском, если он ошибется в выборе невесты, но благодаря чудесной помощи он делает верный выбор, позволяющий ему вернуться домой. Как видим, сюжет дает весьма сложное переплетение мотивировок, которые противоречат одна другой, отменяют одна другую и вместе с тем вполне уживаются в пределах одного сюжета. Все дело в том, что одни мотивировки живут на поверхности повествования, а другие уведены в подтекст. Пример с Садко показателен для былин: всякий раз, когда в той или другой былине встречаются неясности, противоречия, недосказанности, необъяснимые ситуации, это означает, что в движении сюжета произошел сдвиг, что перед нами — след предшествующей традиции и пути к его пониманию идут через подтекст, который может быть раскрыт сравнительным анализом соответствующих мотивов.

Большинство их обладает устойчивыми значениями, как прямыми, так и кодовыми. Так, брачная поездка героя может быть описана прямо (поиск суженой), но и представлена мотивом охоты (жених — охотник, невеста — лань, лебедь), торговой поездки (жених — богатый купец), предложения чудесной постройки. Ключ к такому пониманию мотивов дает отчасти контекст той или другой былины, а отчасти — сравнение их со свадебными обрядами и песнями. Мотив зловещего сновидения в общем контексте значит многое: герою пересказывают сон, грозящий ему бедой, но он отвергает его. Это можно истолковать и как безоглядную решимость богатыря выполнить порученное дело, и как «знание» им предуказанности подвига и благополучного исхода борьбы, и как пренебрежение предсказанием. Другими словами, мотивы не просто средство развертывания повествования о происходящем, но они несут значения, связанные с раскрытием глубинного смысла событий, с характеристикой и оценкой поведения героев. В этом отношении мотив — важнейший художественный элемент эпоса.

В былинах мотивы нередко образуют своего рода блоки. Так мотив пира в княжеском дворце тянет за собою мотив чьего-либо хвастовства, или княжеской жалобы на беду, на отсутствие чего-то, или мотив княжеского обращения к собравшимся с просьбой выполнить поручение. В зависимости от того, какой из этих мотивов дан в былине, возникает следующий мотив (ответ на хвастовство, указание на выход из положения или как добыть князю желаемое, как и кем может быть исполнено поручение и т. д.). В виде блока мотивов описывается поединок богатыря с врагом: противники встречаются как равные, бьются одинаковым оружием, сменяя его; наконец, вступают врукопашную, и враг начинает одолевать богатыря, но тот в последний момент или получает чудесную поддержку, или вспоминает о неиспользованном оружии и переламывает ход борьбы в свою пользу. В тех случаях, когда борются родственники, не подозревающие о своем родстве, следуют еще дополнительные мотивы расспросов поверженного богатырем и взаимного узнавания. Можно сказать, что повествование в былинах движется закономерной последовательностью

как отдельных мотивов, так и целых блоков. Сюжеты внешне строятся на неожиданных ситуациях, и это создает длительное напряжение (аудитория, даже много раз слышавшая былину, находится в состоянии обостренного внимания и ожидания развязки), но внутренне они развиваются по принципу предсказуемости, поскольку каждый новый мотив так или иначе подготовлен предшествующим, «задан» им. Поэтика эпического сюжета строится на сложном взаимодействии неожиданного и предсказуемого. В былинном творчестве наблюдается тенденция к усилению неожиданного в развязках. Это проявляется особенно в былинах, оканчивающихся гибелью героев. Как известно, нормой для эпоса является победа героя, преодоление им всех препятствий и благополучное возвращение. Трагические развязки воспринимаются как нарушение нормы (гибель богатырей в версиях «Камского побоища», смерть Сухмана и Данилы Ловчанина, гибель Василия Буслаева). Во всех этих случаях происходит не просто сюжетный сдвиг, замена мотива «победного» мотивом поражения — изменения происходят в самой концепции богатырства: эпический герой, успешно противостоящий прямому врагу, открытому злу, чужой силе, терпит поражение в столкновении со злом прикрытым, с криводушием, с непонятными силами судьбы.

Одна из главных особенностей былинных мотивов — их обобщенно-художественная природа. В основе мотивов лежит преобразованный коллективной фантазией, обработанный специфическим былинным языком социальный, исторический, культурно-бытовой опыт народа. Обобщения неизменно окрашены условностью, фантастикой, идеальным началом, поскольку суть эпоса — не в реальном воспроизведении действительного, а в воплощении эпического героического идеала. Соотношение реального и условно-эпического можно хорошо показать на примере мотивов сватовства. Целый ряд типовых мотивов может быть сопоставлен с нормами брака и свадьбы в родовом обществе и в патриархальной среде. Справедливо указывают, например, что мотив поисков суженой («единственной») за пределами своего микромира в конечном счете воспроизводит нормы экзогамного брака (то есть совершаемого только между членами разных родов), которые предусматривали выбор жены в строгих пределах. Эпические мотивы брачных испытаний также в основе своей связаны с правилами свадебного обряда. Мотивы борьбы героя-жениха с представителями рода невесты отражают и реальные коллизии действительности и особенно некоторые моменты обряда. Аналогии можно было бы продолжить, но следует сразу же обратить внимание на резкие несоответствия между схожими внешне эпическими мотивами и реальностью жизни и обряда. Главное несходство состоит в том, что в былинах (как и в эпосе других народов) сватовство из нормального, благополучно завершающегося действия, сопровождаемого обрядовой игрой, превращается в героическое событие, где жених не играет, а ведет напряженнейшую борьбу, проливает кровь, совершает поступки, в реальности не-

возможные. То, что в обряде выступает в порядке поэтической метафоры, в эпосе принимает вполне материальный облик: жених действительно выстраивает за одну ночь терема, бьется с претендентами, спасает суженую от похитителей и т. д.

Приведенный пример до известной степени типичен для эпоса: в нем неизменно на первый план выступают конфликты, оказываются в непримиримом противостоянии враждебные силы, герой проходит множество жестоких испытаний, проявляет максимум способностей, обнаруживает возможности и силы, которыми никто больше не располагает, побеждает в физическом и нравственном смысле, причем победа его неизменно служит общей пользе — она добыта ради благополучия народа, земли, семьи. Былинные сюжеты от начала до конца строятся с ориентацией на раскрытие смысла, характера конфликта, на утверждение торжества героя.

Условность как один из принципов былинной сюжетики выражается в подчеркнутом несоответствии сюжетных ситуаций, мотивов ситуациям реально-бытовым. На такой условности, например, строится вся та часть былины о Ставре Годиновиче, где князь Владимир пытается установить, верны ли утверждения его дочери, что сватающийся к ней чужеземный жених — на самом деле женщина.

В сущности, любой мотив в былине условен, то есть не соответствует эмпирической реальности. Конечно, характер таких несоответствий различен. Например, условность мотивов, связанных с приходом татарского посла к князю, с предъявлением им ультиматума и т. д., относительна: мы можем говорить, что в данном случае историческая реалия получила эпическое выражение, при котором многие подробности ушли, многое было сжато, но самая суть коллизии сохранилась. В других случаях имеет место условность фантастическая (действие на киевлян свиста Соловья).

Особенно показательна условность в изображении поведения людей в известных ситуациях: татарский царь доверяет Василию Игнатьевичу свои войска, причем делает это трижды; князь Владимир отправляется в кабак, чтобы привлечь к борьбе с татарами богатыря-пьяницу; татарский царь, чтобы вернуть дань, садится с русскими послами за шахматную доску... Следует подчеркнуть, что имеет место не просто нарушение правдоподобия обстоятельств, но что в былинах им последовательно противостоят ситуации, мотивы, поведение, эпически организованные, эпически осмысленные, заданные.

Условность и фантастика ведут нас в специфический эпический мир, где господствуют свои представления о действительном, возможном, должном, свои отношения и нормы, свой язык общения. Время от времени в этот мир условности, фантастики вплетаются реалии, почти не претерпевшие трансформации, и это порождает особенный художественный эффект. Такова, например, психологическая подробность в былине о возвращении Добрыни на свадьбу своей жены, связанная с горестными

переживаниями матери, никак не свыкнувшейся с мыслью о гибели сына, и там же — гневные слова Добрыни, укоряющего Алешу главным образом за то, что тот причинил столько горя матери богатыря. А как выразительно характеризует боярскую спесь эпизод в былине о Хотене, когда Часова жена в гневе обливает вином шубу матери Хотена, осмелившейся заговорить о возможности брака между их детьми. А с какой поэтической силой рисуются в былинах картины прихода татарских полчищ, обступающих Киев! Можно не сомневаться, что мы имеем дело с изображением реально увиденного.

В былинных текстах без труда обнаруживается некоторое количество реалий, так сказать, вторичного порядка,— то есть не связанных прямо с сюжетом, не всегда обязательных, располагающихся на периферии повествования, но тем не менее по-своему окрашивающих его: таковы штрихи северной русской или сибирской природы (покрытые валунами поля, речные и морские мели — «лудья»), реалистические детали одежды, вплетающиеся в почти сказочные описания, обстановка крестьянского жилища, орудия труда и т. д.[1] Эпос оказывается до известной степени открыт для реалий, но все же определяющим началом для него выступают условность и фантастика, которые сами выдаются за реальность. Убежденная вера в полную правдивость изображаемого и происходящего в былинах (и вообще в героическом эпосе) определяет и отношение к ним певцов и эпической среды в целом. Сомнения в возможности описываемого снимались неизменно одним: все это было некогда, в былинные времена, когда жили и действовали богатыри.

Эпическая вера отчасти сродни вере мифологической — она опирается, в частности, на убеждение, прочно коренившееся в народной среде, что многое в природе и в истории произведено богатырями. Единичные исторические реалии также могли включаться в эпос, не меняя характерных для него исторических позиций по существу: все дело было в том, что эпос не касался реального движения государственной истории, политических конфликтов, свойственных феодальному обществу,— он строил свою историю, во многом противостоявшую реальной, исправлявшую ее ошибки и несправедливости, отвечавшую народным чаяниям, но и заключавшую существенные для народа проблемы (народ и власть, Русская земля и иноземные враги, социальные конфликты и пути их преодоления, нравственные основы жизни, устроение семейной жизни и др.). В большинстве былинных сюжетов, как говорилось, можно найти и следы мифологических представлений, и их отрицание, трансформацию применительно к новым историческим обстоятельствам народной жизни. Былина может начаться как «исторический» рассказ, затем незаметно на-

---

[1] См.: Липец Р. С. Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века//«Славянский фольклор». М., 1951. С. 153—210.

полниться мифологическими реминисценциями, а завершиться снова в рамках исторического повествования. Но столь же обычным для былинных сюжетов является слияние в них исторического и мифологического в такой мере, что отделить одно от другого оказывается просто невозможным.

Развитие эпоса шло, по-видимому, в направлении ко все большему ослаблению мифологических связей и усилению собственно исторического начала, но не в его реальном воплощении, а в формах обобщенно-эпических, с обязательным преобладанием условности и фантастики. В этом смысле показательны былины о татарском нашествии: здесь мифологические элементы минимальны (по сравнению с былинами о борьбе богатырей с чудовищами, со змеями, с волшебными силами и др.), но, как уже отмечалось выше, тема отпора нашествию и спасения Русской земли от гибели решена в них принципиально по-своему, в сюжетах, никак летописными свидетельствами не поддерживаемых, а главное — на основе концепции богатырства, составляющей самую сердцевину идеологии героического эпоса.

Содержательная сложность, семантическая глубина и внутренний драматизм коллизий былинной сюжетики получили законченное воплощение в довольно-таки строгих композиционных принципах. Можно говорить об известном единообразии былинных композиций. Некоторые былины начинаются с запева, прямо с сюжетом не связанного, но имеющего с ним связь внутреннюю. Классическими могут считаться запев в былине о Соловье Будимировиче (особенно в тексте из сборника Кирши Данилова: «Высота ли, высота поднебесная...») или запев о турах в былине «Василий Инатьевич и Батыга». Чаще же былина открывается зачином, который прямо вводит слушателя в обстановку действия и в круг персонажей. И то, и другое дается как хорошо знакомое, не требующее специальных пояснений. Завязка конфликтов в былинах происходит быстро, и далее все повествование сосредоточивается на них, не прерываясь посторонними описаниями, сюжетными отклонениями или вставками.

Единство и последовательность развития сюжета — один из законов поэтики былины. Движение сюжета всегда связано с одним центральным персонажем, былина не знает расщепления действия на несколько самостоятельных линий, одновременно два действия происходить не могут, повествование никогда не возвращается назад и идет в рамках единого времени. Этот закон своеобразно сказывается на характере повествования, и действие его объясняет некоторые несообразности, с которыми можно столкнуться, читая былины. Так, в некоторых вариантах былины «Илья Муромец и сын» Сокольник после встречи с отцом возвращается домой, убивает мать, а затем снова едет к тому месту, где он расстался с отцом. Илья между тем продолжает спать в шатре, хотя с момента отъезда сына должно было пройти много времени. Все дело в том, что течение времени оказывается неодинаковым: для персонажа, за которым

следует повествование, оно одно, для персонажа, выключенного из повествования, совсем другое (фактически — сведено к нулю).

Былина заканчивается, когда наступает развязка конфликта. Она может завершиться формульной концовкой, с сюжетом не связанной. Отдельная былина вполне самостоятельна, сюжетно завершена и никак с другими былинами не связана. Она не является содержательным продолжением других былин и сама не предполагает дальнейшего развития. Даже песни, близкие по тематике или с одним и тем же героем, не обнаруживают повествовательных связей типа последовательности, зависимости, перекличек и др. Например, все былины о татарском нашествии в повествовательном отношении представляют собою независимые сюжеты, как бы параллельные разработки на одну тему. В циклах былин об Илье Муромце или о Добрыне Никитиче можно выделить в качестве открывающих эпические биографии былины об исцелении и встрече с Соловьем-разбойником и о поединке со Змеем, остальные сюжеты не выстраиваются в какой-то очевидный ряд, и поэтому говорить о биографии того или другого героя довольно трудно. Каждая песня начинает повествование заново, без учета событий, описанных в других.

Сюжетная замкнутость — один из законов эпоса. Однако, как всякий закон, замкнутость не является абсолютной категорией и знает любопытные исключения. Дело в том, что есть сюжеты, основанные на представлении о некоторой предыстории, о событиях, которые произошли некогда и явились предпосылкой для тех, что составили основной сюжет. Такие предыстории прямо никогда не излагаются (повествование не может идти назад), но следы их обнаруживаются в отдельных мотивах, намеках, а главное — в репликах персонажей. О прошлом, о совершившемся можно сказать в форме прямой речи, и в былинах это встречается время от времени. Между тем сюжет может быть весьма зависим от этой предыстории. В качестве самых ярких примеров укажем на былины «Дунай Иванович» и «Илья Муромец и сын», где описываемые события и конфликты по-настоящему освещаются из прошлого и прошлым мотивируются. Такие мотивировки могут быть обозначены как второй сюжетный план: повествование его не затрагивает, но он существует и дает о себе знать. История со службой Дуная у литовского короля, с особыми отношениями, связывавшими его и дочь короля, всплывает в вариантах в виде разрозненных упоминаний и может быть сведена в относительное целое лишь в результате анализа многих вариантов. В былине «Илья Муромец и сын» события, предшествующие встрече отца и сына, излагаются чаще всего либо в рассказе матери Сокольнику, либо в репликах Ильи. Второй сюжетный план не только частично разъясняет суть конфликта, но и неизменно вносит в сюжет противоречия. В былине «Королевичи из Крякова» первоначально сюжет развивается в рамках традиционной темы «встреча и поединок двух богатырей-противников», но затем происходит резкий перелом: оказывается, встретились братья, некогда

разлученные. В силу вступает второй сюжетный план: следует рассказ одного брата о том, как он был взят в плен, как отправился на Русь искать родителей. Остается загадкой, почему он явился на родную землю в облике врага. Объяснение надо искать в том, что первая часть былины развивается вне зависимости от второго сюжетного плана,— его функция обнаруживается лишь в ходе сюжета.

Как видим, в былинной сюжетике немало неясного, загадочного, обусловленного спецификой законов сюжетосложения. Чтение былин требует некоторого напряжения и определенной подготовки, но с опорой на знание этой специфики оно откроет в былинах свойственное им глубинное содержание и художественную значимость. [1]

Особенную сферу эпического творчества составляют произведения, которые в народной среде именовались скоморошинами, шутовыми стáринами, небылицами. Стихия их — смех, богатый оттенками, подчас остросатирический, иногда добродушный. Эффект смешного достигается чаще всего путем пародирования стиля «высокого» эпоса. Один тип пародии сводится к тому, что стиль героических былин, приемы, служившие изображению богатырей, богатырских сражений, прилагаются к персонажам отнюдь не былинным, к ситуациям самым обыденным, «низким», что и создает комический эффект. Такова пародия «Ловля филина», где пустячное и нелепое происшествие с неумехами изображается в былинной манере. Другой тип пародии основан на подчеркнутом снижении мотивов, образов, элементов стиля героического эпоса. Скоморошина-пародия, как бы следуя за эпосом, «переворачивает» в комическом духе величественные описания природы, гиперболические изображения богатырей и их подвигов, нарочито выпячивает некрасивое, уродливое, нелепое. Блестящий пример пародии, «выворачивающей» былинные ситуации, дает «Агафонушка».

Иногда в сочетании с пародией, иногда — независимо создаются небылицы — короткие песенки, построенные по принципу немотивированного нанизывания отдельных событий, положений, ситуаций, по существу — совершенно абсурдных. Комизм состоит в приписывании людям, животным, предметам алогичных и нелепых действий и состояний: медведь летит по небу, неся в когтях корову; курица бычка родила; щука жеребят глотает и т. д. Цепь абсурдных ситуаций вызывает впечатление, что мир сдвинулся. За парадоксами и нелепостями небылиц кроются иногда серьезные жизненные коллизии (отношения сына и матери, мужа и жены).

Среди скоморошин встречаются произведения крупной эпической формы — с развернутым и завершенным сюжетом. В нашем сборнике этот вид представлен «Стариной о большом быке». Здесь сплетены эле-

---

[1] См.: Юдин Ю. И. Героические былины: (Поэтическое искусство). М., 1975.

менты пародии, сатиры на боярские нравы и насмешки над незадачливыми «добытчиками». Бóльшая часть таких скоморошин примыкает к жанру баллад.

Термин «скоморошины», конечно же, связан со скоморохами — профессиональными певцами, артистами, «веселыми людьми». В Древней Руси их искусство было широко известно, они являлись непременными участниками празднеств, игрищ. Будучи в основе своей народным, демократическим, искусство скоморохов было органически включено в сферу народной смеховой культуры. В XVII веке скоморохи подверглись массовым гонениям, много их осело на окраинах государства, в том числе и на Севере. У нас нет оснований считать сохранившиеся пародии, небылицы, скоморошины остатками поэтического наследия скоморохов. В конечном счете творцами их могли быть создатели и хранители «высокого» эпоса, в том числе и крестьяне-сказители, но традиции скоморошьего искусства должны были в них отразиться.[1]

4

До сих пор мы почти не касались такой существенной особенности былинной сюжетики, как ее вариативность, особенно важной для понимания былин в целом и отдельных сюжетов.

Чаще всего в антологиях, обращенных к широкому читателю, былины представлены каждая одним (редко двумя) текстом. По мере вхождения в мир былин такое поверхностное знакомство ощущается уже как недостаток. Это в особенности относится к былинам, которые были записаны многократно, в разных местах, в различное время. Сопоставляя эти записи, мы без труда убеждаемся в том, что ни одна из них не повторяет другую, что каждый текст — особый. Различия между ними касаются как способов изложения, стиля, употребления формул, разработки отдельных описаний, так и содержания, сюжета, отдельных эпизодов. Наличие или отсутствие каких-то подробностей, ситуаций, порядок изложения событий, мотивировки, состав и характеристики персонажей и их имена, трактовка конфликтов, завязок и развязок, география и топография места действия, этнонимы и др.— все оказывается в разных текстах одной былины несовпадающим. Тексты выступают по отношению друг к другу как варианты. Различия могут быть бóльшими или меньшими, существенными или незначительными,— по степени близости и характеру различий тексты

---

[1] О скоморошинах, пародиях и небылицах см.: Ивлева Л. М. Скоморошины: Общие проблемы изучения // «Славянский фольклор». М., 1972. С. 110—124; Левина Е. М. Стихотворная фольклорная небылица // «Сюжет и композиция литературных и фольклорных произведений». Воронеж, 1981. С. 38—49. О скоморохах см.: Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.

группируются в редакции и версии. Такая группировка позволяет заключить, что многие различия не случайны, но обусловлены, закономерны.

«Текучесть» былинных текстов принято объяснять в первую очередь устной природой эпоса: былины, создающиеся и бытующие в устной форме, длительное время, на огромной территории, передающиеся от поколения к поколению, не могут иметь закрепленных текстов, равно как не имеют их сказки, песни и другие виды фольклора. Такое объяснение, однако, лишь частично бросает свет на природу варьирования и тем более не объясняет его результатов. Нужно иметь в виду, что вариативность эпоса (и фольклора в целом) есть частное проявление общей для всей традиционной народной культуры особенности: каждый ее элемент (вид жилища, одежды, утвари, искусства, обряда и др.) обладает типовыми, устойчивыми характеристиками, но живет не в абсолютно закрепленных формах, а в обилии разновидностей, и каждый экземпляр являет собою вариант некоего общего типа. Способы передачи культурных знаний в народной среде, конечно же, создают благоприятные условия для варьирования, в то время как фабричное производство, профессиональная школа, книга и т. д. способствуют единообразию. Однако не следует отождествлять условия с определяющими причинами — эти последние кроются в самой природе народной культуры: культурная традиция представляет собою нерасторжимое единство типологической устойчивости и вариативности.

Как возникают различия и что они значат в художественной системе эпоса? Если принять во внимание, что эпос живет в историческом времени и в пространстве, что изменениям подвержена сама эпическая среда, ее культура, система ее представлений и оценок, то несомненно, что наличие вариантов отражает изменения исторического порядка, особенности местного быта, хозяйствования, языка, социальные сдвиги. Исследователи установили на материале былинных записей XIX—XX веков, какую значительную роль в изменении текстов играло сказительство: как ни стремились сказители сохранить тексты, усвоенные ими от своих учителей, они неизбежно вносили в них свое, творчески обогащали или, напротив, обедняли, что-то забывали, сокращали или распространяли и т. д.

Мы располагаем вариантами, в художественном отношении далеко не равноценными: рядом с полными, поэтически совершенными, хорошо разработанными текстами встречаются незаконченные, путаные, плохо изложенные.

О творчестве сказителей теперь достаточно много известно. Мастер-сказитель творчески относился к самому акту исполнения, обладал своей манерой сказывания, своими излюбленными стилевыми особенностями, мог по ходу исполнения сокращать или дополнять текст; у мастеров мы находим особенно хорошо отработанные описания типовых ситуаций,

психологические характеристики, развернутые изображения и т. д. Разумеется, работа сказителя определялась во многом его запасом знаний эпической традиции и умением распорядиться ими в процессе сказывания. Характерным проявлением варьирования было создание контаминированных текстов, в которых объединялось несколько былин об одном богатыре. Отдельные сказители испытывали тягу к созданию новых былин на основе известных им сказок, преданий или книжных историй. Как правило, такие былины редко усваивались другими сказителями.

Итак, не вызывает сомнений, что в вариантах по-своему выражается историческая жизнь былин и длительное функционирование их в среде сказителей. Это означает, что варианты любой былины могут рассматриваться на уровне диахронии, как материализованные свидетельства постоянного развития эпоса.[1]

Есть, однако, и другая сторона проблемы вариативности, столь же важная. В основе каждой былины (сюжета) лежит та или иная художественная идея, или «замысел» (термин, предложенный В. Я. Проппом). С идеей, или замыслом, связаны основные линии сюжета, сущность конфликта, набор персонажей и др. Специфика эпического творчества такова, что замысел не может получить единственного решения, завершенного в рамках одного текста и исключающего другие. Напротив, эпический замысел изначально предполагает «многообразие художественных форм воплощения».[2] Здесь пролегает существенная грань между былиной и, скажем, книжной поэмой: у поэта в процессе его творчества естественно может произойти «расщепление» замысла, перед ним есть некоторый выбор, но в конечном счете он должен остановиться на чем-то одном; возможности «многообразия воплощения» остаются нереализованными или отражаются в черновиках, в других редакциях и вариантах, которые по отношению к последней редакции, выражающей авторскую волю, являются вторичными. Былина же творится сразу в «многообразии форм», наличие вариантов для нее вполне естественно, и что самое существенное — все эти и последующие варианты не исключают и не заменяют один другого.

Многообразием, варьированием достигается полнота, глубина реализации замысла, в котором изначально бывают заложены противоречия, альтернативные ходы, благодаря чему варианты часто строятся на использовании и разработке противостоящих, «конкурирующих» возможностей. К тому же эпическое творчество хотя и подчинено строгим закономерностям, но не связано абсолютно жесткими схемами и вносит в замы-

---

[1] О творческой работе сказителей, о варьировании как живом процессе см.: Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

[2] Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 23—25.

сел новые оттенки, иные трактовки, то есть дополняет первоначальный замысел и даже отчасти отменяет его. Так появляются в вариантах содержательные, более или менее существенные разночтения, несогласованности, исключающие друг друга трактовки. Тем самым только прочтение и анализ совокупности известных вариантов приближают нас к пониманию содержания былин в его сложности, богатстве нюансов, позволяют проникнуть в сущность замысла и обнаружить разнообразие его конкретных осуществлений. Показательный случай несовпадающих трактовок основной сюжетной темы — в рамках единого замысла — мы имеем в разных редакциях былины о Садко. В редакции, представленной основным текстом в этом сборнике, Садко — бедный гусляр, пленяющий своей игрой водяного царя; по совету последнего он вступает в спор с новгородскими купцами (предмет спора — чудесная рыбка в Ильмень-озере), побеждает в споре и становится сам богатым купцом. В другой редакции (вар. I) [1] Садко — гулящий мо́лодец, явившийся с Волги в Новгород; от Волги он передает поклон Ильмень-озеру, и поклон этот принимает другой мо́лодец. Мотива спора здесь нет: по совету молодца, представляющего Ильмень, Садко трижды забрасывает сети, ловит много разной рыбы, которая затем превращается в деньги. Различие — не только в способах обогащения, но и в характеристике персонажей. В конечном счете они восходят к мифологическим образам, но вместе с тем в них отразились разные бытовые и социальные черты средневековья.

Различные трактовки завязки конфликта просматриваются в вариантах былины «Добрыня и Маринка», хотя все они сходятся к ситуации, в которой Маринка околдовывает богатыря и превращает его в тура. Что приводит Добрыню к этому, что заставляет его вступать в контакт с киевской волшебницей, какие поступки он совершает на этом пути,— каждый вариант дает свои ответы на эти вопросы. Добрыня выступает то безусловно как жених, который видит в Маринке свою суженую, то как добрый молодец, «случайно» забредший на Маринкину улицу и неожиданно увлекшийся девушкой, то как богатырь, стремящийся установить порядок и изгоняющий Змея из дома Маринки, и др. (ср. основной текст и вар. I—IV). В данном случае с особой очевидностью выступает равноправность предлагаемых трактовок и, что наиболее интересно,— их нечеткость, зыбкость, способность переливаться одна в другую. Пример довольно существенного сдвига в замысле дают редакции былины «Михайло Козарин». В основном тексте и в вар. I завязка сюжета обусловливается необходимостью разлучить брата и сестру и тем самым предотвратить угрозу инцеста. В вар. II эти мотивы исчезают, на первый план выступают мотивы увода сестры татарами и поисков ее братом. По вариантам можно проследить постепенный процесс перехода былины от разработки архаической темы «брат и сестра — суженые» к теме более позд-

[1] См. «Приложение», с. 464.

ней — «брат спасает сестру из плена, угроза инцеста снимается узнаванием».

Аналогичные примеры разночтений всякого рода (в том числе — и несюжетных, в способах изложения, в композиции) читатель найдет в разделе «Приложение». Из сказанного явствует, что относиться к ним следует не как к вторичным, «черновым»,— в большинстве своем они безусловно равноправны и должны рассматриваться как образчики принципиальной множественности реализаций соответствующих эпических замыслов. К ним можно подходить и на уровне диахронии, пытаясь уловить в них движение замысла в историческом времени, и на уровне синхронии, стремясь понять их в связи с проблемой полноты замысла. В любом случае другие варианты и редакции обогащают наши знания былин.

5

Сюжетный состав русского классического эпоса — в том виде, в каком он известен по материалам XVII—XX веков,— обширен и многообразен. Число сюжетов приближается к ста, обилие же вариантов и редакций это число существенно увеличивает.

Не только эпос в целом, но и отдельные сюжеты складываются в результате художественного творчества ряда эпох. В любой былине могут быть вскрыты черты более древние и более поздние; при этом они соединены не механически, но образуют сложное художественное целое: приходится говорить не об исторических пластах или слоях, а о сплаве. Ни одну былину невозможно датировать; можно определять время (в пределах эпохи или длительного периода) появления отдельных реалий — чаще всего в виде нижней (или верхней) границы, можно предположительно говорить о времени, когда происходит трансформация того или иного традиционного мотива, персонажа и т. д. В ряде сюжетов может быть выделена более или менее надежно историческая (в смысле опять-таки целой эпохи) доминанта и выявлены свидетельства предшествующих состояний. В целом русский классический эпос принадлежит к тому типу героического эпоса, который складывается в раннефеодальную эпоху, сохраняя значительные связи с периодом позднего общинно-родового строя и отражая в своем развитии более позднюю историю.[1]

В своем историческом развитии эпос проходит типологические стадии, и на каждой стадии ему присущи свои особенности, свои качества, свой способ отношения к действительности, свой характер историзма.

---

[1] Подробный критический обзор концепций по вопросу о времени возникновения былинного эпоса см.: Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 28—87.

Основных таких стадий четыре: эпос мифологический, архаический, классический, поздний. Переход от одной стадии к другой происходит двояко: в одних национальных традициях эпос нового типа возникает из старого (или на его основах) и становится рядом с ним, развиваясь параллельно; в других национальных традициях эпос нового типа, возникая в недрах старого, поглощает, «отрицает» его — старый эпос как бы растворяется в новом, оставляя в нем свои следы.

У ряда народов, в силу различных причин социально-исторического и культурно-бытового порядка, архаический тип эпоса надолго задержался, став главной, наиболее значительной в художественном отношении формой эпического творчества: таковы якутские олонхо, бурятские улигеры, нивхские и эвенкийские сказания и др. Если в былинах путем специального анализа выделить архаические элементы (фантастических персонажей, мотивы «иных» миров, представления о возможности волшебных превращений, о чудесном рождении и др.), то они найдут широкие параллели в памятниках эпоса архаического типа. Отсюда закономерно вытекает, что былинам — классическому эпосу — в древности предшествовал архаический эпос.[1] То же самое можно сказать, например, о южнославянских юнацких песнях,— следовательно, архаический эпос существовал, видимо, в эпоху славянской общности и затем у отдельных славянских племен до формирования у них классов и ранних государственных объединений. Затем этот эпос был поглощен эпосом нового типа, прекратил свое существование в «чистом» виде, но сохранил многочисленные следы в эпосе классическом, пронизав его своими традициями.

Русский классический эпос пережил длительную эволюцию, внутри него можно выделить сюжеты с бóльшим преобладанием героико-фантастического начала и начала героико-исторического. В период XIII—XVI веков в русском эпосе стал формироваться новый тип — «поздний» эпос, принявший преимущественно форму исторической песни. Именно в исторической песне осуществился новый принцип песенного историзма, когда содержанием отдельных сюжетов стали избираться конкретные события, а героями — реальные лица истории. При всем том в ранних исторических песнях сильны традиции эпоса классического — сюжетная условность, гиперболы, элементы фольклорного вымысла, былинного стиля. Здесь мы имеем тот случай, когда новый тип эпоса, возникнув в значительной степени на почве традиций эпоса более раннего, не поглотил его, не оттеснил, а встал рядом с ним. Сказители XIX—XX веков в своем репертуаре сво-

---

[1] См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 29—58; Мелетинский Е. М. Народный эпос // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 50—81; Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 31—103.

бодно совмещали былины киевские и новгородские с песнями о Тверском восстании 1327 года, о взятии Казани в 1552 году, о женитьбе Ивана Грозного, о разгроме Новгорода 1570 года и др.

Переход от классического типа к «позднему» знают и другие национальные фольклорные традиции: наряду с классической юнацкой песней у южных славян возникли гайдуцкий эпос, черногорский эпос и др.

Отчасти независимо от былин, отчасти в русле общей эпической традиции сложились, заняв свое видное место в русском песенном эпическом фольклоре, баллады как специфический тип эпоса.

Если общая картина истории русского классического эпоса на фоне историко-типологического развития эпического творчества в целом относительно ясна, то история отдельных былин остается во многом загадочной и спорной. Предположения о позднем возникновении отдельных сюжетов не лишены оснований. Считается, например, что весь цикл былин об Илье Муромце сложился далеко не сразу, что отдельные сюжеты возникли (или прикрепились к ставшему популярным богатырю) сравнительно поздно.

Говоря о разновременности появления отдельных сюжетов, следует все же иметь в виду, что эпическое творчество на протяжении веков питалось едиными традициями, общим запасом мотивов и поэтических элементов, и любая «поздняя» былина естественно включалась в общий состав былин, обнаруживая характерные связи с традицией архаического типа и тенденции исторического плана. Исследователи выявили в ряде сюжетов былин отголоски знакомства их создателей с элементами средневековой культуры — книжными сказаниями, христианскими мотивами, еретическими учениями. Если же обратиться к бытовой стороне жизни, отраженной (или сконструированной) в былинах, то по крупицам можно собрать любопытный материал, характеризующий знания, представления и фантазию эпической среды, творившей и хранившей эпос: здесь есть картины быта княжеского, придворного, боярского, купеческого, монастырского, крестьянского (в его локальных вариациях), воинского, дипломатического; жилище (вернее — его отдельные элементы), одежда, вооружение, конское снаряжение, утварь, посуда; отношения в семье, между родственниками; этикет княжеского двора и встреч в поле, формы воинских поединков, поведения в бою, при победе или поражении и т. д. Все это предстает в былинах в единстве, с трудом поддающемся (а чаще — вовсе не поддающемся) дифференциации: перенесенное из реальных наблюдений, подвергшееся трансформации, хотя и имеющее в основании нечто реальное; созданное фантазией, вымышленное — с опорой на миф или сказку, перенесенное из архаического эпоса.

6

Мы подошли к вопросу, издавна занимавшему науку: кто создавал былины, в какой социальной среде надо искать их творцов? Отвечая на этот вопрос, нужно прежде всего вспомнить о роли сказителей-крестьян, которые явились хранителями эпической традиции, сберегли былины, донесли до нас это великое искусство.

В прошлом ученые буржуазной школы, склонные не верить в творческие способности народных масс, выдвинули теорию, согласно которой северные крестьяне переняли остатки живой былинной традиции от певцов, принадлежавших к верхам русского общества, творивших в княжеской среде и для нее. В крестьянской среде этот феодальный эпос не мог найти благоприятной почвы и постепенно затухал, искажался. Так называемая историческая школа в русской науке видела задачу в том, чтобы восстановить первоначальный облик этих песен, вернуть им их историческое содержание, понять их в связи с событиями летописной истории. Теория аристократического происхождения былин и теория первоначального конкретно-исторического характера их шли бок о бок.

В трудах советских исследователей было показано, что крестьянская точка зрения, так ярко и последовательно отраженная в былинах, не есть пóзднее привнесение и искажение, но органична для них. С другой стороны, было достаточно убедительно обосновано положение, согласно которому былины, известные нам по записям XVII—XX веков, не являются результатом качественных преобразований некоего предшествующего былинного исторического эпоса: древнерусская былина и та былина, которую мы знаем,— принципиально одно и то же, хотя, разумеется, поздние тексты несут в себе следы разнообразных изменений.[1]

Можно ли представить былины — какими мы их знаем — исполняемыми в княжеских дворцах, в присутствии самого князя и «бояр толстобрюхих», о которых так нелестно в них говорится, или в присутствии княжеской дружины, о которой былины вообще не упоминают, за редкими исключениями, а если и упоминают, то опять-таки без особого уважения? У княжеско-дружинной среды был другой эпос — следы его улавливаются в «Слове о полку Игореве», в рассказах летописей: это были песни, славившие победы князей и оплакивавшие их гибель, воспевавшие подви-

[1] См. об этом: Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. С. 10—36; Путилов Б. Н. Севернорусская былина и ее отношение к древнерусскому эпосу // «Фольклор и этнография Русского Севера». Л., 1973. С. 173—190.

ги дружинных военачальников и «своих» богатырей. В таких песнях героика и патриотический дух неизбежно получали феодальную окраску. Былины лишь в малой степени могли перекликаться с феодально-дружинным эпосом, в целом же противостояли ему по всему своему содержанию, по направленности, по характеру историзма.

Иногда в качестве творцов древнерусских былин называют скоморохов — это они якобы передали крестьянам часть своего репертуара и сказительское мастерство. Такие предположения ошибочны. Разумеется, нельзя отрицать того, что скоморохи знали былины, исполняли их, а возможно, что отдельные сюжеты и сложились в скоморошьей среде (см. «Вавило и скоморохи»). Но северные сказители владели былинным эпосом независимо от скоморохов, они принесли их на берега северных рек и морей вместе с другими традициями древней народной культуры, быта, социальной организации.

Былинный эпос исконно создавался, хранился, поддерживался в памяти поколений в народной среде, он был всегда продуктом коллективного художественного творчества «эпической среды».

Чем объяснить, что былинный эпос в его живом состоянии сохранился вплоть до середины нашего столетия лишь в отдельных местах, преимущественно на окраинах России, в относительно отдаленных и «глухих» районах? Следует прежде всего заметить, что у нас нет твердых данных, которые бы позволили утверждать наличие в Древней Руси повсеместного одинакового распространения былин. Вполне возможно, что былинная традиция всегда жила очагами и что население Севера вышло из районов, где былины в средние века жили особенно интенсивно.[1] Другая существенная причина — эпическая традиция быстрее разрушается там, где интенсивнее, острее перемены социально-экономического, культурного, бытового порядка: этим, возможно, объясняется тот факт, что в середине XIX века в центральных русских губерниях собиратели не могли обнаружить настоящих очагов былинного эпоса. Русский Север стал своеобразным заповедником народной традиционной культуры и ряда бытовых, хозяйственных, общественных явлений. И эта роль выпала ему отнюдь не в силу его отсталости. Крестьянская жизнь северных районов характеризуется своеобразным сочетанием сравнительно высокого материального уровня, проникновения грамотности, связей с другими регионами — и устойчивости, во многом законсервированности культурных и бытовых традиций. Живая эпическая память северорусских сказителей получает свое обоснование на фоне таких культурных явлений Севера, как замечательная деревянная архитектура, традиционная одежда, искусство резьбы и вышивки, богатство и устойчивость обрядо-

---

[1] См.: Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин: По материалам конца XIX — начала XX вв. М., 1975.

вой жизни. Она опирается также на специфические формы хозяйства: собиратели былин неоднократно отмечали как типичное явление — присутствие былинных сказителей в артелях рыбаков, охотников, лесорубов; здесь исполнение былин оказывалось почти обязательной частью досуга.

Исследователи указывают еще на два существенных обстоятельства, подкреплявших жизнь былины на Севере: это, во-первых, свобода от помещичье-крепостной зависимости и, во-вторых, суровые природные условия, особые трудности хозяйственной деятельности,— то и другое способствовало формированию характера севернорусского крестьянина, которому свойственно было чувство достоинства, независимости, осознания своей силы. Это делало былины с их героями-богатырями духовно близкими людям Севера, хотя никогда не видели они былинных полей, дубовых лесов, княжеских теремов. О степени такой близости говорит и былинный эпизод, скорее всего и созданный северными сказителями,— свой первый подвиг, после исцеления, Илья Муромец совершает, очищая родительское поле от валунов и корней гигантских деревьев. Есть и другие примеры, свидетельствующие о желании сказителей сблизить былины и былинный быт с окружающей их действительностью.

Можно указать еще на один немаловажный фактор, способствовавший длительному сохранению былин северными и сибирскими крестьянами, донскими, терскими, уральскими, астраханскими казаками. Живя длительное время оторванными от основной массы своего народа, на далеких окраинах, в значительном удалении от исторических центров России, в тесном соседстве и постоянном общении с иноязычной, инонациональной средой, эти компактные этнографические группы остро и глубоко ощущали свою принадлежность к русской этнической общности и свое единство со всей Россией. Былинный эпос являлся одной из специфических форм выражения коренных связей с общерусской культурой, поэтическим воплощением исторической памяти и этнического (национального) самосознания. Собиратели былин зафиксировали немало свидетельств особенного, самого серьезного, благоговейного отношения к былинам, к их героям, к их содержанию в эпической среде XIX—XX веков.

Собирание былин, систематизация и публикация записей, изучение творчества сказителей, техники усвоения и исполнения ста́рин, а одновременно и разработка сложнейших вопросов происхождения, истории былин — всем этим отечественная фольклористика занимается более полутора столетий. Наличие огромного числа подлинных, научных записей былин с обилием вариантов и множеством разного рода свидетельств

о сказителях, о живом функционировании былин ставит русский эпос в ряд наиболее ценных и важных источников мирового эпосоведения и — одновременно — обеспечивает ему почетное место среди памятников эпического творчества народов мира.

В русской литературе и общественной мысли очень рано былины стали восприниматься в самом существенном их качестве — героико-патриотическом пафосе. Первым по времени богатырем русской литературы можно считать героя «Слова о полку Игореве» — Буй Тура Всеволода. Позднее былинный богатырь Алеша Попович становится историческим персонажем летописи — Александром Поповичем, вместе с семьюдесятью «храбрыми» погибшим в битве на реке Калке. О богатырях как реальных лицах упоминают и другие источники. Богатырские песни в XVII веке перекладываются в повести. Поэты XVIII — первой четверти XIX века включают мотивы былин в свои поэмы и стихи. Представления о богатырях — воинах высшей пробы — живы в сознании русских людей и наполняются особым содержанием в моменты, когда народ встает на защиту своей земли (Отечественная война 1812 года).

В русской национальной культуре XIX века, синтезирующей и перерабатывающей громадный творческий опыт народа многих веков, былины воспринимаются как существенная часть этого опыта, как выражение особенностей народной истории и народного духа. Естественно, что само понимание былин далеко не однородно.[1] Освоение былинных традиций передовым искусством идет в русле концепции В. Белинского, видевшего в былинах «живое свидетельство бесконечной силы духа», «отваги, удальства и молодечества».[2]

В лучших своих образцах русское искусство явило пример подлинно творческого и плодотворного освоения былинного эпоса — достаточно напомнить поэмы Н. Некрасова, оперы Н. Римского-Корсакова и М. Мусоргского, «Богатырскую симфонию» А. Бородина и «Фантазии на темы Рябинина» А. Аренского, полотна В. Васнецова, М. Врубеля, И. Репина.

В советской литературе устойчивый интерес к былинам, их героико-патриотическому пафосу, монументальным образам, глубине народного осмысления больших пластов действительности, самобытной поэтике находит разнообразное стилевое, жанровое выражение. Здесь уместно напомнить о поэме Маяковского «150 000 000», в которой новую, оригинальную интерпретацию получили поэтические принципы народного

---

[1] О различных взглядах на былины в общественной мысли 40-х годов XIX века см.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 384—390. 402—407, 447—467.

[2] Белинский В. Г. ⟨Статьи о народной поэзии⟩ // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 427.

эпоса, или о шолоховском «Тихом Доне», пронизанном мотивами казачьего эпоса, или об образе Василия Теркина, «русского чудо-человека», опыты И. Сельвинского по переложению былин на современный поэтический язык и совсем в ином ключе исполненные сказания Б. Шергина, бережно сохраняющие поэтическую речь северного сказителя... Эти примеры, которые нетрудно умножить, показывают, сколь разнообразны пути современной литературы в освоении былинного наследия.

Бесценное творение русского народа — былинный эпос — продолжает питать искусство наших дней. Былины принадлежат к числу тех памятников прошлого, которые и поныне участвуют в формировании национально-патриотического самосознания нашего современника.

Б. Н. Путилов

БЫЛИНЫ

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ. ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ БОГАТЫРЕЙ КИЕВСКИХ

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Да старóй казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Он сидел ли тридцать лет на седалище,
Он не имел-то да ни рук, ни ног.
Да пришло к нёму два старца незнакомые,
Проговорит ему старец да единó слово:
«Ай же Илей, восстань ты на свои резвы ноги,
Дай-ка пива выпити яндомý».
Илей говорит-то старцу таково слово:
«Не имею я да ведь ни рук, ни ног,
Сижу тридцать лет на седалище».
Говорил старый старец единó слово:
«Ай же Илей, восстань ты на свои резвы ноги,
Иди ты, Илей, к водоносу ты,
Налей пива я́ндому,
Принеси ты яндому пи́тия».
Выстал Илей на свои резвы ноги,
Пришел Илей к водоносу,
Яндому захватил пития с водоносу,
Приносил-то старцу единому.
Старец говорит ему да й таково слово:
«Да пей-ка ты, Илей, да сам яндому».
Выпил Илья пития яндому,
Почувствовал в себе силу да великую,
Говорил старец-то друго слово:
«Ай же Илей, дай же мне пива выпить яндому».
Он пошел по мóсту по дýбовому,
Закричали балки под мостóм белодубовым,
Загнулись-то тут мосты калиновы.

Зачерпнул пития Илей с водоносу,
Приносил старцу яндому́ питья,
Старец говорил ему да й таково слово:
«Да пей-ка ты, Илей, да сам яндому».
И выпил И́лей другу яндому,
Услышал Илей в себе силу великую,
Проговорит тут старец еще едино́ слово:
«Ай же ты Илей, дай-ка выпить яндому пития».
Он как выпил, Илей, пива-то яндому,
Он почуял в себе, Илей, силу да великую.
Говорил другой старец таково слово:
«Ай же ты Илей, налей-ка мне пива яндому».
Наливает Илей пива с водоносу,
А приносит старцу-то другому,
Проговорил ли старец таково слово:
«Если приказать тебе третье пить яндому,
Не удержать тебе силы великоя,
Не удержать тебе силы богатырския».
Выпил-то старец ведь сам яндому,
И проговорил старец да таково слово:
«Ай же ты Илей, да ты справься-тко да ко городу,
Ко городу да ты ко Киеву,
Ко солнышку князю да ко Владимиру.
И выйдешь из своего ты посе́лия,
Тутко о путь камень есть неподвижныя,
На камени да подпись есть подписана».
И ходит Илей покоём белодубовым,
Да тым ли мостом калиновым.
Пришли ёго родители да рожденые,
Пришли оны со работы со крестья́нскоей,
Пришли ёго братия да родимые,
Да пришли ёго сестры да любимые.
Обрадовались его рожденые да родители,
И с радости родители опечалились:
Тридцать лет сидел на седалище,
Не имел-то он ни рук-то да ни ног.
Говорит Илей своим рожденым родителям,
Говорит Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденые!
Где вы были на крестьянской на работушке?»
Ай же отвечали его рожденые родители:
«Слава тебе господи, тридцать лет сидел Илей да на седалище,
Не имел Илей ведь ни рук, ни ног».

Спросил у рожденых родителей:
«Ай же вы мои рожденые родители!
Где вы работали крестьянскую работушку?»
Говорил ему родитель да рожденые:
«Ай же ты Илей, мы работаем луг и пожню,
Чистим луг, пожню за три поприща о́т дому».
—«Ай же ты родитель мой рожденыя!
Сведи меня туда да на займище,
Укажите вы мне мою работушку».
Привел его родитель да на займище.
«Укажи мне, родитель, по которых мест межа».
Захватил Илейко лесу кусту в пясть,
Отрубил лесы дремучие по ко́решку,
Бросил на место на пристойное,
Говорил родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
Полно ли тебе луг, пожню чистить,
Простите меня с рожденого со места».
Отправлялся Илей к стольному городу ко Киеву,
Пришел к тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
«И́лей, И́лей, камень сопри с места неподвижного,—
Там есть конь богатырский тебе,
Со всеми-то поспехамы да богатырскима;
Там есть-то шуба соболиная,
Там есть-то плеточка шелковая,
Там есть-то палица булатная».
Проговорил Илей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
Служи-тко ты верою-правдою мне».
Конь-то прого́ворил Иле́ю таково слово:
«Ай же ты И́лей, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Ты мо'шь ли владать конем богатырскиим?»
Он садился, старой казак Илья Му́ромец,
Илья Муромец сын Иванович,
На этого коня на богатырского,
А со этыма поспехамы богатырскима,
Садился тот старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Прогово́рил конь голосом человечьиим:
«Ай же старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Знай ты мною управлять,

Дал тебе господь коня да богатырского,
Послал господь ангелов милосливых
На твое рожденое на место,
Дал тебе господь руце, нозе.
Не написано теби, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не писана тебе смерть на убоищи».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Как не да́лече-далёче во чистом во поли́,
Тута куревка да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася,—
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютой зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поли, спотешается —
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.

Наеждяет Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную,
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку —
Эта сумочка да не ворохнется.
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой —
Эта сумочка да не сшевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю,—
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету еждивал,

А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не здымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты верный богатырский конь!
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечику серебряну,
Он за ту подпругу золочёную,
За то стремечко да за серебряно,—
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.

Тут садился Святогор да на добра коня
И поехал во чисту́ полю
Он ко тым горам да Араратскиим.
Утомился Святогор да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошноей,
И уснул он на добро́м коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста́ поля́
Выеждял старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Свято́гора он бога́тыря:
«Что за чу́до вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добро́м кони́,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скрычал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?
А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,—
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатнюю,

Ударяет он богатыря да по белым грудям,—
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъеждяется он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатнею,—
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут ста́рой казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу — да во сорок пуд,
Разъеждяется он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,—
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно ру́сски мухи кусаются».
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты́ кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырскоей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Как день он едет до вечера,
Тёмну ноченьку да он до́ утра,
И второй он день едет до вечера,
Тёмну ноченьку он до утра,
Как на третей-то да на денёчек
Богатырский конь стал спотыкатися.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты волчья сыть да травяной мешок!
Уж ты что, собака, спотыкаешься,
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяинушко,
А позволь-ка мни да слово вымолвить:
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русскиих могучиих богатырей,
Да й в третьих с конём богатырскиим».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелёшенько,—
Он берет Илью да за желты́ кудри́,
Он кладет Илью да на сыру землю

Как с конем его да богатырскиим,
Начал спрашивать, да он выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражатися,
Я желаю с тобой побрататися».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опущается,
И раскинули оне тут бел шатёр,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга оне стреножили.
Сошли они оба во белой шатёр,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися:
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат;
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатёр да опочив держать.
И недолго-немало спали — трое суточек,
На четверты оне да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.

Как седлали оне да коней добрыих,
И поехали оне да не в чисто поле,
А поехали оне да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели оне да чудо чудное,
Чудо чудное, да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб;
Как богатыри с коней спустилися,
Оне ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова:
«А кому в этом гробе лежать сужено?

Ты послушай-ка, мой меньший брат,—
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб,—
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь,—
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты Илья да мой меньший брат!
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты Ильюшенька да Муромец!
Мни в гробу лежать да тяжелёшенько,
Мни дышать-то нечем да тошнёшенько.
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щилочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострою».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому,—
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и пóперек,—
Всё железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,—
Я здохну тиби да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».
Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есь с проседью,

Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно:
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля;
И не наб мне твоего коня да богатырского,—
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой бурушка косматенький».
Тута братьица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.

Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскии.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли города из Муромля,
Из того ль села да Карочирова
Выезжал дуродний добрый молодец,
А ведь старый казак Илья Муромец.
Он заутреню тую христовскую
А стоял во граде во Муромле
И хотел попасть к обедне
В стольно-Киев-град.
Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
А прощеньице, благословленьице,
Кладовал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистóм полú
И не делать бою-драки, кроволития.
Так тут старый казак Илья Муромец
Заседлал тут своего добра коня,
А он малого бурушку косматого,
Выезжал в раздольице чисто поле.
Его путь-дорожка призамешкала,
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
А попал ко городу Чернигову.

Усмотрел под городом Черниговым
Нагнано́ там силушки черны́м-черно́,
А черным-черно как черна́ ворона́,—
Хочут черных мужичков да всех повырубить,
Хочут церкви божии на дым спустить.
Разгорелось сердце у бога́тыря,
А у старого каза́ка Ильи Муромца,
Наруши́л он заповедь великую,
Просил себе да бога на́ помочь,
Да пречисту пресвятую Богородицу,
Припускал коня на рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Конем топтать да из лука́ стрелять,
Стал рубать их саблей вострою,
Своим копьем да муржемецкиим,
Притоптал он силу-рать великую.
Подъезжал ко городу Чернигову,
Отворялися ворота во Чернигов-град,
Выходят мужички черниговски
Да низко ему поклоняются:
«Ай же ты дородный добрый молодец!
А иди-ка ты ко мне да воеводою,
Воеводою да во Чернигов-град».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы му́жички-черниговцы!
Не пойду я к вам да воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в Киев-град».
Говорят ему мужички-черниговцы:
«Прямоезжая дорога заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черные,
Как у той ли берёзыньки покляпоей,
У того креста Леонидова
Сидит Со́ловей-разбойничек Дихмантьев сын
На семи дубах в девяти суках.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, со́бака, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоремы цветочки отсыпаются,
А что есть людей вблизи — все мертвы́ лежат.

Прямоезжеей дорожкой есть пятьсот всех верст,
А окольною дорожкой-то всех тысяча».
Так тут старый казак Илья Муромец
Повернул коня богатырского
И поехал по раздольицу чисту́ полю́,
По той ли дорожке прямоезжеей.
Подъезжал ко реченьке Смородинке,
Ко той ли грязи, грязи черныей,
Ко той ли берёзыньке покляпоей,
Ко тому кресту Леонидову.
Как завидел его Соловей-разбойничек,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Закричал, собака, по-звериному,
Зашипел, проклятый, по-змеиному,—
Как все травушки-муравы уплеталися,
Все лазоревы цветочки осыпалися,
Мелки лесушки к земле да приклонялися,
А что есть людей вблизи — так все мертвы лежат.
А у старого казака Илья Муромца
А конь на корзни́ спотыкается.
Так тут старый казак Илья Муромец
Говорит коню да таковы слова:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок!
Ты везти не мошь и идти не хошь.
Не слыхал, что ль, посвисту соловьего,
Не слыхал, что ль, покрику звериного,
Не слыхал, что ль, пошипу змеиного?»
Сам берет он в руки плеточку шелко́вую,
А он бил коня по тучны́м бедрам,
Другой раз он бил меж ноги задния,
Третий раз он бил коня между́ ушей,
А удары давал всё тяжелые.
Отстегнул свой тугий лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил стрелочку каленую,
А он сам стрелке приговаривал:
«Ты просвистни, моя стрелочка каленая,
Попади ты в Со́ловья-разбойничка».
Сам спустил тетивочку шелковую
Во тую ль стрелочку каленую,—
Тут просвистнула стрелочка каленая,
Попала в Соловья-разбойника,
Попала в Соловья да во лево́й висок,

Сбила Соловья да на сыру землю,
На сыру землю да во ковыль-траву.
Как тут старый казак да Илья Муромец
Подъезжал он к Соловью близёшенько,
Захватил он Соловья да за желты́ кудри́,
Сковал он Соловью да ручки белые,
Сковал он Соловью да ножки резвые,
Привязал ко стремечку булатному,
Сам поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей — в стольно-Киев-град.
Тут случилось старому каза́ку Ильи Муромцу
Ехать мимо Соловьина гнёздушка.
У того Соловья-разбойничка
А было́ три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добро́м кони,
А везет да мужика да деревенщину,
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела в окошечко тут средня дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везет да мужика да деревенщину,
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела тут в окошечко младша дочь,
Говорила она да таковы слова:
«Ай сестрёнушки мои родимые!
А ведь окушком вы есть тупёшеньки,
Умом-разумом вы есть глупёшеньки,—
А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добром коне,
Наш-то батюшка на стремени приковано».
— «Ай же му́жевья наши любимые!
А берите-ка рогатины звериные,
А бегите-тка в раздольице чисто́ поле́
И убейте-тка мужика да деревенщину».
Эти мужевья любимые
Берут рогатинки звериные,
Скоро-наскоро бежат да во чисто полё,
Чтоб убить им мужика да деревенщину.
Как завидел их да Соловей-разбойничек,
Скричал да Соловей да громким голосом:
«Ай же зятевья́ мои любимые!
А бросайте-ка рогатинки звериные,

Илья муромецъ поехалъ ко граду киеву прямою дорогою от чернигова
которую заложил соловей разбойникъ ровно 30 лет не пропущалъ ни
конного ни пешего а убивалъ не оружием но своимъ разбойничьим
свистомъ наехалъ в чистое поле и увидел поприски богатырские
и кони поехал и приехал на те леса брянские на те грязи топучие на
мосты калиновы к той реке смородине и соловей разбойникъ подышалъ
себе кончину и безщастие великое и не допуская илью муромца за
20 ть верстъ засвисталъ своимъ свистомъ разбойничьимъ крепко
но богатырских сердце не устрашилъ и не допустя еще за 10 верстъ
засвисталъ громче так что от свисту под ильею муромцемъ конь
спотыкнулся и приехал под самое гнездо которое свито на двенатцати
дуба и соловей разбойникъ на гнезде сидя увидел светорусского богатыря
из засвиста как есть свистъ разбойничей и хотел илью муромца убить
до смерти илья муромецъ снимает с себя тугой лукъ накладываетъ калену
стрелу и пустил на то гнездо соловиное и попал в правой глаз и вышибъ вонъ
и соловей разбойник свалился з гнезда что овсяной снопъ

Подбегайте к добру молодцу́ близёшенько,
Берите-тка за рученьки за белые,
За его за перстни золочёные,
Ведите-тка в Со́ловье гнёздышко,
Кормите его ествушкой саха́рнией,
Поите его питьицем медвяным,
И дарите ему да́ры драгоценные».
Эти зятевья ль любимые
Побросали рогатинки звериные,
Подбегают к добру молодцу близе́шенько,
Хочут брать его за рученьки за белые,
За его за перстни за злачёные.
Как тут старый казак Илья Муромец
А он выдернул свою саблю острую,
Отрубил он им да буйны головы,
Половину он роет серы́м волкам,
А в другую половину чёрным воронам,
Сам поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей — во стольно-Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Сходил с коня на матушку сыру землю,
Сам идет в палаты белокаменны,
На пяту он дверь да поразмахивал,
А он крест кладет да по-писа́ному,
А поклон кладет да по-ученому,
На четыре на сторонушки поклоняется,
А князю́ Владимиру в особину,
А его всем князьям да подколенным:
«Здравствуй, князь Владимир стольно-киевский!
Я приехал из города из Муромля
Послужить тебе верой-правдою.
Защищать я буду церкви божии,
Защищать я веру христианскую,
Защищать буду тебя, князя Владимира,
Со своей Апраксей-королевичной».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашный дородный добрый молодец,
Ты с какой земли, да из какой орды,
Ты какого отца да есть матери?
По имечки тебе можно место дать,
По отечеству тебя пожаловать».
А ведь князь Владимир стольно-киевский
Только что пришел из церкви божией,
От той ли от позднеей обеденки.

Сидят за столичком дубовыим
На тех ли скамеечках окольныих,
Едят ествушки сахарние,
Пьют пи́тьица медвяные.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты дородный добрый молодец,
Старый ты казак да Илья Муромец!
Ты какой дорожкой ехал в стольно-Киев-град,
Прямоезжеей али окольноей?»
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ехал я дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей — во стольно-Киев-град».
Говорит князь Владимир стольно-киевский:
«Во глазах, мужик, ты надсмехаешься,
Хочешь ты пустым похвастаться,—
Где тебе проехать дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей — во стольно-Киев-град!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела да замуравела,
Замуравела да ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черныей,
Как у той ли берёзыньки покляповой,
У того креста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, проклятый, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,—
Так все травушки-муравушки уплетаются,
Все лазуревы цветочки осыпаются,
Мелки лесушки к земле да преклоняются,
А что есть людей — так все мертвы лежат».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А теперь Соловей-разбойничек на твоем дворе,
На твоем дворе, да на моем коне
У правого стремечка приковано».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Со всеми князьями подколенными
Пошли на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Одел шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушко,

Поскорёшеньку выходит на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Увидали Соловья-разбойничка,
Ужахнулись ихние сердечушка.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тка, Соловей, да по-соловьиному,
Закричи, собака, по-звериному,
Зашипи, проклятый, по-змеиному».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
Не у тя сегодня ел и пил,
Не тя сегодня я хочу послушаться,—
Ел и пил я у каза́ка Ильи Муромца,
Его буду я и слушати».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тка, Соловей, на полсвиста́,
Засвищи-тка, Соловей, на полкрика́,
Зашипи-тка, Соловей, на полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же ты старый казак Илья Муромец!
Запечатались мои кровавы ранушки
От того-то удара от тяжелого.
Ты налей-ка мне чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Разведи медами всё стоялыми,
Поднеси-тка мне, да Соловью-разбойничку».
Так тут старый казак Илья Муромец
Налил ему чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Поднес он Соловью-разбойничку,
Как тут выпил Соловей-разбойничек
Эту ль чару зелена вина,
Почуял скорую кончинушку,
Засвистел Соловей во полный свист,
Закричал, собака, во полный крик,
Зашипел, проклятый, во полный шип.
Так тут все травушки-муравушки уплетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
Малы лесушки к земле да преклоняются,
А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
А из тех ли теремов высокиих
Все хрустальные стеко́лышки посыпались,

А Владимир-князь да стольно-киевский
А он по двору да в кружки бегает,
Куньей шубкой да укрывается.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Что же ты мо́его наказа на послушался?
Я тебе велел свистеть во полсвиста,
Закричать во полкрика,
Зашипеть во полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак Илья Муромец!
Чую я свою скорую кончинушку,—
Оттого кричал я во полный крик,
Оттого я шипел во полный шип».
Как тут старый казак Илья Муромец
Расковал он Соловья да ножки резвые,
Ножки резвые да ручки белые,
Захватил его за рученьки за белые,
Захватил его за перстни золочёные,
И повел его на поле на Кули́ково.
Приводил на поле на Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил он Соловью да буйну голову.
Половину роет-от серы́м волкам,
А вторую половину чёрным воронам.

С той поры ли стало времечко —
Не стало Соловья-разбойничка
На матушке святой Руси.
Да тем былиночка покончена.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева
Бы́ла тут поездка богатырская,—
Выезжает оттуль да доброй мо́лодец,
Старыи казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром кони,
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял, да добрый мо́лодец,
От младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поли,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешок,

И от камешка лежит три росстани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженку ехати — убиту быть,
В дру́гую дороженку ехать — женату быть,
Третьюю дороженку ехать — богату быть».
Стоит старенькой да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А ещѐ такова́го чуда не нахаживал.
Но начто поеду в ту дороженку, да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены, да любимой семьи,
Некому держать-тощить да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но начто мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодинка ведь взять — да то чужа корысть,
А как старая-то взять — дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженку, где убиту быть:
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистом поли».
Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи,—
Во чистом поли да курева стоит,
Курева стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на́ холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озера меж ног спущал,
Он сини́ моря ты наоко́л скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатыи,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников,
И те ли ночные тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого каза́ку Илью Муромца,
Закричал разбойнический атаман большой:
«А гой же вы, мои братцы́-товарищи,
И разудаленькие вы да добры молодцы!

Принимайтесь-ка за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цветное,
Отбирайте от него да что ли добра коня».
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема,
Испроговорит тут добрый молодец да таково сло́во:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли тате́й ночных, да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего,—
Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платья цветного,
А и нет у старого да камня драгоценного,
Столько есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырскии,
И на добром коне ведь есть у старого седе́лышко,
Есть седелышко да богатырское,
То не для красы, братцы, и не для басы,—
Ради крепости да богатырскии,
И что можно́ было́ сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поли.
Но еще есть у старого на кони́ уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечике да во тесмяные
Как зашито есть по камешку по яфонту,
То не для красы, братцы, не для басы,—
Ради крепости богатырскии,
И где ходит ведь, гулят мой доброй конь,
И среди ведь ходит ночи темные,
И видно́ его за пятнадцать верст да равномерныих.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов,
То не для красы, братцы, не для басы,—
Ради крепости да богатырскии».
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойнический да атаман большой:
«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать,
Принимайтесь-ка вы, ребятушка, за дело ратное».
А й тут ведь старому да за беду стало
И за великую досаду показалося,
Снимал тут старый со буйной главы да шеломча́т колпак,
И он начал, старенький, тут шеломо́м помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,

А в дру́гу о́тмахнет — дак переулочек,
А видят тут разбойнички, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
«Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена!»
Он прибил-прирубил всю силу неверную,
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко Латырю,
И на камешке подпи́сь подписывал:
«И что ли очищена тая дорожка прямоезжая».

И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенький да во чисто поле,
Увидал тут старенький палаты белокаменны,
Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-кось ко мне, да добрый молодец».
И она бьет челом ему, да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добра молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,
Ты какой земли есть, да какой орды,
И ты чьего же отца есть да чьеё матери,
Еще как же те́бя именем зовут,
А звеличают тебя по отчеству?»
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
«И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?
А я теперь устал, да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу».
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню богато у́брану,
И ложи́т тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испроговорит тут молоде́ц да таково слово:

«Ай же ты душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да подпазушки,
И бросйл на тую на кроваточку,—
Как кроваточка-то эта подвернулася,
И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
«А гой же вы, братцы мои да вси товарищи,
И разудалые да добры молодцы!
Но имай, хватай, вот и сама идет».
Отворяет погреба глубокие,
Выпущает двенадцать да добрых молодцев,
И всё сильниих могучих богатырей,
Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём.
Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому казаку Ильи Муромцу.

И приезжает старенький ко камешку ко Латырю,
И на камешке-то он подпи́сь подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
Но направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поли наехали на три погреба глубокиих,
И которые насыпаны погреба златом, серебром,
Златом, серебром, каменьем драгоценныим.
И обирал тут добрый молодец всё злато это, серебро,
И раздавал это злато, серебро по нищей по братии,
И раздал он злато, серебро по сиротам по бесприютным.

Но обращался добрый молодец ко камешку ко Латырю,
И на камешке он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

А й татарин да поганыи,
Что ль Идолищо великое,
Набрал силы он татарскии,
Набрал силы много тысящей,

Он поехал нунь, татарин да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
А й ко солнышку Владимиру,
А й ко князю стольне-киевску.
Приезжает тут татарин да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставил силушку вкруг Киева,
Ставил силушки на много верст,
Сам поехал он к Владимиру.
Убоялся наш Владимир стольно-киевской
Что ль татарина да он было поганого,
Что ль Идолища да он было великого.
Не случилося да у Владимира
Дома русскиих могучиих богатырей,—
Уехали богатыри в чисто поле,
Во чисто поле уехали поляковать:
А й ни старого казака Ильи Муромца,
А й ни молода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было Потыка Иванова.
Был один Алешенька Левонтьевич,
Хоть бы смелыи Алешка — не удалыи.
А не смел же ехать в супротивности
А против было поганого татарина,
А против того Идолища великого.
Уж как солнышко Владимир стольно-киевской
Что ль татарину да кланялся,
Звал он тут в великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо,
Во свои было палаты белокаменны.

Тут же ездит Илья Муромец да у Царя-града,
Он незгодушку про Киев да проведает.
Как приправит Илья Муромец да коня доброго,
От Царя-града приправит же до Киева,
Тут поехал Илья Муромец в чисто поле,
А под тую было силу под татарскую,
Попадает ёму старец перегримищо,
Перегримищо, да тут могучии Иванищо.
Говорит ему казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ты Иванищо да е могучии!

Не очистишь что же нунчу града Киева,
Ты не у́бьешь нунь поганыих татаровей?»
Говорит ѐму Иванищо могучее:
«Там татарин е великии,
А великии Идолищо да страшныи,
Он по́ кулю да хлеба к выти ест,
По ведру вина да он на раз-то пьет,—
Так не смию я идти туды к татарину».
Говорит ему казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же ты Иванищо могучее!
Дай-ка мне-ка платьицев нунь старческих,
Да лаптёв же мне-ка нунчу старческих,
Своей шляпы нунь же мне-ка-ва да старческой,
Да й клюхи же мне́-ка сорока пудов,—
Не узнал бы нунь татарин да поганыи
Что меня же нунь казака Илья Муромца,
А Илья сына Иванова».
— «А не дал бы я ти платьицев да старческих,
А не смию не́ дать платьицов тут старческих,—
С чести ти не дать, так возьмешь не́ с чести,
Не с чести возьмешь, уж мне-ка бок набьешь».
Отдавае ему платьица ты старчески,
Лапти тут давае он же старчески,
Шляпу он давае тут же старческу,
А клюху ту он давае сорока пудов.
Принимает тут же платья богатырские,
А садился на коня да богатырского,
Он поехал Ильей Муромцем.

А идет тут Илья Муромец,
Что идет же к солнышку Владимиру,
Что идет Иванищо могучее
В платьях тут же старческих,
Он идет мимо палаты белокаменны,
Мимо ты косевчаты окошечки,
Где сидит было Идолищо поганое,
Где татарин да неверныи,—
А взглянул было татарин во окошечко,
Сам татарин испроговорит,
Говорит же тут татарин да поганыи:
«А по платьицам да иде старчищо,
По походочке так Илья Муромец»
Он приходит тут, казак да Илья Муромец,

А во тыи во палаты белокаменны
И во тых было во платьях да во старческих —
Того старца перегримищо,
Перегримища, да тут Иванища.
Говорит же тут Идолищо поганое:
«Ай же старчищо да перегримищо!
А й велик у вас казак да Илья Муромец?»
Отвечае ёму старец перегримищо:
«Не огромный наш казак да Илья Муромец —
Уж он толь велик, как я же есть».
— «А помногу ли ваш ест да Илья Муромец?»
Отвечае ёму старец перегримищо:
«Не помногу ест казак да Илья Муромец —
По три он калачика крупивчатых».
— «Он помногу же ли к выти да вина-то пьет?»
Отвечае ёму старец перегримищо:
«Он один же пьет да нунь стаканец ли».
Отвечает тут Идолищо поганое:
«Это что же есть да нунчу за богатырь ли!
Как нашии татарские бо́гатыри
По кулю да хлеба к выти кушают,
Не раз же по ведру вина да выпьют ли».
Отвечает тут казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Как у нашего попа да у Левонтья у Ростовского
Как бывала тут коровища обжорища,
По кубоче соломы да на ра́з ела,
По лохани да питья е да на раз пила,
Ела-ела, пила-пила, сама лопнула».
Тут Идолищу поганому не кажется,
Как ухватит он ножищо, да кинжалищо,
Да как махне он в каза́ка Илью Муромца,
Во того было Илью Иванова.
А казак тот был на ножки еще по́верток,
А на печку Илья Муромец выскакивал,
На́ лету он ножичок подхватывал,
А назад да к ему носом поворачивал.
Как подскочит тут казак да Илья Муромец
Со своей было клюхою сорочинскою,
Как ударит он его да в буйну голову,—
Отлетела голова да будто пугвица.
А как выскочит он да на широк двор,
Взял же он клюхой было помахивать,
А поганыих татаровей охаживать,

А прибил же всих поганыих татаровей,
А очистил Илья Муромец да Киев-град,
Збавил он солнышка Владимира
Из того же было полону великого.

Тут же Илье Муромцу да е славу́ поют.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Из да́лече-дале́че из чиста поля
Тут едут удалы два молодца,
Едут конь о́ конь, да седло́ о седло,
Узду́ о узду да тосмяную,
Да сами меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт:
Нам ехать, не ехать нам в Суздаль-град,—
Да в Суздале-граде питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитися,
Пройдет про нас славушка недобрая;
Да ехать, не ехать в Чернигов-град,—
В Чернигове-граде девки хороши,
С хорошими девками спознаться будёт,
Пройдет про нас славушка недобрая;
Нам ехать, не ехать во Киев-град,—
Да Киеву-городу на о́борону,
Да нам, добрым молодцам, на выхвальбу».

Приезжают ко городу ко Киеву,
Ко тому жо ко князю ко Владимиру,
Ко той жо ко гриденке ко светлоей,
Ставают молодцы да со добрых коней,
Да мечут коней своих невязанных,
Никому-то коней да не приказанных,—
Никому-то до коней да право дела нет,—
Да лазят во гриденку во светлую,
Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Молитву творят да всё Исусову,
Они бьют челом на вси чотыре стороны,
А князю с княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимир стольно-киевской!
Ты здравствуй, княгина мать Апраксия!»

Говорит-то Владимир стольно-киевской:
«Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой жо земли, какого города,
Какого отца да какой матушки,
Как вас, молодцов, да именём зовут?»
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Меня зовут Олёшей нынь Поповичём,
Попа бы Левонтья сын Ростовского,
Да другой-от — Еким, Олёшин паробок».
Говорит тут Владимир стольно-киевской:
«Давно про тя весточка прохаживала,—
Случилося Олёшу в очи видети;
Да перво те место да подле́ меня,
Друго тебе место супротив меня,
Третьё тебе место — куды сам ты хошь».
Говорит-то Олёшенька Попович-от:
«Не сяду я в место подле тебя,
Не сяду я в место супротив тебя,
Да сяду я в место, куды сам хочу,
Да сяду на печку на муравленку,
Под красно хоро́шо под трубно окно».
Немножко поры-де миновалося,
Да на пяту гриня отпиралася,
Да лазат-то Чудо поганоё,
Собака Тугарин был Змеевич-от:
Да богу собака не молится,
Да князю с княгиной он не кланется,
Князьям и боярам он челом не бьет;
Вышина у собаки ведь уж трех сажон,
Ширина у собаки ведь двух охват,
Промежу ему глаза да калена стрела,
Промежу ему ушей да пядь бумажная.
Садился собака он за ду́бов стол,
По праву руку князя он Владимира,
По леву руку княгины он Апраксии,—
Олёшка на запечье не у́терпел:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
Али ты с княгиной не в любе живешь?
Промежу вами Чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,

Со щеки-то на щеку перемётыват,
Лебе́жьё косьё да вон выплюиват,—
Олёша на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Был старо собачищо дворовоё,
По подстолью собака волочилася,
Лебежею косью задавилася,—
Собаке Тугарину не минуть того,
Лежать ему во да́лече в чистом поле».
Принесли-то на стол да пирог столово́й,
Вымал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то пирог да на булатен нож,
Он кинул, собака, себе в гортань,—
Олёшка на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо коровищо дворовое,
По двору-то корова волочилася,
Дробиной корова задавилася,—
Собаке Тугарину не минуть того,
Лежать ему во далечем чистом поле».
Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
«Да что у тя на за́печье за смерд сидит,
За смерд-от сидит, да за засельщина?»
Говорит-то Владимир стольно-киевской:
«Не смерд-от сидит, да не засельщина,—
Сидит русской могучёй да бо́гатырь,
А по имени Олёшенька Попович-от».
Вымал-то собака свой булатен нож,
Да кинул собака нож на запечьё,
Да кинул в Олёшеньку Поповича.
У Олёши Екимушко подхвадчив был,
Подхватил он ведь ножичёк за черешок,—
У ножа были припои нынь серебряны,
По весу-то припои были двенадцать пуд.
Да сами они-де похваляются:
«Здесь у нас дело заезжое,
А хлебы у нас здеся завозные,—
На вине-то пропьем, хоть на калаче проедим».

Пошел-то собака из застолья вон,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты будь-ка, Олёша, со мной на полё».

Говорит-то Олёша Попович-от:
«Да я с тобой, с собакой, хоть топере готов».
Говорит-то Екимушко да парубок:
«Ты ой есь, Олёшенька螺 названой брат!
Да сам ли пойдешь али меня пошлешь?»
Говорит-то Олёша нынь Попович-от:
«Да сам я пойду, да не тебя пошлю,—
Да силы у тя дак есь ведь с два меня».
Пошел-то Олёша пеш дорогою,
Навстрету ему идет названой брат,
Названой-от брат идет Гурьюшко,
На ногах несет поршни кабан-зверя,
На главы несет шелон земли греческой,
Во руках несет шалыгу подорожную,—
По весу была шалыга девяносто пуд,—
Да той же шалыгой подпирается.
Говорит-то Олёшенька Попович-от:
«Ты здравствуй, ты мой названой брат,
Названой ты брат да ведь уж Гурьюшко!
Ты дай мне-ка поршни кабан-зверя,
Ты дай мне шолон земли греческой,
Ты дай мне шалыгу подорожную».
Наложил Олёша поршни кабан-зверя,
Наложил Олёша шолон земли греческой,
В руки взял шалыгу подорожную,
Пошел-то Олёша пеш дорогою,
Да этой шалыгой подпирается.
Он смотрел собаку во чистом поле,—
Летаёт собака по поднебесью,
Да крылья у коня нонче бумажноё.
Он втапоры, Олёша сын Попович-от,
Он молится Спасу вседержителю,
Чудной мати божей Богородице:
«Уж ты ой еси, Спас да вседержитель наш,
Чудная есть мать да Богородица!
Пошли, господь, с неба крупна дожжа,
Подмочи, господь, крыльё бумажноё,
Опусти, господь, Тугарина на сыру землю».
Олёшина мольба богу доходна была —
Послал господь с неба крупна дожжа,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажноё,
Опустил господь собаку на сыру землю.
Да едёт Тугарин по чисту полю,
Крычит он, зычит да во всю голову:

«Да хошь ли, Олёша, я конем стопчу,
Да хошь ли, Олёша, я копьем сколю,
Да хошь ли, Олёша, я живком сглону?»
На то-де Олёшенька ведь вёрток был,—
Подвернулся под гриву лошадиную.
Да смотрит собака по чисту полю,
Да где-де Олёша нынь стоптáн лежит,—
Да втапоры Олёшенька Попович-от
Выскакивал из-под гривы лошадиноей,
Он машот шалыгой подорожною
По Тугариновой-де по буйной головы,—
Покатилась голова да с плеч, как пуговица,
Свалилось трупьё да на сыру землю.
Да втапоры Олёша сын Попович-от
Имаёт Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня дёржит,
Правой-то рукой да он трупьё секёт,
Рассек-то трупьё да по мелку часью,
Разметал-то трупьё да по чисту полю,
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олёша на востро копье,
Повез-то ко князю ко Владимиру.

Привез-то ко гриденке ко светлоей,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
Буди нет у тя нынь пивна котла —
Да вот те Тугаринова буйна голова;
Буди нет у тя дак пивных больших чаш —
Дак вот те Тугариновы ясны очи;
Буди нет у тя да больших блюдищов —
Дак вот те Тугариновы больши ушища».

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змеенышов,
Не выручай же пóлону там русского,
Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки;

Тая река свирипая,
Свирипая река, сама сердитая,—
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью».
Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родителя тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Олександровной,—
Ездил он на гору Сорочинскую,
Топтал он тут малыих змеенышков,
Выручал тут полону да русского,
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
„Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река, да е сердитая,—
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью».
Эта матушка Пучай-река —
Как ложинушка дождёвая“».
Не поспел тут же Добрыня словца молвити,—
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах:
«Ах ты мо́лодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь Добрынюшку цело́ сожру,
Захочу Добрыню в хобота возьму,
Захочу Добрынюшку в полон снесу».
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да за́хватить,
В ты пору́ Добрынюшкой похвастати,—
А нунчу Добрыня не в твоих руках».

Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другоём.
Нету у Добрыни ко́ня доброго,
Нету у Добрыни ко́пья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка».
Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил ножищо, да кинжалищо,
Хоче он змею было поро́спластать,—
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Быдь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я теби да сёстра меньшая.
Сделам мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору Сорочинскую,
Не топтать же зде-ка маленьких змеёнышков,
Не выру́чать полону да русского;
А я теби сестра да буду меньшая,—
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского».
Отсла́бил он колен да богатырскиих.
Змея была да тут лукавая,—
С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во кувыль-траву.

И молодой Добрыня сын Никитинич
Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К сво́ей тут к родители ко матушки,
К честной вдовы Офимьи Олександровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня доброго,
Как нету у Добрыни копья вострого,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле».

Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас навеселе,

А мне-ка-ва, Владимиру, не весело,—
Одна у мня любимая племянничка,
И молода Забава дочь Потятична:
Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;
Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамкамы да с нянькамы
В зеленом саду гулятиться,—
Подпадала тут змея было проклятая
Ко той матушки да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду да ю гуляючи,
В свои было во хобота змеиные,
Унесла она в пещерушку змеиную».
Сидят же тут два русскиих могучиих богатыря —
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во дру́гиих Добрыня сын Никитинич.
Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Вы русские могучие богатыри,
Ай же ты Алешенька Левонтьевич!
Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из тое было пещеры из змеиною?»
Испроговорит Алешенька Левонтьевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольне-киевской!
Я слыхал было на сем свети,
Я слыхал же от Добрынюшки Никитича,—
Добрынюшка змей было крестовый брат.
Отдаст же тут змея проклятая
Мо́лоду Добрынюшке Никитичу
Без бою, без драки, кроволития
Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».
Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты достань-ка нунь Забаву дочь Потятичну
Да из той было пещерушки змеиною.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,—
Прикажу теби, Добрыня, голову́ рубить».
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичен мост,
Ничего ему Добрыня не ответствует,
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтениё
Ему нунь за весело пированиё.

И пошел же ко родители ко матушки,
И к честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тут стретает его да родитель матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
«Что же ты, рожоное, не весело,
Буйну голову, рожоное, повесило?
Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы ты были не пó уму,
Али питьица ты были не по разуму?
Аль дурак тот над тобою надсмеялся ли,
Али пьяница ли там тебя прибóбозвал?
Али чарою тебя да там прибóбнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушки,
А честной вдовы Офимьи Олександровной:
«Ай честна вдова Офимья Олександровна!
Ествы ты же были мне-ка по уму,
А и питьица ты были мне по разуму,
Чарою меня там не приобнесли,
А дурак тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не приобозвал:
А накинул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольне-киевской,—
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною.
А нунь нету у Добрыни коня доброго,
А нунь нету у Добрыни копья вострого,
Не с чем мни поехати на гору Сорочинскую,
К той было змеи нынь ко проклятою».
Говорила тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Олександровна:
«А рожоное мое ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшко Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро мудренее буде вечера —
День у нас же буде там прибыточён.
Ты поди-ка на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя,—
Батюшков же конь стоит, да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшеньке стоялыя,

Повыдернул же дверь он вон и́з назму,
Конь же ноги из назму да вон выдéргиват,
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.

Ложился тут Добрыня на велик одёр,
Ставае он поутрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько.
А седлае своего да он добра коня,
Кладыва́е он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седелышко.
И садился тут Добрыня на добра коня,
Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Олександровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разныих,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышов,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышов от ног да прочь отряхивать,—
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги да промеж задние
Сам бурку да приговаривай:
„Бурушко, ты нонь поскакивай,
А змеенышов от ног да прочь отряхивай“».
Тут простилася да воротилася.

Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,—
Через ту стену поехал городовую,

Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змеенышов,
Выручать да полону нонь русского.
Подточили тут змееныши бурку да щеточки,
А не стал же его бурушко поскакивать.
На кони же тут Добрыня приужахнется —
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую,
А семи шелков да шамахинскиих,
Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
Промеж уши́ да он промеж ноги́,
А промеж ноги да промеж задние,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты бурушко, да нунь поскакивай,
А змеенышов от ног да прочь отряхивай».
Стал же его бурушко поскакивать,
А змеенышов от ног да прочь отряхивать,
Притоптал же всих он маленьких змеенышков,
Выручал он полону да русского.
И выходит тут змея было проклятое
Да из той было пещеры из змеиною,
И сама же тут Добрыне испроговорит:
«Ах ты душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору Сорочинскую
А топтать же мо́их маленьких змеенышев».
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты змея проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачим летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну
Без бою, без драки, кроволития».
Не отдавала о́на без бою, без драки, кроволития,
Заводила она бой, драку великую,
Да большое тут с Добрыней кроволитиё.
Бился тут Добрыня со змеей трои сутки,
А не може он побить змею проклятую.
Наконец, хотел Добрынюшка отъехати,—
Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:

«Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеей ты да трои сутки,
А побейся-ка с змеей да еще три часу».
Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
А побил змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прйжре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трои сутки,
На кони сидит Добрыня — приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехати.
С-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты мóлодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ка ты копьем да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земли да приговаривай».
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Расступись-ка ты же, матушка сыра земля,
На четыре на вси стороны,
Ты прижри-ка эту кровь да всю змеиную».
Расступилась было матушка сыра земля
На всих на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиныим,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиною,—
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеиныих,
И заходит он в пещеру во последнюю,—
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну,
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет,
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам

И деви́цам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да уне́сены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А сбирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая,—
А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная
От востока кровь да вниз до запада;
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,
А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на право́ стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком,—
И назвать тебя, Добрыня, нунчу не́ можно.
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимыим,—
А назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно.
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимыим,—
В нас же вы, Добрынюшка, не влю́битесь».
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты молода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкого —
Я есть роду христианского:
Нас нельзя назвать же другом да любимыим».

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

По три годы Добрынюшка-то стольничал,
По три годы Добрынюшка да чашничал,
По три годы Добрыня у ворот стоял,
Того стольничал, чашничал он девять лет,
На десятые Добрынюшка гулять пошел,
Гулять пошел по городу по Киеву.

А Добрынюшке ли матушка наказывает,
Государыня Добрыне наговаривает:
«Ты пойдешь гулять по городу по Киеву,—
Не ходи-тко ты, Добрыня, на царев кабак,
Не пей-ка ты допьяна зелена вина.
Не ходи-ка ты во улицы Игнатьевски,
Во те ли переулки во Маринкины:
Та ли 〈...〉 Маринка да потравница,
Потравила та Маринка девяти ли молодцов,
Девяти ли молодцов, да будто ясных соколо́в,—
Потравит тебя, Добрынюшку, в десятые».
А Добрынюшка-то матушки не слушался,
Заходит ли Добрыня на царев кабак,
Напивается допьяна зелена́ вина,
Сам пошел гулять по городу по Киеву.
А заходит ли во улицы в Игнатьевски,
А во те ли переулки во Маринкины,—
У той у́ 〈...〉 Маринки у Игнатьевной
Хорошо ли терема были раскрашены,
У ней терем-от со теремом свивается,
Однем-то жемчугом пересыпается.
На теремах сидели два сизыих два голубя,
Носок-от ко носку они целуются,
Прави́льныма крылами обнимаются.
Разгорелось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Натя́гает Добрынюшка свой тугой лук,
Накла́дает Добрыня калену стрелу,
Стреляет ли Добрыня во сизы́х голубей.
По грехам ли над Добрыней состоялося,—
Его правая-то ноженка поглёзнула,
Его левая-то рученка подрогнула,
А не мог згодить Добрыня во сизых голубей,
Едва згодил к Маринке во красно́ окно,
Он вышиб прицилину серебряную,
Разбил-то околенку стекольчатую,
Убил-то у Маринки друга милого,
Милого Тугарина Змеёвича.
Стоит ли Добрыня, пораздумался:
«В терем-от идти — так голова пропадет,
А в терем-от нейти — так стрела пропадет».
Зашел-то ли Добрыня во высок терём,
Крест-от он кладет по-писаному,
А поклон-от он ведет по-ученому.

Аилья муромецъ наѣхался з добрынею никитичем братьями и осе
длали своихъ добрыхъ коней и поехали вчистыя поля гулять недми
роана 3 мсца ненашли себе сопротивника только наехали вчистомъ
поле идетъ полечища прохоленъ гуня на немъ въ 50 пудъ шляпа въ
9 пудъ настыль 10 саженъ Илья муромецъ сталъ на него напущ
ать и хочитъ отведать своей силы богатырския и увиделъ пола
чища прохоленъ илью муромца и говоритъ он сей ты илья муроме
помнишли мы стобой вшкольной школе грамоте учились а ныне ты
наменя такова коньеу напускаешъ какъ наневедомаго неприятеля
а того ты неведаешъ что вславномъ городе кневе великая без
гадушка учинилась приехалъ неверной сильной богатырь и до
лица неуестивой голова уне во спиной ютелъ въ плечахъ сажень
промеж бровми пядь промежъ ушей колена стрела весть
онъ побыну апъетъ поготлу ннязь княгини велми об тебе
соболезнуе что ты его въ сдакой печали оставилъ

Сел он во большой угол на лавицу,
А Маринка та сидит, да ⟨...⟩, за завесою.
Посидели они летний день до вечера,
Они друг-то с другом слова не промолвили.

Взял-то ли Добрыня калену стрелу,
Пошел-то ли Добрыня из высо́ка терема́.
Ставала ли Маринка из-за за́весы,
А берет-то ли Маринка булатний нож,
Она резала следочики Добрынюшкины,
Сама крепкой приговор да приговаривала:
«Как я режу эти следики Добрынюшкины,
Так бы резало Добрыни ретиво сердце
По мне ли, по Маринки по Игнатьевной».
Она скоро затопляла печь кирпичную,
Как метала эти следики Добрынюшкины,
Сама крепкой приговор да приговаривала:
«Как горят-то эти следики Добрынюшкины,
Так горело бы Добрыни ретиво сердцо
По мне ли, по Маринки по Игнатьевны.
Не мог бы Добрынюшка ни жить, ни быть,
Ни дни бы не дневать, ни часу́ бы часовать».
Как вышел ли Добрыня на широкой двор,
Разгорелось у Добрыни ретиво сердцо
По той ли по Маринки по Игнатьевной,—
Назад-то ли Добрыня ворочается.

Этая Маринка Игнатьевна
Обвернула-то Добрынюшку гнедым туром,
Послала-то ко морю ко Турецкому:
«Поди-ка ты, Добрынюшка, ко морю ко Турецкому
Где ходят там, гуляют девять туров,—
Поди-ка ты, Добрынюшка, десятыим туром».

Как проведала Добрынюшкина матушка,
Сама-то ли старуха подымалася,
Пришла она к Маринке ко Игнатьевной,
Села-то на печку на кирпичную,
Сама ли говорила таково слово:
«Хочешь ли, Маринка ⟨...⟩ потравница,
Оберну я тя собакой подоконною,—
Ты будешь ли ходить да по подо́конью».
Этая Маринка Игнатьевна

Видит ли она да неминучую,
Обвернулася Маринка серой ласточкою,
Полетела-то ко морю ко Турецкому,
Села ли Добрыни на могучи плеча,
Говорила ли она да таково слово:
«Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя меня замуж,—
Отверну я тя, Добрыня, добрым молодцем».
— «Возьму я тя, Маринка, за себя замуж».
Повернула-то его да добрым мо́лодцом.
Взял-то он Маринку Игнатьевну,
Посадил он на ворота на широкие,
Всю он расстрелял из туга лука,
Рассек он, распластал тело белое,
Всё ли разметал по чисту полю.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна.
Она с каменю скочила на лютого на змея,
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила:
А и на небе просветя светел месяц,—
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индейское,
А и синея моря сколыбалося
Для-ради рожденья богатырского,
Молода Вольха Всеславьевича,
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.

А и будет Вольх в полтора часа —
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясы в поясья шелковые,—
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».

А и будет Вольх семи годов,—
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Вольху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошла.
А и будет Вольх десяти годов,—
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-то мудрости учился он, Вольх,—
Обвертоваться серым волком,
Ко третей-то мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром-золотые рога.
А и будет Вольх во двенадцать лет,—
Стал себе Вольх он дружину прибирать.
Дружину прибирал в три годы,
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая.

Ко стольному городу Киеву
Индейской царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розорить.
А втапоры Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.

Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вольх поил-кормил дружину хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцов,
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то — барсовые.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хорабрую,
А все у него были ества переменные,
Переменные ества, сахарные.
А стал он, Вольх, вражбу чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас — семь тысячей,
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такова молодца
Опричь тебя, Вольха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич
Он обвернулся гнедым туром-золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царские,

Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные ветры по насту тянут,—
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь:
А и на небе просветя светел месяц,—
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе, царю, сопротивничек».
А втапоры Вольх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то-де речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким по теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
Звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Вольх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому».
И пришли они ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железные,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня-дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашу пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасные,

А и как нам будет стена пройти?»
Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейскием,—
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною.
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы по выбору
Не много, не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы».
А и ходят его дружина
По царству Индейскому,
А и рубят старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он, Вольх, во палаты пошел,
Во те во палаты царские,
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железные,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железные —
Изломал все пробои булатные.
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрульевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
«А и вас-то, царей, не бьют, не казнят».
Ухватя его, ударил о кирпищатый пол,
Расшиб его в крохи ⟨...⟩.
И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну,
А и те его дружина хоробрые
И на тех на девицах пореженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,

А то стали люди посадские,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мо́лодый Вольга́,
Мо́лодой Вольга́ Святославович.
Как стал тут Во́льга растеть-матереть,
Похотелося Вольги́ много мудрости —
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыска́ть да по чисты́им полям.
Уходили все рыбы во сини́е моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темны́е леса.
Как стал тут Во́льга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую —
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга́ во тридцатыих.
Собирал себе жеребчиков нелёгченых,
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольицо чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая,—
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешики по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до́ вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати,—
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до па́бедья,
А наехали в чистом поле оратая,—

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье́, коренья вывертывает,
А большие-то камни в борозду валит.
У оратая кобыла соло́вая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатние,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян,—
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту, пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья, коренья вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить».
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобно божья помочь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держи́шь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да ро́дной дядюшка,
Родной дядюшка, да крестной батюшка,
Ласковой Владимир стольне-киевской,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первыим городом Курцовцом,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга Святославович!
Как живут-то мужички да все разбойнички,—
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тя в речку да во Смородину.

1. ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(♩=88)

Записано А. С. Аренскимъ съ фонографа Ю. И. Блока.

1-й мотивъ. 2-й мотивъ. 3-й мотивъ.

Жилъ Свя-то-славъ де-вя-но-сто лѣтъ, Жилъ Свя-то-славъ да пе-ре-ста-вил-ся; Оста-ва-лось отъ не-го да ча-до ми-ло-е
Мо-ло-дой Воль-га да Свя-то-слав-го-вичъ.

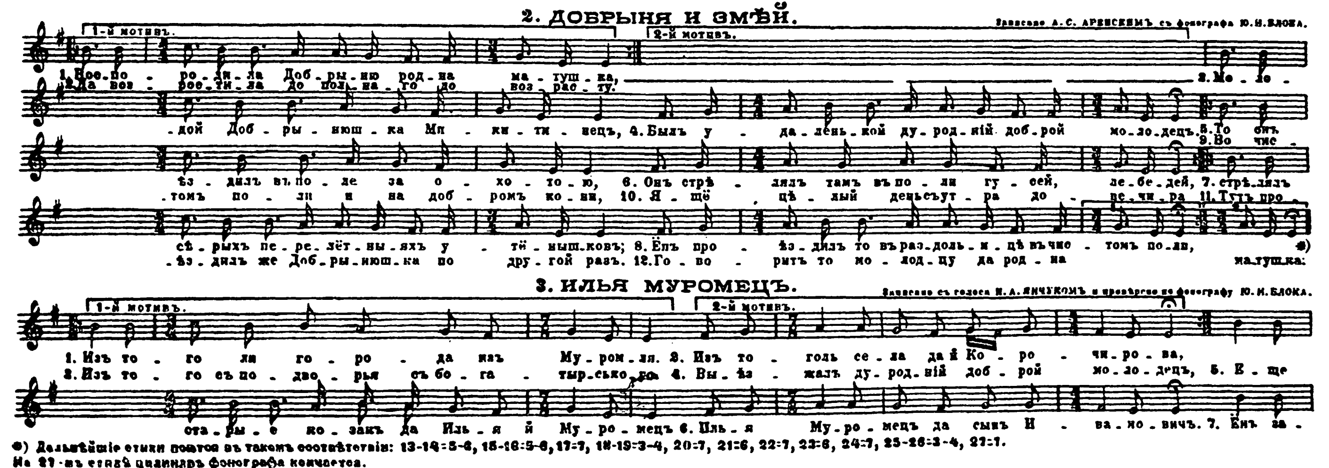
Сталъ Воль-га рас-тѣть ма-те-рѣть, По-хо-тѣ-ло-ся Воль-гѣ да много муд-рос-ти: Щукой Рыс-кать вол-комъ во чистыхъ по-лихъ. У-хо-
ры-бо-ю хо-дить е-му по си-ні-ихъ мо-ряхъ Птичкой со-ко-ломъ летать Вольгиподъ о-бо-ло-комъ,

-ди-ли то всѣ ры-буш-ки въ глу-бо-кі-я мо-ря, У-ле-та-ли то всѣ пти-чки подъ о-бо-ло-ки, У-бѣ-га-ли то всѣ звѣ-ри во тем-ны лѣ-са

Сталъ Воль-га рас-тѣть ма-те-рѣть, Е-го то былъ род-ный дя-дюш-ка Ласковъ князь то Владимиръ стольный Кі-ев-ской

Жа-ло-валъ е-го ——— Тре-ма го-ро-да-ма все кре-стья-нов-ски-ми: Пер-вый го-родъ а Гур-цо-вецъ,
Дру-гой го-родъ О-рѣ-хо-вецъ,
Тре-тій го-родъ Кре-стья-но-вецъ.

Мо-ло-дой Воль-га Свя-то-слав-го-вичъ Со-би-ралъ со-бѣ дру-жи-нуш-ку хо-роб-ру-ю. Тридцать мо-лод-цовъ да безъ е-ди-на-го,
Самъ е-ще Воль-га дай во трид-ца-ты-ихъ, Са-

-ди-лись на доб-рыхъ ко-ней по-ѣ-ха-ли По э-тимъ го-ро-дамъ да за по-луч-ко-ю. Мо-ло-дой Воль-га да Свя-то-славго-вичъ, Ѣхъ по (выѣхалъ) и пр.

2. ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.
Записано А. С. Аренскимъ съ фонографа Ю. И. Блока.
1-й мотивъ.
2-й мотивъ.
1. Все-по - ро-ди-ла Доб-ры-ню род-на ма-туш-ка, 2. Мо-ло-дой Доб-ры-нюш-ка Ми-ки-ти-нецъ, 4. Былъ у - да-лень-кой ду-род-ній доб-рой мо-ло-децъ. 5. То онъ ѣз-дилъ въ по-ле за о-хо-то-ю, 6. Онъ стрѣ-лялъ тамъ въ по-ли гу-сей, ле-бе-дей, 7. Стрѣ-лялъ сѣ-рыхъ пе-ре-лёт-ны-яхъ у-тё-ныш-ковъ; 8. Ёнъ про-ѣз-дилъ то въ раз-доль-и-цѣ въ чис-томъ по-ли,
3. Да воз-рос-ти-ла до пол-на-го до воз-рас-ту.
9. Во чис-томъ по-ли и на доб-ромъ ко-ни, 10. Я - щё цѣ-лый день съ ут-ра до ве-че-ра. 11. Тутъ про-ѣз-дилъ же Доб-ры-нюш-ка по дру-гой разъ. 12. Го-во-ритъ то мо-лод-цу да род-на ма-туш-ка:
3. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.
Записано съ голоса И. А. Янчукомъ и провѣрено по фонографу Ю. И. Блока.
1-й мотивъ.
2-й мотивъ.
1. Изъ то-го ли го-ро-да изъ Му-ром-ля, 3. Изъ то-голь се-ла да й Ко-ро-чи-ро-ва,
2. Изъ то-го съ по-дво-рья съ бо-га-тыр-сько-го, 4. Вы-ѣз-жалъ ду-род-ній доб-рой мо-ло-децъ, 5. Е-ще ста-ры-е ко-закъ да Иль-я й Му-ро-мецъ 6. Иль-я Му-ро-мецъ да сынъ И-ва-но-вичъ. 7. Ёнъ за-
*) Дальнѣйшіе стихи поются въ такомъ соотвѣтствіи: 13-14=5-6, 15-16=5-6, 17=7, 18-19=3-4, 20=7, 21=6, 22=7, 23=6, 24=7, 25-26=3-4, 27=1.
На 27-мъ стихѣ цилиндръ фонографа кончается.

Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд.
А тут стали мужички с меня грошов просить,
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится,
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,—
Положил тут я их ведь до тысячи:
Который стоя стоит — тот сидя сидит,
Который сидя сидит — тот и лёжа лежит».
Тут проговорил ведь Во́льга Святославович:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью́ пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгин конь да оставается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздичке
Не для-ради прохожего-проезжего,—
Маломожный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет, не позарится,—
А для-ради му́жичка, да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повывернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути,
Да бросить сошку за ракитов куст».
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,—
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,—
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко́ той ли ко сошке кленовенькой,

Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут мóлодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Целыим он да ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вóльга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобылы соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой,
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали́».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.

Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы».
Тут проговорит Вольга Святославович:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,—
А тут станут мужички меня похваливати:
Молодой Микула Селянинович!»

Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,
Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был, да мужичков он бил».
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:
«Как бы прийти да извинитися,
А им низко бы да поклонитися».
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты Никула Селянинович!
Я жалую от себя трема городами со крестьянамы.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую».

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Ездит Илья во чистом поле,
Говорит себе таково слово:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве,—
Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве».

Приходил Илья в стольный Киев-град,
У князя Владимира на весело,
Походит Илейко во княжо́й терем,
Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцом чевствовать?»
Отвечает Илья Муромец:
«Свет Владимир красное солнышко!
Я Никита Заолешанин».
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:
«Уж ты батюшко Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с во́ронятами».

Князю Владимиру за беду пало:
«Есть у меня, Никита, три богáтыря,—
Выходите-ка вы, самолучшие,
Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы».
Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать,—
Никита стоит не шáтнется,
На буйной главе колпак не тря́хнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
Подавай еще трех богатырей».
Выходили еще три богатыря,
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать,—
Никита стоит не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай еще трех богатырей».
Выходили третьи три богатыря,—
Ничего не могли упахать с Никитушкой.
При том пиру, при беседушке
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад,
Говорил он князю Владимиру:
«Князь Владимир красное солнышко!
Не умел ты гостя в приезде учёвствовать —
На отъезде гостя не учёвствуешь.
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец».
Говорит Илья таково слово:
«Князь Владимир стольный киевский'
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди,—
Глядючи, снимешь охоту тешиться».
Стал он, Илейко, потешиться,
Стал он богатырей попихивать,
Сильных-могучих учал попинывать,—
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подлé меня,
Хоть по правую руку аль по левую,

А третьёе тебе место — куда хошь садись».
Отвечает Илья Муромец:
«Володимир-князь земли святорусския!
Правду сказывал Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад:
„Не умел ты гостя на приезде учёвствовать —
На отъезде гостя не учёвствуешь.
Сам ты сидел с воронами,
А меня садил с воронятами“».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Славныя Владимир стольне-киевской
Собирал-то он славный почестен пир,
На многих князей он и бояров,
Славных сильныих могучиих богатырей,
А на пир ли-то он нé позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось то великую,
Й он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук разрывчатой,
А он стрелочки берет каленые,
Выходил Илья он да на Киев-град,
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать,
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он золочены все повыстрелял,
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкие!
Да и выходите с кабаков, домов питейныих,
И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
То несите в кабаки, в домы питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир-князь да стольнё-киевской!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки божьи церкви погуливат,

На божьих церквах кресты повыломил,
А все маковки он золоченые повыстрелял.
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
„Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкие!
И выходите с кабаков, домов питейныих,
И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
Да и несите в кабаки, в домы питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта“».
Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
И он стал, Владимир, дума думати,
Ёму как-то надобно с Ильей помиритися,
И завел Владимир-князь да стольнё-киевской,
Он завел почестен пир да и на дру́гой день.
Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
Да 'ще он стал да и дума думати:
«Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого казака Илью Муромца?
Самому пойти мне-то, Владимиру, не хочется,
А Опраксия послать — то не к лицу идет».
Ён как шел-то по столовой своей горенке,
Шел-то он о столики дубовые,
Становился супротив моло́дого Добрынюшки,
Говорил Добрыне таковы слова:
«Ты молоденький Добрынюшка!
Сходи-тко ты к старому каза́ке к Ильи Муромцу.
Да зайди в палаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пяту-то дверь ты поразмахивай,
Еще крест клади да й по-писаному,
Да й поклон веди-тко по-ученому,
А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичныих,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаке Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
„Ай ты старыя казак да Илья Муромец!
Я пришел к тобе от князя от Владимира,
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тобе позвать я на почестен пир“».
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Куную шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,

Выходил он со столовою со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаке к Илье Муромцу
Да в его палаты белокаменны,
Ён пришел как в столовую во горенку,
На пяту-то он дверь да поразмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А 'ще бил-то он челом, да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичныих,
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорил-то ён Илье да таковы слова:
«Ай же братец ты мой да крестовыи,
Старыя казак да Илья Муромец!
Я к тоби послáн от князя от Владимира,
От Опраксы-королевичной
А й позвать тобя да й на почестен пир».
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Скорешенько ставал он на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко.
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они палатой белокаменной,
Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли они ко князю к Владимиру
Да й на славный-то почестен пир.
Там Владимир-князь да стольнё-киевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорит-то со Опраксой-королевичной:
«Подойдут ли ко мне как два русскиих богáтыря
Да на мой-от славный на почестен пир?»
И прошли они в палату в белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку,
Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
Со Опраксией со королевичной
Подошли-то они к старому казаке к Илье Муромцу;
Они брали-то за ручушки за белые,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же старыя казак ты Илья Муромец!

Твое местечко было да ведь пониже всих,
То́перь местечко за столиком повыше всих!
Ты садись-ка да за столик за дубовыи».
Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питьицем медвяныим.

Они тут с Ильей и помирилися.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как Владимир-князь да стольне-киевский
С Ильей Муромцем да й порассорился,
Порассорился с каза́ком Ильей Муромцем,
Засадил казака Илью Муромца
А на тыя ль на погребы глубокие,
А на тыя ль на ледники холодные,
А за тыи за решетки за железные,
А на тыя на казени на смертные,
Не на мало поры-времени — на три́ году,
На́ три году й на три месяца,
Чтобы не был жив дуродний добрый молодец.

У ласкового князя у Владимира
А любимая была дочка одинакая,
Она видит — дело есть нехорошее:
Посадили дуродня й добра молодца
А на тыя погребы глубокие,
А на тыи ль ледники холодные,
А за тыи за решетки железные,
А на тыя на казени на смертные,
Не на мало поры-времени — на три году,
На три году й на три месяца,—
А который бы дуродний добрый молодец
Постоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог да й стольней Киев-град,
А сберечь бы мог бы церквы божие,
А сберечь бы мог князя́ Владимира.
Она сделала ключи поддельные,
Положила людей да й потае́нныих,
А снесла о́на й ествушки саха́рние,
Да й снесла она питьвица медвяные,
Да й перинушки, подушечки пуховые,

А одьялышки снесла теплые,
На себя она́ шубоньку ведь ю куньюю,
Сапоженки на ноженки сафьянные,
На головушку шапку соболиную.
В полону сидит дуродний добрый молодец,
В полону сидит да й под обидою,
Он не старится, да й лучше ставится.

А тут в ту ль пору, в тое ль времечко
Да й на тот на славный стольний Киев-град
Воспылал собака ли царь Ка́лина.
Посылает он посла да й в стольний Киев-град,
Пословесно собака он наказывал,
Говорит-то й собака таковы слова:
«Поезжай-ка, мой посланник, в стольний Киев-град,
Заезжай-ка к князю й на широкий двор,
Станови коня ты богатырского,
Выходи на матушку й сыру землю,
Ты й спускай коня на двор, да й не привязывай,
Ты иди в палату белокаменну,
На пяту ты дверь да й поразмахивай,
Не за́пирай дверей в палату белокаменну,
Не снимай-ка кивера ты со головушки,
Не клади креста да й по-писа́нному,
Не веди поклонов по-ученому,
А ты князю Владимиру й не кланяйся,
Его всем князьям да й подколенныим.
Положи-тка грамоту на зо́лот стол,
Пословесно князю выговаривай:
„Ты Владимир-князь да й стольне-киевский!
А очисти-тка ты улицы стрелецкие,
Все широ́ки дво́ры княженецкие,
А наставь-ка ты хмельних напиточок,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
А частёхонько были, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великима“».
Тут поезжает посланник в стольний Киев-град,
Он садился, молодец, да на добра́ коня,
Приезжал во славный стольний Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырского,
Выходил на матушку й сыру́ землю́,

Он спускал коня во двор, да й не привязывал,
Скоро шел в палату белокаменну,
На пяту он дверь да й поразмахивал,
Не запирал дверей в палату белокаменну,
Не снимал он кивера да й со головушки,
Не кладет креста он по-писанному,
Не ведет поклонов по-ученому,
А он князю Владимиру й не кланялся,
Его всем князьям да й подколенныим,
Положил он грамоту й на золот стол,
Пословесно князю й выговаривал:
«Ты Владимир-князь да й стольне-киевский!
А очисти-тка ты улицы стрелецкие,
Все широки дворы княженецкие,
А наставь-ка ты хмельних напиточок,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
А частёхонько было, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великими».
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский,
А садился князь Владимир наременчат стул,
А писал он грамоту й посыльнюю
А тому ль собаки царю Калины,
А просил он строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на три году,
На три году и на три месяца:
«Ай же ты собака ли царь Калина!
А дай-ка мни сроку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на три году,
Приочистить улицы стрелецкие,
Все широки дворы княженецкие,
А наставить хмельных напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку частёхонько,
А частёхонько были, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великима».
Подает он грамоту послу да й во белы́ руки,
Тут пошел посланник на широкий двор,
А садился посланник на добра коня,
Приезжал посланник к собаке царю Калине,
Подавает он грамоту посыльнюю
А тому ль собаке царю Калины,
Этот собака ли царь Калина
Прочитал он грамоту й посыльнюю

От того ль от князя й от Владимира,
А дает он ему строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на три году,
На три году й на три месяца —
Приочистить улички стрелецкие,
Все широки дворы княженецкие,
А наставить хмельных напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
А частёхонько были, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великима.

Да й прошло тут времечки по год поры,
Да й прошло тут времени по два году,
Да й прошло тут времени по три году,
Ведь по три году й по три месяца.
Тут докладуют ко князю ко Владимиру:
«Ты Владимир-князь да й стольне-киевский!
Ты сидишь во тереме златом верхи,
А ты ешь да пьешь да й прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
А ведь твой-то славный стольний Киев-град
В полону стоит да й под обидою,—
Обошла его литва поганая
А того ль собаки царя Калины,
Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
Хочет божья церквы все на дым спустить,
А тебя, князя́ Владимира, в полон-то взять
Со Опраксией да королевичной,
А в полон-то взять да й голову́ срубить».
Прикручинился Владимир, припечалился,
Он ходил по горенке столовоей,
Да й погуливал о столики дубовые,
Да й ронил Владимир горючи́ слезы,
Говорил Владимир таковы слова:
«А я глупость сделал, князь да стольне-киевский,—
Засадил дуродня й добра молодца,
Старого казака Илью Муромца
А на тыя погребы глубокие,
А на тыи ледники холодные,
А за тыя ль решетки за железные,
Не на мало поры-времени — на три году,
На три году й на три месяца.

А который бы дуродний добрый молодец
Постоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог наш Киев-град,
А сберечь бы мог он церквы божие,
Да й сберечь бы мог меня, князя́ Владимира».
Тут у славного у князя й у Владимира
А любима й была дочь одинакая,
Говорит она да й таковы слова:
«Ай же батюшка да й ты Владимир-князь!
А прости-ка ты й меня в вины великоей,
А я сделала ключи поддельные,
Положила людей потаенныих
На тыи погребы глубокие,
Да й снесли-та й ествушки сахарние,
Да й снесли-та й питьвица медвяные,
Да й перинушки, подушечки пуховые,
Одеялушки снесли да й теплые,
А сапоженки на ноженки сафьянные,
На себя снесли да й кунью шубоньку,
А шапку на головушку й соболиную
А тому ль дуродню добру молодцу,
Старому казаку Илье Муромцу.
Он есть жив бога́тырь святорусскии,
В полону сидит да й под обидою,
Он не старится, да й лучше ставится».
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский,
А берет Владимир золоты ключи,
Да идет на погребы й глубокие,
Отмыкает погребы глубокие,
Усмотрел он дуродня добра молодца,
Старого казака Илью Муромца:
На себе у него да й кунья шубонька,
А сапоженьки на ноженьках сафьянные,
На головке шапка соболиная,
Да й перинушки, подушечки пуховые,
А одьялышки да й еще теплые,
Перед ним стоит ествушка сахарнии,
Перед ним стоит питьвицо медвяныи,
В полону сидит богатырь святорусскии,
Он не старится, да й лучше ставится.
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский,
Он берет ёго й за ручушки за белые,
Да й за перстни брал да й за злаченые,
Целовал во уста да й во сахарние,

Да й повел его в палату белокаменну.
Приводил его в палату белокаменну,
Да й во горенку он во столовую,
Да й садил за столики дубовые,
За тыи за скамеечки окольние,
Да й кормил его ествушкой сахарноей,
Да й поил его питьвицем медвяным.
Говорит Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Ты прости меня в вины великоей,
На меня ты, князя, ведь не гневайся,
А постой-ка ты за веру й за отечество,
Да й за тот за славный стольний Киев-град,
Да й за тыя ль за церквы да й за божие,
За меня, за князя за Владимира.
Наш ведь Киев-град да й в полону стоит,
В полону стоит да й под обидою —
Обошла ведь его литва поганая
А того ль собаки царя Калины,
Хочет черных мужичков он всех повырубить,
Хочет божьие церквы все на дым спустить,
А меня, князя Владимира, в полон возьмет
Со Опраксией да й королевичной».
Так тут старый казак да Илья Муромец
Он поел тут ествушок сахарниих,
Да й попил тут питьвицов медвяныих,
Выходил за столиков дубовыих,
Да й за тых скамеечек окольныих,
Выходил на славный на широкий двор,
Да й на тот на славный стольне-Киев-град,
Он ходил-гулял по городу по Киеву,
Цельный день гулял с утра й до вечера,
Заходил в свою палату й белокаменну,
Да й во тую ль горенку столовую,
Он садился к столику дубовому,
А за тыи скамеечки окольные,
Он поел тут ествушки сахарноей,
Да й попил он питьвицов медвяныих,
Спать ложился й на кроваточку тесовую,
Да й на тую ль на перинушку пуховую.
А поутрушку вставал ранёшенько,
Умывался он да добелёшенька,
Одевался он да й хорошохонько,
Он одел одёжу драгоценную,

А снарядную одёжицу опальную,
Манишечки-рубашечки шелко́вые.
Да й берет свой ту́гой лук разрывчатой,
А набрал он много стрелочек каленыих,
А берет свою он саблю вострую,
Свое вострое копье да й муржамецкое,
Выходил молодец тут на широкий двор,
Заходил он в конюшню во стоялую,
А берет тут молодец добра коня,
А берет коня за поводы шелковые,
Его добрый конь да й богатырскии
Не в пример лучше он выпоен да й выкормлен
У его ли паробка любимого.
Говорит тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же верный мой слуга ты неизменныи!
Я люблю тебя за то и жалую,
Что кормил, поил ты моего добра коня».
Он берет коня за поводы й шелковые,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал добра коня молодец заседлывать,
Он заседлывал коня да й закольчуживал,
Садился моло́дец да й на добра коня,
Да й поехал мо́лодец и с широка двора,
С широка двора в раздольице чисто́ полё,
Подъезжал ко рать-силы великоей.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог на́смотреть конца й краю́ силы́ татарскоей.
А скрозь пару-то ведь лошадиного,
Да скрозь того пару человечьего
Да й не может пропекать да й красно солнышко;
Ото ржания да й лошадиного,
А от покриков да й человеческих
Ужахается сердечко й молодецкое.
А тут старый казак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей,
Он тут ехал по раздольицу й чисту полю
А об этую рать-силу великую.
А скочил на эту гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,—
Он не смог насмотреть конца й краю́ силы́ татарскоей:

От того ли пару лошадиного,
Скрозь того пару человечьего
Не может пропекать да й красно солнышко;
Ото ржания да й лошадиного,
А от покриков да й человеческих
Ужахается сердечко й молодецкое.
Старый казак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей,
Он тут ехал по раздольицу й чисту полю,
А об этую о рать-силу великую.
Да й скочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре й на сторонушки,
Посмотрел он в восточную сторонушку,—
А во той восточноей сторонушки,
Во славноем во раздольице чистом поли
Стоят добры кони богатырские
У того ль они да й у бела шатра,
Оны зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый казак да Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей,
А поехал в восточную сторонушку
Ко тому он да й ко белу шатру.
Приезжал молодец тут ко белу шатру,
Становил коня он богатырского,
Выходил на матушку й сыру землю,
Принакинул ко́ню й поводы шелковые,
Он спустил коня к поло́тну белому,
Его й добрый конь да й богатырскии
Смелой грудью шел к полотну белому,
А все добрые кони расскочилися.
Говорит старый казак тут Илья Муромец:
«А ведь верно есть еще й во белом шатри,
А мне-то есть еще божья́ помочь».
Тут старый казак Илья Муромец
Заходил тут он да й во белой шатер,
А во том во славном во белом шатри
А его крестовый еще й батюшка,
А Сампсон-то и есть да и Самойлович
Со своей дружинушкой хороброей
Он садится хлеба-соли кушати.
Говорит Самсон да й таковы слова:
«Ай же крестничек да ты любимый мой,
Старый казак да Илья Муромец!
А садись-ка с намы за единый стол,

А поешь-ка ествушки сахарнеей,
Ты попей-ка питьвицов медвяныих».
А тут старый казак да Илья Муромец
А садился молодец тут за единый стол,
Да й поел он ествушек сахарниих,
Да й попил он питьвицов медвяныих.
Тут удалые дуродни добры молодцы
А ложатся спать да й во белом шатри.
Говорит Илья тут таковы слова:
«Ай же ты крестовый ты мой батюшка,
А Сампсон же ты да и Самойлович,
А вы вся дружинушка хоробрая!
Вы й седлайте-тка ко́ней богатырскиих,
Да й поедемте в раздольице в чисто поле,
Постоимте за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божие,
Сберегёмте мы князя й Владимира».
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:
«Ай же ты любимыи мой крестничек,
Старый казак да Илья Муромец!
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чисто полё,
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелые,
А на тыи ль побоища на смёртные.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да й бояринов,
Он их кормит, пойт, да он их жалуёт.
Ничего ведь мы от князя й не предвидели».
Так тут старый казак да Илья Муромец
Он ведь бьет челом еще й на дру́гой раз,
Говорит тут молодец он таковы слова:
«Ай же ты крестовый ты мой батюшка,
А Сампсон же ты да и Самойлович,
А вы вся дружинушка хоробрая!
Вы седлайте-тка коней богатырскиих,
Да й поедемте в раздольице в чисто поле,
Постоимте за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божие,
Сберегёмте мы князя й Владимира».
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

«Ай же ты любимыи мой крестничек,
Старый казак да Илья Муромец!
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й в чисто полё,
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелые,
А на тыи ль побоища на смёртные.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,
Он их кормит, поит да и жалуёт.
Ничего ведь мы от князя й не предвидели».
Старый казак да Илья Муромец
А он бьет челом еще й по третий раз,
Говорит молодец да й таковы слова:
«Ай же ты крестовый мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович!
А седлай-тка коней богатырских,
Мы поедемте в раздольице чисто полё,
Постоимте за веру, за отечество,
Сохранимте вы да й церквы божие,
Сберегёмте вы князя Владимира».
Так тут все молодцы́ на спокой легли.
А старый казак да Илья Муромец,
Выходил молодец да из бела шатра,
Да й садился молодец тут на добра коня,
А выехал в раздольице й чисто полё
Да й ко той ли рать-силе ко великоей.
Подъезжал он ко рать-силе ко великоей,
Он просил себе тут бога на́ помочь
Дай й пречистую пресвятую Богородицу,
Припускал коня он богатырского
На этую на рать-силу великую.
А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет — па́дёт улицмы,
Перевёрнется — дак переулкамы.
Его добрый конь тут богатырскии
Взлепетал язы́ком человеческим:
«Ай же старый ты казак да Илья Муромец!
Напускаешь ты на рать-силу й великую,
А ведь сила есть тут очень сильняя,
А ведь воины-то есть могучие,
Поляницы есть ведь разудалые;
Есть три по́дкопа подкопаны глубокиих,
Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокие,—

Я оттуда с подкопов повыскочу,
А тебя, Илью Муромца, й повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-подкопы глубокие,—
А я с дру́гих ям-то ведь повыскочу,
А тебя, Ильи Муромца, й повыздыну;
Я й прогрязну в третьи ямы-подкопы глубокие,—
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя, Ильи Муромца, не выздыну».
Разгорелося сердце й у богатыря,
А у старого ль казака Ильи Муромца,
Говорит тут он да й таковы слова:
«Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих».
Он берет тут в руки плеточку шелковую,
Он тут бил коня да й по тучно́й бедры,
Первый раз он бил коня между ушей,
Дру́гой раз он между ноги между задние,
А давал удары всё тяжелые.
Его й добрый конь тут богатырскии
По чисту полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чисту полю,
Он прогрязнул в первы ямы-подкопы глубокие,—
А он с первых ям еще й повыскочил
Да й казака Илью Муромца й повыздынул;
Он прогрязнул в други ямы-подкопы глубокие,—
А он с других ям еще й повыскочил
Да й казака Илью Муромца повыздынул;
Он прогрязнул в третьи ямы-подкопы глубокие,—
С третьих ям конь еще й повыскочил,
А казака Ильи Муромца й не выздынул,
Он свернулся с седелышка черкальского,
А упал в ямы-подкопы глубокие.
Не могли захватить коня й татарова,
Тут напа́дали татарова й поганые
На того ль дуродня добра молодца,
Да й сковали Ильи да й ножки резвые,
Да й связали Ильи да ручки белые,
Да й хотели срубить буйну й головушку.
Говорят тут татарова поганые:
«Не рубите как ему буйно́й головушки,
Это есть богатырь святорусскии.
Вы сведемте его к собаке царю Калину,
Что он знает — над ним дак то пусть и делаёт».

Повели тут дуродня добра молодца
А к тому собаке царю Калину,
Приводили к собаке царю Калину
А вот оне да и во бел шатер,
Говорит собака ли царь Калина:
«Ай же ты стерва й молодой щенок!
Напускаешь ты й на рать-силу великую,
А ведь сила есть тут очень сильняя,
Воины ведь есть могучие,
Поляницы есть ведь разудалые,
Есть три подкопа подкопаны глубокие.
Ай же старый ты казак да Илья Муромец!
Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
Ничего ведь вы от князя не предвидите,
А служи ты мне, собаке царю Калины,—
Положу я тёбе ествушку й сахарнюю,
Положу я тебе питьвица медвяные,
Я дарить буду й да́ры драгоценные».
Говорит собака ли царь Калина:
«А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвые,
Развяжите-ка Ильи да ручки белые».
Расковали Ильи да ножки резвые,
Развязали Ильи да ручки белые,
Старый казак тут Илья Муромец
А вставал молодец на резвы́ ноги,
Говорит тут он да й таковы слова:
«Ай же ты собака ли царь Калина!
Не могу я служить тебе, собаке царю Калины,
У меня сделаны заповеди великие,
Что служить мне князю-то Владимиру,
Сохранять мне надо стольний Киев-град,
Сберегать я й буду церквы божие,
Сохранять буду́ веру православную,
Сберегать буду князя Владимира».
Так тут старый казак Илья Муромец
Повернулся он тут в шатри белоем
Да й пошел в раздольице в чисто полё.
Говорит собака ли царь Калина:
«Ай же мои вы слуги верные!
Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвые,
Вы свяжите Ильи да й ручки белые».
Тут напа́дали татарова поганые
На того ль казака Илью Муромца,
А тут старый казак да Илья Муромец

Он схватил татарина как за ноги,
Он как стал татарином помахивать,
Он тут стал татар да й поколачивать,
А татары от него да й стали бегати.
А он бросил татарина тут в сторону
Да й пошел в раздольице й чисто полё.
Пригодились быть при себе свистки да й богатырские,
Засвистал в свистки он богатырские —
Его добрый конь тут богатырскии
Прибежал он из чиста поля
А со всею сбруей богатырскоей.
А тут старый казак да Илья Муромец
Он берет коня за поводы шелковые,
Садился молодец тут на добра коня
Да й поехал по раздольицу й чисту полю.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел в восточную сторонушку,—
А во той восточноей сторонушке
А стоят кони богатырские
У того ли они да й у бела шатра,
Они зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый казак да Илья Муромец
Выходил на матушку й сыру землю,
Скоро й ту́гой лук разрывчатой отсте́гивал
От правого ль стремечки булатнего,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку каленую,
Говорил Илья да й таковы слова:
«Ты просвистни, моя стрелочка й каленая,
А во славное раздольице чисто полё,
А пади-ка ты да й в этот бел шатер,
А ты выхвати крышку со бела шатра,
Да й пади Самсону на белы груди,
Выхвати цапеньку й немалую,
А немалую цапенку, невредимую».
Да й спустил он тетивочку шелковую
А во эту стрелочку каленую,
Тут просвистнула его стрелочка каленая
А во это славныи во белой шатер,
Она й выхватила крышку со бела шатра,
Она пала Самсону на белы груди.
У того ль Самсона у бога́тыря

Пригодился быть да крест на вороте,
Крест на вороте да й ровно три́ пуда.
Пробудился он от звону от крестового,
Да й вскочил Самсон тут на резвы́ ноги,
Говорит Самсон тут таковы слова:
«Ай же мои братьица крестовые,
Вы богатыри да святорусские!
Вы вставайте, братцы, на резвы ноги
Да й седлайте коней богатырскиих:
Прилетели нам гостинички-подарочки
От моего крестничка любимого,
А от старого казака Ильи Муромца.
А его ведь стрелочка каленая
Выхватила крышку й со бела шатра,
А пала мне да й на белы груди.
Вы поедемте в раздольице в чисто поле,
Постоимте за веру, за отечество,
Верно — мало ему в поле можется.
Сохранимте мы да стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божие,
Сберегёмте мы князя й Владимира».
Тут удалые дуродни добры молодцы
Оседлали коней богатырскиих,
А садились на коней богатырскиих,
А поехали в раздольице й чисто поле,
А ко этой ко рать-силе великоей.
А стары́й казак тут Илья Муромец
Он тут смотрит с горы высокоей,
А куда поедут эти двенадцать да й богатырей —
А ко рать ли силе ко великоей,
Аль во то́е во раздольице чисто полё.
Тут поехали двенадцать-та й богатырей
А ко той ли рать-силе великоей.
А тут старыи казак да Илья Муромец
Он поехал наперелуч тринадцатый.
Оны съехались тут, поздоровались,
Становили добрых коней богатырскиих,
Оны делали сговор между собой,
Как же им побить литва поганая.
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же мои братьица крестовые,
Вы богатыри да святорусские!
А ведь сила есть тут очень сильная,
А ведь воины тут есть могучие,

Поляницы есть тут разудалые,
Есть три подкопа подкопаны глубокие».
Тут удалые дуродни добры молодцы
А просили себе да й бога на́ помочь,
Пречистую пресвятую богородицу.
Припускали добрых коней богатырскиих
А на этую на рать-силу великую,
Стали силы с крайчика й потаптывать,
А куда поедут — па́дёт улицмы,
Перевернётся — дак переулкамы.
Оны вытоптали силушку, повыкололи,
А того ль собаку царя Калину
А оне его да ведь и в плен брали́.
Говорят удалы добры молодцы:
«А отрубимте собаке буйну й голову».
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же мои братьица крестовые,
Вы богатыри да й святорусские!
Не рубите ему буйноей головушки,
А свеземте его да й во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру,—
Что он знает над ним, так то пусть делает».
Привозили тут собаку Калина
А во тот во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорят удалы добры молодцы:
«Ты Владимир да й князь стольне-киевский!
Привезли тебе царя Калину,—
Что ты знаешь над ним, да то и сделаешь.
А его мы рать-силу великую
Мы разбили в раздольице чистом поли».
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Благодарствуй вас, могучие богатыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град,
Охраняли да й церквы божие,
Сберегли меня, князя Владимира».
А того собаку царя Калину
Отпустил во славну во темну́ Орду.

Да и тым былиночка й покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

Наехал царь Калин на Киев-град,
Подъехал под князя под Владимира,
И посылает он посла своего верного
К солнышку ко Владимиру стольне-киевскому:
«Ты очисти широки улицы стрелецкие
И большие домы княженецкие,
Постоять тут царю Калину
Со своею силушкой любимою».
Тут Владимир-князь усумнился есть
И запечалился,
Сделался невесел, буйну голову повесил.
И приезжает к нему старый казак Илья Муромец,
Отпирает он двери тые на́ пяту,
Входи он в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владимиру-князю стольно-киевскому,
Владимиру-князю со княгиною в особину.
Потом он проговори́л, старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь!
Полюби-ка мое слово, что я тебе говорю.
Насыпь-ка мису́ да чиста серебра,
Другую мису да скачна́ жемчуга,
Третью мису да красна золота,
И станем мы просить да на три месяца
Сроку у царя у Калина —
Очистить улицы стрелецкие,
Большие домы княженецкие».
Потом отвез старый казак Илья Муромец
Эти подарки царю Калину,
И царь Калин ты подарки принял
И дал сроку на три месяца —
Очистить улицы стрелецкие,
Большие домы княженецкие.
Потом старый казак Илья Муромец
Поворотился на гору на Латынскую,
Где там стоят воины киевские,
Тридцать воинов без воина,
Стоят на горы на Латынские.

Приезжает ко князю ко Владимиру
Его родной племничек,
Младый Ермак Тимофеевич,
Идет он в палату со прихваткою,
Со прихваткою, не с упадкою,
И отпирает он дверь да на пяту:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!
Что же ты сидишь невесел,
Что же ты буйну голову повесил?»
— «Ай же младый Ермак да Тимофеевич!
Чего же мне веселитися?
Когда во Киеве была добра пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков,
А как стало во Киеве недобра пора,
Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков».
Отвечае младый Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь,
Родный мой дядюшка!
Дай же-ка мне благословеньице,
Благословеньице и прощеньице —
Выехать ко царю ко Калину,
Во тую силу во поганую,
Попробовать своих плеч богатырскиих».
Отвечает солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты родный мой племничек,
Младый Ермак Тимофеевич!
Ты есть младёшенек, ты есть глупёшенек,—
Прервешь свою силу богатырскую,
И убьют тебя татара да поганые.
Не дам я тебе ни благословенья, ни прощенья».
Говорит младый Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты дядюшка мой родный,
Солнышко Владимир-князь!
Дай же ты мне свое благословеньице,
Благословеньице и прощеньице —
Повыехать на горушку Латынскую,
Где свои воины тридцать без воина стоит».
Солнышко Владимир-князь стольне-киевской
Дал свое благословенье и прощенье —
Повыехать на горушку Латынскую.
Отправился младый Ермак Тимофеевич
На тую-то на гору на Латынскую,

И поехал он да во чисто поле.
Пришло две пути-дороженки:
Одна на гору-то Латынскую,
А другая к царю Калину да во чисто поле.
И младой Ермак да Тимофеевич
Перекрестил свои глаза да на восток идти:
«Не поеду я на гору на Латынскую,
А поеду я во силу во поганую,
Попробую я своих плеч богатырскиих,
Храбрости своея молодецкоей».
И подъезжает он к царю Калину,
Ко силы ко поганоей.
Не ясён сокол напущается
На гусей, лебедей, на серыих малыих уточек,—
На татар да на поганыих
Напущается Ермак Тимофеевич.
Едет он — улицá валит,
Свернет — переулочкой,
Бьет — а вдвоем, втроем конем топчет,
И силу у царя Калина валом валит.
Потом глядят с эвтой горы с Латынския
Свои воины киевские.
И проговорил старой казак Илья Муромец:
«Что больше некому выехать со Киева,
Как повыехал младый Ермак да Тимофеевич.
Прервет он свою силу богатырскую,
Убьют его татара да поганые».
Посылает он смелого Алешу да Поповича:
«Ай же ты смелый Алеша да Попович!
Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
Словамы ласковыма,
И накидывай ты на него да храпы белые,
И подтягивай его ко белой груди,
Чтобы укротил свое сердце богатырское,
И проси-ка ты его словами ласковыма:
„Ай же ты младый Ермак Тимофеевич!
Ты позавтракал, дай же мне и пообедати“».

У Ермака да Тимофеевича
Разгорелось сердце богатырское,
Прирвал его храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Валять в силу поганую.
Усмотрел старый казак Илья Муромец,

Что прирвал Ермак храпы белые:
«Прервет свою силу богатырскую,
Убьют его татара да поганые».
Посылает он Добрынюшку Микитича,
Старый казак Илья Муромец,
Посылает во силу во поганую:
«Поезжай-ка ты во силу во поганую,
Подъезжай-ка ты ко младому Ермаку да Тимофеевичу
И накидывай на него да храпы белые,
И подтягивай его ты ко белой груди,
И упрашивай его словами ласковыми,
Чтобы укротил свое сердце богатырское».
И как накинул он храпы белые,
И подтянул его ко своей белой груди,
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал его да храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Рубить татар да и поганыих.
В это же время смотрит старый казак Илья Муромец
И видит, что прервет Ермак Тимофеевич
Свою силу богатырскую:
Не могли тыи воины укротить его храбрости.
Потом обседлал старой казак Илья Муромец
Своего доброго коня
И отправился во силу во поганую
К царю Калину.
Подъезжает он к младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинул он свои да и храпы белые,
Старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты младый Ермак да Тимофеевич!
Укроти-ка свое сердце богатырское,
Ты же сегодня ведь позавтракал,
Ты же сегодня да и пообедал,
Так дай-ка ты мне хоть поужинать,
Побить да и татар да поганыих».
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал у стары' казак' Ильи Муромца,
Прирвал его храпы белые.
То едет младый Ермак да Тимофеевич,
Едет со левыя фланки,
Сколько ни бьет, а вдвоем, втроем конем топчёт.
А потом поворотился старой казак Илья Муромец
С правая фланки,
Едет он — улицей,

Повéрнет — переулочком,
Валом валит силу неверную,
Сколько ни бьет, а вдвоем, втроем конем топчет.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.
То царь Калин и выкинул их подарки:
Три мисы — одну с серебром,
Другу с жемчугом,
А третью с красным золотом,
И сам на охоту шел
На уезд в свою сторону —
Не попал заехати во Киев-град.

Все поехали во Киев-град,
Все сильные могучие богатыри.
И солнышко Владимир стольне-киевской
Встречает со радостью великою,
Со радостью и веселием,
А в особину млада Ермака да Тимофеевича.

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

А-й из-за Дону, Дону, Дунай-Дунай,
Поднимался вор собака Кудрёванко-царь
И под тот же стольний красён Киев-град.
В ёго сорок царей, сорок царевичей,
И сорок королей, сорок королевичей,
И со тем же со сыном он со Коршуном,
И со тем же со зятём он со Коршаком,—
И под каждым царем силы по сороку тысячей,
И под каждым королем по сорок тысячей,
Под любимым-то сыном триста тысячей,
Под любимым-то зятём двести тысячей,
Под самим Кудрёванком числа-смету нет.
И подходили они под красён Киев-град,
И разоставили шатры чернополотняны,—
И приумолкла луна да светла месяца,
И закрыло-де свет до солнца красного
И от того-де от пару лошадиного,
И от того-де от духу от татарского.
А-й говорил-де-ка тут да Кудрёванко-царь:
«Уж вы ой еси, мои да слуги верные!
Еще кто из вас бывал да на святой Руси,

Кто умеёт по-русски речь говóрити,
А кто можот же нынче послом пóсловать?»
Говорил-де-ка Вася-королевич млад:
«Я бывал-де-ка, Вася, на святой Руси,
Я умею по-русски речь говорити,
Я могу-де-ка, Вася, послом пословать».
И говорил же ведь тут да Кудрёванко-царь:
«Ты садись-кася, Вася, на рыменчат стул,
Ты пиши-ка ёрлоки да скорописчаты,
Ты пиши, набивай да красным золотом,
Ты садись-кася, Васька, на добра коня,
Ты вези ёрлоки да в красён Киёв-град».
И тут где-ка Васька не ослышался,
Он садился-де-ка, Васька, на ременчат стул,
Он писал ёрлоки да скорописчаты,
Он писал, набивал да красным золотом,
Он скоре же того да запечатывал.
И садился тут Васька на добра коня,
Он поехал-де, Вася, в красён Киёв-град,
Он полём-то едёт, не дорогами,
И в город заезжаёт не воротами,
Мимо те он стены городовые,
Мимо круглы ти башни наугольния,—
Он прямо ко Владимиру на широкой двор.
Он поставил коня да середи двора,
И не приказана коня, да не привязана,
Он сам-де пошел да светлу светлицу.
Он двери отпират да с пяты на пяту,
Запираёт он двери скрепка-накрепко,
Он не кстит-де своёго лица черного,
Он с князём Владимиром не здоровался,
А княгины Опраксеи челом не бьет,
Он князям, боярам головы не гнет,
Он клал ёрлоки да на дубовой стол,
И стал-де во место во посыльнёё,
Да ко той он к ободверинке дубовое.
И говорил-де-ка тут да всё Владимир-князь:
«Уж ты ой есь, стар казак Илья Муромец!
Ты бери-ка ерлыки да скорописчаты,
Ты бери-ка ерлыки да распечатывай,
И распечатывай ерлыки, да вслых прочитывай».
И тут-де Илейка не ослышался,
Он брал ёрлоки да скорописчаты,
Он читаёт ёрлоки да скорописчаты,

Он читал ерлоки да головой качат:
«А-й еще грозно нынь у вора написано.
Да и страшно у собаки напечатано:
„Уж я Киев-от град да я в полон возьму,
Уж князя Владимира под меч склоню,
Я княгину Опраксию за себя возьму,
Уж я божьи ти церкви все под дым спущу,
Я честны ти монастыри все ро́зорю,
Я над че́стныма вдовами да надругаюся“».
И говорил тут-де Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька-королевич млад!
Уж ты дай-кась нам строку хошь на три года».
Не даваёт Васька строку ту на три года.
«Уж ты дай-кась нам строку хошь на три месяца».
И не даваёт Васька строку на три месяца.
«Уж ты дай-кась нам строку хошь на двенадцать дён,—
Да бессрочных на земли ведь прежде не было:
Мы пойдем нынь на дело-то на ратноё,
Да на то побоищо на смертноё,
Да ведь надобно же ведь тут нам покаяться,
И покаяться нам, да причаститися».
Дает им Васька строку на двенадцать дён.

И пошел-де-ка Васька из светлой грыдни,
Он садился-де-ка, Васька, на добра коня,
И уехал он во силу да во неверную.
И говорил где-ка Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, стар ка́зак Илья Муромец!
Ты бери-кася трубочку подзорную,
Мы пойдем-ка с тобой да на высок балкон,
Мы посмотрим-ка силу ту неверную».
И брал тут Илейка трубку подзорную,
И выходят они да на высок балкон,
И смотрели да по чисту полю,
И во все во чотыре во стороночки,—
И во чистом поле силы только синь сине́т.
«Пойдем-ка, Илейка, в светлу светлицу».
И заходят они да светлу светлицу,
И говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой есь, стар казак Илья Муромец!
Ты садись-кась, Илейка, на рыменчат стул,
Ты выписывай русских всех богатырей».
Тут-де Илейка не ослышался,

Он садился, Илейка, на ременчат стул,
А говорит тут Владимир таково слово:
«Во первых пиши Самсона Колыбанова,
Во вторых пиши Добрынюшку Микитича,
Во третьих пиши Олёшеньку Поповича,
И во четвертых Гаврыла Долгополого,
Во пятых Луку Толстоременника,
Ты Луку-де, Матфея, детей боярскиих,
Еще пиши Рощу Росшиби колпак,
Росшиби колпак Рощу̀ со племянником,—
И промеж тем ты, Илейка, кого сам ты знашь».
И тут-де Илейка не ослышался,
Он выписал тридцать без единого,
А тридцатой-от сам да Илья Муромец.
И говорил тут Илейка таково слово,
Он призвал Олёшеньку Поповича:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович млад!
Поезжай-ка, Олёша, по святой Руси,
Собирай ты, Олёша, всех богатырей,—
У тебя хоша коничёк-от маленькой,
И маленькой коничёк, удаленькой».
И тут-де Олёша не ослышался,
Он поехал, Олёша, по святой Руси:
Он полём-то едёт, как сокол летит,
Он горы ти, долы промеж ног берет,
Он мелки ти реки перескакиват.
Он объехал, Олёша, по святой Руси,
Он собрал-де русских всех богатырей.
Приезжали они да в красён Киев-град,
И повелся у Владимира почесьён пир,
И все они на пиру да напивалися,
Они все на честном да наедалися,
Они все же ведь тут да пьяны-весёлы.
И пошли-де они тут по городу,
И по тем же по царевым бо́льшим кабакам,
Они пьют зелено вино, вино безденёжно.
И говорят же тут князя ти ведь, бояра:
«Уж ты батюшко Владимир стольне-киевской!
Уже пьют у нас богатыри зелено вино,
Они пьют зелено вино безденёжно,
И об ратнём-то деле не печалятся,
И хотят они уехать вон из Киева».
И тут же Владимир стольне-киевской
И посылаёт же он да слугу верную:

«Ты поди-кася, моя да слуга верная,
Созови ты старого Илья Муромца».
И тут-де слуга да не ослышалась,
Пошла по царевым большим кабакам,
И пришла ко старому Ильи Муромцу:
«Уж ты ой есь, стар казак Илья Муромец!
Тебя звал-де-ка ныниче Владимир-князь».
И тут-де Илейка не ослышался,
И приходит ко Владимиру во грыдёнку:
«Уж ты батюшко Владимир стольне-киевской!
Для чего же ты меня да нынче требуёшь?»
Говорил тут Владимир таково слово:
«И вы пьитé, вы нынче проклаждаетесь,
Вы об ратнём-то деле не печалитесь,
Хотитé вы уехать вон из Киёва».
Говорил тут Илейка таково слово:
«Уж ты батюшко Владимир стольне-киевской!
Ты глядишь на бояр на кособрюхиих».
И сам пошел-де-ка да из светлой грыдни,
И собрал-де он всех товарыщов.
И брали сороковку зелёна вина,
И выходили из города из Киёва,
Они пили-де там да зелёно вино,
Они пили-де там да трои суточки.
И на третьи ти сутки просыпаются,
И говорил тут Илейка таково слово:
«А уж вы ой еси, мои да слуги верные,
Уж вы русски могучие богатыри!
Уж нам полно же пить да зелёно вино,—
Да выходит же нам да времё срочноё,
Надо ехать на дело то ратноё,
И на то же на побоищо на смертноё».

Срядились удалы добры молодцы,
И садились они да на добрых коней,
И поехали они да во чисто полё.
И выехали да во чисто полё,
И разоставили шатры белополотняны,
И говорил тут Илейка таково слово:
«Уж вы ой еси, дружинушки хоробрые!
Еще кто из нас поедёт во чисто полё,
И к тому же царищу ту Баканищу?
Тебе ехать, Олёшенька Попович млад,—
Уж ты силой не силён, да напýском смел,

Потеряшь ты свою да буйну голову;
Тебе ехать, Добрынюшка Микитич млад,—
Ты не знашь, обойтись да как с Баканищом,
Потеряшь ты свою да буйну голову.
Мне само́му, видно, ехать во чисто полё».
Садился тут Илейка на добра коня,
Он поехал, Илейка, во чисто полё,
Он приехал к царищу ту Баканищу,
Он заходит, Илейка, во черён шатер:
«Уж ты здравствуй, ты царищо ты Баканищо!»
— «Уж ты здравствуй, удалой доброй молодец!
А у вас-де-ка нынче на святой Руси
И какой-то есь стар казак Илья Муромец?
Да лёжит про ёго славушка великая.
И сколь он велик да в толщину сколь толст?»
И говорит тут Илейка таково слово:
«Не велик он, не мал,— да только в мой-от рост».
— «И много ле он да хлеба-соли ест?»
— «Он ест по три калачика круписчатых,
По три чары-де он да зелена вина».
— «И никакой тут у вас сильный богатырь,—
И на долонь посажу и другой пры́тяпну,
И останется тут только мокро́ одно».
И говорил тут Илейка таково слово:
«А уж ты ой есь, царищо ты Баканищо!
А ты много ле к выти хлеба-соли ешь,
Хлеба-соли-де ешь да пива с медом пьешь?»
— «Ем я по три печи хлеба-то печёного,
По три туши мяса-то я варёного,
И по три бочки-де я да зелёна вина».
Говорил тут Илейка таково слово:
«А у нас-де-ка нынь да на святой Руси
А была така собака та обжорчива:
Она крови-олови́ны да охваталася,
Со то же собачищу и смерть пришла».
Царищу эти речи не в любе́ пали,
За велику досаду показалися,
Он хватил же свою да саблю вострую,
Он хотел срубить у Илейки буйну голову.
И на то-де Илеюшка ухватчив был,
Увёрнулся под пазуху под правую,
И махнул он своей да саблей вострое,
И срубил у царища буйну голову,—

И улетело ёго тулово проклятоё,
Убило ихных двенадцать тут богатырей.
Тут и выскочил Илейка из черна шатра,
Закричал-де-ка он да громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружинушки хоробрые,
А все русские могучие богатыри!
Поезжайте вы скоре да во чисто полё,
Вы рубите всю силу ту неверную».
И тут-де они да не ослышались,
Садились на своих да на добрых коней,
И сами говорят да таково слово:
«Мы кого же нынь оставим у белых шатров?
Мы оставим Луку-де, Матфея, детей боярскиих.
Мы приёдем с дела-то всё с ратного,
Мы с того же с побоища со смертного,—
Щобы нас кому ведь да проздравити».

И поехали они да во чисто полё,
И рубили они силу ту неверную:
И на праву руку махнут — и тут улица,
На леву руку махнут — да переулками,
А которо они рубят, вдвоё конем топчут.
Да зачиркала сабелька та вострая,
Забренчала кольчужина серебряна,—
Застонали поганы и татаровья.
И прибили они всю силу неверную.
А увидели тут-де из белых шатров
И Лука-де, Матфей, дети боярские,
И сами говорят да таково слово:
«Уже что же нам сила та неверная?
Была бы у нас на нёбо-то листница —
Прирубили бы мы всю силу небесную».
И тут-де-ка нонь сила неверная,—
А которого рубили ведь как надвоё,
Из того-де стаёт да два татарина,
А которого рубили они натроё,
Из того-де стаёт да три татарина.
Они снова напускались рубить силу неверную,—
Они сколько же рубят, нету убыли.
И говорил тут стар казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, дружинушки хоробрые,
Уж вы сильни могучие богатыри!
Нам живыма с мертвыма не ратиться,

И отступите вы от дела-то от ратного».
И повалилася вся сила неверная.

И поехали они да ко белым шатрам.
И стречают два брата-то Суздальца,
А Лука-де, Матфей, дети боярские:
«И вам бог помощь, удалы добры молодцы,
И проздравляём-то мы вас с Камским-то побоищом».

И тут садились они да на добрых коней,
И поехали они да в красён Киев-град,
А стречаёт тут князь да наш Владимир-от,
И со той он княгиной со Опраксеей:
«Уж вы ой есь, удалы добры молодцы,
Уж вы сильни могучие богатыри!
И проздравляём вас с Камским-то побоищом.
Проходите ко мне во светлу светлицу,
И добро жаловать ко мне да на почесьён пир».
И проходили они во светлу светлицу,
И садилися они за дубовы́ столы,
И повелся у Владимира почесьён пир.
Они все же на пиру да напивалися,
Они все на честном да наедалися.
Идет у их пир нонь да навеселе,
И проздравляёт их князь-от Владимир-от
И со той их победой со татарское.
Говорил тут Илейка таково слово:
«Благодарю тебя покорно ведь, Владимир-князь,
И со той вас княгиной со Опраксеей,
Со всема ведь с вашима слугами верныма».

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Как из да́леча было из чиста поля,
Из-под белые березки кудреватыи,
Из-под того ли с-под кустичка ракитова
А й выходила-то турица златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А й расходилися туры да во чистом поле,
Во чистом поле туры да со турицою.
А й лучилося турам да мимо Киев-град идти,

А й видли над Киевом чудным-чудно,
Видли над Киевом дивны́м-дивно:
По той по стены по городовыи
Ходит девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивилися,
В чистое поле возвратилися,
Сошлися со турицей, поздоровкалися:
«А ты здравствуешь, турица наша матушка!»
— «Ай здравствуйте, туры да малы детушки!
А где вы, туры, были, что вы видели?»
— «Ай же ты турица наша матушка!
А й были мы, туры, да во чистом поле,
А лучилося нам, турам, да мимо Киев-град идти
А й видели над Киевом чудным-чудно,
А й видели над Киевом дивным-дивно:
А по той стены по городовыи
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвой плаче».
Говорит-то ведь турица родна матушка:
«Ай же вы туры да малы детушки!
А й не девица плачет, да стена плаче,
А й стена та плаче городовая,
А она ведает незгодушку над Киевом,
А й она ведает незгодушку великую».

А из-под той ли страны да с-под восточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
А он со черным дьячком да со выдумщичком.
А й у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,
А у черного дьячка, дьячка-выдумщичка,
А той ли, той да силы счету нет,
А той ли, той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный долгий день,
А малою-то птичике не о́блететь.
Становилась тая сила во чистом поле.
А по греху ли то тогда да учинилося —
А й богатырей во Киеве не лучилося:

Святополк-богатырь на Святыих на горах,
А й молодой Добрыня во чистом поле,
А Алешка Попович в богомольной стороны,
А Самсон да Илья у синя́ моря.
А лучилося во Киеве голь кабацкая,
А по имени Василий сын Игнатьёвич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,
Пропил, промотал всё житье-бытье свое,
А й пропил Василий коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
С тем седлом да со черкальскиим,
А триста он стрелочек в залог отдал.
А с похмелья у Василья головка болит,
С перепою у Василья ретиво сердцо́ щемит,
И нечем у Василья опохмелиться.
А й берет-то Василий да свой тугой лук,
Этот тугой лук Васильюшко разрывчатой,
Налагает ведь он стрелочку каленую,
А й выходит-то Василий вон из Киева,
А стрелил-то Василий да по тем шатрам,
А й по тем шатрам Василий по полотняным.
А й убил-то Василий три головушки,
Три головушки Василий, три хорошеньких:
А убил сына Батыгу Батыговича,
И убил зятя Тараканчика Корабликова,
А убил черного дьячка, дьячка-выдумщичка.
И это скоро-то Василий поворот держал
А й во стольнёй во славной во Киев-град.
А это тут Батыга сын Сергиевич,
А посылает-то Батыга да скоры́х послов,
Скорых послов Батыга виноватого искать.
А й приходили-то солдаты каравульние,
Находили-то Василья в кабаки́ на печи,
Проводили-то Василья ко Батыги налицо.
А й Василий от Батыги извиняется,
Низко Василий поклоняется:
«Ай прости меня, Батыга,
Во такой большой вины.
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки, что ни лучшеньких:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил черного дьячка, дьячка-выдумщичка.

А со похмелья у меня теперь головка болит,
А с перепою у меня да ретиво сердцо́ щемит.
А опохмель-ка меня да чарой винною,
А выкупи-ка мне да коня доброго,
С той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальскиим,
А триста еще стрелочек каленыих.
Еще дай-ка мне-ка силы сорок тысячей,
Пособлю взять-пленить да теперь Киев-град.
А знаю я воротца незаперты,
А незаперты воротца, незаложенные
А во славный во стольнёй во Киев-град».
А на ты лясы́ Батыга приукинулся,
А выкупил ему да коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальскиим,
А триста-то стрелочек каленыих.
А наливает ему чару зелена вина,
А наливает-то другую пива пьяного,
А наливает-то он третью меду сладкого,
А слил-то эти чары в едино́ место,—
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий едино́ю рукой,
Выпивает-то Василий на единый дух,
А крутешенько Василий поворачивался,
Веселешенько Василий поговариваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле́ гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать»
И дал ему силы сорок тысящей.
А выезжал Василий во чисто полё,
А за ты эты за лесушки за тёмные,
А за ты эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
Скоро тут Василий поворот держал,
А приезжает тут Василий ко Батыги налицо,
А й с добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василий поклоняется,
Сам же он Батыге извиняется:
«Ай прости-ка ты, Батыга,
Во такой большой вины.

Потерял я ведь силы сорок тысящей.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
С перепою у меня да ретиво сердцо щемит,
Помутились у меня да очи ясные,
А подрожало у меня да ретиво сердцо.
А опохмель-ка ты меня да чарой винною,
А дай-ка ты силы сорок тысящей,
Пособлю взять-пленить да я Киев-град».
А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,
Наливает он другую пива пьяного,
Наливает ведь он третью меду сладкого,
Слил эты чары в едино место,—
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий единою рукой,
А выпивал Василий на единый дух,
А й крутешенько Василий поворачивался,
Веселешенько Василий поговаривае:
«Ай же ты Батыга сын Сергиевич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать».
А дал ему силы сорок тысящей.
А садился Василий на добра коня,
А выезжал Василий во чисто полё,
А за ты эты за лесушки за темные,
А за ты эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А разгорелось у Василья ретиво сердцо,
А й размахалась у Василья ручка правая,
А й приезжает-то Василий ко Батыги налицо,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
А он прибил, прирубил до единой головы.
А й тот ли Батыга на уход пошел,
А й бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
«Не дай боже, не дай бог, да не дай детя́м моим,
Не дай детям моим да моим внучатам
А во Киеве бывать да ведь Киева видать!»

Ай чистые поля были ко О́пскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокие ты горы Сорочинские,
А церковно то строенье в каменной Москвы,
Колокольнёй-от звон да в Нове-городе,
А й тертые колачики Валдайские,
А й щапливы щеголиви в Ярославе-городе,
А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питере,
А мхи ты, болота ко синю́ морю,
А щельё, каменьё ко сиверику,
А широки подолы пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онеги по реки,
Толстобрюхие бабенки лёшмозёрочки,
А й пучеглазые бабенки пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

ВАСЬКА ПЬЯНИЦА И КУДРЕВАНКО-ЦАРЬ

А й дак шли где туры подле синё морё,
А й дак поплыли туры да за синё морё,
Выплывали туры да на Буян-остров,
И да пошли по Буяну да славну острову.
А й да навстречу турица им златорогая,
А златорогая турица, да однорогая,
И дак та же турица им родна матушка:
«Уж вы здравствуйте, туры да златорогие,
А златорогие туры, да ёднорогие!
Уж вы где же были да чёго слышали?»
— «Уж ты здравствуй, маменька наша родимая!
А й уж мы были во городе во Шахове,
А восударыня, мы были во Ляхове;
А й дак ночью мы шли да чистым полём,
А уж мы днем же ведь шли подле синё морё.
И да случилося идти да мимо крашен Киев-град,
А й мимо ту же нонь церковь Воскресенскую,—
А выходила тут девица да из божьей церкви,
А й выносила ле книгу да на буйной главы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала ле книгу на сер горюч камень,
А ёна клала, читала да слезно плакала,

Слезно плакала девица, да сама вон пошла».
— «А й уж вы глупые туры мои, неразумные!
А й не девица выходила, как Богородица,
Она книгу выносила да на буйной главы,
Она книгу выносила да всё Евангельё,
А забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала, читала да слезно плакала:
Она чуёт над Киевом незгодушку,
А великую незгодушку, немалую».

Поднимается на Киев да Кудреванко-царь
Да с любимым-то зятёлком со Артаком
И да с постыглыим сыном да всё со Коньшиком.
Да у Артака силушки сорок тысячей,
И да у Коньшичка силушки сорок тысячей,
У самого Кудреванка да числа-смету нет.
Обошли-обостали да крашен Киев-град,—
А уж как буди сузёмочек лесу темного;
И да покрыло луну да солнца красного
От того же й от пару да лошадиного,
От того же й от духу да от татарского.
А да на утрянной было да ранной зорюшке,
И на восходе-то было да красного солнышка
А-й выходил Кудреванко да из бела шатра,
Да крычал Кудреванко да своим голосом:
«Уж вы ой еси, пановья мои, улановья,
Уж вы сильние могучие богатыри,
Уж вы все же поленицы да приудалые!
Еще кто же из вас ездит да в крашен Киев-град,
Отвезет ёрлоки да скорописчаты
А-й ко тому же ко князю да ко Владимиру?»
А выходило Издолищо проклятоё,
Уж как брало ёрлоки да во белы руки,
Да уздало-седлало да коня доброго.
Только видели — Издолищо в стремена ступил,
А не видели — Издолищо на коня скочил,
А не видели поездки да молодецкое.
Да поехало Издолищо прямо в Киев-град,
А не путем оно ехало, не дорогою,
И не дорогою ехало, не воротами,—
Да скакало через стены да городовые,
А через те же нонь башонки трехугольние.
А й да приехало Издолищо ко красну крыльцу,
Да соскакивал Издолищо со добра коня,

А й да оставило коня да непривязанна,
А й непривязанна коня, да неприказанна,—
Да скорешенько Издолищо на крыльцо бежит,
А й да не спрашиват у ворот он приворотничков,
А й да не спрашиват у дверей ён ни придверничков,
А й тут бежит тут Издолищо прямо в грынюшку
А ко тому же ко князю да ко Владимиру,
Да бросало ёрлоки да на дубовой стол,
Да бросал он ёрлоки, да сам ле вон пошел.
А дак брал ёрлоки да во белы руки,
Дак брал тут Владимир да распечатывал,
А распечатывал ле он да головой качал.
А собирал тут Владимир ле да почесьён пир
А й да про тех же князей, многих богатырей,
А й да про тех же полениц да приудалые,
Да про тех же купцей многих торговые.
Дак все на пиру да напивалися,
А й дак все на честном да наедалися,
А й дак все же сидят да пьяны-весёлы,
А й дак все же сидят да ёни хвастают:
Уж как сильнёй-от хвастат да своей силою,
Да богатой-от хвастат да золотой казной,
Уж как умной-от хвастат да роднойоматерью,
А безумной-от хвастат да молодой жоной.
Дак стал князь по грынюшке похаживать,
А й дак стал из речей да выговаривать:
«Уж вы ой еси, пановья мои, улановья,
Уж вы сильние-могучие богатыри,
Уж вы все же поленицы да приудалые,
Уж вы все же купцы многоторговые!
Еще кто же из вас ездит да во чисто полё?
Поднимается на нас да Кудреванко-царь
Да с любимым-то зятёлком со Артаком,
И да с постыглыим сыном да всё со Коньшиком.
Да у Артака силушки сорок тысячей,
Да у Коньшичка силушки сорок тысячей,
У самого Кудреванка да числа-смету нет.
Обошли-обостали да крашен Киев-град.
Да не можот ле кто съездить да во чисто полё
А пересметить-де силушку неверную,
А привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
Уж меньший хоронится за среднёго,
Уж как средний хоронится за меньшого,
А от меньшого до большого ответу нет.

Дак спрашивал Владимир да во второй након,
Дак спрашивал Владимир да во третей након.
Из-за тех же из столов да белодубовых,
Из-за тех же из-за скатертей берчатые,
Из-за тех же из-за еств да и сахарные
Выставал тут удалой да на резвы ноги,
Уж как на имя Добрынюшка Никитич млад,
Говорил тут Добрыня да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир да красно солнышко!
Ты позволь-ка, князь Владимир, да мне слово сказать,
А не дозволь-ка, князь Владимир, да скоро сказнить,
Да сказнить-то меня, да бити, вешати».
А-й говорил тут Владимир да таково слово:
«А-й говори-ткося, Добрынюшка, що надобно».
Говорил тут Добрыня да таковы речи:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
Уж есть ли ле у нас да Васька Пьяница,
А-й да не можот ле он съездить на чисто полё
А пересметить-де силушку неверную,
А привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
А скорешенько Владимир да тут сряжается,
А скоре того Владимир да одевается.
Уж взял он Добрынюшку Никитича,
Да пошли-де с Добрынюшкой вдоль по городу,
Да к тому же к чумаку да ко кабатчику.
Да приходят они да на царев кабак,
Да заходят они да на царев кабак,
А говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак да ты сидельщичок!
Уж нет ле у тя Васьки да горькой пьяницы?»
— «А да лёжит на печке Васька на муравленой».
А подходил он ко печке да ко муравленой,
А-й говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж ты стань-восстань, Василий да горька пьяница».
Говорил тут Васильюшко таково слово:
«Не могу где стать да головы поднять,—
Да болит-то у мня да буйна голова,
Да шипит-то у меня да ретиво сердцо,
И дак нечем Василью мне оправиться,
Дак нечем Василью мне опохмелиться».
А приказал тут налить да чару зелена вина,
А не велику, не малу — да полтора ведра,
А подавал он на печку на муравлену.

А принимал тут Василий да единой рукой,
А выпивал тут Василий да к едину духу,
Да повалился на печку да на муравлену:
«А й не могу где я стать да головы поднять,
Да не несут-то меня да ножки резвые».
Наливал тут Владимир да во второй након,
Подавал он на печку да на муравлену.
Принимал тут Василий да единой рукой,
Выпивал тут Василий да к едину духу.
А й наливал тут Владимир да во третей након.
Выпивал тут Василий да к едину духу,
А соскакивал со печки да со муравленой:
«Уж я был же старик да девяноста лет,
Я тепере молодец да двадцати годов».
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василий да горька пьяница!
Ты не можошь ле съездить да во чисто полё?
Поднимается на нас да Кудреванко-царь
Да с любымые зятёлком со Артаком,
Да с постыглые сыном да всё со Коньшиком.
И да у Артака силушки сорок тысячей,
И да у Коньшичка силушки сорок тысячей,
У самого Кудреванка да числа-смету нет.
Да не можошь ли ты съездить да во чисто полё
А й пересметить-де силушку неверную,
А й привести пересмету да в крашен Киев-град?»
А й говорил тут Василий да таково слово:
«Уж нечем ле ехать да во чисто полё,—
Уж вся же у меня сбруюшка та пропита,
Уж как все же доспехи да призаложоны,
Дак с тем же удалым да добрым конечком,
Да не в многи, не в мали — да в сорок тысячах».
А приказал ле отдать да всё безденёжно
Да тому же чумаку да всё сидельщичку.
Да пошли-то с Васильём да вдоль по городу,
А заходили с Васильём да на высок балхон,
Да смотрели с Васильём да во чисто полё,
Да на ту же на силушку неверную:
Обошли-обостали да крашен Киев-град,
Да раздернуты шатры да черна бархата,
А да замечали шатер да Кудреванков ле.
Уж брал ле Василий да всё ле тугой лук,
Да натегивал тетивочку шолковую,
Уж клал он стрелочку калёную,

Уж клал ле он стрелочку, приговаривал:
«Ты пади-ткося, стрелочка, не на воду,
Да не на воду, стрелочка, не на землю,
Да лети-тко ты, стрелочка, по поднебесью,
Да пади-тко ты, стрелочка, во белы груди
Да к тому же царю да Кудреванку ле».
Полетела тут стрелочка по поднебесью,
Дак пала ле стрелочка во белы груди
Ко тому же царю да Кудреванку ле,
А да застрелила царя да Кудреванка ле.
Дак вся же тут силушка присмешалася,—
Да не стало ле у их да управителя.

Дак брал он Добрынюшку Никитича,
Дак брал он в помощнички Поповича,
Да поехали удалы да по чисту полю
Да во ту же нонь силушку прямо неверную.
И да заехали во силушку неверную,
Дак вперед они едут — дак валят улицей,
Уж как о́ни повернут — валят переулками,
Да прибили-притоптали да всю ведь силушку.
А дак тут вся же силушка размешалася,
По чисту ле нонь полю да разбежалася.
Да на конях богатыри да приразъехались,
Да поехали удалы да в обратной путь,
Повезли пересмету да в крашен Киев-град,
А й к тому же ко князю да ко Владимиру.
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василий да горька пьяница!
Да теперича, Василий да горька пьяница,
Да не запёрта тебе да золота казна,
Да бери-тко, тебе да что ле надобно».
Говорил тут Василий да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир да красно солнышко!
Да не надо ле мне да золота казна,
А лучше дай же мне пить вина безденёжно».
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж пей-ка, Василий, да сколько надобно,
Да не запёрт ле тебе будёт царев кабак».

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

А-й да во славном нонь городе во Киеве,
А-й да у ласкова князя да у Владимира
А собиралось пированьё, да был почесьен пир,
Да про всех господ да лучших бояров,
А да про сильних могучиих богатырей,
А да про тех полениц, девиц удалые.
А да и все ли на пиру были сыты, веселы,
А да и все на честном да напивалися,
А-й да и все ли на пиру да прирасхвастались:
А-й да богатой-от хвастаёт золотой казной,
А-й да богатырь хвастат да сильней силою,
А-й да наездничек хвастает добрым конем.
А-й да един сидит удалой да доброй молодец,
А да не пьет тут, не ест, сидит не кушает,
Ах да и белое лебёдушки не рушает,
Ах да ничем он, сидит, да тут не хвастает.
А-й подходит к ему Владимир-князь стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, Данило да сын Игнатьевич!
А-й что же ты сидишь нонче, не пьешь, не ешь,
А-й да не пьешь ты, не ешь, сидишь не кушаешь,
А-й и белое лебёдушки не рушаешь,
А да ничем ты, сидишь, нонче не хвастаешь?»
А-й да ставал-де Данило да на резвы ноги,
А-й говорил-де Данило да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
А-й не изволь меня за слово скоро сказнить,
А-й да скоро меня сказнить, да круто вешати,
А-й да не сади меня в погребы глубокие,
А-й да позволь мне, Владимир, да слово молвити».
— «А-й говори-тко, Данило, да что те надобно,
А-й что те надобно, Данило, да чего хочется».
— «А уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й ты позволь мне-ка снять платьё богатырскоё,
А да одеть мне-ка скиму да нонь калицкую,
А да идти мне в монастыри спасатися».
А-й говорил-де Владимир-князь стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, Данило да сын Игнатьевич!
А-й как навалится на меня дак сила-армия,
А-й сила-армия навалится, орда проклятая,—
А-й тада кто у мня будет всё защитником,
А-й да и кто у мня будет да сохранитёлём?»

А-й говорил-де Данило да сын Игнатьевич:
«А-й уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й остаются у вас сильнии богатыри,
А-й да не много, не мало — их двенадцать есть,
А-й сохранят они тебя да всё твое житье.
А-й еще есь у меня да чадо милоё,
А-й да и милоё чадышко, любимоё,—
А-й да и от роду ему да всё ведь семь годов,
А-й да по имени Михайло да сын Данильевич:
А-й да он ездит теперича на моем кони,
А-й да играет моей палицей буёвую,
А-й да и мечет ее да по поднебесью,
А-й да хватает назад ее едной рукой.
А-й навалится когда на тебя сила-армия,
А-й да не будёт у тебя тогда защитников,—
Позови ты тогда да всё Михайлушка,
А-й да Михайлушка зови, моего сына,
А-й да тогда будет тебе он защитником».
А-й говорил-де Владимир да таково слово:
«А-й поезжай, Данило, да куда надобно,
А-й куда надобно, Данило, да куда хочется».

А-й да минулось тому времечки ровно семь годов,
А-й навалилася сила, да нонче армия,
А-й распроклятые бурзы, да всё татарины;
А-й посылают послов да нонче строгих
А-й ко тому же ко князю да ко Владимиру:
«А-й посылай нонче к нам да поединщичка».
А-й тут сгорюнился Владимир-князь
стольне-киевской,
А-й собирал-де Владимир нонь почесьен пир,
Да про всех про купцей, людей богатыих,
А-й да про всех же людей да знаменитыих,
А-й да про всех же про сильниих богатырей.
А-й да собралося народу да очень множество.
А-й да ходил-де Владимир да по светлой гридне:
«А-й уж вы ой еси, князья да все боярины!
А еще кто у меня пойдет нонче из вас защитничком,
Да и с тем же татарином воеватися?
А-й да дам я тому да много силы-армии».
А да старшой хоронится за среднего,
А-й да средний хоронится за младшего,
А-й да от младшого Владимиру ответу нет.

А-й говорил-де Владимир да во второй након,
А-й говорил-де Владимир да во третей након.
А-й с-за того же с-за стола да белодубова,
А-й да со той же скамеечки кошещатой
А-й да ставал-де удалой да доброй молодец,
А-й да по имени Добрынюшка Микитич млад.
А-й да ставал-де Добрыня да низко кланялся,
А-й говорил-де Добрыня да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й не изволь меня за слово скоро сказнить,
А-й да скоро-де сказнить, да круто вешати,
А-й да позволь мне, князь Владимир, слово молвити».
— «А-й говори-тко, Добрынюшка, что те надобно,
И что надобно, Добрынюшка, чего хочется».
— «А-й уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й да минулось тому времечки семь годов,—
А-й отпустили вы Данила сына Игнатьева,
А-й да и сильнего нашего богатыря,
А-й отпустили вы его да всё в монастыри;
А говорил тут Данило да таково слово,
А-й обещал вам Данило да своего сына,
А-й своего-де сына да вам защитничком».
А-й говорил-де Владимир да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!
А-й да бери ты скоре своего коня доброго,
А поезжай ты к Михайлу сыну Данильеву,
А-й да проси-тко его нонь на почесьен пир,
А-й да проси ты его да нонь умнешенько,
А-й чтобы ехал Михайлушко скорешенько».
А-й да поехал Добрынюшка к Михайлушку,
А-й заезжал же Добрынюшка на широкой двор,
А-й заходил-де Добрыня да во светлу гридню,
А-й говорил-де Добрынюшка таково слово:
«А уж ты здравствуёшь, Михайло да сын Данильевич!
А-й просил вас Владимир-князь стольне-киевской,
А-й да просил вас Владимир да на почесьен пир».
А-й отвечал-де Михайло да сын Данильевич:
«А-й уж ты здравствуёшь, Добрынюшка Микитич млад!
А-й неужели у Владимира без меня пир нейдет?
А-й да теперче я да всё мальчишечко,
Да от роду мне только четырнадцать лет».

— «А-й да просил вас Владимир да нонче честнёшенько»
А-й умывался Михайло да поскорешенько,
А-й одевался Михайло да покрутешенько,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А-й уж вы ой еси, слуги да мои верные!
А-й обседлайте скоре мне коня борзого,
А-й выводите его да на широкой двор».
А-й да поехали удалы да добры молодцы,
А-й да поехали они да в стольне-Киев-град,
А-й ко тому же ко князю да стольне-киевскому.
А-й заезжали тут они да на широкой двор,
А-й да стречал тут Владимир да стольне-киевской,
А-й да стречал-де Владимир со всема богатырями.
А-й заходил-де Михайло да на красно крыльцо,
А-й да ступил-де Михайлушко правой ногой,—
А-й да приступок до приступка да догибается.
А-й заходил-де Михайло да во светлу гридню,
А-й говорил-де Владимир да таково слово:
«А-й приходи-тко, Михайло да сын Данильевич!
А-й да прошу я покорно да за почесьен пир,
А-й да садись-ка, Михайло, да куда надобно,
А-й куда надо Михайлу, да куда тебе хочется».
А-й да садился Михайло да за убраной стол,
А-й угощали тут Михайла разными напитками,
А-й говорил-де Владимир да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевич!
А-й не пособишь ле ты нонь моему горю?
А-й навалилась на меня да сила-армия,
А-й распроклятые бурзы, да нонь татарины,
А-й навалилось нонь, да всё ведь сметы нет,
А-й да просят от меня да поединщичка.
А-й да нету в богатырях да всё защитничка».
А-й отвечал-де Михайло да сын Данильевич:
«А уж ты ой еси, Владимир да князь стольне-киевской!
А-й да какой защитник я да вам теперече?
А-й еще от роду ведь мне да только четыренадцать лет,—
А да сбросят богатыри меня с добра коня».
А-й говорил Владимир-князь стольне-киевской:
«А-й уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевич!
А-й благословил мне тебя да твой родной батюшко
А-й защищать нонь тебе стольне-Киев-град».
А-й говорил-де Михайло да сын Данильевич:

«А-й уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й да нету у мня да платья богатырского,
А-й да и нету у мня нонь копья долгомерного,
А еще нету у мня да сабли востроей,
А-й да и нет у мня палицы буевоей.
А-й да пошли ты богатыри во чисто полё,
А-й ко тому же ко камешку ко Латырю,—
А-й да и есь тут под камешком сбруя богатырская,
А-й привезли бы они мне эту сбруюшку».
А-й поворотился Владимир да ко богатырям:
«А-й поезжайте-ка, сильнии богатыри,
А-й поезжайте-тко во чисто полё,
А-й да везите скоре платьё богатырскоё
А-й с-под того же тут камешка из-под Латыря».
А-й да поехали удалы да добры молодцы
А ко тому же ко камешку ко Латырю,
А-й соскочили тут они да со добрых коней,
А-й обошли тут они да всё вокруг его,
А-й начинали тут его да подымати нонь,
А-й все двенадцать нонь сильниих богатырей,—
А-й не могли его тут камешка от земли поднять,
А-й да поехали назад да без всего топерь.
А-й приезжают тут они да в стольне-Киев-град,
А-й отвечали тут они да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А-й не могли мы достать платья богатырского,
А-й не могли мы поднять да камня Латыря».
А-й да скочил-де Михайло да на резвы ноги,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«Ой уж вы ой еси, сильние богатыри!
А-й отведите вы мне да камень Латырь нонь».
А-й говорил-де Добрынюшка Микитич млад:
«А-й да поедём-ка, Михайло да сын Данильевич,
А-й да поедём мы с тобой дак во чисто полё,—
А отведу я тебя да камень Латырь нонь».
А да скочили тут они да на добрых коней,
А да подъехали ко камешку ко Латырю,
А соскочил-де Михайло да со добра коня,
А-й подошел-де ко камешку ко Латырю,
А-й обошел-де Михайло его три раз кругом,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А-й пособи мне-ка, господи, поднять его».
А-й да и взял тут Михайлушко едной рукой,
А-й да поднял етот камешок ведь стоя нонь,—

А-й да увидал там платье лежит нонь цветноё,
А-й да и цветное платьё да богатырскоё,
А-й вынимал тут Михайло да платьё цветноё,
А-й одевал-де Михайло да поскорешенько;
А-й вынимал-де Михайло сбрую лошадиную,
А-й да седлал-де коня да свойго доброго;
А-й да и взял он копье да долгомерноё,
А-й да и взял себе палицу буевую,
А да и взял себе сабельку нонь вострую.
А да садился Михайло да на добра коня,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!
А поезжай-ка, Добрынюшка, в стольне-Киев-град»

А-й да уехал тут Михайло да из виду ведь нонь,
А-й да уехал тут Михайло да во монастыри,
И ко своёму-де батюшку родимому.

А приезжал-де Добрынюшка в стольне-Киев-град,
А-й ко тому же ко князю да стольне-киевскому,
А-й говорил-де Добрынюшка таково слово:
«А-й да подъехал Михайло к камню Латырю,
А-й да поднял его да единой рукой,
А-й вынимал нонь он платье да себе цветное,
А-й вынимал себе платьё да богатырскоё,
А-й одевался Михайло да нонь скорешенько,
А-й седлал-де, уздал свойго коня доброго,
А-й да садился Михайло да на добра коня,
А да сказал мне Михайло да таково слово:
«А поезжай ты, Добрынюшка, в стольне-Киев-град».
А да и столько я Михайла нонче видел тут,
А да и скрылся Михайла да всё из глаз от меня».

А-й приезжал-де Михайло да во монастыри,
А подъезжал он к ограды да всё высокое,
А-й да крикнул он голосом высокиим:
«А-й уж ты здравствуй, мой батюшко родимые!
А-й да дай мне благословленьицо великоё
А-й да и ехать мне нонече во рать-силу,
А-й воёваться мне с татаринами проклятыми».
А-й услыхал тут Данило да сын Игнатьевич,
А-й да открыл он ведь форточку нонь маленьку,
А-й говорил-де Данило да таково слово:
«А-й поезжай ты, дитя мое родимоё,
А-й поезжай ты, дитя, да ведь господь с тобой.

А-й да подъедёшь ко силы да ты ко армии —
А-й да руби эту силу да ты ведь с краю всю,
А-й не заезжай ты во силу да всё в серёдочку:
А-й во середке накопаны рвы глубокие,
А-й провалишься ты с конем да в эти рвы глубокие,
А-й да и схватят тебя прокляты татарины».
А-й да закрыл-де Данило да свою форточку.

А-й да поехал тут Михайло да в стольне-Киев-град,
А-й да во ту же во силу нонче во армию.
А-й да подъехал тут Михайло да к силы-армии,—
А-й да стоит нонче силы дак ровно темной лес.
А-й да начал-де Михайло да разъезжати нонь,
А-й да разъехал тут Михайло да по чисту полю,
А-й да подъехал тут Михайло да к силы-армии,
А-й да начал тут Михайлушко размахивать,—
А-й что на ту руку махнет — дак лежит улица,
А-й на другу руку махнет — дак переулками,
А-й да рубил-де, косил дак трои суточки.
А-й говорил ему конь да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевич!
А-й отъезжай ты, Михайло, да во чисто полё,
А да дай мне поисть травы шелковой,
А да дай мне попить воды ключевое».
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А уж ты ой еси, конь дак лошадь добрая!
А-й твоя волчья нонь сыть да травяной мешок,
А-й рассердись-ка ты, конь, дак пуще старого».
А начинали тут опять рубить да силу-армию.
А-й рассердился нонь конь да пуще старого.
А-й да рубил-де, косил опять трои суточки.
А-й говорил ему конь да во второй након:
«А-й отъезжай-ка, Михайло, во чисто полё,
А-й да и дай мне поисть травы шелковой,
А-й да попить мне, коню, воды ключевоей».
— «А-й уж ты ой еси, конь мой, лошадь добрая!
А твоя нонче сыть да травяной мешок,
А-й рассердись-ка нонь, конь, да пуще старого».
А-й рассердился ведь конь да пуще старого,
А-й поскакали тут опять дак в силу-армию,
А-й да заехали они да во серёдочку,—
А-й провалился его конь, дак лошадь добрая,
А-й провалился во укопы всё глубокие.

А-й да схватили тут Михайла сына Данильёва,
А-й повели тут его да ко татарину,
А-й да запутали в опутины во крепкие,
А-й привели тут его да ко татарину,
А-й говорил-де татарин да распроклятые:
«А-й уж ты ах ты мальчишко да ровно бестия!
А да попал ты теперичe в мои руки.
А-й да и сделайте скоре да нонче виселицу,
А-й да повесим мы его да на чистом поли».
А-й да и сделали тут виселицу скорёшенько,
А-й повели-де Михайлушка на виселицу.
«А уж ой еси, бог да нонче милослив!
Да за що я нонь да погибать буду?»
А-й развёрнул тут Михайло да руку правую,
А-й оборвал-де опутины нонь крепкие,
А-й ухватил-де татарина нонь за ноги,
А-й да и начал помахивать во все стороны
А-й да и ровно он палицей буёвою.
А-й да добрался Михайло да до добра коня,
А-й закричал-де Михайло да громким голосом:
«А-й уж ты ой еси, конь, моя лошадь добрая!
А-й да и выскочи, конь, да на сыру землю».
А-й да и выскочил конь дак на сыру землю,
А-й подбежал-де к Михайлу сыну Данильёву,
А-й заскочил-де Михайлушко на добра коня,
А-й поскакал-де Михайло да ко белу шатру,
А-й да схватил-де татарина за русы власы,
А отрубил у татарина буйну голову,
А-й да вздел эту главу да на востро копье.
А да скричала тут вся сила да нонче армия:
«А уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
А-й да куды нам прикажошь нонь деватися,—
А-й нам здесь ле стоять ли, за тобой идти?»
А-й говорил-де Михайло да сын Данильевич:
«А-й отправляйтесь, татара да распроклятые,
А-й отправляйтесь, татара, да во свою орду».

А-й да поехал Михайло да в стольне-Киев-град.
А-й да и ехал он силой да цельни суточки,
А-й да увидел там живого человека он,—
А-й да и ходит, по туловищам роется.
А-й подъезжал-то Михайло всё поближе к ему,
А-й да увидел тут Михайло да своего отца,—
А да роется по туловищам по мертвым,

А-й да и ищёт тут он да своего сына.
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А уж ты здравствуешь, батюшко родимой мой!
А уж ты что же нонче да тут делаешь?»
— «А-й уезжай ты, татарин да распроклятые.
А-й да сниму я свою шляпу да всё пуховую,
А-й да и брошу в тебя да свою шляпочку,—
А-й да слетишь ты, татарин, да со добра коня».
— «А уж ты ой еси, батюшко родимой мой!
А уж верно скажу, да я твой ведь сын».
— «А-й уж ой еси, удалой да доброй молодец!
А соскочи-тко возьми со добра коня,
Да раздень ты с себя возьми платье цветное:
А да есь у моего сына предметочка,—
А под правой-де под пазухой две бородавочки».
А-й соскочил-де Михайло да со добра коня,
А-й раздел он с себя да платьё всё цветноё,
А-й подошел тут к отцу свому родимому,
А-й показал тут ему да праву руку он.
А-й увидал тут старик свои предметочки,
А-й да обнял тут старик своего сына,
А-й говорил-де старик да таково слово:
«А-й да и будешь, Михайло, да на почесьен пиру,—
А-й да не хвастай, Михайлушко, ничем ведь ты,
А-й да ни силой своей да ты, ни бодростью».
А-й распростился Михайло да со своим отцом,
А-й да поехал Михайло да в стольне-Киев-град.

А-й подъезжает Михайлушко ко заставы,
А-й увидали Михайла да с высока шатра,
А-й да закинули у ворот запоры крепкие.
А-й закричал-де Михайло да громким голосом:
«А-й уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
А запусти ты меня да в стольне-Киев-град,—
А я везу вам главу да всё татарскую».
А-й услыхал тут Добрынюшка Микитич млад,
А-й услыхал-де Добрынюшка голос Михайлушков,
А-й поскакал-де Добрынюшка к воротам скорей,
А-й отворят он ведь заставы нонь крепкие,
А-й запускал-де Михайлушка на двор к себе.
А-й поскакали тут они да ко дворцу его,
А-й да увидел тут Владимир-князь стольне-киевской,
А-й выходил-де Владимир да на красно крыльцо,
А-й да и брал-де Михайла да за белы руки,

А-й да и вел-де Михайла да на красно крыльцо,
А-й да завел-де ёго да во светлу гридню.
А-й да пошел у их пир да нонь навеселе,
А-й да и стали тут они да утешатися,
А-й да и стали тут они да веселитися.

ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ И ДОБРЫНЯ

А во стольнеём городе во Киеве,
А у ласкова князя у Владимира
А было пированьё-стол, почестён пир,
А про многих хрестьян, про русских бояров
А про тех же про русскиих богатырей,
А да про тех поленииц да приудалые,
А про тех же наездников пресильниих.
А все на балу сидят, пьют, кушают,
А два молодца не пьют, не кушают,
А где белой лебедушки не рушают.
А говорил тут Владимир стольнё-киевской:
«А уж ты ой еси, Василий да сын Касимирович!
А сослужи ты мне-ка службу церковную,—
А ще съезди-тко, Васильюшко, во Большу орду,
Во Большу-де орду, да в прокляту землю,
А к тому же ко Батею к сыну Батеевичу;
А да свези где-ка дань, свези всё пошлины
А да за те за двенадцать лет вы́ходных;
А да свези где ему нонче подарочки —
А во-первых-де, двенадцать ясных соколов,
А во-вторых-то, двенадцать белых лебедей,
А во-третьих-то, двенадцать да серых кречатов».
А ще тут-де Васильюшко призадумался,
Говорил где Васильюшко таковы слова:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнё-киевской!
А у нас много где ездило во Большу орду,
Во Большу-де орду, да прокляту землю,
А к тому же ко Батею сыну Батеевичу,—
А назад тут они не приезживали».
А говорил тут Владимир да стольнё-киевской:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович!
А тебе надо ехать во Большу орду,
Во Большу-де орду тебе, в прокляту землю.
Да бери-тко ты от меня да золотой казны,
А бери от меня да силы-армии».

Говорил тут Василий да сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнё-киевской!
А не надо мне твоя да золота казна,
А не надь мне твоя да сила-армия,
А не надь мне твои нонче подарочки,—
А только дай мне-ка братилка крестового,
А на мо́лода Добрынюшку Микитича».
Говорил тут Владимир да стольнё-киевской:
«А сряжайтесь-ка вы, русские богатыри,
А сряжайтесь, богатыри, по-подорожному,
А возьмите-тко с собой тут да дань-пошлину
А за те за двенадцать лет как выходных;
Вы возьмите еще ему подарочки».
А говорил-де Васильюшко сын Касимирович:
«А не надо где нам да дань ведь, пошлина,
А не надо ведь нам ёму подарочки».
А срядились богатыри по-подорожному,
А седлали, уздали своих добрых коней,
А на себя надевали латы кольчужные,
А брали лучок, калёну стрелу,
А ту еще палочку буёвую,
А ту еще саблю да нонче вострую,
А то где копейцо да брусоменчато.
А еще падали в ноги князю Владимиру.

А еще падал Добрыня Василью Касимировичу:
«А уж ты ой еси, братилко крестовой нонь!
А да поедём мы с тобой во путь-дорожечку,—
А не бросай ты меня да середи поля,
А не заставь ты меня ходить бродягою».
А да не видели поездки богатырскою,
А только видели — в поле курева стоит,
Курева где стоит, да дым столбом валит.
А едут дорожкой да потешаются,—
А Васильюшко стрелочку постреливат,
А да Добрынюшка стрелочку подхватыват.
А приехали во царство да во Большу орду,
А не дёржала стена их городовая,

А та где-ка башня четвёроугольняя.
А заезжали они да нонь в ограду тут,
А становились молодцы да́ ко красну крыльцу,
А вязали коней да к золоту кольцу,
А заходили они да во светлу грыню.

Говорил где Васильюшко сын Касимирович:
«А здравствуй, царь Батей Батеевич!»
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович!
А приходи-тко ты, Васильюшко сын Касимирович,
А садись-ка, Васильюшко, за дубовой стол».
А еще тут где-ка царь угощать их стал.
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«А ты послушай-ка, Василий сын Касимирович!
А ты привез ле мне дань, привез ле пошлину
За двенадцать как лет да нонче выходных?
А привез еще нонче подарочки —
А тех же двенадцать ясных соколов,
А во-вторых, двенадцать белых лебедей,
А во-третьих, двенадцать серых кречатов?»
А говорил Васильюшко сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, царь Батей Батеевич!
А не привез я к тебе нонь дани-пошлины
А за те как за двенадцать лет как выходных;
А не привез я к тебе нонче подарочок —
А тех же двенадцать ясных соколов,
А во-вторых-де, двенадцать белых лебедей,
А во-третьих-де, двенадцать серых кречатов».
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«Уж ты ой еси, Василий да сын Касимирович!
А есь ле у вас да таковы стрельцы —
А с моима стрельцами да пострелетися
А во ту где во меточку во польскую,
А во то востреё да во ножовоё?
Ай если нету у вас да таковых стрельцей
А с моима стрельцами пострелетися,—
А не бывать те, Васильюшко, на святой Руси,
А не видать четья-петья церковного,
А не слыхать тебе звону колокольнёго,
А не видать те, Васильюшко, бела свету».
А говорил где Васильюшко сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, царь Батей Батеевич!
Я надею дёржу да я на господа,
Я надеюсь на матерь на божью, Богородицу,
А надеюсь на званого на братилка,
А на молоды Добрынюшку на Микитича».
А еще тут Батей царь Батеевич
А выбрал он ровно триста стрельцов,
А из трехсот он выбрал одну сотёнку,

А из сотни он выбрал да только три стрельца.
Да пошли как они как тут стрелетися,
А пошли где они да во чисто полё,
А стрелели во меточку во польскую,
А во то востреё во ножовоё.
А первой тут стрелил — да он не выстрелил,
А второй-от тут стрелил — да он не достреелил,
А третей-от стрелил — да он перестрелил.
А Добрынюшка стрелил да всё во меточку,—
А калёна та стрелочка раскололасяя.
А еще тут у царя да вся утеха прошла,
А собрал он где пир да ровно на три дня,
А еще тут богатырей угощать тут стал.
А пировали-столовали да ровно по три дня,
А на четвертой-от день стали разъезжатися,
А говорил где Батей сын Батеевич:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович!
А есь ли у тебя да таковы игроки —
А с моима игроками поиграти нонь
А во те же во карточки, во шахматы?
А еще нет у тя таковых игроков,—
Не бывать тут тебе да на святой Руси,
А не видать тебе тут будёт бела свету,
А не слыхать-то четья-петья церковного,
А не слыхивать звону колокольнёго».
А говорил тут Василий да сын Касимирович:
«А я надею дёржу да я на господа,
Я на матерь на божью, Богородицу,
Я надеюсь на званого на братилка,
А на молоды Добрыню на Микитича».
А еще тут же как царь Батей Батеевич,
А еще выбрал игроков он одну сотёнку,
А из сотёнки выбрал да ровно тридцать их,
А из тридцати выбрал да ровно пять тут их.
А они сели играть во карты, шахматы,
А играли они да ровно суточки,
А Добрынюшка тут всех их поигрыват.
А еще тут у царя да вся утеха прошла,
А собрал он пир да ровно на три дня,
А тут-де богатырей угощать тут стал.
А пировали-столовали да ровно три тут дня,
А на четвертой-от день стали разъезжатися.
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«А уж ты ой еси, Василий да сын Касимирович!

А есь ле у тебя тут таковы борцы —
А с моима борцами да поборотися?
А если нет у тя да таковых борцей,—
Не бывати тебе да на святой Руси,
А не видати тебе да нонь бела свету,
Не слыхать тут четья-петья церковного,
А не слыхивать звону колокольнёго».
Говорил тут Василий да сын Касимирович:
«А надею дёржу да я на господа,
Я на матерь на божью, Богородицу,
Я надеюсь на званого на братилка,
Я на молоды Добрынюшку на Микитича».
А тот как царь Батей Батеевич
А еще выбрал борцов одну ведь сотёнку,
А из сотёнки выбрал ровно тридцать их,
А из тридцати выбрал да ровно три борца,
А да пошли где они тут всё боротися
А во то-де как полё да во раздольицо.
А говорил где Васильюшко сын Касимирович:
«А послушай-ка, Батей ты царь Батеевич!
А как им прикажошь тут боротися —
А поодиночке ле им или со всема тут вдруг?»
А говорил тут Батей да сын Батеевич:
«А уж ты ой Васильюшко сын Касимирович!
А боритесь-ка вы нонь как нонь знаете».
А еще тут-де Добрынюшка Микитич млад
А еще два к себе взял нонче в охабочку,
А третьёго взял да по середочку,—
А всех он тут трех да живота лишил.
А богатырская тут кровь да раскипелася,
А могучи ёго плеча расходилися,
А белы ёго руки примахалися,
А резвы ёго ноги приходилися,—
Ухватил он татарина всё за ноги,
А стал он татарином помахивать:
А перёд тут махнет — да всё как улками,
А назад-от махнет — да переулками;
А сам где татарину приговариват:
«А едрён где татарин на жилки — не по́рвется,
А могутён на косьи — не переломится».
А еще тут где-ка царь Батей Батеевич,
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«А уж вы ой еси, русские богатыри,
А те же удалы добры молодцы!

А укротите свои да ретивы сердца,
А опустите-ка свои да руки белые,
А оставьте мне татар хотя на семена.
А я буду платить вам дань и пошлину
А вперед как за двенадцать лет как выходных,
А буду я давать вам красного золота,
А буду дарить вам чистым серебром,
А еще буду ведь я скатным жемчугом;
А присылать я вам буду нонь подарочки —
А тех же двенадцать ясных соколов,
А тех же двенадцать белых лебедей,
А тех же двенадцать серых кречатов».
А еще где-ка тут царь Батей Батеевич,
А еще тут где-ка царь да им ведь пир доспел.
А пировали-столовали да ровно десять дней,
А на одиннадцатой день стали разъезжатися.
А еще зачали богатыри сряжатися,
Еще стали могучи сподоблятися.
А спроводил их Батей тут сын Батеевич.

А да приехали они ко городу ко Киеву,
А к тому же ко князю да ко Владимиру.
А стречат их Владимир да стольне-киевской,
А стречаёт ведь их да всё тут с радостью.
Рассказали они князю да всё Владимиру.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

На Паневе было, на Уланеве,
Жило-было два брата, два Ливика,
Королевскиих два племянника:
Воспроговорят два брата, два Ливика,
Королевскиих два племянника:
«Ах ты дядюшка наш, Чимбал-король,
Чимбал-король земли Литовския!
Дай-ка нам силы сорок тысячей,
Дай-ка нам казны сто тысячей,—
Поедем мы на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир».
Воспроговорит Чимбал-король земли Литовския:
«Ай же вы два брата, два Ливика,
Королевскиих два племянника!
Не дам я вам силы сорок тысячей,
И не дам прощеньица-благословеньица,

Чтобы ехать вам на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир.
Сколько я на Русь ни езживал,
А счастлив с Руси не выезживал.
Поезжайте вы во землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому:
Там молодцы по спальным засыпалися,
А добры кони по стойлам застоялися,
Цветно платьице по вышкам залежалося,
Золота казна по погребам запасена.
Там получите удалых добрых молодцев,
Там получите добрых коней,
Там получите цветно платьице,
Там получите бессчетну золоту казну».
Тут-то два брата, два Ливика
Скоро седлали добрых коней,
Скорее того оны поезд чинят
Во тую ли землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили оны добрых коней,
Получили оны добрых молодцев,
Получили оны цветно платьице,
Получили оны бессчетну золоту казну.
И выехали два брата, два Ливика
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали есть, пить, веселитися
На той на великой на радости,
Сами говорят таково слово:
«Не честь-хвала молодецкая
Не съездить нам на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир»

Тут два брата, два Ливика
Скоро седлали добрых коней,
Брали свою дружину хоробрую —
Стрельцов, удалыих добрых молодцев.
Не доедучись до князя Романа Митриевича,
Приехали ко перву селу ко Славскому:
Во том селе было три церкви,
Три церкви было соборниих,—
Оны то село огнем сожгли,

Разорили ты церкви соборнии,
Черных мужичков повырубили.
Ехали оны ко второму селу Карачаеву:
Во том селе было шесть церквей,
Шесть церквей было соборниих,—
Оны то село огнем сожгли,
Разорили ты церкви соборнии,
Черных мужичков повырубили.
Ехали оны ко третью селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому:
Во том селе было девять церквей,—
Оны то село огнем сожгли,
Разорили ты церкви соборнии,
Черных мужичков повырубили,
Полонили оны полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым со младенцем со двумесячным.
А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Они почали есть, пить, прохлаждатися.

А в ты поры было, в то время
Князя Романа Митриевича при доме не случилося,—
А был-то князь за утехою,
За утехою был во чистом поле,
Опочивал князь в белом шатре.
Прилетела пташечка со чиста поля,
Она села, пташица, на белой шатер,
На белой шатер полотняненькой,
Она почала, пташица, петь-жупеть,
Петь-жупеть, выговаривать:
«Ай же ты князь Роман Митриевич!
Спишь ты, князь, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Приехали два брата, два Ливика,
Королевскиих два племянника,
Разорили оны твоих три села.
Во первом селе было три церкви,—
Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
В другом селе было шесть церквей,—

Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
Во третьем селе было девять церквей,—
Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков повырубили,
Полонили оны полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым со младенцем со двумесячным,
А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Едят оны, пьют, прохлаждаются».
А тут князь Роман Митриевич
Скоро вставал он на резвы ноги,
Хватал он ножище-кинжалище,
Бросал он о дубовой стол,
О дубовой стол, о кирпичен мост,
Сквозь кирпичен мост о сыру землю,
Сам говорил таковы слова:
«Ах ты тварь, ты тварь поганая,
Ты поганая тварь, нечистая!
Вам ли, щенкам, насмехатися?
Я хочу с вами, со щенками, управиться».

Собирал он силы девять тысячей,
Приходил он ко реке ко Смородины,
Сам говорил таково слово:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
Делайте дело повеленое —
Режьте жеребья липовы,
Кидайте на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребье подписывай».
Делали дело повеленое —
Резали жеребья липовы,
Кидали на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребье подписывал.
Которой силы быть убиты —
Тыя жеребья каменем ко дну;
Которой силы быть зранены —
Тыя жеребья против быстрины пошли;
Которой силы быть не ранены —
Тыя жеребья по воды пошли.
Вставал князь Роман Митриевич,

Сам говорил таковы слова:
«Которы жеребья каменем ко дну —
Тая сила будет убитая;
Которы жеребья против быстрины пошли —
Тая сила будет поранена;
Которы жеребья по воды пошли —
Тая сила будет здравая.
Не надобно мне силы девять тысячей,
А надобно столько три тысячи».
Еще Роман силушке наказывал:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
Как заграю во первый након
На сыром дубу черным вороном,—
Вы седлайте скоро добрых коней;
Как заграю я во второй након
На сыром дубу черным вороном,—
Вы садитесь скоро на добрых коней;
Как заграю я в третий након,—
Вы будьте на месте на порядноем,
Во далече-далече во чистом поле».
Сам князь обвернется серым волком,
Побежал-то князь во чисто поле,
Ко тым ко шатрам полотняныим,
Забежал он в конюшни во стоялые,
У добрых коней глоточки повыхватал,
По чисту полю поразметал;
Забежал он скоро в оружейную,
У оружьицев замочки повывертел,
По чисту полю замочки поразметал,
У тугих луков тетивочки повыкусал,
По чисту полю тетивочки поразметал.
Обвернулся тонким белыим горносталем,
Прибегал он скоро во белой шатер.
Как скоро забегает в белой шатер —
И увидел младенчик двумесячный,
Сам говорил таково слово:
«Ах ты свет государыня матушка,
Молода Настасья Митриевична!
Мой-то дядюшка, князь Роман Митриевич,
Он бегает по белу шатру
Тонким белыим горносталем».
Тут-то два брата, два Ливика
Начали горносталя поганивать

По белу шатру по полотняному,
Соболиной шубой приокидывать.
Тут-то ему не к суду пришло,
Не к суду пришло, да не к скорой смерти,—
Выскакивал из шубы в тонкой рукав,
В тонкой рукав на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле.
Обвернулся горносталь черным вороном,
Садился черный ворон на сырой дуб,
Заграял ворон во первый након.
Тут-то два брата, два Ливика
Говорят ему таковы слова:

«Ай же ты ворон, ворон черныий,
Черный ворон усталыий,
Усталый ворон, упалыий!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калены стрелы,
Застрелим ти, черного ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,
Перье твое распустим по чисту полю».
Заграял ворон во второй након.
Воспроговорят два брата, два Ливика:

«Ай же ты ворон, ворон черныий,
Черный ворон усталыий,
Усталый ворон, упалыий!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калены стрелы,
Застрелим ти, черного ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,
Перье твое распустим по чисту полю».
Заграял ворон в третий након.
Тут-то два брата, два Ливика

Скоро скочили оны на резвы ноги,
Приходили оны в оружейную,
Схватились оны за туги луки,—
У тугих луков тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
Хватились оны за оружьица,—
У оружьицев замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны;
Хватились оны за добрых коней,—
У добрых коней глоточки повыхватаны,

По чисту полю разметаны.

Тут-то два брата, два Ливика
Выбегали оны скоро на чисто поле.
Как наехала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшего на большего,
И послали к дядюшке,
Чимбал-королю земли Литовския.
Сам же князь-то приговаривал:
«Ты, безглазый, неси безногого,
А ты ему дорогу показывай».

СУХМАН

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице — почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русскиих могучиих богатырей,
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет навеселе,
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,—
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольно-киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?»

Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути, для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.

Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи —
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши;
Ехал ко другия ко тихия ко заводи —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши;
Ехал ко третия ко тихия ко заводи —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры-реке».

Приезжает ко матушке Непры-реке —
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выспрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,

Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих?
Мостят они мосты калиновы,—
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку,—
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб с кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар поколачивати:
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Убил он всех татар поганыих,
Бежало три татарина поганыих,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки каленые.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке,—
Пустили три татарина поганыих
Тыя стрелочки каленые
Во его в бока во белые:
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Сорвал в раны кровавыя листочики маковы,

А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-киевский
По гридне столовыя похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольно-киевский!
Мне, мол, было не до лебедушки,—
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы:
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганыих».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал своим слугам верныим
Взять Сухмантья за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки Сухмантьевы.

Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке,
И видит Добрынюшка Никитинец,—
Побита сила татарская;

И видит дубиночку-вязиночку,
У тоя реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:
«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич,—
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
И привез я дубиночку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиночка облочкана,
Потянула дубина девяносто пуд».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи,—
Буду его, молодца, жаловать-миловать
За его услугу за великую,
Городами его с пригородками,
Али селамы со приселкамы,
Аль бессчетной золотой казной до́люби́».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокого,—
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать,—
А теперь не видать меня во ясны очи».
Выдергивал листочики маковые
Со тыих с ран со кровавыих,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки Сухман-река
От моя от крови от горючия,
От горючия крови от напрасныя».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ С БОГАТЫРЯМИ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

По морю, морю синему,
По синему по Хвалунскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Не много, не мало — двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма по-звериному,
А бока зведены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на корабле,—
Еще вместо очей было вставлено
Два камни, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле,—
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле,—
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле
Еще три церкви соборные;
Да еще было на Соколе на корабле
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.

Как из далече-далече из чиста поля
Зазрил-засмотрел Турецкой пан,
Турецкой пан большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович,
Он сам говорит таково слово:

«Ах вы гой еси, ребята добры молодцы,
Добры молодцы донские казаки!
Что у вас на синем море деется,
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ка, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери,
Добрынюшку под меч клони».

Таки слова заслышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты Добрынюшка Никитин сын!
Скоро-борзо походи во Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень».
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на воду, ни на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво сердце».

Ах тут Салтан покаялся:
«Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем
Ни детям нашим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам,
Ни правнучатам, ни пращурятам».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

И ай на горах-то, на горах да на высокиих,
На шоломе было́ окатистом,
Эй там стоял-постоял да тонкой бел шатер,
Эй тонкой бел шатер стоял, да бел полотняной.
И эй во том во шатри белом полотняном
И эй тут сидит три удалых да добрых молодца:
И эй во-первых-де старой казак Илья Муромец,
И эй во-вторых-де Добрынюшка Никитич млад,
Во-третьих-де Олёшенька Попович был.
Они стояли на заставы на крепкое
И эй стерегли-берегли да красен Киев-град,
Они стояли за веру за христианскую,
Що за те же за церквы всё за божьии.
И по ютру ле добры молодцы пробужаются,
Э они свежой водой ключевой умываются,
Тонким белым полотенцом утираются.
Выходил-де старой казак из бела шатра,
Он смотрел же в подзорную во трубочку
Он на все же на четыре да кругом стороны:
Во первой-то стороны да горы лютые,
И во второй-то стороны да лесы темные,
Во третей-то стороны да синё морюшко,
Во четвертой-то стороны да чисто полюшко.
Он смотрел же, глядел да вдоль он по полю,
По тому же раздольицу широкому,
Ко тому же ко морюшку ко синему.
От того же от морюшка от синего
Не погода ле там да поднималася,
Що не пыль ли во поле распылалася,—
Еще идет удалой да доброй молодец
И не приворачиват на заставу на крепкую,
Он и прямо-то едёт да в красен Киев-град.
Тут заходил старой казак в тонкой бел шатер,
Говорил же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьица мои крестовые,
Во-первых, ты, Добрынюшка Микитич млад,
Во-третьих же, Олёшенька Попович был!
Уж вы що же сидите да чего знаете?
Как наехал на нас и супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодец;
Как и едёт молодец-от в красен Киев-град,

А не приворачиват на заставу на крепкую,
Он и прямо ведь едёт в красен Киев-град».
А-й посылают Олёшеньку Поповича:
«Поезжай-ка, Олёшенька, попроведай-ка».
Выходил же Олёшенька из бела шатра,
Засвистел-де Олёшенька добра коня,—
Как бежит его конь да из чиста поля,
Его доброй конь бежит, только земля дрожит.
Тут крутешенько Олёшенька коня седлал,
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он вязал же потружечки шелковые,—
Еще семь-то потружок да едного шолку,
А восьмая потруга из семи шолков,
Еще та же потруга через хребётну кость,—
А не ради басы, а ради крепости,
Да ради опору богатырского,—
Не оставил бы конь да во чистом поли,
Не пришлось бы молодцу пешком идти.
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он взял же доспехи богатырские.
Только видели Олёшеньку — в стремена ступил,
А не видели поездки богатырское,
А увидели — на поле курева стоит,
Курева где стоит, да пыль столбом валит.
Наезжал он удалого добра молодца,
Засвистел-де Олёша по-соловьиному,
Заревел-де Олёшенька по-звериному,
Зарычал же Олёшенька по-туриному,
Зашипел он, Олёшенька, по-змеиному.
Еще едёт молодец, он не оглянется.
Еще тут же Олёшенька прираздумался,
Поворачивал Олёшенька добра коня,
Поскакал же Олёшенька ко белу шатру,
Приезжал же Олёшенька ко белу шатру,
Тут крутешенько Олёшенька во шатер бежал,
Говорил же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьица мои крестовые,
Во-первых, ты, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Добрынюшка Никитич млад!
Еще едёт молодец да не моя чета,
Не моя-де чета, да не моя верста:
Еще едёт молодец да по чисту полю,
Он своима доспехами потешается,
Он востро копье мечёт по поднебесью,

Он правой рукой мечёт, да левой схватыват;
На правом его плечи сидит да млад сизой орел,
На левом плечи сидит да млад белой кречат,
Впереди его бежит да два серых волка,
Два серых же волка, да два как выжлока,
Назади его бежит да две медведицы».
Посылают Добрынюшку Микитича,
Выходил-де Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел-де Добрынюшка добра коня.
Как бежит его конь да из чиста поля,
Его доброй конь бежит, только земля дрожит.
Как крутешенько Добрынюшка коня седлал,
Он седлал и уздал да коня доброго,
Он вязал же потружечки шелковые,—
Еще девять-то потруг да едного шелку,
Как десятая потруга да из семи шолков,
Еще та же потруга через хребётну кость,—
Не для-ради басы, а ради крепости,
А для-ради опору богатырского:
«Не оставил бы конь меня во чистом поли,
Не пришлось-де молодцу пешком идти».
Он накладывал седёлышко черкальчето,
Надевал он уздичку да всё тесмяную,
Он и брал себе плетку да всё ремянную,
Он и брал все доспехи да богатырские,
Он и взял все три вострые ведь сабельки,
Он и брал все три булатны копьица,
А подвязал он себе ведь острой меч,
Он и брал же тугой лук разрывчивой,
А он надевал же налучищо каленых стрел,
Надевал на главу да шляпу греческу.
Он и с братьями крестовыма прощается:
«Вы простите-ка, братьица крестовые,
Во-первых-де, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Олёшенька Попович был!
Уж если мне на поле как смерть будёт,
Увезите меня да в красен Киев-град,
Да предайте меня да ко сырой земли».
Тут крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
Он еще того скоре да в стремена ступил,
Только видели — Добрынюшка в стремена ступил,
А не видели поездки да богатырскои,
А увидели — на поле курева стоит,
Курева где стоит, да пыль столбом валит.

Наезжал он удала да добра молодца,
Объезжал он удалого да добра молодца,
Еще едёт — молодцу да всё встречается.
Кабы честлив был Добрынюшка очетливой,
Он и знал же спросити, про себя сказать,
Тут соскакивал Добрынюшка со добра коня,
Он снимал же свою да шляпу греческу,
Как низко молодчику поклоняется:
«Уж ты здравствуёшь, удалой да доброй молодец!
Ты куда же едёшь, да куда путь держишь?»
Говорит тут удалой да доброй молодец,
И говорит-то он да выхваляется,
Он своима доспехами потешается,
Он востру саблю мечёт по поднебесью,
Он правой рукой мечёт, левой схватыват,
Еще сам из речей выговариват:
«Уж я еду прямо в красен Киев-град,
Уж я хо́чу ведь Киев-от в полон возьму,
Я князя Владимира под меч склоню,
А Опраксею-княгину да за себя возьму,
Уж я божьи ти церкви да все под дым спущу,
Я святые иконы да копьем выколю,
Злато, серебро телегами повыкачу,
Я попов, патриархов всех под меч склоню,
Християнскую веру да облатыню всю,
Ваши головы богатырей повырублю,
А на ко́пьица головушки повысажу».
Еще тут же Добрынюшка не ослушался,
Как заскакивал Добрыня да на добра коня,
Поскакал-де Добрынюшка ко белу шатру,
Приезжал же Добрыня да ко белу шатру,
Тут крутешенько Добрынюшка со коня скочил,
Тут еще того круче да во шатер бежал,
Говорил же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьица крестовые!
Как наехал на нас да супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодец.
Еще едёт молодец, он да потешается,
Он востро копье мечёт по поднебесью,
Он и сам из речей да выхваляется:
„Еще еду я прямо в красен Киев-град,
Уж я хочу — Киев-от в полон возьму,
Уж я князя Владимира под меч склоню,
Я Опраксею-княгину да за себя возьму,

Уж я божии ти церкви все под дым спущу,
Я святые иконы да копьем выколю,
Я попов, патриархов всех под меч склоню,
Злато, серебро телегами повыкачу,
Ваши головы богатырей повырублю,
Как на копьица головушки повысажу“».
Еще тут же старому да за беду стало,
За великую досаду да показалося,
Сомутились у старого да очи ясные,
Расходились у старого да руки белые,
Выходил-де старой да из бела шатра,
А засвистел-де старой казак добра коня.
Как бежит его конь да из чиста поля,
Его доброй конь бежит, только земля дрожит.
В теменях-то старой казак коня седлал,
А он вязал же подпружечки шелковые,—
Как двенадцать-то потружок да едного шолку,
А тринадцата потруга да из семи шолков,
Еще чистых шелков да шамахинскиих,
Еще та же потруга через хребётну кость,—
Она не для-ради басы, а ради крепости,
Как для-ради опору богатырского.
Он накладывал седельцо да всё черкальчето,
Надевал он уздичку да всё тесмяную,
Он и взял свои доспехи да богатырские,
Он и взял все три вострые-то сабельки,
Он и брал три булатные все копьица,
Подвязал же старой он да себе он вострой меч,
Он и брал ведь тугой лук разрывчивой,
Надевал же он латы да всё кольчужные,
Как на те же на латы на кольчужные
Надевал же налучищо каленыех стрел,
Он и брал же чинжалище булатноё.
Тут скорешенько старой он на коня скочил,
Как еще того круче да в стремена ступил.
Только видели старого — да в стремена ступил,
А не видели поездки да богатырское,
А увидели — на поле курева стоит,
Курева-де стоит, да пыль столбом валит.
Наезжал он удала да добра молодца,
Объезжал он удала да добра молодца.
А не две ле горы да сокаталосе,
Как не два ле сокола да солеталосе,
Как не два богатыря да соезжалосе,—

Соезжалися да тут отец с сыном.
Во-первых они съехались вострыма копьями,
По насадочкам копьица изломалися,
А от рук руковяточки загорелися,—
Они тем боём друг друга не ранили.
Во-вторых они съехались вострыма саблями,
По насадочкам сабельки поломалися,
А от рук руковяточки загорелися,—
Они тем боём друг дружку не ранили.
Да тянулись на тягах да на железныих,
Через те же через гривы да лошадиные,
Еще тяги желе́зны да изломалися,—
Они тем же боём друг дружку не ранили.
Соскочили они да со добрых коней,
Как схватилися они да в рукопашный бой,
Они бьются-дерутся да трое суточки,
По колен они в землю да утопталися.
Оскользнула у старого да ножка правая,
А преуслабла у старого да ручка левая,
Как упал же старой он на сыру землю.
Тут наскакивал Сокольник да на белы груди,
А он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал же чинжалищо булатноё,
Он и хочот у старого пороть белы груди,
Он и хочот смотреть да ретиво сердцо.
Еще тут же старой да казак возмолился:
«Уж ты Спас, ты Спас да многомилослив,
Пресвятая мати божья, Богородица!
Я стоял ведь за веру да православную,
Я стоял же за церкви да всё за божие,
Я стоял же за честные мона́стыри,
Я стерег-берег да красен Киев-град,—
А лёжу я тепере да на сырой земли,
Под тема же руками да басурманина,
А гляжу я тепере да во сыру землю».
Еще тут же старой казак почувствовал,—
Еще тут же у старого вдвоё силы прибыло,
А он брал же Сокольника во белы руки,
Как вымётывал Сокольника по поднебесью,
Выше лесу его да он стоячего,
Ниже облака его да всё ходячего,
Как вымётывал его, всё подхватывал,
Тут скакал же ему да на белы груди,
Как расстегивал латы его кольчужные,

Как увидал на ём да крест серебряной,
Имянной его да Ильи Муромца,
Говорил тут старой-от да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
Ты коей же земли да коего городу,
Ты какого отца да коей матери?»
И говорит же Сокольничок таково слово:
«Когда был я у тя да на белых грудях,
Я не спрашивал ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества».
Тут и брал его старой-от да за белы руки,
Поднимал тут его да на резвы ноги,
Целовал его во уста да во сахарные,
Называл его сыном да всё любимыим.
Тут садилися они да на добрых коней,
Тут поехали молодчики ко белу шатру.
Тут стречают-то братья-то его крестовые,
А во-первых-де, Добрынюшка Микитич млад,
Во-вторых-де, Олёшенька Попович млад.
Тут соходят-то молодцы со добрых коней,
Становили они коней к одному корму,
Еще сами входили да в тонкой бел шатер.
Говорит тут старой казак таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
Еще как же те имя, да как те вотчина?»
И говорит тут удалой да доброй молодец,
Еще стал же молодчик да всё рассказывать:
«От того я от морюшка от синего,
От того я от камешка от Латыря,
Я от той же от бабы да от Златыгорки,
Еще имя мне, вотчина — Сокольничок,
А по чистому полю я наездничок;
А лет мне от роду да всё двенадцатой».
Говорит тут старой он да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
Поезжай-ка ко морюшку ко синему,
Ко тому же ко камешку ко Латырю,
Да ко той же ко бабы да ко Златыгорке,
Да ко той же ко маменьке родимое,—
Подрасти-кося лет еще двенадцать ты,
Тогда и будёшь по полю поляковать».
Еще тут же молодчику не понравилось,
Выходил же Сокольничок из бела шатра,

Да скакал-де Сокольничок на добра коня,
Поскакал-де Сокольничок ко синю морю,
Как поехал он к маменьке родимое.
Приезжаёт тут к маменьке родимое,
Да стречает его маменька родимая,
Он и слова со матерью не молвил же,
Он взял же копейцо да всё булатноё,
Он сколол же маменьку родимую.
Еще тут же Златыгорке славы поют.
Тут скакал же Сокольничок на добра коня,
Как поехал Сокольничок ко белу шатру,
Еще хочот сколоть да Илью Муромца.
Подъезжаёт Сокольничок ко белу шатру,
Еще в эту ведь пору да и во то время,
После же той же ведь битвы да всё великоей
Приуснули тут да добры молодцы
Как крепким они сном да богатырскиим,
Как не слышали потопу лошадиного.
Как соскакивал Сокольничок со добра коня,
Сомутились у Сокольника очи ясные,
Расходились у Сокольника руки белые,
Еще брал же Сокольничок востро копье,
Еще хочот сколоть да Илью Муромца,
Еще прямо направил да в ретиво сердцо.
На груди у Ильи да был имянной крест,
И из чистого он был как золота,
Не велик и не мал — да ровно три пуда.
А как попало копейцо да в имянной-от крест,
Скользёнуло оно да во сыру землю,
Как ушло оно в землю да всё во пять сажон.
Ото сну ле тут старой он да пробужается,
Как с великой передряги да просыпается,
Как увидел Сокольника очи ясные,
Как не мог же Сокольничок-то справиться.
Как схватил же Сокольника в руки белые,
А как вымётывал Сокольника по поднебесью,
Выше лесу его нонче стоячего,
Ниже облака его да всё ходячего,
А как вымётывал его, да не подхватывал,
И упал же Сокольничок на сыру землю,
Как едва же Сокольничок едва дыхат.
Тут скакал-де старой казак на белы груди,
Как расстегивал латы его кольчужные,

Еще взял же чинжалищо булатноё,
Распорол же Сокольничку белы груди,
Расколол у Сокольника ретиво сердцо.
Еще тут же Сокольничку славы поют.

КОНСТАНТИН САУЛОВИЧ

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
От первого стану до второго,
От второго стану до третьего,
От третьего стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
«Гой еси ты есми, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь,
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черевоста,
Черевоста осталась на тех порах».
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
«А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Никому я тебя, царицу, не приказываю,
Не приказываю и не наказываю.
А токо ли тебе господи сына даст,
Вспой-вскорми и за мной его пошли;
А токо ли тебе господи дочеря даст,
Вспой-вскорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли.
Поеду я на двенадцать лет».
Вскоре после его царице бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,
Имя дает Костентинушком Сауловичем.
А и царское дитя не по годам растет,
А и царско дитя не по месяцам,—
А которой ребенок двадцати годов,
Он, Костентинушка, семи годков.
Присадила его матушка грамоте учиться,—
Скоро ему грамота далася и писать научился.

Будет он, Костентинушка, десяти годов,
Стал-то по улицам похаживати,
Стал с ребятами шутку шутить,
С усатыми, с бородатыми,
А которые ребята двадцати годов
И которые во полутридцати,—
А все ведь дети княженецкие,
А все-то ведь дети боярские,
И все-то ведь дети дворянские,
Еще ли дети купецкие.
Он шутку шутит не по-ребячью,
Он творки творил не по маленьким:
Которого возьмет за руку —
Из плеча тому руку выломит;
И которого заденет за ногу —
По гузна ногу оторвет прочь;
И которого хватит поперек хребта —
Тот кричит-ревет, окарачь ползет,
Без головы домой придет.
Князи-бояра дивуются,
И все купцы богатые:
«А что это у нас за урод растет,
Что это у нас за 〈...〉?»
Доносили они жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне,
Молоды Елены Александровны.
Втапоры скоро завела его матушка
Во теремы свои,
Того ли млада Костентинушка Сауловича,
Стала его журить-бранить,
А журить-бранить, на ум учить,
На ум учить смиренно жить.
А млад Костентин сын Саулович
Только у матушки выспросил:
«Гой еси матушка,
Молоды Елена Александровна!
Есть ли у мене на роду батюшка?»
Говорила царица Азвяковна,
Молоды Елена Александровна:
«Гой еси мое чадо милое,
А и ты младой Костентинушка Саулович!
Есть у тебе на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович,
Поехал он за море синее,

В дальну орду, в Полувецку землю,
Брать дани-невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет,
Я осталася черевоста,
А черевоста осталась на тех порах.
Только ему, царю, слово выговорила:
«А кому мене, царицу, приказываешь и наказываешь?»
Только лишь царь слово выговорил:
„Никому я тебе, царицу, не приказываю и не наказываю.
А токо ли тебе господь сына даст,
Ты-де вспой-вскорми,
Сына за мной пошли;
А токо ли тебе господи дочеря даст,
Вспой-вскорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли“».
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи-приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкесское,
А в задней слуке и в передней слуке
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцветному,
А не для-ради мене, молодца, басы,—
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьке
Темна ночь до бела света».

А и только ведь матушка видела:
Ставал во стремя вальящатое,
Садился во седелечко черкесское,
Только он в ворота выехал —
В чистом поле дым столбом.
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал часовню, зашел богу молитися,
А от той часовни три дороги лежат:
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо,—
Кто этой дорогой поедет,

Конь будет сыт, самому смерть;
А другой крайнею дорогою левою —
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт, конь голоден;
А середнею дорогою поедет —
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Молодой Костентинушка Саулович
Поехал он дорогою среднею.

Доезжат до реки Смородины,
А втапоры Кунгур-царь перевозится
Со темя ли татары погаными.
Тут Костентинушка Саулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицою тяжкою,
Он бьется-дерется целой день,
Не пиваючи, не едаючи,
Ни на малой час отдыхаючи.
День к вечеру вечеряется,
Уж красное солнцо закатается,
Молодой Костентинушка Саулович
Отъехал от татар прочь,—
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и младой Костентинушка Саулович
Он, молодец, ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он богу молится,
Скоро-де садится на добра коня,
Поехал он ко Смородины-реки.
А и тута татары догадалися,
Они к Кунгуру-царю пометалися:
«Гой еси ты, Кунгур-царь,
Кунгур-царь Самородович!
Как нам будет детину ловить,—
Силы мало осталося у нас».
А и Кунгур-царь Самородович
Научил тех ли татар поганых
Копати ровы глубокие:
«Заплетайте вы туры высокие,

А ставьте поторчины дубовые,
Колотите вы надолбы железные».
А и тут татары поганые
И копали они ровы глубокие,
Заплетали туры высокие,
Ставили поторчины дубовые,
Колотили надолбы железные.
А поутру рано-ранешенько,
На светлой заре рано-утренней,
На всходе красного солнушка,
Выезжал удалой доброй молодец,
Млады Костентинушка Саулович,
А и бегает-скачет с одной стороны,
И завернется на другу сторону,
Усмотрел их татарские вымыслы,—
Тамо татара просто стоят.
И которых вислоухих всех прибил,
И которых висячих всех оборвал,
И приехал к шатру к Кунгуру-царю,
Разбил его в крохи ⟨...⟩,
А достальных татар домой опустил.

И поехал Костентинушка ко городу Угличу,
Он бегает-скачет по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам,
Спрашивает себе сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
С кем побиться-подраться и порататься.
А углицки мужики были лукавые —
Город Углич крепко заперли
И взбегали на стену белокаменну,
Сами они его обманывают:
«Гой еси удалой доброй молодец!
Поезжай ты под стену белокаменну.
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,—
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву».
У Костентинушки умок молодешонёк,
Молодешенёк умок, зеленешонёк,—
И сдавался на их слова прелестные,
Подъезжал под стену белокаменну.
Они крюки-багры заметывали,
Подымали его на стену высокую
Со его добрым конем.
Мало время замешкавши,

И связали ему руки белые
В крепки чембуры шелковые,
И сковали ему ноги резвые
В те ли железа немецкие,
Взяли у него добра коня,
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд,
Сняли с него платье цветное царское,
И надевали на него платье опальное,
Будто тюремное,
Повели его в погребы глубокие,
Место темной темницы.
Только его посадили, молодца,
Запирали дверями железными,
И засыпали хрящом, пески мелкими.

Тут десятники засовалися,
Бегают они по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,
И которые под царя пригодилися.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское.

Царица его, царя, стретила,
А и молоды Елена Александровна.
За первым поклоном царь поздравствовал:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,—
Что после мене тебе бог дал?»
Втапоры царица заплакала,
Сквозь слезы едва слова выговорила:
«Гой еси царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе бог сына дал,
Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком».
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
«Конюхи вы мои, приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня,
Которой жеребец стоит тридцать лет».
Скоро тут конюхи металися,
Оседлали ему того добра коня,

И берет он, царь, свою сбрую богатырскую,
Берет он сабельку вострую
И копье морзамецкое,
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики-угличи, извозчики,
С ним ехавши рассказывают,
Какого молодца посадили в погребы глубокие,
И сказывают, каковы коня приметы
И каков был молодец сам.
Втапоры царь Саул догадается,
Сам говорил таково слово:
«Глупы вы мужики, неразумные,
Не спросили удала добра молодца
Его дядины-вотчины,—
Что он прежде того
Немало у Кунгура-царя силы порубил:
Можно за то вам его благодарити и пожаловати,
А вы его назвали вором-разбойником,
И оборвали с него платье цветное,
И посадили в погреба глубокие,
Место темной темницы».

И мало время поизойдучи,
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков-угличов,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидит в погребах глубокиих.
А и тут мужики-угличи
С ним, со царем, заздорили,
Не пущают его во Углич-град
И не сказывают про того удала добра молодца:
«Что-де у нас такого и не бывало».
Старики тут вместе сходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из того ли погреба глубокого,
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд,
И его платьице царское цветное.
Наряжался он, младой Костентинушка Саулович,
В тое свое платье царское цветное,

Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказывати.
А и царь Саул спохватается,
А берет его за руку за правую,
И целует его во уста сахарные:
«Здравствуй, мое чадо милое,
Младой Костентинушка Саулович!»

А и втапоры царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличов:
«Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?»
И тут скоро таковых сыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,—
Которые мужики были главные во Угличе.
И садилися тут на свои добры кони,
Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве Алыберском со своим сыном,
Младом Костентинушком Сауловичем,
И съехалися со царицею, обрадовалися.
Не пива у царя варить, не вина курить,—
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешалися.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное солнцо закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем ста́рина и кончилася.

МИХАЙЛО КОЗАРИН

Во Флоринском славном новом городе,
У купца Петра, гостя богатого,
Народилося чадышко малёшенько,
Всё малёшенько, да всё глупёшенько.
Ему дали имечко Козарино,
По отечестви да всё Петровичом.
На роду Козарина испортили,
Его род-племя́ да не в любви держал,
Отец, матушка да ненавидели.

Держали Козарина до трех годов,
Отвезли Козарина в чисто полё,
Да во то раздольицо широкоё,
Дали Козарину коня белого,
Дали Козарину ружье востроё,
Дали Козарину пулю быструю,
Дали Козарину саблю вострую.

Ездил Козарин ровно двадцать лет,
Не видал Козарин он ни коннего,
Он ни коннего, ни пешего,—
Увидал Козарин черна ворона,
Черна ворона, да вороневична,—
Черной-от ворон да на дубу сидел.
Черна ворона он подстрелить хотел,
Заряжал Козарин ружье востроё,
Ружье востроё, да пулю быструю,—
Черной-от воро́н да слово про́молвил:
«Не стреляй меня, да черного ворона,
Не рони перья да по чисту полю,
Не пусти крови да по сыру дубу,—
Я скажу тебе да три словечушка:
Поезжай, Козарин, по чисту полю,
По тому раздольицу широкому,
Во чистом поли да три шатра стоит,
Три шатра стоит белы поло́тняны;
Как во тех шатрах живет три татарина,
Три татарина да три поганыя,
Три поганыя, да три неверные;
У их унесёна да красна девица,
Красна девица, бела лебёдушка».
Поехал Козарин по чисту полю,
По тому раздольицу широкому;
Не доехавши, да стал выслушѝвать,
Стал выслушивать, да стал выведывать.
Чесала девица буйну голову,
Плела девица трубчату́ косу,
'на косы сама да приговариват:
«Ты коса моя, да коса русая!
Когда я была девка малёшенькой,
Мыла меня маменька в баенке,
Да чесала ма̀менька буйну голову,
Да плела маменька трубчату косу,
'на сама косы да приговариват:

«Ты коса, коса ль да девья русая!
Ты кому, коса девья, достанешься,—
Ты князьям ли ты, да боярам ли ты,
Ты какому купцу-гостю торговому?»
Доставалась коса да моя русая
Трем татаринам да трем поганыим».
Сам большой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебёдушка,—
Я возьму тебя да за больша сына,
Уж ты будёшь у меня больша невестушка,
Станёшь ключницей, станёшь замочницей».
'на того девица не послушала,
Плачет девица, как река течет,
Возрыдат красавица, как ручьи бежат.
Да середней татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебёдушка,—
Я возьму тебя да за середнёго сына,
Уж ты будёшь у меня середня невестушка,
Я насыплю те да кучу золота,
Я другу насыплю чиста серебра,
Я третью́ насыплю скачна жемчужка».
Да того девица не послушала,
Плачё девица пуще старого,
Возрыдат красавица пуще прежного.
Да меньшой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела́ лебёдушка,—
Я возьму тебя да за себя замуж,
Уж ты будёшь у меня меньша невестушка;
У мня есь сабля да необновлена,
Я о твою шею да обновлю саблю́».
Еще тут Козарину за беду стало,
Да Петровичу за великую,—
Да ехал Козарин во белой шатер:
Он перво́го татарина конем стоптал,
Другого татарина сабле́й ссадил,
Он третьёго татарина мечом сказнил.
Он брал девицу за праву руку,
Он повел девицу из бела шатра,
Он садил девицу на добра коня.

Ён подъехал немножко сам, малёхонько,
Он стал у девицы стал выспрашивать,
Стал выспрашивать, да стал выведывать:
«Ты отколь, девица, отколь, красная,
Ты с каких землей да с каких гóродов,
Ты какого отца да какой матери?»
Отвечала ему да красна девица:
«Уж я с тех землей да с тех городов,—
Уж я города да я Флоринского,
Я отца Петра, купца богатого,
Уж я маменьки Катерины я Ивановной».
— «Уж ты ой девица, душа красная,—
Мне родна сестра, да родна сестрица!»
— «Ты брателко да ты родимой мой!
Ты какой судьбой зашел, заехавши?»
— «Я уж той судьбой, да и той родиной.
На роду меня да всё испортили,
Меня род-племя да не в любви держал,
Отец, матушка да ненавидели.
Только дорóстили меня до трех годов,—
Они дали мне да коня белого,
Они дали мне оружьё востроё,
Они дали мне да пулю быструю,
Они дали мне да саблю вострую.
Уж я ездил-то да по чисту полю,
Ездил я да ровно двадцать лет,
Никого я не видел во чистом полюшке,—
Увидал только чéрна ворона,
Чёрной ворон он да на дубу сидел.
Черна ворона я подстрелить хотел,
Черной ворон он слово промолвил:
«Не стрели меня, да черного ворона,
Не рони перья да по чисту полю,
Не пусти крови да по сыру дубу;
Я скажу тебе да три словечушка:
Поезжай, Козарин, по чисту полю,
Во чистом поли да три шатра стоит,
Три шатра стоит белы полотняны,
Во тех шатрах живет три татарина,
Три татарина да три поганые,
Три поганые, да три неверные,
У их-то есь да красна девица».
Поехал я да по чисту полю,

Не доехавши, да стал послушивать,
Стал послушивать, да стал выведывать.
Чесала ты да буйну голову,
Заплетала ты да русу косоньку,
'на сама косы да приговариват:
«Когда я была девка малёшенька,
Мыла меня маменька в баенке,
Да плела маменька трубчату косу,
Она сама косы да приговаривала:
«Ты коса, коса да девья русая!
Ты кому, коса, достанешься —
Ты князьям ли, ты да боярам ли,
Ты каким купцам, гостям торговыим?»
Доставалась моя да коса русая
Трем татаринам, да трем поганыим,
Трем поганыим, да трем неверныим».
Большой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебёдушка,—
Я возьму тебя да за больша сына,
Уж ты будёшь у меня больша невестушка,
Станёшь ключницей, станёшь замочницей».
Того девка не послушала,
Плаче девица, как река течет,
Возрыдат красавица, как ручьи бежат.
Середней татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебёдушка,—
Я возьму тебя да за середнего сынка,
Уж ты будёшь у меня середня невестушка,
Я насыплю тебя да кучу золота,
Я другу насыплю чиста серебра,
Третью насыплю скачна жемчуга».
Того девица не послушала,
Плаче девица пуще старого,
Возрыдат красавица пуще прежного.
Да меньшой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебёдушка,—
Я возьму тебя да за себя замуж,
Уж ты будёшь у меня меньша невестушка;
У мня есь сабля да необновлена,
О твою шею да обновлю саблю».
Еще тут мене за беду стало,—

Я заехавши да во белой шатер,
Я первого татарина конем стоптал,
Другого татарина саблей ссаблил,
Я третьёго татарина мечом сказнил.
Уж я взял девицу за белы руки,
Я повел девицу из бела шатра,
Садил девицу на бела коня,
Я повез девицу к отцу, к матушке,
Сам у ей да стал выспрашивать,
Стал выспрашивать, да стал выведывать:
«Ты отколь, девица, отколь, красная,
Ты с каких землей да с каких городов,
Ты какого отца да какой матери?»
— „Я из города да я Флоринского,
Я отца купца Петра богатого,
Уж я маменьки Катерины я Ивановной“».

До своёго города не доехали,
Он снимал девицу со бела коня,
Целовал девицу в сахарны уста,
Они тут с девицей распрощалися.
Она просила его, плакала,
Ко своёму-то отцу, ко своей маменьке,
На свою она на родиму сторону:
«Ты поедём со мной, да родной братёлко».
Родной братёлко да слово промолвил:
«Они однажды меня отстудили,—
Я не еду с тобой, да родна сестрица».
Разосталися да с родной сестрицей.

Она пришла домой да рассказалася:
«Меня унесли да три татарина,
Три татарина да три поганые,
От татар меня да он избавил он ведь,
Меня привез домой да родной братёлко.
Я звала-звала, да звала, плакала,—
Он домой со мной да не поехал ведь,
Воротился он ведь да во чисто полё».

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Как во ту было пору, во то время,
Как во славном было граде во Крякове,
Как не белая береза к земли клонится,
Приклоняется сын ко матери,
Молодые Лука Петрович дворянской сын:
«А ой же ты матушка честна вдова,
Честна вдова Катерина Ивановна!
Ты дай мне прощенье-благословеньицо —
Ехать во далечо во чисто́ поле,
Да ко славному морю Каспицкому,
Там стреляти гусей да и лебедей,
Серых малых пернатых утенышков».
Не дала она ему ни прощенья, ни благословеньица.
Выходил он на свой на широкий двор,
Выводил он коня себе бурого,—
В вышину тот бурушко трех аршин,
В долину тот бурушко трех сажён,
Как у бурушка грива трех аршин,
Как у бурушка челка трех пядей,
Как у бурушка хвостик трех сажён.
Полагал он войлоки на войлоки,
А наверх наложил седелько черкасское,
Подтягивал он двенадцать подпруг по́д брюхо,
А тринадцатую по́д груди,—
Не ради красы-басы молодецкие,
А ради крепости богатырские.

Видели доброго молодца на коня седучи,
А не видали, в кою сторону поедучи.
Выезжал он из града из Крякова,
Он бьет коня по тучным бедрам,—
Как конь его разгорается,
От земли его конь отделяется,
Он пошел выше лесу стоячего,
А ниже облака ходячего,
Он реки, озера перескакиват,
А мхи да болота промеж ног пустит.
Он приехал во далечо чисто поле,
Он ко славному морю Каспицкому.
Он ездил целый день до вечера,
Не нашел он ни гуся, ни лебедя,
Да ни серого малого пернатого утенышка.
И тут говорит Лука Петрович дворянской сын:

«А ой же ты мать пресвята Богородица!
Не дала мне ни гуся, ни лебедя,
Да ни серого малого пернатого утенышка.
Теперь поеду ли я во те ли во́ лесы во темные,
Да во те ли-то грязи топучие».
Заехал он во те ли во темны́ лесы,
Привязал коня он ко сыру дубу,
Он насыпал пшена белоярова,
А сам стал вынял калачик крупивчатой,
И не помножечку ножичком порушиват.
Да вдруг со восточною стороны
Не тёмной облак накатается,—
Налетел на дуб черной ворон.
Как заграял ворон по-воронину,—
Да как дуб по коренью шатается.
Говорит Лука Петрович дворянской сын:
«А ой же ты черной ворон!
Как я выну свой тугой лук из залучника,
А калену́ю стрелу из заплечника,
Натяну я свой тугой лук,
Я пущу в тебя, черного ворона,—
Ушибет твое черно мясо о сыру землю,
Потекет твоя черна кровь во кореньё дубовоё,
Полетит твое черно перьё по чисту полю,
Полетит твой белой пух по подне́бесью».
Во ту было пору, во то время
Возговорит ворон по-человечески:
«А ой же ты молодый Лука Петрович дворянский сын!
Тебе ворона убить — не корысть получить,
А тебе старца убить — спасенья нет.
А лучше ты, молодый Лука Петрович,
Ты стань поутру ранешенько,
Ты до самой красной зари до утренной,
Поезжай ты во да́лечо чисто полё,—
Там приедет татарин касимовской,
Ты побейся, подерись с татарином касимовским».
И во ту пору ворон невидим бысть.

Как ставае поутру Лука Петрович до зари до утренной,
Он садился на своего на добра коня,
Выезжает во да́лечо чисто полё,
Он раскинул шатер белополотняной,
Как насыпал коню пшена белоярова.
Как недолго поры миновалося,

Да как едет татарин касимовской,
Под татарином бежит белой конь,
У коня из ушей дым валит,
Из ноздрей у коня искры сыплются,
Изо рта у коня пламя́ машет.
Тут садится Лука Петрович дворянской сын,
Садится Лука Петрович на добра коня,
Поезжает противо татарина касимовского.
Они съехались с татарином касимовским,
И ударились они палицами боёвыми,—
У них палицы в руках поломалися.
Съезжаются они во вторы́и раз,
И ударились они саблями вострыми,—
У них сабли в руках поломалися.
Как съезжаются они в третий раз,
Да ударились они белыми ру́ками,—
Как сшиб Лука Петрович татарина на сыру землю,
Как притиснул конь ногой татарина к сырой земли.
Как сходит Лука Петрович со своего добра коня,
Садится к татарину на белу грудь,
Вынимает ножищо-кинжалищо,
И сам говорит таково слово:
«А ой же ты татарин касимовской!
Ты скажи, какой орды ты, какой земли,
Какого роду ты, какого племени?»
Говорит татарин касимовской:
«А ой же ты удал доброй молодец!
Кабы я сидел на твоих на белы́х грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени,—
Я порол бы твои белы груди,
Вынимал бы твое сердце со печенью».
— «Да однако скажи, татарин касимовской,
Ты какой орды, какой земли,
Ты какого роду и племени?»
Говорит татарин касимовской:
«А ой же ты удал доброй молодец!
Кабы я сидел на твоих на белых грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени,—
Я порол бы твои белы груди,
Вынимал бы твое сердце со печенью».
В-третьих говорил Лука Петрович:
«Ты скажи, татарин касимовской,
Ты какой орды, какой земли,
Ты какого роду и племени?»

Говорит татарин касимовской:
«Я из славного города из Крякова,
Я Василий Петрович дворянской сын».
Как ставает Лука Петрович дворянской сын
На свои на резвы ноги,
Как примает его за белы руки,
Как становит его также на резвы ноги,
Да целует его во уста во сахарние:
«А ой же ты любезной мой брателко!
Я и сам из того града из Крякова,
Молодые Лука Петрович дворянской сын».
Говорит татарин касимовской:
«А ой же ты родимый мой брателко,
Молодой Лука Петрович!
Как наехали татара касимовски
Как на славный наш на Кряков-град,
Отца нашего Петра смерти предали,
А меня малолетнего в полон взяли,
А ты остался от меня во качелюшке».

Тут садятся они на добрых коней,
Приезжают во славный город во Кряково.
Заезжает Лука Петрович на свой на широкий двор,
Говорит Лука Петрович таково слово:
«А ой же ты матушка, честна вдова Катерина Ивановна!
Ты встречай-ка меня с дорогим гостем,
Я привез тебе в гости татарина касимовского».
Говорит Катерина Ивановна:
«А ой же ты мой любезный сын,
Молодой Лука Петрович дворянской сын!
Я и чуть не могу про татарина касимовского:
Как пленили татара наш Кряков-град,
Твоего отца, Петра-дворянина, смерти предали,
А брата Василья Петровича в полон взяли».
— «А ой же ты любезная матушка,
Честна вдова Катерина Ивановна!
Я не татарина привез тебе касимовского,
А своего я привез братца родного,
Я Василья Петровича сына дворянского».
Тут пошли они в палаты белокаменны,
Там садились они за столы за дубовые,
Там веселились, пировали много времени,
А потом остались в покое и веселии.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

Во стольнём-то городе во Киеве,
Да у ласкова князя да у Владимира,
У его было пированьё, да был почесьён пир.
А-й было на пиру у его собрано
Князья и бояра, купцы-гости торговы
И сильни могучие богатыри,
Да все поленицы да приудалые.
Владимир-от князь ходит весёл-радочён,
По светлой-то грыдне да он похаживат,
Да сам из речей да выговариват:
«Уж вы ой еси, князи да нонче бояра,
Да все же купцы-гости торговые!
Вы не знаете ле где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне-ка, да супротивницы,
Супротивницы мне-ка, да красной девицы,—
Красотой бы красна да ростом высока,
Лицо-то у ей да было б белой снег,
Очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей да два чистых бобра?»
Тут и больш-от хоронится за среднёго,
Да средьнь-от хоронится за меньшого,
От меньших — сидят — долго ответу нет.
А из-за того стола из-за середнёго,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выстават тут удалой да доброй молодец,
А не про́велик детинушка, плечьми широк,
А по имени Добрынюшка Микитич млад.
Выстават уж он да низко кланяется,

Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
А позволь-кася мне-ка да слово молвити,
Не вели меня за слово скоро сказнить,
А скоро меня сказнить, скоре того повесити,
Не ссылай меня во ссылочку во дальнюю,
Не сади во глубоки да тёмны погрёбы.
У тя есь ноне двенадцать да тюрём темныех,
У тя есь там сидит как потюрёмщичёк,
Потюрёмщичёк сидит есь, да доброй молодец,
А по имени Дунай да сын Иванович.
Уж он много бывал да по другим землям,
Уж он много служил да нонь многим царям,
А царям он служил много, царевичам,
Королям он служил да королевичам.
А не знат ли ведь он тебе обручницы,
А обручницы тебе, да супротивницы,
Супротивницы тебе, да красной девицы?»
Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Уж вы слуги мои, слуги, да слуги верные!
Вы сходите-тко ведь нонче да в темны погрёбы,
Приведите вы Дуная сына Ивановича».
Тут и скоро сходили да в тёмны погрёбы,
Привели тут Дуная сына Ивановича.
Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям.
А царям ты служил много, царевичам,
Королям ты служил да королевичам.
Ты не знашь ли ведь где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне, да супротивницы,
Супротивницы мне-ка, да красной девицы?»
Говорит тут Дунай как да сын Иванович:
«Уж я где не бывал, да нонче всё забыл,—
Уж я долго сидел да в тёмной тёмнице».
Еще втапоре Владимир да стольне-киевской
Наливал ёму чару да зелена вина,
А котора-де чара да полтора ведра,
Подносил он Дунаю сыну Ивановичу.
Принимал тут Дунай чару да единой рукой,
Выпивал он ведь чару да к едину духу,

Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,
Уж я много нонь жил да по украинам,
Много служивал царям да и царевичам,
Много служивал королям я да королевичам.
Я уж жил-де, был в земли, да в земли дальнее,
Я во дальней жил в земли да Ляховитское,
Я у стремена у короля Данила сына Манойловича,
Я не много поры-времени — двенадцать лет.
Еще есь у ёго да как две дочери,
А больша-то ведь дочи да то Настасея,
Еще та же Настасья да королевична;
Еще та же Настасья да не твоя чёта,
Не твоя чёта Настасья и не тебе жона,—
Еще зла поленица да приудалая.
А мала та дочи да то Опраксея,
Еще та Опраксея да королевична
Красотой она красива да ростом высока,
А лицо-то у ей дак ровно белой снег,
У ей ягодницы быв красные мазовицы,
Ясны очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей быв два чистых бобра.
Еще есь-де кого дак уж княгиной назвать,
Еще есь-де кому да поклонитися».
Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой тихой Дунай да сын Иванович!
Послужи ты мне нонче да верой-правдою;
Ты уж силы-то бери, да скольки тебе надобно,
Поезжайте за Опраксеей да королевичней.
А добром король дает, дак вы и добром берите,
А добром-то не даст — берите силою,
А силой возьмите да богатырскою,
А грозою увезите да княженецкою».
Говорит тихой Дунай да сын Иванович:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
Мне-ка силы твоей много не надобно,—
Только дай ты мне старого казака,
А второго Добрыню сына Микитича:
Мы поедём за Опраксеей да королевичней».

То и будут богатыри на конюшин двор,
А седлали, уздали да коней добрыих,

И подвязывали седёлышка черкавские,
И подвязывали подпруги да шелку белого,
Двенадцать подпруг да шелку белого,
Тринадцата подпруга через хребетну кость,—
То не ради басы, да ради крепости,
А всё ради храбрости молодецкое,
Да для-ради опору да богатырского,
Не оставил бы конь да во чистом поли,
Не заставил бы конь меня пешом ходить.
Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовое,
А смотрели поездку да богатырскую,—
И не видели поездки да богатырское,
А только они видели, как на коней садились,
Из города поехали не воротами,
Они через ту стену да городовую,
А через те башни да наугольние,
Только видели — в поле да курева стоит,
Курева та стоит, да дым столбом валит.
Здраво стали они да полём чистыим,
Здраво стали они да реки быстрые,
Здраво стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю землю, да в Ляховитскую,
А ко стремену ко королю ко красну крыльцу.

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж вы ой еси, два брата названые,
А старой казак да Илья Муромец,
А второй-де Добрынюшка Микитич млад!
Я пойду нонь к королю как на красно крыльцо,
Я зайду к королю нонь на новы сени,
Я зайду к королю как в светлу да светлицу;
А що не тихо, не гладко учинится с королем да на новых сенях,
Затопчу я во середы кирпичные,—
Поезжайте вы по городу Ляховитскому,
Вы бейте татаровей со старого,
А со старого бейте да вы до малого,
Не оставляйте на семена татарские».
Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцо,—
Под им лисвёнки ти да изгибаются.
Заходил тихой Дунай да на новы сени,
Отворят он у грыдни да широки двери,
Наперед он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою,

Он крест-от кладет как по-писаному,
Поклон-от ведет он да по-ученому,
Поклоняется на все на чётыре да кругом стороны.
Он во-первы-то королю Ляховитскому:
«Уж ты здравствуёшь, стремян король
Данило да сын Манойлович!»
— «Уж ты здравствуёшь, тихой Дунай да сын Иванович!
Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,
Але ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?»
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты стремян король Данило да сын Манойлович!
Еще я к тебе приехал да не пиры пировать,
Еще я к тебе приехал да не столы столовать,
Еще я к тебе приехал да не по-старому служить,—
Мы уж ездим от стольнёго города от Киева,
Мы от ласкова князя да от Владимира,
Мы о добром деле ездим — да всё о сватовстве
На твоей на любимой да нонь на дочери,
На молодой Опраксеи да королевичны.
Уж ты дашь ли, не дашь, или откажошь-то?»
Говорит стремян король Данило Манойлович:
«У вас стольн-ёт ведь город да быв холопской дом,
А князь-от Владимир да быв холопищо;
Я не дам нонь своей дочери любимое,
Молодой Опраксеи да королевичны».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой стремян король Данило да сын Манойлович!
А добром ты даешь, дак мы и добром возьмем,
А добром-то не дашь — дак возьмем силою,
А силой возьмем да мы богатырскою,
Грозой увезем мы да княженецкою».
Пошел тут Дунай да вон из горёнки,
Он стукнул дверьми да в ободверины,—
Ободверины ти вон да обе вылетели,
Кирпичны ти печки да рассыпалися.
Выходил тут Дунай как да на новы сени,
Заревел-закричел да громким голосом,
Затоптал он во середы кирпичные:
«Уж вы ой еси, два брата названые!
Поезжайте вы по городу Ляховитскому,
Вы бейте татаровьей со старого,

Со старого вы бейте да и до малого,
Не оставлейте на семена татарские».
Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям,
Он замки ти срывал да будто пуговки,
Он дошел до Опраксеи да королевичны,—
Опраксеюшка сидит да ведь красенца ткет,
А ткет она сидит да золоты красна.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой Опраксея да королевична!
Ты получше которо, дак нонь с собой возьми,
Ты похуже которо, да то ты здесь оставь.
Мы возьмем увезем да тебя за князя,
А за князя да за Владимира».
Говорит Опраксея да королевична:
«А нету у мня нонь да крыла правого,
А правого крылышка прави́льнёго,—
А нету сестрицы у мня родимое,
Молодой-де Настасьи да королевичны:
Она-то бы с вами да приуправилась».
Еще втапоре Дунай тут да сын Иванович
Он брал Опраксею да за белы руки,
За её же за перстни да за злаченые,
Повел Опраксею да вон из горёнки.
Она будёт супротив как да дверей батюшковых,
А сама говорит да таково слово:
«Государь ты родитель да мой батюшко!
Ты пощо же меня нонь да не добром отдаешь,
А не добром ты отдаешь, да ведь уж силою,
Не из-за хлеба даваш ты, да не из-за соли,
Со великого даваш ты да кроволития?
Еще есь где ведь где ле да у других царей,
А есь-де у их да ведь и дочери,—
Всё из-за хлеба дают, да из-за соли».
Говорит тут король да Ляховитские:
«Уж ты тихой Дунай ты да сын Иванович!
Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«На приездинах гостя не употчовал,—
На поездинах гостя да не учёстовать».
Выходил тут Дунай да на красно крыльцо.
Он спускался с Опраксеей да с королевичней,
Садил-де он ей да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя,

Вопел он, кричел своим громким голосом:
«Вы ой еси, два брата названые!
Мы поидём же нонь да в стольне-Киев-град».
Тут поехали они да в стольне-Киев-град.

А едут-де они да ведь чистым полём,—
Через дорогу тут лошадь да переехала,
А на ископытях у ей подпись подписана:
«Кто-де за мной в сугон погонится,
А тому от меня да живому не быть».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой старой казак ты да Илья Муромец!
Ты возьми у мня Опраксею да на своя коня,
На своя коня возьми ты да впереди себя;
А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть,—
Не поступлюсь я поленицы да на чистом поли».
А сам он старику да наговариват:
«Уж ты ой старой казак да Илья Муромец!
Ты уж чёстно довези до князя до Владимира
Еще ту Опраксею да королевичну».
А тут-то они да и разъехались,—
Поехал Дунай за поленицею,
А богатыри поехали в стольне-Киев-град.
Он сустиг поленицу да на чистом поли.
А стали они да тут стрелетися:
Как устре́лила поленица Дуная сына Ивановича,—
А выстрелила у ёго да она правой глаз;
А стрелил Дунай да поленицу опять,—
А выстрелил ей да из седёлка вон.
Тут и падала поленица да на сыру землю.
А на ту пору Дунаюшко ухватчив был,
Он и падал поленице да на белы груди,
Из-за налучья выхватывал булатной нож,
Он хочёт пороть да груди белые,
Он хочёт смотреть да ретиво сердцо,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ой поленица да приудалая!
Ты уж коёго города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поленица, да именём зовут,
Тебя как звеличают да из отечества?»
Лёжочись поленица да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Кабы я была у тя на белых грудях,

Не спросила бы ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества,—
Я бы скоро порола да груди белые,
Я бы скоро смотрела да ретиво сердцо».
Замахнулся тут Дунай да во второй након,
А застоялась у ёго да рука правая,
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой поленица да приудалая!
Ты уж ко́ёго города, кое́й земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поленица, да именём зовут,
Тебя как звеличают да из отечества?»
Лёжочись поленица да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Иванович!
А помнишь ли ты, але не помнишь ли —
Похожоно было с тобой, поезжоно,
По тихим-то вёшным да всё по заводям,
А постреляно гусей у нас, белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей».
Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:
«А помню-супомню да я супа́мятую,—
Похожоно было у нас с тобой, поезжоно,
На белых твоих грудях да приулёжано.
Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Увезли ведь у вас мы нонь родну сёстру,
Еще ту Опраксею да королевичну,
А за князя да за Владимира.
А поедём мы с тобой в стольне-Киев-град».

Тут поехали они как да в стольне-Киев-град,
А ко князю Владимиру на свадёбку.
А приехали они тут да в стольне-Киев-град,
Пировали-столовали да они у князя.
Говорит тут ведь тихой Дунай сын Иванович:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
Ты позволь-кася мне-ка да слово молвити.
Хошь ты взял нониче меньшу сёстру,—
Бласлови ты мне взять нонче большу сёстру,
Еще ту же Настасью да королевичну».
Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Тебе бог бласловит, Дунай, женитися».
Весёлым-де пирком да то и свадёбкой
Поженился тут Дунай да сын Иванович.

То и скольки ли времени они пожили,
Опять делал Владимир да князь почесьен пир,
А Дунай на пиру да прирасхвастался:
«У нас нет нонь в городе сильне меня,
У нас нету нонь в Киеве горазне меня».
Говорила тут Настасья да королевична:
«Уж ты ой тихой Дунай да сын Иванович!
А старой казак будёт сильне тебя,
Горазне тебя дак то и я буду».
А тут-то Дунаю да не занравилось,
А тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалося.
Говорит тут Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Мы пойдем-ка с тобой нонь да во чисто полё,
Мы уж станём с тобой да нонь стрелетися —
Мы во дальнюю примету да во злачен перстень».
И пошли-де они да во чисто полё,
И поло́жила Настасья перстень да на буйну главу
А тому же Дунаю сыну Ивановичу,
Отошла-де она да за три поприща,
А и стрелила она да луком ярым е,—
Еще на́двоё перстень да расколупится,
Половинка половиночки не у́бьёт же.
Тут и стал-де стрелеть опеть Дунаюшко,—
А перв-от раз стрелил, дак он не дострелил,
А втор-от раз стрелил, дак он перестрелил.
А и тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалося,—
А мети́т-де Настасью да он уж третий раз.
Говорила Настасья да королевична:
«Уж ты ой тихой Дунай ты да сын Иванович!
А-й не жаль мне князя да со княгиною,
И не жаль сёго мне да свету белого,—
Тольки жаль мне в утробы да млада отрока».
А тому-то Дунай да не поверовал,
Он прямо спустил Настасье во белы груди,—
Тут и падала Настасья да на сыру землю.
Он уж скоро-де падал Настасье на белы груди,
Он уж скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво сердцо,
Он нашел во утробы да млада отрока,—
На лбу у его подпись та подписана:
«А был бы младень этот силён на земли».

А тут-то Дунаю да за беду стало,
За велику досаду да показалося,
Становил ведь уж он свое востро копье
Тупым-де концом да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:
«Протеки от меня и от жоны моей,
Протеки от меня да славной тихой Дон».
Подпирался ведь он да на остро копье,—
Еще тут-то Дунаю да смерть случилася.

А затем-то Дунаю да нонь славы поют,
А славы ты поют да старины скажут.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Завелся у солнышка Владимира почестный пир
На многие князи и бояре,
И все на пиру напивалися,
И все на пиру наедалися,
И все на пиру порасхвастались:
Умный хвастает отцом, матерью,
А безумный хвастает молодой женой.
Один на пиру невесел сидит,
Понизя сидит да буйну голову,
И потупя сидит очи ясные
Во матушку да во сыру землю,—
Молодой Иванушко да Гудинович,
Княженецкий любезный племянничек.
Возговорит Владимир-князь стольне-киевский:
«Ай же ты Иванушко Гудинович!
Что сидишь невесел, нерадостлив?
Али место тебе нѐ по разуму,
Али чара тебе не рядом дошла,
Али безумица тобой осмеялася?»
И возговорит Иванушко Гудинович:
«Место то мне было по разуму,
И чара мне-ка рядом дошла,—
Захотелося мне, солнышко, женитися.
Я был за славным за синим морем,
Во том ли во городе да во Чернигове,
У Дмитрия — гостя торгового,
Во тех палатах белокаменных.

У него ведь есть любимая дочь,
Тая ли Настасья Митриевна,—
Захотелось мне, Владимир-князь, женитися,
А эту Настасью замуж мне взять.
Дай-ка мне силы четыре ста,
Золотой казны да колько надобно,
Я поеду ко Митрию свататься».

Когда будет Иван за синим морем,
Во тех палатах да Митриевых,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Поклоняется Иван на все стороны,
Дмитрию — гостю торговому в особину,
И сам говорит таково слово:
«Здравствуешь, Митрий — гость торговый!»
И возговорит Митрий — гость торговый:
«Ты коей земли, ты коей орды,
Коего отца, коей матери,
Как тебя, удалый, зовут именем?»
— «Я из славного из города из Киева,
Молодой Иванушко Гудинович,
Княженецкий любезный племянничек,
А приехал к тебе, Митрий, свататься.
У тебя ведь есть да любимая дочь,
Тая ли Настасья Митриевна,—
Отдай-ка ей да за меня замуж».
И возговорит Дмитрий — гость торговый:
«У меня срощена собака на моем дворе,—
Отдать за тебя, Иванушко Гудинович».
И возговорил Иванушко Гудинович,
Сам говорил таково слово:
«Я не стану у тебя много спрашивать,
Не стану с тобой много и разговаривать».
Вставал со лавочки брусовыя
И пошел по гридне по столовыя,
Ко той ко завесы да ко шелковыя,
Отдынул завесу шелковую,
И брал ей, Настасью, за белы руки,
За тые за перстни злаченые,
И целовал в уста да во сахарные,
И повел Настасью во широкий двор,
И садился Иван на добра коня,
А Настасью Митриевну в тороки вязал.

И выходит Митрий — гость торговыий,
И сам говорит таково слово:
«Ай же Иванушко Гудинович,
Княженецкий ты любезный племянничек!
Ведь моя-то Настасья просватана
За того ли Кощея Бессмертного:
У нас записи-то с ним пописаны,
К записям у нас руки приложены,
К рукам у нас головы приклонены
За того ли Кощея Бессмертного.
Тебе отрубит Кощей буйну голову,
Пропадет твоя буйная головушка
Ни за единую денежку».
И говорит Иван таково слово:
«Когда срубите с Кощеем буйну голову,
Тогда будете и хвастати».
Как видели Иванушка сядучись,
А не видели его уедучись.

Когда будет Иванушко под городом под Киевом,
И отослал он силу княженецкую во Киев-град,
И заехал во сторону во летнюю,
И расставил шатер белополотняный,
Зашел с Настасьей забавлятися.
На ту пору, да на то время
Не шум шумит, да не гром гремит,—
Налетел-то Кощей Бессмертныий,
Зарычал Кощей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалася,
Сыры дубья пошаталися:
«Ай же ты Иванушко Гудинович!
Выходи-тко ты из бела шатра,
Станем-ка, Иван, со мной бой держать,—
Кому на бою будет божья помочь,
Кому владеть Настасьею дочерью Митриевою».
Как пошел Иван да из бела шатра:
«Ай же ты ворона налетная,
Налетная ворона, негодная!
Тебе ли будет на бою божья помочь?
Будет-то Иванушку Гудинову».
Они секлися-рубилися три часа,
И пособил ему господи, молодцу Ивану Гудинову,
Одолеть Кощея Бессмертного.
И садился он Кощею на белы груди,

И не случилось у Иванушка востра ножа,
И нечем пороть грудей белыих,
Вынимать сердечко со печенью.
И закричал Иван да во всю голову:
«Ай же ты Настасья Митриевна!
Подай-ка ты мой булатный нож,
Я распорю Кощею белы груди,
Выну я сердце со печенью».
И закричал Кощей во всю голову:
«Ай же ты Настасья Митриевна!
За Иваном быть тебе — крестьянкой слыть,
А за мной-то быть тебе — княгиной слыть».
Как идет Настасья из бела шатра,
Она брала Ивана Гудиновича за желты кудри
И стащила с Кощея Бессмертного,
И одолела Иванушка Гудиныча
Женска сила да богатырская.
И приковали Иванушка ко сыру дубу
На те ли петелки на шелковые,
И заехали со стороны со сиверныя,
И расставили шатер белополотняный,
И зашли с Кощеем да забавлятися.
На ту пору, да на то время
Налетел на дуб голубь да со голубушкою,
Они промеж собою ведь гуркают,
А Ивана Гудиновича распотешивают,
А Кощею-то Бессмертному надзолу дают.
И говорит Кощей Бессмертный:
«Ай же ты Настасья Митриевна!
Подай-ка ты мой тугой лук, калену стрелу,
Застрелю я голубя с голубушкою,
Разорю любовь да голубиную».
Подает Настасья Митриевна
Тугой лук и калены стрелы,
И говорит Настасья таково слово:
«Ты не стреляй-ка голубя с голубушкою,
И не разоряй любови голубиныя,—
Стреляй-ка ты Иванушка Гудинова во белы груди».
И не попал-то Кощей в Ивана во белы груди,
А пролетела калена стрела в толстый сырой дуб,—
От сыра дуба стрелочка отскакивала,
Становилася Кощею во белы груди.
От своих рук Кощею и смерть пришла.
И брала Настасья свою саблю вострую,

Приходила Настасья ко сыру дубу,
К молодцу Иванушку Гудинову,
Сама говорила таково слово:
«От бережка откачнутось,
К другому да не прикачнутось.
Ай же ты Иванушко Гудинович!
Ты возьмешь ли меня за себя замуж?
У тебя теперь скованы ножки резвые,
А связаны ручки белые,—
Я тебе отрублю буйну голову».
И говорит тут ей Иван да не с удробою,
И сам говорит таково слово:
«Ай же ты Настасья Митриевна!
Я возьму тебя за себя замуж,
Только дам тебе три грозы княженецкия».
У ней женское сердце раздумалось,
И из белых рук сабля острая выпала
По тым ли петелькам шелковыим,
Тут-то Иванушко на воле стал,
Отковался Иванушко от сыра дуба,
И взял саблю Кощееву во белы руки,
И отрубил у Настасьи резвы ноги,
Рубил-то ей ножки — сам приговаривал:
«Эти мне ноги не надобны,
Почто шли из бела шатра
Драть Ивана за желты кудри».
И отрубил у Настасьи белы руки:
«Эти мне руки не надобны,
Которые драли Ивана за желты кудри».
И распластал у Настасьи бело тело,
Которое спало с Кощеем Бессмертныим.

Только то Иванушко и женат бывал.
И поехал во Киев-град,
И поклон отправил князю Владимиру
От Кощея Бессмертного,— что его жива нет.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Не заюшко в чистом поле выскакивал,
Не горностаюшка выплясывал,—
Выезжал там доброй молодец,
Доброй молодец Михайла Потык сын Иванович.

Направлял он да коня своего богатырского,
Увидал он во чистом поли
Лань да златорогую,
Спускал своего да добра коня
Во всю прыть да лошадиную.
Догоняет он да эту лань да златорогую,
Хочет колоть ю во белую грудь.
Испроговорит эта лань да златорогая
Человеческим она голосом:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Не коли-тко ты да моей белой груди.
Я есть ведь не лань-то златорогая,
Я есть Марья лебедь бела, королевична.
У меня на сем свете положен ведь такой завет —
Кто меня может на бегу догнать,
За того я пойду в замужество».
Повернулась эта лань да златорогая
В человеческий она образ.
Он брал тут, Михайла Потык сын Иванович,
За белы руки, да за златы перстни,
Целовал ю тут в уста да во сахарнии,
Отвозил ю тут во Киев-град.
Принимали тут óны закон да ведь сопружеской,
Стал он жить-то с ней да на весельице,
Напиваться зелена вина он допьяна.

Приходит он вó свою палату белокаменну,
Стретает его своя да любимá семья,
Испроговорит Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любима семья!
Я теби скажу да таково слово:
Кто у нас да наперед помрет,
Тому-то сесть да во сыру землю;
Ежли я да наперед помру —
Тебе со мной сидеть да ровно три месяца да во сырой земле;
Ежли ты помрешь — я с тобой буду сидеть да во сырой земле».
Написали они между собой ведь записи.
И он ходит да на царев кабак,
Напивается он да зелена вина ведь допьяна.

Приезжают-то с разных мест да сорок царей,
Сорóк царей, сóрок царевичев,

Сорок королей да сорок королевичев,
Они пишут ко Владимиру,
Ко Владимиру да стольне-киевскому:
«Выведи ты эту Марью лебедь белу, королевичну,
Бе́з бою, без драки, без великого кроволития».
Собирает тут Владимир стольне-киевской
Своих господ, своих бояр,
Стал он тут, Владимир, совет советовать
Со своима господамы, со своима боярам:
«Ежли нам не отдать этой Марьи лебедь белой, королевичной,—
Приведут наш стольной Киев-град во разорение».
На ту пору, на то времечко
Приходит тут Михайла Потык сын Иванович
В этую палату белокаменну,
Кланяется он Владимиру тут в собину:
«Ай же ты Владимир стольне-киевской!
Не отдам я своей душеньки
Без бою, без драки, без великого кроволития».
Берет он своих да двух братьёв крестовыих,
Берет старого каза́ка Илью Муромца,
Во вторых берет Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они в платье женское,
Причесали они свои кудри русые по-женскому,
Садились они в тележку во ордынскую,
Приезжали они да во чисто поле,
Раздернули они тут ведь белой шатер.
Приходило тут сорок царей, сорок царевичев:
«Верно, что Владимир стольне-киевской
Не посмел с нами воевати-де,
Повывел он Марью лебедь белу, королевичну,
Повывел Марью во чисто поле».
Испроговорят тут они да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бела, королевична!
За кого же ты за нас замуж идешь?»
Испроговорит Михайла самым тонким женским голосом:
«Кто кого из вас на бою побьет,
За того я ведь заму́ж иду».
Выходили они татарева во чисто поле:
Тот того побьет, другой другого побьет,—
Не выходили-то у них поединщика единого.
Приходят они опять да ко белу шатру:
«Нету у нас такого поединщика.

За кого же нынь ты замуж идешь?»
Молодецко сердечко мало стерпливал,
Разгорелось его да сердце богатырское,
Выскакивал Михайло Потык сын Иванович
Со своего он да бела шатра,
Не увидел он сабли вострыи,
Не увидел он меча-кла́денца,—
Хватал он тележку ордынскую,
Выхватывал он осищё железное,
Зачал он осищём тут помахивать,
Прибил он сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей, сорок королевичев.

Поезжали они тут во Киев-град
Со своима он со братьямы крестовыми,
Подъезжает он да ко́ своей палате белокаменной,
Испроговорит ему да таково слово:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович
Нет у тебя в доме да любимой семьи,
Нет у тебя да в живности
Мо́лодой-то Марьи лебедь белой, королевичной».
Испроговорит Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
Делайте гробницу немалую,—
Чтобы можно в ней двоим лежать,
Двоим лежать и стоя стоять.
Кладите-тко вы припасу съе́стного
На три месяца.
Опущусь-то я с ней да во сыру землю.
У меня с ней сделаны были записи:
Который у нас да наперед умрет,
Другому сидеть да ровно три месяца да во сырой земли».
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь белу, королевичну,
Садился тут Михайло в эту гробницу немалую,—
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да ведь желтым песком.
Походило тому времечки ровно три неделюшки,
Приплыло тут к ней змеищё-веретенище,
Стало у ней сосать да ведь белую грудь.
Хватил тут Михайло Потык сын Иванович
Свою саблю вострую,

Хочет отсечь у ней буйну голову.
Испроговорит змеищё-веретенищё:
«Не руби-тко ты да моей буйной головы,—
Много я для теби добра сделаю,
Оживлю я теби Марью лебедь белу, королевичну».
И дает ему да свой велик залог —
Своего она ведь детища,
Отплывает от этой гробницы белодубовой,
Приносит она, змея, ведь живой воды,
Подавает она, змея, ему живу воду.
Раз тут сбрызнул — она и здрогнула,
Дру́гой раз сбрызнул — она сидя́ села,
Третий раз сбрызнул — она да загово́рила:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Где мы теперь с тобой находимся?»
— «Находимся да во сырой земли».
Закричал он своим голосом,
Своим голосом да богатырскиим.
Услыхали его да братьицо крестовые:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырой земли,
Живому телу с мертвыим».
Приходили тут они ко этой могилы ко кладбищу,
Желтой песок они тут рассыпали,
Снимали-то с этой гробницы покров-то ведь верхнии.
Выходит тут Михайло Потык сын Иванович
Со сырой земли,
За собой ведет свою да любиму семью,
Мо́лоду-то Марью лебедь белу, королевичну.
Приходит он во свой во Киев-град,
Стал он жить-то ведь по-прежнему,
Напиваться зелена вина он допьяна.

Удаляется тут Михайло во чисто поле,
Поляковать он да и каза́ковать.
Порублял он да ведь поганыих татаревей
За свою веру да христианскую.

Приезжает-то с другой земли,
Приезжает-то король да ведь Ляхетскии,
Пишет тут-то он да грамотку
Ко Владимиру да стольне-киевскому:
«Повыведи ты Марью лебедь белу, королевичну,
Во чисто поле,

Без бою, без драки, без великого кроволития».
Испроговорит Владимир таково слово:
«Некем мне с ним да воевать будет,—
Повывесть надоть Марью лебедь белу, королевичну,
Во этое да во чисто поле».
Выводили Марью лебедь белу, королевичну,
Во чисто поле,
Принимал-то тут король да ведь Ляхетскии
Ю за рученки за белые,
Увозил он во свою землю.

День-то за день как птица летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Год тот за год быв трава растет,
Проходило тому ровно три годы.
Приезжает тут со чиста поля
Михайла Потык сын Иванович
Со своима он со братцамы крестовыми.
«Где же моя да любимá семья?»
Испроговорят ему да таково слово:
«Увез твою да любиму семью
Красивыи король да ведь Ляхетскии».
Испроговорит Михайла таково слово:
«Поеду я, добрый молодец,
Во тую землю́ да во Ляхетскую,
Не отдам я своей Марьи лебедь белой, королевичной».
Садился тут Михайла на добра коня,
Видели они Михайла тут сядучи,
Не видели Михайлу тут поедучи.

Приезжает тут Михайло во тую землю,
Во тую землю да во Ляхетскую,
Приезжает-то Михайла к тым палатам белокаменным,—
Усмотрела его да любима семья
Во тóе окно да во косевчато,
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь Ляхетскии!
Приезжает к нам теперь да нелюбимый гость».
Наливала она чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютого:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!

Прости меня, дуру, жонку-стра́мницу,—
Муж по дрова, жена замуж пошла.
Твое есть дело ведь дорожноё,
Мое дело есть да поневольнеё,—
Выпей-ка чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Брал тут Михайла единой рукой,
Выпивал Михайла единым духом.
Тут Михайла Потык сын Иванович
Свалился он со своего да со добра коня.
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь Ляхетскии!
Ежели хочешь ты ведь мной владать,
Куды надоть отвози его во чисто поле».
Испроговорит король да ведь Ляхетскии:
«Муж-то твой — воля́ твоя».
Приказала она запрячь-то пару коней богатырскиих,
Отвозила его да во чисто поле,
Хватала тут она да бел горюч камень,
Колотила его да по право́й щоки:
«Окаменей-ка ты, Михайла, ровно на три годышка,—
Как три годы пройдет, пройди да сквозь сыру землю».
Повернула его бо́льшим каменем.

День-то за день как птица́ летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Проходило тут время ровно годышек,—
Стоснулось им, братьям крестовыим,
Старому казаку Илью Муромцу,
Во вторыих-то Добрынюшке Ми́китичу,
Сокрутились они в платье ведь нищецкое,
Надевали себи трои они по́дсумки,
Шли они путем-дорогою.
Выходит со́ сторон калика незнакомая:
«Ай же вы калики естѣ незнаемы!
Возьмите меня да ведь во третьиих,
Поверстайте меня да во ата́маны».
Брали тут калику во товарища,
Поверстали калику во атаманы,
Приходили они в тую землю во Ляхетскую,
Становились они да против чертог они ведь царскиих,
Закричали они своими голосамы зычныма:
«Ай же ты король да ведь Ляхетскии!
Насыпь-ка нам трои подсумки,—

Одни подсумки-то чиста серебра,
Други подсумки-то красна золота,
Третьи подсумки-то скачна жемчугу:
Полно нам, каликам, волочитися,
Было бы нам, каликам, по смерть есть и пить».
Услышал тут король да ведь Ляхетскии
Голоса да очень громкие,
Король тут-то приужахнулся.
И зглянет тут Марья лебедь бела, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыих богатырей:
«Это ведь не калики есть, да есть богатыри,
Моего мужá ведь прежного
Есть они да братья ведь крестовые.
Зазывай их во свои палаты белокаменны,
Насыпай им трои подсумки,—
Первы подсумки да чиста серебра,
Вторы подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скачна жемчугу».
Созывали их во палату белокаменну,
Насыпали им да трои подсумки,—
Одни подсумки да чиста серебра,
Други подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скачна жемчугу.
Походят они да во чисто полё,
Приходят к этому белу каменю,
Испроговорит калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
Взяли вы меня да во товарища,
Поверстали вы мéня да во атáманы,—
Надоть нам теперь да ведь живот делить».
Снимали они тут трои подсумки
Со своих они тут плеч да со могучиих,
Клáдывали они да вóместо.
И стал-то тут калика да незнаема
Кладывать он да на четыре стопы.
Испроговорят тут его братья крестовые:
«Ай же ты калика есть незнаема!
Взяли тебя мы во товарища,
Поверстали тебя мы во атаманы,—
Неправильнё ты ведь живот делишь».
Испроговорит калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
Поверстали меня да во атаманы,—

Я справедливо теперь живот делю:
Который из нас может бел горюч камень
Кинуть через буйну голову,
Тому четвертая стопа достанется».
Брал тут Добрынюшка Никитинич
Этот да бел горюч камень,
Во свое колено здымал да богатырское,—
Сам-то по щеточку в землю зашел.
Подхватывал тут старыи казак да Илья Муромец,
Здымал-то он во́ свою во грудь во белую,—
Уходил он по колен да во сыру землю.
Брал-то тут калика да незнаема
Этот-то да бел горюч камень,
Кидал он через свою да буйну голову.
Испроговорил калика таково слово:
«Впереди стань, доброй молодец,
Лучше стань ты, лучше прежного».
Пробуждался он со сну да богатырского,
Испроговорил Михайла таково слово:
«Ай же вы мои братцы крестовые!
Как я долго спал».
Испроговорят его братья крестовые:
«Как бы не было у нас этого товарища,—
Не был бы теперь ты в живности».

Побежал Михайла во ту землю,
Во ту землю во Ляхетскую,
Становился Михайла противо палат да белокаменных,
Закричал он богатырскиим-то голосом:
«Ай же ты красивыи король да ты Ляхетскии!
Насыпь-ка ты мне тоже трое подсумки,—
Первы подсумки-то чиста серебра,
Вторы подсумки-то красна золота,
Третьи подсумки-то скачна жемчугу».
Взглянула Марья лебедь белая
Во тое во косевчато окошечко,
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь Ляхетскии!
Приходит сюда мой прежной муж».
Наливала Марья чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютого,
Выходила она да на перёное крылечико,
Испроговорит-то Марья таково слово:

«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Прости меня, дуру, жонку-страмницу,—
Муж по дрова, жена замуж пошла.
Выпей-ка чарочку зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Брал тут Михайла Потык сын Иванович,
Брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Свалился он на сыру землю да мéртвыим.
Испроговорит Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь Ляхетскии!
Ежели ты хочешь ведь-то мной владеть,—
Куда хочешь, туды его и пóдевай».
Испроговорит красивыи король да ведь Ляхетскии:
«Муж твой — и воля есть твоя».
Марья лебедь бела, королевична,
Приказывает его да ко стены прибить,
Колотила ему гвоздья железные
Во белы руки и в резвы ноги.
И пошла она тут во кузницу,
Хотела она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ёму да во белую грудь.
У него-то свет в очах да помятушился.
Была у этого у короля да у Ляхетского
Единáя дочь Настасья-королевична,
Приходит она к этому богатырю,
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Хочешь ли ты да на сём свете еще жив бывать?»
Испроговорит Михайла таково слово:
«Ай же ты Настасья-королевична!
Хотелось бы мне да живý бывать».
Испроговорит она тут таково слово:
«Положим-ка мы с тобой ведь заповедь,—
Ежели ты возьмешь меня в замужество,
Еще будешь ты на сем свете жив бывать».
Полагает тут Михайло ведь заклятие.
Приказала она да своим слугам верныим,
Приказала она да со стены-то снять,
Приказала она да на место прибить татарина,
Татарина прибить поганого.
Отводила Михайлу во свою палату белокаменну,
Добывала она тут дохтуров
Излечить ему эти раны великие.

Проходило тому времечки шесть недель,
Заживали его раны великие.
«Ай же ты Настасья-королевична!
Как бы повывели да моего добра коня,
Обседлана бы да обуздана».
Убирается Настасья в свое платье цветное,
Приходит она к своему да ведь родителю:
«Мне что-то во снях привиделось,—
Как бы видеть-то Михайлина добра коня,
Обседлана ведь и обуздана».
Не сменяет он да своей дочери,
Приказывает выводить коня да богатырского
К ей крыльцу да ко переному.
Выскакивал Михайла со палаты белокаменной,—
Видли добра молодца на коня ведь сядучи,
Не видли добра молодца поедучи.
Уезжает Михайла во чисто поле,
Накопляет силу он по-прежному,
Приезжает он во ту землю Ляхетскую,
Ко тыим палатам белокаменным.
Увидала Марья лебедь бела, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютого,
Выходила она да на крылечко на пере́ное,
Испроговорит Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Прости мня, дуру, жонку-страмницу,—
Муж по дрова, жена замуж пошла.
Выпей-ка чару зелена вина.
Твое дело есть дорожное,
Мое дело есть да подневольнее».
Берет он, Михайла, эту чару зелена вина,
Зелена вина да во праву́ руку.
Глядит в это косевчато окошечко
Молода Настасья-королевична:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Погляди-тко ты на ручeньку на правую,
Зглянь-ка ты на рученьку на левую».
Зглянул тут Михайла на рученьку на правую,
Зглянул тут Михайла на рученьку на левую,—
Увидел тут Михайла на своих руках,
Что были́ у него раны превеликие.

Спомнил тут он прежний завет-то свой,
Кидал он эту чару зелена вина,
Зелена вина да на сыру землю,
Хватал тут Марью лебедь белу, королевичну,
Кидал он Марью о сыру землю.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Во стольнём-то городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
' его было пированьё, был почесьён пир.
Да и было на пиру у ёго две вдовы,—
Да одна была Офимья Чусова жона,
А друга была Овдотья Блудова жона.
Еще втапоре Овдотья Блудова жона
Наливала чару зелена вина,
Подносила Офимьи Чусовой жоны,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жона!
Ты прими у мня чару зелена вина,
Да выпей чарочку всю досуха.
У меня есь Хотенушко сын Блудович,
У тебя есь Чейна прекрасная:
Ты дашь ли, не дашь или откажошь-то?»
Еще втапоре Офимья Чусова жона
Приняла у ей чару зелена вина,
Сама вылила ей да на белы груди,
Облила у ей портищо во пятьсот рублей,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Овдотья Блудова жона!
А муж-от был да у тя Блудищо,—
Да и сын-от родился уродищо,
Он уродищо, куря подслепоё:
На коей день гре́нёт, дак зерня найдет,—
А на тот-де день да куря сыт живет;
На коей день не гренёт, зе́рня не найдет,—
А на тот-де день да куря голодно».
Еще втапоре Овдотье за беду стало,
За велику досаду показалося,
Пошла Овдотья со честна пиру,
Со честна пиру да княженецкого;
И повеся идет да буйну голову,

Потопя́ идет да очи ясные
И во мамушку и во сыру землю.
А настрету ей Хотенушко сын Блудович,
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты мать моя, мать и государыня!
Ты що идешь со честна пиру невесёла,
Со честна пиру да княженецкого,—
Ты повеся идешь да буйну голову,
Потопя идешь да очи ясные
И во матушку да во сыру землю?
Але место тебе было от князя не по вотчины,
Але стольники до тебя не ласковы,
Але чашники да не приятливы,
Але пивным стаканом тя обносили,
Але чары с зеленым вином да не в доход дошли?
Але пьяница да надсмеялася,
И безумница ле навалилася,
Ле невежа нашла да небылым словом?»
Говорит ёму Овдотья Блудова жона:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Мне-ка место от князя всё было по вотчины,
Меня пивным стаканом не обносили,
И чары с зеленым вином да всё в доход дошли,
И ни пьяница и не надсмеялася,
Ни безумница не навалилася,
Ни невежа не нашла и небылым словом.
Нас было на пиру да только две вдовы,—
Я одна была Овдотья Блудова жона,
А друга была Офимья Чусова жона.
Наливала я чару зелена вина,
Подносила Офимьи Чусовой жоны,
Я сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жона!
Ты прими у мня ча́ру зелена вина,
Да ты выпей чарочку всю досуха.
У меня есь Хотенушко сын Блудович,
У тебя есь Чейна прекрасная:
Ты уж дашь ле, не дашь или откажошь-то?»
Еще втапоре Офимья Чусова жона
Приняла у мня чару зелена вина,
Сама вылила мне да на белы груди,
А облила у мня портищо во пятьсот рублей,
Да сама говорила таково слово:
„Уж ты ой еси, Овдотья Блудова жона!

Да муж-от был да у тя Блудищо,—
Да и сын-от родилося уродищо,
Уродищо, куря подслепоё:
На коей день гренёт, дак зерня найдет,—
А на тот-де день да куре сыт живет;
На коей день не гренёт, зерня не́ найдет,—
А на тот-де день да куре голодно“».
Еще втапоре Хотенушко сын Блудович,
Воротя-де он своя добра коня,
Он поехал по стольнёму по городу.
Он доехал да терема Чусовьина,
Он ткнул копьем да в широки ворота,
На копьи вынёс ворота середи двора,—
Тут столбики да помитусились,
Часты мелки перила приосыпались.
Тут выглядывала Чейна прекрасная,
И выглядывала да за окошечко,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Отец-от был да у тя Блудищо,—
Да и ты родилося уродищо,
Ты уродищо, куря подслепоё:
Ты уж ездишь по стольнёму ту городу,
Ты уж ездишь по городу, уродуёшь,
Ты уродуёшь домы ти вдовиные;
На коей день гренёшь, дак зерня найдешь,—
Ты на тот-де день да, куря, сыт живешь;
На коей день не гренёшь, зерня не найдешь,—
А на тот-де день да куря голодно».
Он и шиб как палицей в высок терям,—
Он сшиб терям да по окошкам сдолой.
Одва чуть она за лавку увалилася.

Еще втапоре Офимья Чусова жона,
Идет Офимья со честна пиру,
Со честна пиру княженецкого,
А сама говорит да таково слово:
«Кажись, не было ни бури и ни падёры,—
Мое домишко всё да развоёвано».
Как стречат ей Чейна прекрасная,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты мать моя, мать и восударына!
Наезжало это Хотенушко сын Блудович,
Он ткнул копьем да в широки ворота,

На копьи вынёс ворота середи двора,—
Тут столбики да помитусились,
Часты мелки перила да приосыпались.
Я выглядывала да за окошечко,
И сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Отец-от был да у тя Блудищо,—
И ты родилось уродищо,
Ты уродищо, куря подслепоё:
Ты уж ездишь по стольнёму ту городу,
Ты уж ездишь по городу, уродуёшь,
Ты уродуёшь домы ти вдовиные».
Он и шиб как палицей в высок терям,—
Он сшиб терям да по окошкам сдолой.
Одва чуть я за лавку увалилася».

Еще тут Офимьи за беду стало,
За велику досаду показалося,
Ушла Офимья ко князю ко Владимиру,
Сама говорила таково слово:
«Государь князь Владимир стольне-киевской!
Уж ты дай мне суправы на Хотенушка,
На Хотенушка да сына Блудова».
Говорит князь Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жона!
Ты хошь — и тысячу бери, да хошь — и две бери,
А сверх-де того да скольки надобно:
Отшибите у Хотенка буйну голову —
По Хотенке отыску не будёт же».
Еще втапоре Офимья Чусова жона
Пошла наняла силы три тысячи,
Посылат трех сынов да воёводами,
Поезжают дети, сами плачут-то,
Они сами говорят да таково слово:
«Уж ты мать наша, мать и государына!
Не побить нам Хотенка на чистом поли,
Потерять нам свои да буйны головы.
Ведь когда был обсажон да стольне-Киев-град
И той неволею великою,
И злыма поганыма татарами,—
Он повыкупил да и повыручил
Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из татаровей».
Пошла тут сила та Чусовина,

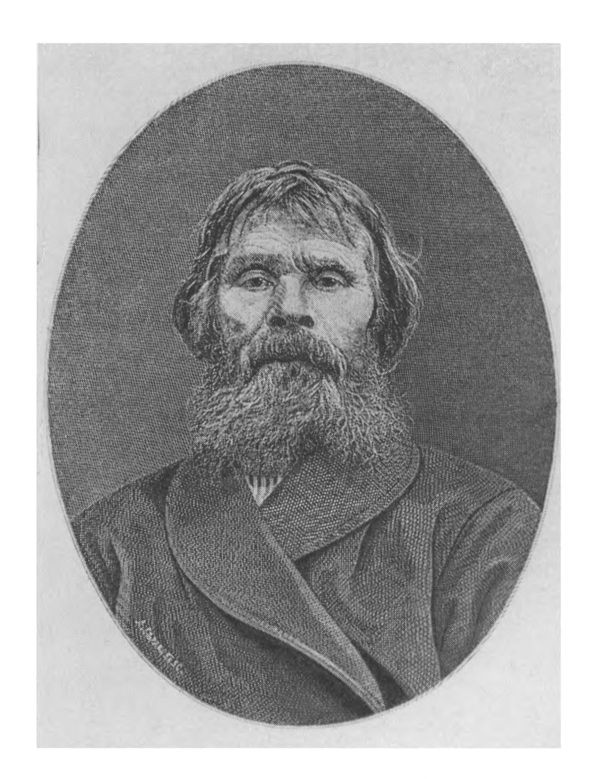
Пошла тут сила на чисто полё,
Поехали дети, сами плачут-то.
Еще втапоре Хотенушко сын Блудович
Он завидел силу на чистом поли,
Он поехал к силы сам и спрашиват:
«Уж вы ой еси, сила вся Чусовина!
Вы охоча сила ли невольняя?»
Отвечат тут сила всё Чусовина:
«Мы охоча сила, всё наемная».
Он и учал тут по силы как поезживать:
Он куда приворотит — улицей валит,
Назад отмахнёт — дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного,
Он и трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем-то схватал, да волосами связал,
Волосами ти связал, да через конь смётал,
Через конь смётал и ко шатру привез.

Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождатися.
Пошла наняла опять силы три тысячи,
Посылат трех сынов да воёводами.
Поезжают дети, сами плачут-то:
«Уж ты мать наша, мать и восударына!
Не побить нам Хотенка на чистом поли,
Потерять нам свои да буйны головы».
Говорит тут Офимья Чусова жона:
«Уж вы дети мои, дети всё рожоные!
Я бы лучше вас родила девять ка́меней,
Снёсла каменьё во быстру реку,—
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши суда да всё разби́вало».
Поехали дети на чисто полё.
Завидел Хотенушко сын Блудович,
Поехал к силы он к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашиват:
«Вы охвоча сила ли невольняя?»
Отвечат тут сила всё Чусовина:
«Мы охоча сила, всё наемная».
Он и у́чал тут по силы-то поезживать:
Он куда приворотит — улицей валит,
А назад отмахнёт — дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного,
Он трех-то братей тех живьем схватал,

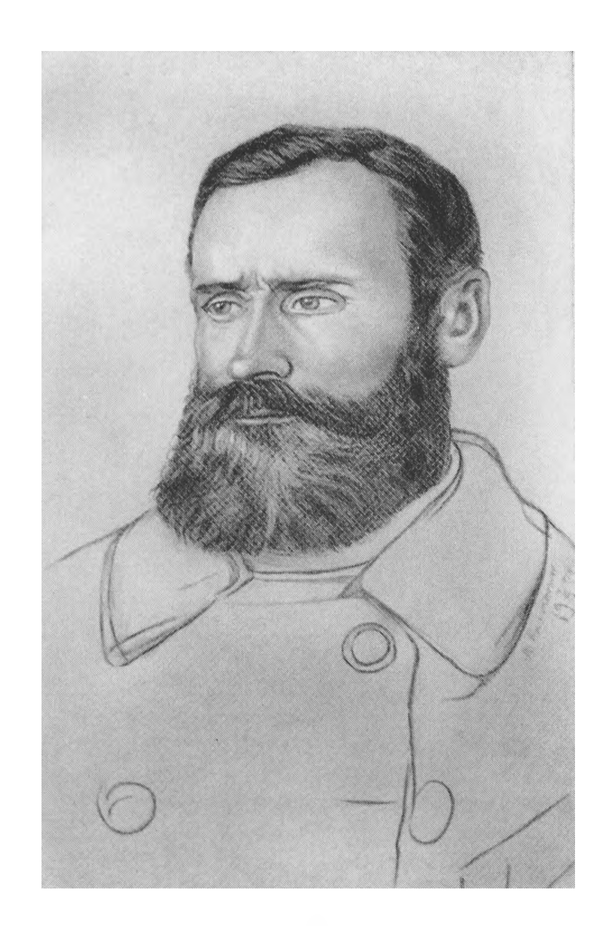
Живьем-то схватал, да волосами связал,
Волосами ти связал и через конь смётал,
Через конь смётал и ко шатру привез.

Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла опять силы дождатися,
Опять пошла наняла силы три тысячи,
Посылат трех сынов да воёводами.
Поезжают дети, сами плачут-то:
«Уж ты мать наша, мать и восударына!
Не побить нам Хотенка и на чистом поли,
Потерять нам свои да буйны головы.
Ведь когда был обсажон да стольне-Киев-град
И той неволею великою,
И злыма поганыма татарами,—
Он повыкупил да и повыручил
Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из татаровей».
— «Уж вы дети мои, дети рожоные!
Я бы лучше вас родила девять каменей,
Снёсла каменьё во быстру реку,—
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши ти суда да всё разбивало».
Пошла тут сила всё Чусовина,
Поехали дети, сами плачут-то.
Еще втапоре Хотенушко сын Блудович
Завидел силу на чистом поли,
Он приехал к силы-то к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашиват:
«Вы охоча сила или невольняя?»
Говорит тут сила всё Чусовина:
«Мы охоча сила, всё наемная».
Он и учал тут по силы-то поезживать:
Он куда приворотит — улицей валит,
Назад отмахнёт — дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного,
Он и трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем схватал, да волосами связал,
Волосами ти связал, да через конь смётал,
Через конь смётал да ко шатру привез.

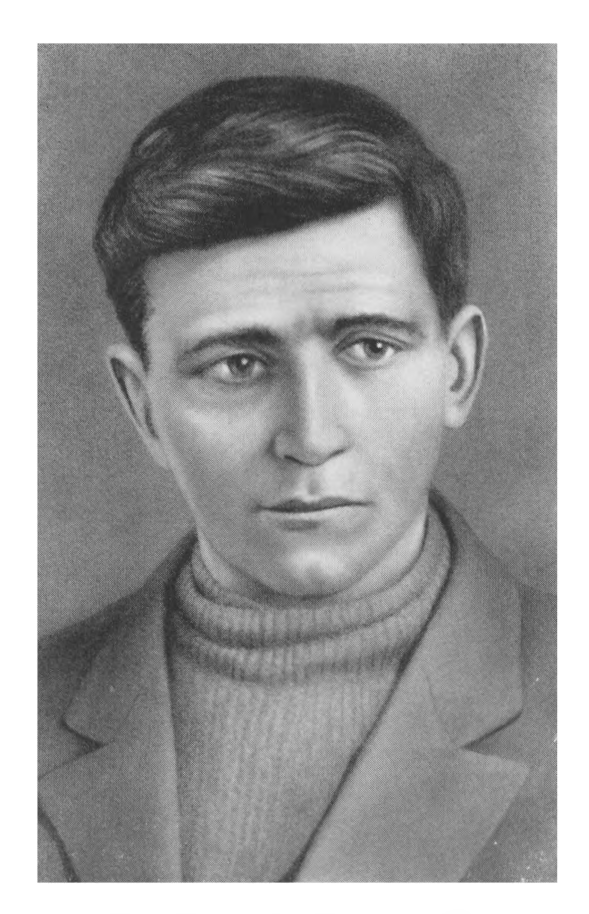
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождатися,
Пошла она к Хотенку сыну Блудову,



Сказитель Т. Г. Рябинин

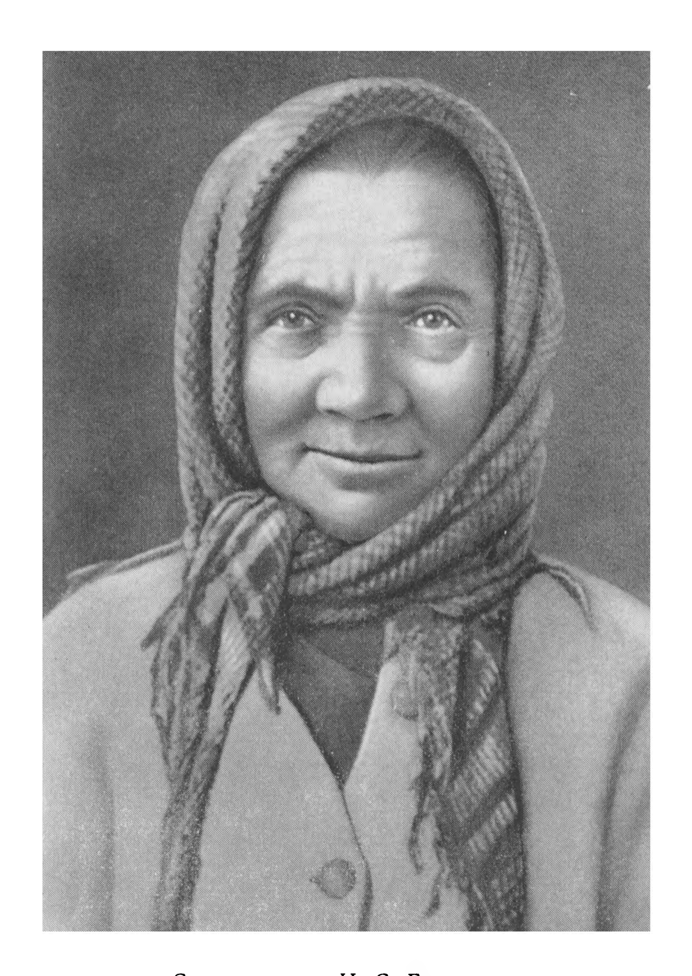


Сказитель И. Г. Рябинин-Андреев

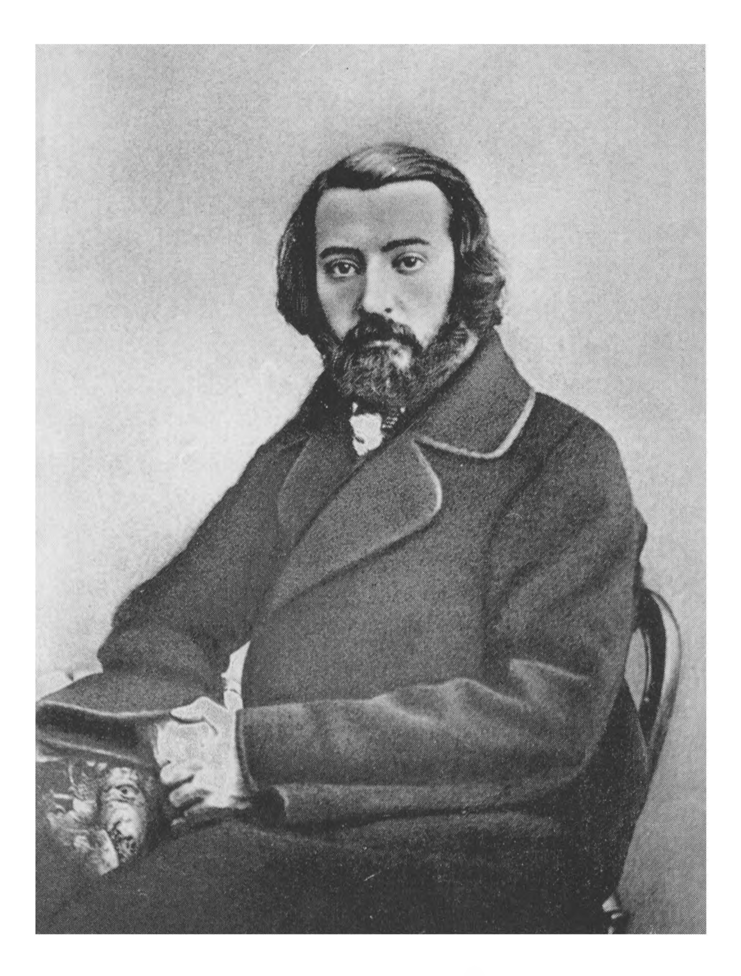


Сказитель П. И. Рябинин-Андреев

Сказительница М. Д. Кривополенова

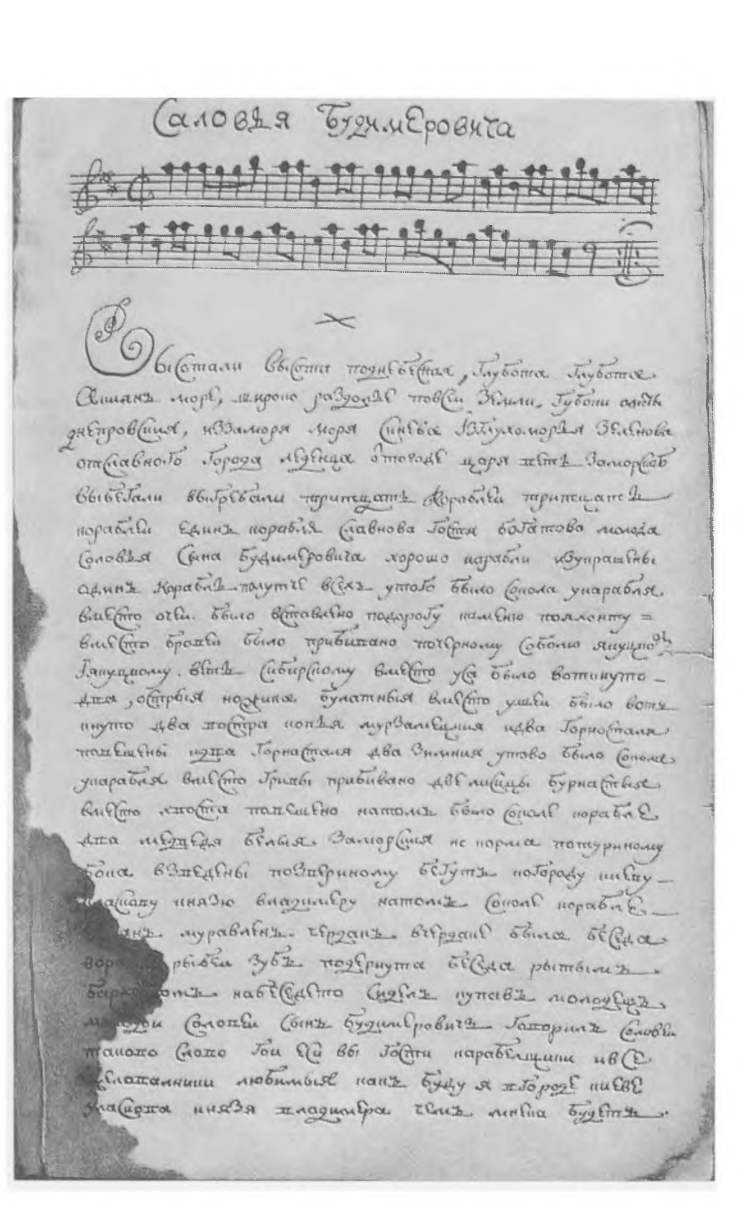


Сказительница Н. С. Богданова



Собиратель-исследователь фольклора
П. Н. Рыбников

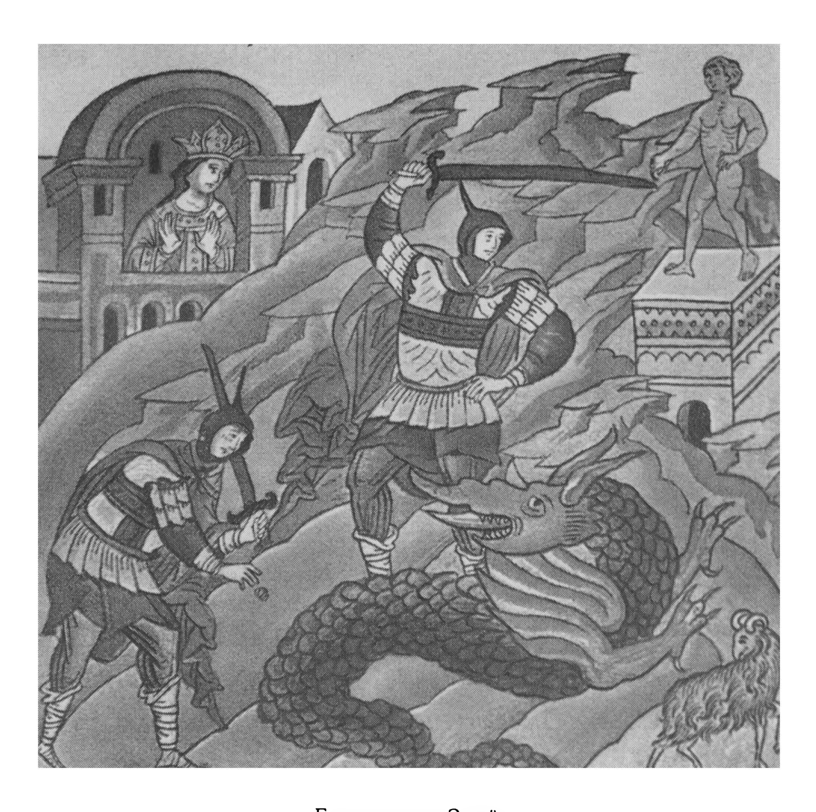
Собиратель-исследователь фольклора
А. М. Астахова


Саловея Будимеровича

Первая страница
«Сборника Кирши Данилова» (список)

Единоборство богатырей

Князь посылает богатырей

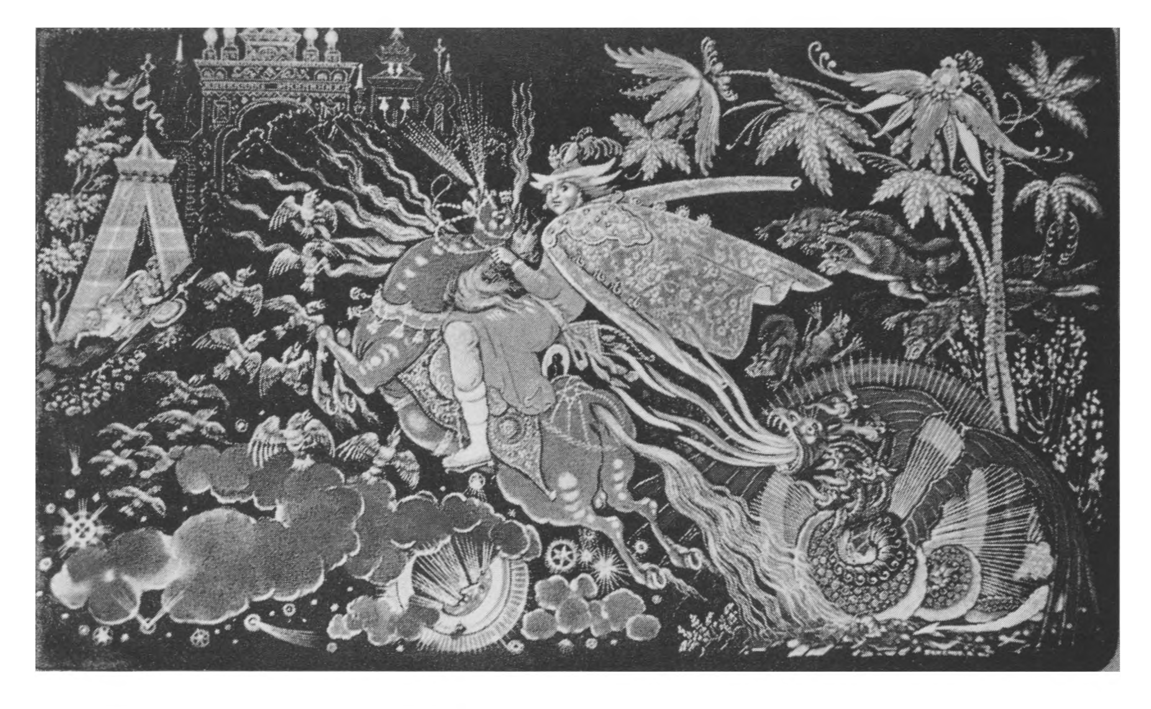


Богатырь и Змей

Добрыня и Змей

Василий Буслаев

Добрыня-сват



Дюк Степанович

Садко

А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чейну прекрасную,
Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».
Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жона!
Мне на надь твоя Чейна прекрасная,
Ты обсыпь мое востро копье,
Ты обсыпь возьми да златом, серебром
Долможáно ёго ратовищо семи сажон,
От насадочёк до присадочёк;
Ты обсыпь возьми да златом, серебром,
Златом, серебром да скатным жемчугом,—
Я отдам те девять сынов на выкуп всех».
Еще втапоре Офимья Чусова жона
Покатила чисто серебро телегами,
Красно золото да то ордынскою,
Обсыпала она у ёго востро копье,
Обсыпала она да златом, серебром,
Златом, серебром да скатным жемчугом,—
Не хватило у ей да одной четверти.
Говорит тут Офимья Чусова жона:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чейну прекрасную,
Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».
Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Мне не надь твоя Чейна прекрасная,
Уж ты всё обсыпь да златом, серебром,
Златом, серебром да скатным жемчугом,—
Я отдам те девять сынов на выкуп всех».
Говорит князь Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми у ей Чейну прекрасную».
Говорит тут Хотенушко сын Блудович;
«Я возьму у ей Чейну прекрасную,
Я возьму ею не за себя замуж,
А за своёго да слугу верного,
А за того же за Мишку всё за паробка».
Говорит князь Владимир стольне-киевской
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми ею да за себя замýж,—
Еще, право, она да не худых родов,
Она ведь уж да роду царского».

Тут и взял Хотенко за себя взамуж,
Ей отдал девять сынов на выкуп всех.

Затем-то Хотенушку славы поют,
Славы поют да старину скажут.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

А мхи были, болота в поморской стороны,
А гольняя щелья в Белѝ-озерѝ,
А тая эта зябель в подсиверной страны,
А 〈...〉 сарафаны по Моши по рекѝ,
Да раструбисты становицы в Ка́ргополи,
Да тут темные лесы что смоленские,
А широки врата да чигаринские.

А из-под дуба, дуба, дуба сырого,
А из-под того с-под камешка с-под яхонта,
А выходила-выбегала там Волга мать-река,
Да как устьём бежит да во синё море,
А во то во сине море во Турецкое.
А по той ли по матушки по Волги-реки
А бежало-бежит а тридцать три карабля,
А еще там бежало-бежит да без о́дного,
А один тот карабль есть лучше-краше всех,—
Да как тут в караблю было написанноё,
Да как тут в караблю напечатанноё:
А написан-то нос-от по-змеиному,
А корма-то была по-звериному,
Тут кодолы, канаты были ше́лковые,
А паруса тут были из семи шелков,
А ты эты коржѝнья подзолоченные.
Да как тут было в том караблю
Да млад сидит Со́ловей да сын Гудимирович
А со своима со дружинами с хоробрыма,
А хоробрыма дружинами Соловьёвыма,
Ино со своею со родною со матушкою.
Говорит тут Соловей таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрые,
А хоробрые дружинья Соловьёвые!
Да слушайте-тко большего й ата́мана-то вы,
Да делайте дело повелёное,—

А взимайте-ка шестики мерные вы,
А меряйте-ка лудья морски-то эты,
А чтобы нам, молодцам, туда проехати».
Да тут ехали-проехали что молодцы оны.
Да как тут Соловей сын Гудимирович
А говорит-промолвит таково слово:
«А взимайте в руки трубоньки подзорние,
А глядите вы, смотрите славный Киев-град,
А тую эту присталь корабельную,
Чтобы нам, молодцам, еще попасти туда».
Да тут ехали-проехали что молодцы оны,
Да попали в эту присталь корабельную,
А под стольной-от под город как под Киев-град.
Да как тут Соловей сын Гудимирович
Еще го́ворит-промолвит таково слово:
«Ах вы братцы дружинушки хоробрые,
А хоробрые дружинки Соловьёвые!
А слушайте-тко большего й атамана-то вы,
Да делайте дело повелёное,—
А взимайте перву сходенку во́лжаную,
А дру́гую сходенку серебряную,
А третью еще сходенку красна́ золота́,
А бросайте-ка сходенки на крут бережок».
Как тут эты дружинушки хоробрые,
А хоробрые дружинья Соловьёвые,
А взимали перву сходенку ту волжаную,
А другу́ю сходенку серебряную,
Ино третьюю сходенку красна золота,
А бросили сходенки на крут бережок.
«А по волжаной сходенке вам, братцы, идти,
Всё моим дружинушкам хоробрыим,
А хоробрыим дружинушкам Соловьёвыим;
А по серебряным сходенкам матушке моёй,
А по золотой сходенке мне-ка идти,
А младому Со́ловью сыну Гудимирови».
Да как тут Соловей да сын Гудимирович
А взимает он подарочки великие,—
Да сорок сороков тут черны́х соболёв,
А мелкого зверю тут и смету нет;
А взимает тут флаки́ да заморскии камки,
А заморскии камочки золоче́ныи,
Да приходит он к князю к Володимиру,
А во тую во гридню во столовую.
А крёст он кладыва́е по-писаному,

А поклон он ведь вел да по-ученому,
А клонится он на четыре на все,
А на вси четыре на сторонушки,
А стольнёму князю-то в особину,
А здравствует князя тут с княгиною:
«А здравствуй-ка, князь да стольно-киевской
А со́ своей княгиной со Апраксиёй,
А со своей любимой со племянницей!»
Да как он его тут еще здравствует:
«А здравствуй, ты удалый добрый молодец!
Не знаю я тебя ни по имени,
А знаю что тебя да по изотчине,—
А царь ли ты есть ли, царевич ли,
Ли король ли ты есть, королевич ли,
Али с тиха́ Дону ты донской казак,
Али грозныи посол ты Ляховитский бы?»
— «Да не царь-то я, да не царевич был,
А не король-то я, не королевич был,
А не из тиха Дону я донской казак,
А не грозныи посол я Ляховитский был,—
А есть как я с-за славного синя́ моря,
А я есть млад Соловей да сын Гудимирович.
А я пришел-то к теби да зде доклад держу:
А на-ко ти подарочки великие мои,—
А на ти сорок сороков моих черных соболёв,
А ино мелкого зверю еще смету нет;
А на-тко ты, княгиня да Опраксия,
А на-тко ты подарочек великии,—
А возьми-тко ты флаки да заморскии камки,
А заморскии камочки золоченыи».
А принимат-то княгиня да восхваливат:
«А ты млад Соловей да сын Гудимирович!
А спасибо за подарочки великие.
А не бывать-то зди камки такой во Киеве,
И не бывать, не бывать, да не бывать таковой».
Да тут князь-то еще да стольно-киевской
Он тут го́ворит-промолвит таково слово:
«Ай млад Солове́й да сын Гудимирович!
А чим-то мне-ка тебя жаловати
А за эти подарочки великие?
Города ли тебе надо с пригородками,
Аль села ли тебе надо е с присёлками,
Али много наб бессчетной золотой казны?»
Да он говорит-промолвит таково слово:

«Да ай же ты князь да·стольне-киевской!
А не наб мне городов с пригородками,
Да не наб мне-ка сел да с присёлками,
А не наб-то мни бессчетной золотой казны,—
А у меня да своей есте долюби.
А столько ты мне позволь-ка еще
А поставить-построить мне-ка три́ терема́,
А три терема мне златоверхиих,
Середь города, да середь Киева,
А гди маленьки ребятка да сайки продают,
А гди сайки продают, да гди барышничают».
А говорит-промолвит таково слово
Ино тот ли князь да стольно-киевской:
«Ах ты млад Соловей да сын Гудимирович!
Куды знаешь, туды ставь-ка еще
А за эти подарки за великие».

Да скоро Соловей тут поворот держал.
Приходит ко дружинушкам хоробрыим,
А хоробрым дружинам Соловьёвыим,
Да он говорит-промолвит таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрые,
А хоробрые дружинья Соловьёвы!
А вы слушайте-ка большего атамана-то вы,
А скидывайте с себи платьица цветные,
А надевайте на ся платьица лосиные,
А лосиные платьица, звериные,
Да взимайте-тко топорички булатние,
А стройте-то, ставьте, братцы, три терема,
А три терема-то златоверхиих,
Середь города, да середь Киева,—
Что верхи бы с верхамы завивалися,
А что к утру, к свету чтобы готовы былѝ,
А готовы были мне-ка жить перейти».
Как эты тут дружинушки хоробрые
Оны слушали-то большего й атама́на оны,
Скидыва́ли с се́бе платьица цветные оны,
Надевали на ся платьица лосиные оны,
Да взимали тут топорики булатние,
А ставили-строили тут три терема,
А три терема да златоверхиих,—
Что верхи ты с верхами завиваются,
А к утру, к свету готовы оны,
А готовы оны, да можно жить перейти.

Да как тут Соловей сын Гудимирович
А в тыи теремы да сбирается он
Со своима со дружинамы с хоробрыма,
А с хоробрыма с дружинамы Соловьёвыма,
А со своёй со родною со матушкою.

Да тут-то ведь у князя Володимира
Ино тая-то любимая племянница,
Молода Любавушка Забавишна,
Да взимает в руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокие,
А смотрит в эту трубоньку подзорнюю
А по городу, по городу по Киеву,
А углядела-усмотрела там и три терема,
А три терема да златоверхие,—
А верхи что с верхами завиваются,
Середь города, да середь Киева.
Как бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходит ко родному к дядюшке,
Еще стольнему князю к Володимиру.
«Да ай же ты мой ро́дной дядюшка!
Да позволь-ка ты мни, да красной девушке,
Проходиться-прогуляться вдоль по Киеву,
Вдоль по Киеву да мне, по городу».
Да он-то ведь на то ёй ответ держит:
«Да ай же ты да моя любимая,
Ай любимая-любима племянничка!
А сходи-тко ты прогуляйся туда».
Ино тут эта любима племянница
Да скорым-то скоро́, скоро, скорёшенько
Да ведь тут-то она да сокручалася,
А ведь тут-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да ведь по Киеву
Да к первому терему подходит она,—
Ино в том терему да шопотком говорят,
А тут-то Соловьёва родна матушка
Да как молится-то господу богу она;
Да к дру́гому к терему подходит она,
А тая-то любимая племянница,—
Ино в том терему да там-то стук да грем,
А тут-то Соловьёвые дружинушки
Тут считают-то бессчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гудимирова;
Да как к третьему к терему подходит она,—

Ино в том терему да млад сидит да Со́ловей,
А млад сидит Солове́й да сын Гудимирович
Со своима со дружинамы с хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьёвыма,
А на тоем стуле золочёноём
А й сидит-то, сидит забавляется:
Там вси скачут, пляшут оны, песенки поют,
Во музы́ки да во скрыпочки наигрывают.
Да как тут эта любимая племянница
Да подходит она к ему ближе́шенько,
А клонится она понизе́шенько:
«Здравствуй, млад Соловей да сын Гудимирович
Со своима со дружинамы с хоробрыма!»
Да как он-то тут ю да здравствует:
«А здравствуй-ка, Любавушка Забавишна!»
Да тут-то она к ему спроговорит:
«Ай ты млад Соловей да сын Гудимирович!
А возьми-тко меня ты за себя замуж».
— «Да как всим ты мне, девушка, в любовь пришла,
А одним ты мне, девка, не в любовь пришла,—
А сама ты се́бя, девка, просватываёшь.
А твое бы-то дело да не этта быть,
А не этта быть, да дома жить,
А дома-то жить да ти коров кормить,
А коро́в тых кормить, да ти телят поить».
А тут стало девке не любёшенько,
Не любёшенько, не хорошохонько,
А стало тут девушке похабно ёй.
А тут скорым-скоро, скоро, скоро, скорешенько
А девушка она да поворот держит.

А на то млад Соловей да сын Гудимирович,
Ино на то да не сердился есть,
Да скорым-то скоро, скоро, скорешенько
А тут след-то он шел большим сватом.
Да приходит он к князю Володимиру,
Ино во́ тую в гридню во столовую,
Да он-то ведь ёму тут доклад держит:
«А здравствуй-ка, князь да стольнё-киевской
А со своей с княгиной со Опраксией,
А со своей с любимой со племянницей,
А с молодой Любавушкой Забавичной!»
Как он-то ёго ведь здравствуе:

«Здравствуй, млад Соловей да сын Гудимирович!
А ты зачем зашел да зде доклад держишь?»
— «Да я зашел-то да зде доклад держу
А о добром деле зде — о сва́товстве:
Да есть у тя любимая племянница,—
А нельзя ли-то отдать за меня замуж?»
Да как сделали оны тут рукобитьицо,
Да просватал тут-то князь да стольнё-киевской
А ту эту любимую племянницу
А за млада Соловья сына Гудимирова.
А как шли оны во церковь тут во божию,
Да тут приняли они да что ль златы венцы,
А млад Соловей да сын Гудимирович
А с молодой Любавушкой Забавичной.

А как тут-то скорым да скорёшенько
Да завйяла пошла да тут-то поветерь
По тому-то да синю морю,—
Да тут млад Соловей да сын Гудимирович
А скорым-то скоро да он скорёшенько
А тут-то со князем распрощается,
А сам на карабли да он сбирается
А с той молодой Любавушкой Забавичной,
Да со сво́има со дружинамы с хоробрыма,
А со своей с родною со матушкою.
Как тут на карабли да собираются,
Обирают тут оны да три тереми,
Ино три терема да златоверхиих,
А на тыи на эты да на карабли,
А поехал он тут да ведь домой еще,
А домой-то, домой да в свою сторону,
А за славное, за славно за синё море.

А начал он тут да жить-то, быть,
А жить-то, быть да семью сводить,
А семью сводить да детей наживать.
А стал-то он тут по-здоровому,
А стал-то он да по-хорошему.

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Как во той ли-то земли да во Турецкоей,
У Василия то было у Турецкого,
Пированье-то шло, да шел почестен пир.
Говорил тут Василий сын Турецкий же:
«Уж ты гой еси, Идо́йло сын Идойлович!
Уж ты съезди-ка, Идойло, в стольный Киев-град,
Уж ты сватай-ка, Идойло, Анну дочи Путятичну
За меня-то есть в законное супружество».
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуницы же!
Вы сколдуйте-ка Идойлу вы во первый раз,—
И какая мне ведь путь будет счастливая,
А счастливая бы путь да несчастливая».
Сколдовали и сказали скоро-на́скоро:
«Как вперед-то Идойлу путь счастливая,
А назад-то Идойлу несчастливая».
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуницы же!
Вы сколдуйте-ка Идойле мне да во второй раз».
Сколдовали и сказали скоро-наскоро:
«Как вперед-то Идойлу путь счастливая,
А назад-то Идойлу несчастливая».

Как садился тут Идойло на черлен кораб,
И поехал тут Идойло да в стольной Киев-град.
Приезжает он и да верно в стольной Киев-град,
Еще кладут-то ведь сходни да верно на́ берег,
Как соходит тут Идойло сам он на берег,
И идет-то он ко князю ко Владимиру,
Как заходит тут Идойло в гридни светлые,
Богу русскому Идойло вот не кланятся,
И челом-то не бьет да он Владимиру,
Говорит тот Идойло таковы слова:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Я не гость-то пришел, да не гостити зашел,—
Я пришел-то к тебе да вот и за сва́товством
Как на Анны-то верно на Путятичны.
Как отдашь-то ли честью — возьмем с радостью,
Не отдашь-то ведь честью — возьмем не́честью».
Как запечалился Владимир стольно-киевский,
На одно-то плечо надел он шубочку,
На одно-то ухо́ надел он шапочку

И пошел ко своей к любимоей племянницы,
Как к Анны-то верно ко Путятичны.
Увидала-то его да вот племянница,
Говорит-то ему да таковы слова:
«Еще три года солнце не каталося,—
На четвертый-от год закатилося».
— «Уж ты гой еси, любимая племянница,
Еще Анна ты верно дочь Путятична!
Как пришел-то слуга да непрошóный к нам
От Василия-то сына от Турецкого,—
Еще сватает тебя Василий он Турецкий же».
Говорила-то ему да дочь Путятична:
«Уж ты ой еси, любимый мой да дядюшка!
Ты сряжай-ка ты да три кóрабли:
Еще первый-от кораблик свинцу, пороху,
Еще второй-от кораб вина заморского,
Как вина-то заморского, зелья лютого,
Еще третий-от кораблик силы ратноей.
Еще дай-то Добрынюшку Никитича,
Еще дай-ка мне Олешеньку Поповича».

Как садилася она да на кораблики,
Выходила-то она да в море синее,
Побросали-то они якоря булатные,
Побросали они да якоря булатные,
Говорит тут ведь Анна дочь Путятична:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад!
Та сними-кася верно шл⟨ю⟩пку белую,
Поезжай-ка ты к Идойлу на черлен кораб,
Ты скажи-ка Идойлу таковы слова:
Как у нас-то рули верно не правятся,
Паруса ти у нас не надуваются;
Как у Анны-то сегодня именинный день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
Поезжает тут Олеша на черлен кораб,
Говорит тут Олеша таковы слова:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!
Как у нас-то рули да нонь не правятся,
Паруса ти у нас не надуваются;
Как у Анны-то сегодня именинный день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
Как на это Идойло не соглашается.
Как приехал тут Олеша на черлен кораб,
Говорила тут ведь Анна дочь Путятична:

«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Уж ты съезди-ка к Идойлу на черлен кораб,
Ты зови-ка Идойла на честно́й-от пир».
Как поехал тут Добрыня на черлен кораб,
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!
Еще милости-де просим к нам хлеба кушати,
Хлеба кушати, вина заморского пробовати».
Как на это Идойло соглашается,
И спускает тут Идойло шлюпку черную,
И отправился Идойло на черлен кораб,
Как заходит тут Идойло в гридню светлую,
И садился-то он верно за стол дубовый же,
Как подносят тут Идойлу чару зелена́ вина,
Как не малу, не велику — в полтора ведра,
Берет тут Идойло едино́й рукой,
Как выпивает тут Идойло едины́м духо́м,
Как подносят тут Идойлу втору чарочку,
Как не малу, не велику — в полтора ведра,
Полтора-то ведра да зелья лютого,—
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«По серёдочке чарочки огонь горит,
По краям-то ведь чарки струйки струятся».
Как от чары тут Идойло не отказывается,
Как берет-то он чару единой рукой,
Выпивает тут Идойло единым духом,
Как выходит тут Идойло на черлен кораб,
Еще стало тут Идойлушку помётывать,
Еще стало тут Идойлушку посвистывать,
Еще стал тут Идойло за снасточки похватываться:
За какую снастку схватится — снастка по́рвется.
Говорит тут Олешенька Попович млад:
«Уж ты гой еси, поганое Издойлище!
Не тобой-то были ведь снасти сна́щены,
Не тобой-то были деревца ставлены,—
Не тебе-то, проклятому, обрывати же».
Еще стало тут Издойлушку помётывать,
Еще стало его ведь пуще посвистывать,
За каку снастку схватится — снастка порвется.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, поганое Издойлище!
Не тобою-то были ведь снасти снащены,
Не тобою-то были деревца ставлены».

Вынимает тут Добрыня саблю вострую,
Отрубает тут Идойле буйну голову.

Как оттуда-то ведь Анна поворот держи́т,
Поворот-то держит да в стольный Киев-град.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ, ЕГО ЖЕНА И АЛЕША ПОПОВИЧ

Ох как во сла́вноём во городе во Киеве,
Да у ласкового у князя у Владимира,—
А ще ласковой-то князь да стольнё-киевской
В одну пору, в одно времечко
Он завел-то вот и славной тут честный пир,
Вот и открывал-то он честно́е пированьице,
Пригласил к себи всих кня́зей да всих бояринов,
Уж он русскиих могучиих бога́тырей,
Полени́ц призвал к соби уда́лыих.
Да увси тогда на пир прибиралися,
Да увси они да на пиру да разгулялися,
Они увси ту на пиру да угощалися,
Они вси тут да принапилися,
Они сделались вси да в хме́льном разуме,
Ах и вси тогда они, тогда порасхвастались:
Ой да умной хвастал-то всё житьем своим,
А безумный-то хвастал всё богачеством,
Да иной-то тут всё цве́тным платьицом,
Да который-то похвастал да добры́м конем,
А и Дюк Степанович — своею удалью,
Да Олешенька Попович — да своею смелостью,
А Чурила да Шаплёнкович — своим наречием.
Говорил тогда Василий свет Буслаевич:
«У меня таперь, у доброго у молодца,
Куньи шубоньки висят у нас не ношены,
Добры комони стоя у нас не езжены,
Золотой казны да сметы нет».
А един тогда Добрыня свет Никитинич,
Он один ничим не хвастаё.
Говорил тогда-от князь да таковы слова
Он Добрынюшке Никитичу:
«Вот вси-то у меня-то тут расхвастались,
А что же ты, Добрыня свет Никитинец,
Да е один ничим не хвастаёшь?»

Отвечал в ответ Добрыня таковы слова
Он и князю да Владимиру:
«Ах вы ласковой да князь красно солнышко!
Не осмелюся теби́ да сло́ва вымолвить,
Вот и нечем топерь мни выхвастывать:
Ах и нету ни именья, ни богачества,
Ах и нету-то без счету золотой казны,—
Только есть одна по ндраву молода жена,
Молода жена, да любима́ семья,
Любима семья, Наталья свет Никулична».
В тую пору, в тое времечко
Разгневались-то тут русские богатыри
На того-то на Добрыню на Никитича,
Насказали оны князю да й Владимиру,
Что и есть в поли́ топерь наездники,—
А и ищут-то оны топерь да поединщика:
«Да нам нет кого туды отправити,
Окромя того Добрынюшки Никитича.
У Добрынюшки есть силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,—
Приочистит вси широкие дороженьки,
Тогда и смело нам везди выезжать буде́т».
Они думали, скорёшенько придумали,
И скоренько да надумали,—
Да назначили Добрыню тут на за́ставу.
Говорит тут князь да стольно-киевской:
«Ты послушай-ка, Добрыня свет Никитинич!
Поезжай-ка, брат, на заставу,
Поезжай-ка, отправляйся, брат, немедленно,
Очищай ты вси широкие дороженьки,
Чтобы смело нам везде да выезжать будё;
Не надолго поезжай — на двенадцать лет».
Тут стоял тогда Добрыня на резвы́х ногах,
Становился на гридню на столовую,—
Задрожали у него да резвы ноженьки,
Помутились у него да очи ясные,
Ай поблекло у него да личко белое.
В тую пору, в тое времечко
Стал Добрыня свет Никитинич,
Он кресты положил по-писа́ному,
Все поклоны он провел по-ученому,
На вси на́ три тут, на четыре на сторонушки,
А и князю-то Владимиру в особину,
Отправился со пиру он со честного,

Выходил час со терема высокого,
Со палаты белокаменной,
И он по лестницам-то шел — слезно плачется,
Он к дверям-то — богу молится.

Выходил со того двора широкого,
Подходил к свому двору широкому,
Подходил ко палаты своей каменной.
В тую пору, в то́ё времечко
Как сидела-то родитель ёго́ маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна,
Во высоком злаченоем во тереме,
Под коситчатым окошечком,
Вот смотрела сквозь хрустальнё стеколышко,—
Увидала тут Добрынюшка Никитича
Да й проход со пиру тут со че́стного.
Как тогда Добрыня свет Никитинич
Он взошел да на широкий двор,
Не входил в палату белокаменну,
Не являлся он в высок тере́м,
Заходил прямо во стойло лошадиное,
Уж и брал он там ко́ня доброго,
Золоту узду он брал тогда со стопочки,
Шолкову́ю плеть со гвоздика,
А черкальска седелышко со местичка,
Выходил да на широкой двор.
Говорила тут Офимья Александровна
Да й Настасье свет Микуличной:
«Как прошел-то й наш уда́лой добрый молодец
Он й с пиру и с честного;
Он и шел и с пиру, не весёл прошел,
Не весёл прошел, не радошен,
Пре̇клонивши младая головушка,
Изменивши да личко белое,
Утопивши у него да очи ясные
Ах да во матушку сыру землю́.
Не является он что-то во высок терем».
Говорила тут Настасья свет Никулична:
«Ой бежи-ка ты скорее во широкий двор,
Уж и где он теперь да проклаждается,
К нам во терем что же долго не является?»
Тут бежала да Офимья Александровна,
Ах скорешенько бежала на широкий двор,

Увидала своего да сына милого,
Увидала тут Добрыню свет Никитича:
Он уздает-седлает коня доброго,
Полагает он войлучки мягкие,
Ой на войлуки седелышко черкальское,
Он затягивает затяжечки шелкóвые,
Затягивает он пряжечки злаченые,—
Тут затяженьки, пряженьки от дождичка не ржавеют.
Подходила тут родитель его маменька,
Ай честна вдова да Офимья Александровна,
Говорила ему да таковы слова:
«Ну вот а й мое да чадо милое!
Что же ты и с пиру не весёл пришел,
Не весёл пришел, не радошен?
Или место там тебе было не пó чину,
Или чарой там тебя приóбносили,
Ли какая собака приоблаяла?
Наконец, куда топерь да отправляешься,
Да далече ли топерь да отдаляешься,
К нам во терем ты да не являешься?
Нам когда тебя топерь в окошечко посматривать?»
Тут Добрынюшка-то маменьке говаривал,
Да своей-то он родименькой высказывал:
«Ты не спрашивай, родитель моя маменька,
Ты не спрашивай меня, да не выведывай,
Моему топерь ретивому сердеченьку
Не давай ты мне великоей надзолушки.
Уж как ты меня несчастного спородила!
Зародила ты на свет меня несчастного,
Зародила неталанного,
Зародила ты на свет меня несмелого,
Зародила ты нерезвого,
Спородила ты меня да неудалого.
Уж ты лучше бы меня да не родила бы,
Уж ты лучше во чреви́ да задавила бы,
Да во сыром дубу ты меня да заморила бы,
Во синём мори́ меня затопила бы,
Да на белый свет меня да не спустила бы.
Уж я лучше бы, молоде́ц, нерóжен был,
Уж я лучше бы нерóщен был,
Всё бы лучше бы мóлодец неженен был,
Уж и лучше бы на пир неприглашеный был.
Зародила б ты, родитель меня маменька,

Уж ты удалью в Дюка Степановича,
По наречью в Шурилу Шаплёнкова,
Уж ты смелостью в Олёшуньку Поповича.
Уж как был-то я на честно́м пиру,
Было место мне да и по́ чину,
Да и чарой-то меня не обно́сили там,
Никакая тут собака не облаяла.
Вот и вси-то на пиру да напивалися,
Вот и вси-то порасхвастали;
У меня-то как, у доброго у молодца,
Не хватило разума в головушку,
Да на малой не хватило на единый час,—
Уж я глупой-неразумной повыхвастал,
Уж похвастал я да молодой женой,
Молодой женой, да любимо́й семьей,
Любимой семьей, Настасьей свет Никуличной.
Рассердились тут ведь русские богатыри
На меня теперь, на доброго на молодца,
Насказали-то князю да й Владимиру:
«А и ищут соби да поединщика наездники,
А нам ведь некого отправить ё,
Окромя нам Добрыни свет Никитича».
Вот назначили меня топерь на заставу,
Не надолго — на двенадцать лет.
А ты бежи скорей во высок терем
Да скажи Настасье свет Никуличной:
Если хочет увидать — пускай сейчас придет,
А не хочет увидать — пускай к окну не идет».
Они с маменькой тогда да распрощалися,
Они горькима слезамы обливалися.
Тут побежала-то Офимья Александровна
Да скоренько во высок терём,
Говорила тут Настасье свет Никуличне:
«Ты сидишь ты во высокоём во тереме,
Над собой ты невзгодушки не ведаёшь,—
Ведь уезжаёт-то свет наше й любимоё,
Отъезжаёт-то наш удалой добрый молодец,
И седлает-уздает-то коня доброго,
Ты бежи скорее топерь на широкой двор,
Ты выспрашивай его, да выведывай,
Нам когда его пождать, когда в окошечко
посматривать».
Тут бежала Настасья свет Никулична
Да скоренько да на широкой двор,
Увидала там Добрынюшку свет Никитича:

Он сидит да там на добром коне,
Он да держит-то во ручке плеточку шелко́вую.
Подбегала она тут к нему скорёшенько,
Забегала-то с плеча, да боку правого,
Да ко той ко правой стремяночке,
Тут смотрела она на него еще прямёшенько,
Говорила ему она милёшенько:
«Ай же ты Добрыня свет Никитинич!
Ты куда топерь от нас отправляешься?
Ты далече ли отдаляешься,
Нам во терем сегодня не являешься?
Нам когда тебя пождать, когда в окошечко посматривать?»
Тут сидел-то Добрыня свет Никитинец,
Шелко́вой плеткой частёшенько помахивал,
С молодой женой Добрыня разговаривал,
Говорил он ей таковы слова:
«Ну вот а й да ты моя да молода жена,
Молода жена, да люби́ма семья,
Любима семья, Настасья свет Никулична!
Когда ты про заставу стала выспрашивать,
Тогда я буду тебе рассказывать.
Уезжаю я топерь на заставу,
Не надолго уезжаю — на двенадцать лет.
Уж ты год не жди меня, другой не жди,
Ты на третий год в окошечко не взглядывай.
Уж как буду я стоять я там на заставы,
Не приеду к вам домой да из чиста поля.
Приезжать к вам будут гости да немилые,
Привозить вам будут вести нехорошие:
«А и нет в жива́х Добрыни свет Никитича,
Отрублена его буйная головушка»,—
Ты не верь, Настасья свет Никулична,
Ни князьям не верь, и ни бояринам,
И ни могучиим богатырям.
И частёшенько будут приезживать,
И близёшенько будут подхаживать,
Да милёшенько вам будут разговаривать,
Да в очах будут тебя обманывать,
А и замуж-то тебя будут тут подсватывать,—
Ты жди того времечки двенадцать лет;
На проход будет времени двенадцать лет,
Как не приеду если со чиста поля,

Ты не верь, моя Настасья свет Микулична,
Ты частёшенько в зеленый сад похаживай,
На кудрявые рябиночки посматривай:
Как прилéтит тут голубь со голубкою,
С куста нá куст будут перелетывать,
Промеждý собой будут возгуркивать,
Что нет живá Добрыни свет Никитича,
Да отрублена та й буйная головушка,
Он головушкой лежит да под ракитов куст,
А резвыма ногамы ко Пущай-реки,
А сквозь толстые кудёрышки трава растет,—
Ты потом, моя Настасья свет Никулична,
Хоть вдовой живи, да хоть замýж пойди,
Хоть за кня́зей поди, хоть за бояр поди,
Хоть за русскиих могучиих богатырей,
Только не ходи-ка ты, Настасья свет Никулична,
Ты за смелого Алешу за Поповича,
Та й за женского насмешника».
Ах и тут у Настасьи свет Никуличной
Задрожали ручки белые,
Ах подрезало у ё и ножки резвые,
Помутились очи ясныё,
Вот поблекло у ей-то личко белоё,
Она горькима слезами тут заплакала,
Не могла стоять на резвыих на ноженьках,
Тут упала о сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитинич,
Он прощался с своей молодой женой,—
Она видела Добрыню только сядучи,
Не видала с ши́рока двора поедучи.
Не воротамы поехал тут широкима,
Да скочил-то через стену городовую,
От ёго пошли поездки богатырские,
От коня пошли поступки лошадиные,—
А в чистом поли́ пыль столбом стоит.

Тут отпра́вился Добрынюшка на заставу,
Он дале́че во чисто полё,
Уж и как стал да й Добрыня свет на заставы.
Тут неделя за неделей быдто дождь дожжит,
Месяцы идут, как ручей бежит,
А и времечко идет, как река шумит,—
А не видно тут Добрыни из чиста поля.

Как прошли тут времечка три года́,
Тут не видно Добрыни из чиста поля.
Приходила тут родитель его маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна,
Приходила она тут ко князю ко Владимиру,
Горько-тошно тут она да покорялася,
Она низко да поклонялася:
Тут не белая березка к земли клонится,
Не сучечки ко земли да приклоняются,
Не листочки по земли да расстилаются,—
Поклоняется да родитель его маменька.
Говорила-то тут-ка князю таковы слова:
«Ай же ты князь красно солнышко!
Ты за что послал моего чада милого,
Чада милого, дитя любимого,
Вы отправили его теперь на заставу,
Вы безвинного его, да беспричинного?
В первой винушке вы простите-ка,
Да со заставы его да воротите-ка».
Отвечал-то князь во ответ да стольнё-киевской:
«Вот приказа́нное да пополнять надо́».

Теперь времечко будто дождь дожжит,
Теперь месяцы́ идут, что ручей бежит,
А наше времечко идет, что река шумит,—
Как прошло того времени шесть годов,
А не видно Добрынюшки с чиста поля.
Тут отправил тут князь да стольно-киевской
Тут Олешеньку Поповича
Да узнать о Добрынюшке Микитиче,
Он послал его во чисто поле.

Он приехал со чиста поля
Ко князю ко Владимиру,
Говорил он да таковы слова:
«Что нет жива Добрыни свет Никитича,
Да й отрублена да буйная головушка,—
Он головушкой лежит под ракитов куст,
А резвыма ногамы ко Пущай-реки,
А сквозь желтые кудерышки трава растет».
Говорил тогда-от князь да стольно-киевской:
«Поди съезди ко Настасье свет Никуличной,
Ко Офимье Александровной,
Ты снеси-ка весть нерадостну».

В одну пору тут тогда, в одно времечко,
Тут приехал тогда Олешенька Попович вот,
Без доклада он приехал на широкий двор,
Не воротами широкима,
А скочил через стену горо́довую,
А слезал да со добра коня,
Привязал коня доброго
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольцу да золоченому.
Он без допросу идет в палату белокаменну,
Он явился во высок терём,
Становился на гридень на столовую,
Он кресты полагал да по-писаному,
Вси поклоны тут провел тут по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонушки,
Да Добрынюшкиной маменьке в особину.
«Уж ты здравствуй-ка, Добрынюшкина маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна!
Я приехал-то топерь да из чиста поля,
К вам привез да весточку нерадостну,—
А вот нет жива Добрыни свет Никитича,
Ай отрублена у него-то буйная головушка».
Вот тут горько-тошно порасплакались
По Добрыне по Никитиче,
Вот уехал тут Олеша с широка двора.

Прошло времени опять, как дождь дожжит,
Год за годом, как река бежит,
Прошло того времени девять лет,—
Нет Добрынюшки Никитича с чиста поля.
Стал частёшенько Олешенька поезживать,
Стал Добрынину жену заму́ж посватывать.
Как прошло-то ровно времени девять лет,—
Не приехал-то Добрыня со чиста поля.
Тут приехал князь со княгинею,
Со Опраксией Никуличной,
Да с Олешенькой Поповичем,—
Они сватать Настасью свет Никуличну
За Олешу свет Поповича.
Принимала тут Настасья свет Микулична,
Принимала она тут дорогих гостей,
И угощала она да гостей милыих;
Она князя подарила полотёнышком,
Да княгиню тут косиночкой,

А Олешу угостила калено́й стрелой,
Говорила ему да таковы слова:
«Уходи-ка ты, кабацкая подпорина,
Уходи-ка ты, табачная заморина,
Уходи ты со терема высокого,
Уезжай с двора от нас широкого,
Чтобы век ко мне да не подхаживать,
И на нашу б палату не засматривать».
Уезжал тут князь да со княгинею,
Со Олешею Поповичем.
Как сполонилось тому времени двенадцать лет,—
Не видно Добрынюшки с чиста поля,
Приехал-то да князь со княгиною,
Со Олешенькой Поповичем —
Сватать снова Настасью свет Никуличну.
Да й сосватали Настасью свет Никуличну
За Олешеньку Поповича,
Не охотою взяли́ — неволею.
Развели тута они да славный пир,
Тут открыли они славно пированьицо,
Развели тут они пир на двенадцать дён,
Тут ведут они да славный честный пир.

В одну пору, в одно времечко
Как сидел Добрыня свет Никитинич,
А под кустышком сидел да под ракитовым,—
Прилетели тут голубь со голубкою,
С куста на́ куст они стали перелетывать,
Да промеж собой стали возгуркивать:
«Вот сидит-то Добрыня свет Никитинец
Да под кустышком ракитовым,
Над собой-то он незгодушку не ведает,—
Как его-то молода жена замуж идет
За Олешеньку Поповича,
Не охотою идет — берут неволею,
Вот ведут пир на двенадцать дён».
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилася вся сила богатырская,
Как скочил-то он скорее на резвы́ ноги́,
Он садился на добра коня,
Он отправился скорешенько с чиста поля,
Удалялся он со заставы,
Он поехал в свою сторону.
В тую пору, в тое времечко

Вот сидела родитель его маменька
В высокоём злочёноём во тереме
Под косивчатым окошечком,
Ой смотрела во хрустальное стеколышко,
Ай далече-то й смотрела во чисто поле,
Тут ронила-то она-то слезы горькие,
Поминала сына ро́дного.
Наглядела там далёко во чистом поли,—
Как не черный ворон с поля пу́рхае,
А и едет со чиста поля наездничек,
Подъезжает ко ею́ широку двору,
Бело личинько чернёшенько,
А одёженька на ём вся грязнёшенька,
На лошадушке сидит будто лесовый зверь;
Заезжал-то прямо на широкий двор,—
Не воротамы поехал он широкима,
Он скочил-то через стены городовые,
Да слезал да со добра коня,
А спустил коня да на широкой двор,
Он пошел в палату белокаменну,
Он по лестницам пошел — да слёзно плачется,
По дверям там — сам он крестится,
Пошел Добрыня во высок тере́м,
Становился он на гридню на столовую,
Он кресты тут положил да по-писаному,
Вси поклоны тут провел да й по-ученому.
«Уж вы здравствуй-ка ты, Добрынюшкина маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна!
Я приехал-то теперь да из чиста поля,
Уж как я вам от Добрынюшки поклон привез.
Скоро Добрынюшка прибудет к вам».
Отвечала как Офимья Александровна,
Говорила она да таковы слова:
«Ай же ты незнаем добрый молодец!
Не говори ты мни таких соби́ обидных слов,
Не делай моему ретивому сердечушку надзолушки:
Двенадцать лет прошло, как Добрынюшки живого нет,
А Добрыни молода жена замуж идет
За того ли за Олешу за Поповича,
Не охотою идет — берут неволею;
Да назначен теперь да пир да на двенадцать дён».
Говорит тогда Добрыня свет Никитинец:
«Ай же ты Офимья Александровна!

Уж ты дай-ка мне одёженьку Добрынину,
Уж ты дай-ка мне гусе́лышки Добрынины,—
Я пойду туды на славный пир».
Говорит тогда Офимья Александровна:
«Не проси-ка ты одёженьку Добрынину,
Не проси-ка ты гуселышки Добрынины,
Не ходи ты да на славный пир:
Да везди ту у дверей-то караул стоит,
Не пропустят тебя на славный пир,—
Один ты туда незван идешь,
Не оставят тебя там во живности,
Унесешь тогда ты одёженьку Добрынину,
Изведешь ты только гуселышки Добрынины,
Оставь ты мне их на погляженьице».
Говорит Добрыня свет Никитинец:
«Дашь одёженьку — возьму,
Да и не дашь — возьму;
Дашь гусёлышки — возьму,
Да и не дашь — возьму;
Благословишь — пойду,
Не благословишь — всё равно пойду».
Тут заплакала Офимья Александровна,
Принесла ему одёженьку Добрынину,
Принесла ему гуселышки Добрынины,
Принесла, заплакала горючьми слезьми,
Снабдила тут уда́ла добра молодца,
Да отправила на славный пир,—
Не узнала никак сына родного.

Вот подходит он ко палаты белокаменной,
Вот подходит он ко пиру да ко че́стному,—
Там везди да караул стоит,
Не пускает Добрынюшку на славный пир.
Рассердился тут Добрынюшка Никитинец,
Расходилось у Добрынюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Как стал он руками поширкивать,
Как стал он гусёлками помахивать,
Куда ма́хнет — тут и улочка,
Перема́хнет — переулочек,
Как за руку захватит — рука долой,
А едному́ — голова долой.
Вот пробрался во палату белокаменну,
Вот явился он на славный пир,

Становился он на гридню на столовую,
Он крестя положил да по-писаному,
Вси поклоны он провел да по-ученому,
На вси на три, на четыре на стороны,
А и князю со княгинею в особину.
Говорил тогда князь да стольнё-киевской:
«Вот вси у нас-то гости званые,
Да и вси-то приглашеные,
А один-то гость незван пришел.
А куда же тебя, гостя, да посадить топерь?»
— «Куда посадится — я там сижу,
Что й достанется — то ем да пью».
Говорил тогда князь да стольнё-киевской:
«Твое место-то — за печкой за мура́воёй».
Вот заставился Добрыня свет Никитинич
Он за печку за муравую,
Стал Добрынюшка за печенькой постаивать,
Стал с-за печеньки частёшенько посматривать,
Говорил тогда Добрыня таковы слова:
«Мне позвольте-ка, пожалуста,
Хоть и раз сыграть в яровчаты гусёлышки».
Да й дозволили Добрыне свет Никитичу.
Стал за печенькой Добрынюшка постаивать,
Стал частёшенько с-за печеньки посматривать,
Стал веселёшенько в гусе́лышки выигрывать.
На пиру тогда игра да всим понравилась,—
Стоят естушки сахарные не ежены,
Стоят питьюшки не питые,
Стоят чарушки да не выпиты.
Говорит княгиня обручёная:
«Во эти-то гусе́лки прежний муж играл.
Вызывайте-ка с-за печки его с-за муравоёй,
Садите ко столу да ко честному,—
Пусть сидит, да где ему место нравится,
Угощайте его как и всих гостей».
Говорят Добрыне свет Никитичу:
«Садись к столу ко честному,
Садись, где место нравится».
— «Я желаю сесть супроти́в куто́в,
Насупро́тив самой княгини обручёноей».
А садился Добрыня супротив кутов,
Насупротив княгини обручёноей,—
Подносили ему чару зелена вина:
«Пей, незнаем добрый молодец!»

Говорит княгиня обручёная:
«Пей, незнаем добрый молодец,
Наместо моего мужа прежнего».
Стоял Добрыня на резвых ногах,
Брал чашу во праву руку,
Спускал туды злачён перстéнь,
Которы́м перстнéм с Настасьей обручалися,
Говорит Добрынюшка княгине обручёноей:
«Ну когда пригласили меня ко столу ко честному,
Ну пей теперь, княгиня обручёная,
Пей ты чару зелена вина.
Если хочешь ты видать да добра старого,
Выпивай-ка эту чару ты до донышка;
А если пьешь до дна — узнае́шь добра,
А не пьешь до дна — не видать добра».
Взяла княгиня обручёная,
Взяла чару во белу руку,
Понабрала эту чару во праву руку,
Выпивала эту чару да в единый дух.
Выпивала княгиня обручёная,
Выпивала зелена вина,
Выпивала чару тут до донышка,
Увидала там злачён перстень,
Каковым перстнём да обручалися,
Говорила тут она да таковы слова:
«Целой век я не надеялась,
Что ведь мой-то муж на сем свете явится,
Да на мою теперь на свадебку объявится.
Да распекло теперь праведное солнышко
На мою на победную головушку.
Да не тот мой муж, что со мной сидит,—
А тот мой муж, что супротив стоит,
Супротив сидит да на меня глядит».
Тут окончила Настасья свет Никулична,
Скочила тут через столички дубовые,
Скочила через яствушки саха́рные,
Через питьица медвяные,
Через чарочки непитые,
Она брала-то Добрыню за белы руки,
Целовала его в уста сахарные,
Говорила тут тогда да таковы слова:
«Ай же ты да мой-то муж,
Ты Добрыня свет Никитинич!
Ой ты во той вины да не прощай меня,

Ты бери-ка да шелко́ву плеточку,
Уж ты бей теперь меня до смертельных ран».
Говорит тогда Добрыня свет Никитинич:
«Уж в этоей вины прощу тебя,—
Что не охотой идешь, берут неволею,—
А Олешеньку-то я не прощу топерь».
Как хватал Олешу за желты́ кудри́,
Выдерга́л Олешу с-за стола дубового,
Стал по терему Олешеньку потаскивать,
Стал гусе́льками Олешу поколачивать,—
У Олешеньки-то кости заряжайдали.
Говорит тогда князь да стольно-киевской:
«Ты оставь его на этот раз во живности».
И спустил тогда Олешу со белы́их рук,—
Хоть и битой Олеша, только смелой был.
Он ставал да на резвы ноги,
Он садился ко столу тогда ко честному,
Преклонил тут свою да буйну голову,
Говорил тогда вот он да й таковы слова:
«Ну вот всякой на сём свите пожонится,
Да не всякому жонитьба удавается:
Удавалася Добрынюшке Никитичу,
Не удалася Иванушку Годиновичу,
Хуже нет того — Олешеньке Поповичу.
Видно, только-то Олешенька женат бывал,
Верно, столько-то Олешенька с женой сыпа́л».
Говорил Добрынюшка да таковы слова:
«Уж вы правильно топерь да это сделали?
Я двенадцать лет как выстоял на заставу,
А он только отнял да от жива мужа́,
Только от жива мужа жену отня́л».
Становился он на гридень на столовыи,
Не полагал креста он по-писаному,
Не давал поклонов по-ученому,
Не кланялся ни князю, ни княгинюшке,
Ни князьям, да й ни бо́ярам,
Ни могучиим богатырям,
Уж взял с собой тогда он молоду жену,
Выходил в тот час со терема высокого,
Подходил к своёму́ двору широкому,
Ко палаты белокаменной.
Увидала тут их родима его маменька,
Ай честна́ вдова Офимья Александровна,
Увидала сквозь хрустальное стеколышко,

Выбегала-то на ши́рок двор,
Встречала она дорогих гостей.
Тут хватил он свою родитель-маменьку,
Да под правую хватил он тут под мышечку,
И занес ее да во высок терём.

Да и стали жить с Настасьей Никуличной,
Уж и стали жить да лучше прежнего.

ДАНИЛА ЛОВЧАНИН

У князя было у Володимира,
У Кеевского солнышка Сеславича,
Было пированьицо почестное,
Честно и хвально, больно радышно,
На многи князья и бо́яря,
На сильных могучих бога́тырей.
Вполсыта бояря наедалися,
Вполпьяна бояря напивалися,
Промеж сея бояря похвалялися:
Сильн-от хвалится силою,
Богатой хвалится богатеством,
Купцы те хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими,
Бояря-то хвалятся поместьями,
Они хвалятся вотчинами.
Один только не хвалится Данила Денисьевич.
Тут возго́ворит сам Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Данилушка Денисьевич!
Еще что ты у меня ничем не хвалишься?
Али нечем те похвалитися?
Али нету у тея золотой казны,
Али нету у тея молодой жоны,
Али нету у тея платья светного?»
Ответ держит Данила Денисьевич:
«Уж ты батюшка наш Володимир-князь!
Есь у меня золота казна,
Еще есь у меня и молода жона,
Еще есь у меня и платье светное;
Не́што, так я это призадумался».
Тут пошел Данила с широка двора.

Тут возговорит сам Володимир-князь:
«Ох вы гой естя, мои князья, бояря!
Уж вы все у меня переженены,
Только я один холóст хожу.
Вы ищите мне невестушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтоб лицом красна и умом свёрстна,
Чтоб умела русскую грамоту
И четью, петью церковному,
Чтобы было кого назвать вам матушкой,
Величать бы государыней».
Из-за левой было из-за сторонушки
Тут возгóворит Мишатычка Путятин сын:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Много я езжал по иным землям,
Много видал я королевишон,
Много видал и из ума пытал:
Котора лицом красна — умом не сверстна,
Котора умом сверстна — лицом не красна.
Не нахаживал я такой красавицы,
Не видывал я эдакой пригожицы,—
У того ли у Данилы у Денисьича
Еще та ли Василиса Никулична:
И лицом она красна, и умом сверстна,
И русскую умеет больно грамоту,
И четью, петью горазда церковному:
Еще было бы кого назвать нам матушкой,
Величать нам государыней».
Это слово больно князю не показалося,
Володимиру словечко не полюбилося.
Тут возговорит сам батюшка Володимир-князь:
«Еще где это видано, где слыхано —
От живого мужа жону отнять!»
Приказал Мишатычку кáзнить-вешати.
А Мишатычка Путятин приметлив был,
На иную на сторонку перекинулся:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Погоди меня скорó казнить-вешати,
Прикажи, государь, слово молыти».
Приказал ему Володимир слово молыти.
«Мы Данилушку пошлем во чистó поле,
Во те ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлем ко гремячему,
Велим пымать птичку белогорлицу,

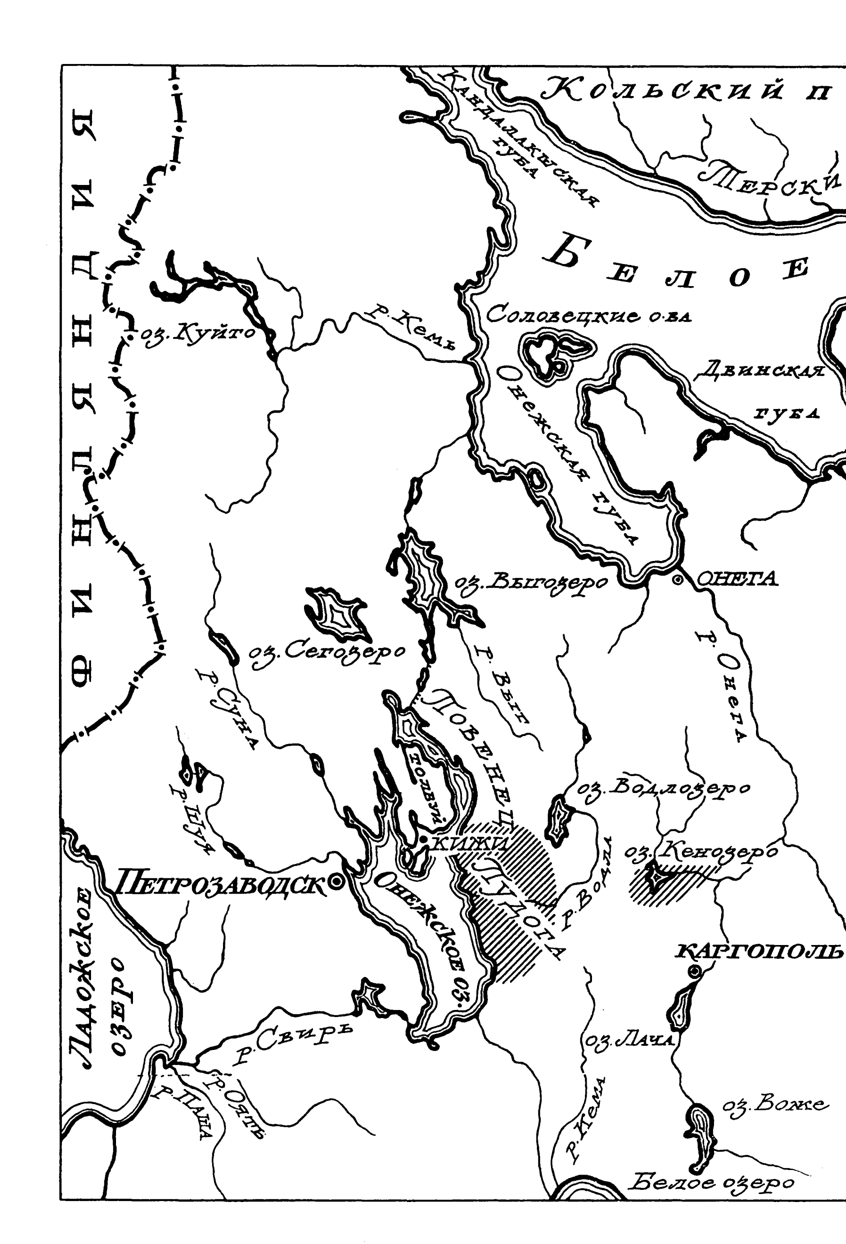
Принести ее к обеду княженецкому;
Что еще убить ему льва лютого,
Принести его к обеду княженецкому».
Это слово князю больно показалося,
Володимиру словечко полюбилося.
Тут возговорит старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Изведешь ты ясного сокола,
Не пымать тее белой лебеди».
Это слово князю не показалося,
Посадил Илью Муромца во погреб.
Садился сам во золот стул,
Он писал ярлыки скорописные,
Посылал их с Мишатычкой в Чернигов-град.
Тут поехал Мишатычка в Чернигов-град,
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На двор-от въезжает безопасышно,
Во палатушку входит безобсылышно.
Тут возговорит Василиса Никулична:
«Ты невежа, ты невежа, неотецкой сын!
Для чего ты, невежа, эдак делаешь:
Ты на двор-от въезжаешь безопасышно,
В палатушку входишь безобсылышно?»
Ответ держит Мишатычка Путятин сын:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!
Не своей я волей к вам в гости зашел,—
Прислал меня сам батюшка Володимир-князь
Со теми ярлыками скорописными».
Положил ярлычки, сам вон пошел.
Стала Василиса ярлыки пересматривать —
Заливалася она горючьми́ слезми́.
Скидовала с сея платье светное,
Надевает на сея платье молодецкое,
Села на добра ко́ня, поехала во чисто поле
Искать мила дружка свово Данилушка.
Нашла она Данилу свет Денисьича,
Возговорит ему таково слово:
«Ты надеженька, надежа, мой сердешной друг,
Да уж мо́лодой Данила Денисьевич!
Что останное нам с тобой свиданьицо!
Поедем-ка с тобою к широку́ двору».

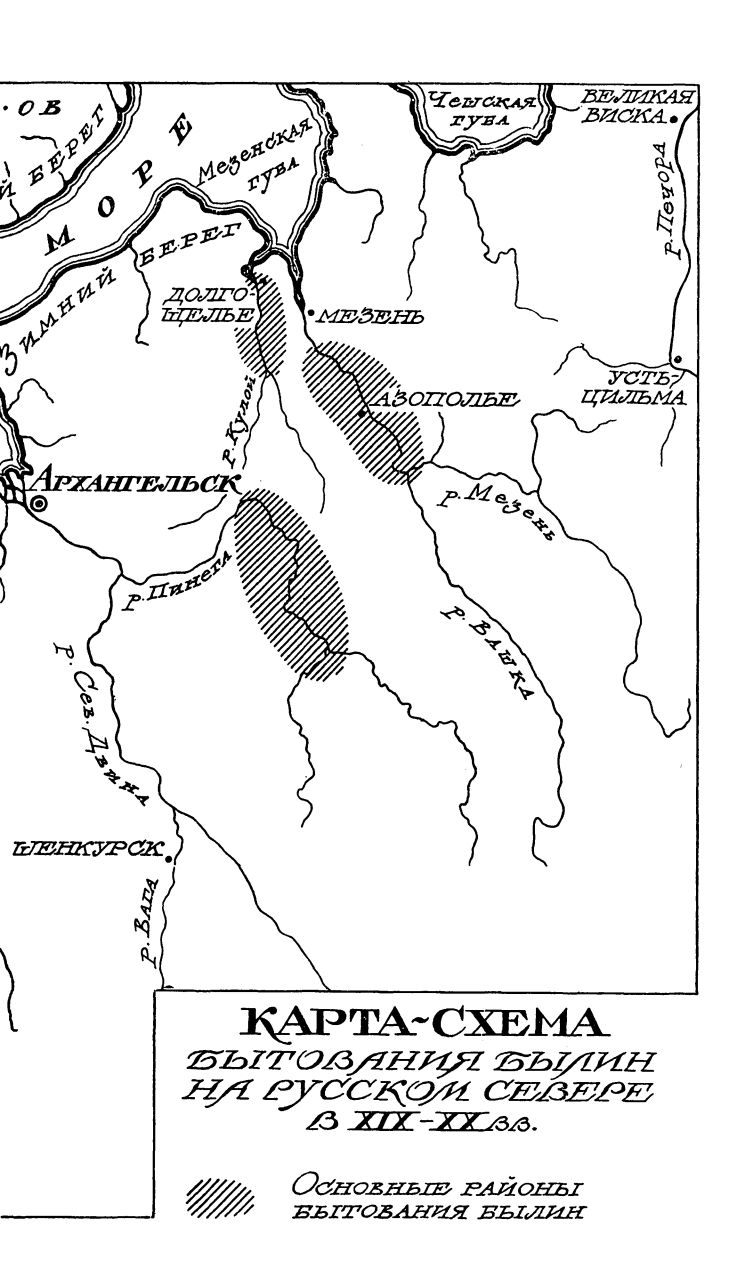
Тут возговорит Данила Денисьевич:
«Ох ты гой еси, Василисушка Никулична!
Погуляем-ка в остатки по чисту полю,
Побьем с тобой гуськов да лебёдушок».
Погулямши, поехали к широку двору.
Возговорит Данила свет Денисьевич:
«Внеси-ка мне мало́й колчан калёных стрел».
Несет она большой колчан калёных стрел.
Возговорит Данилушка Денисьевич:
«Ты невежа, ты невежа, неотецка дочь!
Чего ради ты, невежа, ослушаешься?
Аль не чаешь над собою бо́льшого?»
Василисушка на это не прогневалась
И возговорит ему таково слово:
«Ты надеженька мой сердешной друг,
Да уж мо́лодой Данилушка Денисьевич!
Лишняя стрелычка тее приго́дится:
Пойдет она не по князе, не по барине,
А по свым брате бога́тыре».

Поехал Данила во чисто поле,
Что во те луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремячему,
И к колодезю приехал ко студеному.
Берет Данила трубыньку подзорную,
Глядит ко городу ко Кееву.
Не белы́ снеги забелелися,
Не черные грязи зачернелися,—
Забелелася, зачернелася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тут заплакал Данила горючьми́ слезми,
Возговорит он таково слово:
«Знать, гораздо я князю стал ненадобен,
Знать, Володимиру не слуга я был».
Берет Данила саблю боёвую,
Прирубил Денисьич силу русскую.
Погодя того времечко манёшенько,
Берет Данила трубычку подзорную,
Глядит ко городу ко Кееву.
Не два слона в чисты́м поле слонятся,
Не два сыры́ дуба шатаются,—
Слонятся, шатаются два бога́тыря
На того ли на Данилу на Денисьича,

Его родной брат Никита Денисьевич
И названой брат Добрыня Никитович.
Тут заплакал Данила горючьми слезми:
«Уж и вправду, знать, на меня господь прогневался,
Володимир-князь на удалого осе́рдился».
Тут возговорит Данила Денисьевич:
«Еще где это слыхано, где видано,—
Брат на брата со боём идет!»
Берет Данила сво востро́ копье,
Тупым концом втыкат во сыру землю,
А на вострый конец сам упал.
Спорол сее Данила груди белые,
Покрыл сее Денисьич очи ясные.
Подъезжали к нему два бога́тыря,
Заплакали об нем горючьми слезми.
Поплакамши, назад воротилися,
Сказали князю Володимиру:
«Не стало Данилы,
Что того ли уда́лого Денисьича».

Тут сбирает Володимир поезд-от,
Садился в колёсычку во зо́лоту,
Поехали ко городу Чернигову.
Приехали ко двору ко Данилину,
Восходят во терем Василисин-от,
Целовал ее Володимир во саха́рные уста.
Возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Не целуй меня в уста во кро́вавы
Без мово друга Данилы Денисьича».
Тут возговорит Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!
Наряжайся ты в платье светное,
В платье светное подвенешное».
Наряжалась она в платье светное,
Взяла с собой булатной нож.
Поехали ко городу ко Кееву,
Поверсталися супротив лугов Леванидовых,
Тут возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Пусти меня проститься с милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичом».
Посылал он с ней двух бога́тырей.


Ф И Н Л Я Н Д И Я
Кольский п
Кандалакшская губа
Терски
Белое
Соловецкие о-ва
Двинская губа
Онежская губа
оз. Куйто
р. Кемь
оз. Выгозеро
ОНЕГА
оз. Сегозеро
р. Выг
р. Онега
р. Суна
ПОВЕНЕЦ
Толвуй
р. Шуя
оз. Водлозеро
КИЖИ
оз. Кенозеро
ПЕТРОЗАВОДСК
Онежское оз.
Пудога
р. Водла
КАРГОПОЛЬ
Ладожское озеро
р. Свирь
оз. Лача
р. Паша
р. Оять
р. Кема
оз. Воже
Белое озеро


Й БЕРЕГ
МОРЕ
Мезенская губа
Зимний берег
Чеiская губа
ВЕЛИКАЯ ВИСКА
р. Печора
ДОЛГОЩЕЛЬЕ
МЕЗЕНЬ
АЗОПОЛЬЕ
УСТЬ-ЦИЛЬМА
р. Кулой
АРХАНГЕЛЬСК
р. Мезень
р. Пинега
р. Вашка
р. Сев. Двина
ШЕНКУРСК
р. Вага
КАРТА-СХЕМА
БЫТОВАНИЯ БЫЛИН НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX–XX вв.
Основные районы бытования былин

Подходила Василиса ко милу́ дружку,
Поклонилась она Даниле Денисьичу,
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговорит она двум бога́тырям:
«Ох вы гой естя, мое вы два бога́тыря!
Вы подите скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичом».
Берет Василиса свой булатной нож,
Спорола сее Василисушка груди белые,
Покрыла сее Василиса очи ясные.
Заплакали по ней два бога́тыря,
Пошли они ко князю Володимиру:
«Уж ты батюшка Володимир-князь!
Не стало нашой матушки Василисы Никуличны.
Перед смертью она нам промолыла:
«Ох вы гой естя, мое вы два богатыря!
Вы подите скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту́ полю,
По чисту́ полю со милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичом“».

Приехал Володимир во Кеев-град,
Выпущал Илью Муромца из погреба,
Целовал ёго в головку, во темечко:
«Правду сказал ты, старо́й казак,
Старой казак Илья Муромец!»
Жаловал ёго шубой соболиною,
А Мишатке пожаловал смолы котел.

ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

Как за славныим было да синём море́м,
У славного царя у Василья у Окульевича,
А у него-то было заведено столованьице
На всих на князей да на бо́яров,
На всих на могучих бога́тырей,
На всих поле́ниц удалыих.
А ще вси-то на пиру да наедалися,
Вси-то на пиру да напивалися,
А ще вси-то на пиру да порасхвастались:

А умный-то похвастал отцом, маменькой,
А безумный-то — молодой женой,
А кто-то — кони́ма добрыма,
А ины́й-то — платьима цве́тныма.
С-за того пиру да за почёстного,
С-за того ли стола за дубового
Как выходит-то прекрасный царь
Василий да Окульевич,
Уж он бьет челом да поклоняется:
«Вси вы, князи мои да бояра,
Вси вы, сильные могучие богатыри,
Вси вы на пиру да принакормлены,
Вси вы на пиру да принапоены,
А ще вси вы на пиру да й пожененены,—
А я один у вас холост-неженат.
Вы найдите-ка мне супротивную,
Чтобы станечком была до ровнёшенька,
И ростом бы была да высокёшенька,
Чтобы телом была да снегу белого,
А очи-то у нее да ясна сокола,
А брови-то у нее черна соболя,
Волосо́м-то желта, да умом сверстна».
С-за того ли из-за пиру да почёстного,
С-за стола ли того да со дубового
Как выходит вор Ивашка он Поваренин,
Он бьет челом да царю да поклоняется:
«Прекрасный царь Василий да Окульевич!
Я-то теби знаю супротивную.
Есть у царя Соло́мана царица Солома́ния,—
Она станичком да тут ровнёшенька,
Она ростом тут да высокёшенька,
А тело-то у нее да снега белого,
А брови-то у ней да черна соболя,
А очи-то у нёй да ясна сокола,
Волосом желта, да и умом сверстна».
Как ударил Ивашку по той стороны́,
Как переправил Ивашку по той стороны:
«Ах ты вор, ты Ивашка Поваренин!
Разве можно от жива мужа жену отнять?»
Того Ивашка не пугается,
Бьет челом да поклоняется:
«Прекрасный царь Василий да Окульевич!
Я ведь знаю, как у жива мужа да жену отнять.
Построй ты мне кораблички червленые,

На кораблички посади садичек зеленые,
Поставь туда кроватечку тесовую,
Постели перинушку пуховые,
Клади занавесточки да крусчато́й камки,
А наволечки клади ситцевые,
А сделай грядочки орлёные,
Клади-то птицу райскую,—
Чтобы пела песенки-то да царские,
И поставь-ка питья́ забуду́щие,
И сделай ты дороги подарочки:
Соломо́ну-то — шубу соболиную,
А сорока соболей со куницами,
А царице-то — ка́мочку крусчатую,—
А не дороги́ камочки крусчатые,
Только до́роги узоры-то заморские».
Тут послухал прекрасный царь
Василий Окульевич,
Он построил кораблики червленые,
На кораблички садил садичек зеленыи,
Сделал тут ребьядую бесёдушку,
И поставил кроватку тесовую,
Позастлал перинушки пуховые,
Клал-то занавесточки крусчатой камки,
Наволочики-то ситцевые,
Посадил-то тут птицы райские,
Чтобы петь могли песни разны царские,
Наклал-то пи́тьев забудущиих,
И сделал-то разные до́роги подарочки:
Соло́мону — шубу соболиную,
Сорока соболей со куницами,
А царице — камочку крусчатую,—
А не дорога́ камочка крусчатая,
Только до́роги узоры заморские.
А скоро скажется, да тихо деется.
Раздернул белы парусочики,
Полетел Ивашка за синё море.
Как проехал Ивашка за синё море,
Подъехал Ивашка под крут красен бережок,
И подкидывал подмостички дубовые,
Выходил на крут на красен бе́режек,
И подходил к царю да под окошечко,
Закричал-то он громким голосом:
«Ай же ты Соло́мон да Давыдьевич!
Воздай-ка да калике мило́стину,—

Было бы чего калике волочитися,
Было бы чего калике есть да пить».
Пала-то царица Соломания по плечо в окно,—
А Соломана-то дома не случилося,—
Говорит-то Ивашке да таково слово́:
«Ступай-ка, Ивашка, да на высок терём».
Пришел-то Ивашка во высок терём,
Кресты кладет по-писа́ному,
Поклоны-то ведет по-ученому,
А царице Соломании в особину:
«Здравствуй, царица Соломания,
Я привез-то до́роги подарочки:
Соломону — шубку соболиную,
Сорок соболей со куницами,
А тебе камочку крусчатую,—
А тебе камочка крусчатая недо́рога,
Только дороги узоры-то заморские».
Кормила она Ивашку досыта,
Поила она Ивашку допьяна,
Говорил Ивашка да таково слово:
«Ай же ты царица Соломания!
Сходи-ка ты на насады червленые,
Оцени у меня живот на ко́рабле,
Чтобы было вам и есть, и пить,
Чтобы было вам платить да дани-пошлины».
Тут царица выгово́риет:
«Торгуй ты, Ивашка, хоть год, хоть два,
Торгуй хоть три годы́,
Мне ни дани, ни пошлины не надобно».
Того Ивашка не пытается,
Он бьет челом да поклоняется:
«Не могу быть без дани, без пошлины.
Сходи на насады червленые,—
На тех на насадах червленыих
Оцени товары заморские».
Намылась она белёшенько,
Накрутилась она да хорошохонько,
Пошла она на на́сады червленые,
Начала-то она похаживать,
Начала-то она погуливать,
Увидела питья забудущие,—
Тут царица принапилася,
И увидала кроватки тесовые;
И поют-то птички райские,

И поют-то песни разные царские,—
Она тут на кроватки да и привалилася.
Что поют-то птицы райские,
И поют-то песни разны царские.

Подуло тут пове́терье,
А развернул он тонки белы парусочики,
Полетел Ивашка в свою сторону.
А скоро скажется, да тихо деется.
А середь-то моря царица протрезвилася,
Начала она тут слезно плакати:
«А вор ты, Ивашка Поваренин!
Зачем украл меня, царицу Соломанию?»
Спрого́ворил Ивашка Поваренин:
«Буде бог спасе́т на сине́м мори́,
Выдам я тебя за дру́гого,
За прекрасного царя Василья за Окульевича».

И приехали они за синё море,
Подкатили они сходни дубовые,
Выходили на крут на красен бережек.
Встретает прекрасный царь Василий Окулович,
И брал царицу Соломанию,
Целовал во уста да во саха́рные.
Сходили они и во божью́ церко́вь,
Приняли они золоты венцы,
Жили в совете, в любови ровно три года́.

Туто Соломан царь Давидович
Собирал свою силушку великую,—
Кони, люди как крылатые,
Собрал он силушку несметную,
Полетел он за славно синё морё.
Прилетели они за синё морё,
Оставил он силушку по край моря́,
И пошел-то, силу понаказывал:
«Ах ты моя силушка великая!
Как я первый раз трублю во турий рог —
Вы уздайте-ка, седлайте добры́х коней;
Как второй раз струблю во турий рог —
Вы садитесь на добрых коней;
Как в третий раз струблю во тури́й рог —
Приезжайте далече во чисто полё».
И сам пришел к царю да под окошечко,

Закричал он громким голосом:
«Ай же ты прекрасный царь Василий Окульевич!
Воздай-ка мне милостыню,
Чтобы было мне и исть, и пить».
А как прекрасного царя Василия Окульевича
Дома не случилося,
Увидала царица Соломания,
И говорит-то она да таково слово:
«Ступай, Соломан, в высок терём».
Напоила она его допьяна.
«Ай же ты Соломон-царь Давыдьевич!
Скоро приедет прекрасный царь Василь Окульевич.
Поди-ка сядь ко мне да в окова́н ларец.
Скоро приедет прекрасный царь Василь Окульевич».
Сел он с глупым умом да пьяным разумом.
Сретает царица Соломания,
Сретает царя Василь Окульевича:
«Ай же ты прекрасный Василий Окульевич!
Кого мы боялись три годы,
А тот сидит в окован ларце,
Под моей под 〈...〉 под бабьею».

Спроговорит Соломан-царь Василью Окульевичу:
«Ай же ты прекрасный царь Василь Окульевич!
Уж не бей ты меня по-холопьему,
А уж бей ты меня да по-царскому:
Прикажи казнить во чистом поли,
Прикажи поставить столбички точеные,
Прикажи класть грядочку орлёную,
И поставить лестницы клейменые,
И повесить две петельки шелко́вые,
Чтобы знали, что царь царя казнил во чистом поли».
Тут сказала прекрасная Соломания:
«Он и первую петлю́ пройде своей хитростью,
А вторую пройдет своей глупостью».
Тут прекрасный царь Василь Окульевич
Приказал своим слугам верныим
Поставить столбики точеные,
Положить грядочку орлёную,
Поставить лестницу клейменую,
Сделать петельки шелковые.

И повезли Соломана.
«Первую-то керéжку конь везет,
А вторая-то кережка сама идет,
А третью-то кережку быдто черт несет».
Приехали дáлече-далéче во чисто поле,
Спроговорит царица Соломания:
«Ай же ты прекрасный царь Василий Окульевич!
Отпояшься от себя шелков поя́с,
Повесь третью пéтлю шóлкову».
Отпоясала под собой
И повесила третью петлю шолкову.
Испроговорит Соломан-царь Давыдович:
«Ай же ты прекрасный царь Василь Окульевич!
Дай же мне при смерти в тот рог сыграть.
Ты знаешь мое житье юное,—
Что я пас скот в лесу,
И стрелял в гýсей, лебедей,
И перелетных серых малых утушек,
И стрелял я зверей лесóвоих,—
Чтобы все прилетели на царскую смерётушку».
Дал ему прекрасный царь Василь Окульевич
В турий рог протрубить.
Как затрубил — в реках вода застоялася,
Да высокие горы пошаталися,
Сильный пошел ý моря шум великий,
Все птицы, звери заволновалися,
Вси летят на царскую смерётушку.
И второй раз затрубил во турий рог
Соломан-царь,—
И поднялся у моря шум великий,
Вси звери и птицы зрадовáлися,
И скликают друг другу они,
Вси летят на царскую смерётушку.
Как поспешно затрубил и третий раз
Во турий рог Соломан-царь,—
Как налетела тут сила великая,
Которы люди, кони крылатые.

В первую петлю клали Ивашку Поваренина,
Во вторую петлю клáли прекрасного царя
Василья Окульевича.
Тут царица Соломания
Начала слезно плакати:
«Прости меня, Соломан-царь, во той вины».

— «Во первой вины тебя бог простит,—
Что пошла на насады червленые,
Что пила питья забудущие;
И во второй вине тебя бог простит,—
Что уехала к прекрасному царю
Василью свет Окульевичу;
А в третьей вине не могу простить,—
Что посадила меня в окован ларец
И велела казнить далече во чистом поли,
Сделать шелкóвый пояс».
И приказал повесить Соломанию.

И полетел Соломан в свою сторону.

ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

Накануне было праздника Христова дни,
Канун-де честнóго Благовещенья,
Выпадала порошица-де снег а молодой.
По той-де порохе, по белóму по снежку
Да не белый горносталь следы прометывал,—
Ходил-де, гулял ужо купав молодец,
Да нá имя Чурило сын Плёнкович,
Да рони́л ён гвоздочики серебряны́е,
Скобочки позолоченые;
Да вслед ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочики серебряные,
Да тем-де ребята головы́ кормят.
Да загулял-де Чурило ко Бермяты ко высоку теремý,—
Да Бермяты во дому да не случилося,
Да одна Катерина прилучилася.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не белая лебёдушка прокы́чала,—
Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дородний добрый молодец,
Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Пожалуй ко мне во высок терём».
Пришел-де Чурило во высóк терём,
Крест кладет по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
Кланяется да поклоняется

На все четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и в особину.
Да брала Катерина та доску хрустальнюю,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с им во шахматы.
Говорила Катерина та Микулична:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да я тя поиграю — тебя бог простит,
А ты меня поиграешь — тебе сто рублей».
Да первой раз играл Чурило — ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей;
Да другой-де раз играл — да ей другои-де мат давал,
Да взял с Катерины денег двести рублей;
Да третéй-де раз играл — да ей третей-де мат давал,
Да взял с Катерины денег триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальнюю,
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за белые,
Да сама говорила тако̀во слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да я не знаю — играть с тобою во шахматы,
Да я не знаю — глядеть на твою крáсоту,
Да на твои ты на кудри на жéлтые,
На твои ты на перстни злачéные,
Да помешался у мня разум во буйнóй голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де, Чурило, на твою на красотý».
Да вела его во ложню во тéплую,
Да ложились спати во ложни тéплые,
Да на мягку перину на пуховую,
Да начали с Чурилом забавлятися.
Да бы́ла у Бермяты-де девка-чернавка его,
Да ходит она по терему, шурчит да бурчит:
«Хороша ты, Катерина, дочь Микулична!
Еще я пойду к Бермяты, накучу да намучу».
Да того Катерина не пытаючи,
Да во ложне с Чурилом забавляется.

Да пошла-де девка во божьѝ церковь,
Приходит-де девка во божью церковь,
Крест-от кладет и по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
На вси стороны девка поклоняется,
Да хозяину Бермяты-де в особину:

«Ласковой мой хозяйнушко,
Да старыи Бермята сын Васильевич!
Да стоишь ты во церкви богу молишься,
Над собой ты невзгоды-то не ведаёшь,—
Да у тебя в терему есть ужо гость гостит,
Да незваный-де гость, а неприказываной,
Да с твоею-то женою забавляется».
Да говорил-де Бермята таково слово:
«Да правду говоришь, девка,— пожалую,
А нет,— тебе, дуры, срублю голову».
Говорила-де девка таково слово:
«Да мне, сударь, не веришь,— поди сам а досмотри».
Да пошел-де Бермята из божье́й церквы,
Да пришел ко высокому ко терему,
Да застучал во кольцо-де во серебряное,—
Спит Катерина, не пробудится;
Да застучал-де Бермята во второй након —
Да спит Катерина, не пробудится;
Да застучал-де Бермята во трете́й након
Да из-за всей могуты-де богатырские —
Теремы ты все да пошаталися,
Маковки поломалися,
Услышала Катерина та Микулична,
Да выбегала в одной тоненькой рубашечке без пояса,
В однех тоненьких чулочиках без чеботов,
Отпирала Катерина широкие ворота,
Запущала Бермяту Васильевича,
Говорил-де Бермята таково слово:
«Что, Катерина, не снарядна идешь?
Сегодня у нас ведь честной праздничёк,
Честное Христово Благовещеньё».
Да умее Катерина как ответ держать:
«Да ласковой мой хозяйнушко,
Да старыи Бермята сын Васильевич!
Да болит у мня буйна́я голова,
Опущалась болесни́ца ниже пупа и до пояса,
Да во те ли во нижние че́рева,—
Не могу хорошо я обрядитися».
Да пришел-де Бермята во высок терём,
Да увидел-де платье всё Чурилово,
Да шапка, сапоги да всё Чурилово,
Говорил-де Бермята таково слово:
«Да хороша ты, Катерина дочь Микулична!
Да я этоё платье на Чуриле всё видал».

Да умее Катерина как ответ держать:
«Ласковой мой хозяйнушко,
Старыи Бермята сын Васильевич!
Да у моего родимого у брателка
Да ко́нями с Чурилом-то поме́няносе,
Да цве́тным-то платьем побра́таносе».
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да бе́рет-де со стопки саблю вострую,
Да идет-де Бермята в ложню теплую,—
Да увидел Чурила на кровати слоновы́х костей,
На мягкой перины на пуховые:
Да не лучная зорюшка просветила —
Да вострая сабелька прома́хнула;
Да не крущатая жемчужинка скатилася —
Да Чурилова головушка свалилася;
Да белые горох а расстилается —
Да Чурилова кровь и проливается,
Да по той-де по се́реды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяются.
Да услышала Катерина та Микулична,
Да брала два ножа она, два вострые,
Становила ножи че́ренем во сыру землю,
Да разбегалась на ножики на вострые
Да своею она грудью белою,
Да подрезала жи́лиё ходячеё,
Да выпустила кровь и ту горячую.

Да погинуло две головушки,
Да что хорошие го́ловы, не лучшие.
Да старые Бермята сын Васильевич
Да дождался Христова воскресенье,
Да пропустил-де он неделю ту он светлую,—
Старую девку-чернавушку
Да берет е́ю за правую за рученку,
Да сводил-де девку во божью церковь,
Да принял с девкой золотые венцы,
Да стал жить-быть да век коротати.
Да мы с той поры Бермяту в старинах скажём,
Да премладого Чурила сына Плёнковича.

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

САДКО

А как ведь во славноём в Новеграде
А й как был Садке да гусельщик-от,
А й как не было много несчётной золотой казны,
А й как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на честны́х пирах.
А й как тут на́д Садком топерь да случилося,—
Не зовут Садка уж целый день да на почестен пир,
А й не зовут как другой день на почестен пир,
А й как третий день не зовут да на почестен пир.
А й как Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке да ко Ильме́нь он ко озеру,
А й садился он на синь на горюч камень,
А й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.
А й по вечеру́ как по поздному
А й волна уж в озере́ как сходилася,
А как ведь вода с песком топерь смутилася,
А й устрашился Садке топеречку да сидети он,
Одолел как Садка страх топерь великий,
А й пошел вон Садке да от озера,
А й пошел Садке как во Новгород.
А опять как прошла топерь тёмна ночь,
А й опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
А й как третий-то день не зовут на почестен пир,
А й как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке ко Ильмень да он ко озеру,
А й садился он опять на синь да на горюч камень

У Ильмень да он у озера,
А й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
А й как по вечеру опять как по поздному
А й волна уж как в озере сходилася,
А й как вода с песком топерь смутилася,
А й устрашился опять Садке да Новгородскии,
Одолел Садка уж как страх топерь великии.
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Новгород.
А й как тут опять над ним да случилося,
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
А й как тут опять другой день не зовут Садка да на почестен пир,
А й как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
А й опять Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А й как он садился на синь горюч камень да об озеро,
А й как начал играть во гусли во яровчаты,
А й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася.
А тут осмелился как Садке да Новгородскии
А сидеть играть как он об озеро.
А й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садке да Новгородскии!
А спотешил нас топерь да ты во озере,
А у мня было да как во озере,
А й как у мня столованье да почестен пир,
А й как всех развеселил у мня да на честном пиру
А й любезныих да гостей моих.
А й как я не знаю топерь, Садка тебя да чем пожаловать.
А ступай, Садке, топеря да во свой во Новгород,—
А й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
А й как будет у купца столованьё — почестен пир,
А й как много будет купцей на пиру, много новгородскиих,
А й как будут все на пиру да напиватися,
Будут все на пиру да наедатися,
А й как будут все похвальбами теперь да похвалятися.
А й кто чим будет топерь да хвастати,
А й кто чим будет топерь да похвалятися,—

А иной как будет хвастати да несчётной золотой казной,
А как иной будет хвастать добрым конем,
Иной буде хвастать силой-удачей молодецкою,
А иной буде хвастать мóлодый молодечеством,
А как умной-разумной да буде хвастати
Старым батюшком, старой матушкой,
А й безумный дурак да буде хвастати
А й своей он как молодой женой.
А ты, Садке, да похвастай-ка:
«А я знаю, что во Ильмень да во озере
А что есте рыба-то перья золотые ведь».
А как будут купцы да богатые
А с тобой да будут споровать,
А что нету рыбы такою ведь,
А что топерь да золотыи ведь,—
А ты с нима бей о залог топерь великии,
Залагай свою буйную да голову,
А как с них выряжай топерь
А как лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима да товарамы.
А потом свяжите невод да шéлковой,
Приезжайте вы ловить да во Ильмень во озеро,
А закиньте три тонѝ во Ильмень да во озере,
А я в кажну тоню дам топерь по рыбины
Уж как перья золотые ведь.
А й получишь лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима ведь товарамы,
А й потом будешь ты купец Садке как новгородскии,
А купец будешь богатыи».
А й пошел Садке во свой да как во Новгород.

А й как ведь да на другой день
А как пóзвали Садка да на почестен пир
А й к купцу да богатому.
А й как тут да много сбиралося
А й к купцу да на почестен пир
А купцей как богатыих новгородскиих.
А й как все топерь на пиру напивалися,
А й как все на пиру да наедалися,
А й похвальбами все похвалялися.
А кто чем уж как теперь да хвастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А ѝной хвастае как несчётной золотой казной,

А иной хвастае да добрым конём,
А иной хвастае силой-удачей молодецкою,
А й как умной топерь уж как хвастает
А й старым батюшком, старой матушкой,
А й безумной дурак уж как хвастает,
А й как хвастае да как своей молодой женой.
А сидит Садке как ничим да он не хвастает,
А сидит Садке как ничим он не похваляется.
А й как тут сидят купцы богатые новгородские,
А й как говорят Садку таковы слова:
«А что же, Садке, сидишь, ничим же ты не хвастаешь,
Что ничим, Садке, да ты не похваляешься?»
А й говорит Садке таковы слова:
«Ай же вы купцы богатые новгородские!
А й как чим мне, Садку, топерь хвастати,
А как чем-то Садку похвалятися?
А нету у мня много несчётной золотой казны,
А нету у мня как прекрасной молодой жены;
А как мне, Садку, только есть одным да мне похвастати —
Во Ильмень да как во озере
А есте рыба как перья золотые ведь».
А й как тут купцы богатые новгородские
А й начали с ним да оны споровать,
Во Ильмень да что во озере
А нету рыбы такою что,
Чтобы были перья золотые ведь.
А й как говорил Садке Новгородскии:
«Дак заложу я свою буйную головушку,—
Боле заложить да у мня нечего».
А оны говоря:
«Мы заложим в ряду да во гостиноём
Шесть купцей, шесть богатыих».
А залагали ведь как по лавочке
С дорогима да с товарамы.
А й тут после этого а связали невод шелковой,
А й поехали ловить как в Ильмень да как в озеро,
А й закидывали тоню во Ильмень да ведь во озере,
А рыбу уж как добыли перья золотые ведь;
А й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озере,
А й как добыли другую рыбину перья золотые ведь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озере,
А й как добыли уж как рыбинку перья золотые ведь.

А топерь как купцы да новгородские богатые
А й как видят — делать да нечего,
А й как вышло правильнё, как говорил Садке да Новгородскии,
А й как отперлись ёны да от лавочок
А в ряду да во гостиноём,
А й с дорогима ведь с товарамы.
А й как тут получил Садке да Новгородскии
А й в ряду во гостиноём
А шесть уж как лавочок с дорогима он товарамы,
А й записался Садке в купцы да в новгородские,
А й как стал топерь Садке купец богатыи.

А как стал торговать Садке да топеречку
В своем да он во городе,
А й как стал ездить Садке торговать да по всем местам,
А й по прочим городам да он по дальниим,
А й как стал получать барыши да он великие.

А й как тут да после этого
А женился как Садке-купец новгородскии богатыи,
А еще как Садке после этого
А й как выстроил он палаты белокаменны,
А й как сделал Садке да в своих он палатушках,
А й как обделал в теремах всё да по-небесному:
А й как на небе пекет да красное уж солнышко —
В теремах у его пекет да красно солнышко;
А й как на небе светит млад да светёл месяц —
У его в теремах да млад светёл месяц;
А й как на небе пекут да звезды частые —
А у его в теремах пекут да звезды частые.
А й как всем изукрасил Садке свои палаты белокаменны.

А й топерь как ведь после этого
А й сбирал Садке столованьё да почестен пир,
А й как всех своих купцей богатыих новгородских,
А й как всех-то господ он своих новгородскиих,
А й как он еще настоятелей своих да новгородскиих,—
А й как были настоятели новгородские,
А й Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;
А еще как сбирал-то он всих мужиков новгородскиих.

А й как повел Садке столованьё — почестен пир богатыи,
А топерь как все у Садка на честно́м пиру,
А й как все у Садка да напивалися,
А й как все у Садка топерь да наедалися,
А й похвальбами-то все да похвалялися,—
А й кто чим на пиру уж как хвастает,
А й кто чем на пиру похваляется:
А иной как хвастае несчётной золотой казной,
А иной хвастае как добрым конем,
А иной хваста силой могучею богатырскою,
А иной хвастае славным отечеством,
А иной хвастат молодым да молодечеством;
А как умной-разумной как хвастает
Старым батюшком да старой матушкой,
А й безумный дурак уж как хвастает
А й своёй да молодой женой.
А й как ведь Садке по палатушкам он похаживат,
А й Садке ли-то сам да выговариват:
«Ай же вы купцы новгородские вы богатые,
Ай же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как вси вы на честном пиру,
А вси вы у мня как пьяны, веселы,
А как вси на пиру напивалися,
А й как все на пиру да наедалися,
А й похвальбами все вы похвалялися.
А й кто чим у вас топерь хвастае:
А иной хвастае как былицею,
А иной хвастае у вас да небылицею.
А как чем буде мне, Садку, топерь похвастати?
А й у мня, у Садка Новгородского,
А золота у мня топерь не тощится,
А цветное платьице у мня топерь не дёржится,
А й дружинушка хоробрая не изменяется;
А столько мне, Садку, буде́ похвастати
А й своёй мне несчётной золотой казной,—
А й на свою я несчётну золоту казну
А й повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы товары я, добрые:
А что не буде боле товаров в продаже во городе».
А й как ставали тут настоятели ведь новгородские,
А й Фома да Назарьев ведь,

А Лука да Зиновьев ведь,
А й как тут ставали да на резвы ноги,
А й как говорили самы ведь да таковы слова:
«Ай же ты Садке-купец богатый новгородскии!
А о чем ли о многом бьешь с намы о велик заклад,—
Ежели выкупишь товары новгородские,
А й худы товары все, добрые,
Чтобы не было в продаже товаров да во городе?»
А й говорил Садке им наместо таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородские!
А сколько угодно у мня хватит заложить бессчётной золотой казны».
А й говоря настоятели наместо новгородские:
«Ай же ты Садке да Новгородскии!
А хошь — ударь с намы ты о тридцати о тысячах!»
А ударил Садке о тридцати да ведь о тысячах.
А й как все со честного пиру разъезжалися,
А й как все со честного пиру разбиралися
А й как по своим домам, по своим местам.
А й как тут Садке-купец богатый новгородскиий,
А й как он на другой день вставал по утру да по ранному,
А й как ведь будил он свою ведь дружинушку хоробрую,
А й давал как он да дружинушке
А й как долюби он бессчётныи золоты казны,
А как спущал он по улицам торговыим,
А й как сам прямо шел во гостиной ряд,—
А й как тут повыкупил он товары новгородские,
А й худы товары все, добрые.
А й ставал как на дру́гой день
Садке-купец богатый новгородскиий,
А й как он будил дружинушку хоробрую,
А й давал уж как долюби бессчётныи золоты казны,
А й как сам прямо шел во гостиной ряд,—
А й как тут много товаров принавезено,
А й как много товаров принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую.
Он повыкупил еще товары новгородские,
А й худы товары все, добрые.
А й на третий день ставал Садке-купец богатый новгородскиий,
А й будил как он да дружинушку хоробрую,
А й давал уж как долюби дружинушке

А й как много несчётной золотой казны,
А й как распущал он дружинушку по улицам торговыим,
А й как сам он прямо шел да во гостиной ряд,—
А й как тут на славу великую новгородскую

А й подоспели как товары ведь московские,
А й как тут принаполнился как гостиной ряд
А й дорогима товарамы ведь московскима.
А й как тут Садке топерь да пораздумался:
«А й как я повыкуплю еще товары все московские,—
А й на тую на славу великую новгородскую
А й подоспеют ведь как товары заморские,
А й как ведь топерь уж как мне, Садку,
А й не выкупить как товаров ведь
Со всёго да со бела свету.

А й как лучше пусть не я да богатее,
А Садке-купец да новгородскиий,—
А й как пусть побогатее меня славный Новгород,
Что не мог не я да повыкупить
А й товаров новгородскиих,
Чтобы не было продажи да во городе.
А лучше отдам я денежок тридцать тысячей,
Залог свой великиий».
А отдавал уж как денежок тридцать тысячей,
Отпирался от залогу да великого.

А потом как построил тридцать ка́раблей,
Тридцать караблей, тридцать че́рныих,
А й как ведь свалил он товары новгородские
А й на черные на карабли,
А й поехал торговать купец богатый новгородскиий
А й как на своих на черных на караблях.
А поехал он да по Волхову,
А й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
А й как со Невы-реки как выехал на синё морё.

А й как ехал он по синю́ морю,
А й как тут воротил он в Золоту Орду.
А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й получал он барыши топерь великие,
А й как насыпал он бочки ведь сороковки ты
А й как красного золота,

А й насыпал он много бочек да чистого серебра,
А еще насыпал он много бочек мелкого он, крупного
скатнего жемчугу.

А как потом поехал он с-за Золотой Орды,
А й как выехал топеречку опять да на синё море,—
А й как на синем море устоялися да черны карабли,
А й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А й как ломат черны карабли,
А все с места нейдут черны карабли.
А й воспроговорил Садке-купец богатый
новгородскиий
А й ко своей он дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
А й как сколько ни по морю ездили,—
А мы Морскому царю дани да не плачивали,
А топерь-то дани требует Морской-то царь в синё
морё».
А й тут говорил Садке-купец богатый новгородскиий:
«Ай же ты дружина хоробрая!
А й возьмите-тко вы мечи-тко в синё море
А й как бочку-сороковку красного золота».
А й как тут дружинушка да хоробрая
А й как брали бочку-сороковку красного золота,
А мётáли бочку в синё морё,—
А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й ломат черны карабли да на синём мори,
Всё нейдут с места карабли да на синём мори.
А й опять воспроговорил Садке-купец богатый
новгородскиий
А й своей как дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
А видно, мало этой дани царю Морскому в синё морё.
А й возьмите-тко, вы мечи-тко в синё морё
А й как другую ведь бочку — чистого серебра».
А й как тут дружинушка хоробрая
А кидали как дрýгую бочку в синё морё
А как чистого да серебра,—
А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й ломат черны карабли да на синём мори,
А всё нейдут с места карабли да на синём мори.
А й как тут говорил Садке-купец богатый
новгородскиий
А й как своёй он дружинушке хоробрыи:

«Ай же ты дружина хоробрая!
А видно, этой мало как дани в синё море.
А берите-тко третью бочку — да крупного, мелкого скатнего жемчугу,
А кидайте-тко бочку в синё морё».
А как тут дружина хоробрая
А й как брали бочку крупного, мелкого скатнего жемчугу,
А кидали бочку в синё морё,—
А й как все на синём мори стоят да черны карабли,
А волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й как все ломат черны карабли,
А й все с места нейдут да черны карабли.
А й как тут говорил Садке-купец богатый новгородскиий
А своёй как дружинушке он хоробрыи:
«Ай же ты любезная как дружинушка да хоробрая!
А видно, Морской-то царь требуе как живой головы у нас в синё морё.
Ай же ты дружина хоробрая!
А й возьмите-тко уж как делайте
А й да жеребья да себе волжаны,
А й как всяк свои и́мена вы пишите на жéребьи,
А спущайте жеребья на синё морё;
А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото.
А й как спустим жеребья топерь мы на синё морё,
А й как чей у нас жеребей топерь да ко дну пойдет,
А тому идти как у нас да в синё морё».
А у всёй как дружины хоробрыи
А й жеребья топерь гоголём пловут,
А й у Садка-купца, гостя богатого, да ключом на дно.
А й говорил Садке таковы слова:
«А й как эты жеребьи есть неправильни.
А й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
А я сделаю жеребей да дубовыи,
А й как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
А й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
А й как чей у нас жеребей да ко дну пойдет,
А тому как у нас идти да в синё морё».
А й как вся тут дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья на синё морё.
А й у всёй как у дружинушки хоробрыи
А й как все жеребья как топерь да гоголём пловут,
А Садков как жеребей да топерь ключом на дно.

А й опять говорил Садке да таковы слова:
«А й как эты жеребьи есть неправильни.
Ай же ты дружина хоробрая!
А й как делайте вы как жеребьи дубовые,
А й как сделаю я жеребей липовой,
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спущать уж как будем жеребья мы на синё морё,—
А топерь как в остатниих
Как чей топерь жеребей ко дну пойдет,
А й тому как идти у нас да в синё морё».
А й как тут вся дружина хоробрая
А й как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовой.
А й как всяк свои имена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья на синё морё.
А у всёй дружинушки ведь хоробрыей
А й жеребья топерь гоголем плывут да на синём мори,
А й у Садка-купца богатого новгородского ключом на дно.
А й как тут говорил Садке таковы слова:
«А й как видно, Садку да делать топерь нечего,
А й самого Садка требует царь Морской да в синё морё.
Ай же ты дружинушка моя да хоробрая, любезная!
А й возьмите-тко, вы несите-тко
А й мою как чернильницу вы вальячную,
А й несите-тко как перо лебединоё,
А й несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовыи».
А й как тут дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
А й несли как перо лебединоё,
А й несли как лист-бумагу как гербовую.
А й как тут Садке-купец богатый новгородскиий
А садился ён на ременчат стул
А к тому он столику ко дубовому,
А й как начал он именьица своего да он отписывать:
А как отписывал он именья по божьим церквам,
А й как много отписывал он именья нищей братии,
А как ино именьицо он отписывал да молодой жены,
А й достальнеё именье отписывал дружины он хоробрыей.
А й как сам потом заплакал ён,
Говорил ён как дружинушке хоробрыей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!

А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,—
А что мне свалиться, Садку, мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори».
А й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакал горько, прощался ён с дружинушкой хороброю,
А й прощался ён топеречку со всим да со белым светом,
А й как он топеречку как прощался ведь
А со своим он со Но́вым со городом,
А потом свалился на́ доску он на дубовую,
А й понесло как Садка на доске да по синю морю.
А й как тут побежали черны ты карабли,—
А й как будто полетели черны вороны.

А й как тут остался топерь Садке да на синём мори,
А й как ведь со страху великого
А заснул Садке на той доске на дубовыи,
А как ведь проснулся Садке-купец богатыи новгородскиий
А и в Окиян-мори да на самом дни,
А увидел — скрозь воду пекет красно солнышко,
А как ведь очудилась возле палата белокаменна,
А заходил как он в палату белокаменну,
А й сидит топерь как во палатушках
А й как царь-то Морской топерь на стуле ведь,
А й говорил царь-то Морской таковы слова:
«А й как здравствуйте, купец богатыи,
Садке да Новгородскиий!
А как сколько ни по морю ездил ты,
А й как Морскому царю дани не плачивал в синё морё,
А й топерь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках.
Ах скажут, ты мастёр играть во гусли во яровчаты;
А поиграй-ка мне как в гусли во яровчаты».
А как тут Садке видит — в синем море делать нечего,
Принужон он играть как в гусли во яровчаты.
А й как начал играть Садке во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синём мори.
А от него сколебалося всё сине море,
А сходилася волна да на синём мори,

А й как стал он разбивать много черных караблей да на синём мори,
А й как много стало ведь тонуть народу да в синё морё,
А й как много стало гинуть именьица да в синё морё,
А как топерь на синём мори многи люди добрые,
А й как многи ведь да люди православные,
От желаньица как молятся Миколы да Можайскому,—
А й чтобы повынес Микулай их угодник из синя моря.
А как тут Садка Новгородского как чёснуло в плечо да во правое,
А и как обвернулся назад Садке-купец богатый новгородскиий,—
А стоит как топерь старичок да назади уж как белыи, седатыи,
А й как говорил да старичок таковы слова:
«А й как полно те играть, Садке, во гусли во яровчаты в синём мори».
А й говорит Садке как наместо таковы слова:
«А й топерь у мня не своя воля да в синём мори —
Заставлят как играть меня царь Морской».
А й говорил опять старичок наместо таковы слова:
«А й как ты Садке-купец богатый новгородскиий,
А й как ты струночки повырви-ка,
Как шпенёчики повыломай,
А й как ты скажи топерь царю Морскому ведь:
«А й у мня струн не случилося,
Шпенёчиков у мня не пригодилося,
А й как боле играть у мня не во что».
А тебе скаже как царь Морской:
«А й не угодно ли тебе, Садке, женитися в синем мори
А й на душечке как на красной на девушке?»
А й как ты скажи ему топерь да в синем мори,
А й скажи: «Царь Морской, как воля твоя топерь в синем мори,
А й как что знаешь, то и делай-ка».
А й как он скажет тебе да топеречку:
«А й заутра ты приготовляйся-тко,
А й Садке-купец богатый новгородскиий,
А й выбирай, — как скажет,— ты девицу себе по уму, по разуму».
Так ты смотри — перво триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А ты другое триста́ девиц ты стадо пропусти,

А как третье триста девиц ты стадо пропусти,
А в том стаде на концы на остатнием
А й идет как девица-красавица,
А по фамилии как Чернава-то,—
Так ты эту Чернаву-то бери в замужество,
А й тогда ты, Садке, да счастлив будешь.
А й как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри не твори блуда́ никакого-то
С той девицей со Чернавою,—
Как проснешься тут ты в синем мори,
Так будешь в Нове́граде на крутом кряжу,
А о ту о риченку о Чернаву ту.
А ежели сотворишь как блуд ты в синем мори,
Так ты останешься навеки да в синем мори.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своем да ты во городе,
А й тогда построй ты церковь соборную
Да Николы да Можайскому.
А й как есть я Микола Можайскиий».
А как тут потерялся топерь старичок да седатыий.
А й как тут Садке-купец богатый новгородский в синём мори
А й как струночки он повы́рывал,
Шпенёчики у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся как царь Морской,
Не стал плясать он топерь в синём мори,
А й как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садке-купец богатый новгородскиий,
А й во гусли ведь да во яровчаты?»
А й говорил Садке таковы слова:
«А й топерь струночки как я повырывал,
Шпенёчики я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилося».
А й как говорил царь Морской:
«Не угодно ли тебе женитися, Садке, в синём мори
А й как ведь на душечке на красной да на девушке?»
А й как он наместо ведь говорил ему:
«А й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори».
А й как тут говорил уж царь Морской:
«Ай же ты Садке-купец богатый новгородский!
А й заутра выбирай себе девицу да красавицу

По уму себе да по разуму».
А й как дошло дело до утра ведь до ранного,
А й как стал Садке-купец богатый новгородскиий,
А й как пошел выбирать себе девицы-красавицы,
А й посмотрит — стоит уж как царь Морской.
А й как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо пропустил,
А друго он триста девиц да стадо пропустил,
А й третье он триста девиц да стадо пропустил.
А посмотрит — позади идет девица-красавица,
А й по фамилии что как зовут Чернавою,
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А й как тут говорил царь Морской таковы слова:
«А й как ты умел да женитися, Садке, в синём мори».
А топерь как пошло у них столованье да почестен пир во синём мори.
А й как тут прошло у них столованье да почестен пир,
А как тут ложился спать Садке-купец богатый новгородскиий
А в синём мори он с девицею, с красавицей,
А во спальней он да во теплоей,
А й не творил с нёй блуда никакого, да заснул в сон во крепкии.
А й как проснулся Садке-купец богатый новгородскиий,
Ажно очудился Садке во своем да во городе,
О реку о Чернаву на крутом кряжу,
А й как тут увидел — бежат по Волхову
А свои да черные да карабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синём мори;
А й Садка-купца богатого да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидла дружинушка,
Что стоит Садке на крутом кряжу да о Волхово,—
А й как тут дружинушка вся она расчудовалася,
А й как тому чуду ведь сдивовалася:
«Что оставили мы Садка да на синём мори,
А Садке впереди нас да во своем во городе».

А й как встретил ведь Садке дружинушку хоробрую,
Вси черные тут карабли,

А как топерь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка-купца богатого.
А как он топеречку здоровкался со своею с молодой женой.
А й топерь как он после этого
А й повыгрузил он со караблей
А как всё свое да он именьицо,
А й повыкатил как ён всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь как на свою он на несчётну золоту казну
А й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й как дру́гую церковь сделал пресвятыи Богородицы.
А й топерь как ведь да после этого
А й как начал господу богу он да молитися,
А й о своих грехах да он прощатися.
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
А й как стал проживать во своем да он во городе.

А й топерь как ведь да после этого
А й тому да всему да славы́ поют.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

Жил Буслав в Новегороде,
Жил Буслав девяносто лет,
С Новым-городом не спаривал,
Со Опсковым он не вздоривал,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись, Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевич.

Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрые
Со боярскима детьмы, со княженецкима:
Которого дернет за руку — рука прочь,
Которого за ногу — нога прочь,
Двух-трех вместо столкнет — без души лежат.

Приходят с жалобой от князей Новгородскиих
К пречестной вдовы Мамельфы Тимофеевны:
«Ай же ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева,—
Ходит он по городу, похаживает,
На княженецкий двор он загуливает,
Шутит он шуточки нехорошие
Со тыма детьми со боярскима,
Со боярскима детьмы, княженецкима,
Побивает смертию напрасною».
Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна
Не спускает сына гулять во Новгород,
Шутить шуточек недобрыих.

Будет Василий семнадцати лет,
Обучился Василий наук воинскиих,
Воинских наук и рыцарскиих,
Ощутил в себе силушку великую
И делал себе сбрую ратнюю,
Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
Тугой лук разрывчатый и саблю вострую.
Заводил Василий у себя почестен пир,
Почестен пир на двенадцать дней.
И на пиру было народа множество великое,
Тут Василий вином напоил допьяна,
Хлебом кормил он досыта,
Выбирал себе дружину хоробрую,
Удалыих дородних добрых молодцев,
Избирал тридцать молодцев без единого,
И распустил весь почестен пир.

Был Васильюшка Буславьевич
У князей Новгородскиих на честном пиру,
Напился Василий Буславьевич допьяна,
Напился Василий, порасхвастался,
И ударил о велик заклад
Со трема князьямы Новгородскима —
Выходить на мостик на Волховский
И биться Василью с Новым-городом,
Побить всех мужиков до единого.
Проведала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Про своего сына про Васильюшку,

Что на том пиру ударил о велик заклад,
Выводила своего сына любимого
Со того ли пира княженецкого,
Засадила его во погреба глубокие.
Тогда мужики новгородские
Делали шалыги подорожные,
Поутру выставали ранешенько,
Выступали на мостик на Волховский.
Васильева дружина хоробрая
Выступают сопротиву их.
Оны билися ровно три часа,—
Тыи ль мужики новгородские
Попятили дружину Васильеву,
Была его дружина попячена,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушаками перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
Со того ль двора со вдовиного,
От честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Выбегает девка дворовая,
Дворовая девка-чернявка,
На тую на реку на Волхову
Со своима коромысламы железныма,
И видит девка-чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у них шалыгамы проколочены,
Руки кушаками перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
И хватила коромыселко железное,
И начала пощелкивать мужиков новгородскиих,—
Убила мужиков пятьсот человек.
И потом девка-чернявка побег чинит,
Прибежала девка к погребу глубокому,
Сама говорит таково слово:
«Ай же ты Васильюшка Буславьевич!
Спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,—
На том ли на мостике на Волховском
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушаками перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови».
Тут-то Васильюшко Буславьевич
Молился ей, девке-чернявке:

«Ай же ты девка-чернявка!
Выпусти меня со погреба глубокого,
Дам я тебе золотой казны долюби».
Отпирала она дверь у погреба глубокого,
И выпускала Василья на белый свет.
Не попало у Василья сбруи ратния,
Палицы воинския и копья мурзамецкого,—
У того у погреба глубокого
Лежала ось тележная железная,
Долиною в две сажени печатныих,
А на вес ось та сорока пуд.
Хватает он тую ось железную
На свое плечо богатырское,
Говорит девке-чернявке не с упадкою:
«Благодарствуешь, девка-чернявка,
Что выпустила со погреба глубокого,
Не погубила моей дружины хоробрыя.
Я с тобой опосля рассчитаюся,
А нонь мне недосуг с тобой проклаждатися»
Приходил он ко мостику ко Волховскому,
И видит дружину хоробрую попячену,
Стоит дружина по колен в крови,
Головки шалыгамы прощелканы,
Платкамы руки перевязаны,
И ноги кушакамы переверчены.
Говорит Васильюшка Буславьевич:
«Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мне-ка-ва дайте пообедати».
Становил дружину на сторону,
А сам начал по мужичкам похаживать,
И начал мужичков пощелкивать,
Осью железною помахивать:
Махнет Васильюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Мужиков новгородскиих мало ставится,
Очень редко и мало их.
Видят князья беду неминучую —
Прибьет мужиков Василий Буславьевич,
Не оставит мужиков на семена,—
Приходят князья Новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,

Ко его государыне ко матушке,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уговори, уйми свое чадо милое,
Молода Василья Буслаевича,—
Укротил бы свое сердце богатырское,
Оставил бы мужиков хоть на семена».
Говорит Мамелфа Тимофеевна:
«Не смею я, князья Новгородские,
Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское —
Сделала я вину ему великую,
Засадила его во погреба глубокие.
Есть у моего чада милого
Во том во монастыре во Сергеевом
Крестовый его батюшка Старчище Пилигримище,
Имеет силу нарочитую.
Попросите, князья Новогородские,
Не может ли унять мое чадо милое».
И так князья Новогородские
Приезжают к монастырю ко Сергееву
И просят Старчище Пилигримище,
Со великим просят с унижением:
«Ай же ты Старчище Пилигримище!
Послужи ты нам верой-правдою,
Сходи ты на мостик на Волховский
Ко своему ко сыну крестовому,
Молодому Васильюшке Буславьеву,
Уговори его сердце богатырское,—
Чтобы он оставил побоище,
Не бил бы мужиков новогородскиих,
Оставил бы малую часть на семена».
Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается он, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому,
Одевает Старчище кафтан в сорок пуд,
Колпак на голову полагает в двадцать пуд,
Клюку в руки берет в десять пуд,
И пошел ко мостику ко Волховскому
Со тыма князьмы Новогородскима.
Приходит на мостик на Волховский,
Прямо к ему во ясны́ очи,

И говорит ему таковы слова:
«Ай же ты мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичков хоть на семена».
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты крестный мой батюшка!
Не дал я ти яичка о Христовом дни,
Дам тебе яичка о Петровом дни».
Щелкнул как крестного батюшку
Тою осью железною,
Железною осью сорокапудовою,—
От единого удара Васильева
Крестовому батюшке славу поют.
Тут-то два князя Новогородских,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Приходят к его государыне матушке,
Честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Упроси свое чадо любимое,—
Укротил бы свое сердце богатырское;
Мужичков в Новеграде редко ставится,
Убил он крестового батюшку,
Честного Старчища Пилигримища».
Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Одевала платьица черные,
Одевала шубу соболиную,
Полагала шелом на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимого.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его
И пала на плечи на могучие:
«Ай же ты мое чадо милое,
Молодой Васильюшко Буславьевич!
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичков хоть на семена».
Тут Васильюшка Буславьевич

Опускает свои руки к сырой земле,
Выпадает ось тележная из белых рук
На тую на матерь сыру землю,
И говорит Василий Буславьевич
Своей государыне матушке:
«Ай ты свет сударыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умела унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня,—
А ежели б ты зашла впереди меня,
То не спустил бы тебе, государыне матушке,
Убил бы заместо мужика новгородского».
И тогда Васильюшка Буславьевич
Оставил тое смертное побоище,
Оставил мужиков малу часть,—
А набил тых мужиков, что пройти нельзя.
Тут приходят князья Новогородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
Пали ко Василью в резвы ноги,
Просят Василья во гостебьице,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты Васильюшка Буславьевич!
Прикажи обрать тела убитые,
Предать их матери сырой земле;
Во той ли во реченьке Волхове
На целую на версту на мерную
Вода с кровью смесилася,
Без числа пластина принарублена».
Тут-то Васильюшка Буславьевич
Приказал обрать тела убитые,
Не пошел к им в гостебьице,—
Знал-де за собой замашку великую,
А пошел в свои палаты белокаменны,
Ко своей государыне ко матушке
Со своей дружиной со хороброю.

И жил Васильюшка в праздности,
Излечил дружинушку хоробрую
От тыих от ран кровавых,
И привел дружину в прежнее здравие.

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Не бела березонька к земле клонится,
Не бумажное листьё расстилается,—
Кабы кланялся Василий своей матушке,
Он бы кланялся е да во резвы ноги,
Да сам говорил да таковы речи:
«Ты свет государына моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дай благословенье мне великое,
Мне велико благословенье, вековечное,
Со буйной-то главы да до сырой земли,—
Мне ехать, Василью, в Ерасáлим-град,
Свезти положеньицо немалое,
Мне немало положеньё — сорок тысячей».
Говорит государына его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Ты свет мое чадо нонче милоё,
Ты бладой Василий сын Буслаевич!
'Ерусалим-град — дороженька не ближное,—
Кривой ездой ехать ровно три годы,
Прямой ездой ехать нынь три месяца,
На прямоезжой дорожке есть субой быстёр,
Субой-от быстёр, дак есть разбой велик».
Говорит государына его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Кому дýмно спасаться, дак можно здесь спастись,
Туда много добрых молодцов ведь уж хаживало,
Назад молодцы не ворочались».
Он кланялся, Василий, ей во втóрой раз:
«Ты свет государына моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дай благословенье мне великое,
Великое благословеньицо, вековечное,
С буйноёй главы да до сырой земли,—
Мне ехать, Василью, в Ерасалим-град,
Святоей святыне помолитися,
Ко господней гробнице приложитися.
У мня с молоду быто бито-граблено,
Под старость ту надо душа спасти.
Нас тридесять удалых добрых молодцов,
Субой-от быстёр — дак мы пéрегребем,
Разбой-от велик — дак мы поклонимся».

Говорит-то Васильева матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Кому думно спастися, можно здесь спастись».
Он кланялся, Василий, во третей након:
«Ты свет государына моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дашь — я поеду, и не дашь — я поеду,
Не отстать мне-ка 'дружинушки хоробоей,
Мне 'тридесять удалых добрых молодцов».
Говорит государына его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Как будь благословеньё великоё
На бладом на чаде на Василие,
Тебе ехать, Василью, в Еросалим-град,
Святоей святыне помолитися,
Ко господней гробнице приложитися,
Свезти положенье немалое,
Немало положеньё — сорок тысячей».
Да стал-то Василий снаряжатися,
Сын Буслаевич стал да сподоблетися,
Испостроил Василий нов черлён карабь,—
Да нос-де, корма да по-звериному,
Да хоботы мечёт по-змеиному,
Дерёва были у карабля кипарисные,
Оснасточка у карабля бела шелкова,
Не здешнего шелку, шемахинского,
Паруса были у карабля белополо́тняны,
Как флюгарочка была на карабли позолочена,
Как цена этой флюгарочке пятьдесят рублей,
Якоря были у карабля булатные,
Место очей было у карабля положено
По тому жо по камешку самоцветному,
Место бровей было у карабля положено
По тому жо по соболю по черному,
Не по здешнему соболю — по сибирскому,
Место ресниц было у карабля положено
По тому по бобру да нынь по сизому,
Не по здешнему бобру — по закаменскому.

Пошел-то Василий на черлен карабь,
Со всёй своей дружинушкой хоробою,
Обирали-то сходенки дубовые,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,

Вынимали-то якоря булатные,
Подымали тонки парусы полотняны.
Фома-то толстой тот на кормы стоит,
А Костя Микитич на носу стоит,
Потому-де Потаня окол парусов,
Горазд был Потаня по снастям ходить.

Они долго ли бежали нынь, коротко ли,
Подбежали под гору Сорочинскую,
Выходил-то Василий на черлен карабь,
Он здрил-смотрел, Вася, на круту гору,
Увидал Василий нынь чуден крест,
Говорит-то Василий сын Буслаевич,
Говорит-то Василий таковы речи:
«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалых добрых молодцев!
Опускайте вы паруса полотняны,
Помечите-тко вы якори булатные,
Кладите-тко сходни концом на берег,—
Мы выйдем-ка, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту богу помолимся».
Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотняны,
Пометали-то якори булатные,
Поклали-то сходни концом на берег.
Кабы вышол Василий на крут бережок,
Пошел-то Василий по крутой горы,
Не нашел-то Василий нынь чудна креста,
Нашел Василий только сухую кость,
Суху голову, кость человеческу,
Он пнул ей, Василий, правою ногой,
Говорит голова, кость человеческа:
«Не попинывай, Василий, меня, сухую кость,
Суху голову, кость человеческу,—
Да был молодец я не в твою пору,
Не в твою пору, да не в твою ровню,
Как убила сорочина долгополая,
Как та жо ли чудь да двоёглазая.
Не бывать тебе, Василью, на святой Руси,
Не видать тебе, Василий, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
Он ведь плюнул-то, Василий, сам чурается:
«Себе ты спала, да себе видела».

Он пнул ей, Василий, во второй раз:
«Ужли, голова, в тебе враг мутит,
’Тебе враг-от мутит, да в тебе бес говорит?»
Говорит голова-то человеческа:
«Не враг-от мутит, мне не бес говорит,—
Я себе-то спала, да тебе видела:
Лежать тебе, Василью, со мной в едином гробу,
Во едином гробу, да по праву руку».
Пошел-то Василий на черлён карабь.
Пришел-то Василий на черлен карабь,
Обирали-то сходенки дубовые,
Вынимали-то якори булатные,
Подымали-то паруса полотняны,
Побежали они да в Еросалим-град.

Заходили-то в галань корабельнюю,
Опущали тонки парусы полотняны,
Пометали-то якори булатные,
Поклали-то сходни концом на землю,
Пошли-то они да в Еросалим-град,
Заходили они во церковь божию,
Да господу богу помолилися,
Ко господней гробнице приложилися.
Положил Василий положеньицо,
Немало положеньё — сорок тысячей,
Пошел-то Василий ко Ёрдан-реки,
Скинывал-то Василий цветно платьицо,
Спускался Василий во Ёрдан-реку.
Приходит жона да старома́тера,
Говорила сама да таковы речи:
«Ты ой есь, Василий сын Буслаевич!
У нас во Ёрдан-реки не купаются,
Как только в Ёрдан-реки помоются —
Купался в Ёрдан-реки сам ведь Сус Христос.
Не бывать тебе, Василий, на святой Руси,
Не видать тебе родимой своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
Он ведь плюётся, Василий, сам чурается:
«Себе же ты спала, да себе видела».
Говорит-то жона да староматера:
«Себе я спала, тебе видела».
Выходил-то Василий из Ёрдан-реки,
Надевал-то Василий цветно платьицо,

Пошел-то Василий на черлен карабь.
Зашел-то Василий на черлен карабь
Со всёй своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовые,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якори булатные,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали-то они да во свое царство.

Они долго ли бежали нынь, коротко ли,
Подбегали под гору Сорочинскую,
Выходил-то Василий на черлен карабь,
Он здрит-смотрит на вси стороны.
Как увидел Василий нынь чуден крест,
Говорит-то Василий таковы речи:
«Вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Уж мы выйдём-ка, братцы, на круту гору,
Уж мы чудному кресту богу помолимся».
Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотняны,
Метали якоря они булатные,
Они вышли нынь, братцы, на круту гору,
Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сер горюч камень,
В ширину-то камень тридцать локот,
В долину-то камень да сорок локот,
Вышина его, у камешка, ведь трех локот.
Говорит-то Василий сын Буслаевич:
«Вы ой моя дружинушка хоробрая!
Мы станем скакать через камешок,—
Вперед-от мы скочим, назад о́тскочим;
Один у нас Потанюшка есь маленькой,
Кабы маленькой Потанюшка, хроменькой,—
Вперед ему скочить, назад не отскочить».
Скакали они-де через камешок,
Вперед-то скочили, назад отскочили.
Говорит-то Василий сын Буслаевич:
«Не чёсть-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будёт богатырская —
Мы станём скакать да вдоль по камешку,
Мы вперед-то скочим, назад отскочим;

Один у нас Потанюшка есть хроменькой —
Вперед ему скочить, назад не отскочить».
Скакали они да вдоль по камешку,
Вперед-от скочили, назад отскочили,
Скочил Василий сын Буслаевич,
Да пал-то Василий грудью белою,
Да пал, разломил-то да грудь свою белую.
Поворотится у Василья еще язык в голове:
«Вы ой моя дружинушка хоробрая!
Уж вы сделайте гроб да белодубовой,
Найдите суху кость человеческу,
Положьте-тко кость со мной в единой гроб,
В единой-от гроб да по праву руку».
Они сделали гроб да белодубовой,
Нашли кость, голову человеческу,
Завертели во камочку белу хрущату,
Положили их да во белой гроб,
Закрыли-то их да гробовой доской,
Копали могилу им глубокую,
Спускали в могилу во глубокую,
Засыпали желтым песком сыпучиим,
Поставили во резвы ноги им чуден крест,
На кресте подписали подпись книжную:
«Лежат два удала добра молодца,
Два сильни могучи русски богатыря,—
Да один-от Василий сын Игнатьевич,
Другой-от Василий сын Буслаевич,
Их убила сорочина долгополая,
Да та же ли чудь да двоеглазая».

Пошли-то дружина на черлен карабь,
Обирали-то сходенки дубовые,
Поклали-то сходни вдоль по караблю,
Вынимали-то якори булатные,
Они сняли со дерева флюгарочку,
Как вынели из карабля ясны́ очи,
Как взяли они да черны брови,—
Не стало на карабле хозяина,
Того же Василья Буслаевича.
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали они да во свое царство.

Да втапоры Васильева матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,

Да ждет-то Василия Буслаевича,
Как смотрит она в трубочку подзорную,—
Как бежит из-за́ моря черлен карабь,
Не по-прежнему кораблик, не по-старому,—
Да нету на карабле флюгарочки,
Как нету на карабле ясны́х очей,
Как нету на карабле черных бровей.
Как плачёт Омельфа Тимофеевна,
Она плачёт да горючьми слезьми:
«Видно, нету на кораблике хозяина,
Да блада-то Василия Буслаевича».
Пошла она, Васильева матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
Пошла-то она да во божью церковь,
Служить панафиды нынь почестные
По бладом Василье по Буслаевичу.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ И МАРИНКА КАЙДАЛОВНА

Там ведь был-то, жил князь да во Новéграде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич.
Он задумал-то, Глеб да сын Володьёвич,
Он задумал всё делышко немалоё,
Он немало ведь делышко, великоё —
Нагрузить своих три черного три кáрабля
Дорогима всё разныма товарами.
Он ведь скоро нагрузил да черны карабли.
Потянула-то им пóветерь способная,
Ай способна им поветерь, уносная,—
Он ведь ставил на чернёны на три карабля
Всих он разных-то млáдых корабельщиков.
Они — кажной корабельщик знал всё свой карабь,
Как пошли-то вот они, скоро отправились,
Да пошли-то они всё за синё солонó морё,
Солоно-то всё морё, морё Арапскоё.
Ай во ту ли пору былó, во то время,
Помешалась-то у их да ихна поветерь,
Приутихло всё у их ветёр способноё,
Ай ведь пали-потянули ветры буйные,
Он со вси пал со чётыре со вси стороны:
Со восточну ту пал ведь он, со западну,
Он со севёрну ту пал ведь он, со летную;
Пали ети ветры, всё погода ли,—
Замётало-збросало эти карабли
Как во ту ли-то во землю во татарскую,
Во татарскую во землю, во Арапскую,
Шчо ко той ли к еретице, ко разбойнице,
Шчо ко той ли ко Маринке ко Кайдаловке.

Она тут-то забрала чернёны ти вси карабли;
Якоря-то они спускали в воду — брала пошлину,
Ай мосты они мостили — мостово́ брала,
Засадила всих у их младых матросичков,
На волю́ только спустила трех-то корабельщичков.
Ети ходят корабельщички да сле́зно плачут же,
Слезно плачут-то они да думу думают,
Думу думают они, думу единую,
Говорят-то они да всё в одно слово:
«Нам-то скольки будёт это всё ходить по городу?
Надь писать-то ведь князю Глебу ту Володьёвичу,
Написать-то ведь надь нам скора грамотка».
Написали-то они да скору грамотку,
Он ведь то ёму пишёт про товары всё:
«Еще были дороги́ у нас перчаточки,
Дороги были перчатки из семи шолков,—
Она всё у нас взяла да всё ото́брала.
Своёму она берет эту всё пошлину,
Своёму-то скоплят она да золоту казну
Ай тому ли она другу, другу милому,
Дружку милому дарит-то она пошлину, любимому,
Ай тому ли она старой-то старыньшины,
Ай по имени она да Ильи Муромцу,
Ильи Муромцу она, сыну Ивановичу».
Тут ведь всё они да расписали тут,
Описали своёму князю любимому:
«Заморить она ведь хочёт всё смертью́ голодною,
Еще тех она нашла́ да всё матросичков,
Тут она-то нас-то, добрых молодцов, не посадила нас,—
Хошь не досыта она да нас пойт, кормит».
Нанимали, посылали всё скоры́х гонцей,
Ай скорых они гонцов, чтобы скорёхонько,
Они тех-то всё послов, да посло́в верныих,
Послов верныих они, всё неизменныих,—
Да они ведь говорят да таковы слова:
«Вы приедете к ему, князю, скорёхонько,—
Он не мешкал шчобы́, да князь, ни день, ни два,
Шчо ни день-то он, ни два, шчобы ни полчаса».

Приезжали-то тут они скоры́ послы,—
Ай во ту ведь пору да князь-то Глеб Володьёвич
Он сидит-то за столом, да сидит кушаёт,
Сидит кушаёт за столом, сидит обедаёт.

Недосуг тут князю дообедывать,
Приказал-то им сёдлать да он добра коня,
Он добра коня седлать всё богатырского,
Хорошо-то он велел коня да учесать, да всё угладити;
Он двенадцать ту шелко́выих опружинок застёгивал,
Да не ради красы, я ради крепости,
Да своей-то я для силы богатырскою;
Приговаривал-то князь да Глеб Володьёвич:
«Ты уклад ты мой, не гнись, да ты убор, не рвись,
Ты не ржавей, не темней, да красно золото».
Поезжал-то он скоро, приговаривал:
«Ты беги-беги, скачи скоро́, мой доброй конь,
Ты мой доброй конь, да богатырской мой».
Тут приехал-то князь-от Глеб да свет Володьёвич
Он ко той ли еретице, всё безбожнице,
Он ко той ли ко Маринке ко Кайдаловке.
Увидала-то Маринка всё Кайдаловка,
Еще та всё еретица, всё безбожница,
Она зло-то всё несла на Глеба-то Володьёвича,
Потому она-то несла — да всё ведь думала,
За ёго-то ей хотелось замуж выйти всё,
Замуж выйти ей хотелось, во супружество.
Приезжат-то князь да ко её всё к широку́ двору,
Он кричал-то своим да зычним голосом,
Зычним голосом своим да во всю голову.
Еще тот ли богатырь-князь всё Глеб да свет Володьёвич,
Он ведь тут скоро кричал да во второй након:
«Уж ты гой еси, ты еретица, ты безбожница,
Уж ты та ли Маринка ты Кайдаловка!
Ты подай-подай мои да че́рны карабли,
Ты подай-подай мои товары все ведь разные,
Ты подай-кася, Маринка, ты моих-то всё матросиков,
Подай трех-то ты моих же младых корабельщиков».
Я во ту пору Маринка умывается,
Хорошо она да наряжается:
«Ты возьми-кася, ты Глеб да всё Володьёвич,
Ты возьми-возьми меня да всё в замужество,—
Я отдам тогда чернёны твои карабли,
Я отдам-то трех твоих я корабельщиков,
Я отдам-то всё твоих, твоих матросиков».
Говорил-то тут Глеб да сын Володьёвич:
«Мне не надоть, еретица ты, безбожница,
Еще та ли Маринка ты Кайдаловка».

—«Не отдам тебе я чёрны карабли,
Не отдам тебе младых всё корабельщичков.
Загану-то я тебе, князь, шесть загадок хитромудрыих.
Ты отгадашь мои загадки хитромудрые —
Я тогда-то я тебе да всё отдам твое».
Говорит-то еще Глеб да сын Володьёвич:
«Отгану твои загадки хитромудрые,
Говори-ка про загадки, всё мне сказывай».
— «Шчо перва́-то загадка хитромудрая:
Еще краше-то свету, свету белого?
Шчо друга-то есь загадка хитромудрая:
Еще выше-то лесу, лесу темного?
Шчо третья́-то есь загадка хитромудрая:
Без кореньица она да всё случается?
Ай четверта есь загадка хитромудрая:
Еще чаще, чаще лесу, лесу частого?
Как еще ведь есь-то пята всё загадочка:
Без замочков-то еще же есь загадочка?
Да еще-то есь у нас хитра загадочка:
Шчо у вас-то есь да на святой Руси?
У тебя, князь, это есь у широка двора,—
Ай стоит-то высока́ гора великая,
На горе-то есь ведь кипарис растет всё, дерево,
Как на дереве-то есь да тут соко́л сидит,
Как сокол-от сидит, да он висём сидит».
Говорит-то ведь ей да князь-от всё таки речи:
«Ах ты дура, еретица, всё безбожница!
Не хитры́ твои загадки хитромудрые:
Шчо перва та всё загадка хитромудрая —
Еще краше ведь свету красно солнышко;
Еще выше-то лесу млад светёл месяц,
Еще чаще-то лесу звезды божьи ти,
Без кореньица падут ведь снежки белые,
Без замочков-то течут да речки быстрые;
А гора та у нас есь на святой Руси,
Ай гора та — мой-то богатырской доброй конь,
Кипарисно то деревцо — мое да всё седёлышко,
Ай седёлышко мое да на добро́м кони,
Да сокол-то ведь сидит — ведь я же, доброй молодец,
Я ведь русской сильной-от, могучёй всё бога́тырь-от,
Еще тот ли я князь да Глеб Володьёвич.
Ты отдай теперь мои ведь чёрны карабли».
Отдала она ему скоро-крутёшенько,
Всё крутешенько она да ёму всё его,

Выпускала-то всих-то мла́дых корабельщичков,
Выпускала всих-то младеньких матросиков,
Шчо сама-то говорила таковы слова,
Как стояла на крыльцы паратном всё,
Она кланялась ёму всё до низко́й земли:
«Добро жаловать, ты Глеб да сын Володьёвич,
Ты ко мне-то ты в палаты белокаменны,
Шчо попить-то ты, поись со мной, покушати.
Хоть ты не йдёшь ко мне да во палатушки,
Ты возьми-возьми у мня хоть золоту́ чарку,
Ты возьми-ка у мня-то, у девицы душой красною,
Возьми, душенька князь да Глеб Володьёвич.
Мы тогда-то ведь с тобой будём прощатися,
Мы тогда же с тобой будём расставатися».
Он хотел-то взять-то у ей золоту чарку в белы́ руки,—
Тут ведь доброй ёго конь забил в землю право́й ногой,
Он сплёскал-то у его стакан в правой руки:
Загорела тут матушка сыра земля,
Загорела тут грива лошадиная.
Он хватал скоро свою ту саблю вострую,
Он отсек-то, отрубил да у ей голову.

Они вырубили всих со старого до́ малого,
Не оставили они силы́ на се́мена.
Тут они-то обирали у ей всё красно золото,
Они со́брали у ей, да всё подо́брали,
Уходили на святу ту Русь, да еще в Новгород,
Поживать-то они стали всё по-старому,
Всё по-старому стали, всё по-прежному,
Всё по-прежному стали, по-хорошому.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

В стольнём городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Хороший заве́ден был почестной пир
На многие на князи да на бояра,
Да на сильни могучие богатыри.
Белой день иде ко вечеру,
Да почестной-от пир идет навеселе,
Хорошо государь распотешился,
Да выходил на крылечко перёное,

Зрел-смотрел во чисто полё,—
Да из да́леча-дале́ча поля чистого
Толпа мужиков да появилася,
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они князю жалобу кладут:
«Да солнышко Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Да сегодня у нас на Сароге на реќи
Да неведомые люди появилися —
Да наехала дружина та Чурилова,
Ше́лковы неводы заме́тывали,
Да тетивки были семи шелков,
Да плутивца у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченные,
А рыбу сарогу повыловили,
Нам, государь свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья.
Скажутся-называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася,
Да идут мужики да все ки́евляна,
Да бьют они челом, жалобу кладут:
«Да солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ка на Чурила сына Плёнковича.
Сегодня у нас на тихих заводях
Да неведомые люди появлялися,
Гуся да лебедя да повы́стреляли,
Серу пернату малу утицу,
Нам, государь свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся а называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася,
Идут мужики да все киевляна,
Бьют они челом, жалобу кладут:
«Солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Плёнковича.

Да сегодня у нас во темны́х во лесах
Неведомые люди появилися,
Шелковы те́нета заметывали,
Кунок да лисок повыловили,
Черного сибирского соболя.
Нам, государь свет, улову нет,
Да тебе, государь свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся а называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася —
А и́де молодцов до пяти их сот,
Мо́лодцы на конях одноличные,
Кони под нима́ да однокарие были,
Же́ребцы всё латынские,
Узды, по́вода у их а сорочинские,
Седёлышка были на́ золоте,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкого,
Славного покрою-то немецкого,
Да крепкого шитья-то ярославского.
Скобы, гвоздьё-де были на золоте,
Да ко́жаны на молодцах лосиные,
Да кафтаны на молодцах голу́б скурлат,
Да источниками подпоясаносе,
Колпачки золотые верхи.
Да молодцы на ко́нях быв свечи́-де горят,
А кони под нима быв соколы́-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,
Да стали по Киеву уродствовати,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в сbooмы́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи ты просят со княгинами,
Да бояра ты просят со боярынями,
Да все мужики огородники:
«Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас во городе во Киеве
Да неведомые люди появилися —

Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы-де довели,
Красных девиц а опозорили».
Да говорил туто солнышко Владимир-князь:
«Да глупые вы князи да бо́яра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой посе́личи,
Да я не знаю, Чурило где двором стоит».
Да говорят ему князи и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да мы знаем Чурилову поселичу,
Да мы знаем, Чурило где двором стоит.
Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурила не за Киевом стоит —
Двор у Чурила на Почай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых,
Да около двора да всё булатний тын,
Да ве́реи были всё точе́ные».

Да поднялся князь на Почай на реку,
Да со князьями ты поехал, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми.
Да будет князь на Почай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то ка́ча, сам проговариват:
«Да право мне, не пролгали мне —
Да двор у Чурила на Почай на реки,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых.
Да около двора всё булатний тын,
Да вереи ты были все точёные,
Воротика ты всё были все стекольчатые,
Подворотенки да дорог рыбий зуб».
Да на том дворе-де на Чуриловом
Да стояло теремов до семи до десяти:
Да во которых теремах Чу́рил сам живет —
Да трои сени у Чурила-де косивчатые,
Трои сени у Чурила-де решатчатые,
Да трои сени у Чурила-де стекольчатые.

Да из тех-де из вы́соких из теремов,
На ту ли на улицу падовую
Да выходил туто старыи матёрый человек.
На старом шуба-то соболья была,
Да под до́рогим под зе́леным под ста́метом,
Да пугвицы были вальячные,—
Да вальяк-от литый красна золота;
Да кланяется-поклоняется,
Да сам говорит и таково слово:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да пожалуй-ка, Владимир, во высок терём,
Во высок терём хлеба кушати».
Да говорил Владимир таково слово:
«Да скажи-ка мне, старыи матёрый человек,
Да как тебя да именём зовут,—
Хотя знал, у кого бы хлеба кушати?»
— «Да я Пленко́ да гость Сарожанин,
Да я ведь Чурилов-от есть батюшко».
Да пошел-де Владимир во высок терём,
Да в терём-от идет да всё дивуется —
Да хорошо-де теремы да изукрашены были:
Пол — середа одного серебра,
Печки ты были всё муровле́ные,
Да потики ты были всё серебря́ные,
Да потолок у Чурила из черны́х соболе́й,
На стены сукна навиваны,
На сукна ты стекла набиваны;
Да всё в терему-де по-небесному,
Да вся небесная луна-де принаведена была,
Ино всякие утехи несказа́нные.

Да пир-от идет о полупиру,
Да стол-от идет о полустоле,
Владимир-князь распотешился,
Да вскрыл он окошечка немножечко,
Да поглядел-де во далече чисто́ полё:
Да из далеча-далеча из чиста поля
Да толпа молодцов появилася,—
Да еде молодцов а боле тысящи,
Да середи-то силы ездит купав молоде́ц,
Да на мо́лодце шуба та соболья была
Под дорогим под зеленым под стаметом,
Пугвицы были вальячные,—

Да вальяк-от литый красна золота,
Да по до́рогу яблоку свирскому.
Да едё молодец да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакиваёт,
Из седла в седло перемахиваёт,
Через третьего да на четвертого,
Да вверх копье побрасываёт,
Из ручки в ручку подхватываёт.
Да ехали-приехали на Почай на реку,
Да сила та ушла-де по своим теремам.
Да сказали Чурилы по незнаемых гостей,—
Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары́ мугазенные,
Да брал он сорок сороков че́рных соболёв,
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жалобщиков,
Да побольше того-де челом битчиков,—
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».
Да говорил-де Владимир таково слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да хошь ли идти ко мне во стольники,
Да во стольники ко мне, во чашники?»
Да иной от беды дак откупается,
А Чурило на беду и нарывается,—
Да пошел ко Владимиру во стольники,
Да во стольники к ему, во чашники.

Приехали они ужо во Киев-град,
Да свет государь да Владимир-князь
На хороша́ на нового на стольника —
Да завел государь-де почестной пир.
Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да ходит-де ставит дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями сам потряхиваёт,
Да же́лтые кудри рассыпаются,
А быв скаче́н жемчу́г раскатается.
Прекрасная княгина та Апраксия
Да рушала мясо лебединоё,
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову —
Обрезала да руку белу правую,
Сама говорила таково слово:
«Да не дивуйте-ка вы, жены господские,

Да что обрезала я руку белу правую,—
Да помешался у мня разум во буйно́й голове,
Да помутилися у мня-де очи ясные
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да на его-то кудри на желтые,
Да на его-де на перстни́ злаченые.
Помешался у мня разум во буйной голове,
Да помутились у меня да очи ясные».
Да сама говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу
Не на́ этой а ему службы быть,—
Да быть ему-де во постельниках,
Да стлати ковры да под нас мягкие».
Говорил Владимир таково слово:
«Да суди те бог, княгина, что в любовь ты мне пришла:
Да кабы ты, княгина, не в любовь пришла —
Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,
Что при всех ты господах обесчестила».
Да снял-де Чурила с этой бо́льшины,
Да поставил на большину на и́ную,—
Да во ласковые зазыватели,
Да ходить-де по городу по Киеву,
Да зазывати гостей во почестной пир.

Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да улицми идет, да переулкамы,
Да желтыми кудрями потряхиваёт,
А желтые ты кудри рассыпаются.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову —
Да старицы по кельям онати́ они дерут,
А молодые молодицы с голенища ⟨...⟩,
Красные девки отселья дерут.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову —
Да прекрасная княгина та Апраксия
Да еще говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить:
Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу
Да на этой а ёму службы быть,—
Да быти е́му во постельниках,
Да стлати ковры под нас мягкие».

Да видит Владимир, что беда пришла,
Да говорил-де Чурилу таково слово:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да больше в дом ты мне не надобно,—
Да хоша в Киеве живи, да хоть домой поди».

Да поклон отдал Чурила да и вон пошел,
Да вышел Чурило-то на Киев-град,
Да нанял Чурило там извозчика,
Да уехал Чурило на Почай на реку,
Да и стал жить-быть, а век коро́тати.
Да мы со той поры Чурила в старина́х скажём,
Да отныне сказать а будем до́ веку.
А й диди-диди-дудай — боле вперед не знай!

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из славного города из Галича,
Из Волынь-земли богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сорачины из широки,
Из той Индеи богатые,
Не ясён сокол там проле́тывал,
Да не белой кречетко вон выпорхивал,—
Да проехал удалой дородний доброй молодец,
Молодой боярской Дюк Степанович.
Да на гуся ехал Дюк, на лебедя,
Да на серу пернасту малу утицу.
Да из утра проехал день до вечера,
Да не наехал не́ гуся и не лебедя,
Да не серой пернастой малой утицы,
Да не расстреливал ведь Дюк-от триста стрел,
Да триста стрел, ровно три стрелы.
Головой-то качат, проговариват:
«Да всем-то стрелам я цену знаю,
Только трем стрелам цены не ведаю.
Почему эти стрелы были дороги?
Да потому эти стрелы были дороги —
На три гряночки были стрелы строганы,
Да из той трестиночки заморские;
Да еще не тем стрелы были дороги,
Что на три гряночки были стрелы строганы,
Да тем-де были стрелы дороги —

Перены-де пером были сиза́ орла:
Не того орла сиза орловича,
Да которой летае по святой Руси,
Бьет сорок, ворон, черную галицу,—
Да того-де орла сиза орловича,
Да который летае по синю морю,
Да и бьет-де он гуся да и лебедя
И отлетаёт садится на бел камень,
Щиплет, ронит-де перьица орлиные
Да отмётыват на́ море на синеё;
Мимо едут-де гости-корабельщики
Да развозят те перьица по всем ордам,
По всем ордам, по всем украинам,
Дарят царей, всё царевичёв,
Дарят королей и королевичёв,
Дарят сильных могучих богатырёв;
Да пришли эты перья мне во да́ровях,
Оперил-де я этым пе́рьем три стрелы.
Да еще не тем, братцы, были стрелы дороги,
Что перены-де были перьем сиза орла,
Да тем-де стрелы были дороги —
В нос и в пяты втираны каменья яфонты:
Где стрела та лежит, так от ней луч печет,
Будто в день от красного от солнышка,
Да в ночи-то от светлого от месяца».
Да собирал Дюк стрелы во един колчан.

Да дело-то ведь, братцы, деется:
Да во ту ли во субботу великодённую
Да приехал Дюк во свой Галич-град,
Да ушли ко ве́черни ко христовские,
Да пошел Дюк ко вечерни христовские,
Отстояли вечерню в церкви божьей,
Да выходит-де Дюк из божье́й церквы,
Становился на крылечки перёные.
Да выходит его матушка из божьей церквы,
Да понизешенько Дюк поклоняется
Да желтыма ты кудрями до сырой земли,
Да и сам говорит-то таково слово:
«Государыни ты свет а моя матушка!
Да на всех городах, мать, много бывано,
Да во городе во Киеве не бывано,
Да Владимира-князя, мать, не видано,
Да государыни княгины свет Апраксии.

Дай мне, матушко, прощенье-бласловление —
Съездити во Киев-град,
Повидати солнышка князя Владимира,
Государыню княгину свет Апраксию».
Говорила ему мать да таково слово:
«Да свет ты мое чадо милоё,
Да молодой ты боярской Дюк Степанович!
Да не езди-тко ты ужо во Киев-град,—
Да живут там люди всё лукавые,
Изведут тебя, доброго молодца,
Быв хороша наливного яблока».
Да говорил Дюк матери, ответ держал:
«Да государыни моя ты родна матушка!
Да даси́, мать, прощеньё — поеду я,
И не даси, мать, прощенья — поеду я».
Да давала матушка прощениё,
Да матушкино благословениё,
Давала матушка плётоньку шелковую.
Да поклон отдал Дюк, прочь пошел,
Да ходил на конюшню стоялую,
Да выбирал жёребца себе неезжена,—
Да изо ста брал, да из тысячи,
Да и выбрал себе бурушка косматого:
Да у бурушка шорсточка трех пядей,
Да у бурушка грива была трех локот,
Да и хвост-от у бурушка трех сажён.
Да уздал узду ему течмяную,
Да седлал ён седелышко черкасское,
Да накинул попону пестрядиную,—
Да строчена была попона в три строки:
Да перва́я строка красным золотом,
Да другая строка чистым сéребром,
Да третья строка медью казаркою,—
Да котора-де была казарка медь,
Да подороже ходит злата и серебра.
Да не дорога узда была — в целу тысячу,
Да не дорого седёлко — во две тысячи,
Да попона та была во три тысячи.
Снарядил-де Дюк лошадь богатырскую,
Да отходит прочь, сам посматриват,
Да посматриват Дюк, поговариват:
«Да и конь ли, лошадь, али лютой зверь,
Да с-под наряду добра коня не видети».
Да в торока ты кладет платья цветные,

В торока ты кладет калены стрелы,
Да в торока ты кладет золоту казну.

Да скоро детина забирается,
Забирался-де скоро на коня ли сам сел,
Хорошо-де под ним добрый конь повыскочил,
Через стену маше прямо городовую,
Через высоку башню наугольнюю.
Да хорошо-де пошел в поле добрый конь,
Да мети ты мече он по́ версты,
Да мети ты мече по две версты,
Да по две, по три пяти-де верст.
Да повыше идет дерева жаровчата,
Да пониже иде облака ходячего,
Да он реки, озера между ног пустил,
Да гла́дкие мхи перескакивал,
Да синеё-то море кругом-де нес.
Да налегала на молодца Горынь-змея,
Да о двенадцати зла-де ли о хоботах,
Да и хочет добра коня огнем пожечь.
Да добрый конь у змеи ускакивал,
Да добра молодца у смерти унашивал.
Да налегал тут на молодца лютый зверь,
Да хочет добра коня живком сглотить,
Да со боярским со Дюком со Степановым.
Да доброй конь у зверя́ ускакивал,
Добра молодца у смерти унашивал.
Да налетало на молодца стадо грачев,
Да по-нашему, стадо черных воронов,
Да хотят оны молодца расторгнути.
Да доброй конь у грачёв ускакивал,
Добра молодца у смерти унашивал.

Да й те заставы Дюк проехал вси,
Да на заставу приехал на четвертую:
Да край пути стоит во поле бел шатер,
Во шатри-то спит могуч бо́гатырь,
Да старой-де казак Илья Муромец.
Да приехал-де Дюк ко белу шатру,
Да не с разума слово сговорил:
«Да кто-де там спит во бело́м шатре,
Да выходи-ка с Дюком поборотися».
Да вставае Илья на чеботы́ сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,

Да выходит старик из бела шатра,
Да сам говорит таково слово:
«Да я смею-де с Дюком поборотися,
Поотведаю-де Дюковой-то храбрости».
Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
Да падал с коня Ильи во резвы ноги,
Да и сам говорил а таково слово:
«Да одно у нас на небеси-де солнце красное,
Да один на Руси-де могуч богатырь,
Да старой-де казак Илья Муромец.
Да кто-де с им смее поборотися,
Тот боками отведат матки тун-травы».
Да Ильи эти речи полюбилися,
Да и сам говорил а таково слово:
«Да ты удалой дородний доброй молодец,
Молодой ты боярской Дюк Степанович!
Да ты будёшь во городе во Киеве,
Да живут там ведь люди всё лукавые,
Да и станут налегать на те́бя, молодца,—
Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
Да ко стрелам ярлыки припечатывай,
Да расстреливай стрелы во чисто́ поле.
У меня-де летаё млад ясён сокол
Да собирает-де все стрелы со чиста поля:
Да пособлю-де я, детина, твоему горю».
Да поклон отдал Дюк, на коня ли сам сел
Да поехал ко городу ко Киеву.

Да приехал он ведь во Киев-град,
Через стену маше прямо городовую,
Да через высоку башню наугольнюю,
Да приехал ко пала́ты княженецкие,
Сходил он со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкованна его да непривязанна,
Да пошел-де Дюк во высок терём.
Да приходит Дюк во высок терём,
Крест тот кла́дет по-писаному,
Да поклоны ведет по-уче́ному,
На все стороны Дюк поклоняется,
Желтыма ты ку́дрями до сырой земли.
Владимира в доме не случилося,
Да одни как тут ходя люди стряпчие.

Говорит туто Дюк таково слово:
«Да вы стряпчие люди все, дворецкие!
Да где у вас солнышко Владимир-князь?»
Говорят ему люди стряпчие:
«Да ты удалой дородний доброй молодец!
Да изученье мы видим твое полноё,
Да не знамы теби ни имени, ни вотчины.
У нас Владимира в доме не случилося,
Да ушел ко заутрени христовские».
Да больше Дюк не разговаривал,
Да выходил он на улицу паратную,
Да садился Дюк на добра коня,
Да приехал к собору Богородицы,
Соходил-де Дюк со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкованна его да непривязанна,
Да зашел-де Дюк во божью церковь,
Да крест тот кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Да на все стороны Дюк а поклоняется
Желтыма ты кудрями до сырой земли.
Становился подле князя Владимира,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Плёнковича,
Да кланяется, да поклоняется,
Да на платье-де часто сам посматриват:
«Да погода та, братцы, была вёшная,
Да я ехал мхами да болотами,
Убрызгал-де я свое платьё цветное».
Говорил тут Владимир таково слово:
«Да скажись-ка, удалый дородний добрый молодец!
Ты коей орды, да коей земли,
Тебя как, молодца, зовут по имени?»
— «Да есть я из города из Галича,
Из Волынь-земли из богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сорочины из широкие,
Да из той Индеи богатые,
Молодой-де боярской Дюк Степанович.
Да на славу приехал к тебе во Киев-град».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Да скажи, удалый дородний добрый молодец!
Да давно ли ты из города из Галича?»

Говорит-де Дюк ему, ответ держит:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да вечерню стоял я в славном Галиче,
Да ко заутрены поспел к тебе во Киев-град».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Да дороги ли у вас кони в Галиче?»
Да говорил Дюк Владимиру, ответ держал:
«Да есть у нас кони, сударь, пó рублю,
Да есть, сударь, кони по два рубли,
Да есть по сту, по два, по пяти-де сот.
Да своему-де я добру коню цены не знай,
Да я цены не знай бурку, не ведаю».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Слушайте, братцы князи, бояра!
Да кто бывал, братцы, кто слыхал,
Да от Киева до Галича много ли расстояния?»
Говорят ему князи да и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да окольней дорогой — на шесть месяцев,
Да прямой-то дорогой — на три месяца,—
Да были бы-де кони переменные,
С коня-де нá конь перескакивать,
Из седла в седло лишь перемахивать».
Да говорят ему князи да и бояра:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да не быть тут Дюку Степанову,—
Токо быть мужичёнку засельщины,
Да засельщины быть, деревенщины:
Да жил у купца — гостя торгового,
Да украл-унес платьё цветное;
Да жил у йного боярина,
Да угнал у боярина добра коня,
На иной город приехал и красуется,
Над тобой-то, князем, надсмехается,
Да над нами, боярами, пролыгается».

Да отстояли оны заутрену в церкви божией,
Да с обеднею да святые честны́е молебны,
Выходили на улицу паратную,
Да на улице стоит народу — и сметы нет,
Да смотрят на лошадь богатырскую,
На его-то снаряды молодецкие.
Да садились ёны-де по добрым коням,
Да поехали к высокому терему.

Да едет-де Дюк, головой качат,
Головой-то качат, проговариват:
«Да у Владимира всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моёй-то сударыни у матушки,
Да мощёны-де были мосты всё дубовые,
Сверху стланы-де сукна багрецовые.
Наперед-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу сýкна стлатого.
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты, да всё сосновые».
Да приехали оны к широку двору,
Головой-то качат Дюк, проговариват:
«Да хороша была слава на Владимира,—
Да у Владимира всё-де не по-нашему.
Как у нас во городе во Галиче,
Да у моей-то у сударыни у матушки,
Над воротами было икон до семидесят.
А у Владимира того-де не случилося —
Да одна та икона была местная».
Да заехали оны на широкой двор,
Да головой качат Дюк, проговариват:
«Да хороша была слава на Владимира,—
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моей сударыни у матушки,
На дворе стояли столбы всё серебряны,
Да продернуты кольца позолочены,
Разоставлена сыта медвяная,
Да насыпано пшены-то белоярые,
Да е что добрым коням пить, есть-кушати.
А у тебя, Владимир, того-де не случилося».
Да зашли-де оны во высок терём,
Да садились за столы за белодубовы,
Понесли-де по чарке зелена вина.
Да молодой боярской Дюк Степанович
Головой-то качат, проговариват:
«Да хороша была слава на Владимира,—
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то сударыни у матушки,
Да глубокие были погребы,
Сорока-де сажён в землю копаны;

Зелено вино на цепях висит на серебряных;
Да были в поле-то трубы понаведены,—
Да повеет-де ветёр из чиста поля,
Да проносит за́тохоль великую.
Да чару ту пьешь — другая хочется,
Да без третьей чары минуть нельзя.
А твое, сударь, горько зелено вино,
Да пахнёт на затохоль великую».
Понесли последню еству — калачики крупищаты
Говорил-де Дюк таково слово:
«Хороша была слава на Владимира,—
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то государыни у матушки,
Да калачик съеси́ — а другого хочется,
А без третьёго да минуть нельзя.
Да твои, сударь,— горькие калачики,
Да пахнут ёны на хвою сосновую».

Да тут-то Чурило стало за́зорко,
Да и сам говорил таково слово:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да когда правдой детина похваляется,
Дак пусть ударит со мной о велик заклад —
Щапить-басить по три года
По стольнему городу по Киеву,
Надевать платья на раз, на дру́гой
не перенашивать»
Порок поставили пятьсот рублей,—
Который из них а не перещапит,
Взяти с того пятьсот рублей.
Премладыи Чурило сын Плёнкович
Обул сапожки ты зелен сафьян,
Носы — шило, а пята востра,
По́д пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яицо кати.
Да надел ён шубу ту купеческу,—
Да во пуговках литы добры молодцы,
Да во петельках шиты красны девицы.
Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту, пушисту и завеcисту —
Спереди-то не видно ясны́х очей,
А сзади́ не видно шеи белые

А молодой боярской Дюк Степанович
Да по Киеву он не снаряден шел:
Обуты-то у его лапо́тцы ты семи шелков,
И в этые ла́потцы были вплетаны
Каменья всё, яфонты,—
Да который же камень самоцветные
Сто́ит города всего Киева,
Опришно Знаменья богородицы,
Да опришно прочих святителей;
И надета была у его шуба та расхожая,
Во пуговках ли́ты люты́ звери,
Да во петельках шиты люты змеи.
Да брал он, Дюк, матушкино благословление,
Плётоньку шелковую.
Да подернул Дюк-от по пуговкам —
Да заревели во пуговках люты звери;
Да подернул Дюк-от по петелькам —
Да засвистали по петелькам люты змеи;
Да от того-де рёву от звериного,
Да от того-де свисту от змеиного
Да в Киеве старой и малой на земли лежит
Токо малые люди оставалися,
Да за Дюком всем городом Киевом качнулися.
«Тебе спасибо, удалый дородный добрый молодец,
Перещапил ты Чурила сына Плёнковича».
И тогда взял он с Чурила пятьсот рублей,
Да купил на пятьсот зелена вина,
Да напоил он голей кабацких всех до́ пьяна.
Тогда все тут голи зрадовалися.

Тут еще Чурилу стало зазорко,
Да сам говорил таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Когда ж правдой детина похваляется,
Да пошлем мы туда переписчика,
Во славную во Волынь-землю».
— «Кого нам послать переписчиком?»
— «Да пошлем мы Добрынюшка Микитьевича»

Да поехал Добрыня во Волынь-землю,
Во славной во Галич-град,
Житья его, богачества описывать.
Да нашел он три высоки три терема,
Не видал теремо́в таких на сём свете.

Зашел Добрыня во высок терём —
Да сидит жена стара ма́тера,
Мало шелку, вся в золоте.
Говорил-де Добрынюшка Микитьевич:
«Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитиё,
Понизку велел поклон поставити».
Говорила жена стара матера:
«Удалой дородний добрый молодец!
Изученье вижу твое полноё,
Да не знай тебе ни имени, ни вотчины.
А я не Дюкова здесь а есть ведь матушка —
А Дюкова здесь а есть портомойница».
Да тут Добрыне стало за́зорко,
Отъезжал-де Добрыня во чисто полё,
Да просыпал Добрыня ночку темную.
Наутро приехал он во Галич-град,
Да нашел три вы́соки три терема,
Не видал теремов таких на сём свете.
Да зашел-де Добрыня во высок терём —
Да сидит жена стара матера,
Мало-де шелку, вся в золоте.
Говорил-де Добрыня таково слово:
«Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
Понизку велел поклон поставити».
Говорит жена стара матера:
«Удалый ты дородний добрый молодец!
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины.
Да не Дюкова здесь а есть я матушка,
А Дюкова здесь а есть я божатушка.
Не найти тебе здесь Дюковой матушки.
У нас наутро христово воскресениё,—
Да ты стань на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые.
Наперед пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут метельщики,
Очищают дорогу су́кна стланого.
Дак ты стань на дорогу прешпехтивую —
Да пойдет тут Дюкова та матушка».
Да тут Добрыне стало зазорко,
Отъезжал Добрыня во чисто полё,
Просыпал Добрыня ночку темную,
Наутро приехал он во Галич-град,

Да стал на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые.
Наперед пошли тут лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Да очищают дорогу сукна стланого,
Потом пошла ужо толпа-де вдов.
Пошла тут Дюкова-де матушка,—
То умеет детина поклонятися
Желтыма́ кудрями до сырой земли:
«Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
Понизку велел поклон поставити».
Говорила Добрыне мати таково слово:
«Скажи ты, удалый дородний добрый молодец,—
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины,
А изученье вижу твое полноё.
У нас сегодня христово воскресениё,
Пойдем со мной во божью церковь,
Простой ты обедню воскресённую.
Заберу молодца тебя в высок терём,
Напою, накормлю хлебом-солию».
Простояли обедню в церкви божией,
Забрала молодца во высок терём,
Поит и кормит да много чествует.

Да премладыи Добрынюшка Микитьевич
Выходил из-за стола из-за дубового,
Да сам говорил таково слово:
«Да государыни ты Дюкова матушка!
Да я ведь приехал на тебя смотреть,
Житья твоего, богачества описывать:
Призахвастался сын твой богачеством».
Да брала старуха золоты ключи,
Да привела его в погребы темные,
Где-ка складена деньга нехожалая.
Смекал Добрыня много времени,
Да не мог он деньгам и сметы дать.
Да привела его в амбары мугазенные,
Где-ка складены товары заморские.
Да смекал Добрыня много времени,
Не мог товарам он сметы дать.
Да садился Добрыня на ременчат стул,
Да писал ярлыки скорописчаты,
Да сам говорил таково слово:

«Да нам с города из Киева
Да везти бумаги на шести возах,
Да чернил-то везти на трех возах
Да описывать Дюково богачество —
Да не описать будёт».
Да прощался Добрыня-то с Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Приехал он в славной Киев-град
Да ко князю Владимиру,
Ярлыки на дубов стол клал,
Словесно-то больше сам рассказыват.
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вёшняя вода разливается.

Да еще тут Чурилу стало зазорко,
Да сам говорил таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да когда же правдой детина похваляется,
Дак пусть со мной ударит о велик заклад —
Скакать на добрых коней
За матушку Почай-реку
И назад на добрых конях отскакивать».
И ударились ёны о велик заклад,
Да не о сте оны и не о тысяче —
Да ударились оны о своих о буйных головах:
Которой из них не пере́скочит,
Дак у того молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сын Плёнкович,
Выводил-де Чурило тридцать жеребцов,
Из тридцати выбирал-де самолучшего,
Да разганивал да он, разъезживал,
Из да́леча-далёча из чиста поля,
Да скакал-де за матушку Почай-реку.
Молодой-от боярской Дюк Степанович
Да не разганивал, да не разъезживал,
Да с кру́того берегу коня своего приправливал,
Да скочил-де за матушку Почай-реку,
И назад на добром коне отскакивал,
И Чурила к крутому берегу притягивал.
Тогда выдергивал Дюк-от саблю вострую,
Да хотел ему срубить буйну голову.
Тогда вступился князь и со княгиною,
Говорили Дюку Степанову:

«Удалый дородний добрый молодец!
Не руби ты Чурилу буйной головы,
Да спусти ты Чурила на свою волю».
Тогда Дюк-от пинал Чурила правой ногой,
Да улетел Чурило во чисто поле.
Да сам говорил таково слово:
«Ай-де ты Чурило су́хоногие!
Да поди щапи с девками да с бабами,
А не с нами, с добрыма молодцами».

Да прощается Дюк-от со князем Владимиром,
С государынею княгиной Апраксией.
«Да простите вы, бояра все киевски,
Все мужики огородники!
Да споминайте вы Дюка веки на́ веки».
Да садился Дюк на добра коня,
Да уехал Дюк во свой Галич-град,
Ко своей-то матушке сударыне,
Да стал жить-быть, век коротати.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Во славном городе было во Киеве,
У славного у князя Владимира
Заводился-поводился почёстной пир.
Все на пиру к князю собиралися,
Купцы именитые, гости торговые,
И все были они на пиру пьяные все,
И все они напивалися, наедалися и порасхвастались:
Умной похвастал матерью,
А безумной похвастал молодой жоной,
А иной похвастал золотой казной,
Иной похвастал имением-богатесью,
А Иван Гостиной сын похвастал он добры́м конем.
А князь Владимир это слово выслушал,
Подходил к Ивану, к столу дубовому,
Говорил он Ивану таковы слова:
«Ах Иван, Иван Гостиной сын!
Ай неу́жели нет таковых коней,
Как у тебя-то есть
Э да маленькой Бурушко косматенькой?

Да у меня-то есть да три ко́ня-то добрыи —
Сив Воронко, Полонко да Сивогрив жеребец:
Воронко стоит на шести розвезя́х,
А Полонко стоит на девяти розвезя́х,
А Сивогрив жеребец на двенадцати.
Э да неужи́ли ты со мной ударишь во велик заклад —
Да ехать там от Киёва до Чернигова
Меж обедней, заутренёй благовещенской
Три девяноста мерных верст,
Да ту съездить, назад воро́титься».
А Гостиной сын да он разума прохлупался,
Да во пьяном виде даже со князем Владимиром
Да и ударил во велик заклад —
Да прозакладывал с плеч да буйну голову;
А князь Владимир прозакладывал да три шубы соболиные,
Да три погреба с золотой казной:
Да им ехать от Киёва до Чернигова
Да три да девяноста мерных верст
Меж обедней да заутреней да благовещенской.

А и все-то с пиру пьяны-веселы
Все они да разъезжалися,
Все они да расходилися.
Да и шел Иван Гостиной сын пьян, невесел, нерадошен.
Да повесил буйну́ голову да ниже могучих плеч.
Да стретала его да ро́дна матушка:
«Ах ты чадо, чадо мое милое, Иван Гостиной сын!
Да что идешь с пиру невесел, нерадошен,
Да понизил свою буйну голову ниже могучих плеч?
Что тебя пьяница обесчестила,
Или собаки тя облаяли,
Али черны вороны тя обграяли,
Али чара вина не рядо́м дошла?»
Говорил Иван да родной матушке:
«Ах ты родна, родна ты моя матушка!
Да мне чара рядом дошла,
Да и пьяница да не обесчестила,
А и собаки те да не облаяли,
А и черны вороны меня да не обграяли,—
А я разумом прохлупался
И ударил с князем со Владимиром да во велик заклад,
И прозакладал я с плеч буйну́ главу́:

Да нам ехать с ним от Киёва до Чернигова
Да три да девяноста мерных верст на добрых конях
Я не знаю, есь ли у нас маленькой Бурушко
косматеьной,—
Я слыхал, родна батюшка».
Говорила ему родна матушка:
«Ах ты чадо, чадо мое милоё, Иван Гостиной сын!
Не тоскуй-ка ты, не печалься-ка,
А вставай-ка утром ранёшенько,
Умывайся ты белы́м-белёшенько,
Утирайся ты ведь сухо весь, су́шенько,
Да бери-ка ты узду тесмяную,
Да иди на конюшни стоялые,
Да сбирай себе да добра коня».
А Иван Гостиной сын на слова-то родной матушки
И был ён весел и ра́дошён,
Не стал кручиниться да печалиться,
А выстал он раны́м-ранёшенько,
А умылся он белым-белёшенько,
И утирался он ведь весь сушёшенько,
Помолился он свя́ту образу,
Выходил он на чистой двор,
Заходил он на конюшни стоялые.
Зашел он на перву конюшню стоялую —
Да полным-полно конюшня стоялая добрых коней:
Как он рыкнул-рыкнул по-звериному,
Да свистнул он по-соловьиному,
А все кони пали со своих ног —
Нету туто Ивану ведь добра коня.
Закручинился Иван, да запечалился,
Приходил Иван на другу конюшню стоялую —
И друга конюшня стоялая
И стоит коней полным-полна:
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул он по-соловьиному,
И все кони увалились с резвых ног —
Да и тут нету Ивану добра коня.
Закручинился Иван, запечалился:
Еще одна у него конюшня добрых коней.
И приходит Иван на третью конюшню стоялую,
Как зашел на третьё конюшню стоялую —
Только стоит кобылица-латыница
Да и с маленьким жеребеночком:
Как он рыкнул по-звериному,

А и свистнул по-соловьиному,
А кобылица-латини́ца увалилась она да со резвых ног,
А и маленькой Бурушка косматенькой
Только ушком повел.
Приходил Иван Гостиной сын
Да и к маленькому Бурушке косматому,
Увалился он да во резвы́ ноги́,
Ах да говорил он да таковы слова:
«Ах ты маленькой Бурушко косматенькой!
Ты служил да моему-то да родну батюшку,
А вынимал из дел закладнии,
Уносил от смерти ты от скории,—
Э послужи ты мне да ты верой-правдою:
Я с глупа разума да ведь прохлупался;
Да я был-то у князя Владимира да на честном пиру,
Да упился напитками медвяными,
Напивался да наедался пьян да весел-радошён,
Да ударил я да во велик заклад,
Прозакладал я с плеч буйну́ главу —
Да нам ехать с ним на добрых конях
Меж обедней и заутреней да благовещенской
От Киёва да до Чернигова
Три да девяноста ведь мерных верст».
А маленькой Бурушко косматенькой
Да провещался-провещался разговором человеческим.
Говорил Ивану-то таковы слова:
«Ох Иван, Иван ты Гостиной сын!
Я служил-то твоему да родну батюшку,
Да служил ему да верой-правдою,—
Он питал меня сыто́й мёдо́й медвяныя,
Да пшёно́м-то он белоярыя,
Да я стоял-то у его на белы́х полстя́х,
А у тебя-то ем всё да болотину,
А пью-то ту воду со ржавчиной,
А стою-то у тебя по колен в назьму:
А с чего мне служить тебе, добру коню?»
А Иван Гостиной сын не стават у коня из резвыих ног:
«А ох ты маленькой Бурушко косматенькой!
Виноват я был пред тобой, да был хозяин ведь,
Не держал тебя на белых полстях.
Послужи-ка мне ведь, как батюшку,
Да и вынь меня из дела закладнего,
Да не дай ты мне смерти напрасные».

А маленькой Бурушко косматенькой
Провещался языком человеческим:
«Ох Иван, Иван да ты Гостиной сын!
Да иди ты себе на град-то ведь,
Да купи ты мне пшена белоярого
Да сытой мёды да медвяныи,
Да посей пшены белоярыи,
Да напой коня, да накорми коня,
Да и выкупай меня да в трех росах —
Да тогда веди к великому князю Владимиру
Да и ехать в дело, да в дело закладнее
Да от Киёва да до Чернигова
Да и три девяноста мерных верст».
А ставал Иван Гостиной сын от добра коня,
Шел набрал он пшена белоярого
Да сытой мёды медвяныи,
И набрал он белых полстей,
Накормил коня и напоил коня,
Становил его да на белы полсти.

И да пришло число вести его
К великому князю Владимиру.
И умывался он белым-белёшенько,
Да утирался он ведь сушенько,
Да помолился он Спасу, пречистой Богородице,
Одел он шубы соболиные:
Не тем-то соболем шубы пушены,
Который ходил по сырой земле,
А тем-то шубы пушены,
Который живет да во синём море
И пьё и ест из синя моря.
И прибрал Иван к себе Потанюшку Малохромина
Да Микиту он ведь Гостиного,—
А дружины были они хоробрые;
Взял Иван Гостиной сын в запас к себе,
Поехал ко князю Владимиру,
Чтобы выслободить от смертей напрасные.
И взял он Бурушку на узду тесмяную,
Не садился он да верхом его,
А обуздал он коня, наложил на коня
Седло черкасское да плетку ременную,
А повел коня он по граду пешком,—
А конь на узде-то поскакиват,
А поскакиват да конь, поигрыват,

Да хватат Ивана за шубу соболиную,
Да и рвё он шубы соболиные
Да он по целому да по соболю,
Да бросат на прешипект.
И гости торговые, и купцы именитые
Да и смо́тря на Гостина сына
И говоря ему да таковы слова:
«Ох Иван, Иван да ты Гостиной сын!
Да зачем коню даешь шубу соболиную?
Эту шубу подарил бы князю Владимиру —
Он бы тя из вины простил».
А Иван Гостиной сын да говорил в ответ:
«Ох вы гости, гости вы торговые,
Да купцы-то вы да именитые!
А жива голова — да надо жи́вота,
А отжила — ничто не надобно».
Приводил Иван добра коня
Да он к терему да златоверхому,
Да и к князю он да ко Владимиру,
Становил его да у стены его,
Заходил он в палату белокаменну,
Крест ведет по-писа́ному,
Говорил он таковы слова,
На все стороны поклонился им:
«Ох ты князь, князь Владимир ведь!
Пришло время нам да обряжатися,
Да и ехать нам от Киёва до Чернигова;
Нам и путь-дорога будет дальняя,
А дело-то у нас есть закладнее».
А князь Владимир-от походил к окну тут косерчату,
Посмотрел да на его да добра коня:
Стоит маленькой Бурушко ухрюватенькой.
Говорил он таковы слова:
«Ох Иван, Иван Гостиной сын!
Да на ком ты хошь путь-то ехати —
На чёрте ехати али чёртом правити?
У мя есть-то, есть три-то жеребца-то стоялые —
Воронко, Полонко да Сивогрив жеребец:
Воронко-то держат да шесть-то конюхо́в,
Полонко-то держат да девять конюхов,
А Сива́-то жеребца двенадцать ко́нюхов
На двенадцати ро́звезях удерживают».
А Иван Гостиной сын говорил он князю таковы слова:
«Ох ты князь Владимир ты!

Укажи-ка ты на добрых коней.
Не суди ты маленькому Бурушку косматому,
Не выражай слов несчастныих —
Покажи ты мне да ведь добрых коней,
Да и выйди ты да ко добру коню».
Князь Владимир-от нарядил слуг он верныих,—
Взяли жеребцов на розвези,
Выводили ко добру коню:
Воронка ведут на шести розвезя́х,
Полонка ведут на девяти розвезях,
Сивогрива жеребца да на двенадцати едва удерживают
Как и вывели конюхи добрых коней —
А увидел Бурушко косматенькой,
Засверкали его гла́за серые,
Заходили его уши те резвые;
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул он по-соловьиному,
Да и вылетел в полтерема да златоверхого,
Как ударил он о сыру землю́ —
А сыра землю покулубалася,
А и море-вода разбежалася,
А Воронко за́ реку ускочил,
А Полонко концом ушел,
А Сивогрив жеребец исплечи́лся стоит,
А не на ком князю ко́нем ехати.

Князь Владимир-от говорил он ведь-от да таковы слова:
«Ох Иван, Иван Гостиной сын!
Зайдем мы во теремы златоверхие
Посоветовать совет нам хорошие».
Как зашли во терем златоверхие,
И выговариват Ивану таковы слова:
«Ох Иван, Иван Гостиной сын!
Ты продай-ка мне добра коня,
Маленького да Бурушка косматого».
Да Иван Гостиной сын говорил он князю таковы слова:
«Ох ты князь Владимир ведь!
Я не хочу злата взять за добра коня,—
Ежли желаешь, даром ти отдам».
Как услышал Бурушко косматенькой таковы слова,
Как он рыкнул по-змеиному,

Ай свистнул он по-соловьиному,
Да и вылетел в полтерема да златоверхого,
Да ударил ён о сыру землю —
И мать земля-то покулубалася,
А напитки на столах расплескалися,
Князь Владимир догадался ведь,
Князь Владимир выговаривал таковы слова:
«Я прошу тебя, Иван Гостиной сын,—
Спусти коня да куда надоть тебе,
А я в деле с тобой рассчитаюся,
Дам три шубы соболиные,
Дам три погреба да золотой казны:
Выводи-ка ты добра коня,
А то нам он смерть предаст».
А Иван Гостиной сын написал своей рукой
Письмо своей матушке,
Приложил к седёлку черкасскому,
Привязал ён плетку ремённую
И направлял к своей да к родной матушке.
Полетел сам конь к родной матушке.
Ен остался у князя Владимира,
А говорил он князю-то таковы слова:
«Ох ты князь да ведь Владимир!
Ты дай мне шубы соболиные,
А не надо мне три погреба золотой казны,—
Мне одеть гостей да храбрых всё —
Потаньку Малохромина,
Потаньку Малохромина да Микиту Гостина сына.
Отвори по всей твоей области домы питейные, чтобы старой и малой пили своей рукой и женской пол кому надобно, и знали бы все, что был у нас велик заклад».

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Во стольном было городе во Киеве,
Да у ласкова князя Владимира
Было пированьицо почестной пир,
А на многих князей да на бóяров,
Да на всех тых гóстей званых браныих,
Званых браных, гóстей приходящиих.
Вси-то на пиру да наедалися,

Вси-то на честно́м да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодец добры́м конем,
Иный хвастает да шелковы́м портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками,
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат ро́дной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Ах ты эй, Ставёр да сын Годинович!
Приехал ты из зе́мли Ляховицкия,
Ты сам сидишь да ты не хвастаешь.
Аль нету у тебя да золотой казны?
Аль нету у тебя да добрых ко́меней?
Аль нету сел со приселками,
Аль нету городов да с пригородками?
Аль не славна твоя да ро́дна матушка,
Аль не хо́роша твоя да молода жена?»
Говорит Ставёр да сын Годинович:
«Хоть есть у меня да золотой казны,
Золота казна у мо́лодца не то́щится —
И то мне, молодцу, не по́хва̀льба;
Хоть есть у меня да добрых комоней,
Добры комони стоя́т да все не ездятся —
И то мне, молодцу, не похвальба;
Хоть есть города и с пригородками —
И то мне, молодцу, не похвальба;
Хоть есть и село́в да со приселками —
И то мне, молодцу, не похвальба;
Да хоть славна-то моя родна матушка —
Так и то мне, молодцу, не похвальба;
Хоть и хороша моя да молода жена —
Так и то мне, молодцу, не похвальба:
Вас, князей, бояр, она повыманит,
Тебя, солнышко Владимира, с ума сведет».
Тут все на пиру и призамолкнули.
Испрого́ворит Владимир стольнё-киевской:
«Мы засадим-ка Ставра во по́греба глубокие,
Да пущай Ставрова молода жена
А Ставра она из погреба повыручит,
Вас, князей, бояр, да всех повыманит,
А меня, Владимира, с ума сведет».
Посадил Ставра во погреба глубокие

А был у Ставра тут свой человек,
Он садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую,
К молодой Василисты ко Никуличной:
«Ах ты эй, Василиста дочь Никулична!
Ты сидишь да пьешь да забавляешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
Как твой молодой Ставёр да сын Годинович,
Как посажен он во погреба глубокие,
Что похвастал он тобой, да молодой женой,—
Что князей, бояр ты всех повыманишь,
Его, солнышка Владимира, с ума сведешь».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
Если силой выручать Ставра — не выручить;
А могу ли, нет, Ставра повыручить
А своёй догадочкою женскою».
Скорешенько бежала она к фершелам,
Подрубила волосы по-молодецкии,
Накрутилася Васильем Никуличем,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорок молодцов удалых стрельцов
И сорок молодцов удалых борцов,
Поехала коó граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Не доедучи доó града до Киева,
Пораздернула она хóрош бел шатер,
Да й оставила дружину у белá шатра,
Сама поехала коо граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Приходит во палаты белокаменны,
Она крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Она бьет челом да поклоняется
На вси три, четыре на стороны,
Солнышку Владимиру в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольнё-киевской
С молодой княгиней со Опраксией!»
— «Ты откуда есть, удалый добрый молодец,
Ты коéй орды, ты коей земли,
Как тебя именём зовут,
Нарекают тéбя по отечеству?»

Говорит удалый добрый молодец:
«Что я есть из земли Ляховицкия,
Того ко́роля сын Ляховицкого,
Молодой Василий да Микулич-де.
Я приехал к вам о добром деле, о сва́товстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле, да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ка дочь ему возлюбленна:
«Ты эй, государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на разуме?
Отдаваешь девчину сам за женщину.
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому,
Где жуковинья ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли с пути да со дороженки
Сходить теби во парную во баенку?»
Говорил Василий да Микулич-де:
«И это с дороги да не худо бы».
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили как во парную во баенку.
Он пошел во парную во баенку,
Но покудова Владимир снаряжается,
А посол той порой во баенке попарился,
Из байни-то идет, ему и честь отдает:
«Благодарствуешь на парной на баенке!»

Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Ты же ме́не в баенке не по́дождал,
Я бы в баенку пришел, а тебе пару поддал,
Я бы пару поддал да и тебя обдал».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что ваше дело-то домашное,
Домашное дело княженецкое,
А наше дело-то посольное,
Недосуг ведь долго да нам чваниться,
А во баянке-то долго да нам париться,
Я приехал об добром деле, об сватовстве
На твоей любимой на дочери,
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле, да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ка дочь ему возлюбленна:
«Ты эй, государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдавашь девчину сам за женщину.
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки все по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому,
Где жуковинья ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляхо́вицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли тебе да после парной баенки
Отдохнуть во ложне-то во теплыи?»
Говорил Василий да Никулич-де:
«И это после баенки не худо бы».
Приходит как во ложню ту во теплую,

Головой-то он ложится где ногам-то быть,
А ногами-то ложится на подушечку.
Как выходит вон из ложни-то из теплыи,
Шел туда Владимир стольнё-киевской,
Посмотрел он ложни его теплые
И сам говорил да таково слово:
«Есть широкие плеча да богатырские».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольне-киевской!
Я приехал ведь об добром деле, да об сватовстве
На твоей любимоей на дочери,
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле, да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ка дочь ему возлюбленна:
«Ты эй, государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдаваш девчину сам за женщину.
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому,
Где жукóвинья ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли с мóими дворянами потешиться,
Сходить с ними да на широкий двор
Стрелять в колечко золоченое,
Во тое острие да во ножевое,
Расколоть бы стрелочка да надвое,
Чтобы мерою однаки и весóм равны?»

Говорил Василий да Никулич ли:
«Остались стрельцы да во чисто́м поли,
Во чистом поли да у бела шатра,—
Неужоли самому-то поотведати?»
Выходит он да на широкий двор,
Стал стрелять стрелок да пе́рво кня́зевой,
Первый раз стрелил — он не до́стрелил,
Дру́гой раз стрелил — он да пере́стрелил,
Третий раз стрелил — он и не́ попал.
«Стреляй-ка ты, Василий да Никулич-де!»
Как тот Василий да Никулич-де
Натягивает скорешенько свой тугой лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял во колечко золоченое,
Во тое вострие да во ножевое,
Расколол он стрелочку ту надвое,
Оны мерою однаки и весо́м равны.
И сам говорит он таково слово:
«Я приехал ведь о добром деле, да об сватовстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Я еще схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Никулич-де,
Он об добром деле, да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ка дочь ему возлюбленна:
«Ты эй, государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдаваш девчину сам за женщину.
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки всё по-женскому,
Где жуко́винья ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:

«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Никулич-де!
Не угодно ли со мо́ими дворянами потешиться,
На широком-то двори да поборотися?»
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Осталися борцы да во чисто́м поли,
Во чистом поли да у бела́ шатра,—
Неужоль мне самому да поотведати?»
Выходит он как на широкий двор,
Стал Василий тут боротися,
Того захватит в руку, дру́гого во дру́гую,
Третья скле́снет во середочку,
По трое зараз он на зе́нь ложил,
Которыих положит, тыи с места не́ встают.
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Молодой Василий да Никулич-де!
Укроти-ка свое сердце богатырское,
Оставь людей мне хоть на си́мена».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!
Я приехал ведь об добром деле, да о сватовстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?
Если с чести не́ дашь, так возьму не́ с чести,
Не с чести возьму да тебе бок набью».
Не пошел он больше к дочери-то спрашивать,
Да стал он дочь свою просватывать.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко божьёй церквы,
Принимать с Васильем по злату венцу.
Закручинился Василий, запечалился,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи он во сыру землю.
Подходит-то Владимир стольнё-киевской:
«Ах ты эй, Василий да Никулич-де!
Что же ты сегодня да невесел есть?»
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что-то будет на разуме невесело.
Либо батюшка мой есть да помер ведь,
Либо матушка да мо́я померла.
Нет ли у тебя да мла́дых загусельщичков
Поиграть в гуселышка яровчаты?»
Привели они мла́дых загусельщичков,
Всё они играют всё невесело.

Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!
Нет ли у тебя да мла́дых затюрёмщичков
Поиграть в гуселышка яровчаты?»
Повыпустили младых затюрёмщичков,
И всё они играют всё невесело́.
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!
Я слыхал от родителя от батюшка,
Что был посажен наш Ставёр да сын Годинович
У тебя во погреба глубокие.
Он горазд играть в гуселышка яровчаты».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Мне как выпустить Ставра, так не видать Ставра,
А не выпустить Ставра, так разгневить посла».
А не смеет он посла да ра́згневить,
Он повыпустил Ставра из погреба,
Ставёр стал играть во гуселышка яровчаты.
Развеселился тут Василий-то Никулич-де
И сам говорил да таково слово:
«Помнишь ли, Ставёр, да памятуешь ли,
Как мы маленьки на уличку похаживали
И мы с тобою сваечкой поигрывали?
Твоя-то была свaечка серебряна,
А мое было кольцо до подзолоченое.
Я-то попадывал тогды-сегды,
А ты попадывал всегды-всегды».
А Ставёр-то к ричам да не примется,
Годинович ведь в ричи да не вчуется:
«Да я с тобою свaечкой не игрывал».
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоте училися?
Как моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да подзолочено.
Я-то помакивал тогды-сегды,
А ты помакивал всегды-всегды».
А Ставер-то к ричам да не примется,
Годинович ведь в ричи да не вчуется:
«И я с тобою грамоте не учивался».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!

Спусти Ставра съездить до бела́ шатра
Посмотреть дружинушки хоробрыя».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Мне спустить Ставра, так не видать Ставра,
А не спустить Ставра, так разгневить посла».
А не смеет он посла поро́згневить.
Спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.
Приехали они ко белу́ шатру,
Слезли они со добры́х коней.
Тут мо́лодой Василий да Никулич-де
Зашел он скоренько в хо́рош бел шатер,
Снимал с себя он платье молодецкое,
Надевал на се́бе платье женское,
Выходит он на улицу на ши́року,
Сам говорил он таково слово:
«Топерича, Ставёр, меня ты знаешь ли?»
Говорил Ставёр да сын Годинович:
«Ах ты эй, млада Василиста дочь Микулична!
Не поедем больше ко́ граду ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
А уедем мы во землю Ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
«А не честь, хвала тебе-ка, добру молодцу,
Тебе во́ровски из Киева уехати,
А поедем ко князю ко Владимиру,
Мы станем свадебки доигрывать».
Приехали они ко солнышку Владимиру,
Говорил Василий да Микулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!
За что был посажен наш Ставёр да сын Годинович
У тебя во по́греба глубокие?»
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«А похвастал он своей да молодой женой,
Что князей, бояр да всех повыманит,
Меня, солнышко Владимира, с ума сведет».
Говорила Василиста дочь Никулична:
«Так что же у тебя теперь на разуме?
Выдаваешь девчину сам за женщину,
За меня-то, Василисту за Микуличну».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи во сыру землю,

Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, Ставёр да сын Годинович!
За твою великую за пóхвальбу
А торгую в нашóм воó граде во Киеве,
Ты во Киеве во граде век без пошлины».
Тут Ставёр да сын Годинович
Поехал он во землю Ляховицкую
С молодою Василистой со Микуличной.
Тут век про Ставра старину́ поют
Синему морю-то на ти́шину,
А вам, добрым людям, на послу́шаньё.

СОРОК КАЛИК

От того же от озёра от Маслеёва
Ко тому-де монастырю почестному,
Ко тому ко кресту да Леванидову
Собиралося их, дак соезжалося
Да 'не сорок калик дак со каликою.
Да една-де калика да как бела лебедь,
Да снаряжона калика да буди маков цвет,
На имё Михайло да Михайлович млад.
Они все в землю копья испотыкали,
Да на копьица сумки исповешали,
Да сумки ти были рыта бархата,
Да подсумочка были хрущатой камки.
Они клали-де заповедь великую,
Да великую заповедь, тяжелую:
«Да пойдем нонче, братцы, в Ёрусалим-град,—
Еще кто из нас, братцы, дак заворуется,
Еще кто из нас, братцы, заплутуется,
Еще кто из нас, братцы, за блудом пойдет,
Такова-де судить дак нам своим судом:
В сыру землю ёго копать до пояса,
Речист язык тянуть у ёго теменём,
Ретивоё сердцо скрозь хребетну кость,
Скрозь хребетнюю кость, дак промежу плеча,
Оставлять нам казнёна на чистом поле».
Да полóжили заповедь великую,
Брали-де копьица вострые,
Повесили сумочки тяжелые,
Пошли они, братцы, по чисту полю.

Да не ясные соколы в перелет летят,
Да не белые кречеты в перепуск пустя́т —
Едут-де калики по чисту полю.

Во ту-де пору да и во то времё
Владимёр стольне-киевской сряжался во чисто полё
Извозчиком Добрынюшка Микитич млад,
На запяточках Олёшенька Попович млад.
И едут они дак по чисту полю,
Стречают калик дак перехожиих,
Поклоняется Владимёр стольне-киевской:
«Уж вы здравствуйте, калики перехожие!
Куды едете́ да куды правитесь?»
Отвечали калики перехожие:
«Мы пошли нонче, братцы, в Ёрусалим-град
Господу богу помолитися,
Во Ёрдане-реке дак окупатися,
На плакуне-травы дак окатитися».
Говорил тут Владимёр таково слово:
«Уж вы ой есь, калики перехожие!
Спойте-ткось мне-ка нонь еленьской стих».
Тут-де калики не ослышались,
Все копьица в землю испотыкали,
А на копьица сумки исповешали,—
Сумки их были рыта бархата,
Да подсумочки были хрущатой камки.
Говорили калики перехожие:
«Да как нонче петь еленьской стих —
В полкрыка петь али во весь нам крык?»
Отвечал тут Владимёр стольне-киевской:
«Хотя спойте-ка мне нонче в полкрыка».
Да запели калики еленьской стих —
Только мати земля дак пошаталася,
В озерах вода дак сколыбалася,
На поле травку заилеяло,
Увалился Добрыня со сижоночки,
Падал Олёша с запяточёк,
Не мог тут Владимёр сижучи сидеть,
Да не мог тут Владимёр лёжучи лёжать,
Только мог тут Владимёр слово молвити:
«Уж вы полно-ка петь да нонь еленьской стих».
Остановились калики да перехожие,
Все копьица в руки они по́брали,

На плечи-де сумочки исповешали,
Распрощалися со князём со Владимёром.
Говорил тут Владимёр таково слово:
«Приворачивайте ко мне дак хлеба-соли исть,
Хлеба-соли-де исть да пива с медом пить.
Хоть меня дома нонче не лучилося,
Отправит там княгинушка Опраксия».

Пошли-де калики перехожие,
Состигаёт их ноченька темная,
Приворачивали они да в стольней Киев-град,
Заходили ко князю на широкой двор,
Подходили под окошечко под косищато,
Попросили они милостыню христа ради.
Услышала княгинушка Опраксия,
Отворяла окошечко косищато,
Сама говорила таково слово:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
Добро жаловать ко мне да хлеба-соли исть
И прикрыться от ноченьки от темноё».
Тут-де калики не ослышались,
Заходили на крылечико на красноё,
Заходили они дак во светлу гридню,
Чудну-де образу помолилися,
Крест-от кладут да по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Поздоровались с княгинушкой Опраксией.
Садила княгинушка за почесьён стол,
Отпоила она, дак откормила их,
Прикрываёт от ноченьки от темноей.
Заводила Михайла Михайловича
Да во ту-де во спальню княженецкую.
Повалились ребята опочив дёржать.
Во ту-де во ноченьку во темную
Подходила княгинушка Опраксия
Ко тому же Михайлу Михайловичу,
Сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Михайло Михайлович млад!
Сдайся на прелести на женские,
Влюбися во княгинушку в Опраксию».
Отвечаёт Михайло Михайлович млад:
«Уж ты ой еси, княгинушка Опраксия!
Не сдамся я на прелести на женские —
Да кладёна у нас заповедь великая».

Отходила княгинушка Опраксия.
Приходила княгинушка во второй након,
Говорила сама да таково слово:
«Уж ты ой еси, Михайло Михайлович млад!
Сдайся на прелести на женские,
Влюбись в княгинушку в Опраксию».
Говорил тут Михайло Михайлович млад:
«Я скажу-де дружиночке хороброе,
Ты получишь, княгинушка, великой стыд».
Отходила княгинушка Опраксия,
Она брала братынечку серебряну,
Клала-де в сумочку хрущатой камки
Тому-де Михайлу Михайловичу.
Проходила тут ноченька темная,
По тому-де утру, утруранному,
Становились калики перехожие,
Омылися свежой водой ключе́вою,
Помолилися они да чудным образам,
Все копьица в руки-де побрали,
На плечи как сумки исповешали,
Поблагодарили княгинушку Опраксию,
Выходили калики на широкой двор,
Да пошли они как из города из Киева,
Идучись-де калики по чисту полю.

Да из да́леча-дале́ча да из чиста поля
Приезжаёт Владимёр стольне-киевской
Приезжаёт да он на широкой двор,
Заходил-де да во светлу гридню.
Стречаёт его княгинушка Опраксия,
Хватилась братынечки серебряной,
Сама говорила таково слово:
«Уж ты батюшко Владимёр стольне-киевской!
Ночевали у меня калики перехожие,
Не унесли ли они братынечки серебряной?»
Говорил тут ведь князь да таково слово:
«Поезжай-ка, Олёшенька Попович млад,
Ты спроси-тко калик да ты перехожиих».
Тут-де Олёшенька не ослышался,
Побежал-де Олёшенька на конюшен двор,
Да уздал-де, седлал коня доброго,
Лёгко, скоро скакал он на добра коня,
Да поехал Олёшенька во чисто полё
Настигати калик да перехожиих.

Настиг он калик да перехожиих,
Сам говорил он да таково слово:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
Ночевали у князя у Владимёра,—
Увезли вы братынечку серебряну».
Тут-де калики не ослышались —
Остановились они да на чистом поле,
Хватали Олёшеньку Поповича,
Штаны у его, Олёши, приоттыкали,
Долонями по ⟨...⟩ принахлопали,
Спровадили Олёшеньку в возвратной путь.
Поехал Олёшенька в возвратной путь,
Ко тому-де ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимёру:
«Еще я говорил им таково слово:
Не унесли ли братынечки серебряной?
Тому они, калики, не веруют,
Идут-де калики по чисту полю».
Говорил тут Владимёр таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!
Поезжай-кася ты да во чисто полё,
Настиги-тко калик да перехожиих,
Подъедь-кася к им да потихошенько,
Спроси-ткось ты их дак ты ладнёшенько».
А тут-то Добрыня не ослышался,
Да бежал тут Добрыня на конюшен двор,
Он уздал-де, седлал да коня доброго,
Выводил-де коня да на широкой двор,
Лёгко, скоро скакал да на добра коня,
Поехал Добрынюшка во чисто полё.
Да завидел Добрынюшка во чистом поле
Тех-де калик да перехожиих,
Подъехал он к им да потихошенько,
Соходил-де Добрынюшка со добра коня,
Кланялся-де им да до сырой земли:
«Уж вы здравствуйте, калики да перехожие!»
Отвечали калики перехожие:
«Ты здравствуй, Добрынюшка Микитич млад!»
Говорил тут Добрыня таково слово:
«Уж вы ой есь, калики перехожие!
Ночевали вы во городе во Киеве,—
Не попала ли братынечка княженецкая?»
Тут-де калики не ослышались —
Все копьица в землю испотыкали,

На копьица сумки исповешали,
Еще начали друг друга обыскивать:
Нашли эту братынечку серебряну
У того это у Михайла Михайловича,
Отдавали Добрынюшке Микитичу.
Добрынюшка Микитич низко кланялся,
Лёгко, скоро скакал он на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву.

А тут-де калики перехожие
Начали судить ёго своим судом:
Копали в сыру землю по поясу,
Речист язык ёго тянули теменём,
Ретивоё сердцо сквозь хребетну кость,
Сквозь хребетную кость да промежу́ плеча,
А очи ти, очи ясные косицами.
Оставляли казнёна на чистом поле,
Все копьица в руки они побрали,
На копьица сумки исповешали,
Пошли-де калики по чисту полю.
Идучи-де калики по чисту полю,
Овернулися калики они возврат-назад,—
А сзади идет Михайла Михайлович млад.
Тут-де калики становилися,
Брали Михайла Михайловича,
Они опять стали казнить по-старому,
Оставили казнёна на чистом поле.
Пошли-де калики по чисту полю,
Овернулись калики возвратной путь,—
Да идет тут Михайла Михайлович млад.
Становились они да на чистом поле,
Все копьица в землю испотыкали,
Сумки на копья исповешали,
Они начали падать ёму да во резвы ноги:
«Прости нас, Михайло Михайлович млад!»

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У честной вдовы да у Ненилы
А у ей было́ чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,

Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшоницу засевати —
Родну матушку свою хочё кормити.

А ко той вдовы да ко Ненилы
При́шли люди к ней весели́е,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здравствуёшь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?»
— «А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшоницу засевати —
Ро́дну матушку́ хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдем к Вавилушку на ниву,—
Он не йдет ле с нами скоморошить?»
А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, чадо Вавило!
Тебе дай бог нивушка орати,
Еще белую пшоницу засевати —
Родну матушку тебе кормити».
— «Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
— «Мы пошли на инищое царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то чадо́ Вавило:
«Я ведь песён петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
У того ведь чада у Вавила
А было́ в руках-то понюгальцо —
А и стало тут ведь погудальцо;

Еще были в руках у его да тут ведь вожжи —
Еще стали шелковые струнки.
Еще то чадо да тут Вавило
Видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те, святые,—
Он походит с има́ да скоморошить.

Он повел их да ведь домой же.
Еще тут честна вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы те ржаные —
А и стали хлебы те пшонны́е;
Понесла она куру-то варёну —
Еще кура тут да ведь взлетела,
На печней столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те, святые,
И спускат Вавила скоморошить.

А идут скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит.
«Тобе бог поможь, да те, крестьянин,
Набело горох да молотити».
— «Вам спасибо, люди весёлые,
Веселые люди скоморохи.
Вы куда пошли да по дороге?»
— «Мы пошли ни инищоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тут да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А оќол двора-то тын железной,
А на кажной тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке,
А на трех ведь на тычинках
Еще нету человечьих тут головок —
Тут и вашим-то да быть головкам».
— «Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам тут ведь сдумать —
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,

А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят».
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята ти стадами,
А стадами тут, да табунами,
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их кичигами сшибати;
Зашибал, он думат, голубяток —
Зашибал да всех своих ребяток.
Говорил да тут да ведь крестьянин:
«Я ведь тяжко тут да согрешил —
Это люди шли да не простые,
Не простые люди, те святые,
Еще я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге,
А навстречу им идё мужик горшками торговати.
«Тобе бог поможь, да те, крестьянин,
А-й тебе горшками торговати».
— «Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
— «Мы пошли на инищоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын железной,
А на каждой да тут на тычинке
По человечьей-то сидит головке,
А на трех-то ведь да на тычинках
Нет человечьих-то да тут головок,—
Тут и вашим-то да быть головкам».
— «Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать —
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:

Полетели куропцы с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами,
Они стали по оглоблям-то садиться.
Он ведь стал-то их да тут да бити
И во свой ведь воз да класти.
А наклал он их да ведь возочек,
А поехал мужик да во городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек —
Полетели куропцы с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем-то он возочку —
Еще тут у его одни да черепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь —
Это люди шли да не простые,
Не простые люди ти, святые,
Еще я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге,
Еще красная да тут девица
А она холсты да полоскала.
«Уж ты здравствуёшь, красна девица,
Набело холсты да полоскати».
— «Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
— «Мы пошли на инищое царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
А и дочь его да Перекрасу».
— «Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,

А Кузьма с Демьяном припособил:
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты ти ведь холщовы —
Еще стали атласны да шолковы.
Говорит как красная девица:
«Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди те, святые,
Еще я ведь им да не молилась».

А идут скоморохи по дороге,
А идут за инищое царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатой во переладец —
Еще стала вода да прибывати:
Он хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
И пошли быки те тут стадами,
А стадами тут, да табунами,
Еще стали воду да упивати —
Еще стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось инищоё царство
И сгорело с краю и до краю.

Посадили тут Вавилушка на царство,
Он привез ведь тут да сво́ю матерь.

СКОМОРОШИНЫ. ПАРОДИИ. НЕБЫЛИЦЫ

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

А й диди-диди-диди-диди,
Князи, послушайте,
Да бояры, послушайте,
Да вы все люди земские,
Мужики вы деревенские,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькие,
Не шумите, послушайте!
Да старушки вы старенькие,
Не дремлите, послушайте!
Молодые молодушки,
Не прядите, послушайте!
Да красные девушки,
Да не шейте, послушайте!
Да как я вам пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,—
Про того ли про большого быка,
Про быка Рободановского.
Да как тот ли великие бык,
Да как степи рукой не добыть,
Промежду роги косая сажень,
На рогах подпись княжеская:
«Василья Богдановского,
Да еще Рободановского».

Да как наш-от великие князь
Афанасий Путятинской
Да не ест он гусятинки,
Да не белы́е лебедятинки,

Да не серые утятинки,
Ни индейской курятинки,
Да свинина отъелася,
Бара́ны не хочется —
Захотелося говядинки,
Да урослой телятинки.
Да как сам-то похаживаёт,
Да как сам-то покрякиваёт,
Бородой-то потряхиваёт,
Да как сам выговариваёт:
«Да как есть ли у меня во дворе
Да такие люди на́добные —
Да сходили бы на барской двор,
Да на поместьё дворянское
По того ли по большого быка,
По быка Рободановского?»
Да как был-то Зеновей-слуга,
Да он часто по Волге ходил,
Да он много-то сёл там громил,
Да и тем голову кормил,—
Хватил конопля на плетень,
Да скочил за Москву за реку,
Ко двору-то боярскому,
Да к поместью-то дворянскому,
Да как свил-то ведь вязивцо,
Да как он, вор, догадлив был,
Быку липовы лапотцы обул,
Наперед он пятами повернул,
Да как так-то быка увел.
Да завел быка в рощицу,
Привязал быка к деревцу,
Да как сам-то похаживаёт,
Да как сам поговариваёт:
«Да как кто-то быка-то увел,
Да и тот-то безвестно ушел;
Да как кто с быка кожу сдерет,
Да и тот концом пропадет».
Да как был-то Алёша-мясник,—
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики́ востры:
Да как ткнул быка палкой в лоб,
Да как ткнул клепико́м-то в бок,
Да как взял с быка кожу слупил,
Да слупил, в трубу завертел,

Завязал его вязивцом,
Да и чуть на плечо воротил.
По несчастью Алёшенькину,
По навожденью по дьявольскому,
Да как люди те пробаяли,
Да собаки те облаяли,
Да обстали собаки в круг,—
Да лише только кожа кинуть с рук.

Да скочил за Москву за реку,
Да как к Митьке к кожевникову:
Полтора годы в деле была,
Да не у́дала из дела вышла —
Да середочка выгнила,
По краям не осталось ничто.
Да Алёше-то мя́сникову,
Да как Митьке-то кожевникову
Как кожи по рядам провели,
Да кожи те кнутом набили́,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,—
Кабы не́ люди добрые,
Да не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Да лише только головы отстать.

Та-то беда — не беда,
Да лишь бы боле той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да были два те харчевничка,
Да молодые те поспешнички:
Да как губки обрезывали,
Да бедёрки обрезывали,
Да как сделали студеньцу
Молодую да с прорезью,
Да на здоровье и с лёгостью —
Да ни на что не подумати.
Выносили на базар продавать,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да студенечку подкушивали,
Да как ей-то подхваливали:

«Да как-то это сту́деньца
Молодая да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью,—
Ни на что не подумати,—
Да не того ли большого быка,
Да быка Рободановского?»
Да как двум-то харчевиникам,
Да молодым-то поспешникам,
Да как кожи по рядам провели,
Да как кожи те кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,—
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать.

Да как то-то беда — не беда,
Да лишь бы больше той не была.
К тому ли к большому быку,
Да быку Рободановскому,
Да была Марья-харчевенка,
Молодая поспешенка:
Да кишочки обрезывала,
Да как их-то начинивала
Толоконцем да крупочкой,
Да лучком да и перечком,
Выносила на базар продавать.
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подхваливали:
Да как их-то подхваливали:
«Да как-то это ки́шечки
Молодые да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью,—
Ни на что не подумати,—
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского?»
Да как Марьи-то харчевенки,
Да молодой-то поспешенки,
Да как кожу по рядам провели,
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,

Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,—
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать.

Да как та-то беда — не беда,
Да как бы больше той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да был нéкаков волынщичок,
Да молодой-от гудошничок,
Да он дрýгом пузырь доступил,
Да как сделал волыночку,
Да на новую перегудочку,
Да как стал он на рынок гулять,
Да как стал он в волынку играть:
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да как ей-то подхваливали:
«Да как-то это волыночка,
На новую перегудочку,—
Да ни на что не подумати,—
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского?»
Да тóму ли-то волынщику,
Да молодому-то гудошнику,
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,—
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать.

Да как та-то беда — не беда,
Да как боле бы той не беды.
Да к тому ли большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да как кажная косточка
Да как стала-то в пять рублей,

Да как кажное ребрышко
Да как стало-то в семь рублей,
Опричь становых костей,
Ровно тысяча сéмьсот рублей,
А становым костям
И цены не знай.

ЛОВЛЯ ФИЛИНА

Прикажи, судáрь хозяин,
Прикажи же, господин,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
Да прошиньице сказать
Про Ловрентья-старика,
Про Ефрема-мужика.

Да Борисович Иван
Поутру ранó вставал,
Утру свету дожидал,
Он зоры́ не просыпал,
Он к суседу побежал,
Ко суседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
Колотился под окном
Он толсты́м кулаком,
Всё о шéстонько:
«Разбудися, мой сусед,
Да Тарасович Пéтр!
Еще щё у нас такó,
Что удеялося,
Учинилося?
Там за Дедковой за пожней,
За сосновым наволочком,
За Кырой за рекой —
Да там кошкою кунярка
С собакою горчит,
Пищит, верещит,
Спредиковывает.
Там прежито живут,
Две скотины бьют».

Петрушка-то встает
Умывается,
Оболокается,
Богу молится.
Он молитву творил
Всё Исусову.

Собиралися ребята
Во единую избу,
Они садились вдруг
По скамейкам в круг,
Они думали-гадали,
Советовали.
Да Клементий-Клим
Не советлив был,
Да он по полу ходил,
Не по их речь говорил,—
Они били да бранили,
Взяли прочь да прогонили.

Как пошли наши ребята
Хилина ловить.
Петрушка ходит — слуша,
Не хилин ли сидит,
А Матюша ходит — тюкает,
Хочет со́сну валить,
А Чика ходит — чиркае,
Хочет хилина стрелить.
Стрелили хилина́
Из большого изо ружья
Из оленного.
Попало хилину́
По заду́ да по перу —
Хилин стрепетался,
Чика 〈...〉.
Хилин выше поднялся
На сосну на сушину,
На самую вершину —
Под ним сук не погодился,
Хилин на землю свалился.
«Уж мы как будем, ребята,
Хилина делить?»
— «Да Петруше полтуши,
Матюше — серы уши,

Харлану — ноги драны,
Борису — ноги лисы».
Пришел Лучка,
Взял за крылко,
Бросил о́ землю.
«Уж вы глупые ребята,

Неразумны старики!
Вам на шо его делить,
Как нельзя его варить?
Мы повесим хилиночка
Ко Чикину гумешку,
На проезжу на дорожку,—
Кто ни про́йде, ни проеде,
Всяк про хилина вспомяне:
„Как теперя хилиночку
Не по сосенкам летать,

Как не нас же пугать“».

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синее море — в лохани вода.

А у Белого города — у жорнова
А была стрельба веретенная:
А и пушки, мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкие палицы — шемшуры,
А и те шешумры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,—
О том пироге, о яшном мушнике;
А и билися-дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.

А и на ту-то драку, великой бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки,
Сливные коросты — то петельки.
А втапоры старик на полатях лежал,
Силу-то смечал, во штаны 〈...〉;
А старая бабу, умом молода,
Села 〈...〉, сама песни поет.
А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, они песни поют,
Бездырые бегут — 〈...〉,
Безносые бегут — понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукой за пазуху наклал.
Безъязыкого того на пытку ведут,
А повешены слушают,
А и резаной тот в лес убежал.

На ту же на драку, великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.

В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою,
А и середи синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековостом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила,
И детей она свела — сивеньких поросяточок,
Поросяточок полосатеньких,
По дубу они все разбегалися.
А в воду они глядят — притонути хотят,
В поле глядят — убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,

А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком-то корова яицо снесла,
В осеку овца отелилася.

А и то старина, то и деянье.

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщина, да неслыхальщина:
Еще сын на матери снопы возил,
Всё снопы возил, да всё коно́пляны.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка, да неслыхальщинка:
На гори́ корова белку лаяла —
Ноги расширя́т да глаза выпучит.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка, да неслыхальщинка:
Еще овца в гнезди яйцо садит,
Еще курица под осеком траву секёт.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка, да неслыхальщинка:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушка́ми, лапками помахиват,
Он черны́м хвостом тут поправливат.
Небылица в лицах, небывальщинка:
Небывальщинка, да неслыхальщинка:
По синю́ морю́ да жорнова пловут.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка, да неслыхальщинка:
Как гулял Гулейко сорок лет за печью,
Еще выгулял Гулейко ко печну столбу;
Как увидел Гулейко в лоханке воду:
«А не то ли, братцы, синё морё?»

Как увидел Гулейко — из чашки ложкой шти хлебают:
«А не то ли, братцы, корабли бежат,
Корабли бежат, да всё гребцы гребут?»
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка, да неслыхальщинка.

СТАРИНА-НЕБЫВАЛЬЩИНА

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, скажу да стародавную,
Стародавную, да небывалую,
Небывалую, да неслыханную?
Я хотел сказать, да нечего,
Оглянусь назад, да слушать некому...
По синю морю да мужички орут,
По чисту полю да корабли бежат,
По запольицу они да езки бьют,
Езки бьют, да ходят рыб ловить,

Осетров ловят да бородатыих,
Сороженек — да они с рожками,
Уклеенок да его почелочках.
Сокол идет да пеш дорогою,
Медведь летит да по поднебесью,
В когтях да он несет коровушку,
Черно-пеструю да белохвостую.
Во бору кобыла да белку злаяла,
В осеку овца да яйцо снесла,
На дубу свинья да гнездо свила,
Гнездо свила да детей вывела,
Малых деточек да поросяточек,—
По сучкам сидят, да ускочить хотят,
Под верх глядят, да улететь хотят.

Ай за славным городом за жорновом
Разыгрался мелин да с хлопотом.
Уж ты хлопот, хлопот, хлопотушец!
В высоких горах — да на печи в дровах,
На печи в дровах да сидит богатырь:
Он хрен да редечку повыломал,
Белу капусту повырубил,
Пироги да шаньги он полками брал.

Ай сказали блины, что в печи каша есть,
И молочная, да наволочная.
Как за славным городом за ступою
Толкут тут бабы, стукают.
И пошла у них стрельба-пальба,
Стрельба-пальба да веретенная,
На выручку да поваренкима.
Ай пошел у них рукопашный бой,
Рукопашный бой да издерихима;
Исподелали шпаги да всё лучинные,
У них тут пошел да кровопролитный бой.

НЕБЫЛИЦА ПРО ЩУКУ ИЗ БЕЛОГО ОЗЕРА

Да худому-де горё да не привяжется,
Да тому-то-де горюшко нонь привяжется,—
Еще кто жо горё можот измыкати,
После матери горё перемыкати.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковинне:
Да медведь-от летит да по поднебесью,
Да короткими лапами помахиват,
Да коротким хвостиком подправливат.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
Да корабль-от бежит да по сырой земли,
Да тёмные лесы да бечевой идут.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
«Да во славном-то было да Беле-озере,
Заселилася щука да преогромная,
Да робят-де хватат, да жоребят глотат.
Кабы стали-то думу да они думати:
Еще как-то бы щуку да нынь добыть ее?
Да сковали-то уду нынь десять пудов,
Да надели жеребенка тут кобыльего,
Да бросили-де во славно Бело-озеро,—
Да хваталася щука преогромная,
Да не мала, не велика — девяносто пуд.

Потянули-то щуку нынь на вёшной лед,
Да бы вёшной-от лед тут изгибается.
Кабы добыли-то щуку на крутой берег,
Да отсекли у щуки большу голову,
Положили-то голову на больши сани,
Повезли эту голову во три коня,
Повезли-то ли голову к самому царю.
Привозили-то голову к самому царю,
Собиралося народу да много множество,
Удивилися они да большой головы,
А отсекли у ей да праву ягодицу,
Отдавали царю ей на почесен пир,
Пировали-столовали тут целы суточки,
Кабы вси-то тут ягодицей наедалися.

СТАРИНА О ЛЬДИНЕ

Как во славном-то городе было во Киеве,
Да как у славного князя да у Владимира,
Тут сидела во туесе Лединушка,
А как Лединушка сидела да тут княгинею.
Она с Покрова дни сидела да до Петрова дня,
А о Петрове дни Лединушка растаяла.
Да еще это-то чудышко было́ не чудноё,
Да я уж видел тут чудышку почудне того:
Да как по синему-то морю да жорнова плывут,
А белоногой-от заяц да бечёвой идет.
А уж как это-то чудышко было не чудноё,
Да уж я видел тут чудышко почудне того:
Да уж как сын-от на матери дрова везет,
А молодую жону свою в поводу ведет,
Родну матушку-то понукивает:
Молоду жену подпрукивает:
«Да уж как ну-кася, ну как родна матушка,
Да уж ты тпру-кася, стой, да молода жона!
Да как родну тую матушку тя черт не возьмет,
А молодая жона дак вона пуп надорвет».

ПРИЛОЖЕНИЕ

(ИЗ ДРУГИХ ВАРИАНТОВ И РЕДАКЦИЙ БЫЛИН)

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ. ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ БОГАТЫРЕЙ КИЕВСКИХ

Исцеление Ильи Муромца

Вар. к 38—47
I

А ён выпил ли чарушку полную,
А спросили его старцы прохожие:
«А уже что же ты, Ильюша, в себе чувствуешь?»
—«А я чувствую ли силу великую,—
А кабы было колечко во сырой земли,
А повернул ли земёлышку на ребрышко».
Ай говорили тут старцы таковы слова:
«А ты поди-ка в погреба славны глубокие,
А налей-ка ты ли чарушку полнешеньку».
А принес ён чару полнешеньку:
«А уж выпей-ка чару единёшенёк».
А уж выпил ён чару единёшенёк.
«А топере, Илья, что ты чувствуешь?»
— «А нунь у меня силушка ли спала ли,
А спала у мя сила вполовинушки».
Ай говорили старцы прохожие:
«А ведь и живи, Илья, да будешь воином.
А на зимли тебе ведь смерть буде не писана,
А во боях тебе ли смерть буде не писана».

Вар. к 38—47, 94—123
II

Еще выпил Илья до во второй тут раз,
А говорят ему да таковы слова:
«А каков ты, Илья да сын Иванович,
А еще много ле в себе да силы чувствуёшь?»
А говорил где Илья да сын Иванович:
«Еще силы-то во мне тепере порядосьнё,
Еще мог я бы ехать да во чисто полё,
А еще мог я бы смотреть а людей добрые,
А еще мог я бы стоять за веру православную,
А за те же за церкви да я за божьи нонь,
А за те за почёстные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверныих,
А за ту сироту я да маломожонну.
А еще нету у мня да нонь добра коня».
А говорят-де калики да перехожие:
«А да поди-тко ты, Илья, по утру по раннему,

А еще встретишь в поле нонь одного
хресьянина,—
А да ведет он ведь коничка-селеточка.
А ты купи-тко за деньги, за золоту казну,
А да корми ёго пшеницой да белояровой,
А еще пой ёго ведь нонь да ключовой водой,
А води-тко ты на росы холодные,
А давай-ка по росам ёму кататися,
А через тын железной да перехаживай,
А жеребчик у тя будёт да перескакивать.
Еще будёт тебе конь да лошадь добрая,
Еще добра-де лошадь да богатырская,
А да копье будёт тебе неизменноё,
А слуга тебе будёт да конь тут верная.
А да поедёшь ты, Илья, да во чисто полё,—
А еще смерть-то тебе, Илья, не писана,
А да дерись ты, борись хошь с каким
богатырём,
А не съезжайся-ка ты с Самсоном тут,
А Самсоном тут, Святогором же,
А еще тех богатырей нонь земля не несет,
А еще ездят нонь они как по щелейкам».

Илья Муромец и Святогор

Вар. к 1—44
I

Снарядился Святогор во в чисто поле гуляти,
Заседлает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается,
Грузно от силушки, как от тяжелого беремени.
Вот и говорит Святогор:
«Как бы я тяги нашел,
Так бы я всю землю поднял».
Наезжает Святогор в степи
На маленькую сумочку переметную,
Берет погонялку, пощупает сумочку —
Она не скрянется,
Двинет перстом ее — не сворохнется,
Хватит с коня рукою — не подымется.
«Много годов я по свету езживал,
А эдакого чуда на наезживал,
Такого дива не видывал —
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется».
Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обема рукама,
Поднял сумочку повыше колен,
И по колена Святогор в землю угряз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор угряз, тут и встать не мог,
Тут ему было и кончение.

Вар. к 52—146
II

Наехал Илья в чистом поле
На шатер белополотняный —
Стоит шатер под великим сырым дубом,
И в том шатре кровать богатырская немалая,
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязал Илья добра коня к сыру дубу,
Лег на тую кровать богатырскую
И спать заснул.
А сон богатырский крепок —
На три дня и на три ночи.
На третий день услыхал его добрый конь
Великий шум с-под сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лесушки шатаются,
Реки из крутых берегов выливаются.
Бьет добрый конь копытом о сыру землю,
Не может разбудить Илью Муромца.
Проязычил конь языком человеческим:
«Ай же ты Илья Муромец!
Спишь себе, проклаждаешься,
Над собой незгодушки не ведаешь —
Едет к шатру Святогор-богатырь.
Ты спущай меня во чисто поле,
А сам полезай на сырой дуб».
Выставал Илья на резвы ноги,
Спущал коня во чисто поле,
А сам выстал во сырой дуб.
Видит — едет богатырь выше лесу стоячего,
Головой упирает под облаку ходячую,
На плечах везет хрустальный ларец.
Приехал богатырь к сыру дубу,
Снял с плеч хрустальный ларец,
Отмыкал ларец золотым ключом:
Выходит оттоль жена богатырская —
Такой красавицы на белом свете
Не видано и не слыхано,
Ростом она высокая,
Походка у ней щапливая,
Очи ясного сокола,
Бровушки черного соболя,
С платьица тело белое.
Как вышла из того ларца, собрала на стол,
Полагала скатерти браные,
Ставила на стол ествушки сахарние,
Вынимала из ларца питьица медвяные.
Пообедал Святогор-богатырь
И пошел с женою в шатер проклаждатися,
В разные забавы заниматися.
Тут богатырь и спать заснул,
А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю
И высмотрела Илью в сыром дубу.
Говорит она таковы слова:
«Ай же ты дородний добрый молодец!

Сойди-ка со сыра дуба,
Сойди, любовь со мной сотвори,—
Буде не послушаешься,
Разбужу Святогора-богатыря
И скажу ему,
Что ты насильно меня в грех ввел».
Нечего делать Илье,—
С бабой не сговорить,
А с Святогором-богатырем не сладить;
Слез он с того сыра дуба
И сделал дело повелёное.
Взяла его красавица богатырская жена,
Посадила к мужу во глубок карман
И разбудила мужа от крепкого сна.
Проснулся Святогор-богатырь,
Посадил жену в хрустальный ларец,
Запер золотым ключом,
Сел на добра коня
И поехал ко Святым горам.
Стал его добрый конь спотыкаться,
И бил его богатырь плеткою шелковою
По тучным бедрам.
И проговорит конь языком человеческим:
«Опереж я возил богатыря да жену богатырскую,
А нонь везу жену богатырскую и двух богатырей:
Дивья мне потыкатися».
И вытащил Святогор-богатырь
Илью Муромца из кармана,
И стал его выспрашивать,
Кто он есть и как попал к нему во глубок карман.

Илья ему сказал всё по правды, по истины. Тогда Святогор жену свою богатырскую убил, а с Ильей поменялся крестом и назвал меньшим братом.

Вар. к 45—150
III

На тых горах высокиих,
На той на Святой горы,
Был бога́тырь чудныи,
Что ль во весь же мир он дивныи,
Во весь же мир был дивныи,
Не ездил он на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотел узнать казак наш Илья Муромец
Славного Святогора нунь богатыря,
Отправляется казак наш Илья Муромец
К тому же Святогору тут богатырю,
На тыи было на́ горы на высокие.
Приезжает тут казак да Илья Муромец
А на тыи было горушки высокие,
Ко тому же Святогору да богатырю,
Приезжает-то к ему да поблизёхонько,
А й поклон ведет да понизёхонько:
«Здравствуешь, бога́тырище порныи,
Порныи богатырь ты, да дивныи».
— «Ты откуда, добрый молодец,
Как тя нарекают по отечеству?»

— «Я есть города нунь Муромля,
А села да Карачаева,
Я старыи казак да Илья Муромец.
Захотел я посмотреть Святогора нунь богатыря:
Он не ездит нунь на матушку сыру землю,
К нам, богатырям, да он не явится».
Отвечает богатырь было порныи:
«Я бы ездил тут на матушку сыру землю —
Не носит меня мать сыра земля,
Мне не придано тут ездить на святую Русь,
Мне позволено тут ездить по горам да по высокиим,
Да по щёлейкам по толстыим.
А ты старыи казак да Илья Муромец!
Мы съездим же-ка нунечу по щелейкам,
А поездим-ка со мной да по Святым горам».
Ездили они было по щелейкам,
Разъезжали тут они да по Святым горам,
Ездили они по многу времени,
Ездили они да забавлялися...

Вар. к 148—221
IV

Да поехали они да как прямым путем,—
Еще строят домовищо да белодубово.
Приезжали где они да к добрым молодцам,
Да давали бы они да как божью помóщь,
Говорил Святогор да таково слово:
«Да кака у вас идет да ноне за работка?»
Отвечали бы ему да таково слово:
«Еще ездит-де нонь да на чистых полях,—
Да названьё ему, да добру молодцу,
По названью где он да ноне Святогор,
Про ёго-де работам домовищо белодубово».
Говорил где Святогор да таково слово:
«Уж вы как где-ка нонь, да как вы знаете,
Да велико ле, мало, да как пример нонь взять?»
Да соскакивал он нонь со добра коня,
Да ложился в домовищо да белодубово,
И закрывали дощочки белодубовы,
Говорили бы они да таково слово:
«Еще лег — дак теперече не выйдёшь нонь».
Говорил Святогор да таково слово:
«Растяну ведь я нонь да ногу правую —
Да улетят ведь ваши нонь укрепы все;
Да раскину ведь я нонь руку правую —
Расшибу я домовищо белодубово».
Говорили бы строители таково слово:
«Еще мошь ле ведь ноне да как подествовать».
Растянул-де ведь нонь да ногу правую —
Как права та нога да нонь не дествуёт.
Растянул где Святогор да руку правую —
Как права та рука да нонь не дествуёт.
Говорил Святогор таково слово:
«Уж ты ой еси, Илеюшка ты Муромец!
Ухвати-ткося палицу буёвую,
Разбивай домовищо да белодубово».
Тому слову где старой да не ослышался,

Ухватил он ведь палицу буёвую,
Как ударил домовищо да белодубово,
Как ударил где старой — да обруч наковал;
Как ударил где старой да ноне второй раз —
Еще второй ноне обруч да ведь как наковал;
Как ударил старой-от да ноне треть-ёт раз —
Еще треть-ёт старой да обруч наковал.
Загорело у старого да ретиво сердцо,
Расходились у старого да могучи плеча —
Заковал домовищо да белодубово.
Еще тут Святогору да не бывать на Руси,
Не видать Святогору да свету белого.
Говорил Святогор да таково слово:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Да пойдет где у меня да пена желтая —
Еще ту где пену да сдолой сгреби;
Да пойдет где у мня да пена смёртная —
Еще ту ноне пену да как сдолой сгреби;
Еще третья пойдет да пена белая —
Еще ту же нонь пену да как три раз лизни:
Еще той где нонь силы будёт довольнё ей».
Да слизал где эту пену да Илья Муромец,
Да слизал эту пену да ноне белую —
Еще стало у его силы вдвоем-втроем.
Еще тут-де старой да разостался с им,
Да пошел где старой да во чисто полё,
Поимал где своёго да коня доброго,
Да садился старой да на добра коня —
У добра коня подломилась как хребётна кость.

Вар. к 199—210
V

Говорил он Ильи да нонче Муромцу:
«Уж ты ой Илья да нонче Муромец!
А пойдет из меня сила могуча нонь:
А перва пойдё — дак ты стой ведь тут;
А втора где пойдё — дак ты ведь тоже стой;
А еще третья пойдет — дак ты измойся тут,
А измойся-ка ты, да искупайся-тко».
А да стоял где Илья тут сын Иванович —
А перва пошла сила могучая,
А втора-де пошла сила могуча тут,
А тут где Илья да нонь не выстоял,
Приказанью нонь Илья да нонь не выслушал,
А да измылся тут Илья, да искупался он:
А сделалась в ём сила необъятна тут,
А да деваться ёму стало тут ведь некуда,
А еще рвал он тут пенья да всё как дубьё он.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Вар. к 9—13
I

Не сы́рой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются,—
Расстилается сын перед батюшком,
Он и просит сее благословеньица:
«Ох ты гой еси, родимой милой батюшка!

Дай ты мне свое благословеньицо,
Я поеду в славной стольной Кеев-град».
〈. . . . .〉
Отвечат старóй хресьянин Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тее благословленье дам,
А на худые дела благословленья нет.
Поедешь ты путем и дорогою —
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистым поле хресьянина».

Вар. к 26—27
I

Богатырско сердцо разгорчиво и неуёмчиво,
Пуще огня-огничка сердцо разыграется,
Пуще пляшшого мороза разгорается,
Тут возгóворит Илья Муромец таково слово
«Не хотелось было батюшку супротивником быть,
Еще знать-то ёго заповедь переступить».

Вар. к 164—168
I

Возговорит Илья Соловейке-разбойнику:
«Что у тея дети во единой лик?»
Отвечат Соловейко-разбойничек:
«Я сына-то вырощу — за нёго дочь отдам,
Дочь ту выращу — отдам зá сына,
Чтобы Соловейкин род не перевóдился».
За досаду Илье Муромцу показалося:
Вынимал он саблю свою вострую,
Прирубил у Соловья всех детушок.

Вар. к 244—308
I

Тут возговорит Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, дородной доброй молодец,
Илья Муромец сын Иванович!
Прикажи ёму свистнуть громким голосом».
Возговорит Илья Муромец таково слово:
«Уж ты батюшка наш Володимир-князь!
Не во гнев бы тее, батюшка, показалося
Я возьму тея, батюшку, под пазушку,
А княиню ту закрою под другою».
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Свистни, Соловейко, в полсвиста».
Свистнул Соловейка во весь голос —
Сня́ло у палат верх по оконички,
Разломало все связи железные,
Попадали все сильны могучи богáтыри,
Упали все знатны князи-бóяря,
Один устоял Илья Муромец,
Выпущал он князя со княиней из-под пазушок.
Возговорит сам батюшка Володимир-князь.
«Исполать тее, Соловейко-разбойничек!
Как тея взял это Илья Муромец?»
Ответ держит Соловейко-разбойничек:
«Ведь на ту пору больно пьян я был,
У меня большая дочь была именинница».
Это слово Илье Муромцу не показалося,
Взял он Соловейку за вершиночку,
Вывел ёго на княженецкой двор,

Кинул его выше дерева стоячего,
Чуть пониже оболока ходячего,
До сырой земли допускивал — ино подхватывал,
Расшиб Соловейко свое все тут косточки.

Вар. к 311
I

Возговорит сам батюшка Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Жалую тея трёмя я ме́стами:
Пе́рво место — подле меня ты сядь,
Друго́ место — супроти́ меня,
Третье — где ты хочешь, тут и сядь».
Зашел Илья Муромец со конничка,
Пожал он всех князей и бо́ярей
И сильных могучих богатырей —
Очутился он супроти князя Володимира.

Вар. к 3—13
II

Отправлялся стары казак Илья Муромец
Он на ту на славу да на великую,
Он на ту похвалу да на предивную,
А еще заповедь-то клал себе великую:
«Ай мне-ка ехать бы дорогою — не подорожничать,
Не подорожничать, ехать — не кроволитничать».
〈. . . . .〉
Ай он ведь заповедь-то клал себе великую
А на тот-де-ка на лук, на калену стрелу,
А на ту-де-ка на сабельку на вострую,
А на ту-де-ка на палочку на буёвую,
А на то-де-ка копейцо да брусоменчато.
А прикаивал ко стремени ко булатному,
А не откаивать до города до Киева.

Вар. к 97—102
II

Говорил-де-ка Илеюшка таковы слова:
«А прости меня, осподи, в таковой вины,—
У мня заповедь кладёна великая:
Мне-ка ехать дорогой — не подорожничать,
Не подорожничать, ехать, не кроволитничать
А да на тот-де на лук, на калену стрелу;
А еще нонече лук да нужно-надобно,
Понужне этого надо калена стрела».
А брал где лучок во белы руки,
А натягивал где Илья да всё тугой-от лук,
А направлял где Илья да калену стрелу,
А сам ко стрелы стал приговаривать:
«А лети, моя стрелочка каленая,
А выше лесу лети да выше темного,
А пониже ты облака ходечего,
А пади, моя стрелочка каленая,
А не на воду пади, стрела, не на землю,
А не на леса, стрелочка, не на людей,
А пади Соловеюшку во правой глаз».

Вар. к 122—168
III

Ай увидали его дочери любимые,
А больша та говорила да таково слово:

«Эвон батюшко-то едёт да мужика везет».
А меньша та говорила таково слово:
«А мужик-от едёт да везет батюшка».
А одна ведь хватила да коромысельцо,
А другая хватила да всё помёлышко,
А бежат они к удалу да добру молодцу,
А хотят убить да добра молодца,
Укоротать хотят да веку долгого.
А говорил тут Соловеюшко таково слово:
«Уж вы ой еси, дочери любимые!
Насыпайте-тко мису красна золота,
А втору насыпайте да чиста серебра,
А третью насыпайте да скатна жемчуга,
А вы дарите-ка удала да добра молодца —
Ай он не спустит ли меня да на свою волю».
⟨. . . . .⟩
Ай ён да́ры ти берет, да им челом на бьет.

После 311
IV

И взял красно солнышко Владимир-князь
Илью Муромца за белы́ руки́
И ввел его в гриднюшки во светлые,
И посадил он Илеюшко еще выше всех,
И стал он Илеюшко нонь потчевать.
⟨. . . . .⟩
Говорит-то красно солнышко да таково слово́:
«Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку —
Над князя́ми ты будешь еще выше всех,
Над богатырями-то ты будешь да еще выше всех».
Вставал тут Илеюшко да на резвы́ ноги́,
И кланялся Илеюшко да пояса.

Про Илеюшку эта славушка да всё окончилась.

Три поездки Ильи Муромца

Вар. к 1—43
I

Ехал стар по чисту́ полю,
По тому раздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По белы́м грудя́м расстилается,
Как скате́н жемчуг рассыпается.
Да под старым конь наюбел-бело́й,
Да ведь хвост и грива научёр-черна.

Вар. к 109—155
I

Приезжает ко двору ко широкому,
Теремо́м назвать — очень мал будёт,
Городо́м назвать — так велик будёт.
Как выходит девушка-чернавушка,
Она берет коня за шелко́в пово́д,
Она ведет коня да ко красну́ крыльцу,
Насыпат пшена да белоярова,
Как снимат стара́ со добра коня,
Она ведет стара да на красно́ крыльцо,

На красно крыльцо да по новы́м сеням,
По новым сеням в но́ву горницу,
Скидыват его да распоясыват,
Да сама говорит таковы слова:
«Пожилой уда́лой добрый молодец!
Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
Тебе пить ли, исть нынче хочется,
Опочинуться со мной ли хочется?»
Говорит тут стар таково слово́:
«Хошь я еду дорогой очень дальнею,
Мне ни пить, ни есть мне не хочется,
Опочинуться с тобой хочется».
Она старому кровать да уж указыват,
А сама от кровати дале пятится.
Говорит-то стар да таково слово:
«Хороша кровать изукрашена,
Должно быть кроваточке подложной быть».
Она старому кровать уж указыват,
А сама от кровати далечо́ стоит.
Как могучи плечи расходилися,
Ретиво́ сердцо разъярилося,
Он хватал-то он за белы́ руки́,
Он бросал он на кровать ле тесовую —
Полетела кровать да тесовая
Да во те во погрёба глубокие.
Как спущался стар да во глубок погрёб —
Там находится двадцать девять молодцев,
А тридцатый был сам стары́й казак,
Сам старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказывать,
Наказывать да наговаривать:
«Я уж езжу по полю ровно тридцать лет,
Не сдаваюсь на речи я на бабьи же,
Не утекаюсь на гузна их на мягкие».
Вот они тут из погреба вышли,
Красное золото телегами катили,
А добрых ко́ней табунами гнали,
Мо́лодых молодок толпи́цами,
Красных девушек стайцами,
А старых старушек короби́цами.

Вар. к 1—103
II

Середи было царства Московского,
И середи государства Российского,
И середи Москвы, в Кремле-городе
Що удеялось-учинилося?
Тут пролегала дорога широкая,
Ширина той дороги широкое —
Три косые сажени печатные,
Глубина той дороги глубокое —
Доброму коню до черёва кониного,
Доброму молодцу до стремени булатного.
Тут ехал-проехал стар матёр человек:
Голова бела, да борода седа.
Тут навстрету старому станишники,

Тут не много, не мало — восемьсот человек,
Как хотят они старого ограбити,
Полишити свету белого,
Укоро́тать века долгого.
Тут спроговорил стар матер человек:
«Уж вы ой еси, млады станишнички!
Уж вам бить старого не по що,
И взять у старого нечего —
Золотой казны не случилося.
Тут есть под старым доброй конь —
Он уносит у ветра, у вехоря,
Утягиват у пули свинцовое,
Он ускакиват у ядра каленого.
Только есть на старом кунья шуба,—
На кармане у старого пятьдесят рублей,
Тут старому на чару винную,
Що на винну чару опохмельную.
Що у той шубы три пуговки:
Еще перва пуговка пятьсот рублей,
И вторая пуговка о тысячу,
И третьей пуговки цены здесь нет,
И только есть она да у царя в Москвы,
У царя в Москвы да в золотой казны».
Уж тут млады станишнички обзарились
И приступают к старому накрепко,
Хотят старого ограбити
И полишити свету белого,
Укоротать веку долгого.
И с плеч снимал он тугой лук,
Он намётывал стрелу каленую,
Он ударил да в сы́рой дуб —
Уж тут рассыпался сырой дуб
На мелко череньё ножовоё.
Уж тут млады станишнички ужахнулись:
«Уж нам бить, ребята, старого не по що
И взять у старого нечего».

Вар. к I—II
III

Ездит-то стар по чисту полю,
А сам себе старой дивуется:
«Ах ты старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость — триста́ годов,
А триста годов да пятьдесят годов!
Застала ты старого в чистом поли,
В чистом поли застала черным вороном,
А села ты на мою буйну голову.
А молодость моя, молодость молодецкая!
Улетела ты, молодость, во чисто поле,
А во чисто поле да ясным соколом».
Приехал как старой ко камешку,
А ко белому каменю ко Латырю.

Илья Муромец и Идолище

Вар. к 16—30
I

Да и князь-от Владимир да всё догадлив был,
Да пошел же по городу по Киеву.
Да настречу идет ему калика перехожая,
Перехожая калика да переброжая.
Говорит тут Владимир-князь стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, калика да перехожая,
Перехожая калика да переброжая!
Ты пойди-ка, сходи да во чисто полё —
Не увидишь ли где старого Илью Муромца?
Как пущай он приедёт да в красен Киев-град,
Как защитит у нас да красен Киев-град».
Еще тут-то калика да не ёслушалась,
Да пошла же калика да во чисто полё,
Да идет-то калика да по чисту полю,—
Да настречу калике-то старой едёт.
Как близко калика да подвигается,
А и низко старому да поклоняется:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Как во городе во Киеве зло несчастьё есь —
Подошло как Издолищо проклятоё,
А и длинноё Издолищо, семисажонно,
Запретило просить милостину Христа ради,
Да сидит оно во грыне во княжонецкоей,
Да держит у Апраксеи руки в пазухе».

Вар. к 36—54
II

А пошел молодец на чужу сторону,
На злодеюшку парень пошел незнакомую.
Не несут молодца меня ноги резвые,
Не глядят у молодца да очи ясные,
А катится буйна голова со могучих плеч.
А настречу молодцу гуня сарацинская:
Говорила к ёму гунюшка сарацинская:
«Уж ты здравствуёшь, удалой да доброй молодец!
А куда ты идешь, куда ты правишься?»
— «А я иду как ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю да ко Владимиру,
А ко той же к Опраксеи-королевичны,
А мне осподу богу помолитися,
Ко святым-де мощам надо приложитися,
А князю Владимиру покоритися,
А Опраксеи-княгины да извинитися.
А ты давно ле нонь, гунюшка, из Киева?
А еще всё ле во Киеве по-старому,
А еще всё ле во Киеве по-прежному,
А еще нет ле у нас в Киеве чого нового?»
А говорила ёму гунюшка сарацинская:
«Уж ты ой удалой да доброй молодец!
Да большо у нас в городе смешеньицо,
А велико у нас в Киеве потрясеньицо —
А ко нашому ко городу ко Киеву,
А ко нашому князю ко Владимиру
А подошло где Издолищо поганоё,
А поганоё Издолищо проклятоё;

А голова-то у Издолища как пивной котел,
А между носом глаза́ нонь да калена стрела,
Да в плечах-то Издолищо всё коса сажень.
А сидит он во грынюшке столовой тут,
А за тем же за столиком за кленовым же,
А с той же с княгиной да со Опраксеей,
А еще князь-от Владимир да ёго потчуёт.
А да еще у на в Киеве заповедано —
А кто помянёт у нас да Илью Муромца,
А да такового у нас да нонь судом судить,
А судом где судить, да живому не быть,
Очи ясны вымать ёго косицами,
Да язык бы тянуть да ёго теменём».
А спросил где Илья да нонче Муромец:
«А где как русские богатыри?»
Отвечала ёму гуня да сарацинская:
«А богатырей в Киеве не случилося,
А сильних-могучих не погодилося —
А Добрынюшка уехал на теплы воды,
А Илеюшка уехал да тут на родину».

Вар. к 36—54
III

А й ездил Илья Муромец по чисту полю,
Да наехал он калику перехожую.
«А здравствуй ты, калика перехожая!
Ты откуль идешь, да откуль путь держишь?»
Говорит ему калика перехожая:
«Здравствуй, Илья Муромец сын Иванович!
Разве не узнал меня, калики перехожии?
Да я есть сильнёё могучеё Иванищо,
А мы с тобой училися в одном училище,
А я теперь иду да от Царяграда».
— «Ай же ты сильнёё могучее Иванищо!
Да всё ли в Цариграде по-старому,
А всё ли в Цариграде по-прежнему?»
— «Ах ты свет государь да Илья Муромец!
А в Цариграде да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему,—
А приехал поганоё Идолищо,
Да зашел он к царю Костянтину Боголюбовичу
Во тыи в палаты белокаменны,
А сидит за столами за дубовыма,
А за ествами сидит он за сахарнима,
А к царице сидит он личинищом,
А к царю Костянтину Боголюбовичу,
А к царю сидит он хребтинищом.
И такового вора век не видывал,
И слыхом про вора не слыхивал.
Голова у него как пивной котел,
А межу глаз идет стрела каленая,
А в пле́чах у вора сажень косая та».
— «Чего же ты, сильнее могучее Иванищо,
Не очистил ты Царяграда,
Не убил ты поганого Идолища?»
— «Ах ты свет государь да Илья Муромец!

Да не смел напустить на вора, на разбойника,
Да на поганого Идолища».
Да говорит тут Илья Муромец·да сын Иванович:
〈. . . . .〉
«Я пойду каликой во Царь-то град,
А очищу я ведь Царь тот град,
Да убью поганого Идолища».

Вар. к 89—93
IV

Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его,
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил, поил калику, зрадова́ется,
И сам-то он ему воспрого́ворит:
«Да не красное ль то солнышко поро́спекло,
Не млад ли зде светел месяц пороссветил?
Как нунечку, топеречку зде еще
Как нам еще сюда показался бы
Как старыи казак здесь Илья Муромец.
Как нунь-то есть было топеречку
От тыи беды он нас повыручит,
От тыи от смерти безнапрасныи».

Вар. к 136—137
IV

Как царь тут Костянтин он Боголюбович
Благодарствует его, Илью Муромца:
«Благодарим тебя, ты старыи казак Илья
Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
От тыи от смерти безнапрасныи.
Ах ты старыи казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительстве,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ёму Муромец:
«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя столькй я три часу,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у его ровно тридцать лет —
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкие,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у его я уветлива, есть приветлива.
Да ах ты царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть».
〈. . . . .〉
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с се́бя платья ты каличьии,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Наде́вал на ся платьица цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищом еще распрощается:

«Прощай-ка нунь, ты сильноё могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ка,
А выручай-ка ты Русию от поганых».

После 118
V

Это Одолищу за беду пало,
За беду пало за великую,
Говорил Одолище поганое:
«Кабы был здесь Илья Муромец —
На долонь бы посадил, да другой прижал,
Меж долонями мокро́ бы повыжалось».

Алеша Попович и Тугарин

Вар. к 54—90
I

Солнышко было на вечер,
У князя была беседушка.
Княгиня по сенюшкам похаживала,
Крупными бедрами поворачивала,
Широкими рукавами поразмахивала,
Ну часто в окошечко посматривала,
Ждала-пождала друга милого к себе,
Того-то ведь Змея ну Тугарина.
Немножко княгиня чуть измешкалася,
Не стук то стучит, не гром то гремит —
Тут едет собака Тугаринин:
Как конь-то под ним будто лютый зверь,
А он на коне — что сенная копна,
Что сенная копна, не подкопненная;
Голова у собаки со пивной большой котел,
Глаза у собаки ровно чашнищи,
Между-то очей кленова стрела лежит.
Подъезжал собака ко широкому двору,
Сказано от собаки своему доброму коню:
«Заржи, ты мой конь, по-звериному,
А я засвищу по-змеиному».
Нежилецкие кони все пошарахнулися,
Порвали они чумбуры шелковые,
Поломали колушки все позлащеные.
Овечин конь не ворухнется стоит,
Только ушками конь поваживает,
Глазками на собаку он посматривает.
Как не тут-то собака догадался:
«Мне тут супротивничек есть».
Въезжает собака на широк светлый двор,
Слезает собака со добра своего коня,
Ни к чему свого коня не привязывает,
Никому свого доброго не приказывает,
Он входит в палаты в белокаменные,
Чудным образам, богу не молится,
Князей-то, бояр сам не здравствует,
Он здравствует княгиню Омельфу —
Берет ее за белые груди,
Целует в уста ее сахарные.

Садится в большое место,
Пониже садится чудных образов,
Повыше садится всех князей, бояр.
Как тут-то ковши наперед ему несли,
Он пойло-то пьет, по ведру берет,
По целому быку он закусывает,
Серую утицу он за скул положил.

Вар. к 55—67
II

Что во Киеве беда там случилася:
Покорился Киев Тугарину Змеевичу,
Поклонился Тугарину поганому,
Садился Тугарин в оголовь стола,
Овладал он у Владимира Евпраксию,
Не неволей ее взял, а охотою,
Опоганил он церкви православные,
Осмердил девиц, молодых вдовиц,
Истоптал он конем всех малых детей,
Попленил Тугарин всех купцов, гостей.

Вар. к 159—194
II

Ниоткуль-то взялась туча грозная,
Туча грозная со крупным дождем,
Подмочила Тугарину крылья гумажные.
Тут хватал-то Алеша саблю вострую,
Срубил он Тугарину буйну голову,
Распорол он ему белу грудь,
Вынимал его ретиво сердце,
Буйну голову поставил на востро копье,
Натыкал его сердце на кинжалище,
И поехал назад во стольный Киев-град,
И поехал ко княжому он терему.
На крыльце тут стоял Аким-парубок:
«Еще знатно молодца по поездочке —
Едет-то Алеша Попович млад,
И везет он голову Тугарина,
Везет его голову на остром копье».
Говорит тут княгиня Евпраксия:
«Еще знатно сокола по полеточке —
Что летит-то Тугарин Змеевич млад,
И несет он голову Алешину,
И несет его голову на востром копье».
Подъезжает тут Алеша Попович млад,
Бросил голову об сыру землю.
Говорит княгиня Евпраксия:
«Еще то, братцы, быват — и свинья гуся съедат».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах кабы ты не княгиня была Евпраксия,
Я назвал бы тебя сукой, 〈...〉 волочажною,
Волочилася ты под Тугарином Змеевичем».

Добрыня и Змей

Вар. к 1—2
I

Ай да прежде Рязань да слободой слыла,
Ай да нынче да славной город стал.
Ай да в том ле Рязани, славном городе,
А да жил-то Микитушка Романович,
А да жил-то Микитушка, не старился,
Ай середи веку Микитушка преставился.
Вот осталася у его да молода жона,
Вот осталася ёна право беременна,
А немножко прошло да поры-времени,
Вот родила она свое да чадо милое.
Собирали тут попов, дьяков, причетников,
Окрестили её да чадо милоё,
Нарекали ему баско новоё имечко —
Молодыя Добрынюшка Микитич блад.

А растет тут ле Добрыня лет до двенадцати,
Ён стал хватать приправу богатырскую:
Он сперва хватил копейцо бурзомецкоё —
Хорошо владет удалой доброй молодец;
Он еще хватил ле палицу буёвую —
Хорошо владет удалой доброй молодец;
Он еще хватил саблю право ведь вострую —
Хорошо владет удалой доброй молодец.
Он ведь здумал еще ехать ко синю морю,
Посмотреть ему захотелось морё синёё,
Он и стал просить у матушки благословленьицо,
Он и падал ей сам во резвы ноги —
Не дават ему благословленьица.
Кабы падал Добрыня во второй након,
Уж и просит у ей благословеньица;
Он и падал, Добрыня, во третéй након:
«Уж ты ой еси, родимая моя матушка!
Уж ты дай же мне-ка благословленьицо,
Я ведь съезжу, схожу да до синя моря».
А дават она ему благословленьицо,
А с буйной своей главы да до сырой земли,
Кабы стала она ему нонче наказывать,
Абы стала она ему да наговаривать:
«А доедешь ты, дитя, да до синя моря,
Приюстанется тебе, да припотеется,
А захочется покупаться да во синём мори,—
Во синём-то мори есть три быстры струи,
А третья-то ле струя да зла, омманчива,
А да вынесёт тебя да на синё морё,
А налéтит на тебя да змея лютая,
Кабы станет она тебя кругом облéтывать,
А обваживать свои хоботы змеиные;
Не боится она копейца бурзомецкого,
Не боится она ведь палицы буёвоей,
Не берет ее сабелька право вострая,
А боится она ведь прутиков железныих.
Ты сходи-ка наперво в нову кузницу,
Уж ты скуй-ка нынче право три прутика:

А первой-от прутик скуй железной же,
Да второй-от прутик нынче менной же,
А третье́й-от прутик оловянной бы».
Он пошел ле, Добрыня, 'нову кузницу...

Добрыня и Маринка

Вар. к 24—43
I

Как у ней-то, у палаты белокаменной,
Поразвернута палатка полотняная,
Да й сидит-то как Маринка во палатке
полотняноей,
Да й сидит она с татарином поганыим,
А й со тым сидит Горынищем проклятыим,
Да й сидит она в палатке, сама гладится.
То моло́дому Добрынюшке то дело не слюбилося,
Й он берет свой тугой лук разрывчатой,
Во свои берет во белые в ручушки,
Налагает-то он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Он спустил ту тетивочку шелковеньку
Да во эту в стрелку во каленую.
Пролетела это стрелочка каленая
А й во эту во палатку в полотняную —
То он надвоё Горынища й поро́зорвал.

Вар. к 41—76
II

Расшиб он зеркало стекольчатое,
Белодубовы столы пошаталися,
Что питья медяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это невежа на двор заходил,
А кто это невежа в окошко стреляет,
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
И втепоры Марине за беду стало,—
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя́ следы горячими,
Разжигает дрова палящетым огнем,
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими —
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молода Добрынюшки Никитьевича.
А и божья крепко, вражья-то лепко».
Взяло Добрыню пуще вострого ножа
По его по сердцу богатырскому,
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется,

Он белого свету дожидается.
По его-то счастки великия
Рано зазвонили ко заутреням,
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени,
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеренка была.
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем,—
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел,
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата —
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося,
Взбежал на крылечка на красная,
А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна.
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные,
Недоладом из пяты он вышиб вон,
И взбежал он на сени косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити его, больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичем,
Называю те детиною-деревенщиною и засельщиною.
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тута-тка, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалося,—
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хощешь ли, тебе, Змея,

Изрублю я в мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич
Хвост поджав да и вон побежал,
Взяла его страсть — так зачал 〈...〉,
А колышки метал, по три пуда 〈...〉.
Бегучи он, Змей, заклинается:
«Не дай бог бывать ко Марине в дом —
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливее».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною —
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?»
Обвернула его, Добрыню, гнедым туром.

Вар. к 39—76
III

А летела тая стрелочка прямо во высок терем,
В то было окошечко косевчато,
К суке ко Маринушке Кайдальевне,
А й Кайдальевной да королевичной.
Тут скорешенько Добрыня шел да широким двором,
Поскорее тут Добрыня по крылечику,
Вежливее же Добрыня по новым сеням,
А побасче тут Добрыня в новой горенке.
А берет же свою стрелочку каленую,
Говорит ему Маришка да Кайдальевна,
А й Кайдальевна да королевична:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Сделаем, Добрынюшка, со мной любовь».
Отвечает тут Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты душенька Маринушка Кайдальевна!
Я тебе-ка-ва не полюбовничок».
Обвернулся тут Добрыня с новой горницы,
И выходит тут Добрынюшка на широк двор.
Тут скочила же Маринушка Кайдальевна,
Брала тут ножищо, да кинжалищо,
А стругает тут следочки да Добрынины,
Рыла тут во печку во муравлену,
И сама же тут к следочкам приговариват:
«Горите вы, следочки да Добрынины,
Вот той было во печке во муравленой,—
Гори-тко во Добрынюшке по мне душа».
Воротился тут Добрыня с широка двора,
А приходит ко Марине ко Кайдальевной,
А й к Кайдальевной да королевичной:
«Ах ты душенька Маринушка Кайдальевна,
А й Кайдальевна да королевична!
Уж ты сделаем, Маринушка, со мной любовь,
Ах ты с душенькой с Добрынюшкой Микитичем».

— «Ах ты мо́лодой Добрыня сын Никитинич!
Что же надо мной да надсмехаешься?
Давень тебя звала в полюбовнички,—
Ты в меня топерь, Добрыня, не влюблялся ли,
Нунечу зовешь да в полюбовницы?»
Воротила тут она было богатыря
Тым было туром да златорогим.

Вар. к 5—76
IV

Задумал Добрынюшка женитися
На той на Марине на Игнатьевой,
Возговорит Добрыне больша сестра:
«Уж ты гой еси, Добрыня Никитич млад!
Не женись ты, Добрыня, на Маринке Игнатьевой —
Извела Маринка девять князей,
Все девять князей женихов своих,
Изведет она тебя, десятого».
Не послушался Добрыня большей сестры,
Молодой Катерины свет Никитичны,
Обернулся Добрыня сизым голубем,
Полетел Добрыня во чисто поле,
Ко той Маринке ко Игнатьевой,
Садился к ней на окошечко:
«Уж ты гой еси, Марина дочь Игнатьева!
Я приехал к тебе, Марина, свататься,
Ты походишь ли за меня замуж?»
Лежала Маринка на постелюшке,
На руке у ней лежит зме́я лютая,
На другой руке лежат два змееныша,—
Змея лютая Добрыню зажегчи́ хочет,
Два змееныша Добрыню запалить хотят.
Возговорит Маринка дочь Игнатьева:
«Уж ты гой еси, змея лютая,
Уж вы гой есте, два змееныша!
Вы не жгите, не палите добра молодца,—
Я сама с Добрынюшкой переведаюсь».
Брала Маринка Добрыню за ручки белые,
За те же перстни за злаченые,
Целовала его во уста сахарные:
«Уж ты здравствуй, Добрыня Никитич млад!»
Повела Добрыню на широкий двор,
Обернула Добрыню гнедым туром.
«Ты поди-ка, ты поди, гнедой тур,
Ты поди-ка, бежи во чисто поле,
Где там ходят гнедые девять туров,
Девять туров — всё женихи мои;
Не хватало только тебя, тура десятого,
Удала Добрынюшки Никитича.
Выдирай ты там траву со ржавчиной,
Запивай траву водою болотною».

Вар. к 91—103
IV

Садилась Маринка дочь Игнатьева,
Садилась к Добрыне на правый рог:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Ты не будешь ли меня ни бить, ни мучити —
Оберну тебя, Добрыня, добрым молодцем».
Возговорит Добрыня Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
Я не буду тебя ни бить, ни мучити,
Поучу только тебя наученьицем,
Небольшим наученьицем — по-женскому,
Поучу тебя, Маринка, как мужья жен учáт».
Отвернула она Добрыню в добра молодца.
Походили они к родной сестре Добрыниной,
Ко той ли Катерине дочь Никитичне.
Возговорит Марина дочь Игнатьева:
«Уж ты гой еси, Катерина свет Никитична!
Изволь, бери брателка родимого».
Брала она его за белы руки,
За те же перстни за злаченые,
Целовала во уста сахарные.
А дуру Маринку дочь Игнатьеву
Обернула в суку долгохвостую:
Кобели за Маринкой гоняются,
Малы ребята палками в нее метаются.

Вар. к 76—93
V

Она стала Добрынюшку обвёртывать:
Обвернула Добрыню сорокою,
Обвернула Добрыню вороною,
Обвернула Добрынюшку свúньею,
Обвернула Добрынюшку гнедым туром.
У ней было в поле тридевя́ть туров,
Сбылся в поле тридесятый тур.
Рожки ý тура да в золоте,
Ножки у тура да в сéребре,
Шерсть на турý да рыта бархату.
Добрынина сестрица та родимая
Ждет она братца да родимого,
Сама говорила таково слово:
«Никак это дело есть нé плохо».
Обвернулась сестрица сорокою,
Полетела она в Маринкину во улицу,
К душке Маринке дочь Игнатьевне,
Села на косивчато окошечко,
Сáма говорила таково слово:
«Ох ты сука 〈...〉, Маринка дочь Игнатьевна!
Ты была во городе жалищица,
Ты в городý кровопивчица,
Много и́звела ты бесповинныих голов,
Моего хошь братца ты и́звести.
Да не твой е кус, да не тебе е есть,
Хоте буде съешь, да ты подавишься,
Хоте буде глотнешь — заклекнýться ти будёт.
Захочу Марину я óберну,
Оберну Маринку я сорокою,
Оберну Маринку я вороною,

Оберну Маринку я свиньею,
Спущу Маринку ту по Киеву гулять».
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала ей заповедь великую
Отвернуть ей братца да по-старому,
Да по-старому братца, по-прежнему.
Обернулась Маринка сорокою,
Полетела в да́лече чисто́ поле.
Будет то далече во чистом поле,
У тых у туриных у пастырев,
Села к Добрынюшке Микитичу,
Села на плечко на правое.

Волх Всеславьевич

Вар. к 67—85
I

«Ай же вы дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте большего братца атамана-то,
Вы делайте дело повелёное:
Вейте веревочки шелковые,
Становите веревочки по темну лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы куниц, лисиц,
Диких зверей черных соболей
И подкопучиих белых заячков,
Белых заячков, малых горносталюшков,
И ловите по три дня, по три́ ночи».
Слухали большего братца атамана-то,
Делали дело повеле́ное:
Вили веревочки шелковые,
Становили веревочки по темну лесу, по сырой земли,
Ловили по три дня, по три ночи,
Не могли добыть ни одного зверка.
Повернулся Вольга сударь Буславлевич,
Повернулся он левым зверём,
Поскочил по сырой земли, по темну лесу,
Заворачивал куниц, лисиц,
И диких зверей черных соболей,
И белых поскакучиих заячков,
И малыих горностаюшков.
И будет во граде во Киеве
А со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольга сударь Буславлевич:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца атамана-то
И делайте дело повеленое:
А вейте силышка шелковые,
Становите силышка на темный лес,
На темный лес, на самый верх,
Ловите гусей, лебедей, ясныих соколей,
А малую птицу-то пташицу,
И ловите по три дня и по три ночи».
И слухали большего братца атамана-то,
А делали дело повелёное:

А вили силышка шелковы,
Становили силышка на темный лес, на самый верх,
Ловили по три дни, по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Буславлевич Науй-птицей,
Полетел по подоблачью,
Заворачивал гусей, лебедей, ясных соколей
И малую птицу ту пташицу.
И будут во городе во Киеве
Со своей дружинушкой со доброю,
Скажет Вольга сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца атамана-то,
Делайте вы дело повеленое:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья шелковые,
Выезжайте́ вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку да белужинку,
Щученьку, плотиченку
И дорогую рыбку осе́тринку,
И ловите по три дни, по три ночи».
И слухали большего братца атамана-то,
Делали дело повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили суденышко дубовое,
Вязали путевья шелковые,
Выезжали на сине море,
Ловили по три дня, по три ночи,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буславлевич рыбой щучинкой
И побежал по синю морю,
Заворачивал рыбу семжинку, белужинку,
Щученку, плотиченку,
Дорогую рыбку осе́тринку.

Вар. к 89—121
I

«Вы слушайте большего братца, атамана-то:
Кого бы нам послать во Турец-землю
Проведати про думу про царскую,
И что царь думы думает,
И думает ли ехать на святую Русь?
А старого послать — будет долго ждать,
Середнего послать-то — вином запоят,
А малого послать —
Маленькой с девушкамы заиграется,
А со молодушкамы распотешится,
А со старыма старушкамы разговор держать,
И буде нам долго ждать.
А видно, уже Вольге самому пойти!»
Повернулся Вольга сударь Буславлевич
Малою птицею-пташицей,
Полетел ён по подоблачью.

И будет скоро во той земли Турецкоей,
Будет у сантала у турецкого,
А у той палаты белокаменной,
Против самых окошечек,
И слухает он речи тайные,
Говорит царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
А ты знаешь ли про то, ведаешь —
На Руси-то трава растет не по-старому,
А на Руси трава растет не по-старому,
Цветы цветут не по-прежнему,
А видно, Вольги-то живого нет.
А поеду я на святую Русь,
Возьму я себе девять городов,
Подарю я девять сынов,
А тебе, царица Панталовна,
Подарю я шубоньку дорогу».
Проговорит царица Панталовна:
«Ай же ты царь Турец-сантал!
А я знаю про то, ведаю —
На Руси трава растет всё по-старому,
Цветы-то цветут всё по-прежнему.
А ночесь спалось, во снях виделось:
Быв с-под восточныя с-под сторонушки
Налетала птица малая пташица,
А с-под западней с-под сторонушки
Налетала птица чернóй ворон.
Слеталися оны во чистом поле,
Промежду собой подиралися;
Малая птица пташица
Черного ворона повыклевала,
И по перышку она повыщипала,
А на ветер всё повыпускала».
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ай же ты царица Панталовна!
А я думаю скоро ехать на святую Русь,
Возьму я девять городов
И-подарю своих девять сыновей,
Привезу тебе шубоньку дорóгую».
Говорит царица Панталовна:
«А не взять тебе девяти городов,
И не подарить тебе девяти сынов,
И не привезти тебе шубоньки дорогую».
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ах ты старый черт!
Сама спала, себе сон видела».
И ударит он по белу лицу,
И повернется — по дрýгому,
И кинет царицу о кирпичен пол,
И кинет ю во второй-то раз.

Вар. к 122—132
I

А повернулся Вольга сударь Буславлевич,
Повернулся серым волком,
И поскочил-то ён на конюшен двор,
Добрых коней тех всех перебрал,
Глотки-то у всех у них перервал.
А повернулся Вольга сударь Буславлевич
Малым горносталюшком,
Поскочил во горницу во ружейную,
Тугие луки перéломал,
И шелковые тетивочки пéрервал,
И каленые стрелы все повыломал,
Вострые сабли повыщербил,
Палицы булатные дугой согнул.

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Вар. к 5—122
I

Да на том-де-ка было да на чёстном пиру
Распотешился удалой да доброй молодец,
А да по имени старой да Илья Муромец,—
Да волочит бы шубочку соболиную,
Соболиную шубу да подарёную,
Поливаёт он бы шубочку зеленым вином:
«И так бы волочить татар поганыих,
Так бы проливать у их кровь горечая».
Еще злы были бояра да кособрюхие,
Насказали где Владимиру стольне-киевску:
«Уж ты батюшко Владимир да стольне-киевской!
Да на твоем где-ка было да на чёстном пиру,
Распотешился удалой да доброй молодец,
Да по имени старой казак да Илья Муромец,—
Он волочит твою шубу да соболиную,
Соболиную шубочку, подарёную:
«Уж мне так бы волочить князя Владимира»;
Поливаёт он бы шубу да зеленым вином:
„Еще бы так бы мне проливать кровь горечая“».
Еще в те поры нонче, да евто времечко
А повезли бы-де Илеюшку во чисто полё,
Да садили бы Илейку да во темной погрёб.

Вар. к 79—93
II

Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здравствует он братца да крестового:
«А здравствуй-ка, братец мой крестовыи,
А крестовыи братец мой, назваными!»
Да как старыи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
«Ай здравствуй-ка, брат мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?»
— «А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле пришел да не о малоем.

Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были написанные,
А заповеди были пополóжонные,—
А слушать-то брату да мéньшому,
А меньшому слушать брата бóльшого,
Да еще-то как у нас да éсте с тобой
А слушать-то брату ведь большому,
А й большому слушать брата меньшого».
Да тут гóворит Илья таково слово:
«Ах ты братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку-топеречку у нас с тобой
А все-то пописи да были ведь написаны,
А заповеди были поположены
〈. . . . .
Кабы не братец ты крестовый был,
А никого бы я не послушал зде.
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я, названого,—
А тот ли-то князь стольне-киевской
А знал-то, послать меня кого позвать.
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Дак я тебя, братец же, послушаю».

Вар. к 120—122
II

Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-киевской!
А знал-то, послать кого меня позвать,—
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А никого-то я бы не послухал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя, князя со княгиною.
За это я тебе-то нынь прощу
А этую вину да ту великую».

Илья Муромец и Калин-царь

Вар. к 39—41
I

Да из Орды, Золотой земли,
Из тое Могозеи богатыя
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбиралося с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?

А от пару было от конинова
А и месяц, солнцо померкнула,
Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

Вар. к 505—631
I

Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Ильи за беду стало,
Говорил таково слово:
«Собака проклятый ты Калин-царь!
Отойди прочь с татарами от Киева.
Охота ли вам, собака, живым быть?»
И тут Калину за беду стало,
И плюет Ильи во ясны очи:
«А русской люд всегды хвастлив,
Опутан весь, будто лысый бес,—
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает».
И тут Ильи за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи.
Скочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах,
Не допустят Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Который ездил во Киев-град,
И зачал татарином помахивати.
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин — не ломится,
А жиловат собака — не изорвется».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль
И бьет их, ломит, вконец губит.
Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватал он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают».
Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб он в крохи ⟨...⟩.
Достальные татара на побег бегут,
Сами они заклинаются:
«Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!

Неужто в Киеве все таковы —
Один человек всех татар прибил?»

Вар. к 465—504
II

Оковали Илеюшку железами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорил ему Батый-царь сын Батыевич:
«Уж ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Послужи мне-ка так же, как Владимиру,
Верою неизменною ровно три года».
Отвечал стар казак Илья Муромец:
«Нет у меня с собой сабли вострыя,
Нет у меня копья мурзамецкого,
Нет у меня палицы боёвыя —
Послужил бы я по твоей по шее по татарския!»
Говорил Батый-царь сын Батыевич:
«Ой вы слуги мои верные!
Вы ведите Илейку на широкий луг,
Вы стреляйте его стрелами калеными».

Вар. к 630—631
III

То Владимир-князь да стольнё-киевской
Он берет собаку за белы́ руки,
И садил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты Владимир-князь да стольнё-киевской!
Не сруби-тка мне да буйной головы.
Мы напишем промеж собой записи великие,
Буду тебе платить дани век и по́ веку,
А тебе-то, князю я Владимиру».

Илья Муромец, Ермак и Калин-царь

Вар. к 12—31
I

Надевал Владимир платье ценное,
Ценное платье, печальное,
Походил ко божьей церкви богу молитися.
Встрету идет нищая калика перехожая:
«Уж ты здравствуй, Владимир стольный киевский!
Ты зачем надел черное платье, печальное,
Что у вас во Киеве учинилося?»
— «Молчи, нищая калика перехожая,
Нехорошо у нас во Киеве учинилося:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря из-за Черного
Подымался Батый-царь сын Батыевич
Со своим сыном с Таракашком,
Со любимым зятем со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев.
За сыном было сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.

Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных-могучих
богатырей —
Богатыря старого казака Илейку Муромца,
Другого богатыря Добрыню Никитича,
Третьего богатыря Алешу Поповича.
Похваляется — дашь, не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь реки,
Добрых молодцев полоню станицами,
Красных девушек пленицами,
Добры́х коней табу́нами».
— «Не зови меня нищей каликой перехожею,
Назови меня старым казаком Ильей Муромцем».
Бил челом Владимир до сырой земли.
«Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!
Постарайся за веру християнскую,
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апра́ксии,
Не для церквей и мона́стырей,
А для бедных вдов и малых детей».
Говорит стар казак Илья Муромец:
«Уж давно нам от Киева отказано,
Отказано от Киева двенадцать лет».
— «Не для меня ради, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малых детей».
Проводил Владимир Илейка во гридни
княженецкие,
Посылал его ко царю Батыю сыну Батыевичу.
Брал Илейко с собою Алешу Поповича и
Добрынюшку,
Брали они много злата, серебра,
Поезжали ко Батыю с подарками.

Камское побоище

Вар. к 262—286
I

Да победили тут силушку Кудреванкову.
Де собрались опять добры молодцы во бело́й
шатер,
Де опять-де пили-де ели, тут и спать легли.
Де старой-старенькой он ставал да тут
ранёхонько,
Де выходил и он да из бела́ шатра,
Де тут смотрел он в подзорную трубочку,
Де увидал и он в чистом поле да два удалы́х,
Два Ивана, да два Ивановича,—
Де потешаются они булатной палочкой:
Де как выбрасывают ей тут выше лесу дремучего,
Де тут пониже облака ходе́чего,
Да похваляются они да не больми словми.

Де как первой-от го́ворит:
«Кабы был-стоял в матери сырой земли да
колокольный столб —
Де поворо́тил бы и я всю мать сыру землю».
Де как другой-от говорит:
«Кабы стояла бы на небо лестница —
Дак там бы я залез и всех присек».
— «Да как за эфто нас господь де не помилуёт».
Да тут восстала опять силушка Кудреванкова:
Де кого били и се́кли на́двое — де тех двоё стало;
Де-ка кого били, секли натрое — да тех троё
стало.
Де опять съехались добрые молодцы,
Де они бились и дрались шесь дней и шесь ночей,
И де без пи́тенья, да всё без е́денья,
Да тут стали резвы́ кони бро́дить в крови до резва́
брюха́.
Де тут прираздвинулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову.

Вар. к 263—286
II

Еще тут приехало два братёлка два Суздальца,
Еще тут же они да прирасхвастались,
Говорили бы они, удалы добры молодцы:
«Кабы был еще тут бы во земли-то столб —
Мы бы всю землю-матушку перерыли же;
Было бы нонь на небо листница,
Мы всю бы небесну силу попленили же».
Выходил тут Илеюшка на балаконный столб,
Смотрел-де во чисто полё:
Увидал он много, множество силушки.
Да поехали они да во чисто поле:
Которого рубят они да всё где надвоё —
Еще делается из их да всё живы же ведь.
Устрашилися они да этой силушки,
А уехали они да на уез от ей,
А во ту же ведь гору, да во шорлопину,
А они же ведь тут все закаменели
Да на тех-де коничках на добрых же.

Вар. к 263—286
III

Приезжали тут братилка Бродовичи,
Как Бродовичи братилка, Петровичи,
Как будили дружину да всё великую,
Как во-первых, стары казака да Илью Муромца:
«Уж що вы спите да що те думаете?
Как мы-то ведь нониче, топерече
Да набили мы силы да много множество».
Говорил тут Илья да сын ведь Муромец:
«Уж вы ой еси, братилка крестовые,
Да крестовые братилка, названые,
Да Петровичи братилка, Бродовичи!
Вы глупыма речами да занимаетесь:
Как услышит же нынче да ведь господи
Как не тут ведь правду да превеликую».
Говорили они да таково слово:
«Кабы был ле, стоял да в земли дубов столб

И было колечко да позолочёно —
Повёрнули подселенну да всю великую».
Как спрогневался нонче как ведь господи:
И кто рублён был да ведь как надвоё,
А как еще ведь рублен да ведь он натроё,—
Да ныниче их ведь как три стало.
И говорил ле стары казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, братилка Бродовичи,
Вы Бродовичи братилка, Петровичи!
А вы не хвастайте словесами да небылыма жеть».
А как стал же Илья, да ведь как Илья Муромец,
Илья Муромец, стары казак сын Иванович,
Как на ту же войну да превеликую,
Как стал он сряжаться да как по второй раз.
А садился старой да на добра коня,
Он брал ле ведь палочку боёвую,
Он стал ле ведь брать да саблю вострую,
Да то же копейцо да бурзоменское.
И видели старого — в стремяно ступил,
И не видели уезки да богатырскоей.
Рассердился старой да вот по-старому,
И наезжал он ведь силу да превеликую,
И бился-боролся да сколько можется,
По своей же удаче да молодецкоей,—
И прибили ведь силу да превеликую.
Отворочал своёго да коня доброго
Во свой же во славной да Киёв-град.
А доезжал же он ведь до той стены да городовою,
А до тех же ворот да как до княжеских,—
И как окаменел Илья да на добром коне.
И тут же Ильюшочке славы поют,
Еще нонь же старого в старинах скажут.

Васька Пьяница и Кудреванко-царь

Вар. к 73—75
I

Да читат он ерлык, да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
Да и то у собаки напечатано:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дашь город добром — дак я добром возьму,
Ты не дашь город добром — дак я боём возьму,
Я великой ле дракой, да кроволитьицом.
Я соборны больши церкви да вси на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы да на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».

Вар. к 187—222
I

Да пошел-де тут князь да нынь домой назад,
Да стречают они да добра молодца,
Да того же они Василья сына Игнатьева,
Да садили его да за дубовой стол,
Подносили-де чару да зелена вина,

Не велику, не малу — да полтора ведра.
Да завидели тут думные бояра толстобрюхие,
А и это им порато да за беду стало:
«А как эка честь сёдни Васеньке Игнатьеву?»
А и тут ничо князь говорить не смет,
Говорит-то Васенька Игнатьевич:
«Да еще ли я вам, Васенька, понадоблюсь».
Говорят-то бояра да толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васенька, отказано!»
Да спросил тут Васька да во второй након:
«Да еще ле я, Васенька, понадоблюсь».
Говорят-то бояра толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васенька, отказано!»
Повторил тут Васька во третей након:
«Не еще ле вам ведь Васенька понадобится».
Говорят ту бояра да толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васенька, отказано!»
А и князь-от ничего говорить не смет.
Кабы тут-де ведь Васеньке за беду стало,
За великую досаду показалося,
Тут седлал он, уздал да коня доброго,
Тут не видно поездки молодецкоей,
Только видно — Василий на коня скочил,
На коня-то скочил, да он коня стегнул.
Как приехал тут-де Васенька Игнатьевич:
«Как и еду ле я с вами в стольно-Киев-град,
Я грометь-шурмовать да стольно-Киев-град.
Мы повыбьём-де всю силу да самолучшую,
Уж мы тех же бояр да толстобрюхиих.
Только тот с вами залог да я положу нынь:
Чтобы оставить князя да со княгиною,
Да и царской дворец, да церкви божие».
Состоялася война да тут великая,
Кабы бьют по всему да как по городу,
А князя дворец да оставается.
Говорит тут-де Скурла да таково слово:
«А не ложь ле ты это да придумал же?»
Заскочил-то Василий во гриню во столовую,
Да хватал он столешенку кедровую,
Да вызнял ей нынче выше могучих плеч,
Да змолился ему да тут Владимир-князь:
«Ты оставь на покаянье грехом тяжкиим,
Не убей же ты во грине князя Владимира».
Опустились у Василья да руки белые,
Кабы выскочил Василий да вон на улицу,
Да хватал он ведь трубочку да говорливую,
Заревел, завопел зычным голосом:
«Да пора нам подошла да нынь шабашити».
Тут бросали всю нынче орудию,
Кабы стали совет они советовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали делить да золоту казну,
Да и Васеньку стали да тут обделивать.
Говорит тут один да из татар еще:
«Ох ты ой еси, нынь да ты ле Скурла-царь!

У бою у нас Василий да всех ведь больше был,
У делу́ нынче стал да он ведь меньше всех».
Говорит ту-де нынь да еще Скурла-царь:
«У мня есть еще сабелька не кровавлена,
Наделю по Васильевой по шее я».
А и это нынь Василью да за беду стало,
За великую досаду да показалося:
«У меня есть же ведь сабелька запасная,
Наделю я по Скурлатыной по шеюшке».
Да хватал он и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнет — тут и улица,
На другу руку махнет — переулочек,
Да и сколько он бьет — вдвое конем топчёт
Да и бился он тут да трои суточки,
Ни одного из них да не помиловал,
Да и всех нарушил да до единого.

Вар. к 135—186
II

Он заходит на царевы да больши кабаки,
На кружала заходит восударевы,
Он и смотрит на печку да на муравленку,
Он увидел удала да добра молодца:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василий сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися.
Уж ставай ты, Василий сын Игнатьевич,
Послужи-ка ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне да неизменною».
А на то-де Василий да не ослышался.
Кабы кличёт-то солнышко во второй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василий сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися.
Уж ставай-ка, Василий сын Игнатьевич,
Послужи-ка ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне да неизменною».
Как на то-де Василий не ослышался,
Кабы кличёт-то солнышко во третéй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василий сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нонь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися.
Ты ставай-ка, Василий сын Игнатьевич,
Послужи-ка ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне да неизменною».
А топере Василий разбужается,
От великого хмелю просыпается,
Говорит-то Василий Игнатьевич:
«Уж я рад бы служить, хоть голову сложить,
Как болит-то моя буйна голова».
Наливаёт князь чару зелена вина,
Не большую, не малу — в полтора ведра,
Кабы турий-де рог да меду сладкого,
На закуску калач да бел-круписчатой,

Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берет бы Василий единой рукой,
Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговарива́т:
«Не оммылось у Васьки да ретиво сердцо,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А берет-де-ка солнышко во второй након,
Наливает-де чару зелена вина,
Не большую, не малу — полтора ведра,
Кабы турий-де рог да меду сладкого,
На закуску калач да бел-круписчатой.
А берет бы Василий единой рукой,
Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговарива́т:
«Не оммылось у Васи ретиво сердцо,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
Наливаёт солнышко во третей након,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берет-то Василий единой рукой,
Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговарива́т:
«Как оммылось у Васьки да ретиво сердцо,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да верой-правдою.
Ни креста-то у меня нет, ни пояса,
Ни рубашечки нет у меня поло́тняной,
Кабы нету-то у мня да коня доброго,
Кабы нету у меня сбруни лошадиноей,
Кабы нету у мня приправы молодецкоей,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелочки каленоей,
Уж и нет у меня палицы буёвоей,
Кабы нет у меня копейцо бурзомецкое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,
Во царевом кабаки да всё заложоно».
Как пошел тут солнышко Владимир-князь,
Он пошел к чумакам, да целовальникам:
«Ох вы ой есь, чумаки, да целовальники!
Отдавайте всё Васеньке безденежно».

Вар. к 207—222
III

Не успел как ведь Васька да во двор зайти —
Два черные ворона воскуркало,
Два поганые татарища наехало:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевской!
Тебе полно такие шутки да шутите,
Как ты будёшь с нами отшучивать:
Убил ты у нас да Кудреванка-царя».
Тут богатыри не злюбили,
Забранили они Ваську, горьку пьяницу.
Тут ведь как Ваське не по уму палось,
Выходил как ведь Васька на красно крыльцо,
Садился как Васька на добра коня,
Поехал как Васька да во чисто полё.
Едёт как Васька да ко черным шатрам,
Едёт как Васька да низко кланится:

«Здравствуйте, панове-уланове,
Все турзы-мурзы, татарища поганые!
Я ведь как еду к вам в помощнички».
— «Поди-приходи, да Васька, горька пьяница,
Нам таки-то добры молодцы надобно,
Поедём мы, Васька, да в стольней Киев-град:
Уж мы церкви ти божьи да под дым спустим,
Владимиру-князю да голову сказним,
Княгину Опраксею за собя возьмем,
Князей-то, бояр да всех привыбиём,
Прожиточных-то христьян да во свою веру
введем».
Тут ведь как Васька да разоспоровал:
«Не дам я вам церквей божьих под дым спустить,
Владимиру-князю да головы сказнить,
Княгины Опраксеи за собя вам взять,
Князей-то, бояр да всех привыбиём,
Прожиточных христьян да во свою веру ввести».
Поехали они да в стольней Киев-град,
Князей-то, бояр да всех привыбили,
Они набрали злата и серебра
Сорок телёг, сорок ордынскиих,
Поехали они да во чисто полё.
Они дел-то делят, да Ваське нет сулят.
Говорит тут собаки да Кудреванка сын:
«Уж вы ой еси, панове-уланове,
Все турзы-мурзы, татарища поганые!
В бою где, во драке дак Васька первой-от был,
Уж вы дел делите — да Ваське нет сулите».
Тут ведь как Васька да распрогневался,
Садился как Васька да на добра коня,
Он бил-то, рубил всех до единого,
Одного только оставил, который по ему сказал.
Обрал он злато и серебро,
Поехал он к Владимиру на широкой двор.

Михайло Данилович

Вар. к 47—59
I

«Ай же ты Владимир-князь стольно-киевский!
Теперечу есть у меня молодой сын,
Молодой сын Михайла Данильевич,
Михайла Данильевич шести годов.
Ай докуль не проведают короли нечестивые —
Той порой будет шести годов,
А докуль они снаряжаются —
Той порой будет двенадцати,
Так будет сильнее меня и могутнее».

Вар. к 70—164
I

Говорит Владимир-князь стольно-киевский:
«Ай же вы князи, бояры!
Кто бы ехать мог во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти мне на золот стол?»

Тут больший туляется за среднего,
А средний туляется за меньшего,
А от меньшего и ответу нет.
А вставал удалый добрый молодец
Из-за стола не из большего и не из меньшего,
Из того стола из окольного,
Молодой Михайла Данильевич,
Скидывал с буйной головы пухов колпак,
Поклонился свету князю Владимиру,
Говорил ему таково слово:
«Ай же ты Владимир-князь стольно-киевский!
Благослови меня ехать во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти тебе на золот стол».
Говорит Владимир-князь стольно-киевский:
«Ты смолода, глуздырь, не попурхивай,—
А есть сильнее тебя и могутнее».
И говорит Владимир второй након:
«Ай же вы могучие богатыри и поленицы удалые!
Кто у вас может ехать ко войску нечестивому,
〈. . . . .〉
Молодой Михайла Данилович
Говорил он таково слово:
〈. . . . .〉
И благословил его Владимир стольно-киевский
Ко войску нечестивому поехаии.

Вар. к 165—260
I

Стал Михайла Данильевич во чисто поле
справлятися,
Взял из погреба коня батюшкова
И катал-валял его по три росы вечерних
И по три росы раноутренниих,
Кормил коня пшеною белояровой
И поил изварою медвяною.
И стал крутиться во платьице родительско
Ехать далече во чисто поле;
Надевал он латы родительски —
Латы ему были тесноваты;
И саблю брал родительску —
Сабля ему была легковата.
Обседлывал коня он и обуздывал,
И садился он на добра коня,
И поехал он во чисто поле,
Не путями он поехал, не воротами,
А поехал он чрез стену городовую.
И поехал мимо пустыню родителя,
В которой родитель богу молится,—
Получить благословение родителя
Ехать во чисто поле ко войску нечестивому.
И выходил его родитель из пустыни,
Старый Данила Игнатьевич,
И плечом подымал он под тую грудь,
Под тую грудь лошадиную,
И остановил ее с ходу быстрого.

И говорит ему Михайла Данильевич:
«Свет государь мой батюшко!
Благослови меня поехать во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти ко князю Владимиру».
И говорил ему Данила Игнатьевич:
«Ты послушай, дорого мое чадо любимое,
Ты послушай наказаньице родителя:
Будешь как у войска нечестивого,
Не давай своему сердцу воли вольныя,
Не заезжай в середку, в матицу,
А руби ты силу с одного края».

Вар. к 294—306
I

Связали Михайлы ручки белые
Во путыни шелковые,
И сковали ему ножки резвые
Во железа булатные,
И проводили ко королю неверному.
А неверный царище поганое
Говорит таково слово:
«Ай же ты молодой Михайла Данильевич!
Послужи-ка мне верой-правдою,
Как служил ты князю Владимиру,—
Награжу тебя золотой казной несчетною».
— «Ай же царище поганое!
Как была бы у меня сабля вострая,
Так служил бы я на твоей шее татарской
Со своей саблей вострою».
Вскрычал тут царище поганое
Своим слугам верныим
И палачам немилостливым:
«Сведите вы ко плахе ко липовой,
Отрубите вы голову молодецкую».

Вар. к 332—361
II

Он далёшеньким-далёко в чисто́м поле
Он заметил татарина небитого,
Он небитого татарина, неранена:
Подвигается татарин скорёшенько,
За собой он тянёт днище корабельноё,
Еще налито в нем да ключевой воды,
Ключевой ли воды, воды холодныя.
Разбирает он тела да все избитые,
Он полощёт их в днище корабельноём.
Подбегаёт Михайло сын Данилович
Еще к этому самому татарину,
Он хватает его да за белы́ руки,
Еще хочет ёго бросить о сыру землю.
Бросил его отец на сыру землю,
У Михайлы выкатился чудённый крест,
Он поднял его да за белы руки,
Целовал его во сахарны уста:
«Не послушал ты родительского наказаньица».

Сухман

Вар. к 1—198
I

Выезжал Суханьша Замантьев сын
За зайцами, за лисицами,
За теми волками рыскучими.
Случилось ему доехать до быстра Днепра,—
Течет быстрый Днепр не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему:
Пожират в себя круты бережки,
Вырыват в себя желты скатны пески,
По подбережку несет ветловый лес,
По струе несет крековый лес;
Посередь Днепра несет добрых коней
Со всей приправой молодецкою,
Со всей доспехой богатырскою.
«Что ты батюшка быстрый Днепр,
Не по-старому течешь ты, не по-прежнему?»
— «Надо мной стоит сила неверная
Того Мамая безбожного:
Идет на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко на Киев-град,
Половина силы переправилась,
Другая половина на другой стороне;
Черному ворону в ночь силы не окаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати».
Тут Суханьши ретиво сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися,—
Бежал в силу Мамаеву,
Во дне бежал во втором часу,
И бился-дрался трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи:
Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек;
Навалил трупов коню до стремени,
Горячей крови — до подчереза,
В трупах конь не может прорыскивать,
Горячей крови пропрыгивать.
Тут Суханьшу приобранили,
Дали Суханьше тридцать ран —
Те раны были сносные,
А три раны — сердечные,
Сердечные раны, кровавые.

Побежал он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотинной —
Клал седелышко черкасское
На ту кочку болотную,
Под оболоко поплавучее
И клал свою буйну голову
На седелышко на черкасское.

Выезжает Володимир-князь
Во чисто поле погулять

И наехал на Суханьшу Замантьева.
«Ты гой еси, добрый молодец!
Какой ты есть и откудова?
Если верной силы — побратаемся,
А неверной силы — переведаемся».
Говорит тут Суханьша Замантьев сын:
«Ты гой еси, батюшко Владимир-князь,
Сеславьевич солнышко красное!
Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?»
Тут скоро князь соскакивал,
Соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня
И вез его во Киев-град,
Во ту ли во церковь во соборную.
Тут Суханьша покаялся,
И тут Суханьша переставился.

Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле

Вар. к 32—80
I

Ну на Соколе на корабле немного людей,
И только три удалы добры молодцы:
Ну что носом-то владал млад Полкан-богатырь,
Ну кормою-то владал млад Алеша Попов,
На середочке сидел Илья Муромец,
На се́редочке сидит, всем он ко́раблем владат.
На Полкане-то шапка железная,
На Алешеньке сапожки зелен сафьян,
На Илюшеньке кафтанчик рудожелтой камке,
На кафтане те петельки шелковые,
Во петельках пуговки золочены,
Во каждой во пуговке по камушку,
Ну по дорогу по камушку по яхонту,
Во каждом во камушке по льву-зверу.
Нападали на Сокол-корабль черны вороны,
Ну крымские татара со калмыгами,
Ну хотели-то Сокол-корабль разбить-разгромить,
Ну разбить-разгромить и живком задавить.
Тут Илюшенька по кораблю похаживает,
Он тросточкой по пуговкам поваживает:
Ну во пуговках камушки разгоралися,
Его лютые звери рассержалися,
И что крымские татары испужалися,
А калмыги в сине море побросалися.
А удалы добры молодцы оставалися,
От Киева до Чернигова добиралися.

Вар. к 37—80
II

Вдруг несчастьице над корабликом
приключилося —
Что садился на деревцо сизой орел,
Потоплял он корабличек во синё море.
Как на то ли наш Илюхонька рассержаился,
Он тугой лук своей рученькой натягивал,

Калену стрелу на тетивочку он накладывал —
Он убил орла в белую грудь, в ретиво сердце.
Он упал, наш сизой орел, во синё море.

Илья Муромец и сын

Вар. к I—29
I

А да ко тому было ко морю, морю синёму,
А ко синёму как морюшку студеному,
Ко тому было ко камешку ту ко Латырю,
А ко той как бабы да ко Златыгорки,
А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй молодец,
А по имени старой казак Илья Муромец,
Он ходил-гулял Илеюшка к ней двенадцать лет,
Он ведь прижил ей чадышко любимоё.
Он задумал, стары, ехать во чисто полё,
Он ведь стал где Златыгорке наговаривать,
Наговаривать, как крепко ей наказывать.
Оставлял он ведь ей нонче свой чудён крест,
Он еще оставлял с руки злачен перстень:
«Уж ты ой еси, баба да всё Златыгорка!
Если сын у тя родится, отдай чудён крест,
Если дочь у тя родится, отдай злачен перстень».
А поехал тут старой казак во чисто полё.

Много, мало тому времени минуется,
А от той-де от бабы от Златыгорки,
От ней рожается молоденькой Сокольничок,
Он не по годам растет Сокольник — по часам,—
Каковы-то люди в людях во сёмнадцать лет,
А у нас был Сокольничок семи годов.
Еще стало Сокольнику двенадцать лет,
А тут стал выходить да на красно крыльцо,
Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную:
Во-первы ти, он смотрел нонь по чисту полю,
Во-вторы ти, он смотрел нонь по синю морю,
Во-третьи ти, он смотрел на соломя окатисто,
Во последни он смотрел на стольне-Киев-град.
Он задумал съездить взять ведь крашен Киев-град,
Он ведь стал просить у маменьки благословленьица:
«Уж ты дай мне-ка, мать, благословленьицо
Мне-ка съездить, добру молодцу, на чисто полё».
А дает ёму маменька благословленьицо,
А дает ёму родима, наговариват:
«А поедёшь, мое дитятко, во чисто полё,
А наедёшь ты в чистом поли на старого,—
А борода-то у старого седым-седа,
А голова-то у старого белым-бела,
А под старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грива у коня была черным-черна;
До того ты до старого не доезживай,
Не доезживай до старого, с коня скачи,
До того до старого ты не дохаживай,

А тому где старому низко кланяйся,—
А ведь тот тебе старой казак — родной батюшко»
А ведь тут это Сокольнику за беду пришло,
За велику за досаду показалося.
А снаряжался тут Сокольник в платьё в цветноё,
Одевал он на себя сбрую богатырскую,
Выводил тут Сокольничок добра коня,
Он седлал, уздал, Сокольничок, добра коня,
Он на коничка накладывал сам потнички,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки седёлышко черкальскоё
О двенадцати подпруженьках шелковых-е,
Он тринадцату подпругу через хребётну кость,
Через ту через степь лошадиную.
Тут заскакивал Сокольник на добра коня,—
А не видели, Сокольник как на коня скочил,
Только видели, Сокольник как в стремена ступил,
А не видели поездки богатырское,
Только видели — во полюшке курева стоит,
Курева где стоит да дым столбом валит.
А тут выехал Сокольник на чисто полё,
Он и стал по чисту полю разъезживать,
Он и ездит во поле, потешается,
Он татарскима утехами забавляется —
Он и свищот копье свое по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой подхватит,
Он ведь сам ко копейцу приговариват:
«Уж я коль лёгко владею нонь тобой, копье,
Столь лёгко мне повладеть старым казаком».

Вар. к 1—13
II

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
Недалёко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет,
Кабы тридцать-то их было да со богатырём;
Не видали ни конного, ни пешого,
Ни прохожого они тут, ни проезжого,
Да ни серой тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролетывал,
Да ни русской богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то было богатырей со богатырём:
Атаманом-то стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Податаманьём Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;
Да и жил тут Василий сын Буслаевич,
Да и жил тут Васенька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя да сын Васильевич,
Да и жил Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменькой,
Затем Потык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,

Да и был тут Чурило блады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвей, дети Петровые...

Вар. к 19—23
II

Да и зрел он, смотрел на вси стороны.
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зеленые;
Да глядел он под сторону под западну —
Да стоят там да лесы темные;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледяны горы;
Да смотрел он под сторону в полуночу —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово.

Вар. к 27—32
II

В копоти-то там, в тумане не знай зверь бежит,
Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются,
А богатырь ле там едёт да потешается,
Попереди-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плече, знать, воробей сидит,
На левом-то плече, да знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во право́й-то руке стрелу каленую,
Да каленую стрелочку, перёную,—
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,
Да того же орла, которой на синём мори,
Да гнездо-то он вьет да на серой камень.
Да под верх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полете он стрелочку подхватыват.
Подъезжат он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом-то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ярлык, да скору грамотку,
Да подмётывал ярлык, да скору грамотку,
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец,
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу,

Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».

Вар. к 44—179
III

Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крепкую думати,
Кому ехать за нахвальщиком.
Положили на Ваську Долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Неладно, ребятушки, поло́жили,—
У Васьки полы долгие,
По земле ходит Васька — заплетается,
На бою, на драке заплетется,
Погинёт Васька по-напрасному».
Положились на Гришку на Боярского —
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Неладно, ребятушки, мы удумали,—
Гришка рода боярского,
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинёт Гришка по-напрасному».
Положились на Алешу на Поповича —
Алешке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле,
Побить нахвальщика на чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Неладно, ребятушки, положили,—
Алешенька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра —
Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша по-напрасному».
Положили на Добрыню Никитича —
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле,
Побить нахвальщика на чистом поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается,
Походит Добрыня на конюший двор,
Имает Добрыня добра́ коня,
Уздаёт в уздечку тесмяную,
Седлал в седёлышко черкасское,
В торока вяжет палицу боёвую,—
Она свесом, та палица, девяносто пуд,
На бедры берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелко́вую,
Поезжает на гору Сорочинскую.

Посмотрел из трубочки серебряной —
Увидел на поле чернизину,
Поехал прямо на чернизину,
Кричал зычным, звонким голосом:
«Вор-собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь,
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом,
Податаману Добрыне Никитичу,
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?»
Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу богу возмо́лится
И мати пресвятой богородице:
«Унеси, господи, от нахвальщика!»
Под Добрыней конь посправился,—
Уехал на заставу богатырскую.

Вар. к 213—215
IV

Он завидел молодца во чистом поли,
Заревел-то стары казак по-звериному,
Засвистел-то стары казак по-соловьиному,
А зашипел-то стары казак по-змеиному.
Кабы едёт мо́лодец-от, не оглянется,
А говорит молодец-от таковы слова:
«А уж вы ой еси, мои вы два серы волка,
Два серы мои волки, да серы выжлоки!
Побежите вы-ка тепере во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало —
Как наехал на меня супостат велик,
Супостат-де велик, дак доброй молодец.
А уж ты ой еси, мой да млад ясён сокол,
Уж ты ой еси, мой да млады бел кречат!
Полетите-ка теперь во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало».

Константин Саулович

Вар. к 1—317
I

Из сильного было царства Астраханского,
Жил-был тут князь Саур сын Ванидович.
Накопил он силушки себе многое множество,
Накопя он силушки в поход пошел,
В поход пошел под три царства:
Под первое царство Латынское,
Под другое царство Литвинское,
Под третие царство Сорочинское.
Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
От третьего назад воротилася.
Входила она на вышку на высокую,

Становилась на бел-горюч камень,
Глядела-смотрела в чисто поле:
«Далеко ли идет мой князь
Саур сын Ванидович?»
Из того ли из-под белого камешку
Выползала змея лютая,
Кидалась она княгине на белую грудь,
Бьет хоботом по белу лицу.
Молодая княгиня испужалася,
Во чреве дитя встрепенулося.
Она пишет ярлыки скорописные,
Посылает за самим князем,
Чтобы князь Саур сын Ванидович
Воротился домой:
«Молодая княгиня беременна».
Догоняет его скорой посол,
Кладет пакеты на белы руки,
Пакеты ти он прочитывает:
«Да не первой-то раз она меня обманывает,
Да не другой раз она меня назад ворочает.
Теперь не ворочусь я домой.
Коли дочь родит — пой, корми пятнадцать лет,
А на шестнадцатым замуж отдай;
А сына родит — так лелей его до восьми годов,
А на девятом году присылай его ко мне на подмочь».

Родила княгиня сына себе,
Поила, кормила она его восемь лет,
На девятом году собирать она стала его на подмочь,
Давала силы с ним сорок тысяч.

И пошел же молодой вьюнош к отцу на подмочь.
Латынское царство он выжег и вырубил,
А Литвинское царство в полон всё взял.
Подходит он к царству Сорочинскому,
Увидали старики сорочинские,
Они делали сходки всё великие:
«Подступила нам, братцы, сила несметная,
Просют поединщика».
Возговорили старики сорочинские:
«Есть у нас, братцы, полоненочек-затюремщичек,
Пошлем мы его напротив силы поединщиком».
Приходили же старики сорочинские к земляной тюрьме:
«Ты гой еси, полоненщичек,
Ты гой еси, затюремщичек!
Сослужи ты нам службу великую
Напротив силы поединщиком».
Возговорил еси князь Саур сын Ванидович:
«О вы гой еси, старики сорочинские!
Давайте мне коня доброго
И сбрую богатырскую».

Сел на добра коня
И полетел напротив силы во чисто поле.

Съехались, поздоровались и поцеловались,
Врозь разъезжались
И бились день до вечера —
И никто никого не одолевает.
И воззрел князь Саур сын Ванидович на небо:
«Помоги ты мне, господи,
Молодого воина из седла выладить».
И выладил из седла,
И пал ему на белу грудь,
И стал его спрашивать:
«Ох ты гой еси, молодой воин!
Какого ты роду-племени?»
— «Не моя в поле божья помочь:
Не стал бы я много спрашивать —
Срубил бы с тебя буйну голову
По самые могучие плечи.
Был у меня батюшка
Князь Саур сын Ванидович,
Пошел воевать под три царства —
Там и пропал».
Тут князь Саур сын Ванидович заплакал
И поднял за белы руки и возговорил:
«Гой ты еси, добрый молодец!
Ведь я твой родной батюшка».
Тут он написал письмо
И послал гонца к своей матушке:
«Гой ты еси, моя родная матушка!
Выручил я родного батюшку».

Михайло Козарин

Вар. к 1—217
I

На роду ту Козарушка попортили,
Отец с матерью Петровича не злю́били,
Отсылали Козарушка ко бабушке,
Да ко бабушке Петровича, к задворёнке,
Не велели кормить хлебом круписчатым,
Не велели поить водой мёдовыя —
Да велели кормить хлебом гнилым же всё,
Да велели поить водой со ржавчинки.
Уж как тих речей бабушка не веруёт —
Да кормила Козарушка хлебом круписчатым,
Да поила Петровича водой мёдовыя.
Еще стал наш Козарушко пяти, шти лет,
Еще стал-то по улочке похаживать,
Еще с малыма ребятушками поигрывать.
Его дразнят тут маленьки ребятушка:
«Не прямого ты отца, не пря́мой матушки,—
Еще всё ты ведь ходишь чужой ⟨...⟩».
Еще как эти речи не в любви пришли:
Он которого ухватит как ведь за руку —
Оторвет у того да он праву́ руку;

Он которого ухватит как ведь за ногу —
Оторвет у того он праву ногу.
Еще сам пошел втипóр да как ко бабушке,
Еще сам говорил ей таковы речи:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворёнка!
Ты скажи-ткося мне, да кто у мня отец ведь, мать,—
Меня дразнят тут маленьки ребятушка,
Да зовут-то меня всё как вы 〈...〉».
Говорила ёму бабушка-задворёнка:
«Уж ты вой еси, Козарушко Петрович-от!
У тя отец ведь-то Петр да Коромыслович,
Еще матушка — Петрова та молода жона».
Говорил-то Козарушко таковы речи:
«Уж ты вой еси, ты бабушка-задворёнка!
Напеки-ткосё мне подорожничков,
Уж ты дай мне шляпочку равно тридцать пуд,
Уж ты дай-ка мне ключёчку равно сорок пуд».
Напекла ёму бабушка подорожничков,
Да дала ёму бабушка тут шляпочку,
А дала ёму бабушка ведь ключёчку,
Да пошел наш Козарушко искать батюшка.
Да приходит Козарушко в ту дерéвёнку,—
Да играют на улочке маленьки ребятушка.
Он ведь спрашивал да как у маленьких ребятушок:
«Еще где то Петрово как подворьицо?»
Отвели ёму ребятушка подворьицо,
Да скричал-то Козарушко громким голосом:
«Уж ты вой еси, Петр да Коромыслович!
Не бывало ли у тя да чадышко милоё,
Еще нá имя Козарушко Петрович-от?»
Да избенка у Петра вся пошаталася,
Ставники ти у ёго вси покосилися.
Отвечал-то Петр да Коромыслович:
«Не бывало у нас тако чадо милоё».
Да ведь прочь пошел Козарушко Петрович-от,
Покатились по белу лицу горючи́ слезы,
Да пошел-то Козарушко во чисто полё,
Разоставил белóй шатер полóтняной,
Да валился он сам во белой шатер.
Да выходит в полнóчь ту из белá шатра,
Услыхал-то в чистóм поли девять гóлосов.
Там ведь плакала в чистом поли красна девица:
«Да коса ты, коса да моя русая!
Да плели тебя, коса, да на святой Руси,
Расплетут тебя, коса, да в проклятóй Литвы.
Кабы был у мня ведь брателко Козарушко,
Он не дал тут поганым татарам-то на порýганье».
Еще обрал Козарушко белой шатер,
Еще сам побежал-то да во чисто полё,
Он избил-то всих да семь разбойников,
Еще отнял у их свою да как роднý сёстру.
Еще сами пошли они ко батюшку,
Ко тому жо Петру ту Коромыслову,

Приходят ко ёго-то да ко подворьицу,
Да скричал тогда Козарушко громким голосом:
«Уж ты вой еси, Петр да Коромыслович!
Не бывало ли у тя-то да чадо милоё,
Еще на имя тут Марфушка — лебедь белая?»
Да выскакивал Петр тогда на улицу
Со своей-то он да с молодой жоной:
«Да бывало у мня тако чадо милоё,
Еще на имя тут Марфушка Петровна та».
Еще брал он ведь Марфушку за праву́ руку,
Да повел-то ведь Марфушку в свою горницу,
Еще тут же пригласил да Козарушка Петровича.

Вар. к 1—19
II

А да у Федора-купца да у Черниговца,
Было у ёго да всё два чадышка:
Одно чадо — да дочи да всё Еленочка,
Да Еленочка была да всё прекрасная,
Да второ чадо-де — Козарушко-де Федорыч.
Наезжали-де воры да всё разбойники,
А да ограбили купца да всё Черниговца,
Увезли-де дочь Еленочку прекрасную.
А запечалился купец да всё черниговский.
Говорил ему сын да всё родимой нонь:
«Уж ты ой еси, батюшко, черниговской купец!
Не печалься ни об чем, да всё не надобно,—
Да поеду-де я да во чисто полё,
Отыщу-де Еленочку прекрасную».
Говорил ему папенька родимой же:
«Уж ты ой еси, Козарушка Федорыч!
Поезжай-ка ты, Козарушка, во чисто полё,
Отыщи-тко мне Еленочку, дочь прекрасную,
Да за то я тебе дам да золотой казны,
Золотою казны даю бессчетною».
Да поехал-де Козарушка во чисто полё,
Еще едёт-де Козарушка всё три месяца,
Да искал он себе да поединщичка,
Поединщичка себе, да сопротивничка,—
Со своей-де он силою побрататься.
Да не мог он найти да поединщика,
Поединщика себе, да супротивника.

Вар. к 1—197
III

Из славное матки Кубань-реки
Подымалася сила татарская,
Что татарская сила, бусурманская,
Что на славную матку святую Русь.
Полонили матку каменну Москву.
Да доставалася девица трем татаринам,
Трем татаринам девица, бусурманинам.
Как первой-от говорил таково слово:
«Я душу красну девицу мечом убью».
Второй-от говорил таково слово:
«Я душу красну девицу копьем сколю».
Третей-от татарин говорил таково слово:
«Я душу красну девицу конем стопчу».

Как из далеча-далеча из чиста поля
Что не ясён сокол в перелéт летит,
Что не серой-от кречет воспархиваёт,—
Выезжает удалый доброй молодéц.
Он первого татарина мечом убил,
Он второго татарина копьем сколол,
Он третьёго татарина конем стоптал,
А душу красну девицу с собою взял.
«Уж мы станём, девица, по третям ночь делить,
По третям ночь делить, да ино грех творить».
Как спроговорит душа красна девица:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты когда был отца лучше, матери,
А теперече стал хуже трех татар,
Хуже трех татар, бусурманинов».
— «Уж ты ой еси, душа красная девица!
Ты которого царства, отечества?»
— «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Я сама красна девица со святой Руси,
Со святой Руси, да из славнóй Москвы;
Я ни большего роду, ни меньшего,
Что того же было роду кнежейского;
Как у моего батюшка было девять сынов,
А десята та я, горё-горькая:
Четыре-то брата царю служат,
А четыре-то брата богу молятся,
А девятой-от брат — богатырь в поли,
А десятая та я, горе-горькая».
Как спроговорил удалой доброй молодец:
«Ты прости-тко меня, девица, во первой вины,
Во первой вины во великое,—
Уж ты по роду мне сестрица родимая.
Мы поедём, девица, на святую Русь,
На святую Русь, во славну Москву».

Вар. к 47—197
IV

«Кто же бы меня да ето выкупил,
Выкупил да меня, выручил
От трех татар да некрещёные,
От трех собак небласловлёные?»
Как спроговорит да доброй молодец:
«Ты садись, девица, на добра коня,
Поедём, девица, во чисто полё».
Садилась девица на добра коня,
Говорила девица доброму молодцу:
«Ты поедём-ка, да доброй молодец,
Ко божьей церкви да повенчаемся,
Злаченым перстнём да поменяемся».
Как спроговорит да доброй молодец:
«У нас ведь на Руси не водится —
Брат-от на сестры не жонится».
Слазила девица со добра коня,
Поклон дала да до белых грудей,
Другой дала до шолкова пояса,
Третей дала да до сырой земли:
«Спасибо, брателко родимой мой,—

Выкупил да меня, выручил
От трех татар да некрещёные,
От трех собак небласловлёные».

Вар. к 86—197
V

Тут Михайлу за беду стало́,
Сдергива́т он с них бел шатер,
И бел шатер да полотняной.
Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Он первого татарина взял ра́зорвал,
Другого татарина взял ро́стоптал,
Третьего татарина взял за ноги,
Бросил его в батюшко в сине море.
И собирал он бел шатер полотняный,
И завязывал в тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
Вставал он в стременышко вальяжное,
И садился во седелышко черкасское,
И садил за себя душу красну девицу.
И везет ее от синя моря,
От синя моря, от сыра дуба.
Сколько ехал удалой добрый молодец,
Сколько ехал по чисту полю,
Одержал своего добра коня ступисчата,
Слезал он, добрый молодец, со добра коня,
И снимат он красну девицу,
И ставит свой бел шатер полотняный.
И стал он с девицей опочив держать,—
И плачет красна девица, как река течет,
Сама говорит таковы слова:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Скажи ты мне наперед свою отчину —
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?»
Тут-де молодец не слушает.
И плачет красна девица, как река течет,
И возрыдаючи, слово молвила:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Скажи ты наперед свою отчину —
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али роду ты крестьянского,
Али ты роду мещанского?»
И тут молодец ее не слушает.
Тут девица плачет, как река течет:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты скажи мне наперед свою отчину».
И проговорит удалой добрый молодец:
«Я не царь-де, не царевич, не король я, не королевич.
И я роду не крестьянского,
И я роду не мещанского,—
Я из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатыя,
Молодой Михайло Казарятин,

Казары, попа церкви соборныя».
Проговорит красна девица,
Сама плачет, как река течет:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Я сама оттуль, красна девица,
Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатыя,
Казары дочь, попа церкви соборныя».
И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скачет он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки
И целует ее во уста сахарные:
«Здравствуй, ты моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!»

Королевичи из Крякова

Вар. к 144—148 I

«Увезли меня татарова поганые,
Увезли меня да с широка двора,
Увезли в свою орду татарскую.
Когда возрос я до полного до возраста,
Стал иметь си́лу велику в могучи́х плечах,
Подбирать себе коня я богатырского,
И поехал на матушку святую Русь
Поискать себе я рода, племени,
Роду, племени, да й отца й матери».

Вар. к 153—171 I

«Здравствуй, свет моя ты государыня,
Государыня да родна́ матушка!
Я сегодня был в раздольице чисто́м поле́,
Наехал я в чистом поле татарина,
Кормил я его ествушкой сахарнией,
А поил его питьицем медвяныим,
А дарил ему дары драгоценные».
Как тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом во всю голову:
«Ай же чадочко мое любимое,
Молодой Петры Петрович королевский сын!
Как наехал ты в чистом поли татарина,—
Не кормил его ты ествушкой сахарнией,
Не поил бы его питьицем медвяныим,
Не дарил ему б ты дары драгоценные,
А колол его рогатиной звериною:
А ведь ети-то татары да поганые
Увезли у те́бя братца ро́дного,
Увезли его с широка двора,
Увезли его да маленьким ребеночком,
Молодого Лука Петровича».
Молодой Петры Петрович королевский сын
Говорит он таковы слова:
«Ай же свет ты мой да государыня!
Я наехал в раздольице чистом поле,
Я наехал я да не татарина,

А наехал я да братца родного,
Молодого Луку Петровича.
А теперя он у нас на широком дворе,
По широкому двору похаживает,
Да добрых коней за поводы поваживает».
Так тут свет честна вдова заплакала,
Поскорешеньку выбегает на широкий двор —
Увидала сыночка любимого,
Называла его Лукой Петровичем,
Своим сынком любимыим.
Брала его за ручки за белые,
Брала его за перстни золоченые,
Целовала в уста его сахарные,
Проводила й их в палаты белокаменны,
Проводила их за столики дубовые,
Да за теи за скамеечки окольные,
А кормила их ествушкой сахарнией,
Да поила их питьицем медвяныим,
Да й дарила им дáры драгоценные,
Спать ложила на кроваточку тесовую,
На тую ль на перинушку ль пуховую,
Закрывала одеяльцами их теплыми.

Стали жить да быть да век корóтати.
Да тем былиночка й покончилась.

Вар. к 153—162
II

«Здравствуй, матушка честна вдова,
Честна вдова Настасья Александровна!
Я привез теби с поля гостя любимого.
Составляй-ка ему ёствушки сахарные,
Напиточки полаживай медвяные».
— «Ах ты чадо мое милое!
Варила бы я этим гостям смолу вареную
И толкла бы им версту толченую:
Тому времечки есть двенадцать лет,
Увезли у меня сына Василья Петровича
троемесячна».

ЭПИЧЕСКОЕ СВАТОВСТВО

Дунай Иванович

Вар. к 137—240
I

И будут они в Золотой орде,
У грозного царя Етмануила Етмануиловича
Середи двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
Привязали добрых коней к дубову столбу,
Походили во палату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси король в Золотой орде!
У тебе ли во палатах белокаменных
Нету Спасова образа,

Некому у те помолитися,
А и не за что тебе поклонитися».
Говорит тут король Золотой орды,
А и сам он, король, усмехается:
«Гой еси Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал по-старому служить и по-прежнему?»
Отвечает ему Дунай сын Иванович:
«Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле — о сватанье:
На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На честной Афросинье-королевичне
Владимир-князь хочет женитися».
А и тут королю за беду стало —
А рвет на главе кудри черные
И бросает о кирпищат пол,
А притом говорит таково слово:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокие
И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельные».
Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
«Гой еси король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,
Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову».
Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзые заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем стравить
Теми кобелями меделянскими.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
«Гой еси Еким сын Иванович!
Что ты стал да чего глядишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем стравить».
Бросился Еким сын Иванович,
Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медныя литы,
Они были в три тысячи пуд.
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось та тележная,
А и зачал Еким помахивати —
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пятьсот он прибил меделянских кобелей.
Закричал тут король зычным голосом:

«Гой еси Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу верного,
Оставь мне силы хоть на семены,
А бери ты мою дочь любимую,
Афросинью-королевичну».
А и молоды Дунай сын Иванович
Унимал своего слугу верного,
Пришел ко высокому терему,
Где сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
Буйны ветры не вихнут на ее,
Красное солнцо лица не печет.
Двери у палат были железные,
А крюки-пробои по булату злачены.
Говорил тут Дунай таково слово:
«Хоть нога изломить, а двери выставить».
Пнет во двери железные,
Приломал он крюки булатные,
Все тут палаты зашаталися.
Бросится девица, испужалася,
Будто угорелая вся,
Хочет Дуная во уста целовать.
Проговорит Дунай сын Иванович:
«Гой еси Афросинья-королевична!
А и ряженой кус — да не суженому есть:
Не целую я тебя во сахарные уста,—
А и бог тебе, красну девицу, милует,
Достанешься ты князю Владимиру».
Взял ее за руку за правую,
Повел из палат на широкой двор,
А и хочут садиться на добрых на коней.
Спохватился король в Золотой орде,
Сам говорил таково слово:
«Гой еси ты, Дунай Иванович!
Пожалуй подожди мурзы-улановья».
И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.
И те мурзы-улановья
Тридцать телег ордынских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменьи самоцветными.

Вар. к 265—314
I

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья-королевична.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
Хлестнет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь тетивка у туга лука,
А дрогнет матушка сыра земля
От того удару богатырского,
Угодила стрела в сыр крековистой дуб,

Изломала его в черенья ножевые.
Бросилася девица из бела шатра
Будто угорелая,
А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за востро копье,
И горазд он со девицею дратися:
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна,—
Женской пол оттого пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалище булатное,
А и хочет взрезать груди белые.
Втапоры девица возмолилася:
«Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Не коли ты меня, девицу, до смерти.
Я у батюшка сударя отпрошалася —
Кто мене побьет во чистом поле,
За того мне, девице, замуж идти».
А и тута Дунай сын Иванович
Тому ее слову обрадовался,
Думает себе разумом своим:
«Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах семи королям,
А не мог себе выжить красныя девицы.
Ноне я нашел во чистом поле
Обручницу-сопротивницу».
Тут они обручалися,
Круг ракитова куста венчалися.
А скоро ей приказ отдал собиратися,
И обрал у девицы сбрую всю —
Куяк и панцирь с кольчугою,
Приказал он девице наряжатися
В простую епанечку белую.

Вар. к 329—383
I

У князя Владимира, у солнышка Сеславьевича,
Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
«Что нет против меня во Киеве такова стрельца —
Из туга лука по приметам стрелять».
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
«Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрицы моей Настасьи-королевичны».
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали они жеребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,
И досталось стрелять его молодой жене Настасье-королевичне,
А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать.
Отмерили место на целу версту тысячну.

Держит Дунай на главе золото кольцо,
Вытягала Настасья калену стрелу,
Спела-де тетивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо
Тою стрелкою каленою.
Князи и бояра тут метались,
Усмотрили калену стрелу —
Что на тех-то перушках лежит то золото кольцо.
Втапоры Дунай становил на примету свою молоду жену.
Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:
«Ай ты гой еси, любимой мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Та ведь шуточка пошучена».
Да говорила же его и молода жена:
«Оставим-де стрелять до другого дня,—
Есть-де в утробе у меня могуч богатырь.
Первой-де стрелкой не дострелишь,
А другою-де перестрелишь,
А третью-де стрелкою в меня угодишь».
Втапоры князи и бояра
И все сильны-могучи богатыри
Его, молода Дуная, уговаривали.
Втапоры Дунай озадорился
И стрелял в примету на целу версту в золото кольцо,
Становил стоять молоду жену.
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и перед ним убиватися:
«Гой еси ты, мой любезной ладушка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына нерожденного,—
Завтра рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивника».
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молоду жену Настасью-королевичну
На мету с золотым кольцом,
И велели держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третьею стрелою в ее угодил.
Прибежавши Дунай к молодой жене,
Выдергивал чингалище булатное,
Скоро спорол ей груди белые —
Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
«Гой еси сударь мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был
Попрыжея и полутчея в семь семериц тебя».
А и тут молоды Дунай сын Иванович запечалился.

Ткнул себя чингалищем во белы груди,
Сгоряча он бросился во быстру реку,—
Потому быстра река Дунай словет,
Своим устьем впала в сине море.

А и то старина, то и деянье.

Вар. к 300—305
II

«Что же ты, Дунаюшка, не опознал?
А мы в одной дороженьке не езживали
В одной беседушке не сиживали,
С одной чарочки не кушивали?
А ты жил у нас ровно три году:
Первый год жил ты во конюхах,
А другой год ты жил во чашниках,
А третий год жил во стольниках».

Вар. к 370—383
III

А засеяно у ей да два отрока,
А засеяно у ей нонче два отрока:
А ручки ти по локтям у их во серебре,
По коленям у их ноги во золоте.
А тут же Дунаюшку за беду стало,
За великую досадушку показалося,—
А вынял-то Дунай да как нонь булатной нож,
Становил-то Дунай ножичёк череном в сыру землю,
А падал Дунаюшко на вострой нож,
И тут же Дунаюшко призарезался.
Говорил-то Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, протеки с моей крови,
А протеки-ко от моей крови река Дунаевка»
А протекла тут река да нонь Дунаевка.

Да свейся, вырасти, берёзонька,
А вырасти, берёзонька кудрёватая,
Уж ты свейся, сплетись да в три берёзоньки
А нонче-теперече славы поют,
Да славы ти поют, да Дуная в старинах поют

Вар. к 367—382
IV

И вынул Дунай свой острый нож,
Распластал ей груди белые,
Да видел — два мальчика в череве
У Настасьи Микуличной.
А свернул он острый нож
Тупым концом во сыру землю́,
Вострым концом себе он во белы́ груди́.
«А где пала Настасья Микулична,
Пускай падет Дунай Иванович».

От Настасьи текла да речка Черная,
От Дуная текла да вот Дунай-река.
Вода с водой да не стекается,—
Теките от века и до́ века,
В одно место сходитеся и расходитеся,
Вода с водой не мешайтеся.

Иван Годинович

Вар. к 1—34
I

Молодой Иванушко Годинович
Похотел-то он да пожинитися,
Похотел во славной Золотой Орды
На прекрасноёй Настасье Митриевичной.
Говорил ему Владимир-князь да стольне-киевской:
«Ай же крестничек ты мой любимыи!
Хочешь ехать пожениться в Золоту Орду?
Что ты брать будешь с собой да в Золоту Орду?
А й бесчетную велику золоту казну,
А й одежицу ты брать дорогоценную,
Али брать ты будешь силушку великую?»
Говорил Иванушко Годинович:
«А й крестовый ты мой батюшка,
Ай ты славныя Владимир-князь да стольне-киевской!
Мни не надобно бессчетной золотой казны —
Золотой казной мне девушки не выкупить;
Силы-армии великия не надобно —
Мне не дракою брать девушку да не войскамы да великима;
Да не надобно одежи драгоценноей.
Есть пойдет в люби Настасья Митриевична —
Так возьму в люби Настасью Митриевичну,
Так не надо бы одежи драгоценныя,
Да й не надо мни бессчетной золотой казны,
Да не надо силы-армии великоёй.
Только дай мне-ка да парубка любимого,
Чтобы паробку добра коня седлать,
Чтобы паробку коня расседлывать,
Ему плетка подавать да плетка принимать».

Вар. к 20—56
II

Отвечает Иван сын Годинович:
«Рад бы, осударь, женился, да негде взять:
Где охота брать, за меня не дают,
А где-то подают, ту я сам не беру».
А проговорит ласковой Владимир-князь:
«Гой еси, Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчат стул,
Пиши ярлыки скорописчаты».
И садился тотчас Иван на ременчат стул,
Написал ярлык скорописчатой
А о добром деле — о сватанье
К славному городу Чернигову,
К Дмитрию-гостю богатому.
Написал он ярлык скорописчатой,
А Владимир-князь ему руку приложил:
«А не ты, Иван, поедешь свататься —
Сватаюсь я-де, Владимир-князь».
А скоро-де Иван снаряжается,
А скоря того поездку чинит
Ко городу Чернигову.

Два девяноста-то мерных верст
Переехал Ивану́шка в два часа.
Стал он, Иван, на гостином дворе,
Скочил он, Иван, со добра коня,
Привязавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрию-гостю кланяется,
Положил ярлык скорописчатой на круглой стол.
Дмитрий-гость распечатывает и рассматривает,
Просматривает и прочитывает.
«Глупой Иван, неразумной Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальню землю Загорскую
За царя Афромея Афромеевича.
За царя отдать — ей царицою слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков счету нет;
За тебя, Иван, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести».
Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ярлык Иван да и вон побежал.
Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву,
Скоро Иван на двор прибежал,
И приходит он во светлу гридню,
Ко великому князю Владимиру,
Спасову образу молится,
А Владимиру-князю кланяется.
Вельми он, Иван, закручинился.
Стал его Владимир-князь спрашивати,
А стал Иван рассказывати.
⟨. . . . .⟩
Тут ему, князю, за беду стало,
Рвет на главе черны кудри свои,
Бросает их о кирпичет пол:
«Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле — о сватанье.
Честью не даст, ты и силою бери».

Вар. к 35—70
III

Здраво стали они да во Черни-город,
А ко Митрию да ко красну крыльцу,
Становили они коней да неприказанных,
неприказанных коней, да непривязанных.
Тут пошел старой казак да на красно крыльцо,
Проходя он идет да по новым сеням,
Отворят он у гридни да широки двери,
Наперед он ступат да ногой правою,

Позади он ступат да ногой левою,
А и крест-от кладет да по-писаному,
А поклон-от ведет да по-ученому,
Поклоняется на все на четыре да кругом стороны,
Во-первых он Митрию сыну Гурьевичу:
«Уж ты здравствуёшь, Митрий сын Гурьевич!»
Говорит тут ведь Митрий сын Гурьевич:
«Уж ты здравствуёшь, старой казак Илья
Муромец!»
— «Мы уж ездим от стольнёго города от Киева,
От ласкова князя да от Владимира,
От того же от Ванюшки от Маленького,
Мы о добром деле ездим — да всё о сватовстве».
Говорит тут ведь Митрий сын Гурьевич:
«У меня ведь уж дочи та просватана
За синёё морё да за холодноё,
За царя-де она да за царевича,
Да за того короля за королевича,—
А завтре у нас дак ведь уж свадьбы быть,
А вот придет король с-за синя моря
На двенадцати черленых да бóльших кораблях,
Со своей со силой да со военною».
Говорит старой казак да Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Митрий сын Гурьевич!
Ты добром буди дашь, дак мы и добром возьмем,
Добром-то не дашь — дак возьмем силою,
А силой возьмем мы да богатырскою,
Грозою увезем да княженецкою».
А тут-то ведь Митрий да прирасплакался.
〈. . . . .〉
Тут пошел старой казак да ведь из гридни вон,
А пошел-де уж он да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям,
Заходил он к Настасьи дак Митриевични,
Он брал-де Настасью да за белы руки,
За ее же за перстни за злаченые,
И повел он Настасью да вон из горёнки.
Она будёт супротив да дверей батюшковых,—
Говорит тут Настасья да Митриевична:
«Государь ты родитель да мой батюшко!
Ты пощо же меня да не добром отдаешь,
Не добром отдаешь да меня, силою?
Ведь уж я у тебя была просватана
Я за синёё морё да за холодноё,
За того я царя да за царевича,
За того короля, за королевича,—
А завтре у нас да ведь уж свадьбы быть,
Да вот придет король с-за синя моря
На двенадцати черленых да больших кораблях,
А со своей со силой да со военною.
А есь же ведь где ле да у других отцей,
А есь же у их да ведь и дочери,—
Всё из-за хлеба давают да из-за соли,
А и ты меня давашь нонь да не из-за хлеба,
Не из-за хлеба давашь ты да не из-за соли».

А тут-то ведь Митрий прирасплакался.
Тут повел старой казак да вон на улочку,
Да садил он Настасью да на добра коня,
На добра коня садил он впереди себя,
Да поехали они да вон из города.

Вар. к 55—70
IV

«Уж ты ой еси, единородной доброй молодец,
Ты могучой же русской всё бога́тырь же!
У меня засватана да дочь моя любимая,
Как же та у мня Настасья Митреяновна,
За поганого царища Вахрамеища,
Белы ручушки у ей да призада́ванные,
Золотыма ти перстнями поменялися,
И засажона у мне, засажона моя да дочь любимая,
Ещ та ли Настасья Митреяновна,
Она за семьдесятью семью замками всё
заморскима,
А у кажного замку стоит по сторожу,
Что по сторожу стоит, что по татарину».
А говорил-то тут ей же всё племянничок:
«Уж ты гой еси, король ты Митрий Митреянович!
Отдавай-ка ты за мене да сво́ю дочь любимую,
Уж ты с радости отдавай, со веселия.
И не отдашь ты за меня, король ты Митрий
Митреянович,
И своей ты дочери любимою,
Еще той же ты Настасьи Митреяновны —
Я тебя же, король, стругóм повыстружу,
Я стругом же тебя повыстружу,
А возьму твою дочь любимую,
За себя взаму́ж возьму же всё».
Еще говорил король да Митрий Митреянович:
«Еще как нельзя да моей-то дочери любимою —
Она засватана у мне, Настасья та Митреяновна».
И тут-то племянничок не много разговаривал,
Раскипелось у е́го ретивó сердцó,
Побежал он скорó на широкой двор,
Он же хлопнул-то дверью во весь же мах,
А королевска палата вся же потрясалася,
А из рам-то стеколышка попадали.
И перепался король тогда да Митрий Митреяно-
вич,
И не мог сказать племянничку никакого слова.
Еще тут он пошел да ко своему да ко добру коню,
Еще брал он скоро саблю в руки вострую
И пошел скоро колидором королевским же,
Еще за́чал своей он палицой булатною
И стал он на праву сторону помахивать,
И на левую стал он отмахивати
И прирубил-то всих поганых всих татаровей,
А еще тут-то перебил племянничок да всех
татаровей,
И он прирубил всих их да до единого.
А еще отпирал ту же комнату да королевскую,
Где сидела Настасья Митреяновна,

Она с мамушками сидела, с нянюшками,
Она со сенными с красныма же с девушками,
Еще сидела вышивала она шириночку,
Еще разныма шелками она заморскима,
И она расшивала дорогим да красным золотом,
А усаживала да чистым се́ребром
И дорогим-то да скатным жемчугом —
Да поганому царищу Вахрамеищу.
И тут сидела Настасья Митреяновна,
И на ковры-то она сидела, на рытом бархате,
Против зеркала сидела всё заморского.
И заходил тогда, говорил-то ей племянничок:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевична,
Королевична Настасья Митреяновна!
А и одевайтесь вы-то скорее да в платьё дорожноё,
А и что в дорожное в платьё всё во теплоё,
И ты поедёшь же со мной да на святую Русь,
А и на святую ты Русь, в славной Киев-град».
И тут нянюшки-мамушки зачали одевать же ей
В дорогоё они платьё, в платьё дорожноё,
Как в дорожноё в платьё да всё во теплоё,
А и одевали ей же шубочку соболиную,
И одевали-облокали ей скорёхонько.
Они одели-облокли Настасью Митреяновну,
И как повел скоро ей да всё племянничок
По теплым колидорам да королевским же,
А и тут заплакала Настасья да Митреяновна
Она королю ту своему да отцу-батюшку,
Она тому ли королю же Митрию Митреяновичу:
«Уж ты ой еси, мой ты да ро́дной батюшко,
И ты король же всё Митрий ты Митреянович!
И ты умел меня споить-скормить, повыростить,
И не умел меня взаму́ж-от повыдати
А и как без драки ты меня да без кроволитною».
А тут король-от Митрий-от Митреянович
А и перепался он со страху ту с великого,
Он под стол-то, король, он да запихался же,
А и он же куньей-то же шубой сам закрывался же,
И говорил тогда король да королевы своей,
А и королевы он своей, да пожилой жоне:
«А уж ты ой еси, моя ты королева, да пожила жона!
Ты поди-поди скоре́ да провожай же ты
Э и ты свою ту дочь любимую, Настасью Митреяновну,
Э и ты давай с собой придано-то сколько надобно:
Э и ты давай перву телегу красна золота
И насыпай втору телегу чиста серебра,
А и ты третью́ ту телегу насыпай дорогого скатна жемчуга».
И тут пошла-то королева его, пожила жона,
Она пошла скоро в палаты ти в королевские,
Она кланялась племянничку низёхонько:
«Уж ты ой еси, единородной ты доброй молодец!

А и ты бери-бери у нас Настасью Митреяновну,
Ты бери придано, сколько надобно,
Ты бери-бери перву телегу красна золота,
А и ты втору телегу бери да чиста серебра,
А ты третью у мня телегу бери да скатна жемчуга».
А еще тут-то говорил же, говорил же королевы-то,
Говорил же тут племянничок: «Мне не надобно,
Э и мне не надобно вашо красно золото,
Э и мне не надобно вашего да чиста серебра,
Мне не надобно-то вашого дорогого скатна жемчугу».
Э и он садил скоро Настасью ту Митреяновну,
Он садил-то скоро ей на добра коня,
На добра коня садил да богатырского.

Вар. к 54—88
V

Говорит тут Митрий-князь богатыя:
«Ай же вы добры молодцы!
За три годы Настасьюшка просватана
Во тую ль во землю во неверную,
За того ль царища за Кощерища».
Испроговорят добры молодцы:
«Митрий-князь богатыя!
Ты волей не дашь — мы боём возьмем».
Испроговорит Настасья Митриёвична:
«Свет государь ты мой батюшко,
Митрий-князь богатыя!
Я не йду ведь во землю во неверную
За того ль за царища за Кощерища —
Я иду за Ивана Годиновича».
А й брали Настасью добры молодцы,
Иванушка Годинович
А й брал он ведь за белы руки,
За белы руки, злачены перстни,
А й водил ведь в церковь во божьюю.
А й садились в карету золоченую,
А й видли добрых молодцев сядучи —
Не видли удалых поедучи,
Во чистом поли одна пыль стоит.

Вар. к 122—125
VI

Говорит Кощей сын Трипетович:
«Ай же ты Марья Дмитриевична!
Не давай ножища-кинжалища
Иванушку, Ивану Годиновичу.
А я тебе скажу-поро́сскажу:
А тащи-ка ты Ивана за желты кудри
Со тыих со моих со белых грудей;
Будешь слыть портомойницей
У солнышка у князя Владимира,
А будешь слыть не царицею;
А поди-ка ты за меня замуж —
Так будешь, Марьюшка, слыть царицею
У меня, Кощея у Трипетова».
Тут-то она и пораздумалась:
«Что мне-ка слыть портомойницей?
А лучше будет слыть царицею
За царем Кощеем за Трипетовичем».

Вар. к 160—192
VI

Тут тая Марья Дмитриевична
Выставала она на резвы ноги,
Взимает в руки саблю вострую,
Начала сабелькой помахивать,
Начала сама выговаривать:
«У женщины волос долог, ум короток.
От бережка теперь я откачнулася,
А к другому я не прикачнулася.
Отсеку Ивану буйну голову,
Пойду назад, красна девушка».
Говорит Иванушка таковы слова:
«Ай же ты Марья Дмитриевична!
Не секи мне, Ивану, буйны головы,—
А столько я ти за ту вину за великую
Дам-то три грозы небольшенькие».
Тут она с собой пораздумалась:
«Перву грозу мне даст — я год проживу,
А другу даст — еще год проживу,
А третью даст — я и век проживу».
Отвязала Ивана от сыра дуба.
Ставал Иван на резвы ноги,
Взимает тую сабельку вострую,
Отсек ей белы рученьки,
Отсек, сам выговаривал:
«Этых мне рученек не надобно —
Обнимали поганого татарина».
Отсек ей уста сахарние,
Отсек, сам выговаривал:
«Этых мне губушек не надобно —
Целовали поганого татарина».
Отсек ей резвы ноженьки,
Отсек, сам выговаривал:
«Этых мне ноженек не надобно —
Охапляли поганого татарина».
Пошел тут един-единешенек
Он удалый добрый молодец,
Пришел ко городу ко Киеву,
Ко стольному князю ко Владимиру,
К своему любезному ко дядюшке,
Пришел он, молодец, безо всего:
Ждали-сожидали с молодой женой,
А пришел Иванушка — и нет никого.

Вар. к 1—192
VII

Не-во далече была во чистом поли,
Не два сокола вместе они солеталися,
Не два богатыря они вместе соезжалися,
Не Иванушка со царем они крепко позаспорили,
Еще сын Гордеевич крепко пораздорили,—
А повздорили еще не об сто рублей,
Еще позаспорили не об тысяче,
Позаспорили они об своих буйных головушках.
Еще они билися, вот они рубилися
С утра день до вечеру,
Как в осеннюю-то было темну ноченьку,
В темну ноченьку до бело́й зари.

Не по божеской было по милости,
То по младенческому было по счастьицу —
Сбил Иванушка царя вон его, поганого,
Еще сбил Гордеевич царя вон его, неверного,
Еще как садился Иванушка царю на белые груди,
Как садился Гордеевич на его груди царские,
Еще вынимает Иванушка вострую кинжалищу,
Еще вынимает Гордеевич вострую булатную,
Как хотит-то Иванушка пороть груди белые,
Как хотит Гордеевич пороть груди царские.
Еще как поганый царь крепко испугался,
Еще как поганый царь возмоляется,
Он кричит-то, зычит своим громким голосом
Еще ко Настасьюшке ко дочке Митревне:
«Да ты свороти Иванушку со моих белых грудей,
Свороти Гордеевича с моих царскиих.
Еще ты своротишь Иванушку — будешь царицею,
А не своротишь Гордеевича — будешь постелицею»
Еще своротила Иванушку со белых грудей,
Еще своротила Гордеевича с его царскиих,
Еще привязали Иванушку его ко сырому дубу.
Накладает он, поганый царь, свою калену стрелу,
Еще как хотит его поганый царь застрелити,
Еще как хотит Гордеевича он его застрелити
Да не по божеской было по милости —
То по младенческому было по счастьицу,
Еще воротилася она, калена стрела,
Еще да убила она вот его, поганого царя.

Михайло Потык

Вар. к 1—29
I

Михайла ён уехал ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи ко черныи,
К ца́рю он к Вахрамею к Вахрамееву.
〈. . . . . 〉
Приехал тут Михайло сын Иванов он
А на тоё на да́лечо на чисто полё,
Раздернул тут Михайлушка свой бел шатер,
А бел шатер еще белополотняной,
Тут-то он, Михайлушка, раздумался:
«Не честь-то мне, хвала молодецкая —
Ехать молодцу мне-ка томному,
А томному молодцу мне, голодному;
А лучше, молодец я, поем, попью».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванович
Поел, попил, Михайлушка, покушал он,
Сам он, молодец, тут да спать-то лег.
Как у того царя Вахрамея Вахрамеева
А была-жила там да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь белая,
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходит что на выходы высокие,
А смотрит как во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё:

Углядела-усмотрела во чистом поли —
Стоит-то там шатер белополотняный,
Стоит там шатер еще, сма́хнется,
Стоит шатер там еще, разма́хнется,
Стоит шатер еще ведь, уж со́йдется,
Стоит шатер там еще, разойдется.
Как смотрит эта Марья лебедь белая,
А смотрит что она, еще думу думает:
«А что есте зде да русский бога́тырь же!»
Как бросила тут трубоньку подзорнюю,
Приходит тут ко родному ко батюшку:
«Да ай же ты да мой родной батюшко,
А царь ты Вахрамей Вахарамеевич!
А дал ты мне прощенья-благословленьица —
Летать-то мне по тихиим заводям,
А по́ тым по зеленым по затресьям,
А белой лебедью три году.
А там я налеталась, нагулялася,
Еще ведь я наволевалася
По́ тыим по тихиим по заводям,
А по́ тым по зеленым по затресьям.
А нунчу ведь ты да позволь-ка мне
А дру́го ты еще мне-ка три году
Ходить-гулять-то во да́лечем мни во чистом
поли —
А красной мне гулять еще девушкой».
Как он опять на то ёй ответ держит:
«Да ах же ты да Марья лебедь белая,
Ай же ты да дочка та царская мудреная!
Когда плавала по тихиим по заводям,
По тым по зеленым по затресьям
А белой ты лебедушкой три году,—
Ходи же ты, гуляй красной девушкой
А друго-то еще три да три году,
А тожно тут я тебя замуж отдам».
Как тут она еще поворотилася,
Батюшку она да поклонилася.
Как батюшка да давает ей нянёк-мамок тых,
Ах тых ли, этых верных служаночек.
Как тут она пошла, красна девушка,
Во далечо она во чисто полё,
Скорым-скоро́, скоро да скорёшенько —
Не могут за ней там гнаться няньки ты,
Не могут за ней гнаться служаночки.
Как смотрит тут она, красна девушка,—
А няньки эты все да оставаются,
Как говорит она тут таково слово:
«Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
А вы назад топерь воротитесь-ка,
Не нагоняться вам со мной, красной девушкой».
Как нянюшки ведь ёй поклонилися,
Назад оны обратно воротилися.
Как этая тут Марья лебедь белая,
Выходит тут она ко белу шатру,—
Как у того шатра белополотняна

Стоит-то тут, увидал ю добрый конь,
Как начал ржать да еще ⟨копытом⟩ мять
Во матушку ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Как ото сну богатырь пробуждается,
На улицу он сам пометается,
Выскакал он в тонкиих белых чулочках без чоботов,
В тонкии белыи рубашки без пояса.
Смотрит тут Михайло на вси стороны,
А никого он не наглядел тут был.
Как говорит коню таково слово:
«Да ай ты волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржешь ты да ⟨копытом⟩ мнешь
А во тую во матушку сыру землю,
Треложишь ты русийского богатыря?»
Как взглянет на дру́гую шатра еще другу сторону —
Ажно там-то ведь стоит красна девушка.
Как тут-то он, Михайлушка, подскакивал,
А хочет целовать-миловать-то ю.
Как тут ёна ёму воспроговорит:
«Ай же ты удалой доброй молодец!
Не знаю я теби да ни имени,
Не знаю я теби ни изотчины,
А царь ли ты есте, ли царевич был,
Король ли ты, да королевич есть,—
Столько знаю, да ты русской-то богатырь здесь.
А не целуй меня, красной девушки,
А у меня уста были поганые,
А есть-то ведь уж веры я не вашии,
Не вашей-то ведь веры есть, поганая.
А лучше-то возьми ты меня к себе еще,
Ты возьми, сади на добра коня,
А ты вези меня во Киев-град,
А проведи во веру во крещеную,
А тожно ты возьми-тко меня за себя замуж».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванов был,
Садил он-то к себе на добра коня,
Повез-то ведь уж ю тут во Киев-град.
А привозил Михайлушка во Киев-град,
А проводил во веру во крещеную,
А приняли они тут златы венцы.

Вар. к 164—179
I

Опять-то приезжает тот прекрасный царь Иван Окульевич,
Больше того он со силой, с войском был,
А во тот-то во тот да во Киев-град.
А начал он тут Марьюшку подсватывать,
А начал он тут Марью подговаривать:
«Да ай же ты да Марья лебедь белая!
А ты поди-ка, Марья, за меня замуж,
А за царя ты за Ивана за Окульева».
Как начал ульщать ю, уговаривать:
«А ты поди-поди за меня замуж —

А будешь слыть за мной ты царицею;
А за Михайлом будешь слыть не царицею,
А будешь-станешь слыть портомойница
У стольнего у князя у Владимира».
Как тут она еще да подумала:
«А что-то мне-ка слыть портомойница,—
А лучше буде слыть мне царицею
А за тым за Иваном за Окульевым».
Как ино тут она еще на то укидалася,
Позвалась пошла за ёго замуж.

Вар к 1—29
II

Тут поехал Михайло да в землю в дальнюю,
А в дальнюю землю, да всё во Лямскую.
⟨. . . . .⟩
Здраво стал-де Михайло да полём чистыим,
Здраво стал-де Михайло да реки быстрые,
Здраво стал-де Михайло да в землю в дальнюю,
Во дальнюю землю, да всё во Лямскую.
Он уж стару ту силу да всю конем стоптал
И воистых молодцей да в пень повырубил,
Он чисто-то серебро телегами катил,
Он уж красно-то золото ордынскою;
Он уж красных-то девушок станицами,
Молодых молодиц да табуницами,
Он уж добрых коней да табунами гнал.
Он уж прибрал себе да полюбовницу,
А прекрасную Марью да королевичну,
Еще сколь-то-де Марья да лебедь белая.
А садил он ею да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя,
И поехали они да по чисту полю.
Они едут как по полю по чистому,
Не из далеча-далеча да из чиста поля,
Из того же раздолья да из широкого
И ползет-де змея, да змея лютая,
А люта змея да подколодная,
Она ползет ведь к Михайлу, да ко добру коню,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой Потыки Михайло да сын Иванович!
Соскочи-тко ты, Михайло, да со добра коня,
Та разуй-кася, Михайло, сапог да со правой ноги,
Ты сходи-ткося, Михайло, да во синё морё,
Зачерпни-ткося воды свежоключевое,
Ты залей мать зеленую дубровушку:
Есь горит-де в чистом поле ковыль-трава,
А в чистом-то ведь поле есь час ракитов куст,
А в кусту у змеи да есь тёпло гнездо,
А в гнезди у змеи есь да дети малые.
Я на нужно тебе время да пригожусь когда-нибудь,
Я на нужно тебе время да неминучёё».
Говорила тут Марья да королевична:
«Уж ты ой Потыки Михайло да сын Иванович!
Не слезывай ты, Михайло, да со добра коня,
Не разувай ты, Михайло, да ведь сапожечёк,
Не ходи ты, Михайло, да во синё морё,

Не зачерпывай воды свежоключевое,
Не заливай мать зеленую дубровушку,
Не отнимай у змеи да ты малых детей».
Ведь тому-то Михайло да не поверовал,
Он и скоро соскочил да со добра́ коня,
Он и скоро бежал да во синё морё,
Зачерпнул он сапог да ключевой воды,
Заливал мать зеленую дубровушку.
Они поехали опеть по полю по чистому,
Они доехали до стольнёго до города,
И до стольнёго до города до Киева.
〈. . . . .〉
Весёлым-де пирком да то и свадёбкой
Поженился Потыки Михайло да сын Иванович.

Вар. к 1—29
III

Говорил-то князь Михайлу, всё рассказывал:
«Поезжай-ка ты, Михайлушко, в чисто́ полё,
Уж ты молодой мой Потык ты Михайло сын Иванович,
Постреляй-ка хоть ты мне да белых лебедей».
Тут как скоро-то Михайло свет Иванович
Он ведь скоро-то выходит всё из-за дубова стола,
Он ведь скоро-то бежит всё на конюшен двор,
Он седлал-то своего ведь коня доброго,
Он ведь скоро тут поехал во чисто полё,
Еще брал-то он всё стрелочки каленые.
Он завидел всё на тихой-то на заводи,
Он завидел лебёдушку всё белую,—
Ета беленька лебедка золото́ перьё,
Золото у ей перьё, крыльё серебряно,
Голова та усажона скатным жемчугом.
Воспроговорит всё Потык-то Михайло свет Иванович:
«Я не буду-то стрелять етой лебёдочки,
Я не буду всё ей да я кровавить-то —
Не могу ли изымать ею́ живу́ в руки,
Увезти мне-ка живу князю Владимиру».
Он не мог-то поимать да ей живой в руки,—
Он ведь скоро натягаёт, Потык-то Михайло сын Иванович,
Натягаёт он у стрелки скоро ту́гой лук,
Он ведь хочёт постре́лить-то эту лебёдушку.
Тут спрого́ворит лебёдушка язы́ком человеческим:
«Уж ты гой еси, ты Потык же Михайло сын Иванович!
Не стреляй-ка ты меня, всё белой лебеди,—
Пригожусь-то я к тебе да всё во всё время».
Тут Потык-то Михайло всё Иванович
Он-то ей да пожалел да всё пострелить-то.
Полетела-то лебёдочка ко Почай-реки.
Поехал ведь Потык-то Михайло свет Иванович
Как за етой за белой вслед лебёдушкой.
Не лебёдушка летат-то тут — Овдотья Лиходеёвна,
Прилетела-то Овдотья на крут бе́режок,

Развернулась-то Овдотья красной девицой.
Приезжает-то ведь Потык-то Михайло свет Иванович,
Обнимат она Потыка Михайла всё Ивановича,
Обнимает она его всё за белу́ шею,
Целовала его в уста в сахарние:
«Ты возьми-тко, возьми-тко, Потык ты Михайло сын Иванович,
Ты возьми, возьми меня, Овдотьюшку ту, за себя замуж».
Еще тут-то ведь Потык-то Михайло всё Иванович,
Еще он ведь тут ведь всё на ей сосватался.
Тут садился всё Потык-то Михайло всё Иванович,
Он садился на своёго коня доброго,
Он поехал ведь, Потык-то Михайло всё Иванович,
Да поехал ведь он да в красён Киев-град,
Ко своёму ту ко ласковому князю ко Владимиру.
Овернулась тут Овдотья Лиходеёвна,
Овернулась-то она да белой лебедью,
Овернулась, полетела-то да переди его.
Еще едёт Потык-от Михайло всё Иванович,
Мимо едёт Овдотьюшкин высок терём —
Сидит-то тут Овдотья Лиходеёвна,
Что сидит-то под косисчатым окошочком.
Приезжает ко князю ко Владимиру,
Он навёз-то тут ёму всё гусей, лебедей,
Да пернасчатых-то мелких уточёк.
〈. . . . .〉
Тут ведь Потык-от Михайло сын Иванович,
Пошел-то Потык ведь свет Михайлушко в божью́ церковь,
Нарядилась тут Овдотья Лиходеёвна,
Да пошла же она да во божью церковь.

Вар. к 118—157
III

Они сделали могилу всё больши́нскую,
Повалили Овдотьюшку всё ме́ртву в гроб,
Повалили тут Потыка Михайла всё Ивановича,
Подле бок-то поставили к ёму добра коня.
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Уж вы гой еси, попы, отцы соборные!
Я не дам-то Михайлушка ложить с Овдотьей Лиходеёвной.
Повалите вы Овдотью всё едну вы в гроб,
Положите на Овдотью полосу железную,
Посадите вы Потыка Михайла со добрым конем,
Положите вы ёму да саблю вострую;
Уж поставлю я к могилы крепких караульщичков».
Закрывали с могилы их решеточкой железною,
Как ведь желтым-то песочком не зарыли-то,
По распоряженьицу всё ведь было по хорошому,
По хорошому да всё по хитрому,
Всё по хитрому было́, по мудрому.
Тут поставил он крепки́х всё караульщичков.
Со шести было часов да до двенадцати,

Приползала тут змея к Потыку Михайлу всё
Ивановичу —
Напустила тут Овдотья Лиходеёвна
Волшебством она своим да змей-то лютыих,
Загрызли-то у Потыка Михайла у Ивановича,
Ай хотят они отгрызть да ручки белые.
Он хватил тут, Потык-то Михайло всё Иванович,
Он хватил свою скоро́ востру́ саблю,
Он отсе́к-то у змеей да буйны головы.
Забречала полоса та всё железная,
Заскрипела тут зубами всё Овдотья Лиходеёвна.
Перепался у Потыка у Михайла у Ивановича
доброй конь,
Он выскакивает из матушки сырой земли,
Он выхватывал ногами своего хозяина,
Проговорил-то конь язы́ком человеческим:
«Притопчу возьму Овдотью Лиходеёвну».
Притоптал-то он в земли, в гробу Овдотью
Лиходеёвну,
'достали-то присек Потык-то Михайло всё
Иванович,
Он присек ей, прирубил взял на мелки́ части:
«Не жона была Овдотья мне-ка Лиходеёвна,
Не жона мне-ка была — всё еретица та
проклятая.

Вар. к 41—98
IV

В тую пору да во то время
Наезжае было царь Бухарь заморскии,
Наезжае царь Бухарь с посланником,
Правит он да дани-выходы
〈. . . . .〉
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Солнышко Владимир стольно-киевской
Призывае он Михайлу Потыка Иванова:
«Ты Михайло Потык сын Иванович!
Приезжае к нам же царь Бухарь заморскии,
Правит он же с нас да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Испроговорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ах ты солнышко Владимир стольно-киевской!
Ты садись-ка нынь, Владимир, на ременчат стул,
Пиши-тко было ярлычки да скорописчаты:
«Отправлены да дани-выходы
За Михайлом Потыком Ивановым
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Я поеду нынечу без даней-выходов».
Он, Михайла Потык сын Иванович,
Поезжает он к царю Буха́рю да заморскому
Повозит ёрлычки да скорописчаты
К тому же он к царю ко Бухарю́ да ко заморскому,
Что отправлены да дани-выходы
За Михайлой Потыком Ивановым

За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Приезжает ко Бухарю — царю заморскому,
Подавает ёрлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскии
Тыи ёрлыки да скорописчаты,
Скорешенько ярлычки да распечатыват,
Поскорее того да он прочитыват,
Сам же царь Бухарь да тут зрадýется:
«Ты Михайло Потык сын Иванович!
Где же у вас выходы осталися?»
— «У нас оси да в тележках приломилися,
Да тележки у нас поломалися.
Там починщички да в поле приосталися
А тележек во чистом поли починивать».
Испроговорит царь Бухарь заморскии:
«Ты Михайло Потык сын Иванович!
Чим же нынь у вас да на России забавляются?»
— «У нас же на России забавляются —
Нынь играют да во шашечки дубовые,
Что ли ставят да дощечки да кленовые».
Доставали тут дощечку да кленовую,
Что же ставили тут шашечки дубовые
На тую тут дощечку на кленовую,
Тут играли было в шашечки дубовые,
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович,
Ставил же он своего добра коня,
Ставил же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил он же дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли было в шашечки дубовые,
Тую было дощечку да кленовую,—
Проиграл Михайла Потык сын Иванович,
Проиграл он своего добра коня,
Проиграл же он свою буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю он царю заморскому.
Тут царь Бухарь было заморскии,
Тут же царь да он зрадуется.
Ставили дощечку да во дрýгой раз,
Ставили тут шашечки дубовые
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну подолянку;
В дрýгих ставил он родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую;

Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил тут Михайлина добра коня,
Ставил тут его да буйну голову,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли да дощечку да во другой раз,
Сыграли было дощечку в другой раз —
Повыиграл Михайло Потык сын Иванович,
Своего повыиграл добра коня,
Повыиграл свою да буйну голову
И повыиграл да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Ставили дощечку они в третий раз.
Михайло Потык сын Иванович
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставил своего добра коня,
Ставил он свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил он полцарства, пол-имянства он заморского.
Стали тут играть дощечку да во третий раз,
Играли тут дощечку да во третий раз —
Тут Михайло Потык сын Иванович
Повыиграл дощечку было в третий раз,
Повыиграл он полцарства, пол-имянства он заморского.
Со царя Бухаря со заморского.
Рассердился было царь Бухарь заморскии —
Ставили дощечку во четвертый раз.
Ставил он всё царство всё Бухарское заморское;
А Михайла Потык сын Иванович
Ставил он полцарства, пол-имянства он заморского
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Играли тут дощечку да в четвертый раз —
Повыиграл Михайла Потык сын Иванович
Он дощечку да в четвертый раз
С того царя Бухаря он со заморского,
Повыиграл всё царство он Бухарско да заморское.
Ставили дощечку они в пятый раз.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил он свою да буйну голову,
Михайла Потык сын Иванович
Ставил царство тут Бухарско да заморское
На ту было дощечку на пятую.
Стали тут играть да они в шашечки,
На пяту-то дверь тут отворяется,
Крестовый ёму братец да пихается,

Приезжает тут Добрыня сын Никитинич:
«Мóлодой ты Потык сын Иванович!
Играешь ты во шашечки во дубовые
Да на той же на дощечке на кленовыи,
Над собой же ты незгодушки не ведаёшь —
Как твоя-то Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична было подолянка,
Что она же нынчу было пóмерла».
Михайло Потык сын Иванович
Он скочил же на свои да на резвы ноги,
Ухватит он дощечку да кленовую
С тыма шашкамы с дубовыма,
Ударил он во двери с ободвереньем,
Повыставил он двери вон со ли́пиной.
Перепался было царь Бухарь заморскии,
Смолился он Михайлы Потыку Иванову:
«Михайла Потык ты Иванович!
Ты оставь меня, царя, да нонь во живности,—
Получай же нынь ты царство всё Бухарское заморское».
А Михайло Потык сын Иванович
Сам же тут да братьям испроговорит:
«Ай вы братьица мои было крестовые!
Получайте-тко нынь с царя со Бухаря со заморского
Вы царство нынь Бухарско всё заморское,
Оставьте-ка царя да посидельщичком,
Недосуг же мне-ка-ва с ним нынь угладиться,—
Я поеду нынь ко городу ко Киеву,
А й ко ласковому князю ко Владимиру».

Вар. к 160—179 IV

Марья — лебедь белая,
Королевична было подолянка,
Посылала она ведом королю да Политовскому,
Что наехал бы король да Политовскии,
Увез бы он меня, да Марью лебедь белую,
Лебедь белую он да подолянку,
А й подолянку да королевичну,
Во тую землю во Литовскую.
Приезжает тут король да Политовскии,
Приезжает тут король да по-молчаному,
Он увозит Марью лебедь белую,
Лебедь белую, да королевичну,
Королевичну он да подолянку.

Вар. к 195—232 IV

Михайла Потык сын Иванович
Одевае он же платьица ты женские,
Накручается же он да было женщиной,
И поехал вслед же он погоною
За тым же королем да Политовскиим,—
Не узнал бы да король да Политовскии,
Не узнал бы он да вслед погонушки.
⟨. . . . .⟩
Увидала Марья лебедь белая,

Лебедь белая, да королевична,
Королевична да тут подолянка,
Сама ему да испроговорит:
«Ай же ты король да Политовскии!
Еде нонь за нами вслед погонушка,
Едет ту за нами женщина,—
Хоть и женщиной да туда-ка сокрученось,
Не женщина тут едет вслед погонушка,
Едет тут Михайла Потык сын Иванович.
Отправляй меня скорешенько настрету ли
И давай же мне напитков еще сонных,—
Он же до вина да есте спадсливый.
Поднесу ему я чару зелена вина,
Гди выпье, он же тут и в сон заснет».
Подъезжает тут к ему она настрету ли,
Тяжелешенько да óна плаче ли:
«Ты Михайла Потык сын Иванович!
Увез меня король да Политовскии,
Что ль силою увез меня из Киева».
Подносит ёму чару зелена вина:
«Выпей еще чару зелена вина».
Где выпил, тут и в сон заснул.
Подскочила тут к коню да к богатырскому,
Принимает на плечо да на волшебное,
Спустила тут его было через плечо,
Сама же тут Михайлы приговариват:
«Гди был мóлодой Михайла Потык сын Иванович —
Стань-ка нынь горючий белой камешок,
Будь-ка ты, Михайло, нынь во камени».
Отправляется с королем да Политовскиим
В ту было да в земляну Литву.

Вар. к 195—232
V

А не евши где Потык, сам не пивши же,
Поехал за Марьей лебедь белою,
Но настиг где-ка тут Коршея Коршеевича:
Тут стоит в чистом поле белой шатер,
Да стоит-де тут да всё белой шатер,
Заходил где-ка Потык во белой шатер,
Еще тут же где Марьюшка уговариват:
«Еще на-тко те ножка да нонче правая,
Еще на-тко тебе да ручка правая».
Еще тут же где Потык сын Иванович
Еще сдался на бабьи нонче прелести,
Засыпал-де Потык сын Иванович
И спит аки да будто гром гремит.
Еще тут же Марьюшка где лебедь белая
Говорила она да Коршею Коршеевичу:
«Уж ты ой еси, Коршей да всё Коршеевич!
Ты ставай-ка, Коршей да всё Коршеевич,—
Да наехал нас невежа да всё невежищо».
Пробудился Коршей да всё Коршеевич,
Да запутали в опутинки шолковые,
Да замкнули во замочики немецкие,
Отправились да в путь-дорожечку.

Хотен Блудович

Вар. к 7—29
I

Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкого,
Подносила честной вдовы Часовой жены
И за той за чарочкой посваталась
На честной на девицы на Чайной Часовичной.
И честная вдова Часовая жена
Была ёна баба богатая,
Богатая баба, заносліва,
Заносліва баба, упрямая,—
Эти ей речи не слюбилися,
Взяла ёна чару в свои ручи́
И вылила чару во ясны очи
Честныя вдовы Блудовой жены,
Сама говорила таковы слова:
«Моя ли Чайная Часовична
Сидит-то во тереме высокоем,
За трема замочкамы немецкима:
Ее красное солнышко не о́бпечет,
Буйные ветры не о́бвеют,
Частые дожжички не о́бмочат,
Добрые людюшки не о́бгалчат.
А есть у меня девять сыновей,
А у Чайной Часовичной девять братце́в:
Выедут Часовичи во чисто́ поле,
И полонят Хотёнку во чистом поле,
И привяжут Хотенку к стремени седяльному,
И приведут Хотенку на свой-то двор;
Захочу — его кладу во повары,
Захочу — кладу его во конюхи,
Захочу — продам на боярский двор».

Вар. к 86—296
II

А Фатенышку слова эти не понравились,
Ретиво его сердце да загорелося,
Очи ясны его да возмутилися,
Говорит-де Фатенко таково слово:
«Уж ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мне-ка тако благословленьицо,—
Я поеду-де нонь да на добром кони,
Уж я вызову у Марины да поединщика;
У Марины поединщика не окажется,
А защитника у Марины да не отыщется —
Сворочу я ей дом да по окошечки,
Уведу я у ней да дочерь Аннушку».
А дала ему-де мати благословленьицо.
Кабы скоро Фатенушко сряжается,
Але скоро Фатенко сподобляется,
Он бере́т с собою приправу молодецкую,
Але сбруную с собой да богатырскую,
Але с матушкой Фатенко да нынь прощается.
Уж поехал Фатенко нынь ко городу,
Приезжат он к Марины да к Чусовой вдовы,
А скрычал-де Фатенко да ярым голосом,
Ярым голосом скрычал да во всю голову:

«У ты ой еси, Марина да Чусова вдова!
Ты отдашь ле за меня да дочерь Аннушку?
Как добром-то ты отдашь, дак я добром возьму,
А добром не отдашь, дак я боём возьму,
А великой-де дракой, да кроволитием,—
Сворочу я твой дом да по окошечки,
Уведу у тя я да дочерь Аннушку».
А Марина-то ведь с тих же слов спугалася,
Приходила она да ко окошечку,
Говорила ле она да таково слово:
«Уж ты дай мне-ка строку да на полсуточёк,
Я найду-де с тобой да поединщика».
А брала она-де в руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларчи,
А брала-де она да золоту казну,
Уж не много, не мало — да сорок тысячей,
А пошла она, Марина, да вдоль по городу,
А зашла она-де нынь да на царе́в кабак,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Уж вы ой еси, робята да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
Накликат-де у мня право Фатенушко:
А не один, хоть не два, да хоть пятьсот-де вас»
Але голи ти они право охотники,
А любители таки они на деньги ти.
Вынимат она много да золотой казны,
Подпоила она да добрых молодцов,
А взяла-де с собой она зелена вина,
Откупила-де бочку да сороковочку,
Повезла эту бочку да на чисто полё;
Кабы много молодцов идет, много множество,
Кабы вывезла сороковку да там ведь на полё,
Кабы много они брали да стеги-а́ншпуки,
А с Фатенком стоять хотят поединщиком.

Как толпой они на Фатенушка да изурезались,
Попленить-де, побить хотят добра молодца.
Уж Фатенко сидел да на добром кони,
Але прижал он своего да коня доброго,
Разгонился-де он да на добром кони,
Он машот-де палицей буевою,
Але топчёт-де много да конем добрыим,
Он куды-де махнет — дак лежит улица,
В другу сторону махнет — дак лежат площади.
Он прибил-притоптал всех добрых молодцов,
А оставил едва да так на семена.
А поехал к Марины да к нову терему,
Закрычал кабы он да ярым голосом:
«Уж ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мне да поединщика,
А не то уведу я дочерь Аннушку».
У Марины-то ведь было девять дочерей,
Уж сидели у Марины да во гостях они,
Говорила Марина своим зятевьям:
«Уж вы ой еси, мои да девять зятевьей!

Помогите вы нынь да моему горю».
Говорят-де Марины да девять зятевьей:
«Уж не можом мы с Фатенком стоять
поединщиком —
От Фатенка нам смерть да будет лютая».
А Маринка-то ле да осержалася:
«Уж я лучше бы родила да девять камней,
Але бросила бы камни во синё морё,
Кабы в море эти камешки да выросли,
Отросла бы-де кошка да нынь морска ле тут,
А бежали бы корабельщики по морю,
Набежали на эту бы кошечку,
А разбило бы этих корабельщиков,—
Кабы легче было моёму ретиву сердцу».
Кабы тут ле Марина смоталася,
Не могла она приискать да поединщика,
Не отыскалося никого у ей защитника.

Уж разъехался Фатенко на добром кони,
Своротить у ей хочет нонь высок терем.
А во ту пору было, право во то время,
А сидели у Марины девять зятевей,
Выходили они право на улицу,
Извинялися Фатенку, да низко кланялись:
«Заходи-де, пожалуй ты да к нам в гости,
Хлеба-соли-де ись да перевару пить,
А затем-то у нас да чего бог послал.
Отдадим-де за тя да красну девушку,
Красну девушку за тя, да дочерь Аннушку»

Вар. к 86—296
III

Взял-то матушку за белы руки,
Привел ю во поселышко вдовиное,
Сам седлал добра коня богатырского,
Брал с собой служку Панюточку
И поехал во раздольице чисто поле.
Уснул Хотён во крепкий сон,
Сам наказывал служке Панюточке:
«Ты гляди,— как поедут двенадцать братьицев
родимыих
Станут они как призарыскивать —
Ты буди меня со крепка сна».
Как увидел Панюточка двенадцать братьицев
родимыих
Он садился на добра коня богатырского,
Поехал стрету тым братьицам родимыим.
Трех-то братьицев конем потоптал,
Трем-то братьицам голову срубил,
Шестерых-то братьицев во полон взял,
Приводил к Хотёнушку Блудовичу,
А сам говорил таковы слова:
«Ай же ты Хотен честно-Блудов сын!
Ты вставай-ка со крепка сна,—
Я сработал-то твою работушку».
Говорил Хотён честно-Блудов сын:
«Не свою ты работушку работаешь,—

Ты столько знай щи, каша варить,
Щи, каша варить да меня кормить».
Садились они на добрых коней,
Повезли шестерых Часовых сыновей,
И приехали-то к ней поселышку,
Ко ее палатам белокаменным.
Он ударил по вереям по булатныим
И вскричал громкиим голосом:
«Ах ты зла баба зубатая!
Отдавай-ка дочушку Офимьюшку.
Захочу, Офимью за себя возьму,
Захочу, Офимью за служку отдам, за Панюточку.
А возьми-ка на выкуп своих детушек,
Первую мису наклади злата, серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоценного».
Как тая злая баба зубатая
Накладала мису злата, серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоценного,
Приносила-то ко солнышку ко Владимиру,
Говорила сама таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты прими-ка даровья драгоценные,
Дай-ка мне силушки шесть полков
Поимать молода Хотёна честно-Блудова».
Владимир-князь стольно-киевский
Принимал даровья драгоценные,
Давал ей силушки шесть полков.
И пошли они воевать со Хотёнкою.
А попал Хотён честно-Блудов сын
Со своим со служкою с Панюточкой
На тыи полки на княженецкие,
Вскричал-то он громким голосом:
«Ай же ты силушка княженецкая!
Вы свяжитесь на кушачики шелковые по десяточку,
Воротитесь-ка ко князю ко Владимиру,
Кричите-тко сами во всю голову:
„Ай же ты Владимир стольно-киевский!
Как твоя-то силушка полонена —
Полонил-то млад Хотён честно-Блудов сын“».
Молодой Хотён честно-Блудов сын
Приезжал к тому поселушку ко вдовиному,
Скричал-то громким голосом.
Все околенки хрустальны порассыпались,
Все полочки дубовые повыдались,
Все маковки на терему повыломались.
Молода-то Офимьица Часовая дочь
Сидит она ⟨...⟩,
Не может приопомниться от того покрику
богатырского.
Этая зла баба зубатая Часовая жена
Накладала мису злата, серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоценного,

Несла-то ко князю ко Владимиру:
«Ах ты солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты возьми-ка даровья драгоценные,
Назовись моей Офимьюшке родником,
Чтоб взял Хотён Офимью замуж за себя».
Призывал Владимир стольно-киевский
Молода Хотёна честно-Блудова,
Говорил Владимир таковы слова:
«Что же ты, Хотёнушка честно-Блудов сын,
Над моей роденькой насмехаешься,
Над Офимьюшкой, ближнею племницей?
А возьми-ка Офимью замуж за себя».
Молодой Хотён-от догадается,
Он ставил копье долгомерное во сыру землю,
Сам говорил таковы слова:
«Ах ты солнышко Владимир стольно-киевский!
Когда Офимья тебе ближняя племница,
Обсыпь-ка ты мое копье долгомерное
Златом, серебром, каменьем драгоценныим,
И давай-ка още города с пригородкамы,
Давай-ка села со приселкамы».
Солнышко Владимир пораздумался:
«Кто от беды откупается,
А Владимир сам на беду накупается».
Обсыпал он копье-то долгомерное
Златом, серебром, каменьем драгоценныим,
И давал за ней города с пригородкамы,
И давал още села со приселкамы.
Тут заводили они пированьице — почестен пир,
Принимали со Офимьюшкой златы венцы.

Вар. к 86—296
IV

То Хотёнышку не показалося,
Скоро шел да на широкой двор,
Седлал, уздал да коня доброго,
Скоро он поехал во чистó полё.
Идет Хотён из чистá полá,
Голосом кричит да шляпóй машот:
«Здравствуй-ка, ты теща гордливая,
Да здравствуй-ка, ты теща ломливая!
Стречей-кася ты зетя уродища,—
Да тот ли по зáполям уродуёт,
Стрелят сорок, ворон да за чужим двором».
Как попер молодéц дом копьем, тупым концом,
Да тот ли дом он по окнам снял.
Приходила молода вдова Часова жона,
Говорила Катеринуши Часовичны:
«Что это, чадо моё милоё,—
Кажись, не было в поле ни ветра, ни вехоря,
А наш-от дом ведь по окнам снят?»
Отвечала Катеринуша своёй матери:
«Ой ты матушка моя рóдная!
Из чистá полá шел доброй молодец,
Голосом крычал да и шляпой махал,
А сам-от он да выговаривал:
«Здравствуй-ка, ты теща гордливая,

Да здравствуй-ка, ты теща ломливая!
Стречей-кася ты зетя уродища,—
Да тот ли по заполям уродуёт,
Стрелят сорок, ворон да за чужим двором».
Да попер молодéц дом копьем, тупым концом,
И дом-от он ведь по окнам снял,
А сам-от поехал во чисто полё».
Скоро-нáскоро вдова тут догадалася,
Что дороднё-доброй молодец не кто другой,
Как Хотёнышко Блудов сын;
Еще скоря того пошла она к своим сынам,—
А у ей сыновьёв было деветеро,—
Приносила им жалобу на Хотёныша:
«Ой же вы еси, сыны добры молодцы!
Подьте да захватите сына Блудова,
Приведите его мне пред ясны́ очи́».
А ответ дёржáт сыны добры молодцы:
«Ой ты наша рóдна матушка!
Нам ведь у Хотёна взеть-то нечего».
Молодой вдовы то не показалося:
«Кабы было у меня девять зéтевьёв,
Дак они бы меня послушались».
Да не стали тут добры молодцы
Отзываться от своёй родной матери
И поехали внагон за Хотёнышком.

Спит Хотён во белóм шатри,
Спит он, спит да не пробудится.
Наезжали молодцы да близ шатра,
Добры кони стоптали копытами громко-нáгромко.
От того Хотён и пробужается,
Да недолго Хотён тут сряжается,
Садился Хотён да на добра коня
И поехал к молодцам насупротив:
Троих молодцов копьем сколол,
Да троих молодцов конем стоптал,
Да еще троих к стремени́ привязал.
Скоро-наскоро поехал к Часовой жоны,
И крычал он гласом громкиим:
«Здравствуй-кася, ты молода жона,
Молода жона, да Часова жона!
Выкупай-ка ты своих добрых молодцов:
Ведь троих я копьем сколол,
Да троих я конем стоптал,
Да еще троих к стремени привязал.
Коли выкупишь, дак живых спущу,
А не выкупишь, дак смерти́ предам».
Тут молода вдова и спасалася —
На тарелку клала золота,
Да на дрýгу скатна женчуга,
А на третью — ширинку золочёную,
И нызывала его зятём родным.

А сам поворачивал коня в чисто полё
И отсек своему коню голову,
Выливал черево лошадиноё,

Залезал он сам в кониноё черево.
Прилетали тут два ворона,
Ворон старшие да ворон младшие.
А спрогóворит-то ворон младшие:
«Бачко, нам бог обед послал».
А ответ дёржал ворон старшие:
«Нет, малой, тут обман ведь есь».
И начал ворон младшой облётывать,
Начал ворон покыркивать,
Да начал и черево поклюивать.
Ухватил тут ворона Хотёнышко за ногу.
Тут и старой ворон заоблётывал,
Старой ворон запокыркивал,
Просит малого выпустить.
Отвечал Хотён таковы слова:
«Ой жо ты ворон старшие!
Принеси-тко мне-ка воды жúвыя,
Да принеси-ткося воды мертвыя —
Втогды выпущу ворoненыша».
Полетел как ворон старшие
За тридевять земель, за тридевять морей,
За водой жúвою, да за водой мертвою.
И прилетел ворон с водой живою,
Прилетел ворон с водой мертвою,
Отдавал Хотёнышу во белы рукú —
Втогда спустил он ворона младшого.
Водой живою обрызгал коня мертвого —
И конь его начал здрыгивать,
Водою мертвою стал обрызгивать —
Конь ёго стал уж на ноги.
И сел молодец на добра коня,
И поехал оживлять своих шурьяков.
Оживил ведь он своих шурьяков
И поехал к палаты белокамённой.

Стали сочинять свадьбу брачную,
Собирались идти ко божьúм церквам,
Принимать венцы да пресветлые,
Обручеться перстнями золочёныма.
Так женился Хотен на Катеринуше,
Со того времени зачался почестён пир.

Идолище сватает племянницу князя Владимира

Вар к 1—24
I

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимира,
Ай была-то у его взята к себе любимая,
Ай любима у его была племянёнка,
Еще та ли у его да Марфа Митрёвна.
Он возрóстил ей, дядюшка, повыкормил,
Он повыкормил, дядюшка, повыростил,
Посадил свою любимую племянёнку
Он во те ли во высоки ей во теремы,

Посадил ей на диван да рыта бархата,
Ай того ли дорогого красна золота,
Он поставил-то к ей-то верных караульщичков,
Кроме мамушок еще да кроме нянюшок,
Ай замкнул-то за многи́ замки заморские,
Ай заморских замков, сказать, за тридевять,

Ей не знали шчобы́ многи да люди добрые,
Не распустили шчобы про ей, про красну девицу,
Про её-то красоту — красу великую,
Ей по всем шчобы землям по всем неверныим,
Не прошла бы шчо́бы весть скора́-скоре́шенька
Шчо до тех ли до царей, царей неверныих,
Шчо до тех же королей бы, королевичей,
Ай до тех ли шчобы идолов поганыих.
Посещал часто, ходил к ей роден дядюшка,
Еще тот ли Владимир свет да стольне-киевской.
Тут прошло-то как то время, всё повынёслось
Ай про ту ли про любиму про племенёнку
Шчо того ли вся нашо́го князя Владимира,
Тут услышали многи цари, царевичи,
Вси тут мно́ги короли да королевичи,
Й услыхает погано-то Идо́лищо,
Еще то ли царищо всё неверноё,
Услыхал он про ту всё ее красу великую,
Вот задумал поганоё Идолищо,
Еще то ли царищо всё неверноё,
Он грузил скоро́ три черного три ка́рабля
Дорогима он товарами заморскима,
Он ведь вез-то всё каменьё драгоценноё,
Драгоценно каменьё, самоцветноё
В подареньицо князю со княгинюю...

Вар. к 66—131
I

Тут раздумалась Марфа, Марфа Митрёвна,
Говорила своим-то двум могучиим бога́тырям:
⟨. . . . .⟩
«Вы свяжитесь-ка с Идолищевым караблям,—
Я ведь здумала делышко немалоё:
Позови ко мне Идолища поганого,
Ай ко мне-то ведь в гости погостить ему;
Сам и прийдёт-то ко мне Идолищо —
Я ведь буду его сама поить,
Я поить-то буду всё я пивом пьяным-то,
Я тогды буду поить его напитками;
Вы ведь в ту-ту пору пойте всих матросиков,
Ведь меня-то, красну девицу, один да еще это стой,
Ай ты стой у дверей да всё рассматривай.
Пообидит, быват, ведь чим поганое Идолищо —
Ты бежи-бежи ко мне, да ты мне помощь дай,
Мне-ка помощь бежи дай да посматривай».
Он ведь скоро тут бежит, погано к ей Идолищо,
Ото всей-то он бежит, татарин, радости,
Говорит-то он сам да всё таки речи:
«Уж ты здравствуй-ка, душенька ты Марфа Митрёвна!»

Тут садила она Идолища всё за дубовой стол,
Наливала она Идолищу ту чарочку
Ай того ли она да пива пьяного,—
Не ма́ла та была чара — полтора ведра,—
Принимает Идолищо от радости,
Выпивает Идолищо круте́шенько;
Она всё-то наливат, да он тут скоро пьет,
Они выпоили тут карабь им пива пьяного,
Вси матросички у его да все повыпали,
Ай повыпали матросы, обнемели все.
Тут Идолищо поганой распьяне́шенек
Он хотел обнять своей рукой татарскою,
Он накинул еще руку на белу́ шею,—
Ай она та ведь, Марфа, чуть жива сидит.
Ай увидел Добрынюшка Ники́тич млад,
Ай увидел Алёшенька Попович млад,—
Они скоро к ей бежат в каюту всё хрустальнюю,
Ай берут они Идолища всё за чёрны́ кудри,
За чёрны они кудри да всё за татарские,
Ай спускают они по шеи саблю вострую,
Отсекают татарску ёго голову,
Тут спустили татарина ведь скоро тут,
Да секут они его всё на мелки́ части,
Да бросают ёго да во синё морё;
Прирубили-прибили всех матросиков,
Ай смётáли татар-то в морё до единого,
Они взяли ихни карабли чернёные,
Ай приходят ко князю ко Владимиру.

Вар. к 39—52
II

Умывался князь Владимир да побелёшенько,
Снаряжался князь Владимир да поскорёшенько,
Как походит он к Марфушке на высок терям.
Увидала Марфушка в окошечке:
«Как давно красно солнышко не всходило,
Не много, не мало — ровно двенадцать лет,
Как сегодня красно солнышко высоко взошло
Как на Марфушкин да на высок терям,—
Как сегодня-то братилко ко́ мне в гости подошел.
Пировать ле к нам идешь, али столовать идешь,
Али пива ко мне пить, али хлеба кушати?»
— «Не пировать я к тебе иду, не столовать иду,
Я не пива к тебе пить, не хлеба кушати.
Как приехали на Марфушку сваты свататься,
Приехал проклятоё Издолищо:
Как добром ты не йдешь — дак возьмут силою,
Они три дни проживут — дак весь наш град сгубят».
Умывалася Марфушка побелёшенько,
Снаряжалась тут Марфушка поскорёшенько,
Как пошли-то ко князю да во высок терям,
Заходят во грынюшку во светлую:
«Уж ты здравствуй, проклятоё Издолищо!
Пировать ли к нам пришел, али столовать пришел,
Али пива к нам пить, али хлеба кушати?»

— «Не пировать я пришел, не столовати к вам,
Я не пива к вам пить, не хлеба кушати —
Я пришел же на Марфушке свататься».
— «За себя ты берешь али за брата,
А как не за брата берешь, да, буват, за друга?»
— «Не за себя я беру, дак и не за брата,
Не за брата беру, дак и не за друга —
Я за короля за Гребина Замойловича.
Ты добром-то не йдешь — дак возьмем силою,
И мы три дни проживем — дак весь ваш град
сгубим».
Говорила же Марьюшка таковы слова:
«Как для бабьёго-то гузна да не весь град сгу-
бить».

Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович

Вар. к 1—223
I

Что не белая береза к земле клонится —
Приклоняется Добрынюшка Микитин сын
Ко своей ли ко родители ко матушке,
Ко честной вдове Афимье Александровне:
«Ой ты гой еси, родитель моя матушка,
Ты честна вдова Афимья Александровна!
Ты пусти-ка меня, молодца, поратовать,
Во зеленый луг да показаковать,
Поискать себе поперщика,
Научиться защищать стольно-Киев-град».
Оседлал Добрынюшка добра коня,
Надел на его седёлышко черкасское,
И надел на его уздечку набраную,
Уселся на коня и был таков,—
Только ископыть летит в чистóм поле
От его от копыт от лошадиныих.
Недолго молодцу пришлось в поле ратовать,
И недолго пришлось ему казаковать —
Заболела его родитель-матушка,
Стала́ приказывать она своего сына милого:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка Никитич сын,
Поезжай-ка ты ко родитель ко матушке,
Да время тебе, молодцу, женитися».
— «А на ком я буду, матушка, женитися?»
— «Ты женись-ка на Настасье на Микуличной,
На той на скромной на девушке».
И пошли они к князю Владимиру
Просить прощенья-разрешения
На пир, на веселую свадебку.
Вот и дал разрешение стольний князь —
Пусть женится Добрынюшка Никитин сын
На той на Настасье на Микуличне.

Надоело добру молодцу в угл́у сидеть,
Любоваться со своей молодой женой,

Горит у его кровь молодецкая
Да играет сила богатырская.
Опять стал класть поклоны родителю-матушке
Да сказывать всё молодой жены:
«Ты прости меня, родитель-матушка,
Да пусти меня в поле поратовать,
Во зеленый луг показаковать».
Стал наказывать он молодой жены,
Молодой жены Настасье Микуличне...

Вар. к 30—85
II

Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Уж вы сильные могучие богáтыри!
Кто из вас може выпить чару зелена вина —
Тот может ехать во чистó поле,
Во чисто поле да на зáставы,
Времени да на шесть годов,
Не пропускать да ни прохожего,
Ни прохожего, да ни проезжего,
Без докладу-то да ведь, без пошлины
Во славный город да во Киев-град».
Все богатыри да позатихнули,
Все могучие да позамолкнули:
Старший тулится да на среднего,
Средний тулится да на меньшего,
Как от меньшего того ответу нет.
Как изволил стать на резвы́ ноги
Середи стола а противá князя
Добрынюшка сын Микитич есть,
Говорил да Добрыня таковы слова:
«Как Владимир-князь да стольно-киевский!
Выпью я эту чару питов разныих,
А поеду я во чисто поле и на зáставы,
Как времени-то на шесть годов,
И не пропускать ни прохожего,
А ни прохожего, да ни проезжего
Как без дани-то, да без пошлины».
Выпивал Добрыня чару питов разныих,
А поехал Добрыня к родной матушке,
Ко честной вдове Офинье Тимофеевной,
Как просил-то Добрынюшка разрешеньице
Как ехать-то во чисто поле...

Вар. к 142—166
III

Добрынюшка тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты свет государыня да родна матушка,
Честнá вдова Офимья Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку несчастного,
спорóдила?
Породила государыни бы родна матушка
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула государыни да родна матушка
В тонкольняный было белый во рукавчичек,
Да вздынула государыни да родна матушка
Ты на вы́соку на гору сорочинскую,
И спустила государыни да родна матушка

Меня в Черное бы море во турецкое —
Я бы век бы там, Добрыня, во морй лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до́веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту́ полю,
Я не у́бивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил Добрыня отцей, матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, моло́дых жон,
Не спущал бы сиротать да малых детушок».
Ответ держит государыни да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, споро́дити
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да бога́тыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щапливою
Во того Чурилу во Пленко́вича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,—
Сколько ты́и ста́тьи есть, а других бог не дал,
Других бог статей не дал, да не пожаловал».

Вар. к 584—644
III

Сама выскочит из стола да из-за ду́бова,
Да й упала Добрыне во резвы́ ноги,
Сама говорит да таково слово:
«Ты эй молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по́ твоему наказу да я сделала —
Я за смелого Олёшенку заму́ж пошла:
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, да мы туда идем,
Нас куда везут, да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток.
А дивую я солнышку Владимиру
Со своёй княгиней со Опраксией,—
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Опраксия да была свахою,
Они у́ жива мужа жону да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи во сыру землю.
Говорит Олешенка Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Ты в той вине прости меня, во глупости,
Что я по́сидел подлй твоей любимой семьи,
Подли мо́лодой Настасьи да Викуличной».
Говорил Добрыня сын Микитинич:
«А в той вины, братец, тебя бог простит,
Что ты посидел подли моёй да любимо́й семьи,
Подли молодой Настасии Микуличны.
А в дру́гой вины, братец, тебя не́ прощу:
Когда прйезжал из чиста поля во перво́ шесть лет

Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Микитича —
Убит лежит да на чистом поле;
А тогда-то государыни да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое.
Так во этой вины, братец, тебя не́ прощу».
Как ухватит он Олешу за желты́ кудри,
Да он выдернет Олешку через дубов стол,
Как он бросит Олешу о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он у́чал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь.
Да тольки-то Олешенка и женат бывал,
Ну стольки-то Олешенка с женой сыпа́л.
Всяк-то, братцы, на́ веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай бог женитьбы той Олешиной.

Тут он взял свою да любиму́ семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошел к государыне да и родной матушке,
Да он здыял доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину́ скажут,
А синему морю на ти́шину,
А вам, добрым людям, на послушанье.

Вар. к 262—267
IV

«Исполнится двенадцать лет —
Дак тоды ты хоть вдовой живи,
Хоть заму́ж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за сильного могучего бога́тыря,
Только не ходи за Чурилу за Пленко́вича,
А в други́ не ходи за Алешу Поповича,
За этого за плута, за мошенника,
За этого за пса за подорожника:
Он молодым женам похабничек,
А красным девушкам насмешничек».

Вар. к 318—364
V

А задумал Олёшенька жонитися,
А просит у Владимëра благословеньицо:
«Уж ты батюшко Владимëр стольне-киевской!
Благослови мне-ка, Владимëр, жонитися».
Говорил тут Владимëр таково слово:
«А ой еси Олёшенька Попович млад!
Хошь у князя бери, хошь у боярина,
У того ли у хрисьянина у торгового,
Ли у того у хрисьянина у подлого».
— «А мне не надо ни у князя, ни у боярина —
А надо бы мне тольки да молода вдова,
А по имени Настасья дочь Викулична».
Говорил тут Владимëр таково слово:
«А ой еси Олёшенька Попович млад!
А как же чужа жона можно́ взаму́ж отдать?

А можот, Добрынюшка еще жив будёт.
Поезжай лучше, Олёшенька, попроведай-ка,
А жив ли Добрынюшка, ли мертв лёжит»
А поехал Олёшенька во чисто полё,
А ездил Олёшенька несколько времени.
Приезжаёт Олёшенька ко Владимёру,
А сам говорит да таково слово:
«А ой еси Владимёр стольне-киевской!
У нас во поле несчастьицо случилося,
А велико безвременьё накачалося —
А убит где Добрынюшка Микитич млад,
Он резвыма ти ногами в част ракитов куст,
А в глазах проросла да зелёна трава».
А стал где Олёшенька тут свататься
А на той ли вдовы да на Настасьюшки,
А не йдёт она взамуж за Олёшеньку.
А говорил тут Олёша таково слово:
«А добром не пойдёшь — дак возьму силою».

Вар. к 367—394
VI

Приходит солнце Владимир свататься,
Свататься да низко кланяться
За́ того за смелого Олешу ведь Поповича:
«Ты поди-ка ведь теперь да во замужество»
Испроговорит Настасья таково слово:
«Сожидала я Добрыню ровно три годы,
Сожидать буду Добрыню до шести годов»
День тот за день как птица летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Год тот за год быв трава растет —
Приходило тому времечки шесть годов.
Приходит Владимир стольне-киевской
Свататься да низко кланяться
За того за смелого Олешу ведь Поповича
Испроговорит Настасья таково слово:
«Справляла я ведь муже́й завет,—
Справлять буду ведь вдове́й завет,
Не пойду я до двенадцати годов».
День-то за день как птица летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Год тот за год быв трава растет —
Проходит тому времечки ровно шесть годов.
Приходит Владимир свататься,
Свататься да низко кланяться
За того за смелого Олешу ведь Поповича —
Сило́й берет, к ней в думу не йдет...

Вар. к 400—445
VII

А Добрыня случился во Царе́граде.
Добрынин конь да спотыкается,
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ты волчья сыть, медвежья шерсть!
Ты зачем сегодня потыкаешься?»
Как проговорит Добрынин конь человеческим голосом:
«Ай же ты хозяин мой любимыи,
Добрыня сын Микитинич!

Как ты ездишь да забавляешься,
Над собой незгодушки не ведаешь —
Как твоя да любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
Замуж пошла за смелого Олешу за Поповича.
Вот пир у них идет да по третий день,
Сегодня им идти да ко божьей церквы
Принимать с Олешей по злату венцу».
Богатырское его сердце разгорелося,
Взял он плеточку шелковую,
Стал он бурушка бить да промежду ушей,
Стал он бурушка бить да промежду ноги,
Промежду ноги, да ноги задния,—
Стал он, бурушка-кавурушка, поскакивать,
С горы на гору да с холмы на холму,
Реки, озера перескакивать,
Широкие раздолья между ног пущать.
Что не ясен сокол перелет летит —
Добрый молодец да перегон гонит.
Он приехал ко граду Киеву,
Не воротами ехал, через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому ли ко подворью ко вдовиному,
Он поставил своего добра коня,
Добра коня среди бела двора,
Не привязана да не приказана.
Как пошел во палаты белокаменны,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Он всех взашей прочь отталкивал.
Он зашел в палаты белокаменны.
〈. . . . .〉
Как проговорит честна вдова да Мальфа
Тимофеевна:
«Ай же ты удалый добрый молодец!
Ты зачем заехал на сиротский двор,
Да в палаты идешь бездокладочно,
В покои идешь да безобсылочно,
А не спрашиваешь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь да придверников,
Взашей прочь да всех отталкиваешь?
Как бы было рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинич,—
За твои поступки неумильные
Отрубил бы тебе буйну голову».

Вар. к 419—422
VIII

Оставляли Добрынину родну маменьку
Да на той же на кирпичной да жаркой печеньке,
Она сидит на печи, слезно уливаючи,
Во слёзах-то сама сидит причитаючи:
«Еще кто же меня будёт нонче поить-кормить,
Еще кто же меня будёт да обувать, одёвать,
Еще кто же меня будёт нонче тёплом обогревать?»
Она соходит со кирпичной да жаркой печеньки
На те же на полы свои на дубовые,

Да на те на перекладинки свои сосновые,
Да на те как на столбышки на точеные,
Да подходит ко кошевчату окошечку...

Вар. к 434—490
IX

Приехал Добрыня к своей матушке под
окошечко,—
У ей воротца были призаложены.
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Родитель моя матушка!
Ты спусти меня в палаты белокаменны».
Заглянула она да в окошечко:
«Ай ты погано Идолище!
Отойди от окошечка косивчатого».
Говорит ей Добрыня таковы слова:
«Отчего не спознала ты сына любимого?»
— «А потому не спознала я,
Что у моего дитятка было личико белой снег,
А твое личико с кровью зарудилося и глаза
помутилися,
Отрослись у тебя волосы долгие».
— «Ай же родитель моя матушка!
Отрослись у мня волосы через двенадцать лет,
Личко зарудилось, глаза затуманились
От ветров осенныих, холодныих».
Говорит потом Добрынина матушка:
«У моего у родимого дитятка
Была знадебка родимная
Под пазухой под правою».
Потом скидывался Добрыня Микитинец,
Показал ей знадебку родимую.
Тут старости своей старуха не услышала,
Брала его за руки за белые,
Проводила во палаты белокаменны.

Вар. к 530—543
X

Молодой Добрынюшка Никитинич
Он и пыли-грязи не распахивал,
Прямо садился платьицом цвéтныим,
Начал гусёлышки налаживати,
Начал звончатые настраивати.
Уж он струночки приводит от Царя-града,
А припевочки приводит от Нова-города.
Как начал ли он в гусёлышки поигрывати,
Как начал ли он во звончаты поскрыпывати,—
Уж как все тут на пиру порасплясалися,
А Владимир-князь да распотешился,
За столом стал в перстики пощёлкивати,
На столы стал ноженьки покидывати.
«Не бывало у меня такого гусельщика
Опосля Добрынюшки Никитича.
Сопускайся-ка, молодой погусельщичок,—
Тебе первое местечко подлú меня,
Другое местечко супротив меня,
А уж третье место протúв князя
Й с княгиней да молóдые».

Царь Соломан и Василий Окулович

После 88
I

В эту пору ведь, в это времечко
Да царице во снях да показалося.
Рассказала царю она Соло́ману:
«Ты послушай, Соломан царь Давыдович.
Мне ночесь, младой, до мало спа́лося,
Да мало спа́лось, да много виделось.
Уж я видела сон да преужасныий:
Как из нашего саду из зеленого
Улетела у нас да лебедь белая;
Как с моей-то будто с право́й руки
Скатился как мой-от как золочён перстéнь,
Рассы́палася ставка новгородская
А по нашей высокой новой горнице».
Да говорит царь Соломан ой Давыдович:
«Ты послушай, царица Солома́нида,
Не удайся на прелести на мужески —
Ведь обманут царицу Соломаниду».
И как уезжаё Соломан царь Давыдович
По делам своим во чисты́ поля,
Во чисты поля да в зелёны́ луга.

Вар. к 89—145
I

Приезжал Таракашка — гость заморскии
Да во ту ли во гавань во Царицыну,
Приставал ён на пристань корабельнюю,
Сходил ён на славный на крут бережок,
Да ён шел ко царице на высок терём.
Еще крест-то кладет да по-писа́ному,
Да поклоны ведет да по-ученому,
На все стороны он да поклоняется,
А ко царицы Соломаниды в особинку:
«Ты послушай, царица Соломанида!
Да как мы люди ведь проезжие,
А у нас-то есь много се́ребра,
Да и много есь ска́тнёго-то жемчуга,
Да ли много товару драгоценного,—
Ты мне дай писарей, да переписчиков,
Переписать мне сумма вся на ко́рабле».
Одолжила царица Соломанида,
Отпустила писарёв, да переписчиков.
Да они провели на свой ко́раблик,
Да крепкой водочкой употчевали,
Да упились они ведь до пьянёшенька,
Да лежат они ведь как будто без памяти.
Да Таракашка по нима порасплакался
И приходил к царицы Соломаниды:
«Ты послушай-ка, царица Соломанида,
Да над заезжим ты го́стём надсмехаешься —
Не писарёв ты дала, не переписчиков,
А ты дала ведь-ка голь кабацкую:
Будто век не пивали зелёна вина,
Да и век не видали сладкой водочки,
Ёны все ведь вином да упивалися,
Вси по ка́рабли ёны развалялися.

Ты сходи-ка, царица, досмотри сама»
Сгорячилась царица Соломанида,
Да бежала сама она на карабли.
Проводит царицу Соломаниду,
Посадили ею да к самогуд-гуслям,
Да они сами гудят, сами тонцы водят.
Наливали ей водки забудущии,
Ена водочки рюмочку как выпила —
Оввернулась царица Соломанида.
Сгорячился Таракашко — гость заморскии:
«Ой вы шкипери мои работники,
Подымайте паруса вы все полотняны,
Поезжайте от Соломана вы Давыдовича»

Вар. к 167—173
II

А приезжаёт Соломан тут сын Давыдович,
А не стречаёт Соломана молода жона,
Не снимаёт Соломана со добра коня,
А не целуёт Соломана в уста сахарные,
А выходит только девочка-чернавочка,
А ёго нонь слуга да была верная.
А говорил где Соломан да сын Давыдович:
«А уж ты ой еси, девочка-чернавочка!
Еще где тут у мня да молода жона,
Еще та Соломадина Прекрасная?
Не стречаёт меня, царя Соломана,
Не целуёт меня в уста сахарные,
Не снимаёт меня да со добра коня,—
Во пирах ле она, але во беседушке,
А заморски товары але прописыват?»
Говорит ёму девочка-чернавочка:
«Уж ты ой еси, Соломан да сын Давыдович!
А у тя нет Соломадины Прекрасное,—
А приходил Таракашко тут сын Заморянин,
А увез у тя Соломадину Прекрасную».
А еще тут-де Соломан да сын Давыдович
А еще стал набирать силы охочёе,
А нагрузил он как силой тут три карабля,
А пошел где во царство да й в Золоту Орду.

Вар. к 193—203
II

«А уж ты ой Соломадина Прекрасная!
А ты куда будёшь девать меня, Соломана?»
А говорила Соломадина Прекрасная:
«А я откину перинушку пуховую,
А повалю тя на кроваточку тесовую,
А я закину перинушкой пуховое,
А сберегу я тебя, царя Соломана».
А идет-де Васильюшко во светлу гриню,
А повалился тут Соломан да сын Давыдович.
А еще тут-де царица да Соломадина
А закинула перинушкой пуховое,
Сама села на кроваточку тесовую.
А приходит Василий да сын Окулович,
А говорит тут царица да Соломадина:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Окулович!

А кабы был где Соломан да сын Давыдович,
А що бы над им тут стал ты делать нонь?»
А говорил тут Василий да сын Окулович:
«А кабы был как Соломан да сын Давыдович —
А скочил бы я, молодец, на резвы ноги,
А схватил со спички да саблю вострую,
Отрубил бы у Соломана буйну голову».
А скочила на кровать она тесовую,
А откинула перинушку пуховую:
«А руби-ка у Соломана буйну голову».
А еще тут-де Василий да сын Окулович,
А скочил-де Васильюшко на резвы ноги,
А схватил где со спички да саблю вострую,
А хотел у Соломана срубить голову.

Вар. к 233—257
III

Да становился Соломан на первой ступень,
Да говорит Василию таково слово:
«Да позволь-ка трубить да во турий рог».
— «Да сказали, что Соломан хитёр-мудёр,—
Тебя, Соломана, глупяе нет:
При смерти хочешь наигратися».
Заиграл Соломан во первой након —
Да во темной роще стучит-бренчит.
Убоялся Василий сын Окулович:
«Что эдакое стучит-бренчит?»
— «Я послал скотину християнскую,
Пошла скотина во чисто́ поле́,
Бьет копытом во сыру землю́,
Споминает Соломана премудрого».
Заиграл Соломан во второй након —
В темных лесах стучит-бренчит.
Убоялся Василий сын Окульевич:
«Что это такоё стучит-бренчит?»
— Да мои гуси, лебеди,
Полетели они да из темны́х лесов,
Да бьют крылом да о темны леса,
Споминают царя Соломана».
Заиграл Соломан во третий након.
«Да смотри-ка, Василий сын Окулович,—
Мои три голубя налётели,
Твое-то пшёно всё поклёвали».

Чурила и Катерина

Вар. к 1—30
I

Не беленькой кречеток выпорхивал,
Не ясён соколичок вылетывал —
Выезжал удал дородный добрый молодец,
По прозванию Чурилушко сын Плёнкович.
Но не скатняя жемчужинка катается —
Да Чурило по Киеву катается.
Выезжае противу́ дому Бермятова,
Заиграл он во доску гусельнюю:
Да перву́ доску играе про Киёв-град,
А й дру́гу доску играе про свою поездочку,

А й третью доску играе про Бермятов дом.
Да услыхала Катерина дочь Микулична,
Зазывала Чурилу на широкий двор:
«Заезжай, Чурило, на широкий двор,
У меня Бермята-то дома не случилося,
Да ушел ли Бермята во божью церкву,
Да ён ушел к обедне благовещенской.
Заходи ко мне в палаты белокаменны,
Да станем, Чурило, мы во шахматы играть».

Вар. к 1—56
II

Ездит Чурилушка выгуливает,
На своем Чурила на добром кони́,
Приехал Чурила к Вельмино́ву дому́,
Скричал-то Чурила во всю голову:
«В доме ль Вельма сын Васильевич?»
Выходит-выбегает Катеринушка,
Выходит она, дочь Микулична,
Сама говорит таково слово:
«Да нету Вельма сына Васильевича,
Ушел Вельма во божью церкву.
Что же ты, Чурила, не пожаловал?»
А ответ держал так Чурилушка:
«Не в уборе я был, Катеринушка.
Нынь я, Чурила, обладился:
Лапотцы обувал я семи шелков,
Подпяты, пяты шилом востры́,
Около носов яицом прокатить,
Под пяты, пяты воробей пролетит,
Шапочка ушиста пушиста было́,
Хорошо была надвесистая —
Сопереди не видно лица белого,
И сзади не видно шеи белыи.
Дак нынь я, Чурилушка, обладился,
И так я, Чурилушка, приехал к тебе».
Вопрося его Катеринушка
Бра́ла за ручки за белые
И провела его в палату браную,
Садилась за столы дубовые,
За тыи за ествы сахарнии,
Наливала ёму питья медяные,
Отходя же сама низко кланялася:
«Ешь-ка, пей ты, Чурилушка,
Покушай-ка ты нынь, Поплёнкович».
Поел-то, попил как Чурилушка,
Из-за стола выходит дубового,
С-за тыи за ествы сахарнии,
С-за того питья за медяного,
Господу богу поклонится,
На все стороны он поклоняется,
Катерину да ён в особину:
«Благодарно тебе, Катеринушка,
Благодарно тебе, дочь Микулична».
Ответ держала Катеринушка:
«На до́бро тебе-ка здоровьице,

Да на добро тебе-ка, Чурилушка,
Чурилушка да ты Поплéнкович».
Взяла за ручки за белые,
За его перстни́ за злаченые,
Повела его в спаленку теплую,
К той ли ко кроватки ко кисовыи,
К той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко кру́тому высокому зголовьицу,
К тому ль одеялу соболиному,
Сама говорила таковое слово:
«Изволь-ка ложиться, Чурилушка,
Изволь-ка ложиться, сын Попленкович».
Лег тут спать как Чурилушка,
Лег тут спать да сын Попленкович,
Подле éго-то Катеринушка,
Да подли́ бочка дочь Микулична.
Они стали-то жити-то, быти они,
Межу сóбою времечки коротати.

Вар. к 1—75
III

Нападала пороха снегу белого,
Не во пору пороха нынь, не вовремя,—
Да середка-де лета, о Петрова дни.
По этой же порохе снегу белого
На белой-де заюшко проскакивал,
Не чернохвост горносталь да тут пропрядывал,—
Молоды душа Чурило да тут прохоживал
Да к тому Пермяте, да к молодой жоне.
Да заходит бы он да на крылечико,
Кабы брякался он да во колечико,
Да выходит Настасья дочь Колашница,
Отпирала она да двери нá пяту,
Да брала молодца за белы руки,
Целовала молодца в уста сахарные,
Проводила его да в лёжню-спальню нонь.
Кабы зажил тут Чурило по-домашному:
Да кушак-от бы вешал он на спичечку,
А пухов-де колпак кладет на полочку,
Да сафьянны сапожки кладет под лавочку,
Да ложился на кроватку да на тесовую
Да с тою-де Настасьей да со Колашницой,
Да на те же перины да на пуховые.
Да была Пермяты еще служаночка,
Говорила она да таково слово:
«Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!
Ты не парь же кишку да во чужом горшку,—
Да пойду к Пермяте да я нажалюся».
Говорит-то Чурило да блады Плёнкович:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи к Пермяте, да ты не сказывай,—
Да куплю я тебе да в косу ленточку,
Заплачу я за ленту двадцать пять рублей».
Да на то-де девчонко да не сдавается,
Говорит-де она да таково слово:
«Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!

Ты не парь же кишку да во чужом горшку,—
А пойду к Пермяте, да я нажалюся».
Говорил-де Чурило да блады Плёнкович:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи к Пермяте, да ты не сказывай,—
Да куплю я тебе да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да пятьдесят рублей».
Да на то же девчонко да не сдавается,
Да пошла-де девчонко да вон на улицу,
Да пошла-де девчонко да во божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Уж ты ой есь, Пермята да сын Иванович!
Да у нас-де в садах да не по-старому —
Заскочил-де в сады да как чужой же конь,
Да стоптал бы траву у нас шелковую».

Вар. к 110—150
III

Говорит же Пермята да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Это чей как весится шелков кушак,
Это чей-де лежит на нонь пухов колпак,
Это чьи-де лежат да нонь сапожочки,
Да сапожки лежат да нонь сафьянные?
Да бы чей же у нас да нонче доброй конь?»
Говорит тут Настасья да дочь Колашница:
«Уж ты ой есь, Пермята да сын Иванович!
Да ходила я по городу по Киеву,
Кабы видела купцей, людей торговыих —
Они ездят на конях всё на добрыих,
Кабы носят-де шапочки пуховые,
Кабы носят кушаки да всё шелковые,
Кабы носят сапожки да сафьянные:
Да купила тебе да носить в праздники,
Да купила коня да тебе доброго,
Кабы ездить во церковь да во божью нонь».
Да пошел Пермята да сын Иванович
Да ко той ко кроватке ко тесовоей,
Размахнул-де бы он да новы зáвесы,
Да стянул одеяло да соболиное —
Да лежит-де Чурило да без почтанников.
Как-де брал-де Чурила за жолты кудри,
Да метал-де его да на кирпищат пол,
Да вытаскивал его да вон на улицу,
Да вязал бы коню да за хвост нонче,
Да спустил бы коня да во чисто полё.
Да заходит назад да в лёжну-спальню нонь,
Говорит Пермята да таково слово:
«Уж ты гой еси, Настасья да дочь Колашница!
Уже что ле тебе да нонче надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашница:
«Кабы где же ле нонь да как ясен сокол,—
Кабы тут же ле быть да белой лебеди».
Кабы взял Пермята да молоду жону,
На одну-де ногу да он ступил нонче,
Как другу-де ногу да у ей оторвал,
Да служанку же взял да за себя взамуж.

Вар. к 1—75
IV

А-й выпадала-де пороха да снежку белого,
А-й да по той по пуроши да по белу снежку
А-й не бел заюшко скакал да горносталь свистал,
А-й проезжат тут Чурилко да млады Пленков сын,
Да ён ко той ко княгины да Перемякиной.
Перемякина-то в доме да не случилося —
Да й ушел Перемякин да во божью церковь,
Ой он ко той-де к обедне да воскресенское.
А-й тики-стук, тики-хлоп да Чурилко на красно крыльцо,
А-й тики-хлоп, тики-бряк да за колечушко,
Ой да за то же за вито было за серебряно,
За серебряно колечко, да позолочоно.
А-й тут выскакивала девушка-чернавушка
А-й в одной тоненькой беленькой рубашечке,
Говорила-де чернавка да таково слово:
«Ах тебя полно, Чурилко, ходить к чужой жоны,
Тебе полно, Чурило, да нонь любить чужа жона.
А-й по́йду скажу я ко князю да Перемякину —
Ах ты лишишься из-за етого свету ту белого,
А-й укороташь у себя да веку долгого».
— «Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Ах ты не сказывай-ка князю да Перемякину,—
Ой я те куплю нонь мухту да соболиную,
А-й соболиную мухту да во пятьсот рублёв».
Отвечала-де чернавка да таково слово:
«Да не надь мне твоя та мухта да соболиная».
Уж как на пяту воротичка размахивал,
Пробирался Чурилко да в ложню-спалёнку.
Усмотрела ли тут девушка-чернавушка:
Еще ловко Чурилко да обнимается,
Хорошо-де Чурилко да оплётается.
И побежала-де чернавка да во божью церковь.

Вместо 122—140
V

А увидел тут Чурила на право́й руки́,
На правой руки у своей жены,
Он схватил тут шашку во праву́ руку́,
А лево́й рукой Чурило за черны́ кудри́,
Он сам тут говорит да таковы слова:
«Уж я много тебе раз, Чурило, говаривал,
Уж я много тебе раз наказывал —
Не ходи ты по чужим жена́м по мужниим,
Потеряешь ты свою буйну голову».
Уж смахнул тут у Чурилы буйну голову.
〈. . . . .〉
«Ох ты ой еси, моя баба ты глупая,
Уж ты глупая моя баба, неразумная!
Ты пади-ка мне скорей да во праву́ ногу́ —
Я прощу тебя не во перво́й вины».
На ты слова женка ответ держи́т:
«Уж куды положи́л ты бела лебедя,
Уж теперь туды клади белу лебёдушку».
Он смахнул тогда у бабы буйну голову.

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

Садко

Вар. к 1—155
I

По славной матушке Волге-реке
А гулял Садко-молодец тут двенадцать лет,
Никакой над собой притки и скорби Садко не видывал,
А всё молодец во здоровье пребывал.
Захотелось молодцу побывать во Новегороде,
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
«А спасибо тебе, матушка Волга-река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби не видывал над собой
И в добром здоровье от тебя отошел,
А иду я, молодец, во Новгород побывать».
Проговорит ему матка Волга-река:
«А и гой еси, удалой доброй молодец!
Когда придешь ты во Новгород,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня брату моему,
А славному озеру Ильменю».
Втапоры Садко-молодец отошед поклонился,
Подошел ко Новугороду
И будет у тоя башни проезжия,
Подле славного озера Ильменя,
Правит челобитье великое
От тоя-то матки Волги-реки,
Говорит таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитье посылает».
Двою говорил сам и кланялся.
Малое время замешкавши,
Приходил тут от Ильмень-озера
Удалой доброй молодец,
Поклонился ему, добру молодцу:
«Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты-де Волгу-сестру знаешь мою?»
А и тот молодец Садко ответ держит:
«Что-де я гулял по Волге двенадцать лет,
Со вершины знаю и до устья ее,
А и нижнея царства Астраханского».
А стал тот молодец наказывати,
Которой послан от Ильмень-озера:
«Гой еси ты, с Волги удал молодец!
Проси башлыков во Новегороде
Их со тремя неводами
И с теми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро —
Что будет тебе божья милость».
Походил он, молодец,
К тем башлыкам новогородскиим,
И пришел он, сам кланяется,

Сам говорит таково слово:
«Гой вы еси, башлыки, добры молодцы!
А и дайте мне те три невода,
Со теми людьми со работными,
Рыбы половити во Ильмени-озере.
Я вам, молодцам, за труды заплачу».
А и втапоры ему башлыки не отказывалися,
Сами пошли башлыки со работными людьми
И закинули три невода во Ильмень-озеро.
Первой невод к берегу пришел —
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба мелкая;
И другой-то ведь невод к берегу пришел —
В том-то рыба красная;
А и третей невод к берегу пришел —
А в том-то ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.

Перевозился Садко-молодец на гостиной двор
Со тою рыбою ловленою;
А и первую рыбу перевозили,
Всю клали они рыбу в погребы;
Из другого же невода он в погреб же возил —
То была рыба вся красная;
Из третьего невода возили они
В те же погребы глубокие,
Запирали они погребы накрепко,
Ставили караулы на гостином на дворе.
А и отдал тут молодец тем башлыкам
За их за труды сто рублев.

А не ходит Садко на тот на гостиной двор по три дни,
На четвертой день погулять захотелось.
А и первой в погреб заглянет он,
А насилу Садко тута двери отворил:
Котора была рыба мелкая —
Те-то ведь стали деньги дробные;
И скоро Садко опять запирает.
А в другом погребу заглянул он:
Где была рыба красная,
Очутилось у Садка — червонцы лежат.
В третьем погребу заглянул Садко:
Где была рыба белая,
А и тут у Садка всё монеты лежат.

Вар. к 274—289
I

А и ходит Садко по четвертой день,
Ходил Садко по Новугороду
А и целой день он до вечера,
Не нашел он товаров во Новегороде
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдет Садко он во темной ряд —
И стоят тут черепаны — гнилые горшки,
А все горшки уже битые.
Он сам, Садко, усмехается,

Дает деньги за те горшки,
Сам говорит таково слово:
«Пригодятся ребятам черепками играть,
Поминать Садко — гостя богатого,
Что не я, Садко, богат —
Богат Новгород всякими товарами заморскими
И теми черепанами — гнилыми горшки».

После 324
II

«Уж вы вой еси, дружинушка хоробрая моя,
Еще те же мои да водолащички!
Вы скачите-тко вы скоро вы во синеё во морё,
Вы смотрите-тко вы скоро под черлёным
кораблём —
Еще наш-от корабль не на ме́ли ли стоит,
Не на мели ли стоит, не на лу́ду ли нашел,
Не на луду ли нашел не на подводную?»
Ай скакали как дружина во синеё во морё,
А смотрили они скоро под черлёным кораблём,
Еще сами говорили таково ёму слово:
«Еще наш-от корабль не на мели он стоит,
Не на мели он стоит, не на луду он нашел,
Не на луду он нашел не на подводную».

Вар. к 330—414
III

Говорит Садко-купец, богатой гость:
«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
А вместо все вы собирайтеся,
А и режьтя жеребья вы валжены,
А и всяк-то пиши на имена,
И бросайте вы их на сине море».
Садко покинул хмелево перо,
И на ем-то подпись подписано.
А и сам Садко приговариват:
«А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай речи праведных,
А бросим мы их на сине море,
Которые бы поверху плывут —
А и те бы душеньки правые;
Что которые-то во море тонут —
А мы тех спихнем во сине море»
А все жеребья поверху плывут,
Кабы яры гоголи по заводям,
Един жеребей во море тонет —
Во море тонет хмелево перо
Самого Садка, гостя богатого.
Говорил Садко-купец, богатой гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
А вы режьтя жеребья ветляные,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами ќ ним приговаривай:
А которы жеребьи на море тонут —
А и то́ бы душеньки правые».
А и Садко покинул жеребей булатной,
Синего булату ведь заморского,

Весом-то жеребей в десять пуд.
И все жеребьи во море тонут,
Един жеребей поверху плывет —
Самого Садка, гостя богатого.

Вар. к 563—569
III

А и тут Садко-купец, богатой гость,
С молодой женой на подклете спит,
Свои рученьки ко сердцу прижал,
Со полуночи впросонье
Ногу леву накинул он на молоду жену.
Ото сна Садко пробужался,
Он очутился под Новым городом,
А левая нога во Волх-реке.

После 456
IV

Он ему с царицею бил челом,
Челом бил и низко кланялся.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Ай же ты Поддонный царь!
Зачем ты меня сюда требовал?»
Говорит Поддонный царь:
«Я затем тебя сюда требовал —
Ты скажи-скажи и поведай мне,
Что у вас на Руси есть дорого?
У нас с царицею разговор идет,
Злато или серебро на Руси есть дорого
Или булат-железо есть дорого?»
Говорит ему Садко-купец, богатый гость:
«Ай же ты Поддонный царь!
Я скажу тебе и поведаю —
У нас злато-серебро на Руси дорого,
А булат-железо не дешевлея;
Потому оно дорого,
Что без злата-серебра сколько можно жить,
А без булату-железа жить-то неможно,
А неможно жить ведь никакому званию».

Вар. к 586—599
V

Дома его встретила молодая жена и говорила ему таковы слова:
«Ай же ты любимая семеюшка!
Полно тебе ездить по синю морю,
Тосковать мое ретливое сердечушко
По твоей по буйной по головушке.
У нас много есть именьица-богачества,
И растет у нас малое детище».

Василий Буслаев и новгородцы

Вар. к 44—46
I

И написал он писемышко,
Что «тати-воры-разбойники ко мне на двор,
Плут-мошенник к моему двору,
Не работы робить деревенские —
Пить зелена вина безденежно».
И бросал писемышко на Волхов мост.
〈. . . . .〉

И молодой Василий сын Буслаевич
Выкатил бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведер,
Наливает чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
И берет себе в руки черняный вяз:
«Кто подоймет чару зелена вина
В полтора ведра единой рукой,
И кто выпьет чару на единой здох,
И стерпит черненый вяз в буйну голову —
Попадет ко мне в дружину хоробрую».
И пришли мужики-новгородчане,
И никто не мог поднять чары единой рукой.
Идет Иванище Сильное,
И поднимает чару единой рукой,
И выпивает чару на единой здох;
И ударил Василий его, Иванища,
Черняным вязом в буйну голову:
И стоит Иванище — не трёхнется,
И не трёхнется, и не воро́хнется,
И со буйной головы колпак не воро́тится.

И тот прошел, так иной пришел,
Пришел Потанюшко Хромненькой,
И принимается за чару единой рукой,
И выпивает чару на единой здох;
И ударил Василий Потанюшку
Черняным вязом в буйну голову:
И стоит Потанюшко — не трёхнется,
И не трёхнется, да не ворохнется,
И со буйной головы колпак не воротится.
И тот прошел, да иной пришел,
И идет-то Васенька Маленькой,
И принимается за чару единой рукой.
И говорит-то Василий сын Буславьевич:
«Ой же ты Васенька Маленькой!
Не поднять тебе чары единой рукой,
И не выпить тебе чары на единой здох,
И не стерпеть тебе чернена́ вяза́,
Чернена вяза да в буйну голову».
Этот Васенька Маленькой
Плюнул да и прочь пошел:
«Ты молодой Василий сын Буславьевич!
Не узнал ты меня да обе́счестил».
И тот молодой Василий сын Буславьевич
Как ударит Ваську черняным вязом,
Черняным вязом да в буйну голову:
Идет-то Васенька — не трёхнется,
Не трёхнется, да и не ворохнется,
Со буйной головы колпак не воротится.
Говорит Василий сын Буславьевич:
«Разве сила у меня да не по-старому,
Либо черняной вяз служит не по-прежнему?»
Увидел тут бел горючий камешек,
Как ударит в камешек черняным вязом —

Камень тот рассыпался.
И тогда зазывает Ваську хлеба-соли кушати.
И набралося тридцать удалых добрых молодцев

Вар к 133—142
II

Послышал Васенька Буслаевич —
У мужиков новгородскиих
Канун варен, пива ячные,
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братшину в Никольшину:
«Немалу мы тебе сып платим —
За всякого брата по пяти рублев».
А за себе Василий дает пятьдесят рублев
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братшину в Никольшину,
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молоды Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю,
Напилися они тут зелена вина
И пришли во братшину в Никольшину
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися,-
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая.
Молоды Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел,
А и тут Василий закричал громким голосом·
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новогородские!
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород битися-дратися
Со всею дружиною хороброю:
Тако вы мене с дружиною побьете Новым городом —
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде же я вас побью и вы мне покоритеся
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договору руки они подписали

Смерть Василия Буслаева

Вар к 1—59
I

Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как вьюн, около ее убивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хороброю,
Мне-ка господу богу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василий Буслаевич!
Токо ли ты пойдешь на добрые дела —
Тебе дам благословение великое;
Токо ли ты, дитя, на разбой пойдешь —
И не дам благословение великого,
А и не носи Василья сыра земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сердце распущается,
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружье долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою».

После 139
I

Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят казаки-разбойники,
А старые атаманы казачие,
На пристани их стоят сто человек:
«А и молоды Василий, на пристань стань»
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом попирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам казачиим.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого,—
Это-де идет Василий Буславьевич,
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачие,

Пришли они, стали во единой круг,
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачие!
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы казачие:
«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебе просим за единой стол хлеба кушати».
Втапоры Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Собирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль,
Дают ему атаманы казачие подарки свои:
Первую мису — чиста серебра,
И другую — красна золота,
Третью — скатного земчуга.
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого,
И сами с ним прощалися.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хороброю,
Подымали тонкие парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому.

Вар. к 151—169
I

Втапоры его дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
А некому купатися опричь Василья Буславьевича.
Во Ердане-реке крестился
Сам господь Иисус Христос.
Потерять его вам будет,
Большого атамана Василья Буславьевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует —
Ни в сон, ни в чох».

Вар. к 192—239
I

Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатные,
А через его только топором подать,
В долину — три аршина с четвертью.
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавлятися,

Вдоль скакать по каменю —
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскаковати.
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю —
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.

Вар. к 197—217
II

На камешке подпись подписана,
Подписана подпись, подрезана:
«Кто этот камень не пере́скочит,
Не быват во Новом городе».
Стоит-то Василий, призадумался,
Сам говорит таково слово́:
«Теперь-то, Потанюша, тебя-то жаль —
Тебе уж камень не перескочить,
Не бывать тебе в Новом городе».
Стала дружина скакать поперек камня́,
А Потанюша скочил — всех легче перескочи́л.
Говорит тут Василий таково слово:
«Скочить — не́ скочить вдоль по камешку»
Скочил-то Василий вдоль по камешку,
Скочил да лёгко пере́скочил.
Богатырско сердце заплывчиво:
«Кто эту подпись подписывал,
Да кто эту подрезь подрезывал?
Да кто этот камень не перескочит?
Я назад пятми́ скачу и опять перескочу».
Скочил-то Василий назад пятми,
Задел-то он ногой правою,
Пал-то на леву́ руку́,
Обломилась у него рука левая,
Пал на сер горюч каме́нь,
Разломил-то себе буйну́ голову́.

ЭПИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна

Вар. к 1—34
I

А как падала погодушка да со синя́ моря,
А со си́ня морюшка с Корсу́ньского,
А со дожжами ти, с туманами,
А в ту-ту погоду в синемо́рскую
Заносила тут неволя три черненых три-то ка́рабля
Что под тот под славён городок под Ко́рсунь же,
А во ту-то всё во гавань всё в Корсу́ньскую.
А во том-то городе во Ко́рсуне
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича,
Как ни князя не было и ни княжевича,—

Тут жила-была Маринка дочь Колдаёвна,
Она 〈...〉, еретица была, безбожница.
Они как ведь в гавани заходили — брала пошлину,
Паруса ронили — брала пошлину,
Якори ти бросали — брала пошлину,
Шлюпки нá воду спускали — брала пошлину,
А как в шлюпочки садились — брала пошлину,
А к мосту приставали — мостовý брала,
А как пó мосту шли — да мостову брала,
Как в таможню заходили — не протаможила.
Набирала она дани-пошлины не множко, не мало — сорок тысячей;
А да взяла она трой рукáвочки,
Что да ти трои рукавочки, трои перчаточки,—
А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А вышúваны ти были красным золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
А как всажено былó каменьё самоцветноё;
А как первы ти перчатки во пятьсот рублей,
А други ти перчатки в целу тысячу,
А как третьим перчаткам цéны не было:
Везены́ эти перчатки в подареньицо
А тому же ведь князю всё Володьёму.
Отбирала ети чéрны карабли она начисто,
Разгонила она трех младых корабельщичков
А как с тих с чёрных с трех-то караблей,
Она ставила своих да крепких стóрожов.

Вар. к 117—156
I

«А да только отгони-тко три мои загадки хитромудрые —
Я отдам тобе-то три чернёных кáрабли».
— «Только загадывай ты загадки хитромудрые,
А как буду я твои загадочки отгадывать».
— «А как перва та у мня загадка хитромудрая:
Еще что же в лете бело, да в зимы зéлено?»
Говорит-то Глеб да таковы речи:
«Не хитра твоя мудрá загадка хитромудрая,
А твоей глупе загадки на свете нет:
А как в лете-то белó господь хлеб дает,
А в зимы-то зеленó да тут ведь ель цветет».
— «А загану тебе втору загадку хитромудрую:
А да что без кореньица растет да без лыж катится?»
— «Без кореньица растут белы́ снеги,
А без лыж-то катятся быстры́ ручьи».
— «Загану тебе третью́ загадку хитромудрую:
А как есть у вас да в каменнóй Москвы,
В каменной Москвы да есть мясна гора,
А на той на мясной горы да кипарис растет,
А на той парисе-дереве сокóл сидит».
— «Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Нехитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупе на свете нет:
Как мясна та гора — да мой ведь доброй конь.

Кипарисо дерево — мое седёлышко,
А ка со́ловей сидит — то я, уда́лой доброй
молодец»
— «Я топерече отсыплю от ворот да пески,
камешки,
А сама-то я, красна́ деви́ца, за тебя заму́ж иду».

Вар. к 69—87
II

Тут же князь Глеб сын же Володьевич
Принимал же он скоро грамотку да скорописчату,
Он читал скоро же, быстро прочитывал,
Побежал брал в руки же туриной рог,
Брал с собой же он всё туриной рог,
А туриной же был у ей золочёной же,
Побежал он скоро, князь же Глеб да сын
Володьевич,
Он на ту ли на стеночку да городо́вую,
Он на ту ли на башню наугольнюю,
Он во первой раз трубил да во туриной рог —
Его храбрая дружиночка от крепка сна да пробу-
жалася,
Во второй-от раз трубил да во туриной рог —
Его храбрая дружиночка скоро да одевалася,
Скоро одевалась в платье в богатырское,
В богатырское платье одевалась она, латы да
богатырские,
Они брали скоро копьица же вострые,
Еще брали они да сабли вострые,
Поскакали скоро они во матушку да в каменну́
Москву,
Ко своему князю любимому,
И ко князю ко Глебу сыну же Володьевичу.
Приезжали ко его к дому да княженецкому,
Ко тому ли ко крылечушку да ко точёному,
Ко тим ко перилышкам да ко золочёным.
Как стречал-то их да князь да Глеб же сын
Володьевич,
А он низко же им, да всё же князь да сын
Володьевич,
Он же кланялся дружиночке же храброю:
«Уж вы ой еси, дружиночка моя же храбрая,
Уж вы храбрая моя да очунь верная!»
Поезжал-то князь да сын Володьевич,
И наказывал же он дружиночке хороброю:
«Уж я буду во городе во Концыре,
У той ли у Маринки дочери Кандальевны,
Я первой раз струблю да во туриной рог —
Вы же скоро от крепка сна пробужайтеся,
Во второй струблю — да одевайтеся
Во свое же вы платье богатырское,
А во третей я раз струблю да во туриной рог —
Уж наскакивайте да в город во Концырь-от,
Вы рубите, бейте до старого, до малого,
Не оставляйте же их же всё на се́мена».
И одевался князь же Глеб да сын Володьевич,
Скинывал с себя дорогое платье цве́тное,

Одевал же на себя да богатырское,
И одевал он на себя латы да богатырские.
И он садился же, князь да Глеб же сын
Володьевич,
На своего коня да богатырского,
И же брал с собой копьице же вострое,
И же брал с собой же саблю вострую,
И поехал скоро в славной в Концырь-город,
Где царила Маринка же да ⟨...⟩, безбожница.

Вар. к 117—156
II

«Отгадай-ка ты у мня да три хитрых мудрых
загадочек;
Отгадаешь же мои же ты загадочки,
Я отдам тебе же все да черны ка́рабли заморские,
⟨. . . . .⟩
Я тогда же сама за тебя взаму́ж иду.
Отгадай-ка, князь же Глеб же сын Володьевич,
Еще у вас во матушке да в каменно́й Москве
Краше свету есь, да краше свету есь?»
— «Не хитра-мудра,— да говорил тогда,
Говорил-то князь же Глеб да сын Володьевич.—
Не хитра-мудра твоя же всё загадочка:
У нас во славной матушке да в каменной Москве
Краше свету у нас да красно солнышко».
— «Еще втора загадочка:
Да что же выше лесу же?»
— «А у нас во славной матушке да в каменной
Москве
Светит светел месяц-от».
— «А что же чаще лесу ту?»
— «А чаще лесу часты звездочки».
— «А без замочков у вас во славной матушке во
каменной Москве?»
— «Не хитра да мудра, да Маринка ⟨...⟩,
безбожница,
Не хитра-мудра твоя же всё загадочка:
А у нас во матушке же в каменной Москве
А Дунай, а Непр-река да очунь быстрая».
А и говорила тут Маринка дочь Кандальевна:
«Уж ты князь да Глеб Володьевич!
Я теперь же за тебя да я замуж иду».

Вар. к 173—185
II

Он хотел же пить да из чарочки да золоченою
Дорогого напиточку да всё заморского,
Его доброй-от же конь да богатырской-от
Взял подтолкнул своей да ножкой правою
Как его-то чарочку да золоченую,
Он же вылил из чарочки на матушку да на сыру
землю́ —
Сырая земля да загорела же
От того напиточка да всё заморского.
Тогда разгорелось князя Глеба сына всё
Володьевича,
Разгорелось у его да ретиво́ сердцо́,
Расходилися у его да могучи́ плечи́,

А могучи плечи же все да богатырские,
Он же брал скоро в руки сабельку же вострую,
Он же отсек у Маринки дочери Кандальевны,
Вот отсек у ей да буйну голову.
Он струбил же тут скоро да во туриной рог —
Его дружиночка же всё храбрая
Вот со крепка же сна скоро да пробудилася;
Во второй же раз струбил же он да во туриной рог —
Она скоро же одевалася
Во свое же она платье богатырское;
Во третей же раз струбил же князь да Глеб Володьевич —
И скоро его дружиночка наскакивала
На добры́х конях же всё да богатырских же,
Она рубила во городе во Концыре,
Она до старого рубила и до мла́дого,
Не оставили же они же всё на се́мена.
Вот тогда же князь да Глеб да сын Володьевич
Он пошел скоро во те во темницы во темные,
И во те ли злодеюшки да заключебные,
Он топтал-ломал да скоро двери же,
Выпускал своих премладеньких да корабельщичков,
Выпускал же он премладеньких матросичков,
Отправлял же он черны карабли,
Черны карабли с товарами заморскима,
Он во славну матушку же в каменну́ Москву.
А сам поехал же своей с дружиночкой,
Он с хороброю да во чисто́ поле́,
Во широкое поехал да во раздольицо,
Они ко славной ко матушке да в каменну Москву.

Чурила Пленкович

Вар. к 234—249
I

И возговорит княгина Опраксия:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь!
Положи-тко Чурилу в постельнички,
Чтобы стлал он перину пуховую,
И кладал бы зголовьице высокое,
И сидел бы у зголовьица высокого,
Играл бы в гуселышки яровчаты
И спотешал бы князя Владимира».
И возговорит Владимир таковы слова:
«Ай же ты Чурилушка Пленкович!
Не довлеет ти жить в курятниках,
А довлеет жить ти в постельничках,
Стлать-то перина пуховая,
Кладывать зголовьице высокое
И сидеть у зголовьица высокого,
Играть в гуселышки яровчаты,
Спотешать князя Владимира».
Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.

И живет-то Чурила в постельниках,
Стелет перину пуховую,
Кладывает зголовьице высокое
И сидит у зголовьица высокого,
Играет в гуселышки яровчаты,
Спотешает князя Владимира,
А княгину Опраксию больше того.
Тут возговорит Владимир таковы слова:
«Не довлеет ти, Чурила, жить в постельничках,
А довлеет ти жить в позовщичках,
Ходить-то по городу по Киеву,
Звать князей, бояр на почестен пир».

Вар. к 178
II

А едет молодцев до пяти их сот,
Молодцы на конях одноличные,
Кони под ними однокарие были,
Жеребцы все латынские.
Говорил Владимир таково слово:
«Скажи, Пленко — гость Сорожанин,
Не тут ли едет Чурило сын Пленкович?»
— «Нет Чурила сына Пленковича,—
Едут тут Чуриловы-то повара,
Курят на Чурила зелено вино».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася.
〈. . . . .〉
Говорил-де Владимир таково слово:
«Ты скажи-ка, Пленко да гость Сорожанин,
Не тут ли едет Чурило сын Пленкович?»
— «Нет, сударь, Чурила сына Пленковича,—
Едут тут Чуриловы-то стольники,
Ставят на Чурила дубовы столы».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася,
И едет молодцев боле тысячи.

Вар. к 185
II

Владимир-то сидел за дубовым столом,
Взад да вперед стал поелзывати:
«Охти мне, уже куда-де буде мне!
Али же тут едет уже царь с ордой,
Али тута едет король с литвой,
Али тут едут сватовщики
На моей-то племянницы любезные,
На душке Забавы на Путятичной».
Говорит Пленко да гость Сорожанин:
«Да не бойся-тко, Владимир, не полошайся,—
Тут ведь едет сынишко мое,
Премладое Чурило сын Пленкович».

Дюк Степанович

После 129
I

К первой заставы прискакивал —
А растолнутся-то горы, вместо столнутся;
Тыи горушка растолнулись,

Не поспели вместо столнуться —
Его бурушко проскакивал,
Его маленький провертывал.

Вар к 224—226
II

«А й велика славушка шла про Киев-град,
Про тебя, Владимир-князь стольно-киевской.
Почему ж у вас улушки есть грязные,—
Как измарал я свои чоботы дорожные.
Во моем во городе во Галиче,
У моёй свет родители да ў матушки,
У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
У ёй мостúчки стланы калёные,
По мостам стланы сукна одинцовые,
По сукнам песочики посыпаны —
Не измараешь чоботов своих дорожных».

Вар. к 486—502
II

Ёна говорит им таково слово:
«Ай же вы господа да ведь общенщички,
«А й общенщички да стольно-киевски!
Вы пришли Дюковых животов оценивать.
Ай же он глупой Дюк, да неразумной сын,
Молодой ён боярской Дюк Степанович.
Говорила ему родитель матушка:
«Молодой боярин Дюк Степанович!
Уж ты будёшь в городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира —
Уж ты сам собой да не захвастайся,
Ни житьем-бытьем своим, богачеством,
И ни силушкой своей богатырскии,
А й ни храбростью да молодецкии».
Ён захвастался, боярской Дюк Степанович,—
А й как больши а й сиротски жúвоты,
Сиротски животы у его победные.
Дак приходите, господа вы тут общенщички,
А й после обеда в третьёём часу,
Буду я оказывать вам Дюковые животы».
Они поели тут, пришли, покушали,
Они приходят, на кое место приказаны,
Ажно идет тут Дюкова есть матушка,
Идё в золоте, да úде в серебре,
А й ведут тут Дюкову есть матушку
А й служаночки да за белы руки.
А й приходя к погребам глубокиим,
Вынимат она три камешка с погрёбов глубокиих.
«Ай же вы господа мои общенщички!
Можете ль этым камешкам цены тут дать,
Да когда от тыих ведь тут камешков
По всему по городу по Галичу
Всякие огни горя, лучи пекут?»
Ёны господа да тут общенщички,
Ёны стали тут да пораздумались,
А й не могут они да тут цены ведь дать,
Еще что стоят этыи три камешка.
Говорит тут Дюкова-то матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна:

«Ай же вы господа да тут обценщички!
Уж вы что вы стали пораздумались?
Неужоль вы не можете цены тут дать?
А й надо не эдак Дюковы животы ценить:
Когда не можете трех камешков ценить —
Дак не дорого вы стоите, господа обценщички
А й обценщички да стольно-киевски».
Говорят господа ведь тут обценщички:
«Ай же ты ведь Дюкова есть матушка,
А й честна вдова Офимья ты Тимофеевна!
А й не можём тут мы цены есть дать
Твоим ли этыим тут камешкам.
Негде оценить нам ведь Дюковы животы.
А й велики верно что у Дюка животы —
Как нам спродать надо весь город Киев-от,
А еще семь раз спродать ёго, повыкупить,
Накупить бумаги да чернила ты,
То не хватит нам у Дюка животов óценить»

Вар к 530—535
II

И самолучшой богатырь Щурила щапа
Плёнкович.
Он чесал коня по честны́м ребрам,
Он приправил коня через Неву-реку,
Он огруз с конем, с мечом, с саблёй вострыи,
С саблёй вострыи да осередь реки.
Молодой боярин Дюк Степанович
Ён приправил коня через Неву-реку,
Ухватил Щурилу щапа Плёнкова,
Самолучшого ёго бога́тыря,
Осередь его реки да за желты кудри,
За желты кудри да за белы руки,
Перевез Щурилу щапа Плёнкова
Из тыи он да из середь реки.
Переехали ёны за Неву-реку,
Ёны там ездя-гуляют тут по крежику,
А й по тым травонькам по шелковыим,
А й по тым цветочикам лазуревым.
Молодой боярин Дюк Степанович
Ён приправил коня через Неву-реку,
Переехал взад до во чисто поле.
А й тыи Щурила щапа Плёнкович,
Самолучшой богатырь стольно-киевской,
Ён не смеет ехать с-за Невы-реки,
Он кричит оттуль да перевозику.

Вар. к 336—345
III

Подносили к ним калачиков тых пшонных,
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал загадочек Владимиру отгадывать,—
А ще корочку ту ён вокруг кусал,
А й середочку-то ён так кобелям бросал.
⟨. . . . .⟩
«Ты Владимир-князь да стольне-ки́евской!
Да всё в Киеве у вас есть не по-нашему:
Да й у вас как сделана-то бочечка дубовая,

Да й набиваны обручики еловые,
У вас делано мешалочко сосновое,—
А ще тут у вас да й калачи месят;
У вас делана как печка-то кирпичная,
У вас топятся-то дровца ты еловые,
У вас делано помялышко сосновое,—
А и тут у вас да калачи пекут.
Как во нашою в Индеи во богатою,
Да во славном во богатом Волын-городе,
У моёй-то родною у матушки,
У ней сделана-то бочечка серебряна,
А й обручики набиты золоченые,
Да й положены туды да й меды сладкие,
У ней сделано мешалочко дубовое,—
Они тут да й калачи месят;
У ней сделана-то печечка кирпичная,
У ней топятся-то дровца ты дубовые,
У ней сделано помялышко шелковое,
Настлано туда бумаги-то гербовою,—
А ще тут они да й калачи пекут».

Вар. к 351
IV

По Чуриле сыне Пленковиче
Всем городом Киевом ручаются,
Поручился князь со княгиною;
А по Дюке никто не ручается,—
Набиралось голей кабацких до пятисот,
По Дюке боле все ручаются.
Дюк тому догадается,
Скоро садился на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчатые,
Ко стрелам ярлыки припечатывал,
Расстреливал стрелы во чисто поле.
Из далеча-далеча из чиста поля
Не ясен сокол налетывал,
Не белый кречетко вон напорхивал —
Наехал старый казак Илья Муромец,
По Дюке Илья ручается:
Подписал коня и свою голову.
И стали они щепить и басить
По стольному городу по Киеву.

Иван Гостиный сын

Вар. к 7—38
I

Как выходит-то солнышко Владимир-князь,
Он выходит-де тут да ко столу еще,
Он подходит ко всем ли людям добрыим,
Говорит тут ле солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой еси, хресьяна православные,
Уж вы ой еси, мещана пригородные,
Аж вы ой еси, купцы, люди торговые,
Аж вы ой еси-де, русски все богатыри!
У вас есь ле у кого да кони добрые —
Кабы биться со мной нонь о велик заклад,
А не во сти рублей, да не во тысяче,

Ё своей молодецкой буйной голове:
Кабы съездить от города от Киева
До того нынче до города Чернигова,
Еще съездить бы нонь да кабы взад-вперед,
Меж ённою меж обеднёй, меж заутренёй;
Кабы места ле тут да нонь не много же —
Еще три девяноста ровно мерных верст».
Кабы все тут на пиру сидят приюмолкнули,
А как все на честном да приюдрогнули,—
Кабы меньшой хоронится за среднего,
Кабы среднёй хоронится за большого,
Как от большого князю нонь ответу нет.
Как из-за того из-за стола переднего,
Со хорошой со лавки с дубовой доски
И ставаёт тут удалой доброй молодец,
По прозванью ту Иван да сын Гостинович,
Поблизешенько он ко князю придвигается,
Понижешенько он князю поклоняется,
Еще сам тут говорит он таково слово:
«Еще ой есь ты, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь мне-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь ты мене за слово головы сказнить,
Головы ли сказнить, скоро повесити,
И не выслать бы чтобы меня в ссылки дальние,—
Я бы бьюсь нонь с тобой да о велик заклад,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысяче,—
О своей молодецкой буйной головы».
Кабы князь-от кладет да нонче сто рублей,
Он-де сто рублей кладет от ся, со тысячей,—
Как ударились они тут о велик заклад:
О Иване поручились русски богатыри,
О князе-то поручилися бояра всё.

Вар. к 166—257
I

Он приходит к своёму коню доброму,
Ож как видели молодца, как на коня скочил,
На коня-де скочил, как в стремена ступил,—
Уж не видели поездки молодецкоей,
Э тяжелой е побежки лошадиноей,
Только видно там в поли курева стоит,
Курева там стоит да дым столбом валит;
Его скачёт ле конь, да право доброй конь,
Он-де с горы-де бы скачёт нонче на гору,
Он с укатистой-де скачёт на увалисту,
Он-де горы-де, удолы между ног берет,
По поднебесью летит, как ясен сокол.
Приезжаёт ко городу Чернигову,
Приезжает-де ён ко божьей церкви,
Он соскакивал-де скоро со добра коня,
Как не вяжет коня, да не приказыват,
Он заскакивал-де скоро во божью церковь,
〈. . . . .〉
Говорит тут Иван да таково слово:
«Уж вы ой еси, попы, отцы духовные!
Вы пишите мне ярлык, да скору грамоту».

И на то его попы скоро не ослышались,
Написали ему ярлык, да скору грамоту.
И оттуль-де Иван скоро поворот дает,
Он выходит-де скоро вон на юлицу,
Он приходит-де скоро к коню доброму,
Он как скачет-де скоро на добра коня.
Опять скачёт его да нонче доброй конь,
Он-де с гор-де нонче скачёт нонче на гору,
Он с укатистой-то скачёт на увалисту,
Еще горы, удолы промеж ног берет,
По поднебесью летит он, как ясен сокол.
Приезжат-де ко городу ко Киеву,
А езжает он тут да ко божьей церкви,
Он соскакивал тут скоро со добра коня,
Как оставил он коня да не привязана,
Еще конь-от у его стоит шатается,
Из ноздрей-де у коня да пламё огненно,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Он заходит тут бы скоро во божью церковь —
Тут ставают-де попы, отцы духовные,
Как служить хотят обедню воскресенскую.
⟨. . . . .⟩
Он пошел тогда ко князю ко Владимиру
И просит-де у князя деньги выездны,
Кабы выездны-то денёжки, нонь выгонны.
Он пришел нонче ко князю ко Владимиру,
Говорит же тут Иван да сын Гостинович:
«Уж ты ой есь ты, солнышко Владимир-князь!
Ты уж дай мне-ка нонь да деньги выездны,
Еще выездны мне денёжки, нонь выгонны,
Ты уж сто рублей мне дай нонче со тысячей»
⟨. . . . . ⟩
Еще князю ту опять тут за беду стало,
За великую досаду показалося,
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Я еще на тебя наложу службу тяжелую:
Еще есь у мня нонь да три жеребца,
Еще выпущу я их на твоего коня».
Как пошел-де тут Иван да сын Гостинович,
Пуще старого Иван да закручинился,
Пуще старого Иван да запечалился,
Повеся идет доржит да буину голову,
Потопя-де очи ясны в мать сыру землю,
Он не видит идет пути-дорожочки.
Он приходит к своему широку двору,
Он приходит к коню да на конюшен двор,
Опять падат-де коню да во праву ногу:
«Уж ты маленькой мой Бурушко косматенькой!
Я последни ж, видно, с тобой прощаюся,—
Выпускат на тя-де князь нонче три жеребца»
— «Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Уж я знаю этих нонь да как три жеребца:
Уж один-от ле конь мне-ка螺 названой брат,
И названой-от мне брат нонче при старости;

А другой-от нонче конь да Синёгривой же;
А третéй-от ле конь да Полонёной был».
А как выпустил Иван да коня доброго,
Побежал его конь да во чисто полё.
Кабы князь-от выпустил три жеребца,
Прибегали-де ёни да к коню доброму,
Опять стали они Бурушка покусывать,
Опять стали они малого полéгивать.
Нонче бурой-от ле конь да осержается,
Он как бьет ле правой ногой сыру землю —
Подрожала-де тут матушка сыра земля,
Кабы в поле опять дубьё расшаталися
И вершинами-то вместо соплеталися,
Как в озерах вода да сколыбалася.
Кабы кони-то эти юстрашилися,
Полонёно-ёт конь в полон убежал,
Синёгривого коня брал за хребетницу,
Он бросал его о матушку сыру землю —
Да бы тут же коню конец случился же;
А назван-от ему брат да нонче Бурушко
Покорился он брату нонче меньшому...

Ставер Годинович

Вар к 28—43
I

«Нечем мне, молодцу, хвастати.
Мне похвастать, не похвастать золотой казной —
Золота казна моя не держится;
Мне похвастать, не похвастать черным чеботом —
Черны чеботы мои не топчутся,
Мастеров возьму, чеботы сошью и новы ношу,
К вам же, купцам, свезу на рынок и повы́продам,
И возьму я с вас цену полную;
И еще мне похвастать, не похвастать добры́м конем —
Добры кони мои не ездятся,
Возьму я с-под матки жеребеночком,
Возьму поставлю на овес да нá воду
И повыкормлю,
В чистом полюшке повыезжу
И вам, купцам, боярам, повыпродам,
Возьму я с вас цену полную;
Мне похвастать, не похвастать молодой женой,
Молодой женой Василисой Микуличной:
У меня молодая жена Василиса Микулична
Вас, купцов и бояр, продаст и выкупит,
А тебя, князя Владимира, с ума сведет».

Вар. к 46—50
II

«Берите-ка его за белы́ руки́,
Ведите во погреба глубокие,
Как тут садите за замки и за крепкие,
Завалите дубьями, колодьями,
Как пусть сидит-то там да похвастает
Молодой женой Василистой ведь»⟨...⟩

Вар. к 69—99
III

А посекала ли волосушки по-мужскому,
А одевала ёна платьица мужские.
〈. . . . .〉
Выводила ли коня, да ко́ня доброго,
〈. . . . .〉
Ай она брала ли палицу во рученьки —
А была палица ли ту да во девяносто пуд,
А бросила ёна палицу под облако,
А ымала она палицу единой рукой.
〈. . . . .〉
А садилась на коня ёна быстрешеньку,
А тут видели молодца сядучись,
А не видели удалого поедучись,—
А будто молния в чистом поле смелькается,
А будто вихорь ли по чисту полю завивается.
Подъезжал ён ко славному ко городу ко Киеву,
А ён крыкнул голосом богатырскиим:
«Уж ты солнышко князь стольнё-киевской!
А ты давай-ка мне да поединщика,
А если нет у тебя мне-ка поединщика,
То давай-ка ты мне да во замужество
А ты мне свою любимую племянницу».

Вар. к 80—81
IV

И называлась грозным послом,
Грозным послом Васильем Ивановичем.
И поехала с великою свитою
Ко городу Киеву.
Половину дороженьки проехали,
И встречу ей из Киева грозен посол.
Тут они съехались, послы, поздоровались,
Как послы послуются,
Они ручку об ручку целуются.
Стал-де из Киева спрашивает посол:
«А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
Куда вы едете и куда бог несет?»
И взговорят ему, послу, таковые слова:
«А и едем мы из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимиру
Брать с него дани-невыплаты
Не много, не мало — за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи».

Вар. к 215—239
IV

Выводил тут Владимир стольной киевской
Двенадцать сильных могучих богатырей,
Стали они стрелять по сыру дубу
За целу версту —
Попадают они по сыру дубу.
От тех стрелочек каленых
И от той стрельбы богатырския
Только сырой дуб шатается,
Будто от погоды сильныя.
Говорил посол Василий Иванович:
«Гой еси, Владимир-князь!

Не надо мне эти луки богатырские,
Есть у меня лучонко волокитной,
С которым я езжу по чисту полю».
Втапоры кинулися ее удалы добры молодцы,
Под первой рог несут пять человек,
Под другой несут столько же,
Колчан тащат каленых стрел тридцать человек.
И говорит князю таково слово:
«Что потешить-де тебя, князя Владимира».
Берет она во ту рученьку левую
И берет стрелу каленую —
Та была стрелка булатная.
Вытягала лук за ухо,
Хлестнет по сыру дубу —
Изломал его в черенья ножевые.
Спела тетивка у туга лука —
И Владимир-князь окарачь наползался,
И все тут могучие богатыри
Встают как угорелые.
Взвыла да пошла калена стрела,
Угодила в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья ножевые.
И говорил посол таково слово:
«Не жаль мне сыра дуба кряковистого,
Только жаль мне своей калены стрелы,
Никому не найти во чистом поле».

Вар. к 265—280
IV

А Владимир-князь стал проведовати:
«Только посол буде женщина,
Не станет он во Киеве боротися
Со моими могучими богатырями».
Таковы люди были в Киеве —
Нарочны борцы, удалы молодцы,
Притченки да Хапилонки.
Выводил тут князь семь борцов,
И того ли посол Василий не пятится,
Вышел он на двор боротися,
Середи двора княженецкого.
Сошлися борцы с послом боротися:
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит,
Она третьего хватила поперек хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнул князь да и прочь пошел:
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, ум короток —
Называешь ты богатыря женщиною.
Такова посла у нас еще было и не видано».

После 280
IV

Говорил себе таково слово:
«Разве сам Василья-посла проведаю»
Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями.
Первую заступь заступовали —
И ту посол поиграл;

Другую заступь заступовали —
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали —
Шах да и мат, да и под доску.

Вар. к 115—119
V

«Не отдай-ка ты девчину да за женщину,
Не наделай-ка смеху́ по всёй Руси».

Вар. к 115—119
VI

«Не отдай-ка племянницы за женщину,—
Не бога́тырь есть тут, а есть женщина:
Как по улочкам идет, будто уточка плывет,
По ступенечкам ступает потихонечку.
А ведь голос у нее как будто с про́двизгом,
С поволокою глаза поваживает,
А на тех на рученьках на белыих

Даже дужки от колечичек не вышли вон».

Сорок калик

Вар. к 157—169
I

Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши вежство нерожденое,
Он стал с каликами вздорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадете — своем зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет».
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешенька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву.

СКОМОРОШИНЫ. ПАРОДИИ. НЕБЫЛИЦЫ

Ловля филина

Вар. к 26—29
I

«Там пищит-верещит:
Там не кошка ли курнё,
Не собака ли ревё,
Верно, скотину дерё?»

Вар. к 88—90
I

«Вот тебе, хилин,
Не по соснам летать,
И не Шидмицей пужать»,
Я седу да поседу
К зе́леному саду
И к милому на спутьё;
Куды мил ни пойдё,

Куды мил ни поедё —
И мимо не проедё.
И спрашивай на горки
И спешка на задворки,
Изба на болоте,
Едя пироги всё гороховые,
Байня та в лесе,
Да моются беси,
Гумно на болоте —
Никто не молотит,
Овин в моху,
Дырой вверху.
Девки поповы
По воду ходили,
По воду ходили
Да голуба убили,
На пень посадили.
На пню не сидит,
Хлопоту говорит:
«Хлопота, хлопота!
Погубила ты меня».

Вар. к 38—43
II

Собиралися ребятушки
Во единоё собраньицо,
За едно ле думу думали,
Да за едно совет советовали:
«Да уж мы как же, ребятушки,
Да будём хилина ловить?»

Вар. к 88—90
III

«Теперь хилиночку
Не по соснам летать,
Не хидницать-пужать».
Поповы те девки
Пиво наварили,
Сладкой мед становили,
Под Ковра посылали,
Под добра человека.
Ковру здесь не бывати,
И пива-вина не пивати,
И сладкого меду не вкушати.
«Остойся, Ковер,
И не ломайся, Ковер,
И не коверкайся.
Перекину я ковер
Через тын и монастырь,
Через лавочку торгову
И через стену городову».
Как на горке садок
Зеленёшенек стоит,
У Троицы попок
Молодёшенек поет,
Свечки тоненьки,
Просвирки мяконьки,
Кутья сладка,
Попадья гладка,

Шея да плечо
Как гусиново яйцо,
Лоб да лицо
Как зеркальцо.

Агафонушка

Вар. к 31
I

Да на синем-то море да овин горит,
Да безног-от мужик да заливать бежит.
Да это всё, братцы, не чудо, да я чудне скажу:
Да безрук-от мужик да ушат тащит,
Да это всё, братцы, не чудо, да я чудне скажу.

Старина о льдине

Вар. к 4—5
I

И да сидела-то лединушка что княгинею,
До Петрова дни сидела да растаяла.
А не стало у нас в городе как управителя,
А невестки ти с золовушками в раздор пошли,
И они билися-дралися орудею женскою,
И орудия у их была очунь слабая:
А дралися — у их копья были лопаточки,
А туги ти луки — коромысла всё,
А калёные стрелочки — веретёшечка.
И они кашу ту горюху обневолили,
И у их кислы ти шти да по заречью шли...

Вар. к 13—20
II

Сын на матери всё снопы возил,
Всё снопы возил да все конопляны.
Родна матенка да в кореню была,
А молода жена да пристяжной была.
Родну матенку да попонюгивал,
Попонюгивал да сам подстёгивал,
Молоду жону да призадярживал,
Призадярживал, да сам потпрукивал:
«Ну пойди, да родна матенка,
Тпру, постой, да молода жона».

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании печатаются тексты, в своей совокупности образующие корпус классических былин и дающие представление о сюжетном богатстве русского героического эпоса. В издании не представлены сюжеты второстепенного значения, позднейшие по происхождению, зафиксированные в прозаических пересказах, в неполных записях, а также песни переходного характера — от былин к балладам или к историческим песням. Каждый сюжет демонстрируется одним полным текстом, отвечающим требованиям художественной цельности и сюжетной разработанности.

Любой былинный текст, независимо от его достоинств, не отражает полноты и многообразия сюжета, которые раскрываются лишь при ознакомлении с вариантами былины. Многие сюжеты известны в десятках полноценных вариантов, записанных в разное время в различных местах от разных сказителей. В вариантах находят отражение закономерный процесс множественной реализации эпического замысла (см. об этом вступит. статью), исторические сдвиги в осмыслении эпической средой содержания былин, культурно-бытовые напластования разного времени, творческая работа сказителей. Различия в вариантах нередко затрагивают существенные стороны содержания, характеристики персонажей, дают несходные художественные разработки одних и тех же эпизодов. В тех случаях, когда мы имеем дело с текстами одной былины, в которых существенно отличается изложение узловых моментов — сюжетные ходы, трактовки основных коллизий,— мы вправе говорить о наличии редакций или версий данной былины. Отдельные редакции находятся между собою в отношениях как взаимозависимости, так и независимой, самостоятельной реализации одного эпического замысла. Публикуемый в настоящем издании раздел «Приложение» преследует цель обогатить читательское восприятие былин в разнообразии их конкретных трактовок. Варианты представлены в «Приложении» в виде наиболее значимых и интересных фрагментов. Римская нумерация вариантов обозначает номер, под которым в примечаниях к основному тексту былины даются сведения и пояснения, относящиеся к фрагментам.

И основные тексты, и варианты выбраны для настоящего издания из авторитетных научных сборников, содержащих подлинные записи былин из разных мест России, производившиеся примерно с середины XVIII в. до середины XX столетия. Основная масса текстов отражает севернорусскую былинную традицию, незначительное число — традиции сибирскую, поволжскую, казачьих районов (Дон, Терек, Урал). Читатель должен иметь в виду, что степень точности записи былинных текстов в разных сборниках (и даже внутри одного сборника) неодинакова. Абсолютно точное воспроизведение поющегося былинного текста — со всеми повторами, частица-

ми, фонетическими нюансами — большая редкость. Чаще мы имеем дело с записями, в которых такие подробности текста, выявляющиеся в процессе пения, не воспроизведены или воспроизведены неполно.[1]

Все тексты в основном корпусе публикуются без каких бы то ни было сокращений. Слова, неудобные в печати, заменяются точками в угловых скобках. В тех случаях, когда тексты взяты из контаминаций (в которых произошло сращение былинных сюжетов), печатается только одна часть, что оговаривается в примечании. В текстах раздела «Приложение» допускаются незначительные пропуски стихов, содержащие повторения основного текста или малоинтересные подробности. Эти пропуски отмечаются строкой точек в угловых скобках.

Былины приводятся под названиями, привившимися в научной литературе,— названия, принадлежащие исполнителям или первым публикаторам, не учитываются. Разбивка текстов на стихи, сделанная собирателями или первыми публикаторами, как правило, сохраняется.

При подготовке текста былин в настоящем издании, как и в других современных изданиях фольклорных произведений научно-популярного типа, необходимо было учитывать, что собиратели по-разному воспроизводили собственно языковые особенности былинных текстов: одни (А. Григорьев, А. Марков) придерживались требований крайней фонетической точности, сохраняя в записях такие черты, как оглушение согласных перед глухими или в конце слов, пропуски звуков в известных сочетаниях, особую мягкость некоторых согласных в ряде северных говоров и такие ярко бросающиеся в глаза особенности фонетики, как цоканье и чоканье, оканье (ёканье) и т. д.; другие (П. Рыбников) лишь в минимальной степени фиксировали диалектные особенности в фонетике и даже подчас нивелировали диалектные морфологические особенности; третьи (А. Гильфердинг) искали средний путь, стремясь точно воспроизвести существенные, значимые диалектные черты с опущением тех, которые могли чрезмерно усложнить читательское восприятие текстов. Следовательно, записи разных собирателей дают очень большой разнобой и не могут подвергаться сплошной унификации. Задача составителя состояла в том, чтобы освободить тексты от крайностей и мелочных излишеств фонетической записи. Орфографическая упорядоченность распространена в первую очередь на передачу произношения безударных гласных, ассимиляции согласных по звонкости и глухости, произношения согласных в конце слов, твердости и мягкости шипящих и др. Записи были освобождены и от передачи таких диалектных особенностей, как цоканье и чоканье, мягкость *ц* (цярь), *шш* вместо *щ* (Идолишшо), повышенная мягкость отдельных согласных (полесьничек), другие фонетические тонкости, имеющие узколингвистический интерес. Все диалектные особенности лексики, морфологии, синтаксиса, зафиксированные в записях, сохранены. Пунктуация в значительной степени пересмотрена в соответствии с современными нормами и унифицирована.

Показанная собирателями расстановка ударений, отличающаяся от литературной нормы, сохраняется — в пределах данного текста — только первый раз и при повторениях опускается; смена ударений всякий раз отмечается. При этом необходимо иметь в виду, что в изданиях, из которых взяты тексты, расстановка ударений далеко не всегда достаточно последовательна, и в ряде случаев читателю приходится руководствоваться традицией и ритмикой строки.

---

[1] См.: Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии//«Русская литература». 1982, № 1. С. 135—148.

Примечания содержат данные об исполнителе и месте записи. Время записи и регион сообщаются лишь в тех случаях, когда эти сведения отсутствуют в выходных данных соответствующего сборника, указанных в списке условных сокращений. Читателю, желающему получить подробные сведения о сказителях, об обстоятельствах записи и т. д., следует обратиться к сборникам, откуда взяты тексты (там же он найдет, как правило, сведения о хозяйствовании, о быте и культуре населения края, об обстановке исполнения былин и т. п.). Примечания включают также сведения о тексте былин, о сюжетах и малопонятных подробностях. Пояснения устаревших, диалектных слов вынесены в Словарь. Толкования слов даются применительно к их значениям в текстах былин.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Астахова-1, 2 — Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.

Публикация записей былин, сделанных во время экспедиций 1926—1933 гг. по следам старых собирателей — П. Рыбникова, А. Гильфердинга, А. Григорьева, Н. Ончукова и в местах, где прежде былины не записывались. Комментарии содержат библиографию вариантов былинных сюжетов и характеристику областных сюжетных редакций. В т. 1 также — библиография научной литературы о сюжетах и краткий обзор выводов исследователей по истории сюжетов.

Астахова-1958 — Илья Муромец / Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1958 (Серия «Литературные памятники»).

Свод всех сюжетов об Илье Муромце. Приводится полностью по нескольку редакций и вариантов каждого сюжета. Реальный и исторический комментарий, полная библиография текстов по сюжетам.

БПЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.

Сборник былин, записанных в 1940—1950-е гг. на Печоре и в конце 1930-х и в 1940-е гг. на Зимнем берегу Белого моря. Комментарии содержат сравнительную характеристику публикуемых вариантов. Приложены нотные записи.

Вар.— вариант, варианты.

Гильфердинг-1, 2, 3 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: 4-е издание. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3. (Первое издание — Спб., 1873.)

Григорьев-1, 2, 3 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега. М., 1904. Т. 2: Кулой. Прага, 1939. Т. 3: Мезень. Спб., 1910.

Гуляев — Былины и песни южной Сибири: Собрание С. И. Гуляева / Под редакцией В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
Записи былин сделаны в 1840—1850-е гг. в Алтайском крае.

Жданов-1895 — Жданов Ив. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. Спб., 1895.

Жданов-1904 — Сочинения И. Н. Жданова. Т. 1. Спб., 1904.

Жирмунский-1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жирмунский-1979 — Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979.

Известия-1, 2, 3 — «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности». 1852—1854. Т. 1—3 (раздел «Памятники и образцы народного языка и словесности»).

Киреевский-1, 2, 3, 4 — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изданы «Обществом любителей российской словесности». М., 1860—1862. Вып. 1—4.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым: 2-е дополненное издание / Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. (Серия «Литературные памятники».)
Сборник былин и других песенных жанров, дошедший в рукописи XVIII в. Первое собрание подлинных записей былин с нотами. Место записи по одним предположениям — Западная Сибирь, по другим — Урал. Впервые в неполном виде сборник был издан А. Ф. Якубовичем в 1804 г., затем более полно — К. Ф. Калайдовичем в 1818 г. Первое научное издание — под редакцией П. Н. Шеффера в 1901 г.

Лобода — Лобода А. Русские былины о сватовстве. Киев, 1905.

Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
Собрание былин, записанных в 1898—1899 гг. в деревнях Зимнего берега Белого моря (часть записей отражает былинную традицию Терского берега Белого моря).

Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под редакцией В. Ф. Миллера. М., 1908.
В книге собраны былины, появившиеся в разрозненных публикациях после 1894 г., а также неопубликованные тексты былин в записях конца XIX — начала XX в. из разных мест России.

Миллер-1, 2, 3 — Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1, М., 1897; Т. 2. М., 1910; Т. 3, М.; Л., 1924.

Ончуков — Печорские былины / Записал Н. Ончуков. Спб., 1904.
Записи былин 1901—1902 гг.

Парилова — Соймонов — Былины Пудожского края / Подготовка

текстов, статьи и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

Собрание былин, записанных в 1938—1939 гг.

Пропп — Пропп В. Я. Русский героический эпос: 2-е издание, исправленное. М., 1958.

Пропп — Путилов-1, 2 — Былины: В двух томах / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.

Наиболее полная антология былин, включающая все известные сюжеты (многие — в нескольких вариантах). Комментарии содержат сжатые характеристики сюжетов, объяснения реалий, словарь.

Путилов — Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Рыбников-1, 2, 3, 4 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861—1862. Ч. 1—2; Петрозаводск, 1864. Ч. 3; Спб., 1867. Ч. 4.

Собрание былин, записанных в основном в Заонежье в 1860—1864 гг. (2-е издание — М., 1909—1910. Т. 1—3).

Смирнов — Смолицкий-1974 — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. (Серия «Литературные памятники».)

Свод сюжетов былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (каждый сюжет — в нескольких вариантах), с реальным и историческим комментарием и полной библиографией текстов.

Смирнов — Смолицкий-1978 — Новгородские былины / Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. (Серия «Литературные памятники».)

Свод сюжетов о Василии Буслаеве, Садко, Хотене Блудовиче и о скоморохах (каждый сюжет — в нескольких вариантах), с реальным и историческим комментарием и полной библиографией текстов.

Соколов — Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

Сборник былин, записанных в 1926—1928 гг. экспедицией по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых.

Ст. — стих.

Тихонравов — Миллер — Русские былины старой и новой записи / Под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.

Во втором отделе книги собраны былины, рассеянные в различных изданиях 1880—1890-х гг., а также неопубликованные разрозненные записи второй половины XIX в. из разных мест России.

Халанский — Халанский М. Е. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893—1895.

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ. ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ БОГАТЫРЕЙ КИЕВСКИХ

Исцеление Ильи Муромца. Гильфердинг-2. № 120. Зап. от В. П. Щеголенка, дер. Боярщина (Кижи). Текст является частью сводной былины, объединяющей сюжеты: Илья Муромец и разбойники, Илья Муромец и Идолище, Илья Муромец и Соловей-разбойник.

Сюжет об исцелении Ильи Муромца в цикле посвященных ему былин естественно рассматривать как открывающий поэтическую биографию богатыря. Характерные для сюжета темы — чудесное избавление героя-сидня от недуга, наделение его богатырской силой и неуязвимостью, обретение им боевого коня и снаряжения, а также «первый» (предварительный) подвиг — традиционны для героического эпоса и героических сказок многих народов (ср.: Жирмунский-1974. С. 242—256; Жирмунский-1979. С. 25—27, 217—218; Путилов. С. 91—95; Халанский. С. 83—90). Возможно, что в русской былинной традиции изложение сюжета в полной его форме — факт сравнительно поздний (Астахова-1. С. 617). Характерно, что среди записей преобладают прозаические и прозаизированные версии. Однако представления об Илье Муромце как крестьянском сыне, ставшем богатырем благодаря чудесному питью, принесенному странниками, и о том, что ему смерть в бою не писана, несомненно, изначально заложены в эпической биографии Ильи как неотъемлемые черты его богатырства. *Он не имел-то да ни рук, ни ног* — т. е. богатырь «не владел» руками и ногами. *Два старца незнакомые.* В других вар.— «калики перехожие». *Дай-ка пива выпити яндомý.* В других вар. странники посылают Илью за водой либо сами подносят ему питье. *Услышал Илей в себе силу великую* и т. д. Эпизод с питьем и получением силы передан в тексте несколько сбивчиво. В более точном изложении Илья после второго питья ощущает в себе непомерную силу, и ему дают выпить третий раз, чтобы силу уменьшить и довести ее «до нормы» (см. вар. I). *За три поприща óт дому.* Расстояние от дома до места работы (букв.— трое суток пути) здесь по-эпически гиперболизировано. *Дал тебе господь руце, нозе.* Органичен для эпизодов чудесного исцеления Ильи мотив вмешательства неведомых фантастических сил; старцы же выступают как исполнители их воли. Сказитель Щеголенок был склонен трактовать древнюю былинную фантастику в христианско-религиозном духе, что и отразилось в изложении данного эпизода. Слова «руки» и «ноги» он произносил здесь по-церковнославянски. *Не писана тебе смерть на убоищи.* Обычно это предсказание делают странники (см. вар. I, II).

I. Соколов — Чичеров. № 70. Зап. от П. Е. Миронова, дер. Семеново (Пудога).

II. Григорьев-3. № 50. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище. *А да ведет он ведь коничка-селеточка.* Согласно объяснению сказителя, конь

«сего лета», т. е. родившийся в этом году. *А не съезжайся-ка ты с Самсоном тут* и т. д. Самсон и Святогор в былинах дублируют друг друга в одинаковых сюжетах, чаще, однако, фигурирует Святогор (см. след. былину). Былинные сюжеты собственно о Самсоне восходят к библейско-апокрифическим сказаниям (ср.: Жданов-1904. С. 582—686). Мотив запрета на встречу Ильи Муромца со Святогором — Самсоном подсказан, очевидно, сюжетом: Илья Муромец и Святогор (см. след. былину). О том, что Святогора «земля не несет», см. след. былину, вар. III. Далее в тексте рассказывается о помощи Ильи Муромца отцу на пашне, о покупке богатырского коня, отъезде и встрече со Святогором (отрывок см.: «Илья Муромец и Святогор», вар. V).

Илья Муромец и Святогор. Парилова — Соймонов. № 4. Зап. от А. М. Пашковой, г. Петрозаводск. Сказительницей объединены два самостоятельных сюжета: Святогор и тяга земная и Святогор примеряет гроб. *Святогор-богатырь... подхватывает да одной рукой.* В изложении Пашковой отчасти сглажены особенные черты Святогора, отделяющие его от киевских богатырей: связь его с мифическими горами, одиночество, непомерная тяжесть, невозможность его приложить силы к какому-то делу. Типовые черты Святогора как эпического героя с большей определенностью и более традиционно даны в вар. I и III. В русском эпосе Святогор — один из самых загадочных персонажей. Он представляет «первое» поколение богатырей-великанов, не участвующее в событиях эпической истории Киевской Руси и обреченное на гибель (см. Путилов. С. 78—83). Возможно, что мифологическим предшественником Святогора было хтоническое существо, враждебное людям: указания на это проявляются в мотивах связи Святогора с землей и ее таинственными силами. *Хотел поднять погонялкой эту сумочку* и т. д. Определение сумочки как «скоморошной» принадлежит, видимо, А. М. Пашковой и не поддается удовлетворительному объяснению. Обычно в вар. говорится о переметной сумочке, которая появляется перед Святогором в ответ на его похвальбу (вар. I). Значение сумочки загадочно: согласно вар., она заключает в себе «тягу земную», «весь земной груз», «всю тяготу»; тем самым наряду с прямым значением сумочки как фантастически тяжелого предмета появляется возможность истолкования ее в обобщенно-символическом плане: как воплощения всей силы земли, как особой земной силы, овладеть которой можно лишь посредством сознательной человеческой деятельности (в вар. Святогору противостоит богатырь-пахарь Микула Селянинович), как силы Русской земли, которая нуждается в разумно действующих героях (в вар. поднять сумочку предлагает Святогору Илья Муромец). См.: Пропп. С. 79—83. Образцы поэтического и социально-философского истолкования переметной сумочки дали Г. И. Успенский («Власть земли») и Н. А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо», гл. «Савелий, богатырь святорусский»). *Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла.* В вар. I былины Святогор действительно гибнет в столкновении с «тягой земной». *А берет он шалапугу подорожную.* В былинах шалапуга (шелепуга) оказывается под руками у богатыря либо когда он вообще не вооружен, либо когда обычное оружие не дает эффекта. *Святогору гроб да поладился* и т. д. Мотив встречи героя со «своим» гробом, примеривания и невозможности освободиться от него (в чем выражена идея предуказанности и неотвратимости гибели героя) распространен в мировом фольклоре (ср. Жданов-1904. С. 653—658). *Мни твоей-то силушки не надобно.* Согласно различным вар. сюжета, Святогор готов передать Илье свою силу (или часть ее) через последний вздох, смертную слюну, пот либо через купанье «в силе» (см. вар. IV, V). В осно-

ве этого мотива лежат архаические представления о природе богатырской силы и о магических способах ее передачи. По-видимому, Святогор хочет сделать Илью своим преемником. Обычно Илья принимает лишь часть силы, избегая превращения в великана. В тексте А. М. Пашковой полный отказ Ильи от предложения Святогора подчеркивает несогласие наследовать его силу.

I. Рыбников-1. № 7. Зап. от карельской крестьянки Дмитриевой (Кижи). Текст записан был сплошной строкой, так как Дмитриева не пела, а проговаривала. Разделение на стихи, местами несколько искусственное, произведено первыми издателями.

II. Рыбников-1. № 8. Зап. от Л. Богданова (Кижи). Разделение на стихи (как и в вар. I) принадлежит первым издателям. Первую часть текста составляет сюжет: Исцеление Ильи Муромца. *Выходит оттоль жена богатырская* и т. д. Сохранились (в единичных вар.) былины о женитьбе Святогора — Самсона, основанные на мотиве предуказанного судьбой брака. Святогор узнает от чудесного кузнеца о своей суженой, находит ее спящей, покрытой коростой и «гноищем», и, желая избавиться от невесты, наносит удар ей по груди мечом, а сам уезжает. Между тем удары меча избавляют девушку от коросты и возвращают ей необыкновенную красоту. Позднее суженые встречаются, и Святогор по рубцу на груди узнает в жене предназначенную ему невесту: так он убеждается, что «от судьбины своей никуда не уйдешь» (Рыбников-1. С. 40—41). Эпизод с женой, которую Святогор возит в запертом хрустальном ларце и в кармане, мотив неверной жены, соблазняющей попавшего в плен героя, в былинах очень редки и, по-видимому, вошли в них из сказок (ср. Жданов-1904. С. 849—869). *Дивья мне потыкатися* — не удивительно (не чудо), что я спотыкаюсь. *Поменялся крестом и назвал меньшим братом.* Побратимство постоянно упоминается в былинах как форма особенно близких отношений между богатырями, основанных на взаимной преданности и готовности в любой момент прийти на помощь. Обычай побратимства восходит к древнему общественному быту славян (см.: Громыко М. М. Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 116—125).

III. Гильфердинг-1. № 1. Зап. от П. Л. Калинина, дер. Горка (Повенец). Вторую часть былины составляет сюжет: Святогор примеривает гроб. Окончание необычно: умирающий Святогор отправляет Илью Муромца к своему отцу просить «прощеньица вечного». Старик думает, что Илья убил его сына, и пытается сам убить богатыря, но затем образумливается и посылает сыну «прощенье вечное».

IV. Григорьев-3. № 114. Зап. от А. М. Мартынова, дер. Малые Нисогоры. Первую часть былины составляют эпизоды, соответствующие ст. 52—147 основного текста, и сюжет: Святогор и тяга земная. *Давали бы они да как божью помóщь* — т. е. высказывали пожелание успеха в работе.

V. Григорьев-3. № 50. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище. Первая часть былины — см. «Исцеление Ильи Муромца», вар. II. *А сделалась в ём сила необъятна тут.* Пример отклонения певца от основного эпического замысла, согласно которому Илья Муромец как богатырь нового типа не может наследовать полную силу Святогора. По-видимому, смысл совета Святогора, не принятого во внимание Ильей,— искупаться в третьей силе, минуя первую и вторую,— состоял в том, чтобы Илья получил силу не «необъятную», а соответствующую его богатырской природе.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Астахова-2. № 131. Зап. от П. И. Рябинина-Андреева, дер. Гарницы (Заонежье). Одна из самых распространенных былин, записанная в большом числе вар. В цикле об Илье Муромце занимает центральное место. К ней нередко в качестве вступительной части сказители присоединяют сюжет об исцелении Ильи. Особое значение содержания былины определяется тем, что в ней воспевается один из главных воинских подвигов богатыря и описывается его вхождение в состав киевского богатырства, а также раскрываются главные героические качества Ильи. *Из того ли города из Муромля, Из того ль села да Карочирова.* Правильная форма — Муром, Карачарово (село под этим названием действительно находилось под Муромом). Попытки исследователей по-другому истолковать название места происхождения Ильи (вместо Мурома — Моровийск Черниговского княжества, вместо Карачарова — Карачев Орловской губ., и др.— см., например: Миллер-3. С. 87—90) ничего нового к пониманию былины не прибавляют. *Кладовал он заповедь великую... Нарушил он заповедь великую.* Обещание богатыря не обнажать в пути оружия и последующий отказ от него — обязательные мотивы данной былины (ср. также вар. I, II, III, IV). Обычное объяснение даваемой при выезде заповеди то, что действие происходит в церковный праздник. В более архаической традиции (отразившейся в сходных сказаниях других народов) мотив выражен в виде запрета со стороны матери, опасавшейся, что сын погибнет в битве или поединке (сестра тайком вплетала оружие в гриву коня, и богатырь обнаруживал его в нужный момент). *Реченька Смородинка* — эпическая река. Хотя известны реальные реки с таким (или схожим) названием, в былинах и песнях Смородинка имеет устойчивое обобщенно-поэтическое значение, генетически связанное с мифологическими представлениями о реках: смрадная, знойная; служащая границей между «этим» и «иным» миром; река-застава, обладающая фантастическими свойствами; место столкновений героев с их противниками; место переправ, имеющих жизненно важное значение для персонажей. *У той ли берёзыньки покляпоей.* Покляпая (искривленная) береза — признак обитания фантастических персонажей, враждебных героям. *У того креста Леонидова.* Леонидов крест (обычная форма — Леванидов) упоминается по преимуществу как место назначенных встреч богатырей и остановок во время их странствий. Возможно, что в данном случае он упомянут певцом по инерции, но можно также допустить, что Соловей-разбойник захватил его, включив в состав своих «нечистых» мест, и Илья Муромец возвращает Леванидову кресту его статус священного места. *Соловей-разбойничек Дихмантьев сын* и т. д. Соловей — один из типичных для русского эпоса персонажей «гибридного» характера: в нем соединяются черты фантастической птицы, чудовища, человека. Устойчивые признаки Соловья — сидит на семи дубах, обладает способностью убивать свистом или криком; он глава эндогамной семьи (ср. вар. I: род Соловья воспроизводится через систему внутрисемейных браков). Своими корнями этот образ уходит в архаический эпос и мифологию, в нем прослеживаются черты мифологического стража, охраняющего вход в «иной» мир, возможно — черты «хозяина» леса. В то же время в былине он предстает врагом Киевского государства, препятствующим объединению русских земель и спокойной жизни страны. Победа Ильи Муромца одновременно созвучна подвигу мифологического культурного героя (уничтожение чудовища, враждебного этническому коллективу) и имеет отчетливо выраженный государственный, общенародный смысл. *Здравствуй, князь Владимир... Прямоезжеей — во стольно-Киев-град.* В тексте певцом здесь допущены перестановки, вносящие некоторую путаницу. Более точно это место изложено в другой

записи от того же певца (Соколов — Чичеров. № 96): там сначала говорится о возвращении Владимира из церкви, затем следуют его вопросы к приезжему — откуда и кто он, далее ответ Ильи, включая ст., отсутствующие в публикуемом тексте:

Я заутреню ведь ту христовскую
Я стоял во городе й во Муромле,
Да й хотел сюда попасть к обедне во стольнёй Киев-град.
Моя путь-дорожка призамешкалась,
Я не мог попасть ко городу ко Киеву —
Я попал на рать-силу великую
Да под тем под городом Черниговом.

Далее следует вопрос Владимира о дороге и ответ Ильи. *Замуравела да ровно тридцать лет.* В другой записи от того же певца (Соколов — Чичеров. № 96) еще добавлено:

Так ведь никто тут не проезживал,
Да и пехотою никто тут не прохаживал,
Да и ни птица черный ворон не пролётывал,
Да и пестрый зверь тут не прорыскивал.

На поле на Кули́ково. Одно из устойчивых значений поля Куликова в былинах — место казни.

I. Киреевский-1, № 4. Впервые — Известия-1. С. 115. Зап. в селе Павлово (Нижегородской губ.).

II. Григорьев-3. № 56. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище.

III. Григорьев-2. № 73. Зап. от Т. И. Широкого, село Долгая Щель.

IV. Астахова-1. № 28. Зап. от Н. К. Семенова, дер. Белощелье (Мезень).

Три поездки Ильи Муромца. Гильфердинг-2. № 171. Зап. от Ф. Никитина (Выгозеро). Сказитель объединил текст с былиной «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Былина о трех поездках Ильи Муромца трактуется обычно как поздняя по происхождению, сложенная на основе сказочных сюжетов и как бы дополнившая основную эпическую биографию героя (ср.: Астахова-1. С. 614—615; Миллер-3. С. 142—146). Между тем былина вполне органично вписывается в цикл об Илье, обнаруживая связи не только со сказочной, но и с мифологической и архаической эпической традициями. Одна из главных идей былины — судьба оказывается не властной над героем: он не боится предсказаний и опровергает их, уничтожая зло в разных его обличьях. *Латырь-камешок* (более распространенная форма — Алатырь) — эпический камень, с которым в былинах связаны типовые значения: места встреч богатырей, места предуказанных испытаний, иногда — гибели. «Бел-горюч камень Алатырь» имеет, скорее всего, мифологическое происхождение, он «всем камням отец», обладает чудесными свойствами; упоминается нередко в заговорах. Существует также объяснение алатыря-камня как алтарного камня, составившего основу Сионской церкви в Иерусалиме; по христианской легенде, у этого алтаря Христос установил таинство причащения (см.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Спб., 1881. Вып. 3. С. 23—24). *Как молодинка ведь взять — да то чужа корысть.* Молодая жена — чужая добыча, чужая выгода. *Курева стоит* — обычная формула в былинах для изображения быстрого отъезда героя. *Проехал... Корелу проклятую, Не доехал... до Индии до богатыи, И наехал... на грязи*

на смоленские. Характерный пример условной эпической географии. Места, названные здесь, имеют типовые эпические значения: Корела — чужая опасная земля, которую герою надо благополучно миновать; Индия — далекая и богатая земля, до которой герою обычно не удается добраться; грязи смоленские — место, где героя ожидает прямая опасность. *То не для красы, братцы,* и т. д. В былинах обычно подчеркивается, что драгоценные, изысканные предметы нужны богатырю не для красоты, а ради какой-либо практической цели. Предметы, служащие украшением, знаком щегольства, характеризуют героя с отрицательной стороны. *Не оставил разбойников на семена.* Рассказ о первой поездке Ильи известен также в виде самостоятельной былины — «Илья Муромец и разбойники» (см. вар. II): здесь богатырь обычно ограничивается тем, что разгоняет разбойников. *Сильная поляница удалая.* Женщины-богатырки выступают в былинах обычно как представительницы «чужого», враждебного мира; богатыри либо укрощают их и увозят к себе («Женитьба Добрыни», «Дунай Иванович»), либо уничтожают. *Раздал он злато, серебро по сиротам.* Рассказ о третьей поездке богатыря в записях былины излагается чаще всего сжато, подчас несколько сбивчиво, либо вовсе опускается. В одном вар. Илья отказывается от третьей поездки, так как ему не нужно богатство (Гильфердинг-2. № 190). Встречаются также трактовки, идущие от религиозно настроенных сказителей: богатырь отдает клад на постройку церкви или в монастырь и затем уходит в киевские пещеры, где окаменевает,— влияние легенды о мощах Ильи Муромца, будто бы хранящихся в Киево-Печерской лавре (Киреевский-1. № 2; Гильфердинг-1. № 58; Гильфердинг-3. № 221, 266).

I. Астахова-1. № 13. Зап. от М. Г. Антонова, дер. Усть-Низем (Мезень). За вступлением сразу следует рассказ о встрече с разбойниками, затем о наезде богатыря на камень с письменами. Финальный эпизод — освобождение пленников.

II. Григорьев-1. № 105. Зап. от М. Амосова, дер. Красное (Пинега). Текст ограничивается эпизодом столкновения Ильи Муромца с разбойниками.

III. Гильфердинг-3. № 197. Зап. от И. Г. Захарова, дер. Пога (Водлозеро). Далее в тексте — только сюжет: Илья Муромец и разбойники.

Илья Муромец и Идолище. Гильфердинг-1. № 4. Зап. от П. Калинина, дер. Рим на Пудожской Горе (Повенец). *А й татарин да поганыи, Что ль Идолищо великое* и т. д. Идолище — типичный для былин «гибридный» персонаж. В данном тексте ему приданы черты предводителя татарского войска. В большинстве известных записей Идолище действует один и изображается как чудовище уродливых размеров (ср. вар. I, II, III). Имя, внешность, прожорливость и другие детали в описании Идолища позволяют возводить его к персонажам архаического эпоса и мифологии — антропоморфным чудовищам из «иного» мира (ср., например, абаасы в якутских олонхо, богатырей Эрлика в алтайских сказаниях и др.). В былинах этот персонаж подвергся эпической историзации, он выступает как враг Русской земли, Киева, насильник, и борьба богатыря с ним получает характер общегосударственного подвига. *Старец перегримищо... Дай-ка мне-ка платьицев нунь старческих.* Перегримищо — пилигрим, паломник, калика перехожая — популярный персонаж былин, может выступать в роли вестника. Переодевание богатыря в одежду странника — один из типовых былинных мотивов. В данном сюжете пилигрим сам сродни богатырю, однако он не решается выступить против Идолища. *По походочке так Илья Муромец... А й велик у вас казак да Илья Муромец?*

В подтексте сюжета есть мотив предуказанной встречи Ильи и Идолища: последний знает, что ему предсказана гибель от богатыря, поэтому расспрашивает странника об Илье и как будто успокаивается, узнав, что его соперник — самый обыкновенный человек. См. отголосок того же мотива в вар. II. *У нашего попа... Левонтья у Ростовского.* Согласно другим былинам, Левонтий Ростовский — отец Алеши Поповича. Упоминание его пришло из былины «Алеша и Змей Тугарин» (см. след. былину и примеч.).

I. Григорьев-3. № 19. Зап. от А. Е. Петрова, дер. Дорогая Гора.

II. Григорьев-3. № 51. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище. *А пошел молодец... А катится буйна голова со могучих плеч.* Начало былины восходит к балладам и лирическим песням о добром молодце и Горе (см.: Повесть о Горе-Злочастии/Издание подготовили Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984. С. 41—77). *Гуня сарацинская* — здесь: странник, одетый в рубище (от «гуня» — ветхая одежда, рубище). Эпитет «сарацинская» означает, по-видимому, что странник побывал на Востоке, в «сарацинской земле» (ср. выше, в основном тексте: Илья убивает Идолище «клюхою сорочинскою», взятою у странника). *А кто помянёт у нас да Илью Муромца* и т. д. См. примеч. к основному тексту. *Очи ясны вымать его косицами, Да язык бы тянуть да его теменём.* Характерная для былин типовая формула описания особо изощренной казни. По мнению исследователей, в этом описании отразились способы казни в средние века, которые применяла церковь к вероотступникам и еретикам (ср.: Майков Л. О былинах Владимирова цикла. Спб., 1863. С. 92; Марков А. В. Бытовые черты русских былин//«Этнографическое обозрение», 1903. № 4. С. 25). См. тот же мотив в былине «Сорок калик».

III. Гильфердинг-3. № 196. Зап. от И. Г. Захарова, дер. Пога (Водлозеро). Этот и следующие два текста принадлежат к так наз. царьградской версии сюжета. Хотя действие перенесено из Киева в Царьград, а вместо Владимира фигурирует царь Константин Боголюбович, узловые моменты содержания остаются те же. Замена Киева на Царьград привела к выдвижению на первый план мотивов защиты церкви и былого центра православия: в этом следует видеть влияние каличьей среды, в которой, возможно, и была создана эта версия (Пропп. С. 233—237).

IV. Гильфердинг-1. № 48. Зап. от Н. Прохорова, дер. Буракова (Пудога).

V. Киреевский-4. № 5. Зап. в Архангельском уезде.

Алеша Попович и Тугарин. Ончуков. № 85. Зап. от П. Г. Маркова, дер. Бедовая (Пустозерская вол.). Некоторые исследователи считают, что былина об Алеше и Тугарине сложилась раньше предыдущей и повлияла на нее. Скорее всего, однако, мы имеем дело с двумя самостоятельными параллельными разработками, сходство которых в ряде вар. особенно усиливается благодаря взаимодействию их в процессе бытования. *Нам ехать, не ехать нам в Суздаль-град* и т. д. Перебор городов дан здесь в шуточной форме, но идея вполне серьезна: богатыри выбирают постоянным местом своих деяний Киев — центр Русской земли. *Левонтья сын Ростовского.* Возможно, имеется в виду святитель Леонтий, мощи которого хранились в Успенском соборе в Ростове и были открыты в середине XII в. Тем самым можно предполагать, что у Алеши Поповича в эпосе была почетная родословная (сын епископа). *Тугарин... Змеевич* — персонаж «гибридного» типа, соединяющий признаки антропоморфного чудовища, крылатого змея и представителя сил, враждебных Руси. Уродливой внешностью и прожорливостью он подобен Идолищу. В вар. подчеркиваются

его черты чужеземного насильника. Попытки идентифицировать Тугарина с половецким ханом XI в. Тугор-каном неосновательны (см.: Миллер-2. С. 113—117). Более оправдано сопоставление имени Тугарина с общеславянским корнем «туг» в значении «обида», «гнет», «горе» (см.: Смирнов — Смолицкий-1974. С. 399). Истоки образа — в архаическом эпосе и в мифологии. *Не в любе живешь?* В других записях более определенно говорится о любовных отношениях между Тугарином и княгиней (см. вар. I, II). *Шелон земли греческой.* По-видимому, заимствование из былины «Добрыня и Змей» (см. примеч. к след. былине — к словам: «колпак земли греческой»). *Подвернулся под гриву лошадиную* и т. д. Мотив воинской хитрости, применяемой Алешей в поединке с Тугарином, здесь лишь намечен. Более определенно см., например, в сборнике Кирши Данилова: Алеша бросает Тугарину упрек в том, что тот будто бы привел с собой несметную силу; удивленный Тугарин оборачивается, и в этот момент Алеша наносит удар.

I. Миллер. № 40. Зап. в Донской области. Впервые — «Этнографическое обозрение». 1902. № 2. *Кленова стрела* — по-видимому, переделано из «калена стрела». *Овечин конь не ворухнется.* Судя по контексту, речь идет об Алешином коне.

II. Миллер. № 39. Зап. В. Богоразом от Соковикова, заимка Черноусова (Нижняя Колыма). Впервые — «Этнографическое обозрение». 1896, № 2/3.

Добрыня и Змей. Гильфердинг-1. № 5. Зап. от П. Калинина, дер. Горка (Повенец). Текст извлечен из большой сводной былины, включающей также сюжеты: Добрыня и Маринка, женитьба Добрыни, Добрыня, его жена и Алеша Попович. Одна из самых популярных былин, известна в большом числе записей из разных мест. В эпическом цикле о Добрыне может рассматриваться как рассказ о первом подвиге богатыря. В вар. сюжет предваряется вступлением о происхождении и детстве Добрыни (см. I). *Не езди-тко на гору Сорочинскую.* Гора Сорочинская упоминается в эпосе как место обитания вражеской силы, как фантастическая, чудесная; реальной географической привязки не имеет. *Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки.* Запрет вызван тем, что мать богатыря обладает вещим (хотя и неполным) знанием: ей ведома опасность, но неведом исход встречи с нею, и поэтому она не только предупреждает сына об угрозах, но и противится его намерениям. *О двенадцати змея было о хоботах.* Фантастический многоголовый змей (или змея) — типовой персонаж, широко представленный в мифологии, сказках, преданиях, архаическом и классическом эпосе народов мира; борьба героя со змеем — распространеннейшая тема мирового фольклора. В былинном змее (или змеé) либо непосредственно, либо в виде следов отражены архаические черты и функции: стража огненной реки (реки смерти; пограничной реки между человеческим и «иным» миром); «хозяина» стихий, гор и пещер; похитителя и поглотителя жертв. Побеждая змея в первый раз, Добрыня осуществляет роль культурного героя. *Захочу я нынь Добрынюшку целó сожру.* В другом вар. содержатся указания на то, что Змею предсказана гибель от Добрыни; при виде беспомощного богатыря он торжествует, думая, что предсказание не исполнится, например (Кирша Данилов. С. 183):

А стары люди пророчили,
Что быть Змею убитому
От молода Добрынюшки Никитича,—
А ныне Добрыня у меня сам в руках.

Колпак да земли греческой — монашеский головной убор. В том, что богатырь побеждает Змея не обычным оружием, а шапкой монашеской формы, исследователи усматривают символический смысл: шапка воплощает силу молодого христианизированного государства и превосходство его героев над язычеством (земля греческая — Византия). Некоторые ученые были склонны видеть в сюжете отражение факта крещения Руси, ссылаясь, в частности, на совпадение имени богатыря и дяди князя Владимира, участвовавшего, согласно летописи, в крещении новгородцев, отечества племянницы князя (Потятичны) и имени другого участника крещения новгородцев (Путяты), названия былинной реки (Пучай) и реки Почайны, в которой якобы крестили киевлян. Такая интерпретация, однако, не проясняет реального содержания былины; к тому же в ней есть натяжки и сомнительные моменты (см.: Миллер-1. С. 144—148). *Быдь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат* и т. д. Об обычае побратимства см. выше примеч. к былине «Святогор». В данном случае речь идет о договоре побратимства-посестримства. В дальнейшем Змей нарушает договор, что в былинах рассматривается как серьезное преступление. *Ухватила тут Забаву дочь Потятичну.* Похищение змеем (либо другим чудовищем) девушки, дочери (или племянницы) царя, князя и т. д.— широко известный мотив мирового фольклора. В историко-типологическом плане ему предшествует мотив регулярного принесения змею в жертву девушки ее соотечественниками; спасение девушки от жертвоприношения, а позднее — от похищения, заточения, брака со змеем и т. п.— функция героя мифов, сказок, сказаний, легенд, а затем — и произведений литературы. В былине эта тема разработана в духе «историзации» архаических коллизий и мотивов, с включением их в круг событий, связанных с защитой Киева. Соответственно подвиг Добрыни приобретает государственную окраску. *А не пríжре матушка да тут сыра земля* и т. д. Здесь отражены древнейшие представления, согласно которым кровь убитых существ из «иного» мира земля может принять лишь после исполнения героями определенных магических действий и специального заговора. *Я бы назвала нынь другом да любимыим* и т. д. Согласно эпическим нормам отношений между персонажами, спасенная девушка выступает либо как суженая спасителя, как его любимая, либо должна стать его добычей. Диалог Забавы с Добрыней основан на переосмыслении этого мотива. *Роду христианского* — т. е. крестьянского.

I. Ончуков, № 59. Зап. от И. В. Торопова, дер. Рощинский ручей (Усть-Цильма).

Добрыня и Маринка. Гильфердинг-3. № 267. Зап. от И. Г. Третьякова, дер. Росляково (Кенозеро). *Добрынюшка-то стольничал... чашничал... у ворот стоял.* Этой формулой в былинах характеризуется служба некоторых богатырей при дворе князя Владимира. Судя по различным текстам, характеристики эти не отражают реального значения службы стольника, чашника и т. д. *Потравила та Маринка девяти ли молодцов.* В мифах, сказках, эпосе разных народов известен образ женщины-чародейки, привораживающей мужчин и затем умерщвляющей их либо превращающей их в животных (ср.: Сумцов Н. Ф. Былины о Добрыне и Маринке и родственные им сказки о жене-волшебнице//«Этнографическое обозрение». 1892, № 2/3. С. 143—169). В духе «историзации» архаических тем и персонажей эпоса события здесь привязаны к Киеву и к Добрыне. Некоторые исследователи полагают, что в имени чародейки отложились народные представления о Марине Мнишек, которую в песнях XVII в. изображали волшебницей и еретицей (ср.: Миллер-2. С. 288—298). *Добрынюшка-то матушки не слушался* и т. д. Причины, по которым

Добрыня, вопреки запрету матери, ищет встречи с Маринкой, а также характер отношений богатыря и волшебницы не вполне ясны и в разных текстах толкуются по-разному, иногда — прямо противоположным образом (см. вар. I, II, III, IV). Согласно наиболее прямолинейной трактовке, Добрыня намеревается жениться на Маринке (мотив мнимой суженой) и легко оказывается ее жертвой: в этой версии сюжета Добрыня ничем не отличается от своих предшественников — женихов, обращенных в туров. По другой версии, Добрыня идет, чтобы убедиться в справедливости всего, что рассказывают о Маринке: он ведет себя независимо, вызывающе, убивает (или изгоняет) Тугарина, но все же любовный заговор Маринки действует и на него, после чего он становится добычей волшебницы. *Она резала следочики Добрынюшкины* и т. д. Здесь воспроизводится любовный заговор на вырезанную из следа богатыря землю.

I. Гильфердинг-2. № 78. Зап. от Т. Г. Рябинина, дер. Середка (Кижи). В этой редакции далее: Добрыня предлагает Маринке идти за него замуж, она соглашается; венчание совершается «вокруг кустышка ракитова», а затем Добрыня казнит Маринку за любовную связь с «татарином поганым, Горынищем проклятыим».

II. Кирша Данилов. № 9. *А и божья крепко, вражья-то лепко.* Заключительная формула заговора, должная закрепить результат.

III. Гильфердинг-1. № 5. Зап. от П. Калинина, дер. Горка (Повенец).

IV. Киреевский-2. № 3. Зап. от неизвестного сказителя в г. Шенкурске (Архангельская губ.).

V. Гильфердинг-2. № 163. Зап. от И. Еремеева, дер. Кокорина (Кижи). *Она стала Добрынюшку обвёртывать* и т. д. Характерна серия последовательных превращений, которым Маринка подвергает Добрыню. То же самое происходит при расколдовывании.

Волх Всеславьевич. Кирша Данилов. № 6. *А понос понесла и дитя родила.* В этом мотиве отразились древнейшие тотемистические представления о животных-предках и о чудесном зачатии героя: согласно древним мифологическим представлениям, рождение от змея приносит герою особые качества волшебника и богатыря (сравнительную характеристику мотива см.: Жирмунский-1974. С. 24, 210—211). *Вольх Всеславьевич.* Имя героя связано с древнерусским «волхв» — колдун, кудесник; отчество совпадает с материнским, что может указывать на отсутствие у героя отца. *А и будет Вольх в полтора часа.* Быстрый рост и раннее проявление богатырских качеств — обычный мотив в героическом эпосе. Особенность его разработки применительно к герою: он «обучается» оборотничеству, становится великим охотником (см. особенно вар. I) и побеждает врагов с помощью волшебных качеств, что выделяет его среди других богатырей как героя архаического типа. *Индейский царь... царство Индейское... Про царя Салтыка Ставрульевича... царица Аздяковна.* Индия упоминается в былинах как эпически условная страна. Мотив похода в Индию — след древней разработки (поход героя в «иной» мир, в далекую землю). По-видимому, предшествующая форма сюжета содержала описание похода племенного вождя с целью захвата добычи и полона; позднее появились мотивы превентивного похода князя в соседнюю страну (см.: Пропп. С. 73—75). Имена царя и царицы отражают тенденцию присоединения былин к эпическому циклу о борьбе с татарами. *За щитом... взять* — взять войной. *Рыбий зуб* — моржовая кость; в былинах — предмет особенной красоты. Здесь имеется в виду подворотня из кости с прорезным орнаментом, возможно наделенная магической прочностью.

I. Гильфердинг-2. № 91. Зап. от К. И. Романова, дер. Лонгасы (Кижи). *Вольга сударь Буславлевич.* О Вольге см. ниже примеч. к былине «Вольга и Микула». *Левым зверём* — львом-зверем. *Науй-птица.* Одно из названий мифической птицы, обладающей чудесными качествами (также — Нагой-птица, Ной-птица, Могуль-птица и др.). *А ночесь спалось, во снях виделось... Сама спала, себе сон видела.* Пророческий сон жены (матери, сестры), предсказывающий гибель мужу (сыну, брату),— традиционный мотив в эпосе. Здесь под *пташицей* подразумевается Турец-сантал, под *вороном* — Вольга. Слова сантала означают: он не верит, что сон относится к нему, и адресует его самой царице.

Вольга и Микула. Гильфердинг-2. № 156. Зап. от И. А. Касьянова, село Космозеро (Кижи). *Мóлодой Вольгá Святославович* и т. д. В сознании сказителей Вольга и Вольх из предшествующей былины — одно лицо, но Вольге придан облик феодального князя, а черты кудесника и чудесного охотника сохранены в вар. лишь в виде следов. *Во тридцатыих.* Здесь у певца пропуск, который восстанавливается по тексту другого сказителя (Рыбников-1. № 3):

Жаловал его родный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя городами со крестьянамы
и т. д.

Шилом пяты, носы востры и т. д. Описание щегольской обуви пахаря перенесено из былины о Дюке, где оно относится к Чуриле (см. ст. 358—361). *Пожаловал меня... Тремя ли городами... еду к городам за получкою.* В реальной истории Древней Руси этому соответствует передача князю вотчины великим князем; получивший ее едет собирать дань. Установить, какие действительные города кроются за былинными названиями, исследователям не удалось (ср.: Миллер-1. С. 172—174). В вар. названия меняются. *Они подрубят-то сляги калиновы.* Здесь Микула предсказывает то, что происходит в дальнейшем, согласно одной из версий (Гильфердинг-1, № 45): мужики, узнав о приближении Вольги и Микулы,

Поделали мосточики поддильнии,
Поддильнии мосточки все калиновые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,—
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточки фальшивые,
А погинуло тут силушки да много тут.

Смородина — см. с. 499. *А грошов-то стало мало ставиться* и т. д. Денег становилось все меньше, а мужиков — все больше.

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Бунт Ильи Муромца против князя Владимира. Киреевский-4. № 7. Зап. в Архангельском уезде. *Никита Заолешанин.* Прозвище «залешане» встречается в других былинах применительно к богатырям-мужикам; возможно, происходит от Залесской (т. е. Ростово-Суздальской) земли.

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром. Гильфердинг-2. № 76. Зап. от Т. Г. Рябинина, дер. Середка (Кижи). *Не позвал... Ильи Муромца.* Причины конфликта богатыря с князем излагаются в разных редакциях сюжета по-разному: князь «забывает» о богатыре, «не учествует» (см. предыдущую былину), верит клевете бояр (см. вар. I), ему не нравится прямота высказываний богатыря и др. *Он не знает, что ведь сделати* и т. д. В вар. Илья в противовес княжескому пиру устраивает свой пир с «голями кабацкими» — на городской площади возле теремов князя. *На церквах-то он кресты вси да повыломал.* В вар. Илья сбивает «золоченые маковки» с княжеских «теремов златоверхиих». Ср. также: «С колоколов языки-то он повыдергал» (Парилова — Соймонов. № 2).

I. Григорьев-2. № 55. Зап. от И. Д. Сычова, дер. Сояна. Текст — первая часть былины, далее сюжет развивается как одна из редакций былины «Илья Муромец и Калин-царь».

II. Гильфердинг-1. № 47. Зап. от Н. Прохорова, дер. Буракова (Пудога). *Братец мой крестовыи.* Об обычае побратимства см. примеч. к былине «Илья Муромец и Святогор», вар. II, с. 498.

Илья Муромец и Калин-царь. Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева/Подг. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. № 1. Зап. в Петрограде в 1921 г. *Владимир-князь... С Ильей Муромцем да й порассорился.* В некоторых вар. о ссоре рассказывается подробно, эпизод разрабатывается в духе былины «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». С заточением богатыря связывается решение татар напасть на Киев (Гильфердинг-2. № 257):

Да прошел туто слух по всем землям, по всем ордам,
Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеве во городе
Славного бога́тыря Ильи Муромца.

Она видит — дело есть нехорошее и т. д. Мотив помощи заточенному герою со стороны дочери царя (князя и т. п.) известен в эпосе тюркском, южнославянском и др. Девушка, принадлежащая враждебному лагерю, помогает герою освободиться, бежит вместе с ним, становится его женой и т. д. *Улицы стрелецкие.* Стрельцы появились на Руси в XVI в. В данном случае имеется в виду требование убрать из Киева военную силу. *А дает он ему строку* и т. д. В других вар. татарский царь может вовсе отказать в отсрочке либо свести ее до минимума (см. далее былину «Камское побоище»). *Литва поганая... собаки царя Калины.* В былинах постоянно объединяются или дублируют друг друга «Литва», «земля Литовская» и «татары», «Орда», совпадая в общем понятии иноземных захватчиков, «чужой» земли. *Крестовый... батюшка... Сампсон... Самойлович.* В вар. также: Самсон Колыбанов, Колыванович. Персонаж под такими именами в разных сюжетах возглавляет богатырскую дружину, которая сначала уклоняется от участия в защите Киева. Возможно, что в нем отложились следы представлений о старших богатырях Самсоне — Святогоре. Самсон упоминается также в других былинах в составе дружины Ильи Муромца. *Его добрый конь тут богатырскии* и т. д. Мотив, согласно которому богатырский конь не может исполнить третью задачу и предупреждает об этом хозяина, но тот не слушает и поэтому терпит временное поражение, известен в эпосе разных народов. В тюркском эпосе подобная слабость коня мотивируется тем, что богатырь взял его в поход до срока, не дождавшись полного его роста.

I. Кирша Данилов. № 25. *Могозея* — искаженное название Мангазеи, города в Сибири, вероятно внесенное сибирскими певцами: пример

позднего и не обоснованного исторически включения в эпос географической реалии. *Связали ему руки белые.* Илья Муромец изъявляет готовность отвезти Калину подарки от Владимира; Калин бранит Илью, и тот требует, чтобы татары ушли от Киева, после чего Калин велит схватить богатыря.

II. Киреевский-4. № 6. Зап. в Архангельском уезде. *Батый* — в публикуемом вар. заменяет Калина-царя.

III. Гильфердинг-2. № 75. Зап. от Т. Г. Рябинина, дер. Середка (Кижи).

Илья Муромец, Ермак и Калин-царь. Гильфердинг-2. № 105. Зап. от А. В. Сарафанова, дер. Гарницы (Кижи). *Ермак Тимофеевич.* Ермак вошел в цикл былин о татарском нашествии как герой преданий и исторических песен XVI—XVII вв.; представляет в эпосе тип юного богатыря, безоглядно рвущегося к подвигу.

I. Киреевский-4. № 6. *Чудны иконы по плавь реки.* Обычай избавляться от ветхих икон, сплавляя их по воде, был законным и наиболее распространенным. В данном случае речь идет об уничтожении тем же способом всей массы икон, т. е. обычай принимает форму кощунства. *Уж давно нам от Киева отказано.* Здесь след мотива ссоры богатыря с князем (см. предыдущие былины). *Поезжали ко Батыю с подарками.* После передачи подарков и отъезда Ильи Муромца к богатырям повествование в этой редакции развивается как в былине «Илья Муромец и Калин-царь».

Камское побоище. Григорьев-2. № 91. Зап. от С. Г. Шуваева, дер. Нижи. *А у вас-де-ка нынче на святой Руси И какой-то есь стар казак Илья Муромец?* и т. д. Диалог Баканища и Ильи Муромца и их поединок перенесены из былины «Илья Муромец и Идолище». *Была бы у нас на нёбо-то листница* и т. д. Именно мотивы хвастовства и драматических его последствий выделяют былину «Камское побоище» среди других былин о татарском нашествии. Для этой — определяющей — части сюжета устойчивы подробности: хвастают богатыри, не участвовавшие в основной битве и принадлежащие к социальным верхам; хвастовство выражается в вызове «силе небесной» и в готовности совершить подвиг в масштабах всей земли; побитая сила оживает и от ударов богатырей удваивается в числе. Развязки в этой былине различны (ср. вар. I, II, III). *И проздравляём-то мы вас с Камским-то побоищом.* Под этим названием битва упоминается и в других вар. По предположению исследователей, слово «Камское» произошло из «Калкское», и, следовательно, в основе былины лежит сказание о битве на реке Калке 1223 г., закончившейся поражением русских князей. В вар. встречается также «побоище Мамаево». По другим предположениям, в названии битвы отразились походы князей на Каму.

I. Астахова-1. № 44. Зап. от А. И. Палкина, село Большие Нисогоры. *Силушку Кудреванкову* — см. ниже былину «Васька Пьяница и Кудреванко-царь».

II. Григорьев-2. № 64. Зап. от Е. К. Мелехова, дер. Сояна. *Еще тут приехало два братёлка.* Действие происходит у князя Владимира, куда после победы приезжает Илья Муромец с богатырями.

III. Григорьев-3. № 90. Зап. от Е. В. Бешенкина, дер. Юрома. *Как будили дружину.* В этом вар. богатыри напиваются после победы и ложатся спать. *Окаменел Илья.* Мотив окаменения героев (заключения их в горы, в пещеры) известен в героическом эпосе и в преданиях других народов. С ним связаны и представления о возрождении окаме-

невших героев и возвращении их в решительный для судьбы народа час.

Василий Игнатьевич и Батыга. Гильфердинг-1. № 60. Зап. от И. Фепонова, дер. Мелентьевская (Пудога). *А й выходила-то турица златорогая* и т. д. Мотив предсказания несчастья Киеву встречается в такой форме только в этой былине. Древняя его основа связана с культом туров у славян, с верой в особую магическую силу и вещие способности туров — диких быков (см.: Липец Р. С. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах//«Славянский фольклор». М., 1972. С. 98 100). На эту мифологическую основу наслоились поздние религиозно-христианские представления (в вар. девица — это богородица, оплакивающая предстоящую гибель Киева; богородица считалась покровительницей Киева; возможно, что былинный образ восходит к мозаичному изображению богородицы на стене Софийского собора — «Нерушимой стене». Ср.: Миллер-1. С. 312—315). Дальнейшее содержание былины оказывается опровержением зловещих предзнаменований. *Книга Леванидова* — священная книга (об эпитете «Леванидов» см. примеч. на с. 499). *Батыга.* Можно в этом имени видеть отголосок имени Батыя, что, однако, не дает оснований усматривать в былине отклики на реальные события. В других вар. вместо Батыги упоминаются имена, не поддающиеся исторической идентификации. *Со черным дьячком да со выдумщичком.* В других вар. также: думный дьячок, вор-выдумщик. В былинах так обозначается высокое должностное лицо при татарском царе. Термин взят из практики древнерусского канцелярского делопроизводства (правильно: дьяк). *Голь кабацкая* — так называли в XVI—XVII вв. пьяниц из народных низов, бродяг, беглых, мастеровых, нищих (ср. выше былины: «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» и «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром»). Таким образом, Василий Игнатьевич характеризуется как богатырь самого низкого социального положения. *Убил-то Василий три головушки* и т. д. Этот эпизод может быть сопоставлен с эпизодом из древнерусской повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г.: здесь некий московский суконщик Адам «с Фроловских ворот пусти стрелу... уби некоего от князей ордынских, славна суща, иже велику печаль сотвори Тахтамышу и всем князем его» (Русские повести XV—XVI веков/Составитель М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 40). *На ты лясы́ Батыга приукинулся* — поверил словам, принял за чистую монету. *Ай чистые поля были ко Опскову* и т. д. Образец балагурной припевки, не связанной с сюжетом. В тексте есть местные мотивы, содержащие насмешливые отзывы о жителях некоторых районов Русского Севера. *Пудожаночки, лёшмозёрочки, пошозёрочки* — жительницы Пудоги, Лекшмозера, Почозера (Карелия).

Васька Пьяница и Кудреванко-царь. Григорьев-3. № 33. Зап. от И. А. Тяросова, дер. Дорогая Гора. *Буян-остров* — эпический и сказочный остров, где находятся чудесные предметы или обитают фантастические существа и могут совершаться необыкновенные действия. *Шахов, Ляхов* — названия вымышленных городов со значением далеких, глухих; иногда связываются с «землей Ляховинской». Названия происходят, вероятно, от древнерусских слов «чехи», «лехи» («ляхи») — с утратой реального значения. *Панове, уланове* — в былинах этими словами обозначается окружение вражеского царя; возможно, они порождены временем польско-шведской интервенции начала XVII в.

I. Ончуков, № 4. Зап. от Ф. Е. Чуркиной, дер. Чуркина (Усть-Цилемская вол.). *Иконы да на поплав воды.* См. примеч. к былине «Илья

Муромец, Ермак и Калин-царь» (вар. I, с. 508). *Как и еду ле я с вами в стольно-Киев-град* и т. д. Здесь намечается иной поворот сюжета: Васька Пьяница в союзе с татарами и идет с ними на Киев. В тексте подчеркнута антибоярская направленность действий Васьки. *Скурла* — в данном тексте имя главы татарского войска.

II. Ончуков. № 18. Зап. от А. Д. Осташовой, дер. Боровая (Усть-Цилемская вол.). Этот вар. отличается финалом: после победы над татарами (как в основном тексте) князь предлагает Василию «города с пригородками», он же просит права «пити-де вино везде безденежно». Бояре хотят выгнать Ваську («боле Васинька не надобно»):

Как скочил-то Василий на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровые,
Он убил всех бояр да толстобрюхиих.

III. Григорьев-1. № 69. Зап. от В. Чащина, дер. Городец (Пинега). Временный переход Васьки на сторону татар мотивируется здесь тем, что «богатыри» бранят его за убийство Кудреванки. *Не дам я вам... Прожиточных христьян да во свою веру ввести.* Последний ст. не на месте, он должен следовать за ст., относящимися к князю и княгине. Богатырь согласен прибить только князей и бояр.

Михайло Данилович. Григорьев-3. № 39. Зап. от Ф. П. Рюмина, дер. Тимшелье. *Позволь мне-ка снять платьё богатырскоё.* Уход богатыря в монастырь не влечет за собой отказа от мирских забот. Характерно, во-первых, что отец слагает с себя богатырские обязанности и передает их растущему сыну (тема смены поколений) и, во-вторых, что он продолжает наблюдать за сыном и помогать ему. *Да от роду мне только четырнадцать лет.* Богатырь-малолеток — типовой персонаж героического эпоса ряда народов. Обычно герой этого типа вынужден (или хочет вопреки предупреждениям) выступить на богатырском поприще ранее указанного ему срока, когда формирование его как богатыря не завершено (см. след этого мотива в вар. I). *Ко камешку ко Латырю.* См. выше примеч. к былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник». См. также былину «Исцеление Ильи Муромца»: здесь под камнем находятся и снаряжение, и конь богатыря. *А-й не заезжай ты... в серёдочку* и т. д. Предупреждение об опасности, ожидающей богатыря именно в середине враждебной силы, и о необходимости сохранять осмотрительность в бою — типовой мотив героического эпоса разных народов. В данном случае он вызван тем, что малолетний богатырь отправляется на подвиги раньше положенного срока. *Схватили тут Михайла* и т. д. Ср. выше аналогичный эпизод в былине «Илья Муромец и Калин-царь». *Ищёт тут он да своего сына.* В подтексте этого эпизода — убеждение отца, что сын нарушил его предупреждение и погиб. *Уезжай ты, татарин* и т. д. Неузнавание близкими людьми друг друга, возникающий на этой почве конфликт, узнавание по метке на теле, по имени — распространенные мотивы героического эпоса.

I. Рыбников-3. № 22. Зап. от карела В. Лазарева, дер. Кяменицы (Повенец). *Взял из погреба коня батюшкова* и т. д. Здесь наиболее отчетливо выражена идея преемственности двух поколений богатырей — отца и сына; согласно эпической традиции, сын одновременно превосходит отца («латы ему тесноваты», «сабля легковата») и уступает ему в мудрости и воинском искусстве. В финале Михайло встречает отца в облике богатыря-калики; отец признается ему, что считал сына убитым и хотел отомстить за него татарам — «обкровавить свои... старческие платьица пустынные».

II. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским//«Труды музыкально-этнографической комиссии». М., 1911. Ч. 2. № 30. Зап. от П. Ф. Коневой, село Кузомень (Терский берег).

Василий Казимирович и Добрыня. Григорьев-3. № 54. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище. *Съезди-тко, Васильюшко, во Большу орду* и т. д. В рамках эпически условного сюжета исторически реальным выступает мотив отсылки дани Владимиром в Орду: такая практика установилась в XIV в., а до того дань передавалась на местах баскакам — уполномоченным Орды. Прекращение выплаты дани произошло при Иване III, во второй половине XV в. В былине превращение татар в данников Киева с реальной историей не согласуется. *А есь ле у вас да таковы стрельцы* и т. д. Предложение царя устроить состязание плохо мотивировано. Одна из возможных мотивировок — та, что царь рассчитывает, победив послов, восстановить взимание дани. *А надеюсь... на молоды Добрынюшку на Микитича.* В эпосе (как и в сказках) типовым является персонаж, выполняющий вместо главного героя трудные задачи.

Наезд литовцев. Рыбников-1. № 73. Зап. от неизвестного крестьянина-лодочника, дер. Шальский погост (Пудога). Впервые — «Олонецкие губернские ведомости». 1860, № 35. С. 141. Ст. 56 и 68 исправлены по газетной публикации (вместо «второму» — «третьему»). *На Паневе было, на Уланеве.* Эти географические названия произошли от «панове, уланове» (см. выше примеч. к былине «Васька Пьяница и Кудреванко-царь», с. 509). Ср. в другом тексте (Рыбников-1. № 74):

Во той земли, в хороброй Литвы,
У Цимбала короля литовского,
Как было столованье — почестен пир
На своих-то на пановей,
На пановей, на улановей.

Два Ливика, Королевскиих два племянника. В вар.: «два витвичка», «витники». Некоторые исследователи считают первичной именно эту вторую форму, выводя ее либо из испорченного «Витовт» (имя литовских князей), либо из чешского vítnik — витязь, удалец. По другому толкованию, «королевские племянники» — это польские князья, братья Лешко и Конрад Казимиричи, действовавшие против русских князей в конце XII — нач. XIII в. (ср.: Жданов-1895. С. 507—516). В любом случае Ливики — персонажи вымышленные, ассоциируемые с западными врагами Русской земли. *Чимбал-король* (также Цимбал, Цумбал и др.). И титул, и имя персонажа вымышлены (в вар.: «король земли Польскии»). *Поедем мы... на почестный пир.* Здесь пир — метафора битвы. *Князь Роман Митриевич.* Персонаж с тем же именем и титулом (с различными отчествами) известен в балладах и упоминается иногда в других былинах. Имя Роман в эпосе стало типовым. Попытки возвести былинного героя к историческим лицам — галицкому князю Роману Мстиславичу (XII — нач. XIII в.) или Роману Брянскому (XIII в.) не могут считаться доказательными, хотя не исключено, что выбор имени героя был частично подсказан воспоминаниями об этих лицах (ср.: Жданов-1895. С. 425—523). *Во землю во Левонскую* — эпическое воспоминание об исторической Ливонии. В других. вар. король предлагает также напасть на «Индию богатую», «Корелу проклятую», на «Золотую орду» и др. Исторические реалии в былине в преобладающем своем составе ведут к западным обла-

стям и западным соседям Руси. *Черных мужичков повырубили.* Черные мужички в былинах — это народ, основная масса сельского и городского населения («черные люди»), более всего страдавшие от чужеземных набегов. *Полонили оны... Настасью Митриевичну.* В вар. она выступает как жена, сестра, племянница героя. Мотив, согласно которому главной целью вражеского наезда является захват в плен жены (сестры) богатыря, находящегося в отсутствии, типичен для героического эпоса разных народов. В вар. (Рыбников-1. № 75) племянники обещают королю:

Явим тебе выслугу великую —
Привезем Настасью Митриевичну
И с малым со отроком с двумесячным.

Кидайте на реку на Смородину. О реке Смородине см. с. 499. В былине о наезде литовцев Смородина — вещая река. В вар. Роман отбирает дружину, испытывая воинов питьем воды: он берет «силу», которая пьет из шлемов. *Тыя жеребья против быстрины пошли* и т. д. По-видимому, правильнее это место передано в тех вар., где надежной признается дружина, чьи жребии пошли против течения, «встрет воды», «встречу быстрин» (Гильфердинг-1. № 42, 61). *Сам князь обвернется серым волком* и т. д. По-видимому, эта подробность перенесена из былины «Волх Всеславьевич». *Ты, безглазый, неси безногого.* Мотив «хромец на слепце» принадлежит мировому фольклору и встречается в древней и средневековой литературе; известен он и по другим былинам (ср.: Жданов-1895. С. 475—476).

Сухман. Рыбников-1. № 6. Зап. от неизвестного крестьянина-лодочника, дер. Шальский погост (Пудога). К былине восходит воинская повесть о Сухане XVII в. (текст и исследование см.: Малышев В. И. Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956).

I. Малышев В. И. Ук. соч. С. 153. Зап. от старика-нищего с Сузинского завода (Алтай) в серед. XIX в. Впервые (с редакторскими поправками) — Тихонравов — Миллер. № 54. Алтайская версия былины характерна отсутствием конфликта богатыря с князем, в этом отношении она ближе к воинской повести о Сухане.

Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле. Тихонравов — Миллер. № 16. Исполнитель и место записи неизвестны. Впервые — «Живая старина», 1890, № 1. *Хвалунское* — Хвалынское, т. е. Каспийское. *Желтых песков не хватывал* — не причаливал к песчаному берегу. *Хорошо Сокол-корабль изукрашен был* и т. д. Эпически приукрашенное описание корабля основано на том, что передняя часть древних судов обрабатывалась в форме голов людей, зверей, чудовищ, украшалась резьбой. *Три церкви соборные* и т. д. По сведениям собирателей, былина на этот сюжет исполнялась в XIX в. как обрядовая песня. В Енисейском округе ее исполняли как колядку, при этом носили бумажную «звезду», на которой были изображены корабль (нос его — в виде змея), богатыри, три церкви, солнце и месяц, турецкий город, турки в лодках. Возможно, что «церкви соборные» появились в результате переосмысления традиционного для христианской символики изображения церкви в виде носящегося по морю корабля (ср.: Миллер-3. С. 346—349).

I. Миллер, № 18. Зап. от М. Кривогорницына, дер. Походская (Колыма). Впервые — «Известия Отделения русского языка и словесности АН». 1900. Т. 5, кн. 1. С. 75. Припев после каждой строки: «Сдудина ты, сдудина! Сдудина ты, сдудина!»

II. Тихонравов — Миллер, № 17. Зап. на Урале. Впервые — Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков: 2-е изд. Спб., 1888. Т. 3. С. 123.

Илья Муромец и сын. Григорьев-3. № 16. Зап. от А. Е. Петрова, дер. Дорогая Гора. Одна из самых сложных по содержанию былин. В основной редакции сюжет развивается до того момента, когда Илья Муромец повергает противника («как расстегивал латы его кольчужные») в рамках традиционной эпической темы: герой, обороняющий родную землю, вступает в поединок с чужеземным нахвальщиком, угрожающим Киеву, терпит сначала неудачу, затем получает дополнительную силу и побеждает. Существенными для этой части сюжета являются картины богатырской заставы (см. особенно вар. II), мотивы похвальбы и угроз чужеземца (вар. II), неспособность кого-либо из богатырей, кроме Ильи, противостоять ему (вар. III). *Называл его сыном... любимыим.* Тема боя отца с сыном, не узнающих друг друга, принадлежит мировому эпосу (иранский, древнегерманский, кельтский, эстонский). В былине весь дальнейший ход событий окутан загадочностью; неясны мотивы поведения Сокольника. Неясным становится и предшествующее содержание: почему сын Ильи Муромца выступает как враг Киева? Частично эти загадки разъясняются через другие редакции сюжета.

I. Григорьев-3. № 64. Зап. от И. А. Чупова, дер. Кильца. Особенность этой редакции — изложение обстоятельств рождения Сокольника и частичное объяснение мотивов его поведения. *Баба Златыгорка.* В вар. также Латыгорка, Семигорка и др. Она представляет «чужой» мир, и брак Ильи с нею носит временный характер. *Сокольник.* Здесь и в ряде других текстов — богатырь-малолеток; подобно другим богатырям, его отличает фантастически быстрый рост. *Он задумал съездить взять ведь... Киев-град.* Принадлежность к «чужому» материнскому роду определяет положение Сокольника как врага Киева. В соответствии с былинной традицией он наделяется чертами татарского воина-богатыря; изначально, однако, выезд Сокольника на Русь мотивировался по-другому, и эта мотивировка сохранилась в некоторых редакциях: сверстники дразнят Сокольника «заугольником» (безотцовщиной), он добивается от матери признания относительно своего рождения и едет, чтобы отомстить отцу за свой позор. Таким образом, в пределах одной былины сталкиваются мотивы, относящиеся к разным историческим эпохам и стадиям эпического творчества: так возникают разные версии мотива «конфликт отца с сыном».

II. Ончуков. № 1. Зап. от Ф. Е. Чуркиной, дер. Чуркина (Усть-Цилемская вол.). *Тридцать-то было богатырей* и т. д. Персонажи, упоминаемые здесь, встречаются в других былинах: Самсон Колыбанович — в былине «Илья Муромец и Калин-царь»; Мишка Торопанишко — возможно, то же лицо, что Таракашка в былинах «Данила Ловчанин» и «Царь Соломан и Василий Окулович»; Пермя Васильевич — может быть, Бермята из былины «Чурила и Катерина»; Потанюшка, Лука и Матвей — в составе дружины Василия Буслаева; Лука и Матвей — также в «Камском побоище»; Скопин — герой исторических песен XVII в. Для перечня участников богатырской дружины (который встречается и в других сюжетах) характерно, что певцы почти не учитывают той роли, в какой эти персонажи выступают в других былинах. *Не знай зверь*

там бежит и т. д. В образе Сокольника есть черты мифического охотника, атрибутами которого являются дикие звери и птицы. О мифологических связях богатыря говорит образ орла, живущего на скале в море.

III. Киреевский-1. № 1. Зап. в Шенкурском уезде (Архангельская губ.). *Неладно, ребятушки, положили* и т. д. Здесь и в других вар. отвод Ильей Муромцем богатырей делается по их качествам как личного, так и социального порядка («боярские роды хвастливые», «поповские глаза завидущие»),— редкий в русском эпосе пример заострения социально-психологической характеристики богатырей.

IV. Григорьев-3. № 4. Зап. от В. Я. Тяросова, дер. Дорогая Гора. Эпизод убийства матери отсутствует, сразу следует рассказ о покушении Сокольника на спящего Илью.

Константин Саулович. Кирша Данилов. № 26. *Царь Саул Леванидович* (в вар. I — Саур Ванидович). Имена персонажей и названия земель указывают на то, что описываемые события относятся к «чужой» истории. Исследователи без достаточных оснований видели в былине заимствование — из византийского или тюркского эпоса. Скорее всего, это один из немногих былинных сюжетов, выходящих за пределы национальной исторической тематики (ср. также «Царь Соломан и Василий Окулович»); содержание и персонаж — вымышленные. *Завела его матушка* и т. д. Перенесение эпизода из былины «Василий Буслаев и новгородцы». *Только у матушки выспросил* и т. д. Сюжет развивается здесь по той же схеме, что и сюжет былины «Илья Муромец и сын», но с другим смыслом: Константин отправляется на поиски отца, согласно воле последнего, для совместных подвигов; затем развертывание сюжета идет по схемам, обычным для былин о подвигах русских богатырей: выбор наиболее опасного пути, встреча с татарским войском и уничтожение вражеской силы. *Копати ровы глубокие* и т. д. Ср. выше сходный мотив в былине «Илья Муромец и Калин-царь». *Вислоухие, висячие* — разини, простофили. *Углич.* Упоминание города Углича составляет одну из загадок былины. Гипотетичным остается предположение о том, что в былинных эпизодах преломились воспоминания о расправе с угличанами, вызванной смертью царевича Димитрия в 1591 г. (см.: Миллер-1. С. 450—451). *Царя в Орде, короля в Литве.* Уподобление этих двух земель является типовым для былин.

I. Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях/Подг. текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1. № 17. Зап. в селе Станишном (Симбирская губ.) в 1830-е гг. Впервые — Киреевский-3. № 1. *Выползала змея лютая* — след мотива чудесного зачатия от змеи (ср. былину «Волх Всеславьевич»).

Михайло Козарин. Григорьев-1. № 20. Зап. от М. Е. Лобановой, дер. Пильегоры (Пинега). *На роду Козарина испортили* и т. д. «Порча» (в вар.: «на родинах, на крестинах»), вследствие которой Козарин оказывается вне родной семьи,— типичная в ряде вар. подробность. В других вар. причины нелюбви родителей и отлучения сына от дома излагаются неопределенно и противоречиво. За всеми мотивировками кроется архаический подтекст, раскрываемый путем сравнительного анализа сюжета: над Козарином и его сестрой висит угроза предуказанного инцеста, они — суженые; родители как бы предвидят эту опасность и хотят предупредить ее, разлучив детей. В ходе эволюции сюжета появляются поздние мотиви-

ровки: сына «испортили», невзлюбили, отдали на воспитание чужой старухе; дочь похитили татары, разбойники. *Я скажу тебе да три словечушка* и т. д. Слова вещего ворона свидетельствуют о предуказанном характере дальнейших событий. В вар. ворон прямо предупреждает Козарина о встрече с суженой и о том, что она не станет его женой. *Косы сама да приговариват* и т. д. Жалобы девушки на свою участь оформлены в виде обрядового плача невесты. Коса — символ девичества; расчесывание, заплетение и расплетение косы составляли значимый элемент русского свадебного обряда; изображение полонянки как несчастной невесты, а плена — как трагического брака обычно для славянских песен о татарском (турецком) полоне. *Сам большой татарин девку утешал* и т. д. Похитители выступают в роли женихов, состязающихся за право владеть девушкой. Козарин в этом контексте — также один из претендентов, побеждающий своих соперников. *Он стал у девицы стал выспрашивать.* В ряде редакций (в том числе см. вар. III) расспросам предшествует попытка Козарина овладеть девушкой: в этом мотиве сохраняется след архаического замысла (инцест брата—сестры); узнавание снимает угрозу инцеста.

I. Марков. № 102. Зап. от Ф. Т. Пономарева, дер. Верхняя Зимняя Золотица. *Его дразнят тут маленьки ребятушка... Да пошел наш Козарушко искать батюшка.* Здесь Козарин напоминает Сокольника («Илья Муромец и сын») и Константина Сауловича (в одноименной былине). *Еще тут же пригласил да Козарушка Петровича.* В ряде вар. обычно примирения Козарина с родителями не происходит.

II. Григорьев-3. № 43. Зап. от С. В. Рычкова, дер. Тимшелье.

III. Григорьев-1. № 121. Зап. от А. А. Завернина, дер. Карпова Гора (Пинега). *Полонили матку каменну Москву, Да доставалася девица трем татаринам.* След старого мотива: набег на город или страну совершается ради захвата одной женщины.

IV. Григорьев-1. № 112. Зап. от М. Смоленской, дер. Лохново (Пинега). *Поедём-ка, да доброй молодец... да повенчаемся.* Согласно эпической традиции, девушка признает в своем освободителе жениха. *Брат-от на сестры не жонится.* Эпические нормы повествования не требуют объяснения, как Козарин узнает в полонянке свою сестру.

V. Гуляев. № 16. Зап. от Л. Тупицына, г. Барнаул. Впервые — Тихонравов — Миллер. № 41.

Королевичи из Крякова. Гильфердинг-3. № 302. Зап. от Е. Я. Завала, село Ошéвенск (Кенозеро). *Кряков.* Попытки отождествить Кряков с. Краковом, а героев былины — с персонажами польской истории XVI в. очень слабо обоснованы (см.: Миллер-2. С. 307, 336). В былинах об Илье Муромце богатырь освобождает Кряков от захватчиков, встречается в Крякове с Идолищем и др. *Возговорит ворон по-человечески.* Как и в былине о Козарине, ворон здесь — вещая птица, сообщающая о предуказанной встрече. *Татарин касимовский.* Эпитет, вероятно, связан с Касимовским царством (XV—XVII вв.) на р. Оке. *Ты любезной мой брателко!* Узнавание братьев вносит несогласованность в сюжет: Василий Петрович одновременно выступает как герой, ищущий родных (см. вар. I), и как чужеземный воин-нахвальщик (ср. «Илья Муромец и сын»).

I. Астахова-2. № 135. Зап. от П. И. Рябинина-Андреева, дер. Гарницы (Прионежье).

II. Гильфердинг-2. № 136. Зап. от С. К. Неклюдиной, село Зяблые Нивы (Кижи).

ЭПИЧЕСКОЕ СВАТОВСТВО

Дунай Иванович. Григорьев-3. № 73. Зап. от А. П. Чуповой, дер. Кильца. *Потюрёмщичёк сидит... Дунай да сын Иванович.* Обстоятельства заточения Дуная излагаются в былине «Бой Добрыни и Дуная», возможно созданной позднее: здесь Дунай — приезжий богатырь, он раскидывает шатер иноземного образца и грозит русским богатырям; в борьбу с ним вступает Добрыня, богатыри не могут одолеть друг друга, их разнимает Илья Муромец. По одной версии, они становятся побратимами, по другой — Дуная привозят в Киев и Владимир заточает его (Смирнов — Смолицкий-1974. №№ 22, 23; Пропп — Путилов-1. С. 289). *Много служивал царям да и царевичам.* В эпической биографии Дуная неизменно подчеркивается его многолетняя служба в чужих землях, переходы от одного властителя к другому; чаще всего называется литовский король, иногда (вар. I) Золотая Орда. Возможно, эпос отразил здесь право феодалов на такие переходы, практиковавшиеся в Древней Руси. *Поезжайте за Опраксеей да королевичной... А князь-от Владимир да быв холопищо.* Намек на реальную практику династических браков русских князей и царей с иноземками. Известны такие браки и с литовскими княжнами. Однако попытки исследователей возвести былинный эпизод к конкретному историческому факту (сватовство князя Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде) не обоснованы (ср.: Миллер-1. С. 148—153). Есть основания говорить о влиянии эпических разработок темы сватовства на древнерусскую литературу, в том числе на летописные рассказы (ср.: Лобода. С. 240—241). Реплика короля литовского о том, что Владимир — «холопищо», лишь отдаленно напоминает зафиксированный летописью отказ Рогнеды, мотивируемый тем, что Владимир — «робичич», т. е. сын князя и рабыни; по существу же это — формульное былинное выражение, означающее высокомерное отношение иноземного короля к киевскому князю (ср. аналогичную реплику в былине «Иван Годинович», вар. II). *Вы бейте татаровьей.* Несообразность («татары» в «городе Ляховитском»), вполне обычная для былин, где названия «чужих» земель и этносов носят условно-обобщающий характер. *Кто-де за мной в сугон погонится, А тому от меня да живому не быть... А помнишь ли ты... Похожоно было с тобой* и т. д. Исконный архаический смысл коллизии в тексте несколько размыт. Суть ее в том, что мужем богатырки может стать лишь одержавший победу над нею в поединке; всякий борющийся с нею — претендент, каждый поединок — акт сватовства, победитель — суженый. Дунай, согласно подтексту,— суженый Настасьи. Между тем этот подтекст частично перекрывается в былине историей прежней любви и связи героев. Эта последняя тема подробно разрабатывается в балладе «Дунай и королева»: Дунай служит у литовского короля, вступает в связь с его дочерью, о чем узнают (Дунай сам хвастается на пиру); богатыря ведут на казнь, Настасье удается спасти его (подставить вместо него другого), помочь бежать (см.: Пропп — Путилов-1. С. 286). *Говорила тут Настасья* и т. д. Согласно эпическим представлениям, богатырка, однажды побежденная, утрачивает свои богатырские качества. Сюжет развивается через нарушение этого правила, однако главной причиной трагедии оказывается поведение богатыря, его спесь и упрямство. *Славной тихой Дон.* Дон — поздняя замена, имеется в виду, конечно, река Дунай (см. вар. I, IV). Замена подсказана тем, что в народных песнях Дунай и Дон часто упоминаются рядом. Эпизод чудесного возникновения реки в вар. толкуется по-разному: в вар. III река вытекает из крови богатыря, в вар. I — богатырь бросается в воду, отсюда происходит ее название; типична более общая форма — от Дуная «протекла» река Дунай (вар. IV). Раз-

личные толкования в конечном счете связаны с мифологическими представлениями о происхождении великих рек; в былине, несомненно, сохранились следы древнего общеславянского культа реки Дунай (ср.: Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии//Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110—171).

I. Кирша Данилов. № 11. *Еким сын Иванович.* Дунай получает в качестве помощника «молода Екима Ивановича, Который служит Алешке Поповичу». *А и ряженой кус — да не суженому есть.* Смысл фразы: Афросинья — суженая Дуная, но достается не ему. Это противоречит основному замыслу сюжета, предполагающему, что Дунай устраивает брак Владимира, а затем сам женится на своей суженой — второй из сестер — богатырке. *Везти за Дунаем золоту казну.* Несмотря на то что Дунай увозит Афросинью силой, ее отец посылает вслед богатое приданое. *И обрал у девицы сбрую всю* и т. д. Здесь Дунай совершает ритуал превращения богатырки в «обыкнбвенную» женщину, в послушную жену.

II. Гильфердинг-2. № 94. Зап. от К. И. Романова, дер. Леликово (Кижи).

III. Григорьев-3. № 80. Зап. от Л. К. Прокопьева, дер. Азаполё.

IV. Соколов — Чичеров. № 132. Зап. от А. Б. Суриковой, дер. Конда (Кижи).

Иван Годинович. Рыбников-3. № 23. Зап. от Т. Романова, дер. Пирзаковская (Пудога). *За синим морем... во городе да во Чернигове.* Обычное для былин нарушение реальной географии; в данном случае оно вызвано тем, что, в соответствии с эпической традицией, герой ищет невесту в чужой, дальней земле, т. е. если назван Чернигов, то он должен предстать в качестве далекого города. *У Дмитрия — гостя торгового.* Снижение социального статуса отца невесты — позднее привнесение, в старших редакциях он — чужеземный царь, король и проч. (см. вар. IV). *Захотелось мне... Настасью замуж мне взять.* Выбор невесты не мотивируется; можно предполагать, что в подтексте былины — Настасья — суженая Ивана Годиновича и богатырю ведомо, что она ему предназначена. *Ведь моя-то Настасья просватана* и т. д. В эпосе многих народов сватовство героя осложняется вмешательством претендентов, которые хотят захватить невесту, при этом герой отстаивает свое право на суженую (см.: Путилов. С. 125—190). Иван Годинович действует сам как нарушитель брачных норм; оправданием ему служит убеждение, что его суженую просватали «незаконно» и за противника Руси (см. вар. II, где князь Владимир толкует отказ как оскорбление его достоинства). *Как идет Настасья из бела шатра* и т. д. В большинстве вариантов поведение Настасьи толкуется как предательство по отношению к Ивану Годиновичу, продиктованное корыстью, но в подтексте есть намек на то, что Настасья полностью принадлежит «чужому» миру и не намерена его оставлять (см. примеч. к вар. IV). По логике сюжета, она мнимая суженая богатыря.

I. Гильфердинг-2. № 83. Зап. от Т. Г. Рябинина, дер. Середка (Кижи).

II. Кирша Данилов. № 16. *Честью не даст, ты и силою бери.* Далее рассказывается о втором приезде Ивана Годиновича в Чернигов; он забирает Настасью в тот момент, когда дружки царя Афромея Афромеевича привозят ей подвенечное платье. В заключительной части былины Ивана освобождает подоспевшая дружина; Афромея Афромеевича увозят к Владимиру, а Иван расправляется с Настасьей.

III. Григорьев-3. № 71. Зап. от А. П. Чуповой, дер. Кильца. *Тут пошел старой казак.* Роль свата выполняет Илья Муромец. *Всё из-за хлеба давают да из-за соли* и т. д. Имеется в виду, что дочерей других отцов выдают замуж с хлебом-солью, т. е. при обоюдном согласии, мирно.

IV. БПЗБ. № 104. Зап. от П. С. Пахоловой, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег). В образе невесты смутно проглядывают черты колдуньи; в вар. они иногда более определенны, невеста оказывается связанной с мифологическим миром, враждебным людям: «На головке у Авдотьи белы лебеди... На подножках у Авдотьи черны вороны» (Киреевский-3. № 1).

V. Гильфердинг-2. № 188. Зап. от А. В. Батова (Выгозеро). Борьба Ивана Годиновича с Кощеем описана здесь как богатырский поединок равных, со сменой оружия и заключительной победой русского богатыря. Стрела, посланная Кощеем из лука, взятого им у Ивана Годиновича, оборачивается «в груди татарские» благодаря заклинанию, которое произносит Иван.

VI. Рыбников-1. № 33. Зап. от Н. Прохорова, дер. Буракова (Пудога).

VII. Миллер. № 73. Казачья редакция. Зап. от Ф. Пономарева и В. Шамина, станица Щедринская (Терская обл.). Впервые — «Сборник для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1900. Вып. 27 С. 80.

Михайло Потык. Гильфердинг-1. № 39. Зап. от А. Тимофеева, дер. За́горье (Толвуй). *Испроговорит эта лань да златорогая: «За того я пойду в замужество»* и т. д. Начало былины развивается по обычным схемам эпических песен о сватовстве: герой встречает свою суженую на охоте (вар. III), во время набега (вар. II), она сама является к нему (вар. I). В данном тексте прослеживается архаический мотив предназначенности девушки тому, кто одолеет ее (ср. «Дунай Иванович»). Во всех вар. былины невеста принадлежит либо «иному» миру, либо чужой земле и обладает волшебными, колдовскими качествами. *Кто у нас да наперед помрет, Тому-то сесть да во сыру землю.* Правильно: «другому сесть». Как показали современные исследования, Марья лебедь белая в древней эпической традиции — существо, принадлежащее миру мертвых; цель ее — увести в этот мир мужа (см.: Новичкова Т. А. К истолкованию былины о Потыке//«Русская литература». 1982, № 4. С. 154—163). *Приплыло тут к ней змеищё-веретенище* и т. д. По древним представлениям, подземные змеи пожирали трупы. Победа над змеей приводит к оживлению умершего. В былине змеи служат героине (см. вар. III). В других вар. вместо змеи действует сама героиня, которую Потыку удается укротить. *Приезжает-то король да ведь Ляхетскии* и т. д. Нашествие врага с целью захвата одной женщины — типовой мотив эпоса. Начиная с этого эпизода, действие развивается в соответствии с противоположными замыслами героев: Потык ведет борьбу за возвращение жены, не догадываясь о ее предательстве; Марья лебедь белая стремится осуществить свой замысел — увести мужа в царство смерти.

I. Гильфердинг-1. № 52. Зап. от Н. Прохорова, дер. Буракова (Пудога). *А у меня уста были поганые* и т. д. Готовность Марьи приобщиться к киевскому миру — уловка, в действительности она остается колдуньей и «чужой». В вар. Потык после женитьбы получает от князя задание — ехать к Вахрамею Вахрамеевичу, отцу Марьи, с данью. Потык вызывает царя играть в шахматы, обыгрывает его, накладывая на про-

игравшего огромную дань в пользу Киева; известие о смерти жены заставляет Потыка вернуться домой (см. вар. IV).

II. Григорьев-3. № 70. Зап. от А. П. Чуповой, дер. Кильца. *Ракитов куст... у змеи есь да дети малые.* Ракитов куст в фольклоре связан с миром умерших. К тому же миру принадлежит змея, которой помогает Потык. Спасение змеи из огня — популярный мотив в фольклоре. Почему Марья противится действиям Потыка, выясняется позже: когда Потык в первый раз настигает Марью, увезенную иноземным царем, и по ее приказанию его привязывают к дубу, змея освобождает богатыря.

III. Марков. № 8. Зап. от А. М. Крюковой, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег).

IV. Гильфердинг-1. № 6. Зап. от П. Калинина, дер. Горка (Повенец). *Наезжае было царь Бухарь заморскии* и т. д. Характерная тенденция к включению былины о сватовстве в цикл сюжетов на тему борьбы против татар; это никак не влияет на основное развитие сюжета. Возможно, весь эпизод — переработка мотивов былины «Василий Казимирович и Добрыня» (см. также примеч. к вар. I).

V. Григорьев-2. № 65. Зап. от Е. К. Мелехова, дер. Сояна. *Отправились да в путь-дорожечку.* Затем Потыка освобождает змея, он догоняет беглецов и вновь поддается «на бабьи прелести»; на этот раз его закладывают в камень и опускают в море, змея вновь выручает его; Потык догоняет Марью и Коршея и казнит их, а сам бросается на копье.

Хотен Блудович. Григорьев-3. № 69. Зап. от А. П. Чуповой, дер. Кильца. *Наливала чару зелена вина... Еще втапоре Овдотье за беду стало* и т. д. Сущность конфликта определяется различиями в социальном статусе женщин, которое в былине выражено в условной форме: очевидно, что Чусова (Часова) принадлежит к социальным верхам и кичится этим, Блудова — к низам (ср. вар. I). У Хотена особое положение: он богатырь. *Ведь когда был обсажон да стольне-Киев-град* и т. д. Попытка певцов включить Хотена в круг богатырей, боровшихся с татарами. *Я бы лучше вас родила девять кáменей* и т. д. См. вар. II, где смысл этого пожелания раскрыт более ясно. *Она ведь уж да роду царского.* Ср. вар. III, где Владимир ложно приписывает девушке княжеское родство.

I. Рыбников-2. № 22. Зап. от К. Романова, дер. Лонгасы (Кижи).

II. Ончуков. № 46. Зап. от Д. К. Дуркина, село Усть-Цильма.

III. Рыбников-1. № 44. Зап. от Л. Богданова, дер. Середка (Кижи).

IV. Киреевский-4. № 2. Зап. в г. Онеге (Архангельская губ.). Впервые — Известия-3. С. 377.

Соловей Будимирович. Гильфердинг-1. № 53. Зап. от Н. Прохорова, дер. Буракова (Пудога). *А мхи были, болота* и т. д. Запев, внешне не связанный с сюжетом, в разных вариациях типичен для былины о Соловье Будимировиче: он включает одновременно пейзажные зарисовки отдельных мест России и бытовые характеристики их обитателей, нередко шутливые. Одна из самых поэтических запевок — в сборнике Кирши Данилова (см. ниже примеч. к «Агафонушке»). *Волга мать-река... море Турецкое... смотрите славный Киев-град.* Маршрут корабля эпически условен. В других вар. называются еще вымышленные реки, земли и моря. *Да как тут в караблю было написанноё* и т. д. Изображение фантастически украшенного корабля типично для былин (см. «Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле» и примеч.). *Сóловей да сын Гудимирович.* Обычно в других вар.— Будимирович. *Меряйте-ка лудья морскито.* Отражение опыта севернорусских певцов: в их описаниях нередко соединяются черты северной и южной природы. *А есть как я с-за славного*

синя́ моря. Эти слова героя, так же как и некоторые географические названия («земля Веденецкая», «город Леденец», «море Веряйское»), позволили исследователям увидеть в Соловье Будимировиче чужеземца, приезжающего из Венеции, Исландии и др. (см. об этом: Пропп. С. 172—173, 574—575). Более основательно предположение, что он — русский купец, явившийся в Киев с заморскими товарами. Вар. вносят значительную путаницу в установление происхождения Соловья. Вполне оправдано понимание приезда издалека в символическом плане: герой — жених, согласно обрядовым правилам играющий роль заезжего (купца). *Позволь-ка еще А поставить-построить мне-ка три терема́* и т. д. Подобно женихам в сказках или в обрядовых свадебных песнях, Соловей строит чудесные терема; в вар. он строит их в саду девушки, иногда сад вырубается (символическая рубка сада невесты описывается в свадебных песнях). Имя героя также, возможно, связано со свадебной символикой: в песнях жених-соловей будит невесту (см.: Лобода. С. 134—146). *Надевайте... платьица лосиные... звериные.* Дружина Соловья уподобляется чудесным помощникам из сказок. В данном случае можно предполагать еще отражение следов тотемных связей героя с животным. *А возьми-тко меня ты за себя замуж.* Мотив «самопросватывания» может быть объяснен как выражение невестой признания того, что Соловей Будимирович, соорудив чудесные терема, выполнил трудную задачу, поставленную жениху (ср. сказки на эту тему), и подтвердил, что он — суженый; т. е. первоначально «самопросватывание» означало согласие невесты на брак. О выборе девушкой суженого поется в свадебных песнях.

Идолище сватает племянницу князя Владимира. БПЗБ. № 83. Зап. от Т. С. Кузьмина, дер. Тельвиска (Нарьян-Марский р-н, Печора). По-видимому, относительно поздняя былина, архаическую основу которой составляют мифы, сказки, сказания, известные в мировом фольклоре: чудовище требует в жены царскую дочь, герой спасает девушку и уничтожает насильника. В соответствии с общей тенденцией русского эпоса «мировая» тема переработана применительно к коллизиям былинного Киева. *Анну дочи Путятичну.* Племянница князя Владимира под разными именами фигурирует в ряде былин как невеста, как жертва Змея и др. *Как запечалился Владимир* и т. д. В соответствии с былинной традицией Владимир изображается беспомощным, неспособным оказать сопротивление насильнику. *Еще милости-де просим хлеба кушати* и т. д. В отличие от архаических сюжетов на тему увоза и спасения девушки, героиня сама организует свое спасение, богатыри лишь помогают ей. *По серёдочке чарочки огонь горит* и т. д. Типовая формула описания отравленного («сонного») питья.

I. Марков. № 49. Зап. от А. М. Крюковой, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег). Все начало соответствует эпическим песням и сказкам о невесте, которую особенно берегут и сватовство к которой сопряжено с выполнением чудесных задач.

II. Григорьев-3. № 100. Зап. от М. Г. Михашина, дер. Тиглява.

Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович. Соколов — Чичеров. № 150. Зап. от Н. С. Богдановой, г. Петрозаводск. Одна из самых популярных былин. Множество записей характеризуется разнообразием мотивировок и разработок узловых эпизодов; в лучших вар. особенное внимание уделено раскрытию внутреннего состояния героев и выявлению нравственно-психологических аспектов эпического конфликта. *Разгневались-то тут русские богатыри.* Мотивировки отъезда Добрыни в изве-

стных записях разнообразны (см. вар. I, II, где инициатива поездки принадлежит самому богатырю). В данном тексте завязку конфликта можно истолковать так: хвастовство Добрыни верностью жены вызывает возмущение; богатыри, окружающие Владимира, решают отослать Добрыню и в отсутствие его устроить испытание его жене. Дальнейший ход событий, однако, выходит далеко за рамки этого замысла. *Слезно плачется.* Необычная для богатыря реакция на княжеское поручение может быть объяснена тем, что Добрыне ведомы предстоящие испытания. *Ты жди того времечки двенадцать лет* и т. д. Установление определенного срока, в течение которого жена должна ждать мужа и по истечении которого может вступать в новый брак,— типовой мотив мирового фольклора: он составляет обязательную часть эпических и сказочных сюжетов на тему «Возвращение мужа на свадьбу своей жены» («Одиссея» Гомера, различные версии тюркоязычного эпоса об Алпамыше, французские поэмы о Карле Великом, южнославянские юнацкие песни, сказки типа азербайджанской «Ашик-Кериб», баллады). *Только не ходи-ка ты... за смелого Алешу за Поповича.* Мотивировки запрета здесь и в вар. IV — результат исторической эволюции сюжета. В других редакциях запрет мотивируется тем, что Алеша — побратим Добрыни: «За Олешеньку Поповича не ходи, Мне Олешенька да ведь крестовый брат» (Смирнов — Смолицкий-1974. № 61). Этот мотив восходит к более архаическому, согласно которому претендентом на роль второго мужа выступал один из родственников (братьев, членов рода) героя. Этнографическую основу его составляет обычай левирата, требовавший, чтобы женщина после смерти мужа становилась женой его брата. В эпосе реальный обычай переосмысляется и обращенная форма его составляет теперь зерно конфликта: притязания «брата» расцениваются как нарушение нравственных норм общества и сам нарушитель изображается как незаконный жених и враг героя. *Прилетели тут голубь со голубкою* и т. д. См. вар. VII: о свадьбе сообщает конь; Добрыня с эпической быстротой возвращается домой. В эпосе и сказках других народов устойчивы подробности: герой, узнающий о свадьбе в самый последний момент, чудесным образом успевает приехать. *Ай же ты незнаем добрый молодец!* и т. д. Обязательный мотив всех сюжетов на тему возвращения мужа: он является неузнаваемо изменившимся, приходит на свадьбу одетым в чужое платье, в рубище, в грязном виде и др. Добрыня приходит на пир в своем платье, но его все равно не узнают. Хотя неузнавание можно объяснять рационально (долгое отсутствие, постарение и др.), в основе мотива лежит, по-видимому, архаическое представление о человеке, внешне изменившемся после пребывания в «ином» мире. *Во эти-то гусёлки прежний муж играл... Увидала там злачён перстень.* Момент идентификации настоящего мужа — важнейший в сюжетах на тему возвращения. В фольклоре разных народов узнавание происходит как по кольцу (или другому предмету, известному только супругам), так и по особой песне. В былине узнавание как бы дублируется. *Стал гусёльками Олешу поколачивать.* Мотив наказания претендента в былине дается обычно ослабленно. В ряде эпических песен других народов муж беспощадно расправляется с претендентами («Одиссея», «Алпамыш»).

I. Астахова-2. № 104. Зап. от К. Д. Андрианова, дер. Конда (Кижи). *Ты женись-ка на Настасье на Микуличной.* Мотив женитьбы Добрыни разрабатывается также в виде самостоятельного сюжета: Добрыня встречает в поле богатырку, побеждает ее в единоборстве (Пропп — Путилов-1. С. 57; ср. «Дунай Иванович»).

II. Сказитель Конашков/Подг. текстов, вводная статья и коммент.

А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948. № 7. Зап. в дер. Семеново (Пудога), в 1937 г.

III. Гильфердинг-2. № 149. Зап. от А. Е. Чукова, дер. Горка (Кижи).

IV. Астахова-2. № 129. Зап. от А. К. Ястребовой, дер. Клименцы (Прионежье).

V. Григорьев-2. № 35. Зап. от А. И. Нечаева, дер. Сояна. *А добром не пойдешь — дак возьму силою.* Узнав об этом, мать Добрыни идет к Илье Муромцу, просит его поехать поискать Добрыню; Илья находит богатыря, сообщает ему о случившемся, они спешат в Киев.

VI. Гильфердинг-1. № 38. Зап. от А. Тимофеева, дер. Загорье (Толвуй).

VII. Гильфердинг-2. № 157. Зап. от И. А. Касьянова, село Космозеро (Кижи). Текст соединен с сюжетом: Добрыня и Змей.

VIII. Григорьев-3. № 119. Зап. от П. А. Поташовой, дер. Большие Нисогоры. *Она сидит на печи, слезно уливаючи* и т. д. Образец включения в былину эпизода исполнения похоронного причитания.

IX. Миллер, № 27. Зап. от А. О. Пантелеева, дер. Ченожи (Пудога) Впервые — Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906. *Была знадебка родимная* и т. д. Узнавание героя по знаку на теле (родинке и др.) — типовой мотив в сюжетах о возвращении мужа.

X. Астахова-2. № 172. Зап. от А. В. Коломаевой, дер. Большой Куганаволок (Водлозеро). *Уж он струночки приводит от Царя-града* и т. д. Традиционная формула (по-разному варьируемая) для описания особо искусной игры на гуслях.

Данила Ловчанин. Киреевский-3. № 2. Зап. в селе Павлово (Нижегородская губ.). Впервые — Известия-1. С. 81. Мелкие неточности исправлены по первой публикации. *Вы ищите мне невестушку хорошую* и т. д. Сходный мотив см. в былине «Дунай Иванович». В былине «Данила Ловчанин» новым является мотив «чужой жены». В эпосе разных народов встречается героическая разработка темы: враг уводит жену героя (или правителя «своей» земли), герой вступает в борьбу и возвращает женщину (см.: Путилов. С. 164—190). В «Даниле Ловчанине» разработка приобретает остросоциальный смысл: Владимир готов погубить своего богатыря, чтобы овладеть его женой. *А Мишатычка Путятин приметлив был* — т. е. был сообразителен, умел быстро переметнуться на другую сторону. *Лишняя стрелычка тее пригóдится* и т. д. Здесь Василиса Никулична обнаруживает качества вещей жены, предугадывающей ход событий. *А на вострый конец сам упал.* Мотив самоубийства богатыря — от отчаяния или в знак протеста — встречается в былинах «Дунай Иванович» и «Сухман». *Спорола сее Василисушка груди белые.* Мотив самоубийства героини является типовым для славянских баллад о девушке, которую татары (турки) увозят силой и которая предпочитает плену (браку с похитителем) смерть; самоубийство может восприниматься как символ брака героини с землей или рекой, в которой она тонет (см.: Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада. М.; Л., 1965. С. 53—75).

Царь Соломан и Василий Окулович. Соколов — Чичеров. № 138. Зап. от А. Б. Сурикова, дер. Конда (Кижи). *А у него-то было заведено столованьице* и т. д. Описание пира у чужого царя по аналогии с пиром у князя Владимира типично для былин, особенно когда имеется в виду неопределенно-условная земля. Одинаково разрабатывается и исходный мотив, в данном случае — намерение царя жениться (ср. «Дунай Иванович» и «Данила Ловчанин»). *Царь Соломан.* Имя героя несомненно

восходит к имени библейского царя Соломона. Сюжет былины связан со сказаниями о Соломоне и его неверной жене, распространенными в средние века в книжных версиях и устных преданиях. *Я ведь знаю, как у жива мужа да жену отнять* и т. д. Былинная разработка сильно отличается от книжных, где покушение иноземного царя на жену Соломона объясняется желанием рассчитаться с Соломоном, некогда соблазнившим жену царя; в книжных версиях жена Соломона сознательно изменяет мужу и, чтобы бежать от него, выпивает напиток, вызывающий временную смерть; Соломон, подозревая обман, испытывает «мертвую» разными способами, затем хоронит в склепе, откуда ее похищает иноземный царь, оживляющий ее и увозящий к себе. Дальнейшее развитие былинной и книжных версий сходно. *Уж не бей ты меня по-холопьему.* Перед этими словами в тексте, по-видимому, смысловой пропуск: ср. вар. II, где Василий хочет тут же рубить Соломану голову и тот останавливает его: «А не честь тебе, хвала будёт голова срубить». *Он и первую петлю́ пройде* и т. д. В другом вар. (Соколов — Чичеров. № 128) более ясно: «Ты наладь-ка три петельки шелковыих: Перву петельку пройдет хитростью, Другу петельку пройде мудростью, А в третью петельку подавится». Отсюда становится понятным, почему позднее Соломанида сама вешает третью петельку — чтобы Соломан хитростью не избежал смерти. *Первую-то кере́жку конь везет* и т. д. Смысл иносказания относится к положению трех героев: Соломана везут силой, Василий идет сам, а Соломаниду «черт несет». В другом вар. (Соколов — Чичеров. № 208) несколько по-иному: «Да и первы колеса уже конь везет, Да и задни колеса зачем черт несет?» Здесь в иносказание заложен и вещий смысл: «задни колеса», т. е. Соломанида и Василий едут на верную гибель. В вар. Соломан прямо раскрывает этот смысл: когда Соломанида просит простить ее, он отвечает: «Зачем ты в карете поехала? Я ведь сказал, что карету черт несет» (Соколов — Чичеров. № 240). *Повесила третью петлю.* Объяснение см. выше. Мотив с тремя петлями имеет и второй смысл: в итоге они оказываются предназначенными для трех участников преступления против Соломана.

I. Соколов — Чичеров. № 218. Зап. от А. Т. Артемьевой, дер. Першлахта (Кенозеро). *Уж я видела сон да преужасныий* и т. д. Зловещий сон — типовой мотив в эпосе разных народов. Соломан разгадывает значение сна и предупреждает жену об опасности.

II. Григорьев-3. № 61. Зап. от Е. В. Рассолова, дер. Печище.

III. Соколов — Чичеров. № 235. Зап. от Л. А. Артемьева, дер. Телицино (Кенозеро).

Чурила и Катерина. Гильфердинг-3. № 224. Зап. от И. П. Сивцева, по прозванию По́ромский, село Поромское (Кенозеро). *Канун-де честного Благовещенья.* То, что свидание любовников происходит накануне праздника Благовещения, должно усиливать момент нарушения ими моральных правил: этот день имел значение «дня воздержания по преимуществу» (Жданов-1895. С. 286). *Выпадала порошица* и т. д. В зачине былины подчеркивается необычный по времени года снегопад (праздник Благовещения — 7 апреля; в вар. упоминается также летний праздник Петров день). *Чурило сын Плёнкович.* См. еще былины «Чурило Пленкович» и «Дюк Степанович». Характеристика героя как «щапа» — франта и «бабьего угодника» есть в этих сюжетах. *Да ронил ён гвоздочики серебряные* и т. д. Имеются в виду детали фантастически роскошной обуви Чурилы (другие детали см. вар. II). *Опущалась болесни́ца ниже пупа* и т. д. В такой иносказательной форме обычно с насмешкой описывается «любовный недуг» жены-изменницы. *Да дождался Христова воскресенье* и т. д. Имеется в виду праздник Пасхи и наступавший после него

мясоед — время свадеб. *Принял с девкой золотые венцы* — т. е. обвенчался.

I. Гильфердинг-3. № 242. Зап. от М. И. Тряпицына, дер. Усть-Поча (Кенозеро).

II. Гильфердинг-1. № 67. Зап. от П. Т. Антонова, дер. Гагарка (Пудога). *Подпяты, пяты шилом востры* и т. д. Традиционное описание щегольской обуви Чурилы: сапоги на острых высоких каблуках и с острыми носами.

III. Ончуков. № 69. Зап. от В. Д. Шишолова, дер. Верхнее Бугаево (Усть-Цильма).

IV. Григорьев-3. № 13. Зап. от С. И. Сахарова, дер. Дорогая Гора.

V. БПЗБ. № 4. Зап. от А. А. Носовой, дер. Трусовская (Печора).

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

Садко. Гильфердинг-1. № 70. Зап. от А. П. Сорокина, дер. Новинка (Пудога). Текст Сорокина — самый полный и самый развернутый из всех известных. Он объединяет три сюжета о Садко, которые встречаются у других сказителей самостоятельно: Садко и водяной царь, Садко в споре с новгородцами, Садко в подводном царстве. Записи от Сорокина легли в основу оперы Н. А. Римского-Корсакова. *А й как тут вышел царь водяной* и т. д. В этом эпизоде отразились мифологические представления о чудесном музыканте, своей игрой завораживающем стихийные силы природы. Сходный мотив есть в карельских рунах, где игру Вяйнямейнена на кантеле слушает хозяйка горы. Возможно также, что в данном мотиве преломились воспоминания о магических промысловых обрядах, исполнявшихся ради получения добычи (Смирнов — Смолицкий-1978. С. 392). Другая разработка мотива встречи с водяным царем в вар. I. *Обделал в теремах всё да по-небесному* и т. д. Описание палат, украшенных подобно небесному своду, типично для русского эпоса и перенесено в данный текст из былин «Дюк Степанович» или «Соловей Будимирович». *Настоятели новгородские* — игумены, т. е. лица, возглавлявшие новгородские монастыри. *Побогатее меня славный Новгород.* Апофеоз торгового могущества Новгорода выражен в некоторых текстах в более ясной форме — Садко побежден одними новгородскими товарами (Соколов — Чичеров. № 137): «А на четвертый день от товаров и прохода нет... „Не я, видно, богат,— богат великий Новгород"». В ряде вар. Садко удается победить лишь обратившись за поддержкой к святому Николе Можайскому. Особую разработку мотива поражения Новгорода см. в вар. I. *А поехал он да по Волхову* и т. д. Образец былинного маршрута, соединяющего исторически точные данные с условно-эпическими. *Морскому царю дани да не плачивали* и т. д. Представления о необходимости выплаты дани, о кормлении, о принесении жертвы мореплавателями и рыбаками Морскому царю («хозяину» воды) были широко распространены в прошлом, они были известны новгородцам и их потомкам на Русском Севере и в Сибири. *Самого Садка требует царь Морской* и т. д. В основе этого мотива и последующего его развития лежат мифологические рассказы о людях, попадавших в «иной» (подземный, подводный) мир — как по воле его хозяев, так и по собственной инициативе или случайно, о женитьбе на водяной деве (см.: Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам //«Журнал Министерства народного просвещения». 1890, № 3. С. 1—4). Смысл путешествия Садко на дно морское в вар. не вполне ясен — третья часть былины содержит противоречия и недосказанности. Тонущий жребий —

знак смерти. В подтексте Садко — жених поневоле: Морской царь хочет женить его на «своей» и оставить у себя, цель же Садко — вернуться домой, и единственный путь к этому — «правильный» выбор невесты. Игра на гуслях — не просто средство потешить царя, но и подтверждение своей роли героя-жениха (о других испытаниях см.: Пропп. С. 103). *Микола Можайский.* Святой Никола Мокрый у новгородцев считался покровителем мореплавателей, защитником от бурь и бедствий на море (см.: Пропп. С. 104). *Так ты эту Чернаву-то бери в замужество.* Выбор (угадывание) героем своей суженой среди множества девушек широко известен в сказках и в эпосе других народов как последнее, заключительное испытание жениха. В данной ситуации успешный выбор обеспечивает Садко возвращение. *Здоровкался со своею с молодой женой.* Эта подробность вносит дополнительное противоречие в содержание былины. Подобные сюжетные несогласованности особенно характерны для сводных текстов.

I. Кирша Данилов. № 28. Текст объединяет два первых сюжета о Садко. Редакция первого сюжета уникальна. *Богат Новгород всякими товарами заморскими* и т. д. Здесь положение Новгорода трактуется явно иронически — от его богатств остались одни гнилые горшки.

II. Марков. № 95. Зап. от Ф. Т. Пономарева, дер. Верхняя Зимняя Золотица (Зимний берег). Текст объединяет второй и третий сюжеты о Садко в кратком схематичном изложении: Садко спускается на дно морское без гуслей, Морской царь сразу же предлагает ему взять суженую, совет герою дает «бабушка». *Не на лу́ду ли нашел* — характерная подробность севернорусского морского пейзажа.

III. Кирша Данилов. № 47. Текст — самостоятельная редакция третьего сюжета о Садко.

IV. Рыбников-3. № 41. Зап. от В. Лазарева, карела, дер. Кяменицы (Повенец). Текст объединяет второй (очень краткая редакция) и третий сюжеты о Садко. *Я затем тебя сюда требовал* и т. д. Мотив загадывания загадок можно рассматривать как первое испытание жениха (второе испытание — игра на гуслях, третье — выбор суженой). В некоторых вар. Морской царь ссылается на то, что у него с царицей возник спор (в данном тексте: «У нас с царицею разговор идет») и Садко должен рассудить их.

V. Рыбников-1. № 63. Зап. от Л. Богданова, дер. Середка (Кижи). Текст объединяет второй (краткая редакция) и третий сюжеты о Садко. Мотив сватовства отсутствует: после того как Садко рвет струны, «царь Водяник» отпускает его домой.

Василий Буслаев и новгородцы. Рыбников-1. № 56. Зап. от неизвестного крестьянина-лодочника, Шальская вол. (Пудога). *Жил Буслав в Новегороде* и т. д. Смысл начала — в противопоставлении буйному герою его миролюбивого отца, поддерживавшего всю жизнь установленный порядок. Начало заключает также в скрытой форме типовой для эпоса разных народов мотив рождения великого богатыря от престарелых родителей. *Будет Василий семи годов* и т. д. Аналогичный мотив буйного поведения, озорства подрастающего богатыря встречается также в былине «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (см.: Пропп — Путилов-1; Смирнов — Смолицкий-1974). *Обучился Василий наук воинскиих* и т. д. В других вар. обычно говорится об обучении Василия грамоте и церковному пению. В данном случае эпизод разработан несомненно по аналогии с началом былины «Волх Всеславьевич». *Выбирал себе дружину хоробрую.* В большинстве вар. подробно разрабатывается мотив необычного подбора дружины, очень существенный для понимания содержания были-

ны (см. вар. I.). *Ударил о велик заклад... Биться Василью с Новымгородом* и т. д. Смысл этого центрального эпизода былины неоднозначен и в силу его неопределенности толкуется исследователями по-разному. Василий противопоставляет себя с дружиной всему Новгороду, его социальным силам — боярам и торговым людям. Он выступает против сложившихся новгородских порядков как богатырь, которому чужда окружающая среда. *Выступали на мостик на Волховский* и т. д. В эпизоде побоища на Волховом мосту справедливо усматривают отражение исторически реальных фактов новгородского средневекового быта: кулачные бои между разными сторонами Новгорода составляли традиционную забаву зимних (как правило) праздников; они носили подчас весьма жестокий характер. На Волховом мосту происходили и столкновения социального порядка (см.: Жданов-1895. С. 259—263; Смирнов — Смолицкий-1978. С. 368—371). В изображении былинного побоища пародийно переосмыслены традиционные описания сражений богатырей с татарами (заточение Василия матерью, вооружение дружины, помощь «богатырки»-чернавки). *Старчище Пилигримище.* В других вар. также: старчище Угрюмище, Андронище, старец — сильный богатырь. Неизменно подчеркивается его принадлежность как к духовному сословию, так и к богатырству. В вар. у него на голове огромный колокол. В некоторых вар. Василий, бросая вызов Новгороду, исключает при этом старчище из числа соперников. По мнению исследователей, в образе старчища заключен обобщающий смысл: он «как бы воплощает в своем лице тот старый Новгород, против которого Василий Буслаевич ведет борьбу» (Пропп. С. 461).

I. Рыбников-2. № 33. Зап. от неизвестного старика калики, дер. Красные Ляги (Каргопольский уезд). *Тати-воры-разбойники.* Из сопоставления вар. очевидно, что Василий собирает дружину из представителей преимущественно новгородских низов. *Черняный вяз.* В тексте Кирши Данилова (с. 49) добавлено:

В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был в двенадцать пуд.

Иванище Сильное и т. д. Среди дружинников Василия названы эпизодические персонажи из других былин: Иванище (см. «Илья Муромец и Идолище»); Потанюшка Хроменькой (из исторической песни «Кострюк», см. также «Илья Муромец и сын»). В вар. упоминаются еще Костя Новоторженин, Фома Толстокожевников, Котельная причарина, мужики Залешена, дети боярские Лука и Моисей (см. «Камское побоище»). Следует учесть, что персонажи из других былин входят в сюжет о Василии Буслаеве без своих характеристик. Испытание членов дружины пародийно переосмысляет соответствующие мотивы героических былин (ср. «Волх Всеславьевич», «Наезд литовцев»). Исследователи усматривают в дружине Василия изображение новгородских ушкуйников — участников торгово-разбойничьих экспедиций на Волге (Жданов-1895. С. 263—282).

II. Кирша Данилов. № 10. *Во братшину в Никольшину.* Смысл вхождения Василия с дружиной в одну из братчин, собравшуюся в Николин день,— в нарочитом создании конфликтной ситуации: столкновение с чужой братчиной неизбежно. Василий, в соответствии с принятыми правилами, отдает за себя и за дружину денежный взнос. В вар. подчеркивается, что Василий является на пир незваным — это усиливает конфликт.

Смерть Василия Буслаева. Ончуков. № 89. Зап. от П. Г. Маркова, дер. Бедовая (Пустозерская вол.). *Мне ехать, Василью, в Ерасáлим-град* и т. д. В описании замысла, сборов и самой поездки Василия заложены противоречия: поездка замышляется как покаянная, но одновременно она оформляется как военный поход и сопровождается поступками богатыря, обличающими в нем неверие в силу предсказаний, религиозных догм и нежелание примириться с действительностью. *Нов черлён корабь.* Подобное же описание корабля, снаряжения и украшений в былинах «Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле», «Соловей Будимирович». *Себе ты спала, да себе видела.* Этой формулой герой обычно отвечает на предсказание, явившееся во сне его жене, матери, сестре; ответ демонстрирует неверие богатыря в сон. Предсказание в данном случае вызвано как будто тем, что Василий отбрасывает голову, выказывая пренебрежительное отношение к смерти. Но можно предполагать, что оно связано с дальнейшим поведением Василия. *Побежали они да в Еросалим-град.* В ряде вар. этому эпизоду предшествует встреча Василия с казаками (см. вар. I). Путь от Новгорода к Иерусалиму в вар. обычно представлен либо неопределенно, либо условно-эпически. *Скинывал-то Василий цветно платьицо* и т. д. В память о крещении Христа в Иордане паломники совершали обряд окунания в реку, входя в нее одетыми. Василий совершает кощунство, купаясь в реке нагим, и ему угрожает за это смерть (см. вар. I: «Потерять его вам будет»). В других вар. иногда усиливается мотив кощунства. На предупреждение девушки Василий отвечает (Тихонравов — Миллер. № 61):

Как была ты, девица, на сей стороне,
Я бы сделáл тебе двух мальчиков,
Двух мальчиков, двух богатырей.

По другому толкованию исследователей, Василий не кощунствует, но пытается таким купаньем испытать возможность преодоления грозящей смерти. *Мы станем скакать через камешок* и т. д. В вар. I и II желание скакать рождается вопреки запретительной надписи: тем самым весь эпизод следует трактовать как продолжение борьбы Василия с предсказаниями гибели. Исследователи предлагали различные толкования камня: как обладающего таинственной силой — приносящего гибель неверующим; как могильного и др. Василий прыгает, чтобы убедиться, что он одержал победу над силами смерти (см.: Юдин Ю. И. Интерпретация былинного сюжета//Методы изучения фольклора. Л., 1983. С. 146—153). Эпизод с камнем придает былине трагический характер. *Василий сын Игнатьевич.* Имя и отчество указывают на героя былины «Василий Игнатьевич и Батыга», но очевидных оснований для отождествления героев нет. В другом вар. Василий говорит о себе как о славном богатыре, который погиб в столкновениях с сарацинами (Григорьев-3. № 4, 74).

I. Кирша Данилов. № 19. *Где-то стоят казаки-разбойники.* В этом можно усматривать желание певцов связать Василия Буслаева с героями разинских песен: упоминание острова Куминского с казачьей заставой, казаков, нападающих на корабли, характерно для этих песен.

II. Астахова-I. № 14. Зап. от М. Г. Антонова, дер. Усть-Низема (Мезень).

ЭПИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна. Марков. № 50. Зап. от А. М. Крюковой, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег). *Жил князь да во Новеграде.* По другим вар. (см. вар. I, II) князь живет в Москве. *Морё Арапскоё... во землю во татарскую... Арапскую.* В географической номенклатуре былины преобладает эпическая условность. В названиях «город Корсунь», «море Корсуньское» (см. вар. I), возможно, преломились воспоминания о греческой колонии Корсуне (Херсонесе) на Крымском берегу Черного моря, с которой Киевская Русь имела торговые связи. Принципиально значимым для сюжета является то, что Глеб Володьевич — русский князь, а Маринка — чужеземка. *К еретице, ко разбойнице.* В этой характеристике ощутимы отголоски былины «Добрыня и Маринка» и исторической песни о Гришке Отрепьеве. Вопрос об отношениях между персонажами этих сюжетов, с одинаковым именем Маринка, остается открытым (см.: Миллер-2. С. 288—298). *Еще были дорогй у нас перчаточки.* Не вполне ясный смысл этого места частично разъясняется через вар. I.: драгоценные перчатки везли в подарок князю. Из древнерусских грамот известно, что среди подарков, которые по обычаю приезжие купцы подносили князьям и их приближенным, фигурировали «персчатые рукавицы» (см.: Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса//«Этнографическое обозрение». 1904, № 3. С. 33). В поступке Маринки можно усматривать как преднамеренное оскорбление князя, так и скрытый намек на желание быть просватанной за него. *Дружку милому... Ильи Муромцу.* Упоминание Ильи Муромца в этом контексте скорее всего — ошибка певца. *Загану-то я тебе, князь, шесть загадок.* Разгадывание загадок как условие освобождения — типовой мотив эпоса и сказок. Но оно является также одним из этапов эпического или сказочного сватовства (см. «Садко»). В былине явное противоречие: Глеб Володьевич, отгадывая загадки, идентифицируется как жених (суженый), но он против брака с Маринкой (см. вар. I, II). В подтексте имеется в виду намерение Маринки женить на себе Глеба с целью погубить его (ср. аналогичные мотивы в былинах «Добрыня и Маринка» и «Три поездки Ильи Муромца»). *Он хотел-то взять-то у ей золоту чарку* и т. д. Типовой блок мотивов, встречающихся в других былинах: герою подносят отравленное питье, он готов выпить яд, но его вовремя предупреждают (женщина, конь и др.); от расплескивающегося питья загорается земля, трава, конская грива (ср. «Михайло Потык»).

I. Марков. № 80. Зап. от Г. А. Крюкова, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег).

II. БПЗБ, № 107. Зап. от П. С. Пахоловой, дер. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег).

Чурила Пленкович. Гильфердинг-3. № 223. Зап. от И. П. Сивцева, по прозванию Поромский, дер. Немятова (Кенозеро). *А йде молодцов до пяти их сот... Красных девиц а опозорили.* Основному замыслу сюжета более соответствует редакция, в которой о набеге на киевские огороды дружины Чурилы и об издевательствах над женщинами рассказывают князю «огородники», сменившие с жалобами рыбаков и охотников (см., например: Парилова — Соймонов. № 1). *Двор у Чурила на Почай на реки, У чудна креста-де Мендалидова, У святых мощей а у Борисовых.* В других вар. встречаются реки Сарога, Черега. Характерен эпически условный и значительный смысл (с элементами сакральности), который придается месту, где расположен двор Чурилы; несомненно, что место

это — «чужое» (ср. Почай-реку в былине «Добрыня и Змей», крест Леванидов — в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник»). *Всё в теремуде по-небесному* и т. д. Типичное описание терема: имеются в виду особым образом расписанные потолки и стены с изображениями небесных светил, звезд. Возможно, такое описание отражает реальную практику украшения боярских комнат в XVII в. (см.: Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам//Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 129—150). *Да еде молодцов а боле тысящи.* Здесь пропуск, который восстанавливается по другой записи от того же сказителя (см. вар. II). *Да по дóрогу яблоку свирскому.* Имеются в виду пуговицы в форме шаров, покрытых золотым вальяком, т. е. изысканной резьбой. Свирский — возможно, изготовленный в районе Свири; в других вар.— любские, т. е. любекские (из города Любека), заморские. Здесь в тексте пропуск: ср. в другой записи от того же сказителя (вар. II). *Да старицы по кельям онатй дерут* и т. д. Онати — возможно, испорченное «мантии», монашеские одежды (ср.: «манатьи на сее дёрут» — Киреевский-4. № 2). В другом вар.: «старушки костыли грызут» (Парилова — Соймонов. № 1). *Отселья.* В записи Рыбникова от того же сказителя — очелье, т. е. часть головного девичьего убора, богато отделанная и украшенная. *Да поклон отдал Чурила да и вон пошел.* История о чужом богатыре — щеголе, красавце, не прижившемся в Киеве, сюжетно не согласуется с другими двумя былинами, где Чурила действует как персонаж, прочно связанный с Киевом (см. «Чурила и Катерина», «Дюк Степанович»).

I. Рыбников-1. № 45. Зап. от девяностолетнего старика, волость Колодозеро (Пудога). В записи текст объединен с былиной «Чурила и Катерина». В качестве «позовщичка» Чурила приходит к Катерине. Кровавой развязки нет, Бермята в конце укоряет Чурилу: «А эк ли зовут на почестен пир?»

II. Рыбников-3. № 24. Зап. от И. П. Сивцева, по прозванию Поромский, дер. Немятова (Кенозеро).

Дюк Степанович. Гильфердинг-3. № 225. Зап. от И. П. Сивцова, по прозванию Поромский, дер. Немятова (Кенозеро). *Из славного города из Галича* и т. д. Перечень мест, географически и исторически не сопоставимых. Возможно, что здесь отразились воспоминания о расцвете Галицкой земли в XII—XIII вв. Принципиально важным, однако, для сюжета является то, что Дюк живет в земле, превосходящей Киев богатством и устройством быта; вместе с тем земля эта подчинена Киеву, так как представитель князя является в Галич с сознанием своей власти. *В нос и в пяты втираны каменья яфонты* — т. е. вставлены в острие и в тупой конец. *Во субботу великодённую* и т. д. С этого момента былина развивается с несомненной оглядкой на сюжет «Ильи Муромца и Соловья-разбойника»: Дюк собирается выехать из дома на Пасху; мать отказывается дать ему благословение; он выбирает богатырского коня, по пути преодолевает фантастические преграды; подобно Илье, далекий путь из Галича в Киев покрывает с необычайной быстротой, князь не верит ему. Такое своеобразное повторение ситуаций — способ героизации Дюка. Масштабы ее, однако, ограничиваются тем, что Дюк не выдерживает сравнения с Ильей, и, кроме того, пристрастие к роскоши снижает его героическую характеристику. *Бермята* — персонаж былины «Чурила и Катерина». *Да на славу приехал к тебе* — т. е. приехал, наслышанный о славе Киева, чтобы убедиться в справедливости рассказов о его красоте и богатстве. Вместе с тем замысел былины изначально предполагает намерение Дюка противопоставить мнимой славе и богатству Киева истинную славу и красоту своего

города. *Взяти с того пятьсот рублей.* Ср. в другой записи от того же сказителя вар. IV. *Да напоил он голей кабацких.* Реминисценция из былин «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» и «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира». *Потом пошла ужо толпа-де вдов.* В другой записи от того же сказителя (вар. IV) здесь далее: «Потом пошла уже другая толпа Подсолнечных сорока сажен». (Подсолнечные — зонтики, которыми слуги закрывали матушку Дюка от солнца.) *Да описывать Дюково богачество — Да не описать будёт.* В изображении роскоши жилища матери Дюка, в его похвальбе условиями галицкого быта, в некоторых других подробностях исследователи усматривали влияние известного в средневековье литературного памятника XII в.— Эпистолии пресвитера Иоанна (в русских редакциях — «Сказание об Индейском царстве»; см.: Веселовский А. Н. Южнорусские былины. Спб., 1884. С. 171—198. Критику этих сопоставлений и выводов см.: Пропп. С. 594). *Да улетел Чурило во чисто поле.* Чурила в данной былине выступает представителем княжеско-боярского Киева, что не вяжется с его характеристикой в былине «Чурила Пленкович». В данном случае выбор Чурилы в качестве соперника Дюка чисто ситуативен.

I. Гильфердинг-1. № 9. Зап. от П. Калинина, дер. Горка (Повенец). Дюк выезжает из «Индеюшки богатыи», из «Корелы проклятыи». После хвастовства в Киеве Дюк собирается домой, но князь его не отпускает, тогда он посылает коня к матери за золотом для заклада и дорогим платьем для состязания. Илья Муромец, Добрыня и Потык едут на родину Дюка и убеждаются в справедливости его описаний.

II. Гильфердинг-3. № 213. Зап. от П. А. Федулова, дер. Бостилово (Водлозеро).

III. Гильфердинг-2. № 85. Зап. от Т. Г. Рябинина, дер. Середка (Кижи). В названии земли Дюка объединяются «Галича проклятая», «Индия богатая», «славный богат Волын-город индейский». Эпизод с посылкой матерью денег и платья совпадает с вар. I. Оценивать сокровища богатыри едут в сопровождении самого Дюка; вар. кончается пиром, который устраивает богатырям Дюк.

IV. Рыбников-3. № 29. Зап. от И. П. Сивцева, по прозванию Поромский, дер. Немятова (Кенозеро).

Иван Гостиный сын. Соколов — Чичеров. № 270. Зап. от И. Ф. Сидорова, дер. Щанниково (Кенозеро). *Иван Гостиной сын похвастал он добрым конем.* По логике сюжета более естественно, что конями хвастает и вызов присутствующим бросает князь, а Иван необдуманно принимает вызов (см. вар. I). *Меж обедней, заутренёй благовещенской.* Подобно некоторым другим сюжетам, исполнение богатырского подвига падает на праздник (см. «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Дюк Степанович»). *Три девяноста* — т. е. три раза по девяносто. В других вар. «заклад» — в соответствии с былинной традицией — подтверждается «порукой» других лиц, причем подчеркивается антагонизм поручителей (Гильфердинг-3. № 307):

По князе-то все поручаются,
По Иване-то никто не поручается,—
Поручилося две голи две кабацкие.

Не тоскуй-ка ты и т. д. В образе матери Ивана явно проступают черты сказочной или эпической мудрой матери, которой ведом ход событий и которая способна помочь сыну. *Да и рвё он шубы соболиные.* В вар. I этот эпизод изложен по-другому: после всех испытаний Ивана князь

намерен захватить коня, когда тот будет в чистом поле. Узнав об этом намерении, конь советует Ивану надеть кунью шубу, и, когда Владимир начинает осматривать в поле коня, тот стаскивает с хозяина шубу и рвет рукав, после чего перепугавшийся князь решительно отказывается от коня. *Дам три погреба да золотой казны* и т. д. Есть вар., где князь отдает Ивану «пол-Киева... полдворца восударского» (Григорьев-1. № 90, 129).

I. Ончуков. № 22. Зап. от П. Р. Поздеева, село Усть-Цильма. Подобно ряду других печорских редакций различных былин, в этой усилены антикняжеские мотивы: князь признает свое поражение лишь после серии дополнительных испытаний, не предусмотренных «закладом»; усилен триумф героя, который побеждает многократно.

Ставер Годинович. Гильфердинг-2. № 151. Зап. от А. Е. Чукова, по прозванию Бутылка, дер. Горка, Пудожгорская волость (Повенец). *Приехал ты из зёмли Ляховицкия.* Принадлежность Ставра и его жены к иноземному миру — эпическая условность. Существенным для сюжета является то, что они живут вне Киева и ведут себя независимо. *Так и то мне, молодцу, не похвальба* и т. д. Ставер хвастает не красотой и молодостью жены, а ее умением обмануть, одурачить князей, бояр, Владимира. *Накрутилася Васильем Никуличем* и т. д. Дальнейшее повествование включает былину о Ставре в обширный круг эпических сюжетов мирового фольклора о женщине-воине, об «испытании пола» и торжестве женской хитрости (см.: Сазонович И. Песни о девушке-воине и былина о Ставре Годиновиче. Варшава, 1886; Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам//«Журнал Министерства народного просвещения». 1890, № 3. С. 26—35; Путилов. С. 244—250). *Помнишь ли ты, Ставёр, памятуешь ли* и т. д. В словах жены заложены иносказания, значение которых связано с супружескими отношениями, но Ставер воспринимает сказанное буквально и поэтому не понимает смысла.

I. Астахова-2. № 166. Зап. от И. Г. Чванова, дер. Коровниково (Прионежье). В хвастовстве Ставра проглядывают качества оборотистого купца. Прямые обозначения социального статуса Ставра в разных вар. не совпадают (боярин, знатный чужеземец). *Свезу на рынок и повы́продам* и т. д. В другой редакции (Астахова-2. № 159): «Которые похуже — вам, князьям, боярам, повыпродам, А которы получше, то сам ношу». Василиса Микулична является в Киев как чужеземная богатырка, сватается к племяннице Владимира, грозит разбить Киев и увести в плен князя. Эпизоды испытаний отсутствуют: на пиру богатырка требует музыканта, в конце концов готова взять Ставра с собой, отказавшись от племянницы.

II. Соколов — Чичеров. № 23. Зап. от Г. А. Якушова, дер. Меленьевская (Пудога).

III. Соколов — Чичеров. № 72. Зап. от П. Е. Миронова, дер. Семеново (Пудога). Изображение жены Ставра как могучей богатырки совпадает с вар. I. Этому соответствует характер хвастовства Ставра:

А у мени жона молода была
А поле́ница ли была славна, уда́лая,
А богатырша ли была напольная...

IV. Кирша Данилов. № 15. *Стал с ним в шахматы играть Золотыми тавлеями.* Хотя основное значение слова «тавлеи» — игра в кости, но в былинах оно обычно обозначает шахматы, шахматную доску. Описание игры — как всегда в былинах — схематично и условно. *Заступь* — здесь:

ход, но возможно, что в данном случае три «заступи» — это три партии, которые «посол» выигрывает. *Шах да и мат, да и под доску.* Возможно, имеется в виду, что проигравший лезет под стол.

V. Гильфердинг-2. № 109. Зап. от А. В. Сарафанова, дер. Гарницы (Кижи).

VI. Астахова-2. № 136. Зап. от П. И. Рябинина-Андреева, дер. Гарницы (Прионежье).

Сорок калик. Григорьев-2. № 43. Зап. от П. А. Нечаева, дер. Сояна. *От озёра от Маслеёва* и т. д. Место, откуда отправляются калики, в вар. называется по-разному. *Ко кресту да Леванидову* — см. примеч. на с. 499; здесь крест указывает на священное место и на особую важность происходящих сборов. *Сорок калик* и т. д. Ради паломничества к религиозным местам калики могли создавать сплоченные, хорошо организованные группы, которые подчинялись строгим правилам и имели во главе атамана. *Михайло Михайлович* — атаман (в других вар. его зовут Касьяном). В других вар. именно атаман «кладет заповедь», которую калики принимают к исполнению. *В землю копья потыкали.* Обычно в вар. говорится о клюках-посохах — предметах обычного снаряжения калик. Здесь необычное вооружение придает каликам богатырские черты (иногда они характеризуются как богатыри, в старости ставшие каликами). *В сыру землю ёго копать до пояса* и т. д. Возможное толкование этого жестокого наказания см. в примеч. к былине «Илья Муромец и Идолище» (вар. II). *Мы пошли... в Ерусалим-град* и т. д. Паломничество в Иерусалим считалось священной целью калик. *На плакуне-травы дак окататися.* В народных представлениях, плакун-трава обладала магическими свойствами, в частности ее корень предохранял «от соблазна». С другой стороны, в духовном стихе «Голубиная книга» плакун-трава — «всем травам мати», это — слезы богородицы: отсюда понятно, почему поклонение плакун-траве намечено каликами при посещении Иерусалима. *Еленьской стих* — т. е. греческий (эллинский) стих. Имеется в виду, очевидно, какой-то духовный стих византийского происхождения. Духовные стихи составляли основной песенный репертуар калик. *Она брала братынечку серебряну.* В вар. «чарочку серебряную» подкладывает по поручению княгини Алеша Попович. *Оставляли казнёна на чистом поле* и т. д. В тексте Кирши Данилова калики, оставив атамана в земле, уходят в Иерусалим, возвращаются через несколько месяцев и находят атамана живым; он выскакивает из земли. Калики идут в Киев, атаман «духом своим» излечивает княгиню, на которую напала болезнь за ее проступок. Таким образом, в былине прослеживаются мотивы духовных стихов и житийных легенд, в которых калики воплощают высокую нравственность, выдерживают испытания соблазном, обретают качества святых. Эти представления сочетаются с характерным для русского эпоса противопоставлением героев киевским властителям (в данном случае — княгине).

I. Кирша Данилов. № 24.

Вавило и скоморохи. Озаровская О. Э. Бабушкины старины: 2-е изд., измененное и дополненное. М., 1922. С. 62. Зап. от М. Д. Кривополеновой (Пинега). *Скоморохи* — см. о них во вступит. статье, с. 34. Во время массовых гонений во второй половине XVII в. часть скоморохов осела на Севере, растворившись среди местного населения. По-видимому, М. Д. Кривополенова унаследовала через ряд поколений частично традиции скоморошьего искусства (ср.: Морозов А. М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов//Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины,

сказки/Редакция, вступит. статья и примеч. А. А. Морозова. Архангельск, 1950. С. 111—134). *Мы пошли на инищоё царство* и т. д. Инищое, видимо, иное, чужое, враждебное. Былина героизирует скоморохов, придавая их искусству большое социальное назначение. *Кузьма с Демьяном* — святые, пользовавшиеся в народной среде особой популярностью: они считались «божьими кузнецами» и покровителями ремесленников; с ними был связан праздник Кузминки, с которого, как считалось, начиналась зима. Чудеса, которые совершают герои, принадлежат одновременно скоморохам (поскольку главное орудие их — музыка) и святым. *Полетели голубята ти стадами* и т. д. Мотив чудесного появления птиц подсказан, возможно, традиционными представлениями о Кузьме и Демьяне как покровителях птиц (Кузминки — «курячий праздник»). Названия птиц — диалектные названия куропаток, рябчиков, разновидностей тетеревов. *Еще красная да тут девица* и т. д. По распространенным в прошлом представлениям, Кузьма и Демьян считались покровителями девушек (Кузминки были также «праздником девиц»).

СКОМОРОШИНЫ. ПАРОДИИ. НЕБЫЛИЦЫ

Старина о большом быке. Гильфердинг-3. № 303. Зап. от Е. Я. Завала, село Ошевенск (Кенозеро). *Про быка Рободановского.* По-видимому, имеется в виду известная в русской истории боярская фамилия Ромодановских. *Степи рукой не добыть* — не достать до хребта. *Промежду роги косая сажень* — деталь, напоминающая изображение Идолища (ср. «Илья Муромец и Идолище»). *Афанасий Путятинский* — вероятно, представитель также известной боярской фамилии Путятиных (другая ветвь — Путяты). В завязке сюжета отразились распри в боярской среде, особенно характерные для XVI—XVII вв.: один боярин замышляет увести у другого фантастически крупного быка. *Да как был-то Зеновей-слуга* и т. д. Этот эпизод посвящен описанию похищения быка. Похититель, в прошлом связанный с волжской вольницей, пользуется специально сплетенным из висевшей конопли «вязивцом» (привязью) и уводит быка, надев ему на ноги лапти задом наперед. *Да и тот концом пропадет* и т. д. С этих предупреждающих слов начинаются злоключения участников дележа быка: мясника, кожевника, харчевников, волынщика. *Полтора годы в деле была* и т. д. Речь идет о шкуре, обработка которой не удалась. *Как кожи по рядам провели* и т. д. Здесь и далее в аналогичных эпизодах речь идет о наказании кнутом тех, кто позарился на разные части быка, и о взыскании с них денег за быка. Суровость наказания и громадная сумма взыскания объясняются тем, что бык принадлежал знатному боярину. В подтексте заложена древняя обрядовая основа: во время скотоводческих сборищ — братчин совершался ритуал принесения в жертву быка и специального раздела туши (см.: Власова З. И. К вопросу о традиции в фольклоре: «Старина о большом быке» в свете историко-этнографических данных// «Русская литература». 1982, № 2. С. 168—182. Там же — содержательный комментарий и сопоставление редакций). *Да не гости те Строганова* и т. д. Имеются в виду, очевидно, знаменитые купцы Строгановы (или их доверенные лица), обладавшие в XVI—XVII вв. большими правами, в частности правом неподсудности их людей местным властям; можно предположить, что «заступы крепкие» заключались во внесении Строгановыми денег за взыскиваемых, которые тем самым переходили в их владение. *Лише только головы отстать* — если бы не заступники, пришлось бы лишиться головы. *Да он дрýгом пузырь*

доступил и т. д. Через кого-то достал «пузырь» для изготовления «волыночки».

Ловля филина. Астахова-2. № 218. Зап. от М. Е. Чуркина, дер. Марьина Гора (Пинега). Юмористическая скоморошина, известная лишь в нескольких записях с Пинеги. Сказительница исполняла ее скороговоркой. *Прикажи, суда́рь хозяин* и т. д. По-видимому, это типовое вступление, исполнявшееся скоморохами в порядке обращения к слушателям. *Еще щё у нас тако́, Что удеялося.* Здесь пародируются формулы исторических песен, имевшие в виду значительные события. *Спредиковывает.* В другом вар. (Григорьев-1. № 161): «придикоиваё»; по объяснению сказительницы — «пужат», т. е. пугает. *Петрушка-то встает* и т. д. Как и выше (*Борисович Иван Поутру рано вставал* и т. д.), здесь пародийно переосмыслены былинные описания сборов богатырей в поход. *Они садились вдруг* и т. д. Пародируется обычное для исторических песен описание казачьего круга, собравшегося для обсуждения важных дел. *Как пошли наши ребята Хилина ловить* и т. д. В центральной части песня развивается в рамках традиционной фольклорной темы: глупцы не умеючи принимаются за какое-то дело, придавая ему непомерно преувеличенное значение, прилагают не соответствующие масштабам дела усилия, терпят бедствие. *Уж мы как будем, ребята, Хилина делить?* Пародируется ситуация, встречающаяся в былинах и исторических песнях: персонажи их делят захваченную добычу, полон, сокровища.

I. Григорьев-1. № 158. Зап. от А. Елисеевой, дер. Шардонема (Пинега). Сказительница назвала старину «перецытыркой». *И не Шидмицей пужать.* По-видимому, имеется в виду дер. Шиднема, расположенная выше по Пинеге. Далее текст переходит в шуточную песню на иную тему. Подобно другим песням этого типа, она строится по принципу нанизывания не связанных между собою ситуаций и различных нелепостей и включает словесную игру.

II. Григорьев-1. № 154. Зап. от О. Г. Кузнецовой, дер. Шардонема (Пинега). *За едно ле думу думали.* Здесь пародийно использована формула песен о казачьем круге, собравшемся для обсуждения важных дел.

III. Астахова-2. № 200. Зап. от А. П. Губиной, дер. Кеврола (Пинега). *Не хидницать-пужать.* В словаре публикатора (см.: Астахова-2) объяснено как «хищничать». В вар. I этому соответствует название деревни. *Поповы те девки* и т. д. Об этой части см. примеч. к вар. I. В тексте Губиной проявляется характерная особенность песен этого типа — сцепление микросюжетов на основе образно-словесных ассоциаций: сначала речь идет о некоем Ковре, которого девушки приглашают, затем появляется реальный ковер, который перекидывают в сад у церкви, и т. д. Известна присказка, где сюжет о девках поповых (в редакции, близкой к вар. I) сразу переходит в сюжет о попе и попадье (см.: Сказки и предания Северного края/Запись, вступит. статья и комм. И. В. Карнауховой, М.; Л., 1934. № 95).

Агафонушка. Кирша Данилов. № 27. В тексте соединены пародия и небылица. *А и на Дону... На крутых берегах.* Здесь использованы формулы зачинов лирических песен («У нас на Дону» и «По крутому бережку»). *Высока ли высота потолочная* и т. д. Непосредственный источник пародии — запев былины о Соловье Будимировиче в том же сборнике:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.

А у Белого города... Убили они курицу пропащую. Пародируются мотивы и формулы военно-исторических песен XVII—XVIII вв. Перечисляемое «оружие» относится к женскому домашнему обиходу. *А и шуба-то на нем была свиных хвостов* и т. д. Пародия на описание роскошной шубы богатыря в былинах: обычно — соболья или кунья, на шубе «подтяжка позолочена», одна пола стоит пятьсот рублей, другая — тысячу; пуговицы — из «вальяка красного золота», петельки — «белого шелку шемаханского» и т. п. *Слепые бегут* и т. д. Характерный для скоморошин набор нелепых ситуаций. *Блинами голова испроломана* и т. д. Ср. в былине о Чуриле Пленковиче: у жалобщиков «булавами буйны головы пробиваны» (Кирша Данилов. С. 87). *В то же время и в тот же час* и т. д. Отсюда и до конца — небылица, построенная на нанизывании невозможных, нелепых, фантастических ситуаций (реальность в «вывернутом» виде). Мотивы небылиц свободно варьируются и соединяются (см. следующие тексты). *А и то старина, то и деянье* — концовка героических былин, встречающаяся в сб. Кирши Данилова.

I. Песенный фольклор Мезени/Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. № 254. Зап. от А. Г. Власовой, дер. Кузьмин городок, в 1958 г.

Небылица в лицах. Григорьев-1. № 87. Зап. от М. Д. Кривополеновой, дер. Шотогорка (Пинега). *Гулейко* — здесь: таракан.

Старина-небывальщина. Якушкин П. И. Соч. Спб., 1884. № 139. Зап. в г. Шенкурске (Архангельская губ.). Соединение небылицы с элементами пародии. *По запольицу они да езки бьют* — устраивают езы (загородки для ловли рыбы) в дальнем поле. *Сороженек — да они с рожками.* Имеется в виду плотва, одетая в женские головные уборы. *Уклеенок да его почелочках.* Имеются в виду рыбы уклейки с головными девичьими уборами в виде венцов с лентами. *Хлопот* — сверчок (объяснение собирателя). Таким образом, пародийное описание относится к печной баталии. *Он хрен да редечку повыломал* и т. д. Пародийная реминисценция из былины о Чуриле Пленковиче — мотив жалобы огородников на дружину Чурилы.

Небылица про щуку из Белого озера. Ончуков. № 79. Зап. от Н. П. Шалькова, село Великая Виска (Пустозерская вол.). *Да худому-де горё да не привяжется* и т. д. Начало небылицы навеяно мотивами песен о Горе: оно привязывается к молодцу, не пожелавшему вести жизнь в достатке у родителей; молодец убегает, не в силах спастись от Горя — бросается в море; именно в этой заключительной ситуации Горе выражает удовлетворение тем, что молодец сумел «горе измыкати».

Старина о льдине. Песенный фольклор Мезени/Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргу-

залов. Л., 1967. № 255. Зап. от П. Н. Сахаровой, дер. Дорогая Гора, в 1958 г. Начальные ст. пародируют зачины былин. *С Покрова дни сидела да до Петрова дня.* Праздник Покрова отмечался 1 (14) октября, Петров день — 29 июня (11 июля). Таким образом, имеются в виду необычные сроки «сидения» льдины.

I. Григорьев-3. № 22. Зап. от А. Я. Торосова, дер. Дорогая Гора. Часть текста — пародия в духе «Агафонушки».

II. Астахова-2. № 215. Зап. от А. Н. Вехоревой, дер. Шотова Гора (Пинега).

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ, УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ [1]

Аншпук — аншпуг, т. е. шест, дубинка; рычаг.

Багрецовые сукна — ткань пурпурного цвета (от «багрец», «багряный»).
Баса́ — красота, украшение; баско — красиво.
Башлык — глава рыбацкой артели.
Безопасышно — смело.
Безопсылышно — без предупреждения.
Белояровая — светлая, отборная; постоянный эпитет в былинах, указывающий на идеальное качество зерна.
Берчатая — узорчатая.
Беседушка — сиденье, скамейка; особое место под навесом на судах; компания, вечеринка.
Блады — млад, молодой.
Божатушка — крестная мать.
Большина — должность.
Братчина — пиршество, устраивавшееся по праздникам в складчину.
Братынечка, братыня — брати́на, металлическая чаша для питья.
Буёвая палочка — боевая палица.
Бурзамецкое (копье) — см.: мурзамецкое.
Быв — будто, как.

Вальяк, вальячный, вальящатый — литой, чеканный, резной, точеный, искусно сделанный.
Вереды — чирьи, болячки.
Вереи — столбы, на которых навешены ворота.
Веретенище (змеище-веретенище) — возможно, имеется в виду веретеница, т. е. вид медяницы — безногой, змееподобной ящерицы.
Верста — ровня, пара, чета.
Верста толченая — вероятно, от «гверста» — крупный песок, щебень.
Вздынуть — поднять.
Водонос — сосуд для переноски и хранения воды, питья.
Волжаная — таволжаная, из таволги.
Волокитной (лук) — обыденный, будничный, затасканный.
Волочажная — распутная.
Вотчина — имение (наследственное, родовое); отчество; «по вотчине» — по наследственному праву, по отцу.

---

[1] В Словарь включены также пояснения нескольких общеупотребительных слов, имеющих необычное значение в былинных текстах.

Выжлок — охотничья собака, гончая; предположительно: волк, ведущий стаю.
Выряжать — выговорить себе что-либо.
Выть — еда, прием пищи; количество еды за раз; час еды.
Выходы — дань, подать.
Выходы высокие — балконы.
Вяз, вязиночка — дубинка из гибкого дерева, идущего на изготовление полозьев, ободьев и т. д.
Вязивцо — веревка.

Глуздырь — птенец, не умеющий летать; в ироническом смысле — умник.
Гольняя — голая, оголенная, лишенная растительности и камней.
Горчит — сердит, раздражает.
Гостебище, гостебьице — пирушка.
Гренёшь — наскочишь, налетишь (от «грянуть»).
Гриденка, гридня, гриня, грынюшка — приемная, столовая, покой; вообще комната во дворце.
Грядка, грядочка — подвесная жердь, перекладина в избе для одежды.
Гудок — музыкальный трехструнный смычковый инструмент.
Гужики — петли в упряжи поверх оглобли.
Гусли, гуселышки, гусёлки — струнный щипковый инструмент.

Дедина-отчина — вероятно, родословная героя.
Дел — паевой дележ добычи («дел делить»).
Держать — тратить; не держится — не истрачивается, не иссякает.
Довлеет — подобает, приличествует; довольно, достаточно.
Долможано — ратовище, т. е. оружие, возможно, долгожалое — с долгим острием.
Долонь — ладонь.
Долюби — достаточно, вдоволь, сколько нужно.
Домовище — гроб.
Досталú (вдосталú) — под конец, после всего.
Дума — совет, обсуждение («к ней в думу нейдет»).
Дуродний — дородный, статный, видный.
Дядина-вотчина — родовое имение, перешедшее во владение по боковому наследованию.

Епанечка — короткая безрукавка, шубейка.

Жаровчато (дерево) — высокоствольное.
Живот — достояние, имущество, добыча.
Жуковинья — перстни.
Жупеть — петь пташкой.

Забудýщие — усыпляющие, отнимающие память (о питье).
Завйяла — подула.
Зазорко, зарко — завидно, досадно.
Займище — место, предназначенное для расчистки под пашню.
Заколодела — завалена колодьем, павшими деревьями; стала непроходимой.
Замуравела — заросла муравой (т. е. травой).
Запóлье, зáполя — дальнее поле или пашня, залежь.
Заработки — сделанное, представленное в очень больших размерах.
Зарудилось — окровавилось (от «руда» — кровь).
Заряжайдали (кости) — затрещали.
Засельщина — деревенщина, невежа.

За́тохоль — затхлый запах.
Затресье — часть водоема, поросшая травой, осокой.
Згодить — угодить, попасть.
Здынуть — то же, что вздынуть (см.).
Знадебка родимая — родинка, знак на теле.
Знаменуется — видится, показывается.
Зобать — жевать, есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.
Зябель — холод, стужа.

Издериха — будний женский головной убор, повойник.
Изменяться — быть неверным; «дружина не изменяется» — не нарушает верности, не уходит, не предает.
Изучение — поведение, учтивость.
Ископыть — след, яма от удара копытом; комья земли из-под копыт.
Исполать — хвала, слава; спасибо.
Источники, источенки — пояса разноцветные.

Каленая — закаленная.
Калика — паломник, странник; странствующий богатырь.
Камка — дорогая узорчатая ткань, цветная, с разводами.
Канун — мед, пиво, брага, сваренные к празднику; общий праздник.
Кармазинные — из ярко-алого сукна.
Кережка — северные оленьи или собачьи сани.
Кивер — военный головной убор.
Кисовая (кровать) — тесовая.
Кичига — верхняя (короткая) палка цепа.
Клепики — ножи.
Клюха — клюка, посох.
Княгиня обручёная — невеста, молодая в день брака.
Кодолы — канаты, цепи.
Кокошник — женский головной убор в виде округлого щита.
Ко́мени, комони — кони.
Комуха — лихорадка.
Корба́ — сырые низменные места под ельником, частый лес; трущоба.
Ко́ржинья — стояки, служившие основой носа или кормы судна.
Корзни́ — валежник; неровности (оба значения предположительные).
Короеты сливные — чесотка.
Косевчатое, косивчатое, косящатое и др. (окошко) — окно с косяками; постоянный эпитет, указывающий на добротность окна, сделанного из косяков, в отличие от волокового — маленького задвижного оконца.
Косицы — виски.
Кошка — якорь; каменная гряда на взморье.
Красенца, красна — деревенские холсты, простое полотно.
Крежик — овраг, обрыв.
Крековый, крякновистый, кряковистый и т. п. — кряжистый, с корявыми пнями; особо крепкий.
Крестовые братья — побратимы, в знак братства поменявшиеся нательными крестами.
Крусчатая — см.: хрущатая.
Кубоч, кубач — обмолоченный сноп.
Купав — красивый, чистый, белый, гордый.
Курева, куревка — пыль, дым.
Кут — угол в избе.
Куяк — старинные латы из кованых пластинок по сукну.

Летная (сторона) — южная.
Лисвёнки — ступени.
Ломливая — спесивая, чванная.
Луда, лудья — подводная россыпь камней, близко находящаяся к поверхности воды; мели.
Лучилося — случилось; оказалось.
Лясы — обманные речи, хитрости.

Мазовицы — возможно, маковицы.
Маломожный — бедный, недостаточный.
Матица — главная часть войска, середина, центр.
Меделянские (кобели) — порода собак: большеголовые, крупные.
Меженный (день) — летний, теплый; долгий.
Мелен — рукоять ручной мельницы; ручные жернова.
Мерная (верста) — старинная мера в 700 саженей; верста, содержащая полную, определенную меру.
Меть — конская пробежка, короткая скачь.
Мост — пол в избе, в тереме.
Мостово — пошлина за причаливание и проезд по мосту.
Мосты — мостовые на улице.
Муравая, муравленая, муравленка и т. п. (печь) — покрытая глазурью.
Мурзамецкое, мужемецкое — татарское, восточное (от «мурза» — татарский феодал).
Мучник, мушник — печеный яровой хлеб; ржаной пирог без начинки, лепешка.

Наволевалася — побыла на воле, нагулялась.
Наволок, наволочек — коса, низкий берег, вдающийся в море или в озеро.
Наволочная — покрытая пенкой.
Надзолушка, назола — досада, огорчение («надзолу дают» — досаждают, огорчают).
Назем — навоз.
Након — раз; один прием.
Накрутилася — переоделась, нарядилась.
Накрутить-намутить — набедокурить.
Наложить — надеть.
Налучище, налучье — чехол для лука, в котором помещаются и стрелы.
Наоко́л — вокруг («наокол скакал» — объезжал, ехал кругом).
Наперелуч — наперерез.
Напу́ск — натиск, нападение, наезд.
Нарочитая — значительная, отличная.
Нарочны (борцы) — специальные, посланные; отличные.
Насад — старинное гребное и парусное судно.
Насадочки — место на копье, где наконечник прикрепляется к древку.
Небылое — выдумка, ложь; «небыльные слова» — не соответствующие истине.
Недоладом, неладом — с яростью, сильно; неистово.
Нежилецкие (кони) — хилые, дряхлые.
Неприказываный — явившийся без приказа; не ожидающий чьих-то забот.
Неумильные — неразумные, неугодные, неприятные.
Нунчу, нунь — ныне, теперь.

Обгалчить — оговорить; «не обгалчат» — не оклевещут, не сглазят.
Обезвичить — изувечить, искалечить, обидеть.
О́бжи — оглобли у сохи.
Обирать — убирать, складывать.
Обло́чкана — расщеплена, разбита, обтрепана.
Обманслива — обманчивая, таящая обман, зло.
Ободверина — притолока или косяки у двери.
Оболокаться — одеваться.
Обостать — обступить.
Одинцовые (сукна) — вытканные из одних шерстяных ниток; темно-зеленые.
Окатистый — крутой, обрывистый.
Окольные (скамеечки) — вокруг столов.
Окрутиться — собраться.
Окушко — око, глаз.
Оловйна — хмельной напиток; гуща, осадок напитка.
Омешик — лемех.
Опальная (одежда) — возможно, дорожная, военная; надеваемая попавшими в опалу, в беду; худая, плохая.
Опричь, опришно — кроме, помимо.
Опружинки — возможно, подпруги.
Орать, оратай — пахать, пахарь.
Осек — забор, изгородь; огороженный участок, куда не допускался скот.
Ослышаться — не слушаться, не повиноваться; услышать.
Оставается — отстает.
Останное, в остатки — последнее, в последний раз.
Отперлись — отреклись, отказались.
Отстудили — обидели; вызвали неприязнь, ненависть.
Отчина — см.: вотчина.
Охапляли — обнимали, обхватывали.
Очестливый, очетливый — вежливый, воспитанный.

Па́бедье — время около полудня; полдник.
Падёра — буря с вихрем, с дождем, снегом; зимнее ненастье.
Падовая улица — идущая под уклон.
Панове, пановья — обычное в былинах название приближенных чужого царя, короля.
Паробок — младший товарищ, слуга, оруженосец богатыря.
Пельки — женские груди.
Переброжая — бродячая, шатающаяся.
Переладец — вероятно, то же, что гудок (см.).
Пересметить — пересчитать, учесть.
Перецки — персты, пальцы.
Печальное (платье) — траурное, черное.
Печатная (сажень) — казенная, мерная, в 3 аршина.
Пластина — половина разрубленного тела.
Пленйца — толпа.
Пленицы — узы, которыми связывались группы невольников; по ним — и название самих групп, уводимых в плен.
Плутивцо — поплавок.
Пляшиий, пляштый — жгучий.
Побасче — осанистее, щеголеватее (от «баской» со многими оттенками значений красоты, щегольства, изящества).
Победная (головушка) — горемычная, горькая.
Поверстались — поравнялись.

Поветерь, поветерье — попутный ветер; полный ветер.
Повыздынуть — поднять, вытащить.
Поглёзнула — поскользнулась.
Погудальцо — см.: гудок.
Подколенные (князья) — младшие.
Подлавечье — место под лавкой у стены.
Подселенна — вселенная.
Подчереза — вероятно: подчерев, подчеревье, т. е. подбрюшье.
Пожня — сенокосный луг; целина, залежь, подготавливаемая под пашню.
Покляпая, покляпова — кривая, изогнутая.
Положенье — пожертвование в пользу церкви или монастыря.
Полохаться — беспокоиться, пугаться.
Полсть — полость, кошма, подстилка.
Поляковать — ездить в поле ради воинских подвигов.
Поляница — богатырка; неизвестный богатырь; собират.: удальцы, богатыри.
Помитусились — покривились.
Понюгальцо — кнут.
Поперщик — противник.
Поприще — старая мера для определения пути, приравнивавшаяся к суточному переходу, около 20 верст.
Попурхивать — вспархивать.
Порататься — см.: ратиться.
Порато — очень, сильно; много.
Порный — сильный, крепкий, видный, возмужалый.
Порок — порука, залог, заклад.
Портище — одежда.
Поршни — кожаная обувь без голенищ.
Поспехи — доспехи, снаряжение.
Поспешнички — пособники, помощники.
Поторчины — торчащие колья, столбики.
Потружечки — подпруги.
Похабно — стыдно, гадко на душе.
Почелок — головной девичий убор в виде венца с лентами.
Правйльные — крайние перья особого вида в крыльях птиц.
Прежито — зажиточно.
Прелестные (слова) — соблазняющие, обольщающие.
Прешпехтивная — проспектная (от «проспект»).
Прибыточён — с прибылью, с удачей.
Приметса — обращает внимание (от «примечать»); «к речам не приметса» — отвергает, не принимает.
Присадочки — возможно, древки копий.
Присошечек — лопаточка у сохи для отворачивания земли.
Притка — беда, неожиданный несчастный случай, порча.
Прихватка — встречается в сочетании: «со прихваткою» — решительно.
Прицилина — см.: причалины.
Причалины — оконные петли; возможно, наличники.
Прогрязнуть — провалиться, обрушиться.
Прорезь — внутренний жир, сало.
Протаможить — пропускать через таможню, разрешать торговлю.
Прохлупался — промахнулся («разума прохлупался» — сглупил).
Пурхае — шевелится, копается, разгребает.
Пустынь, пустыня — келья, жилье отшельника; монастырь.
Путевья — сети.

Пядь — мера длины в четверть аршина.
Пясть — ладонь.
Пята — шип в гнезде, на котором ходит дверь («на пяту» — настежь), тупой конец стрелы, противоположный острию.

Раздернуть (шатер) — раскинуть, разбить.
Размáхнется — разложится.
Разрывчатый (лук) — тугой, упругий.
Раменье — лес.
Растолнутся — разойдутся.
Расторгнуть — растерзать, разорвать.
Раструбистые — широкие в подоле.
Ратиться, ратовать — воевать, драться.
Ратовищо — древко копья, бердыша или рогатины.
Ребьядая — видимо, рыбьядая; «ребьядая бесёдушка» — то же, что «беседа дорог рыбий зуб», т. е. скамейка из моржовой кости.
Ременчат стул — походный, складной, раскидной на ремнях.
Ретливое — ретивое, горячее.
Рогачик — рукоятка сохи.
Роет — бросает.
Росстань — распутье, перекресток дорог; собственно расходящиеся дороги, предмет выбора богатыря.
Рудо-желтая — красно-желтая, буро-желтая.
Рядобная (чара) — идущая по ряду, передаваемая строго по порядку; «нерядобная» — та, которой обнесли сидящего за столом.

Семья — жена или муж.
Середы (кирпичные) — полы; пол-середа — часть пола в избе, особо настланная; женская часть избы.
Сиверик — северный ветер.
Силышка — силки для ловли птиц.
Скачен — скатный, круглый, ровный, отборный.
Скима — схима, монашеский обет, особо строгий.
Скрянуться — двинуться; «не скрянется» — не двинется с места.
Скурлат — цветное сукно.
Сливнáя — сплошная.
Слонятся — слоняются, бродят.
Слега, сляга — бревно, перекладина.
Смáхнется — сложится.
Смекал — считал; смечать — считать.
Смерд — мужик, холоп, человек из черни.
Смета — счет, число, цена.
Снарядная (одежда) — нарядная, красивая.
Сокрутились — оделись, нарядились, переоделись.
Солóвая — светло-желтая.
Соломя — холм.
Сороковка — бочка, вмещающая сорок ведер.
Сорочинская — сарацинская, происходящая с Востока.
Спадсливый — склонный к чему-либо, подверженный чему-либо.
Спинаючи — возможно, спиной вперед.
Спичечка, спичка — деревянный гвоздь в стене, на который вешают платье.
Способная — попутная, удобная.
Спутьё — встреча; «на спутьё» — навстречу, по пути.
Ставится — становится.

Ставочка — вставочка, камешек в перстне.
Стамед — шерстяная ткань.
Станица — группа, толпа.
Становина, становица — нижняя половина женской рубахи.
Стегно — бедро.
Степь — спина у лошади; хребет конской шеи.
Столнутся — сойдутся.
Стольки, столько — только.
Стопка — вешалка.
Стоснулось — стало скучно, грустно (от «стоскнулось»).
Стравница — отравительница.
Струг — общее название столярного инструмента.
Стряпчие — служащие при князе.
Ступью́ — шагом, медленно.
Субой — водоворот или сильное встречное течение.
Сузём, сузёмочек — ширь, пространство; дремучий лес.
Сукрой — кусок, ломоть хлеба, отрезанный во всю ковригу.
Супротивная, супротивница — жена, невеста.
Сып, сыпь — доля в складчине, пай, вклад в братчину (см.).
Сыть — корм, еда.

Тати-подорожники — воры, грабители на дорогах.
Томный — усталый, утомленный.
Тонцы — музыкальные мотивы; «тонцы водить» — заниматься музыкой, исполнять определенную музыку.
Тоня — рыбная ловля; одна закидка невода; сеть.
Тощиться — оскудевать, уменьшаться; «не тощится» — не уменьшается.
Трубное (окно) — вероятно, раздвижное.
Трубчата (коса) — долгая.
Туес — берестяная кубышка с крышкой.
Туры — дикие быки; корзины, набиваемые землей, служили для прикрытия в укреплениях.

Уброси — оставь, прекрати.
Увалистая — волнистая, грядами, уступами.
Уветливо (слово) — убеждающее, ласковое, склоняющее к добру.
Удроба — робость, трусость (от «удробить»); «не с удробою» — не робея.
Укатистая — крутая, обрывистая.
Укидалась — согласилась, прельстилась.
Украина, украинка — окраина; пограничная область; дальняя земля.
Уланове, улановье — то же, что панове (см.).
Уносная (поветерь) — ветер от берега.
Упадка — страх, робость; «не с упадкою» — без страха.
Упалый — притаившийся; смелый (оба значения — предположительно).
Учёвствовать — чествовать, воздать честь.

Харчевнички — хозяева харчевни.
Хоботы — встречается в выражении: «хоботы метал по темным лесам» — кружил, плутал по лесам.
Храпы — путы, цепи, крюки.
Хрусчатая — с узорами; возможно также — шуршащая, хрустящая.
Хрящ — крупный песок, щебень.

Цапенка — царапина, ссадина.

Чебурак — тяжелая гиря на бурлацкой лямке.
Чембуры — повода, за которые привязывают коня.
Червчатая — червленая, багряная.
Черевоста — беременна.
Черкальское — черкасское, особо высокого качества.
Чернизина — черное пятно.
Черные мужички — из простонародья, тягловые.
Чёснула — скребла (от «чеснуть»).
Чингалище — большой нож, кинжал; ножны от кинжала.
Чумак — сиделец в кабаке.

Шалыга подорожная — дубина, плеть.
Шамахинская — из Шемахи (на Кавказе); эпитет, обозначающий восточное происхождение предмета и его высокое качество.
Шамшура, шемшура — род шапочки, надеваемой под платок замужними женщинами.
Шаньги — ватрушки, лепешки.
Шебур — домотканая грубая ткань, рабочая одежда из нее; сермяга, зипун.
Шесток — площадка перед русской печью, между устьем и топкой.
Шолом — холм; шлем.
Шорлопина — гора, скала, утес.
Шурмовать — разорять, ударять, бросать.

Щап — щеголь, франт; щапливый — нарядный, щегольской, изысканный.
Щапить — щеголять, красоваться.
Щелейки, щелья — горы на морском побережье; утесистые, гранитные берега.
Щеточки — часть ноги коня над сгибом копыта.

Ягодица — щека.
Яндома — яндова (ендова), посуда для питья, жбан.
Яровчаты (гусли́) — из явора, чинара; постоянный эпитет для гуслей.
Ярыжки — наемные работники, слуги.
Ячные (пива) — ячменные.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *С. 61.* Лубочная картинка «Илья Муромец и Соловей-разбойник» с прозаическим текстом из сказки об Илье Муромце. Источник: Русские народные картинки / Собрал и описал Д. А. Ровинский: Атлас. Спб., 1881. Т. 1.

2. *С. 87.* Лубочная картинка «Илья Муромец и Добрыня» с текстом из той же сказки. Источник — тот же.

3. *С. 96—97.* Нотная запись распева былины «Вольга и Микула» // «Этнографическое обозрение». 1894. № 4. Записано на фонограф от Ивана Трофимовича Рябинина в Москве в 1894 г. Нотировал А. С. Аренский.

4—19. *Между с. 224 и 225.*

Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин (1791—1885). С гравюры, воспроизведенной в изд.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Спб., 1873.

Сказитель Иван Герасимович Рябинин-Андреев (1873—1926). С портрета пастелью, исполненного Т. Скитской в 1921 г.

Сказитель Петр Иванович Рябинин-Андреев (1905—1953), сын предыдущего. С фотографии 1930-х гг.

Сказительница Мария Дмитриевна Кривополенова (1843—1924). С фотографии 1910-х гг.

Сказительница Настасья Степановна Богданова (1861—1937). С фотографии 1920—1930-х гг.

Собиратель-исследователь фольклора Павел Николаевич Рыбников (1831—1885). С дагерротипа 1860-х гг.

Собиратель-исследователь фольклора Анна Михайловна Астахова (1886—1971). С фотографии 1950-х — начала 1960-х гг.

Первый лист списка «Сборника Кирши Данилова» (первая пол. XVIII в.) с нотной строкой. Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Единоборство богатырей. Миниатюра из Лицевого летописного свода (вторая пол. XVI в.). Отдел письменных источников Гос. Исторического музея.

Князь посылает богатырей. Миниатюра из Лицевого летописного свода.

Богатырь и Змей. Миниатюра из Лицевого летописного свода.

И. П. Вакуров. Добрыня и Змей (1947). Панно. Холст. Масло. Гос. музей палехского искусства.

П. Д. Баженов. Василий Буслаев. Иллюстрация к изданию былин. Гос. музей палехского искусства.

Добрыня-сват (1936). Шкатулка из папье-маше. Гос. музей палехского искусства.

Дюк Степанович (1940). Шкатулка из папье-маше. Гос. музей палехского искусства.

В. Н. Смирнов. Садко (1960). Деревянная столешница. Фрагмент. Гос. музей палехского искусства.

20. *С. 256—257.* Карта-схема бытования былин на русском Севере в XIX—XX вв.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

БЫЛИНЫ

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ. ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ БОГАТЫРЕЙ КИЕВСКИХ

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

[1] Первая цифра указывает страницу основного текста, вторая *(курсивом)* — страницу примечаний. Звездочка перед названием былины означает, что к ней имеется материал в разделе «Приложение».

ЭПИЧЕСКОЕ СВАТОВСТВО

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

ЭПИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

СКОМОРОШИНЫ. ПАРОДИИ. НЕБЫЛИЦЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ

(ИЗ ДРУГИХ ВАРИАНТОВ И РЕДАКЦИЙ БЫЛИН)

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ.
ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ БОГАТЫРЕЙ КИЕВСКИХ

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

ЭПИЧЕСКОЕ СВАТОВСТВО

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

ЭПИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

СКОМОРОШИНЫ. ПАРОДИИ. НЕБЫЛИЦЫ

Былины: Сборник / Вступ. ст., сост., подгот.
Б 95 текстов и примеч. Б. Н. Путилова.— Л.: Сов. писатель, 1986.— 552 с., ил. 16 л. (Б-ка поэта. Большая серия).

В книге представлен свод классических былин, с большой полнотой знакомящий с художественным богатством русского народного эпоса. Материал издания сгруппирован в разделах: «Старшие богатыри. Первые подвиги богатырей Киевских», «Богатырские сражения», «Эпическое сватовство», «Новгородские герои», «Эпические состязания», «Скоморошины, пародии, небылицы». В «Приложении» помещены отрывки из других вариантов былин, позволяющие осознать историческую жизнь былин в многообразном воплощении одних и тех же сюжетов.

Б $\frac{4702000000-251}{083(02)-86}$ 424—86 ББК 84.Р1

БЫЛИНЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 552 стр.
План выпуска 1986 г. № 424
Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректоры *Е. Я. Лапинь и Е. А. Омельяненко*

ИБ № 5135

Сдано в набор 21.02.86. Подписано к печати 23.07.86. Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журн. импортная. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 29,82. Уч.-изд. л. 35,68. Тираж 50 000 экз. Заказ № 304. Цена 3 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.